Институт истории СССР АН СССР объявляет прием в аспирантуру:

I. С отрывом от производства

а) по специальности «История СССР» (07.00.02)

— Проблемы отечественной истории XIV — XVIII вв. — 1 место

— Проблемы отечественной истории XIX — начало XX в. — 1 место

— Общественно-политическая история СССР — 1 место

— Социально-экономические проблемы истории СССР — 1 место

б) по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» (07.00.09)

— Источниковедение отечественной истории — 1 место

II. Без отрыва от производства — 5 мест.

ПРИЕМ ДОКУМЕНТОВ ДО 31 ИЮЛЯ 1991 Г. ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.
НАЧАЛО ЭКЗАМЕНОВ 1 СЕНТЯБРЯ 1991 Г.
СПРАВКИ ПО АДРЕСУ: 117036 МОСКВА, УЛ. ДМ. УЛЬЯНОВА, 19, ОТДЕЛ АСПИРАНТУРЫ.
ТЕЛЕФОН 123-90-58.

4 р. 50 к. Индекс 70145

ISSN 0042—8779

ВИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7–8
91

Иностранные издания, поступившие в редакцию

DUKES P. *The Last Great Game: USA versus USSR, Events, Conjunctures, Structures.* Pinter Publishers. London, 1989, 210 p.

From Tsarism to the New Economic Policy. Continuity and Change in the Economy of the USSR. Ed. by R. W. Davies. Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham. Macmillan. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London, 1990, 417 p.

KOMLOS J. *Az Osztrák — Magyar Monarcnia mint közös piac. Ausztria-Magyarország gazdasági fejlödése a tizenkilencedik században.* Maecenas. Budapest, 1990, 364. old.

ORMOS M. *From Padua to the Trianon. 1918—1920.* Akadémiai kiadó. Budapest, 1990, 410. old.

GALL L. *Bürgertum in Deutschland.* Siedler Verlag. Berlin, 1989, 640 S.

GORZKA G. *Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiter-Klubs 1917—1929.* Berlin Verlag. Berlin, 1990, 553 S.

NERL ST. *Bauern unter Stalin. Die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930—1941.* Duncker und Humblot. Berlin, 1990, 512 S.

Proletariat und Bürgerliche Revolution (1830—1917). Herausgegeben von Manfred Kossok und Editha Kross. Akademie-Verlag. Berlin, 1990, 342 S.

Sowjetstern und Hackenkreuz 1938 bis 1941. Dokumente zu den deutsch-sowjetischen Beziehungen. Herausgegeben und eingeleitet von Kurt Pätzold und Günter Rosenfeld. Akademie-Verlag. Berlin, 1990, 349 S.

STROEV P. *Spiski ierarchov i nastojatelej monastyrej Rossijskija cerkvi.* Nachdruck herausgegeben und eingeleitet von Fedor B. Poljakov. Böhlau Verlag. Köln. Wien, 1990, 1056 col. + XXVI + X + 67 col.

Науковий конгресс у 1000-лиття Хрищення Руси — України. Збірник праць Ювілейного конгресу. Мюнхен, 1988/1989, 1002 с.

Український вильний унiверситет. Науковi записки. Ч. 13. Збірник Мовознавчої комiсiї Наукового конгресу в Тисячолиття Хрищення Руси — України. Мюнхен, 1988, 248 с.

NICOLAI G. M. *Russia bifronte. Da Pietro I a Caterina II attraverso la "Corruzione dei costumi in Russia" di Ščerbátov e il "Viaggio da Pietroburgo a Mosca" de Radiščev.* Bulzoni editore. Roma, 1990, 752 p.

The Socialist-Revolutionary Party After October 1917. Documents, annotated and with outline of the History of the Party during the Post-revolutionary Period by Marc Jansen. Stichting Beheer IISG. Amsterdam, 1989, 772 p.

KACZIŃSKA E. *Ludzie Ukarani. Więzienia i system kar w Królestwie Polskim.* Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, 1989, 588 p.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7-8/91 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

СООБЩЕНИЯ

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТЬИ

Советская американистика на перепутье: старые догмы и новые подходы

Н. Н. Болховитинов

Перестройка и гласность пробудили в нашей стране и во всем мире огромные надежды. Эти надежды, естественно, коснулись и историков, тем более что именно в их исследованиях можно было ожидать больших и скорых изменений. Историкам теперь не надо ссылаться на ограничения, трудности, цензуру и т. д. Никто уже не препятствует появлению серьезных, обстоятельных и правдивых работ. Но как обстоит дело реально, когда 6 лет перестройки уже прошли?

Как и во всей нашей исторической науке, в американистике произошли, конечно, известные изменения, некоторые организационные перестановки. Более академично звучат заголовки трудов советских американистов. В свое время чуть ли не непременным условием было употребление словосочетаний «буржуазная историография», «фальсификаторы истории», «американский империализм», «общий кризис капитализма», а теперь все чаще звучат такие термины, как «немарксистская историография», «современный капитализм» и т. п.[1]

Впрочем, в большинстве случаев авторы ограничивались чисто редакционной, косметической правкой, а основное же содержание работ сохранялось прежним. Традиционным остается, например, содержание коллективного труда «Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ» (М. 1989). В ортодоксальном духе написана вышедшая в 1990 г. книга «Американская федерация труда, 1919—1936». Начинается она со ссылки на XXVII съезд КПСС, который «поставил перед советскими обществоведами задачу глубокого изучения опыта международного рабочего движения» (без ссылки на такую оригинальную мысль обойтись было, по-видимому, нельзя) и заканчивается разделом «Коммунисты в авангарде движения за индустриальный юнионизм». Это лишь отдельные примеры, число которых можно было бы умножить.

Общими недостатками грешат и коллективные труды, включая и те, которые готовились Институтом всеобщей истории АН СССР и за которые я как сотрудник этого научного учреждения несу долю ответственности. Например, в последнем томе «Истории США», изданном в 1987 г., современное развитие этой страны характеризуется как «прямой диктат» монополистического капитала, «широкое наступление на экономические позиции трудящихся», внедрение «новых, все более изощренных методов и форм эксплуатации наемного труда»[2] и т. д. и т. п. Особенно катастрофическим в книге выглядит положение фермеров, доходы которых

Болховитинов Николай Николаевич — член-корреспондент АН СССР, профессор, заведующий отделом истории США и Канады Института всеобщей истории АН СССР.

снизились с 43 млрд. долл. в 1979 г. до 19 млрд. в 1982 году[3]. Читателю остается только недоумевать, как эти несчастные, постоянно разоряющиеся фермеры умудряются кормить не только население своей страны, но и добрую часть жителей Советского Союза. Не очень убедительны и высказывания о неизбежном конце «последней антагонистической общественно-экономической формации», повороте и выборе человечества «в пользу социализма», которые звучат с первых страниц Введения к тому же тому[4].

Мне уже приходилось писать о создании у советского читателя образа внешнего врага, который был нужен для того, чтобы держать страну в состоянии постоянного напряжения. Внешний враг был необходим для оправдания сильной власти, нехватки продуктов питания и жилья, огромных затрат на оборону страны. Достаточно взглянуть на библиографические указатели названий советских работ по истории США, чтобы представить масштабы антиамериканской пропаганды в СССР[5]. На протяжении многих лет самые влиятельные и способные американисты, включая политического обозревателя В. С. Зорина, историка Н. Н. Яковлева, писателя и публициста Г. А. Боровика, с присущим им умением и талантом представляли США и их руководителей как виновников чуть ли не всех бед человечества, врагов мира и прогресса.

Сколько слез пролили советские американисты по поводу положения безработных и бездомных в Соединенных Штатах! Изо дня в день на экранах советских телевизоров показывали душераздирающие картины жизни бездомных, особенно негров, индейцев, пуэрториканцев. Пугало безработицы, которое создавалось в Советском Союзе, имело мало общего с действительным положением трудящихся в США. До сих пор наш народ продолжают «стращать» этим пугалом. Безработица стала чуть ли не главным аргументом в пользу сохранения существующей у нас распределительной системы. С большим трудом мы начали наконец произносить слово «рынок», но и то лишь добавляя: «регулируемый», — что, по сути дела, отрицает самое его суть — свободу конкуренции.

Догматически понимаемый марксизм, жесткий классовый подход принесли большой вред нашей исторической науке. Это не значит, однако, что от классового анализа или теории формаций следует вообще отказаться. В своем распоряжении историк должен иметь разные методы и средства анализа — и новые и старые, и классовый анализ и общечеловеческие ценности, и цивилизационный подход и теорию формаций, и количественные и традиционные методы — все должно использоваться тогда, когда это необходимо. Как художник использует всю палитру красок, так и историк должен передавать все многообразие исторической действительности, а не употреблять только розовый или черный цвет.

Легко, конечно, поменять минусы на плюсы, и США со страниц советской печати и экранов стали теперь выглядеть чуть ли не как земля обетованная с молочными реками и кисельными берегами. Общая картина, однако, будет так же далека от действительности, как и в свете традиционного очернительства. И не случайно проф. Э. Фонер, обобщая свои наблюдения во время пребывания в МГУ в 1990 г., заметил, что в СССР возникает «новая история», — история, которая будит мысль и привлекает интерес читателей, но «история не менее «политизированная», чем старая»[6].

Очень хотелось бы, чтобы этот вывод в конечном итоге не оправдался. Уместно в этой связи напомнить, что у нашей американистики были и заслуги, о которых не следует забывать. Довольно успешно изучалось развитие капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Назовем хотя бы монографию А. В. Ефимова «К истории капитализма в США» (М. 1934), статьи Г. П. Куропятника об американском пути развития капитализма в сельском хозяйстве, а также диссертацию Б. М. Шпотова о промышленном перевороте в США[7].

На основе формационного подхода советские историки убедительно показали несостоятельность теории «американской исключительности», подвергли аргументированной критике концепцию «границы» Ф. Дж. Тернера и т. д. Еще в 1934 г. Ефимов показал, что развитие США в XVIII—XIX вв. шло в общем и целом в соответствии с законами капиталистической формации. В его работах, а в дальнейшем и в трудах других советских американистов подчеркивалось, что война США за независимость 1775—1783 гг. и Гражданская война 1861—1865 гг. в основе своей были буржуазными революциями, аналогичными тем, которые происходили в

Европе. Правда, при этом выяснилось, что в отличие от Европы, где в результате буржуазных революций XVII—XVIII вв. произошел переход от феодальной системы к капитализму, в Америке феодализма как господствующей системы никогда не существовало.

Война за независимость и Гражданская война были по своей сути не межформационными, а внутриформационными революциями, направленными не против феодальной системы как таковой, а лишь против ее отдельных сторон, против препятствий на пути свободного развития капитализма. Мысль о войне за независимость как о революции внутриформационной была высказана около 20 лет назад, и, хотя с тех пор никто не подвергал ее сомнению, широкого признания она так и не получила, и в учебниках все еще пишут о войне за независимость в первую очередь как о буржуазной революции, которая уничтожила феодальные порядки, ликвидировала колониальную зависимость страны и т. д.[8]

Если сильные стороны формационного подхода, во всяком случае, до XX в. проявлялись там, где надо было выделить общие процессы, то гораздо менее плодотворным оказался этот подход при выявлении и анализе особенностей исторического развития того или иного общества. Между тем всякому, кто занимался серьезным изучением развития США, очевидно, что американской истории присущи не только общие с Европой черты, но и коренные отличия. Если для европейской цивилизации в первую очередь характерны старинные замки и дворянские усадьбы, то цивилизация в Америке характеризуется прежде всего фермами, гостиницами и банками. И нам представляется в этой связи, что формационный принцип необходимо дополнить цивилизационным подходом, который освободил бы наших историков от набора ортодоксальных догм, которые стали затруднять анализ многих особенностей и качественных отличий развития стран Нового Света, в частности США, от истории европейских стран.

Следует учитывать, что американская цивилизация складывалась не только под воздействием Европы. Огромную роль в истории Нового Света сыграла доколумбова цивилизация индейцев. Важным компонентом цивилизации в Америке стали афро-американцы, а позднее и переселенцы из стран Азии. Соседство и взаимодействие различных культур способствовали формированию самобытных черт американской цивилизации, подчас лежавших за пределами привычных европейских традиций. Конечно, это взаимодействие не всегда было равноправным и гармоничным. Многие культурные традиции индейцев и негров оказались навсегда утраченными. В свою очередь коренные обитатели Америки и афро-американцы сопротивлялись культурной ассимиляции, стремились сохранить свои ритуалы, легенды, обычаи. Даже после приобщения к христианству и английскому языку чернокожие американцы сохранили связи с африканской культурой, что отчетливо просматривается в танцевальных ритмах и мелодиях. Очень показательно в этой связи, что неотъемлемой частью музыкальной культуры США стали джаз и мюзикл.

Изучать процессы взаимодействия и взаимопроникновения различных региональных цивилизаций особенно важно в настоящее время, когда усилились тенденции к формированию общемировой цивилизации. В этом случае сильные стороны цивилизационного подхода будут проявляться уже при анализе не особенностей, а общих черт складывающейся мировой цивилизации.

Большие перспективы для американистов открывают междисциплинарные и сравнительно-исторический методы. Известно, сколь плодотворным оказалось сравнительное изучение политической истории США и европейских стран, проведенное А. де Токвилем (Франция), Дж. Брайсом (Англия) и М. Я. Острогорским (Россия). Можно надеяться, что столь же успешными окажутся и исследования современных американистов — выходцев из Западной и Восточной Европы, а также СССР. В связи с этим, не претендуя на сколько-нибудь окончательные выводы, хотел бы остановиться на сравнительном анализе Американской и Французской революций[9].

Первое, что бросается в глаза, — это необычайная молодость тех, кто участвовал в этих революциях. Трудно представить, но в 1789 г. М. Робеспьеру исполнился только 31 год, Ж. Дантону было 29, П. Шометту — 28, Луи Сен-Жюсту — всего 22! Столь же молодыми оказались и лидеры Американской революции XVIII века. Когда Т. Джефферсон написал в 1776 г. Декларацию независимости, ему едва

исполнилось 33 года, Дж. Мэдисону было 26 лет, а А. Гамильтону и того меньше — всего 21! Даже многоопытному Дж. Вашингтону исполнилось в то время только 44 года, а Дж. Адамсу и того менее — 40. По нынешним меркам все они были еще молодыми, а некоторые — совсем юными. Тем не менее в своем большинстве они были прекрасно образованными людьми, воспитанными на идеях Просвещения. Более того, ко времени революции многие из них уже сами стали выдающимися просветителями.

На этом, правда, общность обрывается. Жизнь вождей Французской революции закончилась трагически. Никто из них не пережил революции. Судьба их американских коллег оказалась куда более счастливой. Все они встали у руля молодой республики и возглавляли правительство США на протяжении многих последующих десятилетий. По воле судьбы два основных автора Декларации независимости, два постоянных соперника и два будущих президента (Т. Джефферсон и Дж. Адамс) прожили долгую жизнь и умерли в один и тот же день — 4 июля 1826 г., то есть в 50-летний юбилей своего детища — Декларации независимости.

Если во Франции «патриции, — по выражению Р. Ф. Шатобриана, — начали революцию, а плебеи ее закончили», то в Америке «элита», начавшая революцию, сохранила власть до конца. Это не могло не способствовать росту личного влияния и авторитета признанных лидеров войны за независимость и «отцов-основателей» США — Вашингтона, Джефферсона, Адамса, Гамильтона, Мэдисона, Джея и др.

Советские историки уже проводили сравнение Американской и Французской революций и всякий раз, опираясь на известную оценку В. И. Ленина, приходили к заключению, что вклад и заслуги последней были неизмеримо более значительными[10]. Однако такая прямолинейная оценка нуждается в коррекции. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что по своим итогам Американская революция оказалась во многом более результативной и более последовательной. В отличие от Французской она на всем своем протяжении развивалась по восходящей линии и закончилась решительной победой восставших, что было достигнуто в результате активного участия народных масс в борьбе за независимость и свободу. Политическая активность народа не прекратилась и после официального завоевания независимости в 1783 г., в результате чего в стране окончательно победила республиканская идеология, прочно утвердился республиканский строй, а основанная на принципе разделения властей Конституция 1787 г. была дополнена биллем о правах.

В ходе революции в Северной Америке были уничтожены пережитки феодализма, конфискованы поместья лоялистов (около 100 тыс. лоялистов бежали за границу), образован фонд государственных земель, что создало прочную основу для развития сельского хозяйства по американскому (фермерскому) пути. Конечно, основные принципы, провозглашенные восставшими американцами, не были новы. Задолго до революции в Америке эти принципы были разработаны европейскими, прежде всего французскими, философами. Но если Европа впервые выдвинула идею Просвещения, то Америка воплотила их в жизнь[11].

По своему типу революция в Америке сравнима в первую очередь не с Великой французской революцией 1789—1799 гг., а, скорее, с революциями во Франции в XIX веке. Она была направлена не против всего старого порядка, которого в Америке в полном объеме никогда не существовало, а лишь против его элементов, «пережитков», против препятствий для свободного капиталистического развития, которые сохранялись или вновь насаждались британской короной.

Можно даже сказать, что Американская революция как революция внутриформационная по своему типу и характеру углубляла и развивала то, что не было решено межформационной революцией в Англии в середине XVII века. Причем к традиционной характеристике Английской революции XVII в. как революции европейского масштаба следует добавить и ее американский аспект, так как колонии Англии в Северной Америке, естественно, испытали прямое влияние революции в метрополии, а в ряде случаев пошли дальше.

Именно этим обстоятельством объясняется определенная консервативная тенденция в Американской революции, которая была присуща ей с самого начала. При этом речь идет не только и не столько о наличии в революционном движении в Америке консервативных групп и течений, не о том, что развитие революционных событий в США пошло по вигско-жирондистскому, а не якобинскому пути. Дело

прежде всего в консервативности некоторых целей восставших, которые боролись не только за свободу и независимость, не только за уничтожение пережитков феодализма и препятствий развитию капиталистических отношений, но и за сохранение и упрочение уже существовавшего в Америке строя, уже существовавших свобод и привилегий от посягательства британской короны и парламента.

Этим и объясняется исторический парадокс, почему консервативная революция в Северной Америке во многих вопросах пошла дальше радикальной революции во Франции, почему Т. Джефферсон смог изменить локковскую формулировку естественных прав (жизнь, свобода, собственность) на жизнь, свободу и «стремление к счастью». Такое изменение не было случайным. Известно, что когда позднее маркиз Лафайет познакомил Джефферсона с проектом французской Декларации прав человека и гражданина, то американец заключил слова «право на собственность» в скобки, предполагая тем самым исключить их из текста[12]. Разумеется, ни Джефферсон, ни другие американские революционеры никогда не выступали против собственности. Джефферсон лишь полагал, что собственность следует относить не к естественным, а к гражданским правам, то есть рассматривать ее как историческую категорию, которая зависит от воли общества и государства[13].

Я полагаю, вслед за Локком, что собственность все же следует отнести к естественным правам человека. Дело в том, что «жизнь, свобода и собственность» — понятия взаимосвязанные и в определенном смысле тождественные. Без собственности не может быть настоящей свободы, без свободы и собственности не может быть и настоящей жизни. Во всяком случае, советские люди могли в этом убедиться на своем горьком опыте. Американцы же убедились в этом на два века раньше. Борясь против Англии, колонисты боролись не только за свою свободу, но и за собственность. Только в обеспечении своего священного права собственности от посягательств Англии колонисты видели свою свободу. К сожалению, у нас до сих пор эту связь улавливают еще не все.

Поучительным представляется и сравнительный анализ политической системы в США и в нашей стране. Пожалуй, нигде в мире не произносилось столько восторженных слов по поводу существующей политической системы, как в СССР. Принятие каждой новой конституции (1918, 1924, 1936 и 1977 гг.) сопровождалось все более шумной пропагандистской кампанией, но на рубеже 90-х годов оказалось, что к созданию правового государства мы только начали приступать. На выборах 1989 г. советские люди впервые ощутили, что их голос что-то значит. И это несмотря на то, что во многих избирательных округах баллотировался лишь один кандидат, неугодные кандидаты отсеивались окружными комиссиями, а представители самого высшего эшелона власти проходили вообще без всякой конкуренции.

Многочисленные недостатки и ошибки в период избирательной кампании объяснялись тем, что мы только учимся демократии. Еще более удивительно, однако, что мы учимся демократии по какому-то странному учебнику — законам о выборах 1988 и 1989 гг., коренные изъяны которых очевидны. Создается впечатление, что мы заблудились в трех соснах и спорим о вопросах, которые во всех цивилизованных странах давно решены — в XIX, а то и в XVIII веке.

200 лет назад в США были приняты федеральная конституция и билль о правах, утверждавшие принципы разделения властей (законодательная, исполнительная и судебная) и заложившие основы правового государства. Конституция 1787 г. — это самая первая и самая старая конституция, с честью выдержавшая испытание временем и существующая с 26 поправками (включая 10 «первоначальных» — билль о правах) вплоть до наших дней. Она живет и действует так долго потому, что идеи Американской революции XVIII в., закрепленные в конституционных принципах, выражали не только и не столько интересы буржуазии, как об этом писали наши американисты, но в первую очередь общечеловеческие идеалы и правовые нормы. Закон, который служит узким интересам одного класса или правителя, имеет мало шансов стать долговечным. Не потому ли советская Конституция пересматривается так часто? И это тем более удивительно, что мы живем, казалось бы, в достаточно культурной стране, которая не стояла в стороне от развития мировой цивилизации и прогресса.

Русское общество, во всяком случае его образованная часть, всегда внимательно следило за развитием политических событий на Западе и, в частности, было знакомо с конституционной мыслью не только Европы, но и Америки. Вспомним,

что А. Н. Радищев ссылался даже на конституции отдельных штатов (Пенсильвании, Делавэра, Мэриленда, Виргинии), приводил специальные выдержки о свободе слова и печати: «Народ имеет право говорить, писать и обнародовать свои мнения; следовательно, свобода печатания не долженствует быть затрудняема» (конституция Пенсильвании 1776 г., ст. 12)[14].

Исключительно высоко оценивали зарубежный конституционный опыт и члены декабристских обществ. По словам С. Г. Волконского, «всегдашним разговором членов было, что американская конституция есть лучший образец для России». Много общего с конституцией 1787 г. имел, в частности, конституционный проект Никиты Муравьева. Всей полнотой законодательной власти было облечено Народное вече, состоявшее, подобно конгрессу США, из Верховной думы и Палаты представителей. И хотя во главе исполнительной власти, по конституции Н. Муравьева, стоял император, его прерогативы во многом напоминали права и обязанности президента, а текст присяги практически дословно повторял присягу президента США. Даже четыре «Приказа» (казначейство, сухопутных и морских сил, внешних сношений) соответствовали первоначальным американским департаментам[15].

Любопытно, что Александр I в первые годы своего царствования с большим уважением отзывался об американском народе, который «сумел самым достойным образом воспользоваться своей независимостью, дав себе свободную и мудрую конституцию, обеспечившую счастье всех вообще и каждого в отдельности»[16]. Не без поддержки Александра I в России в первые десятилетия XIX в. разрабатывались различные конституционные проекты и даже печатались конституции отдельных европейских государств. Еще в 1819 г. в «Духе журналов» можно было прочитать страстный призыв к владычеству законов, «равно обязательных для властей и для подвластных, при которых самовластие места иметь не может»[17]. В 1820 г. появилось документированное описание политического строя заокеанской республики в форме писем из Филадельфии, озаглавленных «Конституция Северо-Американских Соединенных областей», а также «Государственный календарь Американских Соединенных Штатов», в котором излагались данные о системе правления и общей структуре исполнительной, законодательной и судебной власти[18].

К сожалению, конституционные проекты так и не стали реальностью, а после восстания Семеновского полка в октябре 1820 г. в стране наступила полоса реакции. За публикацию материалов о конституционном развитии США «Дух журналов» был в конце 1820 г. закрыт, а очередной период гласности наступил лишь после окончания Крымской войны.

Хотя и с трагическим опозданием, эпоха реформ наступила в России в конце 1850-х — первой половине 1860-х годов. Наши историки в прошлом слишком много внимания уделяли критике и слишком мало писали о положительном опыте тех перемен, которые наступили в России в 60-е годы XIX века. Между тем достаточно вспомнить лишь о судебной реформе 1864 г., чтобы стало ясно огромное значение преобразований, осуществленных в то время в России. В основу новых судебных уставов были положены следующие важные начала: отделение суда от государственной власти, равенство всех перед законом, гласность и состязательность судебного процесса, несменяемость судей и, наконец, самое главное — создание суда присяжных и института присяжных поверенных (адвокатов). Начался недолгий «золотой век» российского судопроизводства, отмеченный в дальнейшем деятельностью таких прославленных юристов, как А. Ф. Кони, Ф. П. Плевако и многие другие.

Конечно, судебная реформа 1864 г. была далека от совершенства. Еще хуже обстояло дело с судебной практикой. И тем не менее именно судебные уставы 1864 г. заложили в России хотя бы некоторые основы правового государства. И остается только сожалеть, что декретом от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. эта судебная система была полностью упразднена. На протяжении многих десятилетий нам внушали, что суд присяжных — это буржуазный суд. Спрашивается, почему буржуазный? А если присяжными станут представители рабочих, служащих, крестьян, интеллигенции? Почему мы до сих пор упорно игнорируем не только мировую практику, но и не учитываем даже опыта собственной истории?

Хотелось бы надеяться, что ход обсуждения истории Американской революции и проблем формирования правового государства в США послужит не только

чисто научным целям, но будет способствовать развитию демократических тенденций в нашей стране.

Следует поговорить и о проблеме экспансии и ее роли во внешней политике США, тем более что этот вопрос находится в настоящее время в центре внимания в связи с подготовкой нового коллективного труда в Институте всеобщей истории АН СССР.

Как известно, проблеме экспансии США неизменно уделялось в СССР большое внимание, и это успело набить оскомину, вызвать определенное неприятие и даже протест. Рискну, однако, утверждать, что сама по себе постановка этой проблемы и выдвижение ее в центр внимания при анализе внешней политики США имели определенное основание и оказали влияние и на американскую историографию (я имею в виду в первую очередь У. А. Уильямса и его учеников)[19]. Еще в 50-е годы советские историки (к сожалению, с большими перекосами) писали о роли экспансии в американской внешней политике начиная с колониальных времен, о войнах с индейцами, присоединении Луизианы, Флориды, Техаса, Калифорнии. К сожалению, однако, даже в лучших работах недостаточно подчеркивалась сложность и противоречивость, двойственность процесса этой экспансии, сочетание идеализма (город на холме) с эгоизмом и т. д.

Между тем в экспансии США с самого начала просматривались две стороны — положительная (развитие производительных сил, распространение демократических институтов и принципов) и отрицательная (войны, захваты земель, истребление индейцев). Вполне справедливо М. С. Альперович обратил недавно внимание на замалчивание оценок войны США с Мексикой, которые в свое время давались К. Марксом и Ф. Энгельсом[20].

Известная односторонность в оценках не преодолена советскими американистами и сейчас, свидетельством чему могут служить макеты первых двух томов «Истории внешней политики и дипломатии США», подготовленные в Институте всеобщей истории АН СССР. Конечно, в тексте этих томов уже не встречаются грубые и односторонние характеристики, присущие прежним работам[21]. Но в них нет и по-настоящему новых, нетрадиционных идей, которые должны быть присущи новаторским работам. Ничего не говорится, например, о том, что необходимость присоединения новых земель, войны с индейцами с самого начала потребовали новых принципов организации американской армии. Каждый американский поселенец-мужчина был вооружен. Именно это содействовало успехам американских повстанцев в войне с сильнейшей мировой державой — Великобританией — во время войны за независимость.

Уже во время Американской революции XVIII в. утвердились новые принципы в области внешней политики и дипломатии — так называемая иррегулярная дипломатия, назначение дипломатических представителей без предварительного согласия принимающей стороны, обращение к общественному мнению через голову официального правительства (блестящий образец такой деятельности дал Б. Франклин, действовавший в Париже не только как дипломат, но и как представитель молодой американской науки и культуры). Скромный внешний облик Франклина, появлявшегося в блестящих парижских салонах в простом коричневом кафтане, с гладко причесанными волосами, а не в пудреном парике, как того требовала европейская мода, производил на современников незабываемое впечатление. Это был образец моральных правил и добродетелей, о которых он так ясно и красочно писал в своих сочинениях, и в частности в «Альманахе бедного Ричарда». Впечатление усиливалось совершенно необычной и даже исключительной судьбой великого американца, которая сама по себе символизировала превосходство скромности, таланта и труда над богатством, знатностью и праздностью. «Хотя по своему происхождению, — с гордостью писал Франклин в автобиографии, — я не был ни богат, ни знатен и первые мои годы прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью»[22].

Хотя советские историки всегда гордились тем, что подмечали глубокие социально-экономические причины, и связывали внешнюю политику с внутренней, они, к сожалению, явно недостаточно подчеркивали связь принципа свободы предпринимательства, индивидуализма в повседневной жизни американцев с изоляционизмом (или, точнее, со «свободой рук») во внешней политике, что нашло выражение еще в прокламации о нейтралитете (1793), прощальном послании

Вашингтона (1796), доктрине Монро (1823), политике «открытых дверей» в Китае и, наконец, вспышке изоляционизма после первой мировой войны.

Явно недостаточное внимание наши американисты обращали и на роль во внешней политике США новой техники и научных открытий. Между тем трудно переоценить роль в успехах внешнеторговой деятельности США новых быстроходных парусных судов (клипперов), винтовки «винчестер» или пистолета «кольт» в столкновениях с индейцами, войне с Мексикой, завоевании Запада. В еще большей степени это относится к роли ядерного оружия, авиации и новой техники во второй половине XX в.[23], что наглядно проявилось недавно в войне в Персидском заливе.

Мне уже приходилось писать о недостатках чисто дипломатического подхода, бесконечного перечисления того, что «один клерк писал другому». Международные отношения — это именно отношения между народами, история не только дипломатических, но и общественно-политических, торговых, научных и культурных связей[24]. При этом очень важно использовать не только американскую документацию, но и материалы других стран. Историю доктрины Монро нельзя понять без привлечения документов стран Латинской Америки, Великобритании, Испании, Франции и России. Изучение отношений США и России возможно только с учетом как русских, так и американских материалов, а также документов других европейских стран, в первую очередь Великобритании. Не случайно проф. Акира Ирайе в президентском обращении к Американской исторической ассоциации говорил об «интернационализации истории». В настоящее время все согласны, что «история — это космополитическая дисциплина», что исторические исследования не ограничиваются национальными горизонтами и границами[25].

Широкое видение американской истории в целом и особое внимание к «интернационализации» истории внешней политики США заняло в настоящее время центральное место на страницах ведущих научных журналов[26]. Большой резонанс получила, в частности, статья проф. К. Торна (Великобритания), который призвал американских историков широко использовать зарубежные архивные материалы и рассматривать внешнюю политику США только как часть целого[27]. Именно учитывая эти обстоятельства, мы стремились привлечь к написанию «Истории внешней политики и дипломатии США» не только специалистов по американской истории, но и специалистов, хорошо знакомых с материалами стран Западной Европы, Латинской Америки и, конечно, России.

Особо благоприятные условия в годы перестройки и гласности открылись для публикации трудов зарубежных авторов, работы советских американистов в иностранных архивах и библиотеках, а также для организации совместных исследований. Показательно, что в «Американском ежегоднике» стали регулярно печататься статьи американских авторов, а в центральных издательствах публикуются не только работы американских коммунистов, но и труды немарксистских историков. Наиболее перспективной формой сотрудничества могут стать совместные советско-американские труды, первым опытом которых стала фундаментальная публикация документов «Россия и США: становление отношений, 1765—1815», изданная одновременно в Москве и Вашингтоне.

В настоящее время издательство Университета штата Миссури начало публиковать под редакцией Е. Ф. Язькова и Р. Д. Маккинзи серию сборников (диалогов) по узловым проблемам истории США. Первый такой «диалог» посвящен «новому курсу»[28]. В нынешнем году должен выйти в свет сборник, посвященный Американской революции, в будущем — русско-американским отношениям и т. д. «Диалог» — очень нужное, полезное издание, которое вполне соответствует духу перестройки и нового мышления. Каждая статья сопровождается квалифицированным анализом компетентного специалиста и ответом автора. Жаль только, что большинство включенных в сборники работ советских авторов публиковалось 10, а то и 20 лет назад. В результате обсуждается в какой-то мере вчерашний день советской американистики[29]. В этой связи следовало бы подумать о публикации и другой серии коллективных трудов, которые включали бы новые оригинальные труды как советских, так и американских историков, отражающие новые тенденции и подходы в изучении истории США. Именно такой сборник Институт всеобщей истории АН СССР предполагает издать под названием «Новый взгляд на историю США», с учетом материалов международной конференции, состоявшейся в Москве в марте 1991 года.

Очень важным представляется и изменение самого характера участия советских историков в разного рода международных форумах. Таких встреч и ранее было много. Но в прошлом эти форумы напоминали разговор глухих. Советские историки выступали с заранее подготовленными докладами и мало прислушивались к аргументам другой стороны. Особенно удручало игнорирование фактической стороны дела.

В настоящее время положение начинает постепенно меняться. Советские американисты уже не боятся высказывать собственное мнение, хотя иной раз происходит и обратный процесс — излишний пиетет перед мнением иностранных коллег. К сожалению, самым отрицательным образом на положении дел в советской американистике сказывается отсутствие навыков и настоящей творческой исследовательской работы, традиционность мышления и методов исследования у многих историков как старшего, так и среднего поколения. У нас ведутся интересные дискуссии, печатаются острые публицистические статьи, но крайне редко появляются по-настоящему свежие фундаментальные исследования, проливающие новый свет на коренные проблемы истории США.

В целом у советской американистики имеются предпосылки для успешного развития. Прежде всего, это — отсутствие идеологического давления, гласность и свобода дискуссий. Традиционно сильная структура американистики, большое число квалифицированных специалистов, наличие сложившихся исследовательских центров, причем не только в Москве и Ленинграде, но и в Киеве, Томске, Одессе, Казани, также настраивают на оптимистический лад. Кроме того, в последние годы существенно пополнились американской литературой и источниками центральные библиотеки, а советские историки стали гораздо чаще посещать США и страны Западной Европы для работы в зарубежных научных центрах, архивах и библиотеках.

Примечания

1. Надо сказать, что даже эти косметические изменения произошли не сразу и не без борьбы, и во второй половине 1980-х годов все еще выходили книги под такими заголовками, как «Покровители агрессии», «Стратегия глобальной экспансии» и т. д. Удивительно «своевременным» оказался выход книги «Провал «стратегического эксперимента»: политика США в отношении Польши в 70—80-е годы». Она вышла в 1988 г., а уже в следующем году к власти в Польше пришло правительство Мазовецкого — Бальцеровича.
2. История США. В 4 тт. М. 1983—1987. Т. 4, с. 712.
3. Там же, с. 714. В тексте дается ссылка на журнал «Political Affairs», May 1985, p. 38. По официальным данным, стоимость продукции американских ферм увеличивалась (млрд. долл.): 17,5 (1960), 24,5 (1970), 61,4 (1980), 69,5 (1982) (см.: «World Almanac, 1984». N. Y., 1985, p. 152).
4. История США. Т. 4, с. 5, 6.
5. См., например: U. S. History and Historiography in the Post-War Soviet Writings, 1945—1970. A Bibliography. Santa Barbara, 1976 (указатель содержит 3669 библиографических записей, большинство которых тенденциозно уже по заглавиям).
6. FONER E. Restructuring Yesterday's News: The Russians Write a New History. — «Harper's Magazine», December 1990, p. 71.
7. ШПОТОВ Б. М. Промышленный переворот в США (конец 1800-х — начало 1860-х годов. М. 1990 (докт. дисс.).
8. См.: Новая история стран Европы и Америки. Первый период. М. 1986, с. 93.
9. См.: BOLKHOVITINOV N. N. La Révolution Française et la Révolution Americaine: expérience nouvelle d'une étude comparative. — In: L'Image de la Révolution Française. Vol. 2. P. 1989, pp. 1203—1207.
10. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 367; МАНФРЕД А. З. Великая французская революция. М. 1983, с. 407.
11. COMMAGER H. S. The Empire of Reason. N. Y., 1977.
12. The Papers of Thomas Jefferson. Vol. 1—15. Princeton, 1950. Vol. 15, pp. 230—233.
13. The Writings of Thomas Jefferson. Vol. 1—20. Washington, 1905. Vol. 13, p. 333.
14. РАДИЩЕВ А. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М. 1938, с. 346—347.
15. Восстание декабристов. Т. 1—13. М. 1925. Т. 4. с. 206; БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Русско-американские отношения. 1815—1832. М. 1975, с. 492—495.

16. Россия и США: становление отношений 1765—1815. М. 1980, с. 271.
17. «Дух журналов», 1819, ч. 32, кн. 1, с. 13.
18. Там же, 1820, ч. 38, кн. 2, с. 73—88; кн. 3, с. 97—116; кн. 4, с. 157—164; ч. 42, кн. 18, с. 175—187.
19. Redefining the Past: Essays in Diplomatic History in Honor of William Appleman Williams. Corvallis, 1986.
20. АЛЬПЕРОВИЧ М. С. Об освещении некоторых проблем истории Америки. — В кн.: Всеобщая история. Дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М. 1989, с. 91—92.
21. Как известно, долгое время в советской историографии давалась, например, «однозначная отрицательная оценка всей предвоенной политики США (равно как Великобритании и Франции, хотя их политика была оборонительной (даже излишне оборонительной)». Тем самым смазывалась качественная грань между западной демократией и фашизмом. Вместо раскрытия конфликта между демократической и тоталитарной системами война трактовалась «как проявление преимущественно антагонизма двух систем — социалистической и капиталистической» (подробнее см.: НАДЖАФОВ Д. Г. Нейтралитет США, 1935—1941. М. 1990, с. 3—11.
22. ФРАНКЛИН Б. Избранные произведения. М., 1956, с. 418.
23. Подробнее см.: LA FEBER W. The American Age: United States Foreign Policy at Home and Abroad since 1750. N. Y. 1989.
24. БОЛХОВИТИНОВ Н. Н. Указ. соч., с. 2—3.
25. IRIYE AKIRA. The Internationalization of History. — The American Historical Review, vol. 94, February 1989, № 1, pp. 1—10.
26. См.: Journal of American History, June 1990; Diplomatic History, Fall 1990, etc.
27. THORNE Ch. After the Europeans: American Designs for the Remaking of Southeast Asia. — Diplomatic History, vol. 12, Spring 1988; Writing the History of U. S. Foreign Relations. A Symposium. — Ibid., vol. 14, Fall 1990, № 4, pp. 553—605.
28. Soviet-American Dialogues on United States History. Vol. 1. Columbia. 1989.
29. Позволю себе в этой связи не вполне согласиться с критической рецензией, опубликованной недавно в «Journal of American History» (vol. 77, № 2, September 1990, pp. 719—720), принадлежащей перу У. Р. Брока (Кембриджский университет, Англия). Конечно, статьи советских американистов весьма уязвимы для критики. Термин «буржуазный» действительно лучше вообще исключить из научного словаря, а слову «монополия» должно быть возвращено его обычное значение. Но ведь именно этому и призван содействовать «Диалог» советских и американских историков. Знание работ друг друга естественным образом будет способствовать их взаимопониманию.

А. Т. Болотов — автор крестьянской энциклопедии

Л. В. Милов

В конце XVIII в. в России появилась интереснейшая книга[1], созданная специально для крестьян. В ней рассказывалось о том, как можно крестьянину достигнуть успехов в жизни и труде. Три части «Деревенского зеркала, или Общенародной книги» представляют собой что-то вроде энциклопедии крестьянской жизни. Правда, упор в ней сделан не на типичном, устоявшемся опыте работы, быта и т. п., хотя, несомненно, элемент этот есть, а на необходимых новациях и преобразованиях. Практически освещены все основные вопросы, связанные с улучшением земледелия, скотоводства, овощеводства, садоводства. Огромное внимание уделено домоводству, повседневной крестьянской жизни: гигиене, медицине (точнее, здравоохранению), питанию и даже нравственности и морали.

Важное отличие данной энциклопедии — сугубо популярная форма изложения материала. Многие сведения преподносятся в форме занимательных историй, сюжетная линия которых в ряде случаев проходит через несколько разделов. Следуя традициям классицизма, автор называет действующих лиц и места действия символическими именами. Главные персонажи — богатый помещик Велеслав, его управитель Правдинин, рачительный хозяин однодворец Кузьма Досужев, разумная и отменная хозяйка Маланья («какова Маланья — таковы и оладьи»), а также множество крестьян, задающих вопросы, вступающих в беседы друг с другом, делящихся своим опытом и т. д. Многим сценам присущи элементы сентиментальности, прямой назидательности (особенно при разоблачении пороков — пьянства, разврата и т. п.).

В основе «Деревенского зеркала» лежат идеи верности крепостных крестьян своим помещикам, а главное — предложена целая система мер, при условии реализации которых крестьянство должно достигнуть благополучия и расцвета. Есть все основания считать, что автор вслед за А. Н. Радищевым глубоко осознал, правда с крепостнических позиций, всю реальность кризисного состояния страны, и прежде всего крестьянского хозяйства.

Книга, обращенная непосредственно к крестьянству, — явление уникальное в литературе XVIII в. и заслуживает пристального внимания. Но, к сожалению, в историографии «Деревенскому зеркалу» не повезло. До сих пор был неизвестен даже автор этого оригинального сочинения.

Милов Леонид Васильевич — член-корреспондент АН СССР, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного университета.

Разумеется, в сочинении, созданном в духе классицизма и насыщенном символическими фамилиями, названиями сел, деревень и т. д., автор не должен был следовать каким-либо точным реалиям. Вместе с тем и совершенно оторваться от них было невозможно, и задача исследователя — найти следы таких реалий.

Наряду с изобразительными названиями сел и деревень (села Недоходово, Дремучево, Словутово, Спасибово, деревни Лентяево, Лежнево, Стоялово и др.)[2] в редчайших случаях в качестве неких оговорок в «Деревенском зеркале» встречаются и реальные топонимы. Например: «В одной волости, называемой Городищено, страдали некогда... лихорадкою, которая и прозвана была городищенскою лихорадкою»[3]. Видимо, речь идет о Городищенской волости, что располагалась в Тульской губ. непосредственно возле Тулы. Еще в XVII в. здесь был основан А. Виниусом один из тульских железоделательных заводов — Городищенский. В другом месте автор замечает, что «в одном году в Тульской губернии в разных округах по случаю весьма мочливого лета хлеб во многих местах... пророс»[4]. Далее, пропагандируя идею занятых паров и многополья, автор, в частности, привязывает обсуждение этой проблемы к некоему с. Спасибову. В ходе обсуждения крестьяне из соседнего села едут смотреть, «как это заведено у почтенных дворян Тульской губернии». Наконец, в «Деревенском зеркале» фигурирует эпизод, в котором «некоторой пожилой помещик, живущий в городе Богородицке Тульского наместничества, по прозванию Трудолюбов», вспоминает о принятой у древних жителей Испании и Африки практике строительства земляных домов и хозяйственных построек[5].

Таким образом, вполне возможен вывод, что автор сочинения — житель Тульской губернии. Поскольку автор «Деревенского зеркала» явно крупный специалист в области сельского хозяйства и домоводства и притом хорошо знающий и зарубежный (главным образом немецкий) опыт в этой области, то возникает предположение, что написать книгу могли такие жители Тульской губ., как В. А. Левшин и А. Т. Болотов. Оба известны как ученые, знатоки аграрной литературы, оба были практиками сельского хозяйства и, наконец, опытными литераторами, каждому из них принадлежит изрядное количество трудов, начиная с ученых по сельскому хозяйству и кончая чисто литературными сочинениями (вплоть до комедий).

Впрочем, против В. А. Левшина как возможного автора «Деревенского зеркала» есть возражения. Он родился в 1746 г. и, следовательно, не мог быть участником Семилетней войны (1756—1763). Между тем главное действующее лицо «Деревенского зеркала», некто Правдинин, — участник этой войны, и, возможно, это отражение реальности. Автор представляет Правдинина как отставного капитана, «который в Семилетнюю с пруссаками войну в походах довольно пошатался и по многим в Померании, Бранденбурге и Шлезии деревням и местечкам насмотрелся тамошнего земледелия, скотоводства и хозяйства». А. Т. Болотов же действительно участвовал в Семилетней войне. Правда, всю войну он служил и воевал лишь в одном из регионов — в Пруссии, но определенное сходство с судьбой Правдинина тут несомненно. Кроме того, в «Деревенском зеркале» Правдинин вспоминает и о своей жизни именно в Пруссии («живши в Прусской земле, замечал я, как растят солода»)[6]. Более того, Болотов до Семилетней войны служил в Лифляндии, да к тому же и жил там еще мальчиком у отца — армейского офицера[7]. Служил в Лифляндии и Правдинин («Случилось во время моей службы в Лифляндии стоять с ротою солдат»).

Сходство судеб главного персонажа «Деревенского зеркала» и Болотова прослеживается и далее. Правдинин после ранения уходит в отставку в чине капитана и оказывается на службе товарищем воеводы. Болотов уже в Пруссии был отозван из полка в Кёнигсберг, где стал служить переводчиком у военного губернатора Пруссии Н. А. Корфа (тоже своего рода «воеводы»). У обоих начальников есть даже некоторое сходство характеров. Воевода Правдинина «по прихотям своим тяжебным дела ломал, как чурки, и товарища ставил в ничто»[8]. О Корфе Болотов вспоминает: «Что касается до дел, принадлежащих до правления, а особливо письменных, то к оным по непривычке своей был он весьма неспособен... Теперь, когда я сие пишу, идет мне уже 60-й год моей жизни, и я в течении сих лет хотя многих людей видывал, но не случилось мне еще ни одного видеть и найтить ему подобного и такого, который бы так много к гневу и к бранчливости был склонен, как сей человек... Я... тысячу раз тужил о том, что попал ему под команду»[9].

Как уже говорилось, Правдинин в «Деревенском зеркале» уходит в отставку капитаном. Болотов после службы в Пруссии был отозван к Корфу в Петербург, где последний стал генерал-полицмейстером столицы, а Болотов у него — флигель-адъютантом, но вскоре вышел в отставку капитаном[10].

В «Деревенском зеркале» Правдинина, отставного бедного капитана, живущего в Москве, приглашает на должность управителя имения богатый и знатный помещик Велеслав Честанов сын. Болотов, уйдя в отставку и поселившись в с. Двоpенинове Алексинского уезда Тульской губ., через несколько лет был приглашен управителем в дворцовую Киясовскую волость, которую Екатерина II незадолго до этого купила за 120 тыс. рублей[11]. Велеслав назначает управителю «навсегда сверх домашних выгод нужды его столько рублей, сколько в году дней»[12], Болотову назначен был примерно такой же годовой оклад: 400 руб. — да сверх того дано было право использовать казенных лошадей и еще полагалась «хлебная дача». Все эти дополнения, видимо, и есть «домашние выгоды нужды».

В Киясовской волости Болотов провел «почти полтретья года»[13]. Правдинин пробыл у Велеслава в должности управителя примерно тот же срок. При отъезде Велеслав, вернувшийся из длительной поездки, говорит ему: «В три года сделал ты больше, нежели другой в 10 лет успеть может»[14], то есть буквального совпадения сроков службы как будто нет. Однако в ряде других мест «Деревенского зеркала» фигурирует и другой срок работы Правдинина: «Года в два сделал он из ленивых прилежными, из непослушных повинующимися, из грубых учтивыми, из пьяниц трезвыми»; «года с два как живет он в нашем селе и научил нас добру»[15]. Конечно, Болотов провел в должности управителя дворцовых волостей Тульской губ. гораздо большее время. После недолгого пребывания в Киясовке его переводят в Богородицк, и там он служит с конца 1776 по 1796 год.

Однако дело в том, что, создавая «Деревенское зеркало», Болотов в основу сюжета книги взял именно свое короткое пребывание в Киясовке. То, что в «Деревенском зеркале» отразилась именно Киясовская волость, доказать почти невозможно, хотя, скажем, можно увидеть в с. Сытном, фигурирующем в «Деревенском зеркале», реальное с. Ситня Киясовской волости. С меньшей уверенностью можно говорить, что с. Спасибово — отражение реального названия с. Спасского.

Против авторства Левшина свидетельствует следующая существенная подробность: резко выраженная неприязнь автора «Деревенского зеркала» к охоте, в частности к псовой. А ведь Левшин был знатоком охоты. Он создал специальное руководство по охоте, вышедшее двумя изданиями[16]. Автор «Деревенского зеркала» недолюбливал не только псовую охоту, но и многих охотников. Сюжет «Общенародной книги» начинается со сцены смерти богатейшего и знатного дворянина Честана по прозвищу Малоум. Основной его порок — охота, поглощавшая все силы души этого барина. Характеризуя его крайне отрицательно, автор замечает: «Не охота сама по себе порочна, но злоупотребление оной. Несколько сотен свор, вскружив голову помещика, кружили головы и у тех сотней крестьян, кои к ним дятьками приставлены были... Что нужды Малоуму, что земля того села... лежала впусте, без призрения и возделывания!.. Малоум имел всегдашнее удовольствие слышать лай и вой собак своих, рыскать с ними по полям и рощам и тем тщеславиться пред... соседними помещиками»[17].

Управителя дворцовых волостей Болотова судьба также частенько сводила с такими безумцами-охотниками. Одним из них долгое время был начальник Болотова по дворцовым имениям Тульской губ. князь С. С. Гагарин, каждый год наезжавший в Богородицк для псовой охоты. Надменный, вспыльчивый, грубый, он срывал неудачи в охоте на подчиненных. «Было уже 23 сентября, и мы, — пишет Болотов в своих мемуарах, — встречали его (Гагарина. — *Л. М.*) не как благодетеля и любимого нами начальника, с спокойным и радостным духом, но как некакого змея или страшного медведя и с духом весьма смущенным и боялись, чтоб он уже при самой встрече не опрокинулся на нас по своему бешеному нраву». Поскольку «князь по безпредельной страсти своей к звериной ловле не восхотел и сего дня потерять,.. то молили и просили мы Бога, чтоб ему попалося тут на глаза несколько зайцев, дабы он тем сколько-нибудь был утешен, ибо ведали, что в противном случае неудачею он всего легче мог взбешен быть».

После одной из охотничьих неудач Гагарин обрушил свой гнев на Болотова: «Князь не успел войтить в комнаты, как и опрокинулся на меня, как лютейший

зверь, и не только заорал во все горло, изливая на меня свой княжеский гнев, но и начал даже оскорблять... Я оцепенел даже от изумления... и не знал... чем заслужил от сего молодого барыча такой гнев, какого не можно было ожидать и от самого государя»[18].

В «Деревенском зеркале» страсть Малоума к охоте привела к тому, что он «лишился чрез псовую охоту левого своего глаза», и это не остановило его. В одной из следующих псовых охот «снова в кустах лошадь его сбросила». Израненный, он сломал руку, вывихнул ногу, что и привело его в конце концов на смертный одр[19]. Сходная ситуация в реальной жизни была известна Болотову. Младший брат его зятя Шишкова погиб, по словам Болотова, «от собственной дурости», покалечив себя на охоте. «Будучи очень еще молодым человеком, — пишет Болотов, — подвержен был он двум бедственным страстям: игранию в карты и к псовой охоте. А как он, сверх того, очень страдал грыжею... то медики и все родные советовали ему колико можно от псовой охоты воздержаться. Но страсть его к тому была так велика, что он никак не хотел советам сим следовать, и... во время езды на охоте грыжа его выступила из недр с таким усилием, что привезли его почти замертво домой... и он принужден был в самых цветущих летах разстаться с жизнью»[20].

Если учесть, что гибель родственника произошла осенью 1795 г., то есть незадолго до момента создания трехтомной «Общенародной книги», то вполне вероятно, что под влиянием ее и родился один из эпизодов жизни Малоума. К тому же добавим, что в своих записках Болотов обронил весьма откровенное замечание: «Ненавидел я сию (псовую. — *Л. М.*) охоту»[21].

Многие иные детали также говорят в пользу авторства Болотова. В частности, в книге вступление в должность управляющего Правдинина было ознаменовано своего рода «тронной речью» перед крестьянами. Болотов в своей жизни проделал это дважды: в с. Киясовке и в г. Богородицке. О Богородицке Болотов пишет: «Я проговорил наперед полюбовную речь со всеми старостами так, как сделал то при вступлении своего в управление Киясовской волостью, увещевал всех, чтоб жили хорошо и порядочно, исполняли бы все повелеваемое и удерживались бы от всего худого»[22]. В «Деревенском зеркале» речь управителя, который читал «письменный вид» Велеслава, дополнена еще и увещеванием священника[23]. Больше того, в книге помещена иллюстрация: совместное выступление управителя Правдинина и священника.

Текст «Деревенского зеркала» вообще щедро сопровожден рисунками, тесно связанными с тем или иным сюжетом книги. Среди них много широкоизвестных в литературе (но до настоящего времени анонимных) иллюстраций, многократно помещаемых в научных, учебных и популярных изданиях. Особенно широко известен рисунок с титула первой части «Деревенского зеркала». Причем часто издатели, несмотря на изображение фигуры управителя дворцового села в форменной одежде, именуют его: «Помещик на жатве»[24]. Между тем иллюстрация эта, явно гравированная по рисунку Болотова, несет следы реального пребывания автора в Киясовке. В частности, в общий фон рисунка входят два здания, из которых левое, двухэтажное, очень напоминает господский дом в Киясовке, где временно жил поначалу сам Болотов, а второе здание — небольшой дом из пяти комнат, в котором он обитал впоследствии. Убедиться в сходстве этих домов позволяют и изображения, рисованные Болотовым для своих мемуаров и гравированные Л. А. Серяковым.

В действительности дом Болотова с прирубленной к нему сзади конторой стоял «в некотором от прежнего господского дома отдалении», за прудом, а на рисунке в «Деревенском зеркале» они условно поставлены рядом, хотя налицо приметы явного сходства с их прототипами. Возможно, Болотов рисовал их по памяти (вскоре после приезда в Киясовку господский дом был разобран)[25]. И на другом рисунке Болотова, там, где священник и управитель при своем вступлении в должность увещевают крестьян, также фигурирует здание, очень похожее на господский дом в Киясовке[26]. Рисунки эти, конечно, принадлежат самому Болотову. Хорошо известно, что он был прекрасным рисовальщиком и живописцем, смолоду увлекался этим и всю жизнь повышал свое мастерство[27].

Многим главам «Деревенского зеркала» предпосланы стихотворные эпиграфы, впрочем оставляющие с точки зрения мастерства желать лучшего. Так, первая глава первой части, где по сюжету умирает богатый Малоум-Честан, имеет следующий «эпиграф»: «Живущий в младости роскошно, невоздержно, под старость чувствует болезни неизбежно. Иль преждевременно живот кончает свой, влача свой грех в могилу за собой»[28].

Упражнения автора «Общенародной книги» в стихосложении отнюдь не исключают предположения о Болотове как создателе «Деревенского зеркала». Правда, в своих воспоминаниях он пишет: «Некоторые маленькие опыты сплетения стихов, предпринимаемые мною в молодые мои лета, и чувствуемое всегда великое затруднение в приискании рифм доказывали мне природную мою к тому неспособность». Однако в 90-е годы XVIII в. Болотов стал ощущать «превеликую охоту к стихотворству»[29]. Страницы воспоминаний за этот период вплоть до 1795 г. имеют немало выдержек из его стихов[30]. Таким образом, нет ничего неожиданного в том, что нехитрые стихи «Деревенского зеркала» сочинены самим Болотовым[31].

В пользу авторства Болотова свидетельствуют и другие увлечения персонажей «Деревенского зеркала». Среди них важнейшее — интерес к медицине, и в частности к лечению травами. В «Экономическом магазине» Болотов дал обширную систематическую подборку сведений о лечебных травах, их свойствах и о новейших рецептурах. А в мемуарах о жизни в Киясовке он пишет: «Заохотило меня не только их (травы. — *Л. М.*) собирать, сушить и заготовлять впрок, но заготовлять из них разные порошки, крошевы и настойки... И велел я себе накупить множество разной величины стклянок, пузырьков, баночек, точеных деревянных стомушек и прочаго». Сразу же по вступлении в должность в Киясовке «не преминул я, — пишет Болотов, — при первых сходах всем крестьянам объявить, что у меня есть казенные лекарства и чтоб все страждущие какими-нибудь болезнями ко мне являлись и что я их охотно и безденежно лекарствами, какие есть, снабжать буду». Среди крестьян Болотов имел славу лекаря[32].

В «Деревенском зеркале» высказаны абсолютно те же идеи: «Кому же свойственнее и приличнее быть таким врачом, как не сим особам (помещику или священнику. — *Л. М.*); и кому ж лучше болящему крестьянину себя не поверить, как не господину и как не духовному целителю души и тела? И так, доколе своеземные доктора и лекари русачки поприумножаться... попечительные помещики, читая лечебники и перенимая друг от друга слышанные действительные способы, сами себя, дворовых людей и крестьян лечат».

В книге фигурирует некто Сердоболов, устроивший у себя в селе Помогалове деревенскую больницу. Описано ее устройство, описана и сельская аптека, перечислены необходимые лекарства и травы. Правдинин, имея в селе лекарей, обучил «дворовых женок» в Москве профессии повивальных бабок. В основе знаний Сердоболова — лечебник Хр. Пекена и домашняя путевая аптека Р. фон Розенштайна (на немецком языке)[33]. Многочисленные медицинские советы, рекомендации по гигиене содержатся в разделах, посвященных крестьянскому быту. В «Экономическом магазине» Болотов опубликовал очерк «О устроении человеческого тела»[34], а во второй части «Деревенского зеркала» (гл. 62) дано краткое популярное его изложение «О мудром устроении тела».

Среди примеров удачного лечения автор «Деревенского зеркала» приводит удивительный случай. «У некоторого помещика в Каширской деревне (напомним, что Киясовка находилась в 60 верстах от Москвы по Каширской дороге недалеко от Каширы. — *Л. М.*) взрослой малец Фарафошка пил из лужи и проглотил лягушек». Лекарь, не зная о том, но учитывая характер жалоб больного, дал ему рвотное, и у мальца в конце концов выскочили три маленькие лягушки[35]. Болотов сам наблюдал нечто подобное в 1773 г. в Киясовке. Молодая баба жаловалась, что сосед ее испортил: «Произвел в животе ее что-то ползущее и производящее внутри ровно как несносное кусанье». После месяца размышлений и опытов лечения волостной лекарь в конце концов «отважился наконец дать ей наудачу рвотное» (корень ипекакуаны). В итоге в таз упало нечто такое, что поразило лекаря: «кусок сей... как нечто живое двигался». Живой, подвижный тончайший пузырь при прикосновении к нему «треснул и обнаружил... превеликую живую лягушку»[36]. Поразительное сходство этих сюжетов также является аргументом в пользу того, что автором «Деревенского зеркала» является именно Болотов.

В «Общенародной книге» Правдинин выступает знатоком такого явления, как электрический ток. Он спасает от громового удара любимого хлебопашца Сидора

Еремеича. Он объясняет крестьянам суть явления в самой популярной форме: «Большой кусок сургуча, серы горючей, смолы или стекла, также и очень высохшее дерево, когда будет натерт, еще сильнее к себе притягивает. И когда к нему в это время прикоснешься пальцем, выскочит из него с треском огненная искра»[37].

Между тем и Болотов проявлял живейший интерес к этому явлению. В «Экономическом магазине» немало его статей об «електрической силе»[38]. Причем объяснения сути явления очень сходны с тем, что дано в «Деревенском зеркале». Больше того, Правдинин объясняет крестьянам, что «это свойство узнали через особливые махины, которыя называются махинами электрическими». «Когда я получу из Москвы такую махину, — говорит он, — то увидите много чудных явлений, которыя этою махиною пред глазами вашими производить буду»[39]. В мемуарах же Болотов неоднократно упоминает об электрических машинах, о желании писать о них «или уведомить о том публику чрез Экономическое общество». Он ставил лечебные опыты с электрической машиной. Одно время Болотов задумывал сделать такую машину, а в дальнейшем проводил сеансы лечения электричеством[40].

Для сходства интересов Болотова и персонажей «Деревенского зеркала» характерен следующий пример. В 1781 г. Болотов помещает в «Экономическом магазине» заметку «О том, как возвращать жизнь замерзлым людям (из сочинений иностранных)». В основе небывалого для той поры метода лежит положение: холод из замерзшего вытянуть может только холод же. В качестве примера приводится замерзшее яблоко, которое нужно положить в холодную со льдом воду, и минут через 15 оно будет совершенно свежим. Замерзшего человека ни в коем случае нельзя вносить в теплое помещение. Рекомендуется положить его «в холодное жилье» на слой снега толщиной на две ладони, снять всю одежду и «насыпать толсто сверху снега», плотно прижав его. Шею и голову тоже покрыть снегом, оставив лишь глаза и рот. При появлении в теле «теплоты», «а в членах движения» необходимо переложить тело в несколько более теплую воду. Потом обтирать «несколько нагретыми платками». И только после этого положить в «излегка нагретую» постель, однако «в нетопленом покое». Постепенно, с величайшей осторожностью повышать степень «наружной теплоты». Массаж продолжать, а если нет дыхания, возможно и принудительное вентилирование легких (вдувать ртом воздух в ноздри или в рот пострадавшего), массаж грудной клетки и т. д. Пришедшему в себя давать бузинный чай или чай с лимонной коркой, мелиссой и т. д. Дают нюхать также хрен, лук, нашатырь и т. д.[41]

В одной из глав «Деревенского зеркала» излагается именно этот способ спасения замерзших, причем совпадает буквально все, начиная со снежной постели «в два кулака толщиной» и кончая бузинным чаем. Приведен даже пример с замерзшим яблоком. Разница лишь в том, что в «Общенародной книге» все это дано как сцена из «крестьянской жизни». Нашелся знаток этого метода спасения — управительский писец и одновременно цирюльник, некто Тарас, «в таких делах смышленой»[42]. Когда «окостенелого мертвеца с надворья в теплую избу нести хотели»: «Стой! закричал он! Бога ради, стой! Вы его уморите, буде он еще жив. И так, оттолкнув людей, сам вскорости в сенцах разложил снегу в два кулака вышиною. Тогда велел он раздеть донага». Далее все излагается в том же порядке, как в статье из «Экономического магазина».

Разумеется, из журнала этот материал мог взять и использовать любой другой автор. Да и сам Болотов для «Деревенского зеркала» пользовался не только своими материалами. Но в данном случае этот пример органически включается в контекст целой серии свидетельств, твердо обосновывающих авторство Болотова.

Таким образом, можно утверждать, что перед нами сочинение выдающегося русского ученого-агронома, которое позволяет резко раздвинуть рамки наших представлений прежде всего о социальных взглядах Болотова[43]. Три томика «Деревенского зеркала, или Общенародной книги» позволяют судить, в частности, и о том, как он мыслил себе улучшение крестьянского (а не помещичьего, о чем мы знали до сих пор) хозяйства.

Решение завершить период управительской деятельности в дворцовых имениях созданием книги, в которой он смог бы в какой-то мере обобщить опыт своей многолетней работы с крестьянством, видимо, приходится именно на 1796—1797 гг., когда Болотов ушел в почетную отставку. К этому его толкала и явная неудовлетворенность своей деятельностью по пропаганде передового сельскохозяйственного опыта среди поместного дворянства. Подводя итоги своему десятилетнему подвижническому труду по созданию «Экономического магазина», Болотов писал: «Опытность столь многих лет доказала, что публика наша наполнена была еще невежеством и не умела и не привыкла еще ценить труды людей и отечество совсем было неблагодарное», «лучшею наградою... было для меня собственное сознание, что я трудился не в пустом, а в полезном... деле».

Подлинный патриотизм выдающегося ученого вдохновляет его обратиться в конце концов непосредственно к крестьянству. Это была, в сущности, последняя литературная попытка Болотова способствовать улучшению земледелия и скотоводства в России («усердие патриотическое к общей пользе возродилось вновь»)[44].

Как уже говорилось, автор «Деревенского зеркала» убежденный сторонник крепостного строя. В этой книге богатый, умный и, можно думать, прогрессивный помещик Велеслав Честанович первым долгом «очистил дом от порочных наемников». Сторонник экономного домоводства, он «всех своих крепостных излишних служителей превратил без обиды и огорчения в полезных художников и рукодельников, доставая им нужных учителей», он же «уничтожил многостоящую псовую охоту и людей, служивших собачкам, возвратил земледелию»[45]. При плохом управлении поместьем все разваливается, как это было при отце Велеслава, Честане (Малоуме). Не случайно главный герой Болотова — управитель, а не сам помещик.

Грамотному, профессиональному управлению хозяйством автор придавал огромное значение, считая, что помещики, как правило, отнюдь не лучшие хозяйственники. В мемуарах он, в частности, довольно трезво размышляет о печальной участи основной массы дворян-помещиков: «Роскоши и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведет то, что большая часть наших сел и деревень принадлежать будут фабрикантам, купцам, подъячим, секретарям, докторам и лекарям и не мы, а они господами и владельцами будут»[46].

В «Деревенском зеркале» Велеслав хотел «совершенно преобразовать дух своих крестьян и вместо непокорливых, ленивых и развратных людей сделать их послушными властям и начальствам, прилежными, добрыми и честными крестьянами»[47].

Крепостнические взгляды Болотова хорошо известны по его мемуарам. Он, вступая в должность в с. Киясовке, сразу стал «железной рукой» наводить порядок. Двое крестьян, например, воровали муку, и один из них был пойман. Для того чтобы узнать, кто был сообщником, Болотов подверг пойманного жесточайшей порке («и чем и чем я его уже не сек», устроив наконец «третичное жесточайшее истязание»). Дело кончилось тем, что пытаемого поместили в жарко натопленную баню, давая в пищу одну лишь соленую рыбу и лишая его питья до тех пор, пока он в конце концов не выдал настоящего сообщника. В заключение их обоих раздели донага, вымазали в дегте и провели в таком виде по всей деревне[48].

Со временем Болотов, видимо, стал мягче, однако долго еще оставался сторонником воспитания кнутом и розгой. Вот, например, путевые наблюдения Болотова, сделанные во время поездки в его владения под Шацком. Проезжая с. Лысые Горы, что возле Раненбурга, где жило около 4 тыс. однодворцев, он замечает: «Все домы в них крыты дранью. Жители все вольные, никакой работы господской не отправляющие, владеющие многими тысячами десятин». Однако село основано не по плану, нет строгих улиц. «Там двор, здесь другой, инде дворов пять в куче, инде десяток. Те туда глядят, сии сюда, иной назад, другой наперед, иной боком, иной исковерканный стоит... Дворы их истинно грех и назвать дворами. Обнесены кой-каким плетником, и нет ни одного почти сарайчика, ни одной клетки». Вывод Болотова однозначен: «Хлеба стоит у вас скирдов целыя тысячи, а живете вы так худо, так бедно, так безпорядочно... Некому вас перепороть, чтоб вы были умнее и строились и жили бы порядочно»[49].

Лишь в 90-е годы XVIII в., будучи в пожилом возрасте, Болотов начинает проявлять сочувствие к простому люду. Чаще эти мотивы звучат в его поэтических произведениях[50]. А в «Деревенском зеркале» он уже твердо заявляет, что «деревенские жители суть такие же человеки, как и в городах граждане... Они имеют иногда догадки, какия и гражданину на ум не вспадут... Недостает им только лучшего вос-

питания, просвещения, сведения и познания обращать в употребления те полезныя вещи, которые уже выдуманы... Примеры здравого понятия, остроты и разума премудрою природою как боярину, так и крестьянину неисповедимым нам путем с рождением уделяемыя, доказывают сельские их доспехи»[51].

В 90-е годы XVIII в. Болотов выступает, хотя и анонимно, за создание условий для улучшения жизни крестьян. В «Общенародной книге» он резко возражает против злоупотреблений богатеев-крестьян по отношению к своим бедным соседям. Правдинин начинает с подушного уравнения наделов: «По мере семейств уравнил он между ними пашни и луга и на селян-богачей, порабощавших оскудалых собратий, наложил узду, удерживающую их от наглых притяжений». Далее Правдинин «завел по селам школы для обучения грамотных крестьянских детей, учредил общия хлебныя запасницы для нужной помощи, сараи с разными сбруями и хлебопашенными орудиями, которыя зажиточным крестьянам отпускал за настоящую цену, а бедным — безденежно, доколе могут впредь заплатить»[52]. Он даже стал строить для крестьян просторные прочные избы на сухом возвышенном месте «стройно в ряд, а не закоулками», ввел моду на крыши «из глиняных гонтин» (черепицы)[53].

Болотов впервые в литературе XVIII — начала XIX в. выдвинул и развил идею государственной политики попечительства, которая в широком масштабе была реализована именно в дворцовой деревне (а потом и в государственной), но лишь со второй половины 20-х — середины 30-х годов XIX в., когда кризис крепостничества вступал в свою завершающую стадию[54].

Он предложил систему материальных поощрений за прогрессивные, на его взгляд, достижения крестьян. Прежде всего, это — владение навыками чтения и счета. Велеслав в «Деревенском зеркале» устанавливает ежегодную награду священнику за каждых десять парней, обученных грамоте, — 100 руб., за 3 года — 300 руб., учителям за 10 парней, выучивших арифметику, также 100 руб., а самим парням — «Святцы», хозяйственная книга и нарядный кафтан с парой обуви. За знание наизусть главных молитв и 10 заповедей полагалось каждому по новому платью. За согласие между мужем и женой и успехи в хозяйстве — 25 рублей. Также 25 руб. выдавалось крестьянину, который впал в разорение, но затем сумел восстановить свое хозяйство. Особая награда — 10 руб. — крестьянину, достигшему успехов в хлебопашестве и домоводстве.

За внедрение картофеля в качестве полевой культуры — награда в 20 руб., за наибольшее число ульев — 20 руб., за хмелевый огород — 20 руб.; крестьянину, скосившему (а следовательно, посеявшему) наибольшее количество клевера (дятловины) и других кормовых трав, — 10 руб., за сбор 30 пудов крапивы — 3 рубля. Крестьянской хозяйке за лучшее домоводство, скотоводство и птицеводство Велеслав назначил 20 руб., да в придачу лучшую корову, две овцы, по две пары гусей, уток и кур. А незамужней крестьянке полагался еще к свадьбе полный подвенечный наряд. Награды назначались и за умение печь хлебы, делать квас, за опрятность и чистоту. Поощрялись и промысловые занятия: молодому парню, например, за вязание чулок была награда в 5 рублей[55]. Практика таких поощрений сохранялась не только в 20—50-х годах XIX в., но и после реформы 1861 года.

Как ученый-агроном Болотов, создавая крестьянскую экономическую энциклопедию, оказался в очень сложном положении, поскольку основные направления развития сельского хозяйства обычно связывал все же с «боярским» (помещичьим) хозяйством. Как, например, могли крестьяне в условиях чересполосицы и малоземелья реализовать идею семипольного севооборота, которая предполагала комбинацию трехполья с запуском четырех других полей в перелог? В свое время эта новация была удостоена медали Вольного экономического общества, но сам Болотов полагал уже в 1778 г., что «без согласия соседей нет никакой возможности четырех полей делать», а для степных мест она вообще непригодна[56]. Таким образом, даже для помещиков внедрение новой, экономически более рациональной системы севооборота было не вполне реально.

Применительно же к крестьянскому хозяйству Болотов в «Деревенском зеркале» даже и не ставит о ней вопрос. Здесь он по-иному пытается выйти за рамки трехполья (пар, озимь, ярь). В «Деревенском зеркале» преуспевающий однодворец Кузьма Досужев ведет образцовое хозяйство, активно практикует посевы дятловины (клевера), применяет различные варианты многополья, и в частности семипольный севооборот: 1) пар, 2) озимая пшеница, 3) ячмень с красной дятловиной, 4) дятловина с ячменем, 5) дятловина на сено, 6) рожь, 7) овес; или восьмипольный севооборот: 1) пар, 2) репное семя, 3) озимая пшеница, 4) горох, капуста или репа и т. п., 5) ячмень или яровая пшеница с дятловиной, 6) дятловина, 7) рожь, 8) овес. Дятловину в ячменном поле Болотов рекомендует сеять, когда уже засеян и запахан ячмень или когда он уже вышел «в палец». После жатвы ячменя клевер отрастет и годится и на сено, и на зелень. Кроме дятловины, автор «Общенародной книги» советует сеять также люцерну и эспарцет (петуший гребень)[57].

Болотов отдает себе отчет в том, что крестьянам крайне трудно применить многопольный севооборот. С многопольем ничего не выйдет, пишет он, «если крестьяне целого селения единодушно не согласятся отменить старой обычай... Всего же невозможнее — в разнобоярщине и чересполосном владении».

Самый сильный аргумент в устах Болотова в пользу многополья с травосеянием: «Чтоб скотина не мерла, когда луга закажут (под сенокос. — *Л. М.*), а паровой клин (на котором позже паслась скотина. — *Л. М.*) вспашут». Эта действительно страшная по своей безысходности ситуация стала в конце XVIII в. преобладающей прежде всего в пределах старого Черноземного центра. Здесь от ранней пастьбы на молодой траве лугов оголодавшие коровы «получают понос и приходят еще в большее безсилие». Когда же травы «уматереют» и могут давать «прочное питание», тут бы коровам и «оправиться», но, увы, приходит время «заказывать» луга, готовить их к сенокосу. Остается возможность лишь меньше месяца использовать зеленый корм на пару, а когда его вспашут, «тогда повергнуться оне совершенному голоду до самого августа, пока луга скосят и сожнут рожь». «От самого же этова, — горестно заключает автор «Деревенского зеркала», — порода коров у нас худая, малорослая и слабая... и лучшее время годовое голодуют».

Выход из этого кризисного состояния крестьянского хозяйства Болотов видит не только в многополье с травосеянием, но и в одновременном переходе к стойловому содержанию скота за счет дятловины и иных кормовых трав (1 дес. дятловины, например, заменяет 3—4 дес. обычного покоса)[58]. Автор рекомендует крестьянину сначала отвести под дятловину одну треть конопляника, то есть на усадебной земле, и засеять ее или дятловиной с ячменем, или «луцерной». Это обеспечит стойловое содержание в течение года двух коров (на корм и сено). Но это всего лишь полумера, и дальше Болотов уже кривит душой. Ведь весь расчет его только на то, что крестьяне-соседи сразу последуют хорошему примеру и все селение перейдет на многополье, травосеяние и стойловое содержание скота! В «Деревенском зеркале» воодушевленные этим примером крестьяне с. Спасибова едут смотреть образцы передовых способов ведения хозяйства к «почтенным дворянам» Тульской губернии[59]. Увы! На деле все было иначе...

Болотов убежден, что система многополья и травосеяния резко повысит уровень скотоводства, увеличит количество навоза и тогда появится возможность применять его значительно больше не только в полеводстве, но и в огородничестве, что позволит крестьянину разорвать узкий круг обычных огородных культур (капуста, репа, свекла, огурцы, морковь). Получая теперь их в полном достатке, «для перемены естве (еды. — *Л. М.*) и приправы оных» он может отныне «садить лук, чеснок, горох, бобы простые и турецкие, сеять петрушку, пусторнак, кервель, брюкву земляную и сверх земляную (кольраби. — *Л. М.*) и разныя капусты»[60]. Таким образом сильный импульс получило бы и огородничество.

В «Деревенском зеркале» уделено немало внимания и луговодству. Болотов исходит из того, что идет повсеместное истощение луговых земель: «Трава растет на земле, а земля...истощится, точно как пашня выпашется и добрых трав выращать будет не в силах». Поэтому запущенные луговины сплошь поросли звонцом, чемеркой и мхом («У нас на Руси луга приходят в истощение... от того, что об них нимало не пекутся»). Луга надо унавозить (на 1 дес. 50 возов, и это немного), собирать травяную труху и сеять семена трав. Среди рекомендаций есть и полив навозной жижей, рассыпание золы, алебастра, рухляка-мергеля и т. п. В итоге урожаи трав могут возрасти с 20 до 100 возов с 1 десятины (примерно с 200 до 300 ц).

Но и эта идея разбивается о суровую реальность. В «Деревенском зеркале» крестьяне с. Недоходова так объясняют невозможность этой практики: «Мы каждое лето делим их (луга. — *Л. М.*) по жребию, потому что тяглы прибывают и убывают, к тому ж на ином лугу... хорошо, а на другом худо». И автор вынужден

принять их доводы: «Конечно, не можно вам согласиться удобрять луга общие общими силами, потому что не одной матки детки: иной рад трудиться, другой ленив, третий упрям, а тот безтолков и сочтет удобрения лугов за вздор». Столь же трудновыполнима была и идея периодической вспашки лугов под хлеб[61].

Словно чувствуя это, Болотов идет даже на советы отнюдь не новаторского характера, а всего лишь пропагандирующие опыт отдельных регионов. Вот, например, один из них: «Можно... в подспорье сену сеять «ивановскую рожь», взяв для того обыкновенную рожь, в конце июня. Когда на четверть аршина вырастет, скоси ее на корм, а осенью еще раз. От сего ржаная жатва (будущего года. — *Л. М.*) не будет хуже». Более интересен совет сеять травы на паровом клину («осенными семенами или смесью ячменя, гороха или сочевицы») на зеленый корм в июне — июле[62].

Подробны и весьма интересны изложенные в «Деревенском зеркале» с максимальной простотой советы по обработке почвы, унавоживанию, севу, по возделыванию картофеля, льна, хмеля, дятловины. Причем Болотов не только основывается на зарубежной литературе и личном опыте, но и учитывает достижения агрикультуры и агротехники в России XVIII века.

Много внимания уделяется автором пропаганде новых земледельческих орудий и разного рода приспособлений, на каждое из которых дана иллюстрация, выполненная по его рисункам. Это, в частности, так называемая мекленбургская косуля, рассчитанная на воловью парную тягу и имеющая плотную скользящую по грунту подошву. Это тяжелая борона в виде массивной рамы формы усеченного треугольника, снабженная по периметру огромными толстыми железными гвоздьями-зубьями (вариант так называемого глыбодроба). Кузьма Досужев наряду с этими орудиями демонстрирует и грохот с подножкою, и льняной подсевальник, и гипсовую мельницу, и каменную мельницу, и сечку для обрезания колосьев, и луговой скобель, и луговую соху, и мялку для льна и т. д.[63]

В основу экономической стратегии крестьянского хозяйства Болотов ставил все-таки корма для скотоводства. Среди «крестьянских правил» Кузьмы Досужева главное гласило: «Итак, когда хочешь разбогатеть, начинай хозяйство свое тем, чтоб завести для скотов своих много добраго корма... После того заводи больше скотины и... еще больше корма».

Однако к этому ведет долгий путь жесточайшей экономии: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут свыше приходов». Досужев «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупнова, сам с детьми не носил ни нитки, кроме напряденова и вытканова ево женою и дочерьми». Его девиз: 1. «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею»; 2. «Тонкое сукно не лучше греет сермяги»; 3. «Наработавшись, столько ж сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Вместе с тем рациональный путь развития крестьянского хозяйства — не путь натурализации: «Домоводство без денег стоять не может, и для тово надобно хозяину деньги в запас копить», «Умной расход приносит больше, нежели безрассудная скупость», «Не купи, чего хочется, покупай, без чево обойтиться нельзя», «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Береги денежку про черный день» и т. д.[64]

Перспективы каждой семьи Болотов связывает с ее трудовыми ресурсами: «Дети у крестьянина богатство. Ково Бог благословил детьми — будет богат. Но смолоду приучай их к трудам, чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки... Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту — после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Нормальным рабочим днем крестьянина Болотов считал 12—14 часов в любое время года: «Работник должен летом вставать поутру в 4 часа и итти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в вечеру в 8 часов — ужинать. После можно еще что-нибудь поделать до 9 часов, а потом ложиться спать. Таким образом можно зимою и летом поступать особливо, когда есть работа»[65]. С точки зрения питания этот распорядок для огромного числа крестьян, недостижимый идеал (особенно в Нечерноземье, где ели, как правило, лишь дважды в день). Что касается затрат труда, то здесь они, может, и меньше реальных в горячую пору сельскохозяйственных работ.

Итак, корма, скот, рабочие руки и трудовое усердие, жесткая экономия, разумный расход денег — вот, по Болотову, залог успеха. В условиях крепостной России

с ее надельным землевладением основную ставку он делает на максимум вложения в надел «капитала»: «Не поле кормит — нива. Не тот богат, у ково много земли, тот, чья земля приносит больше урожая... Чтоб малое дело земли урожало много хлеба — надобно пашню много унавоживать... Удобряй десятину за десятиной лучшим навозом и не оставляй ни бороздки земли лежать в праздности» и т. д.

И все-таки Болотов вынужден признать неизбежность скупки и аренды земель: «Когда подрастут дети твои и счет работников в семье прибавиться, старайся земельки прокупить или по способности принанимать в годы столько, сколько своими работниками обнять можешь; навозь ее, хотя она и чужая: труды не пропадут»[66]. Итак, богатей, укрупняй хозяйство, но строго по числу трудовых рук! О найме в «Деревенском зеркале» — ни слова! А ведь сама логика развития крестьянского хозяйства объективно и неизбежно вела к использованию посторонней рабочей силы...

Вот тут и видна непоследовательность позиции Болотова. Как экономист-аграрник, он понимает тормозящую роль феодальной системы землевладения в ее помещичьем и даже в общинном вариантах. Возможно, он считает, что экономический и социальный прогресс лежит на пути развития индивидуального крестьянского хозяйства, на пути не только имущественной, но и социальной дифференциации крестьянства, приводит массу агротехнических и хозяйственных способов ускорения именно этого процесса. Но в то же время он не доводит свои рассуждения до конца, останавливается на полпути, стремясь все-таки сохранить крепостное право, рекомендуя одновременно целую систему мер политики «обновления», попечительства, имевшего целью вывод крепостничества из начавшегося кризиса, отмеченного задавленностью и нищетой народных масс.

Поэтому главное внимание Болотов сосредоточивает лишь на ближайших средствах выхода из того кризисного положения, в которое зашло крестьянское хозяйство к концу XVIII века. В другой своей работе он, подводя своего рода итог екатерининской эпохи, уточняет свое понимание этого кризиса: «Крестьянство... едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»[67].

«Деревенское зеркало» было последним актом энергичной, самоотверженной деятельности Болотова на ниве просвещения. Отход от нее мог быть продиктован его общим разочарованием в ходе событий, косностью дворян, безнадежностью положения крестьян, да и подписка на «Общенародную книгу» оказалась невелика, а из крестьян ее заказали лишь жители нескольких волостей Вятского края. После «Деревенского зеркала» Болотов целиком сосредоточивается на создании своих воспоминаний («Жизни и приключений»). Правда, долгие годы он еще работает, но лишь как ученый-агроном...

Примечания

1. Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять (далее — ДЗ). Чч. I—III. СПб. 1798—1799.
2. ДЗ, ч. I, с. 45, 47, 56, 199; ч. II, с. 121, 129, 198.
3. ДЗ, ч. III, с. 54.
4. ДЗ, ч. I, с. 39—40, 151.
5. ДЗ, ч. II, с. 261.
6. ДЗ, ч. I, с. 4, 288.
7. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1795 гг. (далее — БОЛОТОВ А. Т. Записки). В 4-х тт. СПб. 1871—1873. Т. I, с. 34, 45, 332, 339, 371, 376, 378, 390 и др.
8. ДЗ, ч. I, с. 31—32, 273.
9. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. I, с. 751—754.
10. Там же. Т. II, с. 260.
11. Там же. Т. III. с. 414.
12. ДЗ, ч. I, с. 33.
13. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 365, 602.

14. ДЗ, ч. III, с. 207.
15. ДЗ, ч. I, с. 34, 223.
16. ЛЕВШИН В. А. Совершенный егерь, или Знания о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте. В 3-х ч. СПб. 1779; ЕГО ЖЕ. Совершенный егерь, стрелок и псовый охотник. СПб. 1791.
17. ДЗ, ч. I, с. 6—7.
18. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 964—965, 976.
19. ДЗ, ч. I, с. 7—8.
20. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. IV, с. 1295.
21. Там же. Т. II, с. 639.
22. Там же. Т. III, с. 627.
23. ДЗ, ч. I, с. 27.
24. См., напр., Из неизданного литературного наследия Болотова. В кн.: Литературное наследство. Т. 9—10. М. 1933, с. 175, 177 и др.; Очерки истории СССР. Период феодализма. М., 1956, с. 55. При Екатерине II управление дворцовыми волостями было передано в руки местных государственных учреждений. Поэтому управитель, находясь на государственной службе, носил форменную одежду. Так было при жизни Болотова в Киясовке и Богородицке. Таким он и изображал управителя на рисунках «Деревенского зеркала», забыв, между прочим, что по сюжету его книги действие происходит в простом помещичьем имении.
25. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 427, 461, 483.
26. ДЗ, ч. I, с. 27.
27. Искусству рисования и живописной технике много уделял он внимания в своих статьях в «Экономическом магазине» (далее — ЭМ), 1780, ч. II, с. 25; ч. IV, с. 124; 1781, ч. VII, с. 182; 1784, ч. XVIII, с. 332, 369; 1785, ч. XXII, с. 209, 331, 353, 385.
28. ДЗ, ч. I, с. 1.
29. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. IV, с. 850, 1091.
30 Там же, с. 825, 850, 1039, 1209—1210 и др.
31. Вот один из типичнейших эпиграфов к IX главе: «Как у меня есть двор, да пашенка и луг, / Да добра женушка, овца, лошадка и коровушка для собственных услуг. / Так будем счастливы мы общими трудами, / И наживать добра рачения плодами» (ДЗ, ч. I, с. 77).
32. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 456, 506.
33. ДЗ, ч. III, с. 83, 84.
34. ЭМ, 1784, ч. XVII, с. 65, 81.
35. ДЗ, ч. III, с. 122.
36. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 706, 708. В своей заметке об этом случае, помещенной в «Экономическом магазине» (ч. XXXVII, с. 146), Болотов предположил, что головастик мог попасть при питье воды из лужи.
37. ДЗ, ч. III, с. 4.
38. ЭМ, 1780, ч. III, с. 273; ч. IV, с. 321; 1781, ч. VII, с. 241, 401; ч. VIII, с. 369.
39. ДЗ, ч. III, с. 3, 6, 273—276.
40. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. IV, с. 869, 934, 1028. В «Деревенском зеркале» повторяются очень многие материалы «Экономического магазина» (или даются аналогичные им), начиная с приемов обработки пашни, способов удобрения почвы и кончая разного рода мелочами. В частности, заметка «О репном семени», опубликованная в 24-й части «Экономического магазина» (1785, с. 263—264) с замечанием, что за рубежом из семени давят масло «для лампад», совпадает с назиданием в «Деревенском зеркале» о том, что в немецких землях не жгут лучин, вредных для здоровья, а сеют в яровом поле репное семя «для ночников» (ДЗ, ч. II, с. 103).
41. ЭМ, 1781, ч. VIII, с. 17—25.
42. ДЗ, ч. III, с. 130—134.
43. Наиболее полный перечень работ Болотова см.: Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833). М. 1984, а также: БЕРДЫШЕВ А. П. Андрей Тимофеевич Болотов. 1738—1988. М. 1988; ЛЮБЧЕНКО О. Н. Андрей Тимофеевич Болотов. Тула. 1988; ГЛАГОЛЕВА О. Е. Болотов — ученый, писатель, энциклопедист. — «Вопросы истории», 1988, № 11.
44. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. IV, с. 586, 906.
45. ДЗ, ч. I, с. 15.
46. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. IV, с. 967.
47. ДЗ, ч. I, с. 18.
48. БОЛОТОВ А. Т. Записки. Т. III, с. 474, 475, 745—746.
49. Там же, с. 78, 79.
50. Там же. Т. IV, с. 1210.
51. ДЗ, ч. II, с. 62, 63.

52. ДЗ, ч. I, с. 32, 33.
53. ДЗ, ч. II, с. 13—14.
54. В реализации этой политики в удельной деревне ведущую роль сыграли Л. А. Перовский и князь П. М. Волконский (см. ГОРЛАНОВ Л. Р. Удельные крестьяне России (1797—1865 гг.). Автореф. докт. дисс. М., 1988, с. 27—28).
55. ДЗ, ч. I, с. 20—23.
56. Сельский житель, 1778, л. 18, с. 16; л. 8, с. 5.
57. ДЗ, ч. I, с. 89, 114, 124—125. Вполне возможно, что Болотов здесь корректирует свои взгляды под влиянием критики. И. И. Комов, в частности, писал: «Вместо того чтобы оставить поле 3 года в пустоте, держать его время сие в траве», «лучше под овощем, нежели в пареине сделать можно...» (см. КОМОВ И. И. О земледелии. М. 1788, с. 210—211). Свой вариант семиполья Болотов предложил под влиянием Комова, хотя он и не был буквальным повторением комовских севооборотов, разработанных на основе английского опыта.
58. ДЗ, ч. I, с. 128—130, 134, 140.
59. Там же, с. 148—150.
60. ДЗ, ч. II, с. 66.
61. ДЗ, ч. I, с. 47, 49—52, 74, 126.
62. ДЗ, ч. II, с. 180.
63. ДЗ, ч. I, гл. 16—23.
64. Там же, с. 80, 81, 153, 154.
65. ДЗ, ч. II, с. 118—119.
66. ДЗ, ч. I, с. 80, 81.
67. Из неизданного литературного наследия Болотова, с. 175.

Индонезия: путч, которого не было?

А. Ю. Другов

В ночь на 1 октября 1965 г. в столице Индонезии произошли события, которые продолжают привлекать внимание историков, политологов и политиков. Причин для этого несколько. Осень 1965 г. стала переломным моментом в развитии пятой по численности населения страны мира. Социально-политические потрясения, начавшиеся в ту ночь, унесли жизни по крайней мере полумиллиона и стоили свободы не менее чем полутора миллионам индонезийцев. Содержание, предпосылки и направленность этого перелома, инструменты его осуществления представляют и общеисторический и политический интерес.

Именно потому, что события 1965 г. коснулись судеб не только индонезийской нации, но и в определенной мере всего региона, что в них оказались вовлеченными целые социальные слои и политические движения со своими специфическими интересами, что некоторые непосредственные участники этих событий остаются на авансцене государственной жизни Индонезии, объективное исследование происшедшего сталкивается с серьезными трудностями. С самого начала вокруг оценки этих событий, их причин и характера, ответственности тех или иных партий и группировок развернулась острая политическая и идеологическая борьба. У нас и за рубежом многие исследователи давно указывали на комплексный характер политического кризиса 1965 г. в Индонезии, на сложное переплетение интересов различных сил, придавшее этому кризису столь трагический характер[1].

Внутреннее развитие индонезийского общества после национальной революции 1945 г. привело в начале 60-х годов к неустойчивому балансу сил. Армия, традиционно выступавшая как самостоятельная политическая сила, а в социальном плане выражавшая интересы нарождавшегося и укреплявшегося бюрократического капитала, противостояла Компартии Индонезии (КПИ), которая с ее многочисленными массовыми организациями олицетворяла значительный антиимпериалистический и антикапиталистический потенциал национально-освободительного движения страны.

Армия и КПИ стали двумя полюсами политической системы, сложившейся в Индонезии под эгидой президента Сукарно и получившей из уст ее лидера наименование «направляемой демократии». Это был авторитарный режим с весьма ощутимым налетом восточного патернализма, и возглавлялся он, как это нередко было в постколониальную эпоху, общенациональным харизматическим лидером с национал-народнической системой взглядов. Провозглашенный в 1959 г. режим не предусматривал ответственности министров перед парламентом, ограничивал деятельность партий рамками государственной политики и резко усиливал исполнительную власть во главе с президентом, который сохранял широчайшие законодательные полномочия.

Другов Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук.

«Направляемая демократия» была результатом сознательного компромисса политических сил страны. Личные взгляды Сукарно, не совпадая до конца с их интересами, устраивали все основные группировки, в особенности наиболее могущественные из них — армию и КПИ, как способ временного сосуществования, передышка, которую каждая сторона надеялась использовать, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу. Личный авторитет Сукарно был велик, но он не имел своей политической организации, что побуждало его балансировать между различными, часто противоположными интересами. Командование армии знало, что разнородность социальной базы поставит Сукарно в зависимость от военных, и оказалось право — если в 1958 г. лишь 11% министерских постов занимали военные, то к 1965 г. их доля возросла до 40%[2], а на местах позиции военной администрации были еще значительнее. Коммунисты со своей стороны надеялись, что им удастся использовать революционно-демократический потенциал президента, его воинствующий антиимпериализм.

Драматичность отношений в треугольнике Сукарно — армия — КПИ заключалась в том, что каждая из его составляющих связывала судьбу Индонезии только с собой. При жизни президента военные и коммунисты должны были хотя бы формально следовать в фарватере этого национального лидера, но в случае его ухода с политической арены их смертельная схватка представлялась неизбежной. В свою очередь Сукарно знал, что относительная прочность его верховенства зависит от сохранения примерного равновесия сил армии и КПИ и известного уровня их соперничества. Опасность разрушительного конфликта была заложена в этой системе, так сказать, генетически, даже если бы «направляемой демократии» не пришлось действовать в условиях углублявшегося экономического кризиса.

Но противоречиями в треугольнике не исчерпывались факторы, воздействовавшие на обстановку в Индонезии. Бюрократическая буржуазия, завершая этап первоначального накопления, не только переставала нуждаться в национально-революционной мимикрии, которую давал ей режим Сукарно, но и начала ощущать эту революционность как обременительную. Кроме того, армия также была неоднородна. Во всех слоях офицерства было немало сторонников президента и людей, по своим идеалам близких к целям КПИ, воспринимавшимся по преимуществу как социальное равенство, антиимпериализм, борьба с нищетой, отсталостью, внешней зависимостью. При этом военные — сторонники президента и военные, симпатизирующие компартии, часто были одни и те же люди, видевшие в коммунистах наиболее последовательную и мощную просукарновскую силу. Их поддержка КПИ была ограничена рамками сотрудничества партии и Сукарно при главенстве президента.

К середине 60-х годов обозначилось еще одно противоречие в рядах вооруженных сил — недовольство среднего и младшего офицерства стилем руководства, кадровой политикой и малой компетентностью высшего эшелона военного командования. Генеральские и адмиральские должности занимали участники освободительной войны, получившие первичное военное образование в голландских (до 1942 г.) или японских (во время оккупации) учебных заведениях. С конца 50-х годов на вооружение армии, авиации и флота стали поступать современное ракетное оружие, реактивные самолеты, электронные средства. Офицеры, обучавшиеся за рубежом его применению, в большинстве своем молодые люди, оказались в профессиональном отношении на голову выше своих начальников. Одним из первых симптомов этого противоречия стало выступление офицеров флота на главной базе ВМФ в Сурабайе весной 1965 г., протестовавших против косности и некомпетентности своих начальников.

Имели место соперничество и определенные различия в политической ориентации между видами вооруженных сил и их командованием. Наиболее близки президенту были военно-воздушные силы и государственная полиция; позиция высшего командного состава флота определялась в целом как центристская, тогда как в среде армейского генералитета царили правооппозиционные настроения. Но и

внутри командования сухопутной армии не было единства. Министр обороны генерал А. Х. Насутион, находившийся в чрезвычайно натянутых отношениях с президентом, по некоторым данным, почти не разговаривал с главкомом сухопутной армии А. Яни[3]. Последний же серьезно расходился в политических взглядах со своим первым заместителем генералом Муршидом и неприязненно относился к командующему стратегическим резервом армии генералу Сухарто[4], который прежде руководил операциями по подготовке к освобождению Западного Ириана от голландцев и имел основания претендовать на более значительный пост.

Все это накладывалось на высокий уровень недовольства широких слоев индонезийского общества непрерывно ухудшавшимся экономическим положением, пробуксовыванием аграрной реформы и обезземеливанием крестьян, безудержной коррупцией в военном и гражданском аппарате. Все эти темы активно использовались в острейшей полемике, развернувшейся в печати и на многочисленных митингах, проводившихся по самым различным поводам основными политическими группировками, и прежде всего КПИ, и армией.

Боевой, отчасти гипертрофированный антиимпериализм Сукарно, его активное взаимодействие с тогдашним руководством Китая вызывали в Вашингтоне, Лондоне, Гааге серьезные опасения, что соотношение сил в Юго-Восточной Азии может измениться в ущерб интересам Запада. Как реальная возможность рассматривался приход к власти в стране компартии, в особенности в случае смерти Сукарно. Естественно, что предпринимались усилия для предотвращения такого развития событий. В 70-е годы и позже достоянием гласности стал ряд материалов о деятельности западных спецслужб в Индонезии. В докладе «Вопросы подготовки кадров в рамках военной помощи странам Восточной и Юго-Восточной Азии», подготовленном для подкомитетов по национальной безопасности и научным исследованиям Комитета по международным делам палаты представителей конгресса США в феврале 1971 г., говорилось, что к октябрю 1965 г. более 1200 индонезийских офицеров, включая представителей высшего военного командования, прошли подготовку в США. «В результате во многих случаях были установлены дружественные отношения между военнослужащими обеих стран. Сразу после переворота (событий 30 сентября 1965 г. — *А. Д.*), когда политическая ситуация еще не стабилизировалась, США, используя существующие каналы связи, смогли предоставить антикоммунистическим силам моральную и определенную материальную помощь. Все убитые генералы... прошли обучение в США или имели дружественные связи с гражданами западных стран в Джакарте»[5]. И это не единственное такого рода свидетельство.

Что касается предполагаемой или действительной роли тогдашнего руководства Китая в потрясениях, постигших Индонезию в 1965 г., то не следует забывать, что оценки этой роли долго несли на себе отпечаток политической и идеологической борьбы, которая велась тогда на мировой арене в целом и в рядах коммунистического и национально-освободительного движения в частности. Очевидным представляется сейчас лишь то, что, исходя из своего политического курса, тогдашние лидеры КНР были заинтересованы в тесных связях с Индонезией. В этом контексте они поощряли безоглядную непримиримость, которую провозглашал Сукарно в адрес Запада, и в меру сил способствовали отчуждению между Индонезией и СССР. Идеологические концепции маоизма создавали в рядах левых сил не только Индонезии, но и других стран «третьего мира» ощущение своеобразной революционной эйфории, близости конечной победы. Но конкретно в Индонезии Пекин был, скорее всего, заинтересован в сохранении и упрочении положения Сукарно как главы государства.

Кризисные явления в политической жизни Индонезии, обострение отношений в треугольнике Сукарно — армия — КПИ начали вполне отчетливо ощущаться в начале 1965 года. При этом нарастало отчуждение между армейским командованием и президентом, происходил постепенный сдвиг в сторону блока главы государства с компартией. Первый заместитель премьер-министра Субандрио, один из самых близких президенту людей, в канун 1965 г. заявил, что имущественное и политическое расслоение в обществе зашло слишком далеко, грядущий год будет весьма напряженным и «вчерашний друг может стать врагом»[6]. В певрые месяцы 1965 г. борьба между армией и КПИ обостряется. Коммунисты, в частности, потребовали проведения аграрной реформы, непосредственного участия партий в решении военных вопросов и создания пятого (наряду с сухопутной армией, авиацией, флотом и полицией) вида вооруженных сил — нечто вроде вооруженного народного ополчения для отражения империалистической угрозы. Армейский генералитет не без основания усмотрел в этой идее подрыв монополии армии на обладание оружием как последним аргументом в политической дискуссии.

Летом 1965 г. произошла концентрация отборных сил индонезийской армии на Яве и Суматре под предлогом вероятных боевых действий против Малайзии. В этой накаленной атмосфере катализатором напряженности стали настойчивые слухи об ухудшении здоровья Сукарно, страдавшего хронической болезнью почек. Угрожавшие ему смерть или паралич необратимо нарушили бы хрупкое равновесие сил, привели бы к столкновению армии с левыми.

15 мая (по другим данным, между 18 и 20 мая) Субандрио, наряду с Министерством иностранных дел возглавлявший политическую разведку, получил по почте от анонимного лица черновик телеграммы английского посла в Джакарте Э. Джилкриста в Форин оффис, из которой можно было сделать вывод о наличии тайных связей антисукарновских кругов индонезийской армии с Вашингтоном и Лондоном. Примерно в то же время Субандрио получил информацию о существовании в армии Совета генералов, находящегося в оппозиции президенту. 26 мая Сукарно вызвал генерала Яни, который на прямо поставленные ему вопросы о наличии нелегальных связей между его подчиненными и Западом ответил отрицательно, неохотно признав, что занимающиеся разведкой генералы А. Сукендро и С. Парман поддерживают по его поручению контакты с посольствами США и Англии[7]. Яни отрицал существование Совета генералов как политического органа, сославшись на то, что под этим названием действует совет по присвоению высших воинских званий. Он признал, однако, что однажды собирал генералов для обмена мнениями «по проблемам, стоящим перед нашей революцией»[8].

Яни был не вполне искренен с президентом как верховным главнокомандующим. По свидетельству бывшего тогда послом США в Джакарте Г. Джонса, уже с января 1965 г. Яни и его ближайшие коллеги начали секретные встречи для обсуждения политической ситуации в стране. Эти дискуссии переросли в обсуждение вопроса о политическом руководстве сопротивлением армии попыткам президента преобразовать сухопутные войска по своему усмотрению[9]. В конце мая или начале июня Субандрио встретился с председателем ЦК КПИ Д. Н. Айдитом и беседовал с ним о Совете генералов[10]. К этому времени руководство КПИ получило информацию по данному вопросу из кругов политической разведки[11].

Современная официальная историография в Индонезии изображает дело так, будто слухи о генеральском заговоре исходили от руководства КПИ и шли через контролируемые партией каналы. Есть, однако, ряд фактов, не совпадающих с этим мнением. Весьма важные события развертывались в июле 1965 г., когда Айдит, без которого ни одно серьезное решение в партии не принималось, находился за пределами Индонезии. 30 июля генерал Яни на совещании высших офицеров своего штаба и местных военачальников заявил, что не будет следовать линии президента, если тот решит создать пятый вид вооруженных сил и политизировать армию[12]. Вряд ли случайно уже на следующий день Сукарно приказал отозвать из заграничной поездки Айдита и члена руководства партии Ньото, с которым президента связывала личная дружба[13].

4 августа, еще до возвращения Айдита, Сукарно вызвал командира полка дворцовой гвардии бригадного генерала М. Сабура и командира входившего в этот полк батальона подполковника Унтунга («унтунг» — по-индонезийски «счастливчик»). Президент спросил, готовы ли они в случае необходимости принять меры против нелояльных генералов. Унтунг ответил согласием[14]. Эту информацию содержат показания, которые в 1970 г. давал следственной комиссии бывший адъютант Сукарно полковник Б. Виджанарко, свидетель этого разговора. Остается загадкой, почему он не только не пострадал после событий осени 1965 г., но и остался на военной службе на достаточно ответственных постах. Наиболее логично предположить, что он постоянно информировал о действиях и планах президента лиц, впоследствии занявших достаточно высокое положение. Во всяком случае, это, видимо, были не те генералы, против которых готовил акцию президент. Характерно, что на вышедшую на Западе книгу воспоминаний Виджанарко в Индонезии наложен запрет.

7 августа в Джакарту вернулся Айдит. Днем позже он навестил больного Сукарно и встретился с лечившими его врачами, специально присланными из Китая, прогнозы которых относительно исхода болезни были весьма пессимистические[15]. Для лидера КПИ это могло означать лишь одно — в случае смерти главы государства генералы могли узнать о ней первыми и нанести упреждающий удар по левым организациям. У лидера КПИ наряду с партийной структурой имелась система органов лично ему подчиненного Специального бюро, созданного для работы в вооруженных силах (показное негодование индонезийских военных по этому поводу вряд ли оправданно: при министре обороны действовало Особое управление, занимавшееся внедрением агентуры в КПИ)[16]. Возглавлял Специальное бюро некто Камарузаман, он же Шам, личность достаточно таинственная, мало кому известная в партии. В ходе судебных процессов после 1965 г. вскрылось, что он и его ближайшие помощники по Специальному бюро поддерживали тесные связи с военной контрразведкой[17]. Шам и его помощник Боно (Мульоно бин Нгали) были связаны со спецслужбами Джакартского военного округа, а Боно являлся платным осведомителем секретной службы президентской охраны[18].

В то же время, если верить данным, опубликованным индонезийской службой безопасности в 1978 г., деятельность Специального бюро была весьма эффективной — на Центральной Яве, например, связанные с ним группы действовали даже в батальонах, половина командиров которых были людьми КПИ, коммунистам удалось проникнуть на всех уровнях в органы разведки, кадров, территориальных формирований. Из семи помощников начальника штаба военного округа трое были людьми КПИ. Успехи партии в ВВС и ВМФ были якобы еще более впечатляющими[19]. Но дело не в том, были ли эти оценки преувеличенными, а, скорее, в том, что офицеры видели в компартии наиболее организованную национальную силу, тем более что в некоторых антиимпериалистических лозунгах КПИ была даже левее Сукарно.

По официальной индонезийской версии — достаточно правдоподобной, — между 8 и 11 августа Айдит поручил Шаму «формировать силы для упреждающего удара по Совету генералов, для чего немедленно связаться с теми офицерами, которых намечено использовать»[20]. Но к этому времени Унтунг, получивший указания Сукарно, сам вышел на контакт с Шамом. Остается неясным, имел ли Унтунг связи с КПИ с 1950 г., как это приписывал ему впоследствии трибунал, или они возникли в процессе подготовки выступления, как говорил он сам[21]. Но в последнем случае труднее объяснить, почему Унтунг и Шам так безошибочно и быстро вышли друг на друга в августе 1965 года. Вместе с Унтунгом во встречах с Шамом участвовали командир расквартированной в Джакарте пехотной бригады полковник Латиф и несколько офицеров авиации. Унтунг позже заявил, что их объединяла общность не идеологии, а цели — борьба против Совета генералов[22].

Острота ситуации нарастала. По данным австралийского историка С. Л. Пендерса, в августе группа генералов во главе с Насутионом и Яни имела бурное объяснение с Сукарно и пригрозила ему взять власть в свои руки, если президент не перестанет взаимодействовать с КПИ. Примечательно, что все поименованные автором участники встречи позже попали в списки лиц, подлежавших устранению в ходе акции по предотвращению правого переворота[23].

Параллельно с этим в августе 1965 г. проходили заседания Политбюро ЦК КПИ. Айдит информировал руководство партии о заговоре Совета генералов и о планах лояльных президенту офицеров сухопутной армии выступить против своего командования и спасти Сукарно. Основными вопросами, которые обсуждались в Политбюро, были: поддержать ли акцию офицеров или вести дело к нанесению упреждающего удара[24]. Руководители партии, не осведомленные о роли и позиции Сукарно в событиях, заняли весьма осторожную позицию. Они считали, что необходимо доложить президенту о сложившейся ситуации, просить его принять необходимые меры, информировать членов партии об опасности переворота и ждать указаний Сукарно. Было решено, что в дальнейшем этой проблемой займется Исполком Политбюро, и после 28 августа Политбюро не собиралось ни разу[25]. Автором этого решения был Айдит, которому, по всей видимости, уже было известно, что президент имел разговор об упреждающих акциях с Унтунгом и что возможность выбора тактики у КПИ весьма ограничена. Дальнейшие решения принимал фактически лично Айдит, которому помогали 3—4 члена Политбюро.

Принципиально важно то, что обсуждение в руководстве КПИ шло под углом зрения предотвращения правого переворота, который радикально изменил бы всю политическую систему страны. Не только не выдвигалась идея захвата власти, но даже лозунг формирования правительства с участием коммунистов было решено на этом этапе не ставить, поскольку сам президент с этим «не спешит»[26]. Это вовсе не значит, что партия не стремилась к власти или к участию в ней при благоприятном развитии событий, но в рамках планируемой акции эта задача не рассматривалась. К тому же невозможно себе представить, чтобы Сукарно с его мессианским политическим эгоцентризмом, затевая выступление, мыслил себе будущее Индонезии иначе, как под своим непререкаемым лидерством.

Вместе с тем есть основания полагать, что в кругах армии и армейской разведки прилагались усилия, чтобы подтолкнуть КПИ к действиям, которые позволили бы скомпрометировать ее в глазах народа. Генерал Праното Рексосамудро, выступавший впоследствии на одном из судебных процессов, говорил, что, по его мнению, главком сухопутных войск генерал Яни и его заместитель генерал Парман знали о какой-то готовящейся акции и Яни будто бы сказал: «Дадим КПИ выступить первой, и она неизбежно потерпит поражение»[27]. С этим сообщением перекликаются сведения из письма посла Пакистана в Париже главе своего правительства З. А. Бхутто. В декабре 1964 г. посол сообщал о беседе с офицером голландской разведки, работавшим в НАТО. Тот сказал ему, что Индонезия «готова упасть в лоно Запада, как подгнивший плод». По его словам, западные разведки инспирировали «неподготовленный коммунистический заговор, обреченный на неудачу и призванный дать законную и долгожданную возможность армии сокрушить коммунистов и сделать Сукарно своим пленником»[28].

Учитывая, что, как выяснилось впоследствии, в рядах участников выступления было значительное число офицеров разведслужб, можно предположить наличие элемента провокации, стремления придать КПИ роль, выходившую за рамки осмотрительной позиции ее Политбюро. Ту же выжидательную позицию занимало командование ВВС. Главком авиации маршал О. Дани оказывал всемерную материальную и техническую помощь подготовке выступления, но считал, что инициативу следует оставить за офицерами сухопутных войск, то есть за Унтунгом, Латифом и др.

С 6 по 29 сентября состоялось не менее десяти совещаний между Шамом и другими представителями Специального бюро, с одной стороны, и Унтунгом, Латифом и другими офицерами — с другой. Тон на этих совещаниях как будто бы задавал Шам — он вмешивался от имени Айдита не только в политические, но и в военные вопросы (сам Председатель ЦК КПИ ни с кем из военных руководителей предлагаемой акции не виделся, включая и Унтунга, который впоследствии говорил: «Действительно, они (то есть Шам и Поно, заместитель Шама. — *А. Д.*) называли себя людьми Айдита, но так ли это было на самом деле, я до конца не уверен»)[29]. Унтунг в своих показаниях делал упор на то, что КПИ в планах выступления отводилась вспомогательная роль.

Порой Шам действовал явно провокационно. На одном из совещаний он заявил, что, если Сукарно не одобрит акцию офицеров, придется его отстранить. Это вызвало резкую негативную реакцию присутствовавших военных, в том числе Унтунга, сказавшего, что за сохранение Сукарно у кормила индонезийской революции он готов сражаться не на жизнь, а на смерть. Назревавший скандал с трудом удалось погасить[30]. Вообще поведение Шама вплоть до его будущих показаний на судебных процессах в 60—70-х годах свидетельствует о стремлении придать всей акции максимально прокоммунистический характер — он вел себя как хозяин на совещаниях в сентябре 1965 г., он стремился быть все время на первом плане (в отличие от Айдита) в день выступления, и уже в 1978 г. на процессе Латифа без всякой надобности принял на себя ответственность за приказ о расстреле арестованных генералов, хотя уже были показания одного из подсудимых, что именно он отдал это распоряжение[31].

Поведение Шама прямо противоречит линии Политбюро ЦК КПИ, которое стояло на позициях поддержки выступления, но не руководства им. Можно предположить, что Шам и возглавлявшееся им Специальное бюро оказывали чрезмерное воздействие на формирование курса Айдита в вопросах военной политики КПИ вопреки уставным органам партии. Наводит на размышления и еще одно обсто-

ятельство. Военные в Индонезии объединены чувством определенной кастовой замкнутости и превосходства. Поэтому трудно объяснить, почему «штафирка» Шам вел себя с ними столь бесцеремонно, а они не только терпели такое поведение, но и выполняли его распоряжения. «Идеологическими связями», как это представляет официальная историография Индонезии, здесь нельзя ограничиться.

В совещаниях с Шамом и его помощниками со стороны военных участвовали Унтунг, Латиф, командир комендантского батальона расположенной близ Джакарты авиабазы Халим Перданакусума майор Суйоно, командир батальона из бригады Латифа майор Сигит и командир артиллерийской батареи капитан Вахьюди (Сигит позже отошел от дела, не будучи убежден в существовании Совета генералов)[32]. Активных сторонников они имели и на местах, в том числе в Бандунге на Западной Яве, на Центральной и Восточной Яве, их поддерживал бригадный генерал Супарджо, командовавший частями Стратегического резерва сухопутных войск, расположенными на Калимантане.

Когда стали подсчитывать наличные силы, их оказалось сравнительно немного: один батальон из бригады Латифа, комендантский батальон базы ВВС, артиллерийская батарея и одна рота из батальона Унтунга. Кроме того, предполагалось привлечь два батальона, которые должны были прибыть в конце сентября в Джакарту для участия в параде 5 октября по случаю Дня вооруженных сил[33]. Принимались в расчет проходившие на авиабазе Халим под руководством офицеров ВВС военное обучение группы ополченцев на случай ожидавшейся войны с Малайзией.

Политическая подготовка выступления шла в то время по крайней мере по нескольким каналам. 23 сентября Сукарно созвал во дворце совещание, на котором первый заместитель главкома сухопутных сил генерал-майор Муршид доложил, что группировка армейских генералов продолжает свою оппозиционную деятельность. Президент приказал командиру дворцовой гвардии генералу Сабуру принять меры против них. Главком ВВС Дани заявил, что авиация полностью поддерживает президента[34]. В тот же день (возможно, это было простым совпадением) президент распорядился перенести открытие Всеиндонезийского совещания инженеров и техников, на котором он должен был выступать, с вечера 1 октября на вечер 30 сентября[35]. Через три дня Сукарно дал указания приближенным на случай чрезвычайных обстоятельств, то есть попытки государственного переворота, — сам он должен был вылететь из столицы в Джокьякарту (Центральная Ява), Субандрио — на Суматру, второй заместитель премьера, Й. Леймена (достаточно бесцветный политик), — остаться в Джакарте, а третий заместитель, Х. Салех, был назначен главой делегации, отправлявшейся в Пекин на празднование годовщины образования КНР[36].

В течение сентября Шам объехал ряд провинций, где встретился с руководителями местных спецбюро, проинформировал их о предстоящих событиях и дал детальные инструкции, направленные (по официальной индонезийской версии) на то, чтобы поставить предстоящее выступление полностью под контроль местных спецбюро. При этом верный своей линии Шам пошел в инструкциях гораздо дальше решений Политбюро ЦК КПИ в смысле роли партии в готовящейся акции. Члены руководства партии, которые были в сентябре направлены на места, имели значительно более ограниченные задачи — информировать местные парторганизации о Совете генералов, болезни президента и готовящемся выступлении лояльных офицеров. Кроме того, этим членам руководства КПИ предписывалось слушать Радио Джакарты и в случае важных событий взаимодействовать с местными парторганизациями[37]. Эти инструкции были ближе к линии, одобренной Политбюро.

Впоследствии было много спекуляций в связи с обучением военному делу ополченцев на авиабазе Халим, начатым по приказу маршала Дани в интересах создания системы гражданской обороны на случай обострения развивавшегося тогда конфликта с Малайзией. Несомненно, руководство КПИ, используя ситуацию, старалось обучить военному делу возможно большее число своих кадров. За направление людей на учебу отвечали первый секретарь столичного обкома КПИ Ньоно и генеральный секретарь близкой к КПИ организации «Народная молодежь» Сукатно. Всего на авиабазе Халим было обучено 3700 человек[38]. Но и подготовка, и использование ополченцев находились под строгим контролем военных, в частности Унтунг впоследствии не разрешил привлекать их к активным действиям ввиду «недостаточной дисциплинированности»[39].

На совещаниях военных лидеров готовящегося выступления с руководителями Специального бюро активно обсуждались два вопроса: техническая сторона предстоящей акции и ее политическое содержание. Был составлен список генералов, подлежавших аресту. В их числе министр обороны, начальник Генерального штаба вооруженных сил генерал Насутион, министр-главком сухопутных войск генерал-лейтенант Яни, два его заместителя — генерал-майор Р. Супрапто, ведавший вопросами тыла, и генерал-майор М. Т. Харьоно (финансовая служба и связи с общественностью), генерал-майор Парман, помощник главкома по разведке, бригадный генерал Д. И. Панджаитан, помощник по тылу, и бригадный генерал С. Сутойо, военный прокурор сухопутных войск.

Принцип формирования этого списка представляет загадку. Высказывалось мнение, что в него вошли члены кабинета, якобы составленного для замены правительства Сукарно. Возможно также, что выбор пал на тех, кто участвовал в упомянутом бурном совещании в президентском дворце в августе 1965 года. К некоторым из них Сукарно питал личную неприязнь — Насутиону, Парману, Сутойо. Возможна и глубоко скрытая игра различных клик в армейском генералитете. Во всяком случае, настораживает, что, несмотря на большое число людей, вовлеченных в подготовку акции, сведения о ней не дошли до высшего военного руководства. Утечки информации не могло не быть хотя бы потому, что в деле участвовали многочисленные офицеры спецслужб в центре и на местах. Вопрос лишь в том, кто не дал этой информации дойти по назначению (скажем, до Насутиона или Яни).

В течение сентября были сформированы руководящие органы выступления. Во главе их было решено поставить Центральное командование, куда вошли подполковник Унтунг в качестве командующего, а также Латиф, майор ВВС Суйоно, Шам и Поно — на двух последних возлагались политические вопросы и работа с массами[40]. Хотя по официальной индонезийской версии во главе всего предприятия стоял Председатель ЦК КПИ Айдит, имеющиеся объективные материалы этого не подтверждают. Не следует также переоценивать того факта, что политическая сторона дела была возложена на Специальное бюро КПИ. Ведь подлинный архитектор акции Сукарно и его военные сторонники вовсе не намеревались придавать выступлению самостоятельное значение.

Для захвата генералов были созданы боевые группы, в состав которых вошли подразделения президентской гвардии, пехоты и парашютистов-десантников ВВС. Вопреки официальной версии ополченцы не были в них включены, поскольку против этого возражал Унтунг. Отдельной группе были поручены захват и охрана жизненно важных объектов столицы, включая дворец президента, радиоцентр и др. Джакарта была разделена на секторы, где войскам должны были оказывать помощь группы ополченцев под общим руководством члена Политбюро ЦК КПИ, первого секретаря Джакартского обкома партии Ньоно. Оружие для них должно было выделяться со складов ВВС. Еще одна группа подразделений сосредоточивалась на авиабазе Халим и в прилегающих деревнях с задачей охраны штаба движения и в качестве резерва.

Сукарно был в курсе всех основных событий. Еще 17 августа в речи по случаю Национального дня он сказал: «Даже если кто-то был в 1945 г. отважным генералом, а сейчас раскалывает национальное единство… он становится реакционером». Эту же мысль он повторил в выступлении перед членами левой студенческой организации 29 сентября, подчеркнув, что генералы, ставшие контрреволюционерами, должны быть сокрушены[41]. В тот же день Сукарно встретился с главкомом ВВС Дани, первым заместителем главкома сухопутных войск генералом Муршидом, генералом Сабуром и некоторыми другими приближенными. Он торопил их с принятием мер против нелояльных генералов и обещал Муршиду поставить его на место Яни. Президент приказал одному из своих адъютантов вызвать Яни на утро 1 октября в загородный дворец в Богоре, примерно в 70 км от столицы[42] (хотя, судя по его поведению вечером 30 сентября, Сукарно не собирался наутро быть в Богоре). Возможно, однако, что точная дата выступления была еще ему неизвестна. Лишь вечером 29 сентября руководители акции решили начать ее в ночь на 1 октября. Она получила название «Движение 30 сентября».

В эти же дни состоялись встречи, оказавшие позже, может быть, решающее воздействие на исход событий. Много лет спустя за пределами Индонезии были рас-

пространены показания, данные Латифом на допросах и на судебном процессе. Он заявил, что за два дня до выступления был вместе с семьей в гостях у командующего Стратегическим резервом генерал-майора Сухарто, под началом которого служил раньше[43]. Латиф заговорил с Сухарто о Совете генералов. «Он ответил мне, что накануне узнал от своего прежнего подчиненного из Джокьякарты по имени Субагьо о существовании совета армейских генералов, планирующих переворот против президента Сукарно и его правительства. Сухарто считал, что это нужно расследовать»[44]. Поздно вечером 30 сентября, уже после того, как был назначен час выступления, как утверждал Латиф, он по поручению Супарджо и Унтунга вновь встретился с Сухарто (на сей раз в госпитале, где генерал навещал своего больного сына) и проинформировал его об их планах. Сухарто якобы одобрил их и в ходе беседы не сказал ничего, что могло бы рассматриваться как запрещение акции. Отсутствие негативной реакции со стороны Сухарто стало, по словам Латифа, для них моральной поддержкой[45].

У нас нет полной уверенности в подлинности показаний Латифа, хотя индонезийская печать сообщала об этих встречах[46]. Показания были даны в 1978 г. — от ареста до суда над Латифом прошло более 12 лет. Его приговорили к пожизненному заключению в отличие от сотоварищей по руководству «Движением 30 сентября», приговоренных к смерти. Латиф, если бы он действительно был обладателем столь важной информации, должен был понимать, что единственный способ купить себе жизнь — молчание. Его откровенность кажется неестественной. Возможно, есть и другие обстоятельства, нам неизвестные. Но в пользу показаний Латифа говорит тот факт, что лидеры «Движения» не включили Сухарто в список лиц, подлежавших аресту, и не пытались как-то иначе его нейтрализовать, хотя именно под его командованием находились самые боеспособные соединения армии, которые он мог в любой момент бросить в дело.

Вечером 30 сентября Унтунг передал через офицеров охраны президенту, выступавшему на открытии Всеиндонезийского совещания инженеров и техников во Дворце спорта, записку, в которой сообщалось, что акция начнется через несколько часов[47]. Сукарно внешне никак не прореагировал на это сообщение. После выступления он заехал во дворец, а затем в дом одной из своих жен, где остался до утра.

Поздно вечером того же дня на авиабазу Халим прибыли все основные лидеры «Движения». Туда же был доставлен Айдит и размещен в отдельном доме, примерно в двух километрах от «Центрального командования». Некоторые исследователи (например, научный сотрудник Оксфордского университета Н. Максуэлл) сомневаются, находился ли он вообще на авиабазе Халим в ночь на 1 октября[48]. Мы считаем, что он был там, но смысл его пребывания на базе не вполне ясен. Возможно, лидера КПИ постарались изолировать от партии, чтобы он с его исключительными полномочиями не поднял КПИ на действия, выходящие за рамки той роли, которая была отведена ей по плану «Движения».

Он начал осуществляться вскоре после полуночи. Находившиеся в распоряжении «Движения» батальоны, прибывшие с Центральной и Восточной Явы, за исключением нескольких подразделений, направленных на авиабазу Халим, заняли позиции на площади перед дворцом президента; непосредственно во дворце и вокруг него службу несла дворцовая гвардия. Сукарно в резиденции не было, но лидеры акции, предпринятой для его защиты, об этом не знали.

Сразу после полуночи с авиабазы Халим были отправлены группы для захвата намеченных к аресту генералов. Трое из них — Яни, Панджаитан и Харьоно — были убиты на месте, якобы при попытке оказать сопротивление, Насутиону удалось бежать, при этом погибла его маленькая дочь, а принятый в темноте за Насутиона его адъютант схвачен, увезен на базу и там расстрелян. Жестокость по отношению к пленным кажется бессмысленной — коль скоро их обвиняли в заговоре против президента, следовало допросить виновных и получить доказательства, оправдывающие всю акцию. Но и взятые живыми генералы Супрапто, Парман и Сутойо были отвезены на авиабазу Халим, где были убиты по приказу Латифа (хотя Шам позже настойчиво старался приписать себе эту сомнительную заслугу)[49].

Вероятной причиной такой поспешности представляется желание военных лидеров «Движения» проделать всю «грязную работу» до того, как итоги ночной операции будут доложены президенту. Унтунг, Латиф, Супарджо, Дани, зная

характер Сукарно, его склонность к компромиссам, к уходу от жестких решений, могли опасаться, что, если перед президентом предстанут мятежные генералы, он ограничится «отеческим» выговором или иной формой прощения. А тогда руководители «Движения», офицеры и генералы, занимавшие второстепенное положение в армии, были бы отданы на милость своих начальников, которых они только что пытались устранить. Но нельзя исключить и другой вариант — Сукарно умышленно избежал причастности к этой кровавой части акции и именно для этого провел ночь вне досягаемости лидеров инициированного им движения, не поддерживая с ними связи и обеспечив себе алиби.

Рано утром специально выделенные подразделения заняли «Радио Республики Индонезии». В 6 час. утра генерал Супарджо выехал во дворец для доклада президенту о событиях ночи, но не нашел там главы государства, которого спасал от заговорщиков. Сукарно в это время разбудили в доме его жены и доложили, что в городе «что-то неладно». Он принял решение выехать на авиабазу Халим. Это решение президент позже объяснял желанием иметь в своем распоряжении самолет, чтобы срочно покинуть столицу в случае нежелательного развития событий[50], не уточняя, какое развитие он считал для себя нежелательным.

Между тем утром 1 октября разворачивался еще один слой событий, оказавшийся во многом решающим. Генерала Сухарто, который, по его словам, спал дома, разбудили в 5 час. 30 мин. докладом о перестрелке у домов генералов Насутиона и Харьоно. Через час он был в своем штабе поблизости от президентского дворца. Меньше, чем час спустя он услышал по радио сообщение «Движения» о мерах, принятых против Совета генералов.

По словам Сухарто, он действовал не торопясь. «Моими первыми шагами было выяснить лояльность войск, находившихся в Джакарте, — армии, авиации, флота и полиции. Затем я приказал лояльным частям быть в боевой готовности, но оставаться в казармах». При этом он, по его словам, опирался на постоянно действующий приказ по сухопутной армии, согласно которому он замещал Яни в отсутствие последнего[51]. В тот утренний час само понятие «лояльность войск» (кому?) было довольно расплывчатым. Одновременно с выяснением обстановки Сухарто пытался наладить контакты и взаимопонимание с командирами войск, окруживших президентский дворец.

В 9 час. Сукарно прибыл на авиабазу Халим, где Дани и Супарджо доложили ему о событиях ночи (в общих чертах он узнал о них еще в Джакарте). Характерно, что докладывал президенту не глава «Движения» Унтунг, а его более высокопоставленные соратники. Реакция Сукарно была своеобразной. Он, по словам свидетелей, похлопал Супарджо по плечу, сказав: «Ты неплохо поработал», — философски заметил, что такие вещи случаются в ходе революции, и приказал прекратить кровопролитие. Его явно встревожило бегство Насутиона, и он сказал, что это может «иметь свои последствия»[52]. Сукарно поинтересовался, почему главой «Движения» стал Унтунг, на что Супарджо ответил: его сочли наиболее подходящим[53].

Однако не произошел главный акт сценария — президент уклонился от официального благословения акции. О причинах этого остается только догадываться. Возможно, Сукарно обеспокоило, что самый популярный в стране военачальник — Насутион — остался жив, и поэтому он не был уверен в исходе предприятия. Но в других случаях президент вел себя так, будто принял на себя руководящую роль в «Движении». Сукарно вызвал к себе главкомов флота и полиции, командующего столичным военным округом и второго заместителя премьера, Леймену. Главком ВВС Дани находился на авиабазе с вечера 30 сентября и утром 1 октября издал приказ, в котором выражалась поддержка «Движения»[54]. Сухарто среди вызванных к президенту лиц не фигурировал.

С прибывшими к нему военачальниками (кроме командующего округом генерала У. Вирахадикусума) президент обсудил кандидатуры на пост главкома сухопутных войск. Среди пяти кандидатов был и Сухарто, но Сукарно отвел его за «упрямство», как, впрочем, и Муршида, которому уже обещал это место. Наконец, общее руководство армией он принял на себя, а временно исполняющим обязанности главкома назначил генерал-майора Праното — малоизвестного в армии, но сыгравшего довольно двусмысленную роль в процессе подготовки «Движения». Одному из своих адъютантов, Виджанарко, президент поручил вызвать к нему Праното.

Во время этих обсуждений по радио были переданы еще два сообщения. В первом говорилось о сформировании Революционного совета, к которому переходила вся полнота государственной власти. Кабинет министров объявлялся распущенным. Во главе Совета стоял президиум, а в состав его вошли Унтунг (председатель) и четыре его заместителя (офицеры, представлявшие сухопутные войска, авиацию, флот и полицию). В совет был включен ряд высших офицеров вооруженных сил и представителей политических партий (как потом выяснилось, большинство из них не имело к «Движению» никакого отношения и узнало о своем назначении лишь из радиопередач). Предписывалось создавать революционные советы в провинциях, районах, уездах и деревнях. В другом сообщении говорилось об упразднении всех воинских званий выше подполковника (этот чин носил Унтунг) и о повышении в званиях всех рядовых и унтер-офицеров, участвовавших в выступлении. Ни имя Сукарно, ни его статус в новой структуре не упоминались.

Унтунг позже утверждал, что проекты подписанных им документов он получил от Шама[55]. Находившийся с Айдитом на авиабазе Халим один из старейших деятелей КПИ, И. Субекти, показал, что по поручению Председателя ЦК КПИ он перепечатывал и редактировал эти проекты. В то же время адъютант президента Виджанарко утверждал, что видел список членов Революционного совета в руках Сукарно[56]. Но важнее не установление авторства документов Революционного совета, а ответ на вопрос, было ли положение о переходе всей власти в руки Совета оплошностью его лидеров или чьим-то сознательным стремлением представить всю акцию как антисукарновский переворот и дать повод к ее подавлению.

Сукарно и его окружение на авиабазе Халим 1 октября отнюдь не восприняли декреты Революционного совета как враждебную акцию. Участники событий впоследствии говорили, что роспуск кабинета и переход власти к Совету был промежуточным шагом, за которым должны были последовать радикальные меры со стороны президента. Это отчасти объясняет, почему в документах «Движения» нет и намека на мало-мальски серьезные программные положения. Когда Унтунга, еще будучи на базе, один из его товарищей спросил, не слишком ли далеко они зашли, он ответил: «Это же все равно только на время». На судебном процессе Унтунг заявил: «Для меня роспуск кабинета был средством достижения цели — чистки от сторонников Совета генералов. После выполнения этой задачи Ревсовет должен был вновь подчиниться президенту». В том же смысле показывал на допросах и Шам[57]. И Сукарно, надо полагать, думал так же, однако это не меняет общественного звучания документов, придававших «Движению» характер антисукарновского путча.

Адъютант президента Виджанарко, посланный в Джакарту за генералом Праното, направился прямо в штаб Стратегического резерва. Из его слов Сухарто понял или мог понять, что в новой структуре власти ему не отводится достойного места. Он передал Сукарно: 1. генералы Праното и Умар Вирахадикусума не прибудут к президенту, дабы не увеличивать числа жертв; 2. генерал Сухарто временно принял на себя командование сухопутными войсками на основании постоянно действующего приказа; 3. просьба в дальнейшем все распоряжения президента передавать через генерала Сухарто; 4. генерал Сухарто просит полковника Виджанарко принять меры, чтобы вывезти президента с авиабазы Халим, которая подвергнется удару войск Стратегического резерва[58].

Этот ответ, по мнению многих исследователей, означал, что командующий Стратегическим резервом решил разыграть самостоятельную партию, используя имевшиеся у него силы. К вечеру войска «Движения», дислоцированные вблизи президентского дворца, не получая ни распоряжений, ни пищи, частично перешли в расположение штаба Сухарто, частично отошли к авиабазе Халим. Лишь к 17 час. к Сухарто прибывают подразделения десантников (они явно не очень спешили, если учесть, что их казармы находились близ столицы). Через полтора часа они получили приказ занять радиоцентр[59], а еще через полчаса — выступить на авиабазу Халим. Десантники и на этот раз неторопливы — они подходят туда лишь к 3 час. утра 2 октября.

Сообщение вернувшегося на базу Виджанарко, что Сухарто выступил против «Движения», привело к резкому перелому в ситуации и было воспринято как явный знак поражения (в силу каких-то причин раньше такая возможность даже не рассматривалась). Возник вопрос, куда бежать. Президент хотел вылететь в Джокьякарту, Дани уговаривал его укрыться на базе ВВС на Восточной Яве, но Леймена и Виджанарко убедили его выехать в Богор. Думается, что они действовали по согласованию с Сухарто, который отнюдь не был заинтересован, чтобы все еще полновластный президент оказался вне сферы досягаемости. По свидетельству Виджанарко, Сукарно был растерян и плохо владел собой[60]. По прибытии президента в Богор по Радио Джакарты было передано сообщение начальника его охраны генерала Сабура, что Сукарно находится в добром здравии и вновь осуществляет руководство государством[61]. Слово «вновь» могло быть первым признаком, что президент намерен отмежеваться от «Движения».

Айдит на самолете ВВС в ночь на 2 октября вылетел в Джокьякарту. По-видимому, он не имел связи с руководством КПИ и не смог скорректировать дальнейшие действия партии с учетом изменившейся обстановки. Во всяком случае, утром 2 октября центральный орган КПИ «Harian Rakjat» в редакционной статье выразил одобрение и поддержку «Движению», хотя и с оговоркой, что оно является внутренним делом сухопутных войск. В тот же день было опубликовано заявление командования ВВС, которое во изменение приказа маршала Дани, изданного накануне, гласило, что ВВС не вмешиваются в дела других видов вооруженных сил, не имеют отношения ни к «Движению», ни к «Ревсовету», хотя и одобряют все меры по чистке «орудий революции», проводимые в соответствии с курсом президента[62].

После отлета Айдита Шам встретился с военными лидерами «Движения». Обсудив ситуацию, они пришли к выводу, что акция потерпела поражение, продолжать ее невозможно и следует распустить участвовавшие в ней войска. Показательно, что для принятия этого принципиального решения согласия Айдита или кого-либо другого из руководителей КПИ не потребовалось.

Через несколько дней ставшая хозяином положения армия объявила происшедшие события организованной компартией попыткой государственного переворота, направленного против президента. Документы Революционного совета и статья в «Harian Rakjat» были использованы для подтверждения этого тезиса. Не изменило положения заявление ЦК КПИ от 5 октября, что компартия непричастна к «Движению», имена членов партии были включены в состав Революционного совета без ее ведома и что она доверяет политическое урегулирование кризиса главе государства[63]. Началась жестокая антикоммунистическая кампания. Она стала первым этапом длительной борьбы за радикальное изменение всей политической структуры и ориентации страны. Эта борьба привела к смещению в 1967 г. президента Сукарно, которого его противники обвинили в прямом участии в событиях осени 1965 года. (Ставший его преемником на посту главы государства Сухарто постарался хотя бы формально отвести от Сукарно это обвинение.)

В последние месяцы 1965 г. погибли многие тысячи членов КПИ, не имевшие никакого отношения к происшедшим событиям[64]. Без суда и следствия были уничтожены захваченные армией ведущие лидеры КПИ, которые могли бы пролить свет на подлинную подоплеку и характер событий и истинную роль в них конкретных лиц. Суду был предан лишь Ньоно, имевший формальное отношение к «Движению» — он был ответственным за обеспечение военным поддержки в столице, но фактически так и не приступил к выполнению этой задачи ввиду полной неясности обстановки. Он, по-видимому, не знал тайных пружин, управлявших событиями.

Айдит, покинув авиабазу Халим, скрывался в деревнях Центральной и Восточной Явы. В начале октября он нелегально направил несколько писем Сукарно с призывом остановить начавшийся террор, но это было уже не в силах президента. Сурабайская газета «Djalan Rakjat» опубликовала 6 октября его письмо, адресованное восточнояванскому обкому КПИ от 2 октября 1965 г., в котором «Движение» характеризовалось как внутреннее дело армии; компартия в него не вмешивается, однако одобряет все меры по обеспечению безопасности республики и президента[65]. Айдит был выдан провокатором и задержан 22 ноября 1965 года. Арестовавший его офицер, впоследствии видный армейский генерал Ясир Хадиброто, позднее вспоминал, что Айдит по его предложению написал показания. После этого Хадиброто повез его в Джакарту, но по дороге изменил свое решение и расстрелял пленника.

Когда доложили об этом Сухарто, который к тому времени стал командующим операциями по восстановлению безопасности и порядка в стране, он сказал, что

принимает на себя ответственность за эти действия. Через два дня после убийства Айдита написанный им документ и сделанные после ареста фотографии были сожжены по приказу командующего военным округом генерала Сурьосумпено[66]. Когда Сухарто доложил президенту о смерти Айдита, тот ограничился фразой: «Ну раз убит, тут уж ничего не поделаешь»[67].

Сукарно почти полтора года вел безнадежную борьбу за власть. Под нажимом своих противников он в ряде случаев осудил «Движение», но эти его высказывания имели известный налет двусмысленности. В послании высшему органу государственной власти Индонезии Временному народному консультативному конгрессу 10 января 1967 г. он вновь заявил, что «Движение 30 сентября» было для него полнейшей неожиданностью и что причинами его были, во-первых, «оплошность» (использованное им в данном случае индонезийское слово было весьма уклончивым) руководства КПИ, во-вторых, изощренная подрывная деятельность империализма и, в-третьих, то, что действительно были лица, которые неправильно вели себя[68]. Под последними он подразумевал своих противников в армии. Как вспоминала жена Сукарно Ратна Сари Деви, самый близкий к нему человек в первое после описываемых событий время, в частных разговорах он настаивал, что КПИ ни в какой мере не была ответственной за то, что произошло в те дни[69].

События осени 1965 г., их исход, непосредственные и более отдаленные последствия не были лишь цепью случайностей, и если бы Сукарно, находясь на авиабазе Халим, официально благословил действия «Движения», то это не направило бы все дальнейшее развитие Индонезии на многие годы по другому пути. Конечно, каждое из конкретных событий тех дней могло быть и часто было следствием случайности, неорганизованности и беспечности одних, нерешительности других, корыстных расчетов третьих, прямых провокаций и обмана со стороны четвертых. Если же абстрагироваться от частностей, то следует констатировать, что акция в ночь на 1 октября 1965 г. не была путчем ни со стороны подполковника Унтунга, ни тем более Компартии Индонезии, ибо в ней не было обязательной для путча черты — намерения захватить власть.

События 30 сентября — 1 октября 1965 г. в Индонезии представляли собой попытку главы государства предотвратить государственный переворот, прибегнув к антизаконным методам. (Впрочем, в условиях авторитарного режима грань между законными и антизаконными деяниями власти нередко бывает размытой.) Важно выяснить, чтó в действиях Унтунга и его соратников было прямым исполнением воли президента, что — «эксцессом исполнителя», а что — следствием злого умысла посторонних сил. Но, как бы то ни было, вся полнота ответственности за «30 сентября» лежит на Сукарно. И эта ответственность только усугубляется его положением харизматического лидера в стране с недостаточно развитой политической и правовой культурой, где каждое слово или действие «отца нации» может иметь самые непредсказуемые последствия.

Противостояние политических сил в Индонезии, обозначившееся в 1965 г., и масштабы потрясений, обрушившихся на нее после «30 сентября», были следствием остроты и запущенности социальных антагонизмов в индонезийском обществе и экономике, отсутствия у государственной власти реальной концепции и программы вывода страны из кризиса. Когда Сукарно в одной из речей в конце октября 1965 г. назвал «Движение» всего лишь рябью на поверхности океана индонезийской революции, он был прав, хотя и не в том смысле, который имел в виду. И если предположить, что ему и его сторонникам удалось бы в октябре 1965 г. отвести непосредственную угрозу от режима «направляемой демократии», то вскоре или даже немедленно вслед за этим должно было произойти новое обострение противоречий вокруг путей дальнейшего развития Индонезии.

Примечания

1. Из советских работ см.: ГАЛИНИН С. И. Буржуазная историография Движения 30 сентября в Индонезии. — В кн.: Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. М. 1971; СИМОНИЯ Н. А. Путь индонезийской революции. — Азия и Африка сегодня, 1967, № 6; основанные на изучении оригинальных материалов исследования А. Б. Резникова, опубликованные в 70-х годах и во

многих отношениях предварившие предлагаемую работу. Следует назвать и документ Коммунистической партии Индонезии: Jawaban PKI kepada KOPKAMTIB. Jakarta. Maret, 1979. Diperbanyak dan disebarkan oleh Redaksi «Tekad Rakyat».
2. Political Power and Communications in Indonesia. Los Angeles — Lnd. 1978, p. 101.
3. VITTACHI T. The Fall of Sukarno. N. Y. — Washington. 1967, p. 48.
4. MAY B. The Indonesian Tragedy. Lnd. Henley and Boston, 1978, p. 119.
5. Ibid., p. 126.
6. Tanahair, Djanuari, 1965, pp. 21—23 (Koln).
7. G-30-S Dihadapan Mahmillub. Perkara Dr. Subandrio, Dj. 1. Djakarta. 1967, p. 108.
8. Gerakan 30 September Partai Komunis Indonesia. Dikeluarkan oleh Komando Operasi Pemulihan Keamanan dan Ketertiban. Jakarta. 1978, p. 91.
9. JONES H. P. Indonesia: The Possible Dream. N. Y. 1978, pp. 377—378.
10. Perkara Dr. Subandrio, p. 89.
11. G-30-S Dihadapan Mahmillub. Perkara Njono. Djakarta. 1966, p. 133.
12. DAKE A. In the Spirit of the Red Banteng. Indonesian Communists between Moscow and Peking, 1959—1965. The Hague. P. 1973, p. 381.
13. Perkara Dr. Subandrio, p. 140.
14. KARNI R. S. The Devious Dalang. Sukarno and the So-Called Untung Putsch. Eye Witness Report by Bambang S. Widjanarko. The Hague. 1974, pp. 21, 124 (Сабур в ходе последующих событий играл довольно уклончивую роль).
15. DAKE A. Op. cit., p. 398.
16. Suara Karya, 30. IX. 1985.
17. Kompas, 31.I.1972.
18. MAY B. Op. cit., p. 112; Kompas, 21.I.1972; Indonesia Raya, 21.I.1972.
19. Gerakan 30 September, pp. 63—65.
20. Ibid., p. 95.
21. G-30-S Dihadapan Mahmillub. Perkara Untung. Djakarta. 1966, pp. 203, 37.
22. Ibid., p. 49.
23. PENDERS C. L. M. The Life and Times of Sukarno. Lnd. 1974. pp. 185—186.
24. Perkara Njono, pp. 36—47.
25. Ibid.
26. Ibid., p. 36.
27. Kompas, 29.I.1972.
28. Journal of Contemporary Asia Quarterly, 1979, № 2, p. 252.
29. Perkara Untung, p. 213.
30. Perkara Njono, pp. 211—212.
31. Pelita, 17.V.1978.
32. Gerakan 30 September, p. 102.
33. Ibid., pp. 102—103.
34. KARNI R. S. Op. cit., p. 13.
35. Suluh Indonesia, 24.IX.1965.
36. Gerakan 30 September, p. 93.
37. Perkara Njono, p. 137.
38. Gerakan 30 September, p.110.
39. Perkara Untung, pp. 46—49.
40. Ibid., p. 39.
41. Цит. по: HUGHES J. Indonesian Upheaval. N. Y. 1967, p. 13.
42. KARNI R. S. Op. cit., p. 15.
43. Унтунг тоже раньше был подчиненным Сухарто, который его хорошо знал и даже был гостем на его свадьбе, а генерал Супарджо осенью 1965 г. являлся прямым подчиненным Сухарто (Suara Karya, 2.X.1985).
44. Journal of Contemporary Asia Quarterly, 1979, № 2, p. 249.
45. Ibid., p. 250.
46. Pelita, 10.V.1978.
47. Tempo, 21.VII.1990, p. 109.
48. Journal of Contemporary Asia Quarterly, 1979, № 2, p. 224.
49. Perkara Untung, p. 97; Pelita, 17.V.1978.
50. Fakta-fakta Persoalan Sekitar «Gerakan 30 September». Djakarta. 1966, p. 39.
51. ROEDER O. G. The Smiling General. Djakarta. 1969, pp. 12—13. Не совсем понятно, почему этот приказ не фигурировал в расчетах руководителей «Движения», по крайней мере генерал Супарджо и пол-

ковник Латиф должны были о нем знать. Насколько нам известно, оригинал этого документа нигде опубликован не был.

52. ROEDER O. G. Op. cit., pp. 19—20.
53. Perkara Untung, p. 60.
54. Fakta-fakta Persoalan, p. 46.
55. Perkara Untung, p. 51.
56. Angkatan Bersenjata, 17.X.1972; Kompas, 25.I.1972.
57. Perkara Njono, p. 221; Perkara Untung, p. 52; Pelita, 17.V.1978.
58. Gerakan 30 September, p. 144.
59. ROEDER O. G. Op. cit., p. 14.
60. KARNI R. S. Op. cit., p. 35.
61. Fakta-fakta Persoalan, p. 29.
62. Ibid., pp. 46—47 («орудиями революции» в Индонезии именовались все государственные институты, партии, общественные организации).
63. Gerakan 30 September, p. 191.
64. В США опубликованы данные о том, что американское посольство в Джакарте, используя свои разведывательные возможности, оказывало индонезийской армии помощь в борьбе против левых сил (индонезийская сторона, впрочем, опровергла это сообщение) (Far Eastern Economic Review, 2.VIII. 1990, p. 18; Washington Post, 21.V.1990).
65. Цит. по: VITTACHI T. Op. cit., pp. 116—117.
66. Suara Karya, 2—3.X.1984.
67. Suara Karya, 2.X.1985.
68. Surat Perintah 11 Maret. Surabaya, 1969, pp. 153—154.
69. MAY B. Op. cit., p. 128.

Декрет об архивном деле 1918 года

Е. В. Старостин, Т. И. Хорхордина

На Всесоюзной научно-практической конференции по проблемам архивного дела[1], проходившей в июне 1988 г., и на специальном заседании Ученого совета Московского историко-архивного института, состоявшемся 31 мая 1988 г., ученые впервые попытались непредвзято оценить значение декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», подписанного В. И. Лениным 1 июня 1918 года. Поскольку мнения были высказаны полярные, стало ясно, что нужна серьезная дискуссия. На письмо одного из авторов настоящей статьи[2] откликнулись С. И. Кузьмин, М. С. Селезнев и А. П. Пшеничный[3], которые и ранее выступали в печати по этому вопросу[4]. Так как их позиции сходны и выражают не меняющуюся уже десятилетия точку зрения Главархива СССР, то уместно углубить систему доказательств, которая была лишь намечена в указанном письме. Речь идет не только о том или ином толковании понятий «государственный архивный фонд», «централизация», «национализация» и др. применительно к декрету (что тоже очень важно), а о более глубоком прочтении всего комплекса источников, связанных с подготовкой, обсуждением этого законодательного акта и его последующей судьбой.

Декрет от 1 июня 1918 г. по количеству посвященных ему работ нельзя сравнить ни с одним правовым актом об архивах, принятым Советским правительством. К тексту декрета неоднократно возвращались в монографиях, учебниках и учебных пособиях по истории архивного дела[5], юбилейных и редакционных статьях, в статьях, посвященных начальному периоду архивного строительства в Советской стране. Попытки разобраться в содержании этого акта предпринимались иностранными специалистами[6].

Официальная точка зрения такова: «История архивного строительства в СССР — это воплощение ленинских идей централизации архивного дела»[7]. Но этот постулат критики не выдерживает. Он был сконструирован в условиях административной системы и полностью отвечал задачам ее существования.

Реформа архивного дела назревала в России давно[8]. Еще до революции были продуманы и обсуждены альтернативные проекты Д. Я. Самоквасова, губернских

Старостин Евгений Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ); *Хорхордина Татьяна Иннокентьевна* — кандидат исторических наук, старший преподаватель той же кафедры.

ученых, архивных комиссий, И. Е. Андреевского, Е. Н. Квашнина-Самарина, А. И. Лебедева и Ф. А. Ниневе и др.[9] Ни один из них после Октябрьской революции не был и не мог быть положен в основу законодательства. Сложившаяся к первой половине 1918 г. реальность продиктовала новые пути проведения реформы в жизнь.

Схема, по которой многие авторы (В. В. Максаков, Н. Р. Прокопенко, А. А. Соловьев и др.) начинают описывать первые шаги Советской власти по овладению архивами, — слом государственной машины, охранные грамоты архивам, направление в них комиссаров — нуждается в значительной корректировке.

Во-первых, архивы (текущее и законченное делопроизводство) нужно отнести к таким «не вполне государственным» звеньям правительственного аппарата, как банки, почта, телеграф, потребительские общества и т. п.[10], которые в принципе никто не собирался разрушать. Архивы оставались в основном на прежних местах, перешли к новым наркоматам, в них продолжали работать те же специалисты, которые проявляли «трогательный архивный героизм»[11], спасая ценнейшие фонды.

Материалы народных комиссариатов первых месяцев Советской власти раскрывают с предельной ясностью процесс перехода документов правительственных учреждений старого режима в собственность Советского государства. Первым шагом было издание приказа, в котором в начальной строке «предлагалось служащим оставаться при исполнении своих обязанностей»[12], вторым — создание в случае необходимости ликвидационных комиссий по упразднению учреждения как такового, третьим — принятие законодательного документа, определявшего юридические нормы перехода имущества в руки Советского государства, например «о признании собственностью Российской республики», «переходе в ведение», «передаче в распоряжение», «реквизиции», «конфискации» и «национализации». Понятно, что к имуществу бывших казенных учреждений и казенным предприятиям (архивы входили в их число) применялись первые три формулы. Не национализировало же большевистское правительство железные дороги, Ижорский или Обуховский заводы? А вот декрет о национализации Третьяковской галереи юрист по образованию Ленин подписал почти в одно время с актом об архивном деле. Ни у кого, даже у противников реформы, не возникало желания квалифицировать декрет как «национализацию».

Во-вторых, все попытки обнаружить «залежи охранных грамот», полученных архивами, не увенчались успехом. Разгромлены были главным образом полицейские учреждения. Это происходило после Февральской революции и в редких случаях после Октября. И если какому-либо архиву нужна была защита, то только для того, чтобы отстоять право на помещение от претензий более могущественных ведомств[13] или деклассированных элементов. Архивы правительственных ведомств Петрограда значительно пострадали в результате двух эвакуаций: осенней 1917 г. и весенней 1918 г., связанной с переездом Советского правительства в Москву. Большой ущерб архивам нанесли тяжелейшие условия, сложившиеся после Октября, — разруха, холод, голод и пр., а впоследствии — макулатурные кампании.

В-третьих, мифом является назначение комиссаров в основные архивохранилища. Матрос Н. Г. Маркин, получивший задание организовать на базе архива Министерства иностранных дел издание секретных документов о подготовке первой мировой войны, был одним из немногих комиссаров, посланных в архивы, 24-летний крестьянский сын, имевший начальное образование, безусловно, мог выполнить возложенную на него задачу, только опираясь на квалифицированную помощь сотрудников архива[14].

Случаи бойкота распоряжений Советского правительства некоторыми архивными служащими, конечно, были. Но в целом, по свидетельству очевидцев и участников событий, архивисты не покидали своих рабочих мест, продолжая трудиться на новую власть. На общем собрании Союза российских архивных деятелей 26 ноября 1918 г. было принято постановление с требованием немедленно «войти в сношения «Союзом Союзов», чтобы выделить служащих архивов, как учреждений научных и охраняющих национальное достояние, из общей политической забастовки и предоставить им право вернуться на службу»[15]. Именно этим объяснялось направление в Союз российских архивных деятелей уполномоченного по архивам

Петроградской коммуны Д. Б. Рязанова с предложением об организации совместных с органами Советской власти работ.

Нельзя, однако, отрицать, что за архивы шла ожесточенная борьба. Приступили уже к работе так называемые архивно-судебные комиссии по выявлению документов на бывших полицейских, секретных сотрудников Департамента полиции, провокаторов, царских прокуроров и т. п.[16] Различные монархические, буржуазные и мелкобуржуазные партии после Октябрьской революции вынуждены были уйти в подполье, предварительно позаботясь о сохранности своих документов.

В течение конца 1917 — начала 1918 г. власть от столичных губерний до окраин переходила в руки Советов. Однако понимание на местах ее природы, сути и границ было далеко не идентично столичному. Чувство самостоятельности, автономии, а в национальных регионах — суверенитета было всеподавляющим, и в первые месяцы после Октября оно даже усилилось[17]. Российская республика складывалась как федеративное государство, как союз самостоятельных республик и автономных областей. В. Шкловский вспоминал: «Это было время власти на местах и террора на местах»[18]. Во многих советских учреждениях работали люди, по-своему понимавшие задачи революции, некоторые Советы находились под влиянием меньшевиков и эсеров, а то и анархистов. Это, кстати, позволило М. С. Ольминскому сказать на Всероссийской конференции РКП(б), проходившей в 1920 г., что на местах архивы в основном находились в руках меньшевиков[19].

Историки не подсчитали еще количества больших и малых архивохранилищ, потерявших в Петрограде и Москве своих фондообразователей. Наряду с известными национальными архивными центрами, какими были Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел, Лефортовский архив, Государственный архив Российской империи, Архив Сената и др., существовали тысячи небольших хранилищ, оставшихся от структурных подразделений ведомств. Спасение их путем концентрации (в терминологии тех лет — «централизации») в более крупные документальные арсеналы представлялось неотложной задачей новой власти. Это совпадало с требованием той части представителей русской исторической науки, которые признали Советскую власть, остались работать в академических и научных центрах и считали необходимым сделать все возможное для спасения документального наследия.

Был еще один, не менее важный политический мотив. В природе всякой власти, тем более той, которая на своем знамени написала идеалы централизма, — концентрация ее составляющих элементов в одном центре. В данном случае только технические трудности: отсутствие помещения, квалифицированных кадров, средств, сложности с перевозкой и т. п. — помешали созданию хранилища республики и выполнению тем самым мечты революционеров всех эпох иметь документы в непосредственном распоряжении.

Благодаря трудам В. В. Максакова, А. П. Пшеничного и С. О. Шмидта фактическая история подготовки и принятия декрета 1 июня 1918 г. в целом известна. Однако некоторые важные звенья все же из нее выпали, и акценты в ряде случаев сделаны неточно, а у первых двух авторов и неверно.

Октябрьская революция застала архивных служащих объединенными с марта текущего года в профессиональную организацию — Союз российских архивных деятелей[20]. Во главе союза стал А. С. Лаппо-Данилевский, который собрал вокруг себя весь цвет российской исторической и архивной науки. Как и среди всей интеллигенции, в союзе были те, которые не приняли Советскую власть (но оставались политически пассивными, объявив «нейтралитет» по отношению к ней), и те, которые находили возможным сотрудничать с нею. Союз, разумеется, имел заслуги, занимаясь с марта 1917 г. организацией спасения петроградских архивов. Оставить архивы в руках «не своих» новая власть по вполне понятным причинам не могла и в конце марта 1918 г. под руководством Рязанова организует с подчинением Петроградской трудовой коммуне Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА).

В течение первых шести месяцев после Октября архивами не занимались ни М. Н. Покровский[21], ни В. В. Адоратский, ни В. В. Максаков. Покровский все свое время отдавал работе в Московском Совете рабочих депутатов, председателем которого он являлся, а с начала 1918 г. был в составе советской делегации на мир-

ученых, архивных комиссий, И. Е. Андреевского, Е. Н. Квашнина-Самарина, А. И. Лебедева и Ф. А. Ниневе и др.[9] Ни один из них после Октябрьской революции не был и не мог быть положен в основу законодательства. Сложившаяся к первой половине 1918 г. реальность продиктовала новые пути проведения реформы в жизнь.

Схема, по которой многие авторы (В. В. Максаков, Н. Р. Прокопенко, А. А. Соловьев и др.) начинают описывать первые шаги Советской власти по овладению архивами, — слом государственной машины, охранные грамоты архивам, направление в них комиссаров — нуждается в значительной корректировке.

Во-первых, архивы (текущее и законченное делопроизводство) нужно отнести к таким «не вполне государственным» звеньям правительственного аппарата, как банки, почта, телеграф, потребительские общества и т. п.[10], которые в принципе никто не собирался разрушать. Архивы оставались в основном на прежних местах, перешли к новым наркоматам, в них продолжали работать те же специалисты, которые проявляли «трогательный архивный героизм»[11], спасая ценнейшие фонды.

Материалы народных комиссариатов первых месяцев Советской власти раскрывают с предельной ясностью процесс перехода документов правительственных учреждений старого режима в собственность Советского государства. Первым шагом было издание приказа, в котором в начальной строке «предлагалось служащим оставаться при исполнении своих обязанностей»[12], вторым — создание в случае необходимости ликвидационных комиссий по упразднению учреждения как такового, третьим — принятие законодательного документа, определявшего юридические нормы перехода имущества в руки Советского государства, например «о признании собственностью Российской республики», «переходе в ведение», «передаче в распоряжение», «реквизиции», «конфискации» и «национализации». Понятно, что к имуществу бывших казенных учреждений и казенным предприятиям (архивы входили в их число) применялись первые три формулы. Не национализировало же большевистское правительство железные дороги, Ижорский или Обуховский заводы? А вот декрет о национализации Третьяковской галереи юрист по образованию Ленин подписал почти в одно время с актом об архивном деле. Ни у кого, даже у противников реформы, не возникало желания квалифицировать декрет как «национализацию».

Во-вторых, все попытки обнаружить «залежи охранных грамот», полученных архивами, не увенчались успехом. Разгромлены были главным образом полицейские учреждения. Это происходило после Февральской революции и в редких случаях после Октября. И если какому-либо архиву нужна была защита, то только для того, чтобы отстоять право на помещение от претензий более могущественных ведомств[13] или деклассированных элементов. Архивы правительственных ведомств Петрограда значительно пострадали в результате двух эвакуаций: осенней 1917 г. и весенней 1918 г., связанной с переездом Советского правительства в Москву. Большой ущерб архивам нанесли тяжелейшие условия, сложившиеся после Октября, — разруха, холод, голод и пр., а впоследствии — макулатурные кампании.

В-третьих, мифом является назначение комиссаров в основные архивохранилища. Матрос Н. Г. Маркин, получивший задание организовать на базе архива Министерства иностранных дел издание секретных документов о подготовке первой мировой войны, был одним из немногих комиссаров, посланных в архивы, 24-летний крестьянский сын, имевший начальное образование, безусловно, мог выполнить возложенную на него задачу, только опираясь на квалифицированную помощь сотрудников архива[14].

Случаи бойкота распоряжений Советского правительства некоторыми архивными служащими, конечно, были. Но в целом, по свидетельству очевидцев и участников событий, архивисты не покидали своих рабочих мест, продолжая трудиться на новую власть. На общем собрании Союза российских архивных деятелей 26 ноября 1918 г. было принято постановление с требованием немедленно «войти в сношения «Союзом Союзов», чтобы выделить служащих архивов, как учреждений научных и охраняющих национальное достояние, из общей политической забастовки и предоставить им право вернуться на службу»[15]. Именно этим объяснялось направление в Союз российских архивных деятелей уполномоченного по архивам

Петроградской коммуны Д. Б. Рязанова с предложением об организации совместных с органами Советской власти работ.

Нельзя, однако, отрицать, что за архивы шла ожесточенная борьба. Приступили уже к работе так называемые архивно-судебные комиссии по выявлению документов на бывших полицейских, секретных сотрудников Департамента полиции, провокаторов, царских прокуроров и т. п.[16] Различные монархические, буржуазные и мелкобуржуазные партии после Октябрьской революции вынуждены были уйти в подполье, предварительно позаботясь о сохранности своих документов.

В течение конца 1917 — начала 1918 г. власть от столичных губерний до окраин переходила в руки Советов. Однако понимание на местах ее природы, сути и границ было далеко не идентично столичному. Чувство самостоятельности, автономии, а в национальных регионах — суверенитета было всеподавляющим, и в первые месяцы после Октября оно даже усилилось[17]. Российская республика складывалась как федеративное государство, как союз самостоятельных республик и автономных областей. В. Шкловский вспоминал: «Это было время власти на местах и террора на местах»[18]. Во многих советских учреждениях работали люди, по-своему понимавшие задачи революции, некоторые Советы находились под влиянием меньшевиков и эсеров, а то и анархистов. Это, кстати, позволило М. С. Ольминскому сказать на Всероссийской конференции РКП(б), проходившей в 1920 г., что на местах архивы в основном находились в руках меньшевиков[19].

Историки не подсчитали еще количества больших и малых архивохранилищ, потерявших в Петрограде и Москве своих фондообразователей. Наряду с известными национальными архивными центрами, какими были Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел, Лефортовский архив, Государственный архив Российской империи, Архив Сената и др., существовали тысячи небольших хранилищ, оставшихся от структурных подразделений ведомств. Спасение их путем концентрации (в терминологии тех лет — «централизации») в более крупные документальные арсеналы представлялось неотложной задачей новой власти. Это совпадало с требованием той части представителей русской исторической науки, которые признали Советскую власть, остались работать в академических и научных центрах и считали необходимым сделать все возможное для спасения документального наследия.

Был еще один, не менее важный политический мотив. В природе всякой власти, тем более той, которая на своем знамени написала идеалы централизма, — концентрация ее составляющих элементов в одном центре. В данном случае только технические трудности: отсутствие помещения, квалифицированных кадров, средств, сложности с перевозкой и т. п. — помешали созданию хранилища республики и выполнению тем самым мечты революционеров всех эпох иметь документы в непосредственном распоряжении.

Благодаря трудам В. В. Максакова, А. П. Пшеничного и С. О. Шмидта фактическая история подготовки и принятия декрета 1 июня 1918 г. в целом известна. Однако некоторые важные звенья все же из нее выпали, и акценты в ряде случаев сделаны неточно, а у первых двух авторов и неверно.

Октябрьская революция застала архивных служащих объединенными с марта текущего года в профессиональную организацию — Союз российских архивных деятелей[20]. Во главе союза стал А. С. Лаппо-Данилевский, который собрал вокруг себя весь цвет российской исторической и архивной науки. Как и среди всей интеллигенции, в союзе были те, которые не приняли Советскую власть (но оставались политически пассивными, объявив «нейтралитет» по отношению к ней), и те, которые находили возможным сотрудничать с нею. Союз, разумеется, имел заслуги, занимаясь с марта 1917 г. организацией спасения петроградских архивов. Оставить архивы в руках «не своих» новая власть по вполне понятным причинам не могла и в конце марта 1918 г. под руководством Рязанова организует с подчинением Петроградской трудовой коммуне Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА).

В течение первых шести месяцев после Октября архивами не занимались ни М. Н. Покровский[21], ни В. В. Адоратский, ни В. В. Максаков. Покровский все свое время отдавал работе в Московском Совете рабочих депутатов, председателем которого он являлся, а с начала 1918 г. был в составе советской делегации на мир-

ных переговорах с Германией. С мая (за несколько дней до подписания декрета) он был утвержден заместителем наркома просвещения[22]. Адоратский, приехавший к осени 1918 г. полуживой из Германии, после непродолжительной работы заведующим Новоромановским архивом с 18 ноября 1918 г., спасался от голода в городе своей юности Казани и только в 1920 г. был назначен заместителем заведующего Центральным архивным управлением[23]. Не принимал участия в подготовке декрета и Максаков, занявший лишь в августе 1918 г. должность директора архива Октябрьской революции, который вобрал в свой состав прежде всего фонды жандармских учреждений[24].

Понимая, что без привлечения профессионалов проблему сохранности и перевозки документов петроградских архивов не решить, Рязанов находил возможным сотрудничать с А. С. Лаппо-Данилевским, С. К. Богоявленским, С. Ф. Платоновым, С. Б. Веселовским, П. Е. Щеголевым, А. Е. Пресняковым, Ю. В. Готье, А. С. Николаевым, С. В. Рождественским, В. Г. Дружининым и другими историками и архивистами, входившими в Союз российских архивных деятелей. Тем более что большинство из них разделяли его идеи необходимости концентрации (централизации) архивных документов[25], ставя на первое место историко-культурное значение архивов.

Централизация документов в архивах ради их спасения и создание для управления ими специального архивного главка представлялись тогда панацеей[26]. «Реформа архивного дела, — писал несколько позднее Адоратский, — совершенная после Октябрьской революции, была необходима, во-первых, потому, что прежняя организация архивного дела в дореволюционной России была совершенно неудовлетворительной; во-вторых, в обстановке, создавшейся после войны и революции, возникла насущная необходимость в том, чтобы для спасения массы очень ценных архивных материалов, оставшихся бесхозными, был создан единый орган, несущий ответственность за архивы»[27].

Проекты, разработанные Союзом архивных деятелей и Д. Б. Рязановым, явились основой докладной записки наркома просвещения А. В. Луначарского в Совнарком о принятии мер к охране архивов и библиотек (апрель 1918 г.)[28]. 26 апреля вопрос об организации Центрального управления архивами и библиотеками, а также о создании архива и библиотеки истории революционного движения в России обсуждался на заседании СНК[29]. Докладчиком был главноуполномоченный по реорганизации и ликвидации архивов, находящихся на территории Петроградской коммуны, Рязанов. Сохранились протокол и черновые записи к нему, которые вела Л. А. Фотиева[30]. Они позволяют с достаточной точностью восстановить ход обсуждения. Участвующие (В. И. Ленин, И. В. Сталин, М. И. Лацис, Г. И. Петровский, А. Н. Винокуров, П. И. Стучка, М. Ю. Козловский, Г. В. Чичерин и др.) признали необходимым «отделить разработку и использование архивов от организации библиотек» и поручили «выработать точный проект по вопросу об архивах, положив в основу идеи Рязанова»[31].

В официальном варианте протокола, подготовленном секретарем Совета Н. П. Горбуновым, было записано: «Поручить А. В. Луначарскому созвать совещание из представителей Народного комиссариата просвещения, председателя Центрального комитета по управлению архивами т. Рязанова, специалистов по назначению НКП и представителей заинтересованных ведомств для разработки детального проекта организации Центрального управления архивами, а также и в особенности проекта реорганизации всего библиотечного дела по швейцарско-американской системе»[32]. Предполагалось также на нужды ЦКУА ассигновать 200 тыс. рублей.

К середине мая Рязанов, а также наиболее деятельные члены Союза российских архивных деятелей[33] подготовили проект об объединенном органе управления архивами и книжно-библиотечным делом. Однако вскоре, поскольку против объединения «восстали» Книжная палата и Публичная библиотека, архивное и библиотечное дело были разведены. На совещание в Наркомпросе, состоявшееся 27—28 мая, Рязанов принес проект положения о Главархиве. И только на этом этапе Покровский, ставший заместителем Луначарского, вмешался в редакцию будущего акта[34].

Протокол совещания, в котором приняли участие 17 человек[35], демонстрирует наличие самых разнообразных, а иногда и противоположных точек зрения на подчиненность архивного управления (Покровский — за подчинение его ВЦИК или

СНК, Рязанов, Шапиро и др. — Наркомпросу), на условия доступа в архивы (Рязанов — за неограниченный доступ, Покровский, Савин, Сторожев — за необходимые ограничения) и на разграничительную дату сдачи документов — 25 октября 1917 г. (Рязанов). Против последнего предложения возражал представитель НКИД, предлагая устанавливать сроки сдачи дел ведомствами по специальным решениям Совнаркома. Участники совещания не пришли к единому мнению, и обсуждение было перенесено на 30 мая 1918 г. на заседание специальной архивной комиссии при Наркомпросе.

Будущий декрет рождался тяжело, так как его положения затрагивали интересы многих центральных ведомств. На заседании 30 мая участникам удалось договориться о подчиненности архивного управления Наркомпросу и снятии пункта о доступности архивов. В тот же день вопрос «О Главном управлении архивным делом» был рассмотрен Совнаркомом. Констатировать, что председательствующий на заседании Ленин снял с повестки дня данный вопрос, как это делает Пшеничный, мало. Надо объяснить почему. Это зафиксировано в «Биохронике», где указывается, что «Ленин во время обсуждения «Положения о Главном управлении архивным делом» знакомится с написанным Г. В. Чичериным примечанием к § 2 «Положения» и пишет на нем: „Примеч. к § 2“»[36]. Расшифровать эту краткую запись можно примерно так: следует ли принять возражение наркома иностранных дел и разрешить отдельным ведомствам задержать документы у себя или передать без исключения все? Речь шла о документах, не утративших значения для повседневной деятельности, образовавшихся до 25 октября 1917 года.

В протоколе заседания имеется запись: «Предложить той же комиссии представить завтра же как проект, так и все поправки к нему в письменной форме и за подписями председателя комиссии или лица, внесшего поправку»[37]. На следующий день, 31 мая, Рязанов представил проекты декрета (из 9 пунктов) и Положения «О Главном управлении архивным делом» (из 19 пунктов). 1 июня утром эти документы были тщательно рассмотрены на заседании «вермишельной комиссии» при СНК, более известной под названием «Малый Совнарком». На заседании присутствовали: М. И. Боголепов, И. Г. Падерин, А. Г. Правдин, М. Ю. Козловский (председатель), С. П. Середа, В. Д. Бонч-Бруевич, Д. Б. Рязанов, В. М. Альтфатер, А. А. Свитальский, Г. В. Высоцкий[38]. Протокол заседания (№ 47) сохранился. В ходе обсуждения родился текст декрета, подписанного вечером на заседании СНК Лениным.

Сравнительный анализ текста, представленного Рязановым, и декрета, подписанного Лениным, был проведен Пшеничным, и с основными его наблюдениями (но не объяснениями) можно согласиться. К сожалению, о некоторых важных положениях он ничего не пишет или ограничивается скороговоркой.

Текстологическая судьба декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» имеет почти детективную историю. Исследователи почему-то не замечали того факта, что Ленин подписал два юридических акта: вначале — проект декрета с припиской: «просмотрел член коллегии НКЮ М. Козловский» — и декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» с подписями управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича и секретаря Н. П. Горбунова[39]. Сами тексты документов идентичны, хотя и напечатаны на разных машинках. На этом едва ли стоило заострять внимание, если бы во втором абзаце ст. 3 проекта декрета, во фразе «дела, не утратившие значение для повседневной деятельности, остаются в помещении данного ведомства, но поступают в ведение и распоряжение Главного управления архивным делом», «о» (в соединительном «но») не было бы забито другой буквой. В официальном тексте декрета, появившемся в «Известиях ВЦИК» (1918, 8 июня), было напечатано «не поступают», что в корне меняло смысл статьи. Пшеничный объясняет этот факт «опечаткой». Но это была не опечатка, а вполне намеренное исправление буквы и, следовательно, смысла данной статьи, что явилось первой уступкой ведомственности. В ЦГАОР СССР находится копия декрета, датированная 5 июня, буква в букву повторявшая текст, напечатанный в «Известиях». Копия снабжена припиской: «с подлинником верно. Авилов»[40]. В «Северной Коммуне» в отличие от «Известий» эта приписка воспроизведена слово в слово.

Следовательно, данная статья декрета подвергалась с согласия Ленина редакции, что вполне отвечало сложившемуся положению, всему духу акта и логике

последующей статьи. Этими изменениями исключались юридические права архивного главка на документацию ведомств, еще не вышедшую из практического использования. И время их перехода в Государственный архивный фонд должно было быть определено со взаимного согласия. Вскоре Главархив возьмет реванш и законодательно зафиксирует срок (явно нереальный) — 5 лет, положив тем самым начало продолжительной и, как правило, не в свою пользу борьбе с ведомствами.

«Ошибку» в тексте декрета обязаны были исправить в официальном издании немедленно. Но не исправили. Не сделали этого даже тогда, когда любознательный С. Н. Валк впервые указал на расхождение в статье, опубликованной в «Архивном деле» (1939, № 3(51). Только ослабление диктата ведомств, наступившее в результате начатой Н. С. Хрущевым экономической реформы, позволило в 1959 г. подготовить и издать первую, с указанием разночтений, публикацию текста декрета[41].

И еще об одной «мелочи». В текстах декрета, напечатанного в «Известиях» и в «Декретах Советской власти», в ст. 1, «единый Государственный Архивный Фонд», слово «единый» написано со строчной буквы. В ст. 2, 3, 4, 5 и 6 фигурирует «Государственный Архивный Фонд» без определяющего слова «единый». Откуда же появилась известная всем поколениям советских архивистов и вошедшая в законодательство некоторых зарубежных стран аббревиатура ЕГАФ? В тексте декрета, напечатанного в сборнике «Собрание узаконений» (1918, № 40, с. 514), в подготовке к печати которого, очевидно, приняли участие представители Главархива, слово «единый» написано с прописной буквы. Ясно, что этим самым были изменены не только графика, но и смысловое значение понятия.

Итак, встал вопрос: за каким из двух текстов декрета — 1918 г. или 1959 г. — вся полнота юридической силы и «подлинность»? Ответ может быть один: за текстом, увидевшим свет при жизни Ленина и лиц, принимавших участие в его составлении и обсуждении. Следовательно, публикация декрета в 1959 г. и все последующие за нею являются не исправлением, а ревизией.

Свое название декрет получил в день подписания на утреннем заседании Малого Совнаркома. Заголовок, ранее предложенный Рязановым, «О Главном управлении архивным делом», был отклонен, поскольку стало очевидным, что содержание декрета выходит за рамки ведомственности и означает коренную реорганизацию архивного дела. Положение о Главархиве и подведомственных ему областных управлениях было решено изъять из декрета и издать дополнительно. Декрет получил название «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР», что соответствовало духу и букве принимаемых в тот период законодательных актов. У участников свежо было в памяти вчерашнее заседание Совнаркома (31 мая), на котором был принят декрет «О реорганизации и централизации автомобильного хозяйства Республики»[42].

От толкования ст.1: «Все архивы правительственных учреждений ликвидируются как ведомственные учреждения, и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют единый Государственный Архивный Фонд» — зависит в целом понимание сути декрета[43]. Под «архивами правительственных учреждений» на начало лета 1918 г. понимались архивы центральных учреждений царского и Временного правительств, сохранившиеся в Москве и Петрограде. Такую же точку зрения высказывал и Рязанов[44]. Да другого и быть не могло. Покровский, который необоснованно считается соавтором декрета, писал о том времени: «Теперь представьте начало лета 1918 г.: полный хаос вне двух-трех центров, приведенных нами в некоторый бивуачного типа порядок»[45]. Именно эти сложившиеся архивные комплексы образовали Государственный архивный фонд (ГАФ) РСФСР.

Реальность начала лета 1918 г. не позволила Советскому правительству включить в ГАФ документы местных учреждений. Их судьбу решит декрет от 31 марта 1919 года. Военно-морские архивы, которые вначале вошли в ГАФ (секция III), в декабре 1918 г. были переданы из Главного управления архивным делом (ГУАД) в ведение Главного управления по командному составу Всероссийского Главного штаба[46]. В архив НКИД, по специальному соглашению между Чичериным и Рязановым, вскоре перейдут документы по внешней политике России, образовавшиеся после 1856 года[47]. Аббревиатура ЕГАФ, которой стали пользоваться в документах, отвечала претензиям архивного главка на расширение границ ГАФ до масштаба

всей страны. Тем более что юридическая неточность ст. 1 оставляла двери открытыми.

«Расшифровка» ГАФ сохранилась во множестве печатных и архивных документов того времени. В соответствии с содержанием архивных материалов ГАФ разбивался на семь секций, каждая из которых получала особый порядковый номер. Впоследствии их число было доведено до девяти. «Каждая секция, — говорится в документе того времени, — в зависимости от степени фактически достигнутой ею централизации архивных фондов составляется из одного или нескольких отделений, то есть исторически сложившихся благодаря деятельности однородных учреждений комплексов фондов, обозначаемых в каждой секции арабскими цифрами. Общее их число на территории Петрограда и Москвы — 24»[48]. Все сомнения в определении границ ГАФ рассеиваются при изучении финансовой документации, смет и расчетов к ним, кредита отделений секций, расходов «по перевозке фондов для централизации» и т. п., сохранившейся в фонде Главного архивного управления (ГАУ) при СМ СССР[49].

Из множества незаслуженно забытых историками свидетельств приведем обобщающую оценку А. Е. Преснякова, одного из авторитетнейших историков первых лет Советской власти, стоявшего у истоков идеи ГАФ, которая легла в основу декрета от 1 июня: «Весь состав архивов Москвы и Петрограда, их архивные собрания, созданные функционированием центральных органов государственного управления, рассматриваются как особое целое — центральный государственный архивный фонд или единый центральный государственный архив, разделенный на „секции“ и „отделения“»[50]. А позднее, через 4—5 лет, он был вынужден признать, что «воплощение идеи ЕГАФ в законченной системе архивной централизации — задача весьма сложная. Предельной степенью такого воплощения, к которой отчасти приближается разве что французская система, была бы организация единого общегосударственного архива. Но достижение этого предела невозможно технически, да и едва ли желательно в интересах распределения архивной и исследовательской работы»[51].

Таким образом, совершенно очевидно, что ГАФ как реальность создавался не для архивной администрации, а «для спасения наиболее угрожаемых архивных фондов путем концентрации их в крупные комплексы фондов». Именно в этом смысле следует понимать ст. 7 декрета, которая гласит: «В целях лучшего научного использования, а также для удобства хранения и экономии расходов отдельные части государственного архивного фонда по возможности должны быть соединены по принципу централизации архивного дела»[52].

Большевистское правительство, хотя и проповедовало неограниченную местную автономию, на деле вынуждено было проводить политику жесточайшей централизации, вошедшую в историю под именем «главкизм». Это касалось всех сторон деятельности государства, в том числе и области культуры. В архивном деле этот процесс начался и шел самым активным образом еще до принятия декрета и проводился отраслевыми наркоматами. Централизация — это прежде всего соединение фондов, создание (в результате слияния мелких) крупных архивохранилищ и т. п. Этот процесс шел повсеместно: вначале в Петрограде и Москве, а затем и в провинции. Декрет зафиксировал то, что уже проводилось в жизни.

Централизация архивных фондов значительно усилилась после принятия декрета, захватывая по мере освобождения Красной Армией территорий новые рубежи. Как старые, так и вновь образованные архивы включались в единую архивную сеть, во главе которой было поставлено Главное управление архивным делом. Вот отсюда и возникает вторая, так называемая управленческая, сторона централизации, отрицать которую, конечно, никто не собирается. Максаков, один из главных создателей мифологической истории «архивного строительства в СССР», был «командирован в архив Московского университета, чтобы согласно декрету взять его в распоряжение ГУАД»[53]. Он же в 1923 г. едет в Крым «для изъятия материалов, принадлежащих хранению в Центральных архивах РСФСР»[54].

Ошибочно думать, что это были только единичные акты, то есть случайные заезды уполномоченных Главархива, а затем Центрархива. «Только в прошлом году (1928 г. — *Авт.*) в Москву было перевезено из Сибири, Дальнего Востока, Самары и УССР до 70 000 кг весьма ценного исторического материала»[55]. Процесс этот, как явствуют документы, охватывал не только государственные, местные, но

и частные архивы. Инструкцией для осмотра последних, принятой в 1919 г., в § 2 предписывалось: «Усадебные архивы... подлежат немедленной доставке в Москву, в хранилище частных архивов»[56]. Ограбление периферийных хранилищ шло полным ходом и растянулось на несколько десятилетий.

Все это отвечало основной политической линии Советского государства. Именно так и поняли современники смысл нового законодательного акта об архивах. Газета «Наш век» писала: «Таким образом, мы присутствуем при разрушении последних остатков русской истории... Так как иначе, как сознательным разрушением «соединения отдельных частей государственного архивного фонда», нельзя и назвать. Если проект такого «соединения» будет осуществлен, то погибнет Московский архив Министерства юстиции. Жутко и думать, что благодаря «соединению» и связанным с ним перевозкам будут уничтожены монастырские древлехранилища и музейные собрания»[57]. В этом же смысле декрет был оценен и за рубежом. Можно понять и не осудить первые мероприятия Советского правительства по централизации, но превращение их в политику, рассчитанную на продолжительный срок, ничего, кроме вреда, не нанесло отечественному архивному делу[58].

Исследователи первых лет советского архивного строительства «не замечают», что государственно-правовая форма государства складывалась тогда на федеративных началах. Победа Октября реально позволила перевести вопрос о самоопределении народов в практическую плоскость. Принцип федерализма был подтвержден в первой Конституции РСФСР, принятой почти одновременно с декретом об архивном деле.

Не должно смущать то, что в тексте декрета этот принцип не прозвучал. Он и не мог прозвучать, поскольку рамки централизации на тот период ограничивались архивами столиц. Не является доказательством противного и ст. 10 декрета: «Положение о Главном управлении архивным делом и подведомственных ему областных управлениях будет издано дополнительно». Во-первых, это положение не было опубликовано ни через год, ни через два, ни через три. И на то были причины. Во-вторых, в Советской России основной административно-территориальной единицей продолжали оставаться губернии, и слово «область» в документах того времени встречается как синоним слова «регион» (Северо-Западная, Донецко-Криворожская, Уральская и т. д.), что было привнесено, как верно подсказывает Т. П. Коржихина, из структуры областных большевистских организаций, созданных еще до революции. В-третьих, большинство центральных городов крупных, исторически сложившихся областей — Екатеринбург, Омск, Самара, Ростов-на-Дону и др. — находилось в то время в руках контрреволюционных сил и, таким образом, было вне юрисдикции Советской власти. Москва — другое дело. Московское областное управление архивным делом стало функционировать вскоре после принятия декрета, проводя заседания коллегии в доме № 8 по Ваганьковскому переулку. И только глубокой осенью 1918 г. Петроград и Москва поменялись местами, и в городе на Неве вместо главного стало действовать областное управление архивным делом. Первый протокол заседания коллегии Главархива помечен 13 ноября 1918 года[59].

Нерешенность вопроса с местными архивами вынудила Советское правительство приступить к подготовке положения «О губернских архивных фондах», которое было подписано Лениным 31 марта 1919 года. Несмотря на явные централизаторские тенденции, просматривавшиеся в этом документе, отношения, которые складывались у ГУАД с архивными учреждениями на местах, были иными. В Ростове-на-Дону, Омске, да и в других городах, его трактовали в свою пользу. Так, в положении «О Донском областном архивном управлении» (1920), которое учреждалось при Донском исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, заведующий назначался не ГУАД, а местной исполнительной властью.

Примечательным в этом смысле является положение «Об Управлении архивным делом Сибири», опубликованное в начале 1920 года. В нем сказано: «Управление архивным делом Сибири учреждается в целях организации и централизации архивного дела в Сибири. Руководствуясь в своих действиях и распоряжениях декретами Совнаркома и постановлениями коллегии Главархива, Сибархив в делах, соприкасающихся с вопросами управления, подчинен Сибревкому»[60]. Заведующий VII секцией Сибархива Г. Е. Катанаев в докладной записке, предназначенной для, как он писал, «Всероссийского съезда архивов» (1920), так разъяснял позицию

сибирских архивистов: «Едва ли вяжется с идеей автономизации областей устанавливающаяся чрезмерная централизация архивного дела... Предметы ведения Главного (Государственного) управления архивным делом при федеративном строе государства должны, мне кажется, ограничиваться лишь возможным сглаживанием слишком резких особенностей в организации внутреннего управления архивным делом. В ведении Главархива как центрального хранилища дел общегосударственного фонда, по существу, также должны бы находиться дела общегосударственного значения, каковы дела бывших московских приказов, петербургских коллегий, министерств, Государственного Совета, Сената, Синода и т.п. Власть, которою, согласно изданным в разное время декретам и положениям, ныне пользуется Главное управление архивным делом по отношению к общегосударственному фонду, должна перейти к ним в районе территориального их ведения»[61].

Такое понимание путей развития архивного дела, концептуальность которого проглядывает вполне отчетливо, было свойственно большинству архивистов на местах. И Главархиву ничего не оставалось делать, как считаться с реальностью. Это подтверждает и более позднее свидетельство Максакова, сообщавшего, что в июле 1919 г. Главархивом была создана специальная комиссия «для установления форм связи архивных органов Российской Федерации с архивными учреждениями других советских республик и выяснения способов оказания им конкретной помощи в организации государственных архивных фондов и управления ими». «При этом, — продолжает он, — комиссия признала необходимость широкой автономии в постановке архивного дела в каждой Советской республике и области, учитывая своеобразие исторического развития каждой из них и в соответствии с этим формы организации отдельных комплексов архивных фондов». И далее следует очень важный вывод: «Совершенно неприемлема принципиально и неосуществима практически была высказанная комиссией мысль о превращении Главархива РСФСР в организующий центр архивной работы за пределами РСФСР на территории других советских республик»[62].

Могут ли еще быть сомнения, что «субъекты» федерации, такие государственные образования, как Белоруссия, Украина и др., организовывали свои архивы вполне самостоятельно? В положении о Центрархиве Социалистической Советской Республики Белоруссии от 12 сентября 1922 г. в ст. 2 записано: «Все дела и переписка правительственных учреждений Российской империи и других образований на территории Белоруссии поступают в единый Государственный архивный фонд Белоруссии»[63]. Не случайно в 1929 г. один из руководителей Центрального архивного управления (ЦАУ), В. В. Максаков, вынужден был констатировать, что «до 1925 г. мы почти не знали наших провинциальных, наших периферийных органов. Только с 1925—26 года началась наша планомерная работа по инструктированию наших архивных учреждений»[64].

Сложившуюся к началу 30-х годов федеративную систему управления архивами в стране не смогло поколебать даже создание ЦАУ СССР, поскольку содержание его деятельности, по первоначальному замыслу, должно было заключаться лишь в объединении деятельности центральных архивных управлений союзных республик по заведованию архивными фондами общесоюзного значения. Но это ограничение, по существу, осталось только на бумаге, поскольку через несколько лет, в 1938 г., с остатками федеральных принципов архивного управления было покончено одним ударом. ЦАУ СССР, республиканские управления, вся система госархивов были переданы в распоряжение самого могущественного и самого централизованного ведомства страны — НКВД. Все архивы получили единого «хозяина», над всеми архивами опустилась прочная, почти тюремная решетка. Все оказались практически за непроницаемой завесой тайны.

Сейчас остается не так много из еще недавно многочисленного отряда тех, кто считал это событие благом для архивов. Среди этих немногих — наш оппонент Пшеничный, который пишет, что спасение документов архивов — настоящий подвиг НКВД и «за него всегда надо быть благодарным, а не заниматься определением несуществующего ущерба». Он провозглашает: «Занимаясь в настоящее время изучением документов по истории архивного дела за 1938—1960 гг., я ответственно заявляю, что никаких фактов массовой гибели документов в эти годы, кроме фактов военных потерь, не было»[65].

Однако в действительности все было иначе. Сошлемся в качестве примера на

одну из многочисленных в этом роде публикаций архивных документов, озаглавленную «Письма наркомам»[66], в которой приводится переписка Бонч-Бруевича с Г. Ягодой, Н. Ежовым, Л. Берией с 1935 по 1939 год. В этих документах речь идет о противозаконном уничтожении сотрудниками НКВД архивов, которые «сжигались в печке» сразу после ареста их владельцев — деятелей науки, культуры и искусства нашего отечества. Бонч-Бруевич посылал Берии даже «фамилии лиц, которые предали сожжению в котельной дома... драгоценные книги, так и рукописи и документы». Он с трогательной наивностью просит главу НКВД «приказать самым строжайшим образом проверить эти ужасные факты» и «сделать необходимые оргвыводы». И выводы были сделаны: в марте 1940 г. Бонч-Бруевич был уволен с поста директора Литературного музея. Историки еще расскажут, что во время макулатурных кампаний документы уничтожались тоннами.

С передачей Главархива в систему НКВД протестовать против уничтожения архивных фондов стало некому. Что после этого творилось в архивохранилищах — пока неизвестно. Включение Главархива в систему органов НКВД было заключительным звеном в цепи «централизации», которой подверглись архивы страны с конца 20-х годов. И отсюда ожесточение оппонентов, представляющих ведомственную точку зрения. Счет за сложившуюся жестко централизованную систему архивов дóлжно представить не Ленину и его ближайшим соратникам, а тем, кто позже «увековечил» и «освятил» временные, вызванные гражданской войной меры и придал им характер незыблемых догм, определяющих основы современного советского архивного дела.

Истинное значение декрета от 1 июня 1918 г. состоит не в принципе централизации — он был ограничен «по швейцарско-американской системе» центром, — не в «национализации» документального наследия России, что явилось просто «идеологической подставкой» под якобы существующую народную собственность на документы, а в том ударе, который этот акт нанес ведомственному всевластию над архивными материалами.

Примечания

1. Всесоюзная научно-практическая конференция «Ленинские принципы социалистического архивного строительства — основа перестройки и совершенствования архивного дела». — Советские архивы, 1988, № 5.
2. СТАРОСТИН Е. В. Не историки для архивов, а архивы для историков. — Вопросы истории, 1988, № 12.
3. КУЗЬМИН С. И., СЕЛЕЗНЕВ М. С. О «новом» толковании текста ленинского декрета об архивном деле от 1 июня 1918 г. — Советские архивы, 1989, № 5; ПШЕНИЧНЫЙ А. П. О письме Е. В. Старостина в журнале «Вопросы истории». — Советские архивы, 1989, № 6.
4. ПШЕНИЧНЫЙ А. П. О подготовке декрета «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». — Советские архивы, 1987, № 6; ЕГО ЖЕ. Из истории становления управления архивным делом в СССР. 1918—1951 гг. — Там же, 1988, № 3; КУЗЬМИН С. И. Бесценное ленинское наследие. Поиски и находки. М. 1976; СЕЛЕЗНЕВ М. С. Значение декрета СНК «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» для становления и развития советской археографии. В кн.: Актуальные вопросы истории, теории и методики публикации документов. М. 1981; и др.
5. ЧЕРНОВ А. В. История и организация архивного дела в СССР. М. 1940; МАКСАКОВ В. В. История и организация архивного дела в СССР. М. 1969; ВЯЛИКОВ В. И. Архивное строительство в СССР (1917—1945 гг.). М. 1976; САМОШЕНКО В. Н. Архивное дело в период построения социализма в СССР. М. 1982; СОРОКИН В. В. Архивы учреждений СССР (1917—1937 гг.). М. 1982.
6. Полный текст декрета впервые приведен в книге итальянского архивиста С. Пистолезе «Европейские архивы с XI века до наших дней» (Рим. 1934). Здесь же им даны пояснения некоторых терминов. В дальнейшем на декрет ссылались многие зарубежные ученые. Специальный разбор положений акта сделан П. Гримстэд Кеннеди в статье «Ленинский архивный декрет 1918 г.: большевистское наследие для советской архивной теории и практики» (American Archivist, 1982, Vol. 45, N 4), выводы которой повторяют в целом нашу официальную историографию.
7. С этим же названием опубликован очередной подарочный фотокомплект Главного архивного управления (ГАУ) при Совете Министров СССР к 70-летию подписания декрета от 1 июня 1918 года.
8. САМОШЕНКО В. Н. История архивного дела в дореволюционной России. М. 1989, с. 132—133, 163—164, 182.

9. Лучшей работой в этой области является кандидатская диссертация К. А. Мазина «Проекты архивной реформы в России в конце XIX — начале XX в.» (М. 1987), к сожалению оставшаяся в рукописи.
10. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 307.
11. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Реформа архивного дела. — Русский исторический журнал, 1918, кн. 5, с. 208.
12. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 410, оп. 1, д. 1, л. 1.
13. Текст единственной сохранившейся охранной грамоты, выданной Комиссией по охране памятников искусства и старины при Московском Совете рабочих депутатов архиву Комиссариата юстиции, приведен в книге М. И. Автократовой и В. И. Буганова «Сокровища документов прошлого» (М. 1986, с. 8).
14. РАБИНОВИЧ М. Д. Публикаторская деятельность Николая Маркина. — Архивное дело, 1939, № 50; ИРОШНИКОВ М. П. Опубликование Советским правительством в 1917—1918 гг. тайных документов. — Археографический ежегодник за 1963 г. М. 1965.
15. ЦГАОР СССР, ф. 7789, оп. 1, д. 1, л. 98.
16. МАКСАКОВ В. В. Ук. соч., с. 40—41.
17. КОРЖИХИНА Т. П. История государственных учреждений СССР. М. 1986, с. 17.
18. ШКЛОВСКИЙ В. Сентиментальное путешествие. — Огонек, 1989, № 47, с. 11.
19. Протоколы 9-й партийной конференции РКП(б). М. 1972, с. 98, 102.
20. ОЛИГОВ А. Ф. Фонд общества российских архивных деятелей в ЦГАОР СССР (1917—1924 гг.). В кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М. 1980.
21. Архив Академии наук (Архив АН) СССР, ф. 1759 (М. Н. Покровского), оп. 3, д. 36, 39, 50.
22. Там же, д. 50 (обзор фонда опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1968 год» (М. 1970).
23. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 559 (В. В. Адоратского).
24. Архив АН СССР, ф. В. В. Максакова. Бумаги Максакова, к сожалению, не описаны. Имеется каталог, позволяющий ориентироваться в фонде. Архивный фонд кафедры истории и организации архивного дела, на который не раз ссылается Максаков, после его смерти был распылен. Часть документов сохранилась в библиотеке МГИАИ (см. также: ЛЕВШИН Б. В. Личный фонд В. В. Максакова в Архиве АН СССР. — Археографический ежегодник за 1978 год. М. 1979).
25. ОЛИГОВ А. Ф. Ук. соч., с. 75.
26. МАЯКОВСКИЙ И. Л. Исторические очерки архивного дела в России. Пг. 1920, с. 164.
27. АДОРАТСКИЙ В. В. Доклад на Конгрессе исторических наук в Осло. — Архивное дело. 1928, № 2, с. 69.
28. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 104, л. 30.
29. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника (далее — Биохроника). Т. 5, с. 408.
30. ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 104, л. 30. Почерк Л. А. Фотиевой установлен научным сотрудником ЦПА В. И. Тентюковым, которому авторы выражают искреннюю благодарность.
31. Там же, л. 12 об.
32. Там же, л. 4, 11, 25, 21.
33. В подготовке текста декрета участвовали: А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, С. В. Рождественский, П. Е. Щеголев (Петроград) и С. А. Белокуров, М. М. Богословский, С. К. Богоявленский, Ю. В. Готье, М. К. Любавский (Москва) и др. (см. ШМИДТ С. О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти. В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л. 1970, с. 27—28). Участие не значит согласие, и некоторые члены союза не одобряли направления, принятого Рязановым.
34. Пшеничному, уверявшему читателей, что Покровский вместе с Рязановым являлся автором «окончательного варианта», возражает сам Покровский, писавший: «Я не помню, чтобы у нас был хотя бы один личный разговор до того памятного дня, когда он приехал в Наркомпрос с проектом Главархива» (Архив АН СССР, ф. 1759, оп. 1, д. 311, л. 1).
35. Н. Н. Ардашев, С. Аристов, П. Г. Виноградов, Н. Г. Высоцкий, Г. П. Георгиевский, И. Э. Грабарь, У. Григанис, Н. Н. Кононов, В. И. Невский, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов, А. Н. Савин, Ю. В. Сергиевский, Станкевич, В. Н. Сторожев, Д. В. Цветаев, Шапиро. Вполне возможно, что на совещании присутствовали также Р. Ю. Виппер, Д. Н. Егоров, Д. М. Петрушевский и Г. В. Чичерин. Об этом свидетельствует В. В. Максаков, хотя в протоколе их имена не стоят. В тот период часто случалось, что в протокол не заносились имена опоздавших.
36. В. И. Ленин. Биохроника. Т. 5, с. 974.
37. Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 385; ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 23, д. 15, л. 5.
38. ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 23, д. 15, л. 5—7; оп. 2, д. 25, л. 8; ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 2, д. 47.
39. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 6175, машинописная копия.

40. Н. П. Авилов (Н. Глебов — 1887—1942), журналист, большевик с дореволюционным стажем. После победы Октябрьской революции был назначен комиссаром почт и телеграфов.
41. Декреты Советской власти. Т. 2, с. 383—385.
42. Там же, с. 372—374.
43. Там же, с. 383—385. Кстати, подобные текстовые изменения декретов при публикации их в органах печати носят не единичный характер. Так, существуют разночтения между публикацией декрета о ВХУТЕМАСе в газете «Известия ВЦИК» и оригинальным текстом (см. КОЛЬЦОВА Н. А. К источниковедческому анализу ленинского декрета о ВХУТЕМАСе. — Советские архивы, 1980, № 4, с. 32).
44. Ю. Ф. Кононов раскрыл позицию Рязанова в статье «Роль М. Н. Покровского в организации советского архивного дела», одна из редакций которой отложилась в Архиве АН СССР (ф. 1759, оп. 3, д. 40, л. 6).
45. Архив АН СССР, ф. 1759, оп. 1, д. 311, л. 1.
46. ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 6, л. 24—25.
47. Архив внешней политики (АВП) СССР, ф. 04, оп. 60, д. 58657, л. 13.
48. ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 58, л. 2.
49. Там же, д. 58, 59, 60 и т. д.
50. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Ук. соч., с. 213.
51. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Реформа архивного дела. М., б. г., Библиотека МГИАИ, с. 8.
52. Декреты Советской власти. Т. 2, с. 384.
53. СОРОКИН В. В. Ук. соч., с. 12.
54. ЗЕЛОВ Н. С., ПЛЕШАКОВ С. Т. В. В. Максаков и создание архива Октябрьской революции. — Археографический ежегодник за 1978 год. М. 1979, с. 103.
55. Архивное дело, 1929, № 2(9), с. 26.
56. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М. 1921, с. 75.
57. ЛИХТЕРМАН А. Декрет об архивном деле. — Наш век, 20.VI.1918, № 97(121).
58. В архивоведении уже давно сложился так называемый территориальный принцип комплектования, согласно которому архивы являются неотъемлемой (неотчуждаемой) частью культурного наследия того района (местности) и пр., на которой функционировали создавшие их учреждения.
59. ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 6, л. 1—2.
60. Советская Сибирь, 7.II.1920.
61. Государственный архив Омской области, ф. 336, оп. 1, д. 388, л. 6 об.—11. Благодарим Г. Я. Цветкову, любезно приславшую копию с этого документа.
62. МАКСАКОВ В. В. Архивное дело в первые годы Советской власти. М. 1959, с. 137, 138, 139. Он ссылается при этом на «протокол заседания комиссии по вопросу о желательном и возможном объединении архивного дела в Советской России и в прочих государственных образованиях, возникших на территории бывшего государства Российского» от 15 июля 1919 года.
63. Архивное дело в БССР (1918—1968). Минск. 1972, с. 19.
64. II Всероссийский съезд архивных работников РСФСР. Стеногр. отч. Т. 1. 1929, с. 46.
65. ПШЕНИЧНЫЙ А. П. О письме Е. В. Старостина в журнал «Вопросы истории», с. 43, 44.
66. См. Знание — сила, 1989, № 6, с. 69—74.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Патриарх Филарет (Федор Никитич Романов)

В. Г. Вовина

1 декабря 1618 г. в троицком селе Деулине было заключено перемирие между Россией и Речью Посполитой сроком на 15 лет. Оно подводило итог бурным событиям начала века, названным современниками Смутой. 14 июня 1619 г. Москва встречала «великого государя преосвященного митрополита» Филарета, отца царя Михаила Федоровича, протомившегося до этого восемь лет в польском плену и вытменянного на поляков, захваченных в Кремле осенью 1612 года. Вместе с Филаретом возвращались другие знатные пленные, в их числе защитник Смоленска боярин М. Б. Шеин. Другим, как боярину князю В. В. Голицыну, уже не довелось вернуться. Он умер по дороге в Вильно, и гроб с его телом продолжал путь на родину. Тело также увезенного в Польшу и умершего в плену царя Василия Ивановича Шуйского осталось погребенным в стенах Гостынского замка.

Прибытию Филарета приличествовала торжественная встреча. Государь указал в первой встрече в Можайске быть архиепископу Рязанскому и Муромскому Иосифу, боярину князю Д. М. Пожарскому и окольничему князю Г. К. Волконскому. В Звенигороде «у Савы Сторожевского» встречали Филарета архиепископ Вологодский и Великопермский Макарий, чудовский архимандрит Аврамий, ипатьевский архимандрит Иосиф, боярин В. П. Морозов да думный дворянин Г. Г. Пушкин. На последнем же «стану» от Москвы, в селе Хорошеве, ждали митрополит Сарский и Подонский Иона, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий, боярин князь Д. Т. Трубецкой и окольничий Ф. Л. Бутурлин.

Филарета «встречали» главные герои отшумевшей Смуты, те, чьи пути не раз пересекались с его собственными. Кто как не Гаврило Пушкин вместе с Наумом Плещеевым привез когда-то в Москву «прелестные» грамоты Лжедмитрия I и читал их всенародно на Лобном месте? И не с Трубецким ли вместе Филарет «сидел» в таборах у Лжедмитрия II, «Тушинского вора», и стал там впервые патриархом, как тот — боярином? И не тому же ли Трубецкому с Пожарским суждено было затем разрубить гордиев узел, взяв у поляков Москву осенью 1612 года? И не архимандрит ли Дионисий рассылал тогда из Троицы патриотические воззвания, призывая не покоряться «литве»? Наконец, не боярин ли Морозов вышел шесть лет назад на февральский снег Красной площади и объявил об избрании царем 16-летнего Михаила Романова?

Глядя на них, Филарет мог припомнить едва ли не всю свою жизнь. А ему

Вовина Варвара Гелиевна — кандидат исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

было что вспомнить. Неудивительно, что летописцы поют хвалу царскому родителю, но «страдальцем» Филарета окрестил народ, еще не зная, что сыну его предстоит взойти на престол.

Начало жизни Федора Никитича было блистательным и, казалось, сулило такое же приятное и спокойное продолжение. Родившись около 1555 г.[1], Федор в детстве, вероятно, был свидетелем самых мрачных картин правления Ивана Грозного. Семьи Романовых, однако, почти не коснулся террор, хотя она и принадлежала к верхушке московской знати. В этом можно, пожалуй, увидеть первое и главное «везение» в жизни Федора Никитича. Представим на минуту, что ему минуло уже 14 лет, когда был убит митрополит Филипп. Конечно, Федор знал об этом, но не мог предполагать, что через 80 лет его собственный царственный внук будет переносить останки сурового пастыря из Соловков в Москву. Не знал он и того, что в 1566 г. в Швеции родился мальчик из династии Ваза, которому суждено было затем стать польским королем Сигизмундом III и сыграть роковую роль в его судьбе.

Отец Федора Никитича — Никита Романович Юрьев — занимал видное место при дворе Грозного, которому доводился шурином. Умершая еще до опричнины царица Анастасия Романовна, по отзывам современников, в молодости оказывала весьма благотворное влияние на царя. Отсвет народной популярности падал и на ее брата, окружая уже тогда всю эту семью ореолом терпения и благочестия. Со смертью же царя Ивана, завещавшего Никите Романовичу заботиться о своих детях, популярность Романовых-Юрьевых возросла еще больше. Имя Никиты Романовича встречается даже в народных песнях, в которых он зовется «добрым» боярином и «дядюшкой»[2].

В 1586 г. Федор Никитич был пожалован в бояре и в 30 лет достиг вершины служебной лестницы. Он был молод, красив, богат. Как другие бояре и особенно в качестве ближайшего родственника царя, Романов постоянно пребывал при дворе, сидел у государя «за столом», то есть попросту обедал с ним[3], принимал участие в приемах иноземных послов, сопровождал набожного Федора Ивановича в его поездках по монастырям. Все это были очень важные стороны жизни «московских чинов». Именно этим определялась истинная степень близости того или иного лица к государю, здесь можно было успешнее отстаивать и свою родовую «честь», непрестанное беспокойство за которую сопровождало русского аристократа от рождения до могилы. Впрочем, тут у Федора Никитича особых затруднений не было, так как, пребывая в основном при дворе, он редко назначался на полковую службу, где случались в основном местнические столкновения. Известны челобитья на него, относящиеся к 1596 году. Поводом послужило назначение его на «береговую службу» против татар. Но в целом не «воинские» эпизоды стяжали славу Федору Никитичу, хотя до этого в роду Романовых и были полководцы.

Вырос он в большой семье, был старшим из семи братьев. Голландский путешественник и купец Исаак Масса пишет, что «они (Романовы. — *В. В.*)... жили всегда очень скромно», но тут же добавляет: «Каждый из них держал себя как царь». Федора Никитича голландец отмечает особо. Это был «красивый мужчина, очень ласковый ко всем и такой статный, что в Москве вошло в пословицу у портных говорить, когда платье сидело на ком-нибудь хорошо: „Второй Федор Никитич"»[4]. Этот щеголь был к тому же страстным охотником — обычное развлечение аристократов того времени. Однако в любви к ловчим соколам и собакам Федор Никитич опережал многих. Даже тогда, когда ему пришлось проститься с беззаботной жизнью, среди самых тяжких потерь он оплакивал именно эту свою забаву[5]. Тем более что Федор Никитич, по свидетельству того же Массы, «так ловко сидел на коне, что всяк, видевший его, приходил в удивление»[6].

И конечно, столь блестящий молодой человек притягивал к себе сверстников из числа Романовых. У него было два «великих друга», «брата». Это Александр Александрович Репнин и Иван Васильевич Сицкий[7]. Дружбе Федор Никитич был верен и впоследствии приблизил к себе детей старых своих приятелей, которые до его вторичного возвышения уже не дожили.

Однако, кроме службы, охоты и прочих развлечений, молодому Романову, как и всякому человеку допетровской эпохи, нужно было самому заниматься хозяйством. От отца братьям Никитичам досталось громадное наследство. Кроме двух усадеб, сел на Москве и земель в близлежащих уездах, Никита Романович имел обширные владения практически во всех краях России[8]. За всем этим хозяйством надлежало следить. Нужно было и запасаться в Москве на год всем необходимым, чтобы прокормить себя и многочисленную челядь. Можно представить себе, какие обозы тянулись по осени на двор Романовых на Варварке, часть которого сохранилась до наших дней.

Конечно, кроме самого хозяина, за всем этим должна была следить и «добрая жена». Браки в это время обыкновенно заключались рано. Но, «ласковый» красавец и лихой наездник, Федор Никитич женился только в возрасте 35 лет. В 1590 г. он ввел в свой дом Ксению Ивановну Шестову, дочь небогатого костромского помещика. Что заставило его сделать подобный выбор и так поздно? Вряд ли это объясняется красотой или особыми добродетелями невесты, так как по обычаям того времени жених чаще всего не знал ее до свадьбы[9]. Однако и тут Федору Никитичу повезло. Правда, из пяти рожденных ею сыновей выжил лишь один, Михаил, и была еще дочь Татьяна. Но главное в том, что жена, хотя и была, видимо, вдвое моложе своего мужа, оказалась женщиной с сильным характером. И это ее качество помогло им в тех тяжелых испытаниях, которые выпали на их долю. Поистине мог сказать Филарет, «аще дарует Бог жену добру, дражайши есть камени многоценнаго».

Казалось, что с воцарением Федора Ивановича молодому боярину нечего было опасаться дальнейших превратностей судьбы. Тем более что он был не из тех, кто возвышался лишь благодаря родству с царем. Федор Никитич опирался на авторитет знаменитого московского рода. Предки его служили московским князьям, начиная с Симеона Гордого. За три столетия Романовы успели породниться со многими боярскими и некоторыми княжескими фамилиями. Это был теперь мощный раз-

ветвленный клан: Черкасские, Шереметевы, Сицкие, Шестуновы и другие. «Вождями» этого клана были Романовы; после смерти в апреле 1586 г. Никиты Романовича главой стал Федор Никитич.

Он во всех отношениях «подавал большие надежды», по выражению Горсея. Но англичанин отметил не «рыцарские» доблести «молодого князя», как это сделал Масса (Горсей здесь ошибается, называя Романовых «князьями»), а, например, живой интерес к Западу, к другим языкам и культурам, что было тогда редкостью. Федор Никитич просил у Горсея написать для него «латинскую грамматику», что тот и исполнил по мере сил «как смог, славянскими буквами»[10]. Европейски образованным человеком, какие появятся в следующем столетии, Федор, конечно, не был («грамматика»-то «славянскими» буквами была переписана), но отсутствие у него в молодости полного неприятия всего иноземного знаменательно. Возможно, эти ростки еще дали бы всходы, но обстоятельства изменились для него самым роковым образом. Полная удовольствий, необременительная жизнь скоро закончилась. Боярин Федор Никитич навсегда распрощался со своим прошлым и превратился в безвестного инока Филарета в далеком Антониево-Сийском монастыре.

Для людей, знакомых с русской историей, привычно, что она в конце XVI — начале XVII в. была наполнена душераздирающими сценами пыток, тайных казней и репрессий. На фоне тысяч умирающих от великого голода 1601—1603 гг., на фоне «кровавых мальчиков» и обезумевших мужиков, посаженных на бочки с подожженным порохом, насильственное пострижение одного 45-летнего мужчины кажется сущей безделицей. Не менее очевидно, что одна человеческая жизнь, если приглядеться к ней повнимательнее, иногда может поведать больше о трагизме эпохи, чем перечисление самых ужасных и многократно повторяющихся кошмаров.

Попробуем представить, что́ означало для Федора Никитича превращение в Филарета. «Он же, государь, неволею бысть пострижен да волею и с радостию велию и чистым сердцом ангелский образ восприя и живяше в монастыре в посте и в молитве» — так сообщает нам об этом событии Новый летописец[11]. Вернемся, однако, к началу той трагедии, которую обычно называют «гонением на Романовых».

По словам Авраамия Палицына, Никита Романович Юрьев взял перед смертью обещание с Бориса Годунова «соблюдать» своих детей[12]. Это, вероятно, одна из многочисленных легенд о «завещаниях». Но она в глазах современников отбросила на все зловещий отблеск клятвопреступления. И. Масса считал, что начало «нелюбви» правителя к братьям Никитичам положил ничтожный случай, а именно ссора боярских холопов при выборе жилья, когда царь Федор в очередной раз путешествовал со всем двором на богомолье. Грубость слуг Годунова якобы заставила Александра Никитича Романова пожаловаться царю, который в ответ воскликнул: «Борис, Борис, ты взаправду слишком много позволяешь себе в моем царстве, всевидящий Бог взыщет на тебе»[13].

Для нас естественно считать, что причины, заставившие Годунова заняться искоренением могущественного семейного клана, более глубоки. Поэтому всегда отмечалось, что речь идет о борьбе за власть, в которой Романовы вначале были сторонниками Бориса и помогли ему расправиться с другими противниками. Между прочим, Ирина Никитична Романова была выдана замуж за Ивана Ивановича Годунова, а первенец Федора Никитича был назван Борисом. Трагедией жизни Годунова было отсутствие у него таких «прирожденных» прав на престол, которые не могли бы оспариваться другими. Никитичи также были царю родней, хотя только по матери. Не случайно легенда гласит, что Федор Иванович, умирая, завещал трон Федору Никитичу, «брату», а не Борису, который узурпировал власть[14]. Эта легенда возникла не на пустом месте. Еще С. Ф. Платонов показал, что в 1598 г. Федор Никитич был одним из претендентов на престол после смерти царя Федора[15].

Существует версия, согласно которой опала Романовых связана с появлением первого самозванца. Платонов считал, что, очевидно, именно связь с ним в прошлом и явилась причиной бед «Никитичей»[16]. Лжедмитрий I объявился в Польше почти одновременно с началом романовского «дела»[17]. До этого (еще в Москве) Отрепьев жил одно время на подворье у Романовых. Разумеется, по нормам того времени одно это обстоятельство могло бросить опасную тень на весь клан. Поскольку обстоятельства дела довольно темны, то остается только предполагать. Почему бы не представить себе, что все обстояло еще проще?

Расследование началось в конце 1600 г. с доноса казначея Александра Романова, Второго Бартенева, на своего хозяина, который-де хранит у себя «коренье». При обыске на подворье Александра Никитича те «корешки» обнаружились. После этого и началось дознание, в ходе которого Федора Никитича «не единожды» подвергали пытке[18]. Во всей этой истории можно увидеть лишь повод к началу дела. Но для автора Нового летописца он не кажется ни легковесным, ни смехотворным. Он только настаивает, что «коренье» было подброшено самим Бартеневым. А то, что вообще-то подобная вина влечет за собой подозрение в «ведовстве», — это для него очевидно. «Ведовство» же обычно связывалось с желанием «извести» государя. Недаром существует много легенд об отравлении царицы Анастасии, царя Ивана, Федора Ивановича, князя Скопина-Шуйского и т. п. Не случайно и то, что в 1625 г., уже при патриаршестве Филарета, был начат розыск о «воровских кореньях», обнаруженных у протопопа Якова[19].

Наверное, в данном случае можно найти много причин. И подозрительность Годунова, и его охлаждение к Романовым, и горделивое поведение последних, и слухи об их связях с самозванцем — все могло иметь место. Бартенев донес на хозяина. Борис завидовал Федору Никитичу. Ясно одно: Годунов хотел избавиться прежде всего от нашего «охотника», и поэтому он единственный был не просто сослан, а сразу же пострижен. А. Смирнов придавал особое значение тому, что Филарет не был оставлен простым постриженником, а стал затем иеромонахом. С точки зрения этого биографа, такой шаг делал невозможным для «старца» скинуть с себя монашеское платье[20]. Однако вряд ли у Филарета могли появиться подобные мысли, даже если бы он остался простым иноком.

Поступок Отрепьева потому и был ужасен для современников, что так никто не поступал. Ни один из невольных постриженников не «скидывал» клобук на том основании, что он был одет на него «насильно» и «незаконно». Совершенное насильно или же добровольно, пострижение означало, что человек уже становился до конца своей жизни монахом. И если Годунов хотел избавиться от опасного соперника, то он преуспел в этом. Филарет в конце концов достиг власти даже большей, чем та, которая когда-либо была у Бориса, так как она распространялась и на всю духовную сферу, но царские бармы, изображенные на коломенской парсуне, он уже не смог надеть на себя никогда.

Разлученный с семьей, Федор Никитич в июне 1601 г. отправился на север. Царь приказал снабдить его в монастыре всем необходимым, дать новое платье, сапоги, шубу, новую скуфью и «ряску». В его келье жил и некий «малый», к которому «старец» так привязался, что, по сообщению пристава, был готов «душу свою за него выронить». Кто был этот «малый»? Мы знаем, что «беглец», очевидно, бывший холоп Романовых, единственное лицо, теперь напоминавшее Федору Никитичу о его прежней жизни, хороший собеседник. Ведь в монастыре из-за боязни, что случится встреча со знатным узником, не велено было пускать к нему даже обычных «прихожих людей». Филарету при выходе на клирос строго запрещалось вступать в какие бы то ни было разговоры[21].

Конечно, «новая ряска» не могла в этих условиях служить Федору Никитичу большим утешением. Резкий перелом в судьбе оказался для него не просто тяжелым ударом, но катастрофой. Не может быть и речи не только о «радости» в связи с невольным монашеством, но даже о христианском смирении из-за постигших его горестей. Филарет живет «не по монашескому чину», не ходит к духовнику и, хотя ему разрешено, «на крылосе не стоит»[22]. Монахи жалуются на его грубость, на то, что он выгоняет их палкой из кельи. Особенно Филарет «лает» ненавистного ему старца Иринарха, поселенного к нему вместо «малого». Временами, как сообщают другие старцы, Филарет начинает «смеяться неведомо чему». Биографы обычно особо отмечают этот «смех», считая, что он был, наверное, вызван дошедшими до монастыря слухами об успехах самозванца. Значит, злорадно, мстительно смеялся Федор Никитич?

Ясно, что инок не посочувствовал бы Годунову, если бы и узнал, что трон под тем зашатался. Он даже грозится: «Увидят они, как он (Филарет. — *В. В.*) вперед будет». Но вряд ли эти слова — выражение надежды на помощь Лжедмитрия. Скорее, это бессильные угрозы. Филарет далек от всепрощения, не может забыть обиды, страшным гневом пылает на «бояр», попустительствующих царю, повторяет: «Бояре-де мне великие недруги; они искали голов наших (Романовых. — *В. В.*), а

иные поучали на нас говорить людей наших, я сам видал это не однажды»[23]. Даже спустя 30 лет, уже будучи всесильным патриархом, он все еще не остынет до конца, и в Новом летописце, который составлялся под его наблюдением, запишут: «Бояре же многие на них (Никитичей. — *В. В.*) аки зверие пыхаху и кричаху»[24]. Но «смех», как это видно из текста доноса пристава Воейкова, вызывали у Федора Никитича сладкие воспоминания. Он и ненавидит своих «тюремщиков», и не может удержаться от того, чтобы говорить с ними «про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в мире жил».

Вопль души слышится в словах Федора Никитича, обращенных к семье. Ксения Ивановна была тоже пострижена и под именем Марфы сослана в Заонежский Толвуйский погост, а дети — Михаил, Татьяна и Иван — сосланы с другими родственниками на Белоозеро, где маленький Иван умер. Когда Федор Никитич «вспоминал» их, он уже не мог смеяться. «Милые... мои детки маленки... бедные остались; кому... их кормить и поить? таково ли... им будет ныне, каково им при мне было?» Думал, конечно, 45-летний Федор и о своей молодой еще жене (ей, вероятно, не было и 30 лет): «А жена... моя бедная, наудачу уже жива ли?». Он чувствует, что «она где-то близко... замчена, где и слух не зайдет!». Это не голос монаха, а голос человека земного, смятенного, смертельно раненного душевно: «Мне уже что надобно? Лихо... на меня жена да дети, как... их помянешь, ино... что рогатиной в сердце толкнет; много... иное они мне мешают; дай, Господи, слышать, чтобы... их ранее Бог прибрал, и яз бы... тому обрадовался; а чаю... жена моя и сама рада тому, чтоб им Бог дал смерть, а мне... бы уже не мешали, я бы... стал промышлять одною своею душою, а братья... уже все, дал бог, на своих ногах»[25].

Конечно, братья были «на своих ногах». Но ведь это были младшие братья. А он — старший, вспоминает о них и, как за детей и жену, несет ответственность и за них тоже. И вот теперь Александр сослан на Усолье, где в темнице «удушен». Михаила «удавиша» в Великой Перми[26]. Там же над гробом его «в пусте месте» выросли «два кедра». Страшны скудные сведения источников. Но трагедия этой семьи видна из дошедшего до нас частично «дела» о «разсылке» Романовых, где сообщается о судьбе младших братьев, Ивана и Василия. Иван был сослан в Сибирь, в Пелым, с приставом «для береженья». Василия же отправили в Яренск. По дороге предписывалось братьев «беречь», чтобы «не утекли» и «лиха никоторого над собою не учинили»[27].

В Яренске Василию должны были поставить двор и дать приличный «корм», состав которого был даже расписан подробно, включая мясо в «мясные дни». Но уже через полгода пришел приказ перевести его в Пелым к брату, куда несчастного и отправили в морозы, за многие версты, в кандалах. Сопровождавший его сотник Иван Некрасов сообщал в Москву, что река, по которой они ехали, замерзла и они «почали на реке лед скалывать» и шли пешком, «волоком» от Соли Камской до Верхотурья. Для Василия были особенно тяжелы кандалы. Еще по дороге в Яренск он украл у своего мучителя «ключ замочной» и бросил его в реку, но расторопный Некрасов «ключ иной купил и на Василья клал чепь по-прежнему». Теперь же, двигаясь тяжелейшим путем в Пелым, Василий «разболелся», но и тут цепи с него сняли лишь на короткое время.

Шекспировским духом, диалогами из «Короля Лира» веет от разговора сотника Некрасова и Василия Романова, мучителя и мученика, где-то среди ледовой пустыни. Некрасов издевается: «Кому-де и Божьим милосердием, и постом, и молитвою, и милостынею, Бог дал Царства (имея в виду Бориса Годунова, известного своей помощью голодным и убогим. — *В. В.*), а вы деи злодеи изменники хотели Царьство достати ведовством и кореньем»[28]. Умирающий же Василий лишь «надсмехается» в ответ над простоватым сотником, приговаривая: «Свята деи та милостина, что мечут по улицам; добро та деи милостина, дати десною (правою. — *В. В.*) рукою, а шуйца (левая. — *В. В.*) бы не слыхала». В результате к месту назначения молодой «насмешник» прибыл уже с распухшими ногами «только чуть жив». Вместе с Иваном его еще посадили было на цепь. И хотя потом оковы сняли, было уже поздно. 15 февраля 1602 г. Василий умер.

Когда из Москвы стали запрашивать Некрасова, отчего он вопреки указу «не ковать» пленников держал Василия в кандалах, тот оправдывался: он ковал преступника «мимо государева указу» «блюдя от него побегу», а из Яренска писал об этом, и в ответ никакого «указа» не последовало, поэтому он, Некрасов, «чаял, что

он то делает гораздо, что к нему о том не писано и он Василия и из Ярянска вез сковав»[29].

Иван же, хитрый от природы, остался жив тогда и вообще выжил, единственный из братьев Филарета. После смерти Василия у него открылась «старая... черная болезнь», и он перестал говорить, владеть рукой и ногами. Но затем, по дороге в Уфу, как сообщал пристав, «язык у него появился, рукою стал владеть, и на персты маленько приступает... а сердцо здорово и ест доволно»[30]. В мае 1602 г. в Уфу пришел приказ о переводе Ивана Никитича в Нижний Новгород, а в сентябре 1603 г. ему уже велено ехать в Москву.

Остальные родственники и свойственники Романовых также все были сосланы, и лишь немногие вернулись здоровыми. Их владения были, как обычно, «отписаны на государя». Ближайший друг Федора Никитича Александр Репнин пребывал воеводой в Яренске, откуда его выслали с женою и детьми, якобы (или же действительно) за растрату государевой казны. Князь Б. К. Черкасский умер в темнице. Сын его, племянник Филарета, Иван затем был отправлен вместе с Иваном Романовым в Нижний, а потом и в Москву. Вернулись из ссылки сестра Никитичей и некоторые другие родичи. Но это были уже жалкие обрубки некогда мощного семейного древа.

Время, однако, работало не на Годунова. Не зря буйствовал Филарет в своем северном захолустье. Близился конец этого первого в его жизни «плена». Филарет оплакивал погубленную жизнь и не знал, что впереди еще почти столько же лет и не все самое тяжелое позади.

Избавителем явился мнимый родственник, фальшивый «брат» — Лжедмитрий. Воссев на древнем престоле Калиты, беглый дьякон сразу же послал за Филаретом. По прибытии в Москву его возвели в сан митрополита Ростовского и Ярославского. Очень возможно, что его рукополагал патриарх Игнатий, этот типичный «отрицательный герой» русских повестей, авантюрист и проходимец. И то, что сан Филарета был освящен таким человеком, не говоря уже о том, что для этого из Ростова в Троицу фактически изгнали прежнего митрополита Кирилла, не могло расцениваться современниками иначе, как дело сомнительное. Так начинается, наверное, самый странный этап в жизни Филарета, длившийся около пяти лет. Странный потому, что тут он как будто изменил самому себе и, уж во всяком случае, пребывал в каком-то неестественном для себя состоянии.

Романовы знали, что Лжедмитрий — не истинный наследник. Можно спорить, как это и делается, о морально-этической оценке такого сотрудничества с самозванцем. Был ли тут только политический расчет? Желание подняться любой ценой? Или же это мудрость выжидания, вынужденный компромисс? Филарет — среди высшего духовенства и поляков, окружавших Расстригу! Как это не вяжется с той памятью о суровом и страстном человеке, которую он оставил по себе! Но правильно ли «проецировать» позднего Филарета на период Смуты?

Филарет в своем «смятении» был не одинок. Смута вообще отразилась на сознании русских людей. В обществе, где превыше всего ценилась верность традиции, где и столетие спустя за нее массы людей уходили в леса и готовы были сжигать себя вместе с детьми, вдруг как из-под земли начинают появляться «ложно убиенные» младенцы (убиваемые вновь) и тут же множатся в глазах. Изгоняются цари и патриархи. Льется царственная кровь. Был потерян ориентир, которым веками руководствовались люди. Возникло самое страшное для православного человека — соблазн. И как следствие его — «всеобщая шаткость».

Во время брачной церемонии расстриги Гришки Отрепьева и католички Марины Мнишек молодых благословляли патриарх и все высшие церковные иерархи. Филарет, находившийся тогда в Москве, конечно, был среди них. Иностранные источники сообщают, что «власти» при этом целовали у Марины руку (!), и к истинности такой версии склоняется как будто А. Смирнов[31], хотя это явно легенда. Но уже само ее появление, если она действительно ходила по Москве, показывает колоссальные изменения или даже разрушение сознания людей. И если в головах даже простых свидетелей этого венчания должно было «помутиться», то вспомним, что Филарет уже до этого был выбит из колеи, уже был «изгоем».

Думается, что заточение в монастырь, отлучение от семьи и гибель братьев были для него главным ударом. Сейчас он еще отнюдь не «окреп», не отрешился от всего земного и не привык к новому своему положению. Тем более что в Москву

переводится Ксения (а теперь Марфа) Ивановна и дети, до этого жившие в вотчине Романовых — Клинах. Воссоединяется «семья», где отец и мать — монахи, а дети еще слишком малы, чтобы понять суть происшедших перемен. Можно представить, что Филарет постарался устроить своих близких со всеми возможными удобствами, какие ему полагались по его положению при дворе Расстриги.

Приезд семьи, радость встречи с близкими на фоне происходившего в стране раздора не могли способствовать душевному спокойствию Филарета. Наоборот, вызывали раздвоение. Из всего, что было утрачено — казалось, безвозвратно, — для ростовского митрополита было естественно желать сохранить хотя бы жену и детей, которых он не чаял увидеть. Между тем события развивались стремительно. Недавно еще «власти» подписывали грамоту об «истинности» царя, посылаемую в Польшу, и вот уже Филарет 1 июня 1606 г. принимает участие в коронации нового избранника — Василия Шуйского. Как известно, судьба престола была решена в узком кругу московской знати, но Филарет должен был входить в этот круг. При венчании нового царя он вместе с крутицким митрополитом нес крест, скипетр и «яблоко» (державу).

Царь Василий еще не утратил тогда ореола борца за веру против «злокозненного» Расстриги. Правда, он в свое время утверждал, что царевич Дмитрий случайно зарезался во время игры, и в июне 1605 г. едва не был казнен самозванцем за распускание слухов о подложности «царя» Дмитрия. Теперь ему пришлось «забыть» о своих старых «показаниях». Речь шла о канонизации «невинно убиенного». Поэтому и на изменение чужих «показаний» царь смотрел сквозь пальцы, тем более что публично поклялся не мстить за старые обиды. Филарет же пользовался особым расположением Шуйского. Есть все основания полагать, что в тот момент, сразу по воцарении Василия, его хотели сделать патриархом. В польских источниках сообщается даже, что он был уже «наречен», однако затем почему-то отставлен[32]. Так или иначе, но из всех высших иерархов именно он был послан в мае 1606 г. в Углич за телом Дмитрия.

Наивный в своей простоте рассказ об обретении мощей царевича имеется в «Рукописи Филарета» (под этим названием вошел в историографию один из компилятивных памятников 20-х годов XVII в.)[33]. Филарет во главе торжественного шествия двинулся к Москве. Но его ждал там неприятный сюрприз. 3 июля патриархом сделался митрополит Казанский Гермоген. По мнению Платонова, причиной явилось выступление народа против царя Василия, якобы инспирированное П. Н. Шереметевым[34]. Шереметевы же были близки с Романовыми. Кстати, тогда же из кравчих был удален и племянник Филарета И. Б. Черкасский. И хотя до опалы дело не дошло, Ростовскому митрополиту пришлось удалиться в свою епархию.

С ноября 1606 г. он в Ростове. Но на занятия делами церковными времени оставалось мало, хотя он успел кое-что сделать, например учредить пост архимандрита в ростовском Борисоглебском монастыре. Тучи сгущались. Убиенный Расстрига как бы мстил Филарету за отречение от него. Его призрак, Лжедмитрий II, «Вор», уже осадивший Москву, двигался теперь к Ростову. Нужно было собирать «даточных людей» с монастырей, поместий и вотчин. Осенью 1608 г. город готовился к осаде. В конце октября «Вор» высылал «похвальную грамоту» суздальцам во главе с архиепископом Галактионом «за верность и усердие». Приходит к нему и челобитная ярославцев с повинной, подписанная архимандритом Спасского и игуменом Толгского монастырей. Крест «Вору» целуют в Переяславле. Это был тот момент, когда «грады все Московского государства от Москвы отступиша»[35].

В октябре 1608 г. пал Ростов. Митрополит Филарет, «адамант крепкий», как сообщает летописец, призывал «стати против... злодеев», убеждая жителей: «Аще мы и побиени будем от Бога венца восприимем мученическая». Горожане хотели отойти в верный еще тогда царю Ярославль. Филарет, однако, противился: «Аще будет и многие муки претерплю, дому Пречистые Богородицы и Ростовских чюдотворцев не покину»[36]. Очевидно, именно в результате этой проповеди многие не успели бежать из города и были убиты. Оставшиеся в живых вместе с Филаретом заперлись в церкви, где и были захвачены. Можно представить судьбу несчастных. С Филарета сорвали святительские ризы, дали взамен «худые» и под стражей отправили к «Вору» в Тушино.

Так очередная волна Смуты прибила его к новому самозванцу. Поляки, стоявшие за ним и помнившие судьбу Отрепьева, понимали, что теперь необходимо больше привлекать русскую знать на свою сторону. «Дмитрий Иванович» контролировал уже значительную территорию. Но власть светская не мыслилась без освящения духовной. Надежды на то, что Гермоген в Москве признает «Вора», не было. Значит, патриарха нужно было «сделать» нового. И уж на этот раз он должен быть лицом значительным, а не авантюристом вроде Игнатия. Пленение Филарета стало в этом смысле редкой удачей. Именно поэтому в Тушине его встретили с подобающими почестями. Сообщения Палицына о «мучениях» там митрополита, скорее всего, тенденциозны. В ноябре он уже подписывает от своего имени грамоты как «нареченный патриарх Московский и всея Русии». Но и после этого Филарет продолжал интересоваться делами ростовской епархии, как это следует из переписки его с Сапегой по поводу разрушения храма в Киржацком монастыре и т. п.[37]

В сделке Филарета с «Тушинским вором» уже налицо в большей мере политический расчет, чем в его службе первому самозванцу. Там он был лишь невольным участником событий. Здесь — в значительной степени активным действующим лицом. Он исхитрился при этом пользоваться доверием Лжедмитрия и поляков и одновременно сохранить репутацию в Москве, где жила семья. Судя по посланиям Гермогена, в столице на Филарета смотрели исключительно как на невольного пленника «Вора». Марфа Ивановна и дети опекались самой царицей.

Когда в декабре 1609 г. в Тушино прибыли послы от Сигизмунда III, осадившего Смоленск, Филарет, очевидно, сразу понял, что судьба посылает ему шанс вырваться из «таборов», начавших уже распадаться. Именно тогда впервые и всплыла кандидатура польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III, как возможного претендента на русский престол, с воцарением которого могли бы утихнуть все раздоры. Обязательным условием с самого начала было крещение королевича по православному обряду, так как все помнили, как Лжедмитрий I ввел в Успенский собор Марину Мнишек без крещения, а лишь совершив обряд миропомазания. Но события тогда развивались быстрее чьих бы то ни было планов. В мае 1610 г., когда Тушинский лагерь распался, поляки захватили Филарета с собой в Иосифо-Волоколамский монастырь. Но по дороге он был «отполонен» царскими воеводами[38].

И снова Москва. Теперь уже не осажденная, а полная ликования по случаю побед над «Вором» князя Михаила Скопина-Шуйского. Но вот уже и князь мертв, и царские войска в июне вновь разбиты под Клушином. Обвинения летят на «несчастливого» царя Василия, горестное его правление подходит к концу. 17 июля Василий Шуйский с царицей насильно пострижены. Поляки в это время стояли уже в семи верстах от столицы. А 7 августа в Москве на престол был избран королевич Владислав, находившийся еще в Польше. 17 августа «власти» заключили договор с польским гетманом Жолкевским, и его гарнизон вошел в Кремль.

А король Сигизмунд еще осенью 1609 г. перешел границу и осадил Смоленск. Воевода М. Б. Шеин отказался сдать город. В сентябре 1610 г. под Смоленск к королю выезжает посольство во главе с Филаретом, вновь Ростовским митрополитом, и боярином князем В. В. Голицыным. Послы везут инструкции, состоящие из десяти пунктов. Главное: тут же, не мешкая, в Смоленске, перекрестить королевича. Это должен был сделать Филарет.

Поляки, уже хозяйничавшие тогда в столице, не случайно стремились изгнать оттуда Ростовского митрополита и Голицына. Дело в том, что и Михаил Романов, сын Филарета, и Голицын уже тогда считались реальными претендентами на трон и соперниками Владислава. Правда, пока еще жила уверенность, что только восшествие на престол «прирожденного государя» положит конец войне. Голицына обвиняли в том, что он по дороге в Смоленск ссылался с «Вором» и вообще имел с Филаретом договоренность действовать во вред королевичу и Сигизмунду. Но доводы, приводимые сторонниками этой точки зрения, ненадежны[39].

Король встретил послов с почестями, однако положение их было неопределенным. Сигизмунд, как известно, потребовал целовать крест и сыну, и себе самому. Бояре в Москве решили подчиниться. 30 октября Жолкевский привез под Смоленск бывшего царя Василия Шуйского с братьями. Поляки хозяйничали в Кремле. Казалось, все развивается по ставшей уже привычной схеме. Вот-вот Шеин откроет королю ворота Смоленска, москвичи же поцелуют крест на верность Сигизмунду,

и тот торжественно въедет в Кремль. Но именно в этот момент произошло нечто необычное. Дело в том, что под Смоленском перед нами как будто предстал другой, новый Филарет. Вернее, именно там мы и видим настоящего Филарета, тогда как до этого все еще жил и действовал Федор Никитич Романов.

Король прежде всего потребовал сдачи Смоленска. Тут-то, по сообщению летописца, Филарет и показал «первое крепкое стоятельство», ответив Сигизмунду: «Как будет сын твой на Московском государстве и все Московское государство будет под сыном твоим, не токмо Смоленск: тебе государю не достоит стояти под вотчиною сына своего»[40]. Такую же позицию занял и Голицын. Переговоры зашли в тупик, и послам стала «деяться» великая «теснота». Тут как раз ситуация в стране изменилась не в пользу поляков. В марте 1611 г. к Москве подошли отряды казаков и ополченцев. Теперь уже польский гарнизон оказался осажденным в Кремле.

Что же произошло? Почему Филарет изменил привычную линию поведения? Куда исчез его конформизм, покорность? Может быть, на него повлиял подъем антипольских настроений, мужество Шеина, унижение Шуйского? Может, он почувствовал, что сделка с Сигизмундом ему потом уже не «сойдет», как служба самозванцам? А может быть, наконец, он освоился со своим положением, оглянулся вокруг, увидел, что происходит, и сделал окончательный выбор? Он как бы «отвердел», посуровел душою, и даже страх за семью, оставленную в осажденной уже теперь Москве, очевидно, не смущал его более. Под Смоленском окончательно «умер» Федор Никитич и «родился» Филарет.

Можно предположить, конечно, что поведение Ростовского митрополита действительно диктовалось стремлением обеспечить престол своему сыну. И правда, Михаил взошел на трон. Но это случилось два года спустя, когда в стране все уже круто изменилось, да и то только после бурных дебатов, так как сын Филарета не был единственным претендентом. В известной мере тогда все решил случай. В упрямстве митрополита не до конца все ясно. Под Смоленском он впервые столкнулся с Сигизмундом, который стал для Филарета до конца жизни главным врагом. Можно лишь догадываться, не было ли там со стороны польского короля какого-нибудь особого личного унижения митрополиту, прикрытого в Новом летописце лаконичным определением «теснота». Не стало ли это поводом для гордого и вспыльчивого Филарета «запереться» в упорстве? Человек его склада мог найти выход своему раздражению, делая врагу все наперекор.

Между тем слух о «мучениях» послов под Смоленском распространился по стране. Тем важнее было для Сигизмунда задержать их как заложников. И после падения Смоленска все знатные русские, содержавшиеся в королевском лагере, были отправлены в Польшу. Путь их лежал через Минск и Вильно под Львов, в Каменку, имение гетмана Жолкевского. Шуйских повезли затем на Варшавский сейм. Сигизмунд готовил торжество по случаю своей победы: бывший царь, его брат, возможно, также Шеин и другие проехали вслед за польскими войсками, входившими в столицу. Филарета и Голицына оставили в Каменке. Очевидно, законность их плена все же вызывала сомнения, и, кроме того, не было уверенности в том, что эти «крепкие адаманты» будут вести себя соответственно «сценарию» королевского триумфа[41]. Так или иначе, но в Варшаву их вывезли только в январе 1612 года.

Тогда же всех «московитов» разлучили уже надолго. Шуйские отправились в Гостынский замок, Шеина определили в Ружаны, родовое имение Л. Сапеги в Новогрудском воеводстве. А Филарета и Голицына отправили в Мальборк, бывшую столицу Тевтонского ордена. Филарета поместили там в замок. Трудно представить себе что-нибудь более странное, чем фигура русского митрополита, ступавшего по брусчатке внутреннего двора Мальборка или поднимающегося на стены, откуда можно было наблюдать за течением Ногата, омывавшего замок с запада.

Плен, очевидно, не был тяжел для Филарета физически. Во-первых, он не был одинок: его сопровождала свита. Несмотря на то что в Мальборке имелись и сырые, темные казематы, все же послов содержали в одном из тех помещений, которые предназначались обычно для гостей замка. Правда, бывшие покои великого магистра ордена сохранялись для короля, и в этой части замка узников не селили; предполагают, что русские пленники занимали помещения во внешнем дворе замка, где ранее жил великий комтур. По сообщениям из разных источников, содержание их было весьма богатое[42]. Тем не менее Мальборк вряд ли оказался для Филарета легче и удобнее Сийского монастыря, где он страдал за десять лет до этого.

Митрополит не мог оценить по достоинству величие и красоту своей новой темницы, ибо против этого восставала его душа православного человека. Однако не все пленники в Польше в то время относились к своему заключению подобным образом. По свидетельству иностранцев, Запад оказал определенное влияние, побуждал к заимствованию у поляков[43]. Филарет же уехал из Польши решительным противником всего западного, болезненно относясь к любому возможному проникновению в Москву польской культуры; он окончательно сформировался как «столп церкви», «гонитель западничества», когда созерцал красоты прусской твердыни.

До избрания на русский трон Михаила наблюдение за его отцом, очевидно, было не столь уж неусыпным. Он даже смог наладить некоторые связи с родиной, хотя неизвестно каким путем. По одному позднему свидетельству, он писал боярину Ф. И. Шереметеву и давал советы по поводу избрания государя. В одном письме он отвергает кандидатуру Владислава и призывает избрать иную особу, которой должны быть предъявлены определенные условия[44]. Известны также письма к нему сына и брата, правда уже присланные после 1613 года[45]. В грамотах же того времени он уже называется «митрополитом всея Руси», тем более что на кафедру в Ростов вернулся его предшественник Кирилл. Избрание Михаила не было поэтому для Филарета неожиданностью. Письмо Шереметеву писано, конечно, также не без тайного умысла. Теперь статус мальборкского пленника изменился и для Москвы, и для Варшавы. В официальных русских документах сообщалось, что Филарет будет сразу же выменян на пленных поляков. Однако разрешение этого вопроса затянулось, так как война не была закончена.

В октябре 1614 г. новый русский царь прислал к отцу игумена московского Сретенского монастыря Ефрема, и тот остался жить в Мальборке. В декабре того же года в Варшаву прибыл официальный посланец царя Ф. Желябужский. Он привез письма, подписанные боярами, так как Сигизмунд все еще не признавал избрания Михаила. Одним из требований посланника было свидание с Филаретом, для чего последнего привозили в Варшаву, где он останавливался в доме канцлера Л. Сапеги. Очевидно, при свидании Желябужский имел поручение не только спрашивать митрополита о здоровье, но и советоваться об условиях будущего договора между Россией и Польшей.

В столице в это время заседал сейм, решивший совершить «размену» и даже пославший для этой цели гонцов в Москву. По свидетельствам перебежчиков, Филарет и Голицын присутствовали на нем. Кроме того, в Варшаве они вновь увиделись с Сигизмундом, который часто приглашал их к своему столу. Однако в ответ на известие, что обмен пленных может состояться, оба узника якобы ответили, что мена — ни их, ни их дворян — не надобна, «что они послы, а не вязни»[46]. Но обмен неминуемо должен был состояться. Ведь была еще одна, не менее заинтересованная в нем сторона. В Нижнем Новгороде, Ярославле, Галиче, Вологде и Белоозере в невероятно тяжелых условиях пребывали полковники Струсь, Будила и другие взятые в плен воины польского гарнизона Кремля. Их приятели и жена Струся передавали в Польше Филарету деньги и «рухлядь»[47].

Однако окончательно все решил исход военных действий. Готовясь к решительным действиям против Москвы, Сигизмунд, по свидетельству польских источников, в 1616 г. еще пытался вести переговоры сепаратно с Голицыным, требуя написать боярам послание, чтобы они признали царем Владислава[48]. Голицын отказался, а поход королевича на Москву не удался. И тогда выяснилось, что обе стороны нуждаются в передышке, а проку от пребывания Филарета в Мальборке для Польши нет никакого. Пленных было решено возвратить. Об этом имеется специальное письмо короля[49]. 7 февраля 1619 г. они уже прибыли в Гродно.

Так завершилась «одиссея» Филарета. Царь, встречая отца, отвесил ему земной поклон. «Его же благочестивый царь Михаил срет далече от царствующего града яко пять поприщ и с коня ссед, пешима ногама сему предходя и честь достойную сему принося, и главу яко отцу и учителю к ногам сего покланяет; тако же и сей земли касается, и сына яко царя в лепоту почитает; и оба лежаста на земли, ото очию яко реки радостные слезы пролияша»[50]. 22 июня в Золотой палате в Кремле Михаил торжественно «умолил» отца принять патриаршество, одновременно вру-

чив власть управлять государством. По поводу возвращения царского родителя была сочинена песня, которую опубликовавший ее Ф. Буслаев считал «безыскусственным» сочинением, составлявшимся «под влиянием простодушной летописи»[51].

И уже не «воровской» патриарх, а законный, венчанный 24 июня Константинопольским патриархом Феофаном, Филарет сразу стал более чем главой церкви. Он стал официально именоваться великим государем — формально соправителем своего сына. На деле же — сосредоточил все в своих руках. Теперь, на 64-м году жизни, что по меркам XVII в. означало глубокую старость, Филарет наконец получил власть. Он был хвор телесно, но дух его закалился в испытаниях. У него был свой план государственной политики. Этот план преследовал определенные цели: свести счеты с Сигизмундом.

Но вначале необходимо было привести в порядок государственные дела. Избрание православного царя Михаила Федоровича явилось апогеем единения сословий во времена Смуты, которое продлилось, однако, недолго. Неспособный по молодости лет к самостоятельному правлению, царь шесть лет находился под влиянием «сильных людей» из своего окружения. Прежде всего это были его двоюродные братья по матери Борис и Михайло Михайловичи Салтыковы. Вместе с матерью Михаила Федоровича, «великой старицей» Марфой Ивановной, они царствовали во дворце. Кроме того, к власти пришли люди из романовского клана: дядя царя Иван Никитич, двоюродный брат — И. Б. Черкасский, родственник последнего Ф. И. Шереметев, Б. М. Лыков. Не последнюю роль играли в Думе и люди вроде Д. М. Пожарского, Д. М. Черкасского и других, выдвинувшихся в то тревожное время благодаря своей службе, главным образом военной.

Смута, во время которой неоднократно происходили с разных сторон пожалования, основательно запутала самый жгучий вопрос эпохи — земельный. Государственная власть, не признавая земельные «дачи» самозванцев и Владислава, тем не менее не вполне контролировала распределение земельного фонда. Сложилась благоприятная обстановка для разного рода махинаций со стороны «сильных людей» — московских чинов, имевших многочисленные связи в столице, да и просто более богатых. Мелкое и среднее землевладение наиболее пострадало за предшествующие десятилетия; многие помещики были вынуждены утаивать свои запустевшие поместья и вотчины, требуя взамен новых, тем более что документы на землю часто были утрачены. Определенные шаги правительством предпринимались. Но, пока шла война, ни один из запутанных вопросов, доставшихся в наследство от Смуты, серьезно не начал изживаться. И это обостряло уже давно искавшую себе выхода обиду городового дворянства на московскую знать, которая пользовалась в корыстных целях своей «силой».

Обострился и крестьянский вопрос. Плачевным было состояние финансов. Старая система обложения — «сошное письмо» — перестала давать желаемые результаты и нуждалась в пересмотре. Кроме того, у тяглецов из среды городского «черного» люда назревало раздражение против «беломестцев», не плативших вместе с посадом тягла. Многие посадские «перебегали» на дворы, принадлежавшие «сильным людям», и скрывались там, не разделяя финансовые тяготы своего «мира». Да и многие другие, не менее запутанные вопросы сразу встали перед Филаретом.

В тот момент в Москве вновь появился Исаак Масса, который когда-то любовался наезднической ловкостью юного Федора Никитича. До приезда Филарета в приказных верхах проявилось враждебное отношение к голландцу, поэтому тогдашнему окружению Михаила в его донесениях дается весьма нелестная характеристика: «В это время почти все чины великой канцелярии были преданы англичанам и чрезвычайно корыстолюбивы... Всем было известно, что его ц. в. не только терпел хладнокровно, что делалось в разных областях государства, но и смотрел сквозь пальцы и на действия придворных и прочих служителей с великой кротостью... до возвращения родителя своего, которому он намерен был вверить управление целым государством как мужу, который один был в состоянии поддержать достоинство великокняжеское»[52].

И. Массу нельзя, конечно, считать лицом беспристрастным, а его взгляд — полностью «сторонним». Безуспешно пытаясь до этого конкурировать с англичанами в русской торговле, голландцы вообще возлагали большие надежды на приезд Филарета и возможное в связи с этим изменение курса в государственных делах.

Эти ожидания оправдались. 22 июля, то есть сразу по приезде, Филарет в своей келье созвал «совещание» с царем и боярами. В результате голландцы были допущены к персидской торговле. Оценка же того положения в верхах, которое царило до лета 1619 г., была навеяна И. Массе, очевидно, И. Н. Романовым, покровительствовавшим голландцам. «Для меня всего лучше было обождать перемен, которых одни ожидали с надеждою, а другие опасались и которые действительно произошли с возвращением родителя царского и прочих государственных мужей, которые содержались 8 лет в плену у поляков». При том, что во всех приказах были «переменены штаты и сменены служащие» и «все сделано по приказанию самого родителя царского, но все заранее уже было назначено и определено»[53].

Действительно, Филарет начал с «перемен». И о 1620-х годах даже пишут иногда как о времени «реформ Филарета». Однако вряд ли можно называть действия, предпринятые им для спасения государства, реформами. Филарет делал шаги под давлением обстоятельств и поэтому не выработал, да и не мог выработать, какого-то нового курса, отличного от предыдущего. Хотя его действия были более последовательными и продуманными, можно согласиться с Е. М. Сташевским, писавшим, что «Филарет не реформатор, но он очень энергичный организатор и систематик», а отличительные черты его правительственной политики — это «умелое приспособление и система»[54]. Вообще его идеал, как и всякого человека той эпохи, лежал в прошлом, в данном случае — во времени до «всеобщего разорения». Филарет хотел, очевидно, не преобразовать жизнь Русского государства, а лишь повернуть ее в «нормальное» русло, навести порядок, погасить всеобщее раздражение и, удовлетворив по возможности требования основной служилой массы, укрепить поместную армию, готовясь к дальнейшей борьбе с Сигизмундом.

Однако по принадлежности к романовскому клану, пришедшему к власти в результате Смуты, он был кровными узами связан с теми самыми «сильными людьми», которые нажились в последние годы. Возможно, чувствуя это, он с самого начала провозгласил борьбу с «сильниками». Соборный приговор, составленный не позднее 3 июля 1619 г., то есть вскоре после венчания Филарета на патриаршество, выдвигает как первоочередные три задачи. Во-первых, проведение нового описания земель с целью ввести единообразие и справедливость при распределении податей и устранить такое положение, когда «емлют с ыных по писцовым книгам, а с ыных по дозорным книгам, а иным тяжело, а иным лехко». Решено было послать «во все городы» писцов либо дозорщиков, «дав им полные наказы, чтоб они писали и дозирали все городы вправду, без посулов». Во-вторых, был провозглашен сыск посадских и уездных людей, заложившихся «за бояр и за всяких людей», в том числе за монастыри и митрополитов. И кроме того, поскольку «многие люди бьют челом на бояр и всяких людей в насилстве и обидах, чтоб их пожаловать, велети от сильных людей оборонить», было указано «на силных людей во всяких обидах... сыскивать и указ по сыску делати бояром своим князю Ивану Борисовичу Черкасскому да князю Данилу Ивановичю Мезетцкому с товарыщи»[55].

Нетрудно заметить, что красной нитью в этом приговоре проходит стремление объявить об окончании «насильств» и несправедливостей. Верховная власть выступала гарантом справедливости и порядка, защитницей слабых и сирых от сильных. При этом ставка делалась на моральную поддержку таких начинаний «землею». «А из городов изо всех для ведомости и для устроенья указали есмя взять к Москве, выбрав изо всякого города: из духовных людей по человеку, да из дворян и из детей боярских по два человека добрых и разумных, да по два человека посадцких людей, которые бы умели розказать обиды, и насилства, и разоренья, и чем Московскому государству полнитца, и ратных людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтоб пришли все в достоинство»[56].

Обращаясь за поддержкой к «земле», Филарет продолжал пока линию, начатую правительством в 1613 году. Как известно, с этого времени «земские соборы» действовали почти непрерывно. Но при всем том он не собирался делить с другими ответственность за эти шесть прошедших лет. Новый летописец главной заслугой патриарха считает то, что он «не токмо что слово Божие исправляше, но и земская вся правляше, от насилья многи отня; ни от ково ж в Московском государстве сильников не бысть опричь их государей»[57]. Разумеется, следует помнить, что к такой позиции побуждал патриарха и его высший духовный сан.

Что же касается самой борьбы с «сильниками», то она была провозглашена не

только на словах, но и вылилась в создание нескольких особых Сыскных приказов для сыска земельных окладов, вывода из посада «беломестцев» и т. п. Именно Сыскные приказы Филарета и должны были служить в значительной мере достижению тех целей, которые были изложены в Соборном приговоре июля 1619 года. Особо при этом следует выделить специальный приказ «Что на сильных целом бьют»[58].

Заявленные летом 1619 г. основные направления внутренней политики оставались главными для Филарета в течение всего времени его правления. Однако в жизнь они проводились медленно и не всегда последовательно. Причин тому находят множество, но не последней можно считать ту, что ближайшее окружение Филарета, те, на кого он опирался, состояло именно из «сильных людей»; они же возглавляли приказы, они же владели «беломестцами» и сосредоточивали в своих руках огромные земельные богатства. Да и рубеж, проведенный Смутой в жизни общества, был настолько глубок, что никакой возврат к «старине» был уже невозможен.

Между тем с 1622 г. Филарет отказывается от идеи опоры на представителей «всея земли» и перестает собирать «земские соборы», чувствуя свою власть уже достаточно сильной. Он официально именовался «великим государем и патриархом», соединяя в одном лице верховную светскую и духовную власть в государстве, освященную к тому же авторитетом царского родителя.

До нас дошла переписка Филарета с Михаилом во время частых отлучек последнего вместе с матерью, а затем и с женой на богомолье. Царь выступает отнюдь не как бесцветная личность. В его первых посланиях проглядывает образ юноши, покоренного обаянием сурового облика своего родителя. Преклоняющийся перед Филаретом сын поначалу ищет для выражения чувств все новые, своеобразные обороты. Он адресует послания то «учителю православных велений, истинному столпу благочестия, недремателну оку», то «вселенскому пастырю и владыце», то «церковных кормил правителю, карабль православия неблазненно направляющу во пристанище благоверия», то «терпения столпу, кормчию Христова карабля, в тихости учения Того словесныя овца во пристанище спасения направляющу»[59]. Постепенно, правда, формулировки становятся все более застывшими.

Особой душевностью проникнуты на первых порах и письма «прежебывшей супруги» Филарета, а теперь «духовной дщери» Марфы Ивановны. Одно из них она даже адресует «преже убо по сочетанию законного брака свету очию моею, государю и супругу». Когда во время одной из таких поездок патриарх оставался, как обычно, в Москве, до богомольцев дошла весть о его болезни. Филарет страдал «камчюгом», то есть подагрой. Весть встревожила Марфу с сыном. Старица тоже прихворнула, ей «припомянулася прежняя болезнь портежная», которой она, очевидно, страдала со времен ссылки в Заонежье. В письме патриарху она радуется, «яко обще с тобою, государем, мало поболезновати сподобихся». Равно и Филарет в письме сыну замечает: «А о том благодарю Господа Бога моего Иисуса Христа, что нас обоих посетил болезнью: а вам бы, Великому Государю, об наших старческих болезнях не кручинитися; то наше старческое веселие, что болезни с радостью терпети»[60]. Но в целом письма патриарха более сухи и суровы. Фактически это один и тот же повторяющийся текст, стержнем которого является извещение о том, что он «телесне жив, а душевне Бог весть», за исключением тех случаев, когда этикет требовал оповестить царя о чем-либо важном.

Филарет являлся истинным государем, на котором лежало решение всех духовных и светских вопросов. Положение его как великого государя подчеркивалось учреждением особых патриарших стольников, по численности равных стольникам царским. В боярских списках за 20-е годы XVII в. они шли вслед за государевыми стольниками, правда, по знатности в целом уступали им; даже те их них, кто имел княжеский титул, принадлежали обычно к захудалым родам. Патриаршие стольники набирались из жильцов, городовых детей боярских[61]. Поместные оклады их также были ниже, чем у царских. Формально входя в состав государева двора, они несли службу непосредственно при особе Филарета, то есть на патриаршем дворе.

Кроме того, Филарет учредил несколько особых патриарших приказов. Они управляли и патриаршим двором, и делами патриаршей епархии, расположенной в сердце России и равной по размерам европейскому государству. Царской грамотой 1625 г. эта область превращалась, по сути, в «государство в государстве», где пол-

новластным правителем становился патриарх[62]. Еще раньше он принял ряд мер по укреплению положения церкви. Указ 1622 г. закреплял за монастырями вотчины, купленные и данные им после Соборного уложения 1580 г., запрещавшего завещать, продавать и закладывать вотчины монастырям. А через год вышел указ о необходимости нового утверждения всех жалованных грамот духовенству и монастырям, включая даже те, которые уже были подписаны царем до 1619 года[63].

Необычный статус Филарета был новым явлением в русском обществе, и к нему не сразу привыкли. В сентябре 1621 г. И. Ф. Хованский, которому было указано «встречать» турецкого посла на патриаршем дворе, бил челом на Н. В. Годунова, «встречающего» того же посла у государевой Золотой палаты. А П. А. Репнин, посланный «со столом» к послу от имени патриарха, жаловался на Ю. А. Сицкого, ездившего «со столом» от царя. В оправдание себе Репнин заявил, что раньше он «не бил челом, тем их Государей гневить не смел и не розделял их государского имени», а нынче бьет потому, что Сицкий «похваляется тем, сказывает, что он его учинился болши, потому что он ездил от Государя». На это было сказано, что «бьет челом тем он, князь Петр, не знаючи, и в место то он ставит не делом, что он, Государь, и отец его государев, великий государь святейший патриарх, их государское Величество нерозделно: тут мест нету, и впредь бы о том деле не бил челом и их Великих Государей тем на гнев не воздвигнул»[64].

Однако наиболее ярко самовластная натура патриарха проявилась в его отношении к царскому окружению, сложившемуся до 1619 года. При этом опалы последовали не сразу, хотя с самого начала на первые места рядом с государями вышли люди, близкие Филарету еще по польскому плену: боярин М. Б. Шеин, награжденный «за литовский полон» шубой и кубком, боярин И. И. Шуйский, брат царя Василия Шуйского, приближены оказались и дворяне Б. И. Пушкин, Б. М. Глебов, И. Г. Коробьин. Сохранили свое влияние царские родственники бояре И. Б. Черкасский, Ф. И. Шереметев. Большую роль играли окольничий Г. К. Волконский, Ф. Л. Бутурлин, а из дьяков — последовательно возглавлявшие Посольский приказ думные дьяки И. Т. Курбатов-Грамотин, Ф. Ф. Лихачев, Е. Г. Телепнев, а также Т. Ю. Луговской. Примерно с середины 20-х годов XVII в. начинают набирать особую силу «патриаршие бояре»: А. В. Хилков, И. А., а затем и С. В. Колтовские.

Хотя Филарет по безраздельности своей власти мог бы, кажется, не беспокоиться о ее сохранности, он все же следил за тем, чтобы у царя не появлялись любимцы. Новые родственники государя Стрешневы даже после рождения у царицы Евдокии Лукьяновны наследника, царевича Алексея, продолжали оставаться в тени. Однако наиболее важно для патриарха было удалить Салтыковых, близких к «великой старице». Нужны были веские основания. И тогда из забвения извлекли «дело Хлоповой». Еще до возвращения Филарета девица Марья Хлопова была наречена царской невестой, взята «в верх», где жила с матерью и бабкой Анной Желябужской. Ходила с государем и «великой старицей» на богомолье и пользовалась симпатией молодого Михаила.

Хлоповы, как и Желябужские, давно были близки к семье Романовых. Отец невесты был при царе Борисе Годунове приставом Романовых после возвращения их из ссылки. А Федора Желябужского царь послал к отцу в Польшу — ответственное и в то же время как бы «семейное» дело, справившись с которым Федор был в Москве царем пожалован. Одним словом, родня невесты, и так уже близкая к Михаилу, могла теперь «возвеличиться» еще больше. И уже решенная свадьба вызывала раздражение Салтыковых, что и вылилось в ссору Михаила Салтыкова в присутствии царя с дядей невесты Гаврилой Хлоповым, похвалявшимся своей верной службой государю. Салтыковы сумели воспользоваться временным недомоганием Марьи, возможно ими же и подстроенным с помощью отравы, подмешанной в лекарство. Благодаря их «наносу» Хлопова была сослана «с верху» и отправлена с родней в Нижний Новгород, где ее поселили на бывшем дворе Козьмы Минина[65]. Родственная близость и старое влияние Салтыковых оказались тогда сильнее кратковременного фавора предполагаемых родственников.

Поскольку к 1622 г. Михаил Федорович оставался неженатым, вопрос с Хлоповой нужно было как-то решить. Специальная комиссия, направленная в Нижний, после тщательного опроса девицы и ее родственников выявила, что она находится «в совершенном здравии», в связи с чем «корм ей перед прежним» велено было давать вдвое. Бывшая царская невеста заявила, что «чает того, что то (болезнь. —

В. В.) ей учинилося от супостатов». А выявленные к тому же обстоятельства ссоры Григория Хлопова с Михайлом Салтыковым явно указывали на то, кто эти «супостаты». В результате обоих братьев обвинили в том, что они царскую невесту «с верху» сослали «не по правде», а «по наносу» и «государской радости учинили... помешку». Салтыковых вместе с семьями и в сопровождении приставов отправили по деревням, а их мать сослали в суздальский Покровский монастырь. Все их поместья и вотчины, как обычно, были отписаны на государя. Б. М. Салтыков оказался на Вологде, «брат его в Михайлове вотчине в селе Ильинском», а М. М. Салтыков — в Галицкой вотчине Кошкишевской волости. С собой им разрешили взять по четыре человека людей с женами и по три девки[66].

Между тем 1 ноября 1623 г. Ивану Хлопову была направлена грамота об отказе царя взять за себя его дочь. Существует мнение, что тут вмешалась оскорбленная этими событиями мать государя. Вероятнее, однако, что «дело Хлоповой» с самого начала создавалось лишь как предлог для удаления бывших царских любимцев. В 1625 г. Б. М. Салтыков отправился воеводой в Самару, а М. М. Салтыков — в Чебоксары, причем первого было «бояриному писать не велено», а второго — окольничим[67]. Они выехали туда прямо из деревень и «государевых очей» опять «не видели».

За опалой Салтыковых последовал целый шлейф событий. В том же 1622 г. был сослан в Свияжск, где и умер спустя семь лет, боярин А. В. Лобанов-Ростовский, до этого довольно часто встречавшийся «за государевым столом». В 1625 г. в Вологду последовал боярин В. Т. Долгорукий, после того как ненадолго стал царским тестем. Его дочь царица Марья Володимеровна умерла почти сразу же после свадьбы. В том же году на отдаленное воеводство в Тобольск был удален и некогда отличившийся освободитель Кремля от поляков боярин Д. Т. Трубецкой. Оба они также вскоре умерли. Через год опале подвергся влиятельный в прошлом думный дворянин Г. Г. Пушкин. Вместе с сыновьями его удалили в деревню[68].

Не избежали опалы и новые «выдвиженцы». В 1626 г. за самовольство в делах в ссылку отправился могущественный судья Посольского приказа Иван Грамотин. Сменивший его дьяк Телепнев отбыл туда же в 1630 году. Вскоре опала и ссылка настигли также Лихачева и Луговского. Не случайно наблюдательный современник архиепископ Пахомий заметил, что Филарет был «нравом опалчив и мнителен, а владителен таков был, яко и самому царю боятися его, боляр же и всякого чина царского синклита зело томляше заточенми необратными и инемы наказанми», прибавляя, что «до духовного... чину милостив был и несребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел», а вот «божественного писания отчасти разумел»[69].

Между тем именно в отношении отдельных представителей «духовного чина» сразу по возвращении Филарета из плена возникли немалые сложности. Как было отмечено выше, среди встречавших его летом 1619 г. в селе Хорошеве были митрополит Иона и троицкий архимандрит Дионисий. Заняться судьбой последнего сразу же просил его патриарх Феофан. Прославленный деятель Смуты, Дионисий несколько лет до этого просидел в тюрьме по обвинению в ереси и лишь с приездом Филарета получил свободу. За четыре года до того было решено переиздать Требник (положив в основу издание 1602 г.). Но для того, чтобы выполнить работу на достойном уровне, царь поручил сверить существующие экземпляры Требника, а также сравнить их с греческими рукописями. Этим занялись троицкий монах Арсений Глухой, бывший московский поп Иван Наседка, старец монастыря Антоний. Руководил всем Дионисий.

Справщики работали полтора года и изучили 20 списков. При этом было выявлено много ошибок, особенно в конечных славословиях молитв. В чине же освящения воды на день Богоявления нашли они два лишних слова. Из-за них-то главным образом и разгорелись страсти. После фразы «и ныне, Владыко, освяти воду сию Духом Твоим Святым» шло еще «и огнем», чего не было в ранних списках и греческих оригиналах. Но подоплека богословского спора была, скорее, политической. И это сразу же уловил Филарет. Дело в том, что ранее Требник уже сверял малообразованный, но влиятельный головщик Троицы Логгин. Работа справщиков обнаружила, по существу, его невежество. Логгин, как и некоторые другие старцы, давно ненавидел Дионисия. Они явились в Москву и пожаловались митрополиту Ионе, который после отпадения Новгорода и смерти митрополитов Крутицкого и Казанского считался тогда главой русских иерархов. Справщики не проявили к нему почтения, и разгневанный владыка созвал собор, на котором обвинил Дионисия и его сотрудников в ереси, несмотря на приводимые ими разумные доводы в свою пользу[70].

Заключенный в Новоспасский монастырь, Дионисий был осужден на отлучение, а кроме того, не раз приведен в цепях на двор к Ионе. Приводили его в келью и к «великой старице» Марфе Ивановне, которая также над ним «ругалась». Невежественная толпа смеялась над Дионисием и хотела растерзать его за пренебрежение к «огню святому». Вот тут-то, пожалуй, и заключалась для Филарета главная трудность при всей ясности сути интриги в остальном. Дело в том, что словам «и огнем» после издания 1602 г. стал соответствовать определенный обряд, уже привычный и ставший любимым: зажженные свечи опускали в воду. Слова эти укоренились в сознании и считались исконными, «древними», может, отчасти потому, что соответствовали каким-то живучим еще языческим действам, связанным с огнем. Поэтому споры о злополучном «прилоге» проникли в посад, о нем толковали на улицах.

Филарет понимал, на чем искусно сыграл Иона. Ведь малейший неверный шаг, «перегиб» — и он превратится в пастыря, идущего против своей паствы. Между тем именно это и не входило в намерения патриарха. Ведь он ощущал себя истинным «устроителем» государства, принесшим ему наконец покой и порядок, защитником слабых и сирых. Он хотел быть «отцом» своей пастве, направляющим ее на путь тишины и мира. Кроме того, по складу характера патриарх был консерватором, «охранителем», ревнителем традиций. Возможно, ему в глубине души также трудно было отказаться от «прилога» «и огнем». Решение, принятое в результате, надо полагать, серьезных размышлений, было поистине соломоновым.

Филарет собрал церковный собор, оправдал Дионисия и его справщиков. Но и «прилог» не был сразу выкинут из текста Требника. А сделана была лишь приписка на полях, гласящая, что вопрос-де спорный и передан на решение высших церковных инстанций. А тем временем послали в Константинополь и Иерусалим соответствующий запрос. Споры постепенно утихли, на слова же «и огнем» привыкли смотреть как на что-то временное, находящееся под сомнением. Дионисий вернулся в Троицу, Арсений Глухой стал справщиком Печатного двора, который при Филарете и под его особым покровительством переживал пору расцвета, вернувшись из Кремля на Никольскую улицу. Иван Наседка стал опять священником и вдобавок ключарем кафедрального Успенского собора.

Когда же в 1625 г. вернулись посланцы Филарета с окончательным ответом, история уже не вызывала шума или недовольства. Тем более что выяснилась причина путаницы, происшедшей от неправильного трактования Евангелия от Матфея. Там, где Иоанн Креститель говорит о крещении «духом святым и огнем», имеется в виду будущая жизнь тех, кто не принял на земле учения Христова. Таким образом, под «огнем» подразумевается «геенна огненная». В этом же мире надлежит крестить одним «духом святым». Теперь Филарет мог спокойно велеть замарать в Требнике как сам «прилог», так и соответствующую приписку на полях[71].

Авторитет же Ионы патриарху удалось подорвать еще в 1620 г. и сделать это уже со спокойной душою, так как в этом случае Филарет выступал в роли ревнителя традиций. Ему донесли, что Иона отказался крестить двух поляков, желающих перейти в православие, и ограничился одним миропомазанием. По существу, это соответствовало решениям VI вселенского собора. Но на Москве уже давно считали обязательным заново крестить «латынян». Для Филарета же, не сильного в догматике, но хорошо помнящего свою упорную борьбу за крещение Владислава, поступок Ионы был, разумеется, неприемлем. На соборе он выступил с обвинительной речью против Ионы[72]. И если в 1610 г. послы под Смоленском твердили, что «так делали все прежние государи»[73], то теперь патриарх ссылался не только на исторический опыт, но также на апостольские правила и решения I вселенского собора, утверждая, что «еретическое крещение» не есть крещение, но «осквернение».

Иона вынужден был повиниться (что, однако, не спасло его от смерти в заточении через несколько лет), но Филарету это показалось недостаточным. Спустя две недели на новом соборе он уже ставит вопрос о православных выходцах из Польши. Патриарх сам видел-де, как они там едят и пьют с католиками, живут вместе, сово-

купляются браком, а некоторые — даже молятся[74]. Теперь не только католикам было отказано в праве считаться христианами, но и православным жителям Речи Посполитой. Филарет как будто распространял свою неприязнь к Сигизмунду и мальборкским тюремщикам на православных подданных короля.

Были разработаны подробные инструкции, как проводить «испытание об истинной вере». В зависимости от случая человека или заново крестили на патриаршем дворе, с обязательным погружением в воду, или заставляли только исповедоваться и поститься[75]. При этом Филарет, вероятно, ощущал себя настоящим миссионером. «Он же великий государь... исправляше слово Божие и укрепи всю православную христианскую веру и многие языцы приведе в православную веру. Яко же убо древле чюдотворец Леонтей Ростовский приводяще заблудящую Чюдь в православную веру тако и он, великий государь святитель, многие поганые веры приведе. Всех убо крестяху, и под началом все были у него на патриарше дворе»[76]. Впрочем, под «погаными» здесь, конечно, понимаются не «литва», а языческое население современной Западной Сибири.

Активная проповедь православия началась после 1620 г., когда Филарет установил в Тобольске новую архиепископскую кафедру, на которую поставил новгородского архимандрита Киприана, прославившегося своими мучениями при шведах. В 1622 г. издается указ, запрещающий некрещеным татарам владеть православными служилыми холопами и селить пашенных холопов в своих дворах[77]. Вскоре пришлось строго пенять Киприану, что он не следит должным образом за поведением самих колонизаторов, среди которых, по сведениям Филарета, воцарились блуд, ересь и «скаредныя дела»[78]. Такие вещи естественны при том отдалении от центра, в котором пребывали сибирские насельники.

И в самой Москве Филарету не давали покоя уровень нравственности и крепость православия. В 1627 г. было издано сразу два указа, запрещающих собираться «на безлепицу» за Старым Ваганьковым кладбищем, а также игрища и колядования под страхом опалы и духовного наказания[79]. Было и другое опасение, касавшееся уже не черни, а людей из «московских чинов», за годы Смуты пошатнувшихся в вере. В 1632 г., незадолго до смерти, патриарх обличил и сослал на Белоозеро бывшего фаворита Расстриги князя Ивана Хворостинина. Патриарший указ гласил, что последний всегда имел тягу к католичеству, держал у себя «западные образа» и книги. Одновременно Хворостинин вообще обвиняется в безверии. «И людям своим к церкви ходити не велел... а говорил, что молиться не для чего и воскресения мертвым не будет» и т. п.

Парадоксально, что Хворостинина обвиняет человек, сам в молодости получивший «наслаждение» от разбора латинской азбуки! Тут же присутствует традиционное обвинение в пьянстве, несоблюдении обрядов и стремлении вообще бежать в Литву. Оригинален лишь укор в том, что мы сейчас назвали бы «антипатриотизмом»: «Да ты ж говорил в разговорех, что будто на Москве людей нет, все люд глупой, жити тебе не с кем... да Московские люди сеют землю рожью, а живут будто все ложью... и тем еси своим бездельным мнением и гордостью всех людей Московского государства и родителей своих, от кого ты родился, обезчестил»[80].

Филарет, впрочем, понимал, что одним наказанием «чистоты нравов» не добьешься. Большое значение он придавал книгопечатанию. За период его правления было выпущено больше печатных изданий, чем за все предшествующее существование Печатного двора. Кроме того, в сентябре 1632 г. из Александрии приехал ученый архиепископ Иосиф, оставленный на службе. Ему было поручено переводить греческие книги и учить детей грамоте и греческому языку[81]. При Филарете были канонизированы два новых святых: Макарий Унженский и Аврамий Галицкий. Настоящим триумфом православия было также обретение патриархом «Срачицы господней» — реликвии, присланной в Москву персидским шахом Аббасом в 1625 г. в знак дружбы.

Однако «опасности» продолжали подстерегать его. Долгое время патриарх не запрещал употреблять церковные книги «литовской печати». Они были даже в его личной библиотеке[82]. Однако в 1626 г. возник спор по поводу вывезенного из Литвы катехизиса Лаврентия Зизания, который в результате так и не был напечатан. А через год было сожжено как еретическое Учительное евангелие Кирила Транквиллиона Ставровецкого, привезенное из Киева[83]. Начался общий запрет книг немосковской печати. Подозрение вызывали также русские пленники, возвращавшиеся из Польши и Швеции, и вообще всякие выходцы из-за «рубежа». Указ 1624 г. предписывал ряд строгих мер по проверке всех перебежчиков с польской стороны на предмет «изменнова дела»[84].

Однако не все западные соседи были одинаково ненавистны патриарху. Филарета раздражало Деулинское перемирие, хотя благодаря ему мальборкские узники получили свободу. Из двух давних врагов России — Речи Посполитой и Швеции — первый был, бесспорно, основным для «великого государя». И это с необходимостью влекло его к союзу со вторым. Уже Столбовский мирный договор со шведским королем Густавом-Адольфом, хотя он и лишал Россию побережья Финского залива, заключал в себе основу для русско-шведского союза против Сигизмунда. Этот последний, будучи, как и Густав-Адольф, представителем шведской королевской династии, не только продолжал использовать по отношению к своему сыну титул «Царь Московский», но и лелеял мечту о шведском престоле. Со своей стороны шведский король претендовал на польский трон в случае смерти Сигизмунда. Все это втягивало Россию более активно, чем раньше, в европейские дела.

Шла Тридцатилетняя война, ключевая роль в которой в 30-е годы XVII в. перешла к Швеции и Густаву-Адольфу. Вряд ли Филарет принимал близко к сердцу все тонкости борьбы европейских политиков. У московской дипломатии традиционно были свои интересы. В соответствии с ними теперь все друзья Речи Посполитой, и в первую очередь ее главная опора — германский император, были врагами, а ее враги, скорее, рассматривались как друзья. Уже в 1620—1621 гг. начались переговоры о союзе Русского государства, Швеции и Турции против католического габсбургского лагеря. Земский собор 1621 г. провозгласил Сигизмунда нарушителем Деулинского перемирия, что давало повод начать против него военные действия. Тогда же в Европу было направлено посольство для выяснения позиции по этому вопросу других заинтересованных сторон, в частности Франции. Однако гибель турецкого султана нарушила планы Филарета. Густав-Адольф заключил перемирие с Сигизмундом. Война, казавшаяся тогда уже близкой, не вспыхнула. И только отношения с Польшей были полностью прерваны более чем на десять лет.

Между тем не все московские «сильные люди» симпатизировали внешнеполитическим планам патриарха. Была и оппозиция, которую вплоть до своей опалы и ссылки, по-видимому, возглавлял думный дьяк Посольского приказа Иван Грамотин. Неудача с идеей коалиции в начале 1620-х годов, казалось бы, пошатнула дипломатические построения Филарета и воодушевила его противников. Однако патриарх не имел обыкновения ни смиряться с неудачами, ни терпеть долго «самовольства» в делах. Удалив Грамотина, организатора Деулинского перемирия, он опять вернулся к своей идее борьбы с Сигизмундом.

В июне 1630 г. Густав-Адольф вступил в войну против империи. Большую помощь в ней оказала ему перепродажа русского хлеба, именно тогда хлынувшего в Европу. Фактически это была русская денежная субсидия королю[85]. Сближение с ним Филарета становилось все более тесным. Вскоре «великие государи» получили официальное обещание Густава-Адольфа выступить в союзе с Россией против Польши. Спор теперь шел уже только из-за конкретных сроков, так как Филарет хотел дождаться вступления в войну Турции. Антипольская коалиция вновь стала реальностью.

В марте 1632 г., за несколько месяцев до начала войны, произошло событие из ряда вон выходящее. Филарет направил личное послание шведскому королю о дружбе и союзе. Оценивая этот необычный шаг, в Москве писали: «А до сей грамоты от великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси к свейскому королю николи ни о каких делах ни с кем не писывано»[86]. Любопытно также, что в это же время стала складываться концепция общих идейных интересов православия и протестантизма в борьбе против католичества. По некоторым сообщениям, Филарет поручил тогда переводить на русский язык кальвинистский «служебник», что и было выполнено. До настоящего времени в Хельсинки хранится русский перевод голландского катехизиса, относящийся ко времени правления Филарета[87].

Между тем в Москве создавались полки «нового строя» — рейтарские, драгунские. Их возглавили прибывшие на русскую службу иностранные офицеры, в основном шведы и шотландцы. Густав-Адольф присылал к Филарету своих доверенных лиц. Обсуждались важные вопросы, касающиеся будущей войны. Тогда

Россия впервые участвовала и в планах раздела Речи Посполитой. Предполагалось, что после ее разгрома к Москве отойдут украинские и белорусские земли. Но само Русское государство очень медленно оправлялось от «всеобщего разорения» в результате Смуты. Иначе и быть не могло, и все внутренние меры правительства имели лишь частичный успех. Новая война потребовала новых жертв. Уже после ее начала был объявлен экстренный сбор «пятой деньги» — суровая мера, предпринятая ввиду особого положения в стране. Филарет был готов идти на все, чтобы только вступить в борьбу с Сигизмундом III.

Но весной 1632 г. король умер. В Польше на какое-то время установилось бескоролевье. А что такое междуцарствие и как можно выгодно использовать его — это Филарет знал по русскому опыту. Правда, казна была не слишком полной, а поместное войско, несмотря на полки «нового строя», — не таким уж сильным. Не было у царя и патриарха и военачальников, каким был когда-то Жолкевский у Сигизмунда. В сущности, никакие явные или же мнимые сложности в Польше, на которые, надо думать, уповал Филарет, также не были равнозначны Смуте. Но смерть Сигизмунда была удобным моментом для нападения. И Филарет поставил все на эту карту.

Смоленская война 1632—1634 гг. оказалась одним из самых драматичных эпизодов в старинном конфликте между Россией и Польшей из-за Смоленска. Русские войска, нарушив Деулинское перемирие, стали захватывать пограничные территории Речи Посполитой. В Москву полетели радостные сообщения. Поход на Смоленск и его захват должны были стать реваншем за Смуту. Даже сам круг действующих лиц, казалось, говорил об этом, ибо командовал осадой тот самый Шеин, который 20 лет тому назад сам сидел в этой крепости со своим гарнизоном. Как отмечал Пахомий, патриарх начал войну, «хотя свою обиду отомстити Литовскому королю Владиславу». Однако получилось так, что отомстил не он, а Владислав, действительно вскоре ставший польским королем. Судьба, так долго бывшая благосклонной к Филарету, не раз возносившая его из бездны падения на вершину могущества, под конец жизни обернулась к нему суровым ликом.

В ноябре 1632 г. в сражении погиб главный союзник патриарха — Густав-Адольф. На практике это означало начало распада коалиции. Но Филарет осознал это не сразу. Надежда на общность интересов была большая, тем более что шведская грамота о смерти короля гласила, что он погиб «в бою с католиками [от папежан] за христианскую евангелическую и за старую греческую веру»[88]. Летом в Стокгольм было направлено «великое посольство» с целью побудить Швецию выступить сейчас же против Владислава. Но желаемый результат так и не был достигнут.

В последние месяцы жизни еще недавно всесильный патриарх теряет «бразды правления». Он уже не направляет самолично внешними делами и даже вынужден придумывать специальную тайнопись, азбуку «затейного письма», в отчаянной попытке снестись со своими сторонниками в Швеции. Да и ту его принуждают отдать в Посольский приказ. А Владислав тем временем уже под Смоленском осаждает армию Шеина, для которого этот город стал поистине роковым. Другие воеводы не поспешили на помощь к любимцу патриарха. Да и помощь эту не так легко было собрать. И Филарет не выдержал такого удара судьбы. 1 октября 1633 г. патриарх умер, так и не узнав об окончательном поражении и капитуляции армии Шеина.

Как сообщает Фоккеродт, «царь Михаил от всего сердца наскучил тем игом, под которым находился, и не очень-то горевал, когда закрыл глаза старый патриарх, с досады и огорчения на плохой успех затеянного им предприятия на Смоленск»[89]. И действительно, уже 4 октября Михаилу Салтыкову был послан указ об освобождении из опалы. Вернулись и его брат, и все опальные дьяки, дорвались наконец до власти Стрешневы. Взошел на плаху Шеин, обвиненный в измене. Новый патриарх Иоасаф, выбранный, впрочем, еще самим Филаретом, не желавшим сильного преемника, отличался слабым характером. Распался штат патриарших стольников. И старым временщикам, вновь воцарившимся «на верху», вероятно, казалось, что навсегда исчез сам дух сурового и властного правителя, ревнителя традиций, «столпа православия», гонителя всего западного, стоявшего у истоков царской династии Романовых.

Примечания

1. СЕЛИФОНТОВ Н. Сборник материалов по истории предков Михаила Федоровича Романова. Т. 2. СПб., 1898, с. 63, 78—80. Ранний биограф Филарета А. Смирнов полагал, опираясь на дату вступления отца Федора Никитича во второй брак с Евдокией Горбатой и год получения им самим боярского чина, что будущий патриарх родился между 1554 и 1560 гг. (см. СМИРНОВ А. Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1873, № 1, с. 114).
2. Песни, собранные П. В. Рыбниковым. Ч. 1. М. 1861, с. 66—67.
3. Синбирский сборник. Т. 1. М. 1844, с. 93, 103, 104, 121.
4. ИСААК МАССА. Краткое известие о Московии. М. 1937, с. 42.
5. Акты исторические (АИ). Т. 2. СПб., 1841, с. 65.
6. ИСААК МАССА. Ук. соч., с. 42.
7. Разрядные книги. 1598—1638 гг. М. 1974, с. 66—67.
8. Подробнее см.: ВАСЕНКО П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб. 1913, с. 52—53.
9. Приведем здесь не совсем ясное высказывание Горсея о том, что Федор Никитич «был принужден» жениться на Шестовой, которую англичанин называет «служанкой» его «сестры, жены князя Бориса Черкасского» (см. ДЖЕРОМ ГОРСЕЙ. Записки о России. XVI — начало XVII в. М. 1990, с. 107).
10. Там же.
11. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. СПб. 1910, с. 53.
12. Сказание Авраамия Палицына. М.—Л. 1955, с. 104.
13. ИСААК МАССА. Ук. соч., с. 43.
14. Наиболее ярко эта поздняя легенда отражена у Буссова (см. БУССОВ К. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л. 1961).
15. ПЛАТОНОВ С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, с. 228—233. Известно также найденное в Коломенском дворце странное изображение Филарета в царских бармах и с надписью: «Царь Федор Никитич».
16. Там же, с. 246—248.
17. См. также: СКРЫННИКОВ Р. Г. Борис Годунов. М. 1978, с. 156—162.
18. ПСРЛ. Т. 14, с. 53.
19. АИ. Т. 3. СПб. 1841, с. 224—225.
20. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1873, № 1, с. 142.
21. АИ. Т. 2, с. 51, 57, 65.
22. Там же, с. 64—65.
23. Там же, с. 51, 65.
24. ПСРЛ. Т. 14, с. 53.
25. АИ. Т. 2, с. 51.
26. ПСРЛ. Т. 14, с. 54.
27. АИ. Т. 2, с. 34—35.
28. Там же, с. 35, 41. В начале XVII в. на уровне обыденного сознания еще не утвердилась мысль о том, что «Царство» дается лишь от Бога и, следовательно, его «заслужить» нельзя ничем. Эта идея стала широко распространяться только в проромановских сочинениях после 1613 года.
29. Там же, с. 42.
30. Там же, с. 45.
31. Чтения в обществе любителей духовного просвещения, 1873, № 3, с. 333.
32. Подробнее см.: ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 293.
33. Рукопись Филарета. М. 1837.
34. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 308.
35. ПСРЛ. Т. 14, с. 84.
36. Там же, с. 83.
37. АИ. Т. 2, с. 136.
38. ПСРЛ. Т. 14, с. 96.
39. CZERSKA D. Działalność Fiodora (Filareta) Romanowa w okresie «Smuty». — Studia historyczne. Kraków, 1980, № 4, s. 550—551.
40. ПСРЛ. Т. 14, с. 103.
41. См. ЦВЕТАЕВ Д. Царь Василий Шуйский с братьями на Варшавском сейме. Варшава, 1905.
42. DAROWSKI A. Malborski jeniec. In: DAROWSKI A. Szkice Historyczne. Seria trzecia. Petersburg, 1897; Акты Московского государства (АМГ). Т. 2. СПб. 1890, с. 99; АИ. Т.2, с. 405—406.

43. Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов. — Вестник Европы, 1868, август, с. 803—804.
44. Акты Археографической экспедиции (ААЭ). Т. 3. СПб. 1836, с. 120—121.
45. Записки капитана Филипа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Т. 1. М.—Л. 1985, с. 66—67.
46. АМГ. Т. 1, с. 124—125.
47. Собрание государственных грамот и договоров (СГГД). Т. 3. М., 1822, с. 38—121.
48. МУХАНОВ П. Подлинные свидетельства о русско-польских взаимоотношениях. М. 1834, с. 11.
49. Там же, с. 185.
50. Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. 2. СПб. 1846, с. 199—200.
51. БУСЛАЕВ Ф. И. Очерки русской народной словесности. Т. 1. СПб., 1861, с. 518—519.
52. Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов, с. 803—804.
53. Там же, с. 811—812.
54. СТАШЕВСКИЙ Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев. 1913, с. 374.
55. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л. 1986, с. 94.
56. Там же, с. 95.
57. ПСРЛ. Т. 14, с. 149.
58. О сыскных приказах см.: ГУРЛЯНД И. Я. Приказ Сыскных дел. В кн.: Сб. статей по истории права, посв. Владимирскому-Буданову. Киев. 1904; СТАШЕВСКИЙ Е. Ук. соч., с. 301—373; СМИРНОВ П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М. 1947.
59. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1. М., 1848, с. 10, 23, 35 и др.
60. Там же, с. 54—55, 57, 59.
61. ЛЮТКИНА Е. Ю. Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1619—1633). В кн.: Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М. 1988.
62. ААЭ. Т. 3. СПб. 1836, с. 231—233.
63. Законодательные акты, с. 114—116.
64. Дворцовые разряды. Т. 1. СПб. 1850, стб. 490—491.
65. СГГД. Т. 3, с. 261—262, 264.
66. Там же, с. 264, 266—267.
67. Дворцовые разряды. Т. 1, с. 846.
68. См. КОРЕЦКИЙ В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 1986, с. 260—262.
69. ПОПОВ А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М. 1869, с. 316.
70. ААЭ. Т. 3, с. 482—483. Подробно об этом см: КАЗАНСКИЙ П. Исправление церковно-богословских книг при патриархе Филарете. — Чтения в обществе истории и древностей Российских (ЧОИДР), 1848, кн. 8; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете. — Православный собеседник, 1862, ч. 2. июль. с. 361—405; август, с. 34—124.
71. ААЭ. Т. 3, с. 240—242.
72. МАКАРИЙ. История русской церкви. Т. 11. СПб. 1903, с. 23—29.
73. СГГД. Т. 2, с. 421
74. МАКАРИЙ. Ук. соч., с. 30—31.
75. Там же, с. 33.
76. ПСРЛ. Т. 14, с. 149—150. В придворном Новом летописце он сравнивается именно с Леонтием Ростовским, о деяниях которого, очевидно, особенно много слышал, будучи в Ростове.
77. Законодательные акты, с. 113.
78. СГГД. Т. 3, с. 245—253.
79. Законодательные акты, с. 129, 137.
80. СГГД. Т. 3, с. 331—332; см. также: ААЭ. Т. 3, с. 215—216, 259—260, 284—285, 485.
81. МАКАРИЙ. Ук. соч., с. 50—59.
82. ИВАНОВ П. Описание Государственного архива старых дел. М. 1850.
83. МАКАРИЙ. Ук. соч., с. 71—73.
84. ААЭ. Т. 3, с. 146—149, 154—155, 221, 261—262; Законодательные акты, с. 120—121.
85. См.: ПОРШНЕВ Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976, с. 207—229.
86. Там же, с. 297.
87. Там же. с. 422—423.
88. Там же, с. 182.
89. ФОККЕРОДТ И. Г. Россия при Петре Великом. — ЧОИДР, 1874, кн. 2, с. 8.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Освобождаем Украину

Примерно в это же время фронты получили новые названия: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Украинские (и Белорусских тоже было три или четыре, не помню сейчас). Наш фронт стал 1-м Украинским. Потом фронт Конева — 2-м Украинским; он до того назывался Степным. Южнее воевали 3-й Украинский и самый южный — 4-й Украинский. Последним командовал Толбухин, а 3-м Украинским фронтом — Малиновский. Освободили мы Киев, незадолго до того освободили Днепропетровск. Наши войска успешно продвигались на запад. Донбасс тоже был освобожден. Когда шли бои за Донбасс, я специально ездил туда. Помню, шел бой за Макеевку. Я приехал как раз, когда там наступала 2-я Гвардейская армия. Перед этим ею командовал генерал Крейзер. Раньше он был заместителем у командующего этой армией Малиновского, а потом стал ее командующим. Я давно знал Крейзера и считал его достойным командиром, сам он по национальности еврей, получил звание Героя Советского Союза еще в 1941 г., на меня производил очень хорошее впечатление. Уже после войны он у нас командовал войсками ряда крупных военных округов. Сейчас я не знаю, где и на каком посту он находится.

Когда я приехал на окраину Макеевки, как раз шел бой. Окраину, на которую я приехал, немцы обстреливали, но задержаться там не смогли, наши войска продвинулись вперед, и я вместе с ними попал в Макеевку. Торопился туда, потому что меня интересовало, в каком состоянии находится металлургия и угольные шахты. То, что я увидел, было очень печальным: сначала мы, когда отходили, взрывали; потом немцы отходили и тоже все, что успели, взорвали. Картина была такая печальная — одни руины. Надо было думать о восстановлении, прежде всего шахт. Не помню, в это время или же позже приехал туда Егор Трофимович Абакумов, мой давний приятель. Мы с ним познакомились в 1912 г., когда работали на 31-й шахте Французской компании. Он начал меня упрашивать, чтобы я помог ему демобилизовать людей для шахт. Оказалось, требуется очень много шахтеров, другой рабочей силы.

А Толбухин, который там наступал, их мобилизовывал в ряды Красной Армии. Я сейчас же послал шифровку Сталину с просьбой не призывать в армию горняков и металлургов. Уголь и металл по-прежнему будут нужны, ведь война продолжается. Если не будет рабочей силы, мы не сможем дать стране уголь и металл. Потом

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 2—12; 1991, № 1—6.

меня в связи с этой телеграммой вызвали в Москву. Сталин мне: «А с кем мы будем воевать? Кем пополнять наши части?» Отвечаю: «Понимаю. Давайте мобилизовывать колхозников, а то тут требуются квалифицированные рабочие. Если мы мобилизуем колхозников на рудники, их очень трудно будет быстро обучить производству, тем более металлургическому делу». «Ну, — говорит, — хорошо. Тех, кого Толбухин уже мобилизовал, возвращать не будем, но дадим ему указание, чтобы он впредь шахтеров и металлургов не брал». Уже хорошо! Это была маленькая победа.

Тогда же Сталин сказал мне так: «Сейчас, видимо, надо будет вам сосредоточить свое внимание на партийной работе и на работе по восстановлению государственных органов республики, ее областей и районов. Сейчас посевы и хлеб, сахар, уголь и металл — вот главное. Вы остаетесь членом Военного совета, как и были, 1-го Украинского фронта, время от времени сможете выезжать на фронт, но главные усилия, главную энергию вы должны посвятить восстановлению республики». Отвечаю: «Хорошо».

Таким образом, я из Киева наведывался на фронт, если говорить прямо, гостем. Не совсем-то хочется мне произносить это слово, «гость», потому что я был членом Военного совета и обладал соответствующими правами, но систематически заниматься вопросами фронта уже не мог, потому что должен был заниматься вопросами Центрального Комитета КП(б)У и Совета Министров Украины. Но выезжал я на фронт довольно часто. Когда я приехал из Москвы, то сказал об этом решении Ватутину. Ватутин выразил, так сказать, свое сожаление. Мы с ним, как говорится, сработались и с уважением относились друг к другу, и мне тоже было жалко оставлять Ватутина.

Хотел бы, чтобы меня поняли по-человечески. После выхода наших войск за Днепр настал приятный момент: раньше мы бежали к Днепру, отступая, а теперь в такое же положение поставили своего противника. Было горько отступать, зато приятно наступать. Хотя имелись у нас потери, но мы испытывали чувство радости и гордости за СССР, за нашу партию, за идеи Ленина, за все, что сделано нашим народом, создавшим такую могучую страну. И вдруг в такие дни я лишаюсь возможности активно участвовать в организации наступления на врага...

Но я понимал, что воевать и бить противника, конечно, хорошо, однако следует также создавать тыл и снабжать армию не только теми средствами, которыми питаются буквально, то есть кушают, но питать ее также боеприпасами, снаряжением и прочим. Здесь Украина должна была сказать свое веское слово. Мы имели кадры, имели и заводы. Хотя они и были разрушены, но легче восстановить разрушенные заводы, чем строить новые. Вот мы и занялись этим делом: восстанавливали шахты, металлургию, заводы.

В 1943 г. зима наступила рано. Наши войска не то уже были под Житомиром, не то даже вступили в Житомир. Тут противник подтянул войска с запада, в том числе из Италии, и вынудил нас отойти от Житомира. У нас там силы были сравнительно маленькие: на Житомир наступал в авангарде наших войск кавалерийский корпус. Естественно, когда он встретился с танками, то не смог удержать свои позиции против танков. Немцы стали преследовать наши войска, которые отходили опять к Киеву, и надеялись даже сбросить нас в Днепр. Помню, к той поре приехал к нам Анастас Иванович Микоян и пробыл у нас день или два. Он приехал для организации заготовки хлеба. «Вот, Сталин послал меня за хлебом. Давай этим заниматься», — говорит мне. Пока мы разбирались, какие есть возможности по заготовке хлеба (а мы послали людей на места еще до приезда Микояна), противник опять стал угрожать Киеву. Обыватели, которые уже возвратились в Киев, не хотели вновь попасть к противнику. Началось их бегство из Киева. Но это быстро прошло: наши войска справились с делом, задержали противника, так что ему не удалось выбросить нас вторично из Киева.

Анастас Иванович попросил меня показать, из какого района фронта было предпринято наступление на Киев. Я ему: «Давай, поедем туда. Это займет 35 минут». Приехали мы. Я ему показал, где были расположены войска противника, где наши войска, артиллерийские позиции, показал и наши землянки. Он зашел на командный пункт, огляделся и спрашивает: «А где же был противник?» «Да вон там». «Так это же очень близко». «Да, зато мы противника не только чувствовали на расстоянии, а и видели». Теперь он более конкретно представлял себе, что такое

было немецкое контрнаступление под Киевом. Потом вернулись к дороге. Вообще-то мы не съезжали с шоссе, чтобы не наскочить на какую-нибудь глупую мину. Когда подъехали к лесу, глянул он туда, где раньше был молодой сосняк, так тот буквально был выкошен. Говорю: «Это все выкосила наша артиллерия». Как будто какие-то люди шли там с топорами и рубили. Все было покорежено или вырвано с корнями. И я ему сказал: «107 артстволов стояло на один километр. Можешь себе представить такую мясорубку? Она все живое, все тут растущее дробила и рвала. Все уничтожила».

От нас Микоян поехал в Полтаву, потому что Полтава — это хлебный район, западная же часть Украины еще оставалась в руках противника, там велись бои и было не до хлеба, там вопросы решались пулеметами, артиллерией и авиацией, а на левом берегу Днепра уже можно было вести заготовку хлеба. Правда, в низовье Днепра, в районе Херсона, Толбухин еще не перешел за Днепр. Вот такая сложилась обстановка на конец 1943 года. Все фронтовые бойцы и все патриоты в тылу переживали радость побед, освобождения родной земли. Уже не было вопроса, будем ли мы в Берлине или не будем. Существовала абсолютная уверенность, что мы не только разобьем противника, но и добьем его. Военные уже в шутку поговаривали: «А вот я хотел бы стать комендантом Берлина». Кандидатов было довольно-таки много. И все люди, которые так именовали себя в шутку, были достойны того, они поистине выстрадали такое почетное назначение.

Некоторые военные могут сказать, что Хрущев пользуется невоенной терминологией. Да, я невоенный человек, потому и пользуюсь народной терминологией. Могут сказать «выстрадали» — такое слово не подходит. Но я считаю, что все люди, и военные и невоенные, страдают на войне, поэтому данное слово уместно. Мне очень нравилась откровенность Жукова в такого рода вопросах. Когда мне с ним приходилось бывать на фронте и когда он попадал в опасное положение, то очень возмущался теми, кто ставил его в это положение, ругался и говорил: «Боюсь! Черт его знает, ведь убьют. Убьют, сволочи, а я боюсь, не хочу, чтобы меня убили». И я здесь не вижу ничего унизительного для такого сугубо военного человека, как Жуков. Это — человеческое чувство. Одно дело — поддаться страху, и другое — правильно оценивать опасность и не подставлять, как говорил Чапаев, свой дурацкий лоб под дурацкую пулю врага. Тут разные понятия. Поэтому я и говорю, что война приносит страдания людям. Страдает и тот, кто воюет, и тот, кто не воюет. Поэтому, когда мы пошли вперед, мы радовались тому, что война идет к концу, что близится этот конец, что враг будет разбит и страна наша будет избавлена от фашистского нашествия, а торжество наше обеспечено.

В моей памяти отложился еще один эпизод военных действий того времени. После того как сопротивление противника западнее Киева было сломлено, завязались большие бои юго-западнее Киева и северо-восточнее Умани. Это происходило на стыке двух фронтов: 1-го Украинского и Степного (2-го Украинского). Последним командовал Иван Степанович Конев. В результате боев там была окружена довольно большая немецкая группировка. Она заняла круговую оборону и довольно упорно сопротивлялась. Тогда Ставкой было поручено двум фронтам, 1-му и 2-му Украинским, разгромить эту группировку и не допустить прорыва немцев на запад. Помню, как тогда Ватутин сказал мне, что это — ответственное задание и что он собирается выехать в войска. Говорю: «Хорошо, я тоже с вами поеду».

Поехали. Была большая распутица, но кое-где встречались и заносы. Стояли дни, когда сразу бывают оттепели и снегопады. До Белой Церкви мы летели, а оттуда с трудом добирались к нашим войскам, взявшим в кольцо окруженную группировку врага. Мы, собственно, направлялись в танковую армию, которой в то время командовал генерал Кравченко. Я уже говорил о нем раньше. Он командовал под Киевом танковым корпусом неполного состава, а потом получил более высокое назначение, и ему дали танковую армию. Мы с трудом добрались до штаба танковой армии, где встретились с Кравченко. Членом военного совета у него был Туманян, как я позже узнал — родственник А. И. Микояна. Я не знал Туманяна до того. Он произвел на меня хорошее впечатление.

Развернулись упорные бои. Противник отчаянно оборонялся и все время предпринимал попытки прорваться на запад. В конце концов каким-то силам окруженной группировки удалось все же прорваться. Они буквально валом валили: их косили, насколько могли, всеми средствами уничтожения, но какие-то силы прор-

вались. В окружении оказалось также много гражданских лиц — наших, советских людей, мужчин и женщин разных возрастов. Когда немецкая группировка отходила, она захватывала украинцев с собой и угоняла их на запад. Потом мы видели, как в метель и ветер эти обессиленные люди возвращались на восток, откуда они были угнаны. Жуткая осталась в моей памяти картина.

Сталин тогда рассвирепел в связи с тем, что вражеская группировка была уничтожена не целиком. Имело, конечно, большое значение, как представить доклад Сталину, умение доложить. Ватутин был по характеру человеком очень скромным и добропорядочным, он не мог ничего приукрасить и не мог свалить на кого-то вину, чтобы выгородить себя или показать себя в каком-то лучшем свете за счет принижения других. Такая порядочность Ватутина была всем известна, и мне это очень нравилось. Но она не всегда является хорошим спутником карьеры человека, который обладает хорошими качествами. Все хвалят и ценят его на словах, однако не всегда следуют этому хорошему и доброму примеру. И сложилось так, что Сталин взбесился против Ватутина.

Получилось, что именно чуть ли не Ватутин виноват в том, что не вся группировка немцев была уничтожена. И это сказалось на карьере Ватутина. Он получил чувствительный для военного человека укол: за успех под Корсунь-Шевченковским маршальское звание было вскоре присвоено Коневу, а Ватутин остался генералом армии и умер генералом армии. Я никогда не говорил с Ватутиным на эту тему, считая это ненужным. Это было все равно как подсыпать соли в больную рану, и я никогда не поднимал вопроса, почему Ватутин был тогда обойден в присвоении ему более высокого воинского звания. Только теперь у нас вернулись к данному вопросу, и правительство присвоило ему посмертно звание Героя Советского Союза.

Разгром немецкой группировки произвел очень большое впечатление. Вся мировая пресса писала об этом. Помню, как в тот район приехали наши и иностранные корреспонденты. Они знакомились с результатами разгрома группировки. Среди убитых был найден труп немецкого генерал-полковника. Тогда много писали об этом западные корреспонденты, подчеркивая, что, когда был найден труп этого генерала, на пальце у него было обнаружено золотое кольцо. Этот факт корреспонденты особенно подчеркивали: осталось даже золотое кольцо! Это было им непонятно. Ведь во всех армиях мира было сильно развито мародерство. Например, под Сталинградом трупы немецких солдат были раздеты догола. Тоже не волки, конечно, их раздели! Ясно кто, если с них сняли штаны. Мародеры какие-то и сняли. Были это гражданские лица или же военные? Думаю, что, к сожалению, могли так поступить и те и другие.

Закончился разгром большой немецкой группировки, что потребовало от наших войск много упорства и времени. Мы вернулись в Киев. Сейчас уже не помню: может быть, я вернулся в Киев, а Ватутин отправился в штаб фронта, который располагался западнее. Наверное, так, поскольку я один возвращался в Киев, это мне хорошо помнится. Проехал Белую Церковь, дальше ехать было невозможно, потому что на полпути к Киеву заносами была совершенно забита дорога. Валил снег, и дальше я пробиться не смог. Решил заночевать в ближайшем селе. Нашел первую попавшуюся хату. Постучались. Уже наступила ночь. Ответил женский голос, нам открыли дверь. Я зашел с товарищами, которые меня сопровождали, и сказал, что хотел бы до утра побыть в вашей хате. Женщина была одна с ребенком, сынишкой лет восьми.

Хата была похуже прибрана, чем обычно встречается в украинских хатах, чистеньких и беленьких. Тут дом был ниже того среднего уровня чистоты и опрятности, который существовал там обычно. Говорю: «Разрешите переночевать». Она: «Пожалуйста, пожалуйста, будь ласка» (отвечала только по-украински). Я ей отрекомендовался, назвал себя, потому что мы только что освободили эти районы, и я еще не знал, чтó тут за люди. Зашел просто какой-то военный в генеральской форме, и она приняла меня именно как военного. Мы покушали (у нас было свое, что покушать) и ее угостили.

Потом она разговорилась и рассказала мне о таком, чего я не знал. Когда немцы наступали здесь в 1941 г., то прижился у них в селе один красноармеец. Когда еще стояло много советских войск, он питался на общей красноармейской кухне, а когда советские войска отступили, остался, и все узнали, что это был бандеровец, националист. Он стал комендантом и рассказывал, что он прошел какие-то курсы на Западе, где его и других обучали и немцы, и украинцы-бандеровцы. Его доставили самолетом и сбросили на парашюте значительно раньше, чем отошли советские войска, у этого села. До поры до времени он скрывался в поле, в картофеле. Она рассказывала и о жизни под врагом, но бытовые вопросы не представляли особого интереса. Зато интересно, что немцы ко всему этому готовились заранее. Они, это мы и раньше знали, снюхались с бандеровцами. Бандеровцы были для них поставщиками агентуры: давали людей, которых выбрасывали на парашютах в тыл наших войск, и заранее распределяли, кто станет комендантом и в каком селе. Этот «красноармеец» ожидал, когда в село вступят немецкие войска. Тут он сразу явился (как это и произошло) и доложил, что комендант уже на месте и приступил к исполнению своих обязанностей.

Крестьянка сказала: «Дюже поганый был человек». Ну, и я не сомневался, что это поганые люди. Мы, говорит, поняли по его выговору, что этот человек с Западной Украины: «Вин не так размовлял, як наши, киевски украинци». Одним словом, это был засланный человек из рядов той агентуры Бандеры, которая пошла в услужение к Гитлеру. Бандера в то время верил, что Гитлер «освободит» Украину и там будет создано украинское национальное правительство, Украина станет независимой от Москвы, самостийной. Но все эти мечты были развеяны Гитлером. Показал он им самостийную Украину! На деле гитлеровцы никаких правительственных украинских органов не создавали, а назначали своих управителей и комендантов.

После освобождения нами Киева националисты начали ставить себя в какое-то оппозиционное положение по отношению к гитлеровцам. Все это свидетельствует о том, что Гитлер настолько был убежден, что победа ему обеспечена, что ни в каких местных сателлитах или каких-то союзниках, хотя бы националистах, заклятых врагах социалистического строя, не нуждался. Он считал, что все будет решено немецким оружием. Поэтому — все для немцев, все должно быть подчинено немцам, в том числе украинские националисты. Они должны знать свое место, а судьбу Украины будет определять фашистское руководство.

ЦК КП(б)У и правительство УССР в то время находились в Харькове. Как только мы освободили Харьков, сразу приступили к воссозданию советских и партийных органов. Были заняты необходимые помещения и временно укомплектованы ЦК КП(б)У и Совет Народных Комиссаров Украины техническим персоналом. Развернулась работа по налаживанию и жизнедеятельности республики. Много мне приходилось тогда разъезжать. С осени 1943 г. я бывал попеременно и в Харькове, и в Киеве. Спустя некоторое время я поставил вопрос перед Москвой и Сталиным о том, что правительство Украины надо перевести в Киев. Мне тоже было бы удобнее находиться поближе к линии фронта, так как я время от времени выезжал во фронтовой штаб проинформироваться о положении дел, узнать, как движутся военные дела.

Не помню сейчас, в каком месяце, но мы перебрались в Киев. Некоторые лица в Киеве чувствовали себя еще плохо: немцы частенько летали над городом, особенно разведывательные самолеты. Бомбили же Киев мало, подвергли только очень сильной бомбардировке станцию Дарница. Но немцы оставили много шпионов, и, когда 1-й Польский корпус эшелонами переправлялся на западный берег Днепра, немцы сильно его бомбили. Может быть, они и не знали, что это польские войска, потому что любые войска, которые переправлялись или концентрировались, они подвергали бомбежке. Реже бывали случаи, когда они сбрасывали бомбы на город. Обычно летали через Киев на Дарницу, а Дарница лежит на левом берегу Днепра возле Киева. Поэтому взрывы и пожары в ней освещали Киево-Печерскую лавру. Полеты вражеских самолетов через Киев нервировали киевлян. Конечно, этому чувству поддавались и те люди, которые работали в ЦК партии и Совнаркоме УССР.

Помню, как вдруг приехали ко мне военные и докладывают: «Надо создать в Киеве подземный командный пункт». Я не понял их и говорю: «Зачем нам сейчас здесь подземный командный пункт, когда фронт удаляется на запад и мы уверены, что враг не вернется к Киеву?» Мне отвечают: «Есть приказ. Давайте выберем подходящее место». Стали судить и рядить. В Киеве можно выбрать много таких мест, потому что город холмистый и удобен для создания подземных сооружений. Сначала я считал, что командный пункт надо расположить на склонах берегов Дне-

пра. Потом от этой мысли отказался: там плавуны, может произойти подвижка грунта, если мы начнем копать тоннели. Кроме того, нам сказали, что подземелье должно иметь выход в какое-то приличное помещение. Тогда решили расположить его неподалеку от здания бывшего штаба Киевского Особого военного округа. Потом там размещался ЦК КП(б)У. Построили какое-то, я бы сказал — недостаточно хорошо оборудованное, помещение. Позже я узнал, что это была затея Сталина. Когда наши войска уже освободили Киев, он, как говорится, уже в зеркало смотрел, как он выглядит в качестве командующего освободительными войсками и т. п. Поэтому он решил, что выедет поближе к войскам. Для этого ему нужно было место со штабом, и он хотел расположить его в Киеве.

Глупейшая затея. Не знаю, для чего это было нужно. По делу, для удобства командования этого не требовалось. Если же искать место именно с этой точки зрения, то надо было строить такой командный пункт гораздо западнее. Да и вообще затея эта родилась после очередного обильного ужина, который сопровождался бутылками с «Цинандали», «Напареули», а здравого смысла тут не было никакого. Я знал, что Сталин никогда особенно не рвался к линии фронта. И затея была никудышная, и, конечно, Сталин никогда там не был. В мою бытность первым секретарем ЦК КП(б)У Сталин вообще на Украине не бывал. Он только проезжал через Украину, когда отправлялся на отдых в Сочи. А однажды, когда отдыхал в Крыму, тоже проехал через Украину. И еще когда состоялась его встреча с Рузвельтом и Черчиллем в Ялте, он проехал через Харьков (я его тогда там встречал). Конечно, во время гражданской войны он бывал на Украине, когда являлся членом Военного совета Юго-Западного фронта, которым командовал тогда Егоров. Тогда, кажется, в Харькове стоял штаб фронта.

Что касается командного пункта, то нам пришлось его завалить, потому что мы боялись осадки почвы, а в Киеве это — опасное явление. Местность там холмистая. Ожидали, что могут произойти плохие последствия, так как убежище было приготовлено тут же, около здания ЦК партии и театра имени Франко. Впрочем, работники ЦК пользовались убежищем, когда случалась воздушная тревога.

Не помню точных чисел, но, видимо, в марте (я определяю по распутице; была невероятная распутица) наши войска предприняли очередное мощное наступление и опять сбили немцев с их позиций. Враг не выдержал натиска и бежал, оставляя огромные военные обозы, а также многих людей, которых немцы тянули за собой. Одни — это люди, которые проштрафились перед украинским народом и сами бежали с немцами; другие — кого угоняли насильно. Сразу нам трудно было определить, кто там виноват, а кто — нет. Потому что в таких случаях, даже если он сам бежал, спасая свою шкуру, то все равно прикрывался на словах, что его мобилизовали, ему приказали и т. п. И вот мне вдруг докладывают, что в этом обозе брошенных немцами лиц оказался Гмыря, знаменитый артист, певец с прекрасным голосом. Я прежде уже говорил, что на время фашистской оккупации он оставался в Харькове. Потом он объяснял, что кто-то из его близких был болен. Очень трудно выяснить сейчас правду, да я и не хочу делать это, потому что все, кто оставался, как по сговору, аргументировали свое поведение одинаково: жена больна, отец болен, мать больна, а он не мог их бросить, и т. д. Одним словом, сказали мне, что Гмыря со всем своим имуществом находится в этом обозе. Я приказал сейчас же доставить его в Киев. Доставили.

Потом я специально разговаривал по этому вопросу со Сталиным, потому что сам решить его не мог. Ведь Гмыря — грандиозное имя! Когда немцы заняли Харьков, мы получили сообщение (по радио, что ли, враги передавали), что Гмыря пел в зале перед собравшимися там офицерами немецкой армии. Возможно, что этого и не было, а просто немцы хотели афишировать, что известный украинский артист выступает перед немецкими офицерами. Теперь я сказал Сталину, что надо нам определить наше отношение к Гмыре. Он очень хороший артист. Лично я его биографии не знал, но, кажется, консерваторию он окончил в 1939 году. Говорю: «Мы хотели бы оставить его в киевской опере. Но нужно ожидать больших возражений со стороны Ивана Сергеевича Паторжинского». Паторжинскому Сталин очень симпатизировал. Да он и заслуживал этого. Паторжинский был хорошим артистом и хорошим певцом, он отлично пел и играл, имел сочетание сильного голоса и артистической манеры поведения на сцене. Тем не менее Сталин согласился со мной: «Да, возьмите Гмырю в Киев».

Но я ошибся: сейчас же стали раздаваться голоса, что с изменником Родины мы не будем вместе петь! Я знал, откуда это исходит: тут был и патриотизм, но была и конкуренция. И мы разъяснили, что Гмыря виноват в том, что не отступил с нами, раз имел такую возможность; однако сейчас трудно расследовать это дело, да мы и не хотим, ибо трудно сделать заключение, стремился ли он остаться. Да, факт налицо, и это, конечно, плохо. «Но, — говорил я, — мы ведь всю Украину оставили. Так что те, кто остался, сами имеют какое-то право обвинять нас за то, что мы ушли и оставили их. Поэтому копаться сейчас в этом, отыскивая виновных и наказывая всех тех, кто оставался при немцах, надо с умом. Иначе придется наказывать миллионы. Они остались, потому что у них другого выхода не было. Требуется подойти более серьезно, более здраво при оценке фактов и определять свое отношение отдельно к каждому лицу, которое оставалось на территории, занятой немцами».

Так Гмыря сохранился в киевском театре. Спустя какое-то время я встретился с ним, уже под конец войны. Он-то хотел встретиться еще во время войны, но я тогда считал, что это не вполне удобно для меня. И только когда я был в Закарпатье, а Гмыря оказался там, я сказал, чтобы он явился ко мне на квартиру. Он сам хотел излить мне свою душу. Но, чтобы не вызывать его на это (а это неприятно любому человеку), я хорошо угостил его и попросил спеть. Он пел. Только после этого я спросил: «Ну, что вы хотели сказать?» «После всего того, что я услышал от вас, мне больше нечего сказать, кроме благодарности. Я очень вам благодарен и никогда не забуду вашего отношения ко мне в тяжелую для меня минуту, которая возникла после того, как узнали, что я остался на территории, занятой немцами». Гмыря вновь занял почетное место в театре, опять обрел должную форму артиста и человека, с большой пользой трудился, часто выступал в концертах, да и сейчас еще выступает. Когда я узнаю, что его пение передают по радио или по телевизору, пользуюсь этим случаем, слушаю и наслаждаюсь его голосом.

Был в ту пору еще один крупный певец на Украине — Донец. В паре они пели с Паторжинским. Тоже имел хороший голос. Не знаю, по каким причинам, но за ним укрепилась среди партийного актива и особенно чекистов «слава» антисоветского человека и националиста. Он не подвергался аресту. Но когда в 1941 г. нависла угроза, что Киев будет захвачен немцами, его у нас арестовали. Никаких конкретных данных к тому, кроме сугубо интуитивных, не имелось. Я находился в обществе от него на довольно приличном расстоянии и потому не знал ни его души, ни настроений. И только по агентурным сведениям получалось, что он настроен антисоветски, что он украинский националист.

А арестовали его, руководствуясь теми мотивами, что, дескать, немцы знают о его политических, антисоветских настроениях и после захвата Киева могут его использовать. Чтобы не предоставить врагу такой возможности, его и арестовали, и вскоре он умер. Может быть, если бы не было войны и ареста, то человек долго еще жил бы и работал на пользу народу. Уже по окончании войны я возвращался несколько раз к вопросу о Донце. Думается, что там имели место наветы. То был плод искусственно вызванного подозрения. Иногда в каждом человеке видели нераскрытого врага. А Донец по характеру был человеком крутым, своенравным. Как мне потом рассказывали, он перед властью не низкопоклонничал, держал себя с достоинством, может быть, проявлял даже высокомерие. Видимо, это и послужило поводом оценить его как антисоветского человека.

В 1944 г. наши армии, продолжая наступать, подходили весной к Одессе. Я очень беспокоился за Одессу, в каком она находится состоянии и какие там имеются разрушения. Это крупный город. Да и просто хотелось побывать в Одессе непосредственно после того, как она будет освобождена. Поэтому я договорился с командующим войсками, а тогда на этом фронте командовал Малиновский, и полетел к нему. Он доложил об обстановке, и мы выехали в только что освобожденную Одессу. Сразу же посмотрели, целы ли здание обкома партии на берегу моря, Одесская опера, да и вообще город. На меня произвел хорошее впечатление тот факт, что Одесса сравнительно не очень сильно пострадала. Оперный театр был цел, только где-то снаряд расковырял угол. Рассказывали множество всяких анекдотов о вражеской оккупации. Одессу занимали румыны, поэтому возникло много антирумынских анекдотов, а одесситы ведь умеют сочинять смешные истории.

Вот я сейчас думаю: как это получилось, что Одессу освобождал Малиновский, а не Толбухин? Видимо, Толбухина оставили освобождать Крым, а Малиновский, то есть войска 3-го Украинского фронта, пошел на запад, и таким образом ему была предоставлена честь освободить Одессу, в которой он провел детство, живя у своей тетки. Не могу утверждать, что произошло именно так, сейчас у меня многое стерлось в памяти, искать же по печатным материалам, как я считаю, не стоит того.

Наш 1-й Украинский фронт вышел в марте на линию старой границы УССР с Польшей до 1939 года. Хотя мне все еще отводилось помещение в месте расположения фронтового штаба, я ездил туда только временами, а в армиях вообще уже не имел возможности бывать, хотя мне и хотелось. Я понимал верность указания Сталина, что мне надо сосредоточить усилия на организации работ по восстановлению промышленности и сельского хозяйства республики. Это было для Украины на том этапе главное, а вопросы наступления и разгрома противника уже, как говорится, лежали в кармане. Тут все было обеспечено.

Не помню точно числа, когда перед весной мне сообщили, что ранен Николай Федорович Ватутин. Меня это очень огорчило, хотя и сказали сначала, что жизни его рана не угрожает. Ранен он был в ногу, а при каких обстоятельствах, мне тогда не доложили. Прошло какое-то время, и сообщили, что Ватутин вагоном едет в Киев. Я встретил его. Он чувствовал себя, как любой раненый, и был уверен, что вскоре вернется к делу. Ему, кажется, предлагали лечиться в Москве, но он решил остаться в Киеве, потому что здесь был ближе к фронту и мог не прекращать своей деятельности командующего войсками. Приехали врачи, в том числе Бурденко, крупнейший хирург. Большего и лучшего желать в те времена не приходилось. Бурденко, осмотрев Ватутина, сказал мне: «Ничего страшного, его рана не опасна, мы его, видимо, сумеем поставить на ноги, и он приступит к исполнению прежних обязанностей». После ранения Ватутина командование войсками 1-го Украинского фронта принял Жуков. Мне кажется, сначала он командовал временно, пока не выздоровеет Ватутин.

Затем мне доложили, при каких обстоятельствах и где был ранен Ватутин. Оказывается, его ранили украинские националисты, бандеровцы. Они воспользовались неосторожностью, непредусмотрительностью не только Ватутина, но и людей, которые отвечали за его охрану. Он находился в каком-то населенном пункте, откуда ему нужно было переехать в другое место. Решил ехать ночью. Была непролазная грязь. Вообще-то мы на фронте чаще всего переезжали с места на место на рассвете или в вечерних сумерках, а тут — ночью. Впереди командующего ехал «виллис» с автоматчиками, потом сам Ватутин, тоже в сопровождении автоматчиков. Где-то на развилке дорог машины разминулись: шедшая впереди направилась в одном направлении, Ватутин — в другом. В их расколовшемся движении образовалась вилка. Ватутин проезжал через какую-то деревню, когда раздалась пулеметная очередь, и командующий был ранен. Не помню сейчас, нападавшие сумели захватить машину или убежали. Потом мы поймали тех, кто стрелял в Ватутина, но уже после войны. На допросах, как мне докладывали, они говорили, что узнали, что ранили (либо убили) именно Ватутина, потому что какие-то вещи и документы попали к ним в руки.

Лечение командующего шло довольно успешно. Я каждый день приезжал к нему. Он чувствовал себя хорошо, уверенно выздоравливал, уже начал заниматься делами и был даже назначен день, когда он сможет официально приступить к исполнению прежних обязанностей и вернуться во фронтовой штаб. Но вот как-то он говорит мне: «Что-то температура у меня поднялась, и я плохо себя чувствую». Врачи, осмотрев его, сказали, что, видимо, это рецидив малярии. Он болел малярией раньше, да и на фронте, когда мы были с ним там вместе, тоже болел ею. Я ответил: «Жаль. Она, видимо, измотает вас, ну, ничего не поделаешь». Через день-два процесс стал нарастать. Тогда врачи сказали: «Это не малярия, это — более серьезное явление, возникло заражение раны». Это всех встревожило. Заражение раны — нагноение, гангрена, ампутация конечности или смерть. Надо было срочно лечить.

Врачи считали, что следует применить пенициллин, но они могли, как мне рассказывали, тогда сделать это только с согласия Сталина, а Сталин воспротивился. Я с ним лично не разговаривал по вопросу пенициллина, но врачи сказали мне, что

Сталин отверг пенициллин. Мотив выдвигался такой: пенициллин был не советским (у нас его не имелось), а американским, и Сталин считал, что пенициллин может оказаться зараженным: из США могут послать зараженный пенициллин, чтобы ослаблять наши силы, так что лечить этим лекарством такого крупного военного деятеля, как Ватутин, недопустимый риск.

Не мне тут судить, судить должны были врачи. Врачи же мне говорили, что если бы ему был дан пенициллин, то это могло повернуть ход болезни в иную сторону и спасти Ватутину жизнь. Но врачи так и не смогли ничего добиться. А положение раненого ухудшалось. Когда я однажды пришел к нему, Бурденко, отведя меня в сторону, сказал, что единственный выход — операция, и как можно быстрее. Придется отнять ногу. «Мы возлагаем на вас большую надежду. Вам нужно поговорить с Ватутиным раньше, чем нам. Вы сошлетесь на нас и скажете ему о такой необходимости. Он питает к вам большое уважение, доверие, и вы сумеете найти слова, чтобы убедить его согласиться на операцию». И я поговорил с Ватутиным: «Николай Федорович, ваша рана дала осложнение. Врачи говорят, что нужна ампутация, придется отнять ногу. Я понимаю, что́ это значит для каждого человека. Но генерал без ноги возможен. А пожалеешь ногу, и потеряешь голову. Выбор один: жизнь или ампутация. Ампутация сохранит жизнь. Если ее не сделать, остается смерть. Прошу вас согласиться на операцию». Он ответил довольно спокойно: «Да, я согласен. Скажите врачам, пусть делают так, как считают нужным. Я готов хоть сейчас».

Я сейчас же передал его слова Бурденко. У того был помощником тоже крупный хирург, сейчас не помню его фамилию, он, собственно, и делал ампутацию ноги под наблюдением Бурденко. Провели операцию. Я пришел туда после операции, и мне сообщили о результатах. По-человечески говоря, это была страшная картина: не просто человек без ноги, а открытая рана... Для медиков это — довольно впечатляющее зрелище с профессиональной точки зрения, а на других лиц производит неприятное впечатление. Опять стали лечить Ватутина. Все делали, буквально все, чтобы состояние его здоровья улучшилось. Не знаю, сколько дней протянул он еще в таком виде, когда опять мне позвонил Бурденко (или его ассистент) и попросил, чтобы я приехал, потому что Ватутин уже находился в тяжелейшем состоянии. Он метался, поднимался на руках, требовал блокнот, карандаш и пытался написать какую-то телеграмму, обращался к Сталину с просьбой спасти его, и тому подобное.

Когда я подошел к нему, он метнулся навстречу, обнимал, целовал; был в полусознании, но хотел жить и обращался к каждому, кто мог в какой-то степени помочь отвоевать его жизнь. А я ему сказал: «Николай Федорович, Сталин знает и все сделает, что надо». Действительно, я со Сталиным специально говорил о Ватутине по телефону. Потом Сталин меня же и упрекал, что мы допустили смерть Ватутина. Это я-то допустил! Тут и Бурденко ничего не смог сделать, а что я могу, простой человек, не медик? Сталин сам запретил использовать пенициллин, но об этом он тогда мне не сказал: понимал, что произведет плохое впечатление. А я позднее не спрашивал Сталина об этом, потому что не хотел его как бы упрекать.

Когда я уходил из госпиталя, то сказал Бурденко: «Мое впечатление таково, что Николай Федорович умирает». Бурденко ответил, что больной еще несколько дней может пожить. Я повторил: «Думаю, что этой ночью и даже вечером он скончается». Действительно, мне через несколько часов позвонили: «Приезжайте, у Ватутина очень тяжелое состояние, мы хотели бы, чтобы вы приехали». Когда я приехал, Николай Федорович был при смерти. Так оборвалась жизнь этого замечательного человека, преданного Коммунистической партии, Советскому государству и своему народу, честнейшего, преданнейшего, трезвого во всех отношениях и сугубо принципиального. Я не много видел военных, чтобы они были такими хорошими коммунистами, каким являлся Николай Федорович Ватутин. Так я расстался с ним, потеряв хорошего товарища и верного друга. Я не был столь близок с ним до войны, но сблизился во время войны, глубоко уважал его и уважаю память о нем.

Когда его хоронили, я поставил вопрос о том, чтобы поставить ему памятник. Сталин согласился. Стали готовить памятник. Какую же надпись на нем сделать? Я предложил написать примерно так: «Генералу Ватутину от украинского народа», — ибо считал, что это — самое почетное: он ведь воевал на Украине, освобождал

украинские земли от гитлеровцев. И это было принято. Когда стали готовить надпись, вдруг в Москве тоже подняли тот же вопрос. Тогда руководил делами культуры в стране кто-то с украинской фамилией, хотя сам и не украинец. И вот он вдруг звонит мне и говорит, что надпись, предложенную мной, нельзя делать. «Почему?» — «Это будет националистическая надпись. Это, наверное, Бажан ее придумал, а ведь Бажан — националист». «Постойте-ка, — говорю, — не Бажан, а я предложил. Бажану тоже понравилось, этого я и не отрицаю. Но какой же здесь национализм — благодарность от украинского народа русскому человеку? Так это же награда, это, наоборот, украинские националисты с ума сойдут, если на памятнике русскому человеку сделать надпись от украинского народа». Мне потребовалось много усилий, чтобы отстоять текст надписи, и я только тогда победил, когда обратился к Сталину и сказал, что это возмутительно. Сталин ответил: «Пошлите их к черту! Сделайте, как вы предлагаете, и все». Так мы и поступили. Памятник стоит посейчас как память о жизни и деятельности Ватутина, как признание украинским народом его заслуг в борьбе с агрессором.

Да, образованные люди занимаются вопросами культуры в Советском Союзе! Нельзя же сказать, что тот человек показал свое невежество и политическую малограмотность. Тут как бы наоборот. Повторяю, у настоящего украинского националиста глаза бы затмило и помутнело в голове, если русскому генералу чеканить на памятнике надпись: от украинского народа. К тому же эта надпись свидетельствует, кроме того, о слиянии в едином порыве мыслей и поступков украинского и русского народов в общей борьбе против захватчиков. Действительно, так оно и было, потому что умирали ведь на одном поле и за одно дело и русские, и украинцы, и татары, и евреи, и башкиры, и белорусы, и представители других народов. Здесь проявилось их политическое и моральное единство, когда все народы СССР поднялись против врага, на защиту нашей Родины. Когда я бываю в Киеве, то всегда хожу к памятнику Николаю Федоровичу и отдаю ему должное уважение, высказываю свое почтение и признательность.

После Жукова командовал 1-м Украинским фронтом Конев. Я встретился с ним. Когда-то какое-то возникшее с Коневым дело разбирал Сталин, а я случайно присутствовал при этом. Тогда возник спор Конева с секретарем партийного комитета края или области. Потом я встретился с ним уже во время войны: он пришел с 19-й армией в первые дни войны к нам в округ, когда мы стояли еще на границе, а потом его армию быстро перебросили от нас в Белоруссию. Затем я встретился с ним на Курской дуге. А теперь совсем недавно мы вместе с ним праздновали нашу общую победу — освобождение Киева. Я знал Конева с хорошей стороны и был доволен, что командование войсками принял именно он. Конечно, Жуков был посильнее, тем более что уже тогда он фактически подготавливал и решал все вопросы в Ставке. Сталин? О, боже упаси, чтобы кто-то заикнулся о том, что решает вопросы не он, а Жуков. Однако, во всяком случае, я тогда именно так думал и полагаю, что так оно и было.

При Жукове я, оставаясь членом фронтового Военного совета, продолжал свою деятельность, направленную на восстановление разрушенного хозяйства Украины, и по-прежнему изредка ездил в штаб фронта, иногда по нескольку дней бывал там вместе с Жуковым. Наши войска в это время уже вышли к Тернополю. Помню, позвонил мне Жуков и сказал, что тогда-то начнется наступление и что он хотел бы, чтобы я приехал к нему. Я с удовольствием отправился. Мне и самому хотелось посмотреть на ход событий. Имелась уже абсолютная уверенность в нашем успехе. Прибыл я в штаб фронта, пробыл там не один день, как следует ознакомился с обстановкой. Ранним утром в день наступления мы вместе с Жуковым должны были находиться на командном пункте и контролировать, как проходит операция. Сели на «виллис», отправились. Не знаю почему, но немного запоздали к началу артподготовки.

Когда спешили на командный пункт, то объезжали какие-то кустарники, и вдруг сзади нас ухнуло орудие. Оно буквально ошарашило нас и мощным выстрелом, и колебанием воздуха. Это и было как раз начало артиллерийской подготовки. Загудела артиллерия, потом полетела авиация, заработали «эрэсы». Картина была очень впечатляющая. Немцы были разбиты, и наши войска рванулись на Тернополь и Черновцы. Тернополь какое-то время был в окружении, ибо немцы превратили его в хорошо укрепленный опорный пункт. Из-за этого Тернополь очень

пострадал. Я бы сказал, что из всех украинских городов больше других пострадал именно Тернополь. Немцы оказались там в окружении, мы их бомбили, а авиационные бомбы сильнее разрушают городские сооружения, чем артиллерия, потому что дают более мощный взрыв и происходит сотрясение почвы. Из-за этого дома не только разрушаются от прямых попаданий, но и трескаются.

Когда мы продвинулись вперед, я оставался при штабе еще несколько дней. А мне потом сообщили, что буквально рядом с местом, где располагалась моя квартира, нашли укрытие, по-украински «схрон», бандеровцы. Конечно, мы никаких бандеровцев не видели и вообще ничего не знали об укрытии. Они сделали там яму вроде погреба и замаскировали ее. Наши разведчики, которые выбирали место под штаб, недостаточно тщательно проверили этот участок. Были ли там в тот миг бандеровцы, сомневаюсь, потому что им трудно было бы там находиться: ведь нужны питание, вода и прочее. Но что у них там был схрон, это установлено точно. Пока я работал при штабе, наши войска успешно продвигались на юг и запад.

У истоков Западного Буга вновь завязались упорные бои. Противник хотел опереться на эту реку и дать нам сражение, чтобы задержать продвижение наших войск ко Львову и Перемышлю, и проявил большое упорство. Тем не менее мы далеко продвинулись на левом крыле фронта, и вражеская группировка севернее Каменец-Подольского была разгромлена, оставив много трупов и вооружения. В одном месте я видел у стены немецкую военную новинку — стоявшие рядами фаустпатроны, то есть ручные противотанковые гранатометы, частично в ящиках, целый склад. Видимо, как их подвезли, так и, не успев раздать солдатам, бросили. Там действовала танковая армия под командованием Рыбалко, и очень хорошо действовала. Помню, уже летом приехал я к Рыбалко. Он располагался со своим штабом неподалеку от станции Красне, восточнее Львова. Когда я к нему вошел, ему докладывали обстановку. Совершенно другое было в армии настроение, чем в 1942 г., — полная уверенность, что мы быстро пойдем вперед.

Стали мы обсуждать план, как двигаться на Львов. Я знал подступы к этому городу. Львов занимать с севера или с востока трудно. Он расположен в котловине меж предгорий, а с севера его прикрывает пойма рек Южный Буг и Пелтев. Дальше на север простирается абсолютно ровная местность. С востока тоже тянется поле, а вокруг Львова начинаются холмы. Очень удобный город в смысле организации обороны. Сначала мы попытали счастья захватить Львов врасплох, но это не удалось: противник навязал нам бой. Было решено не упорствовать и не тратить время, чтобы класть там живую силу, преодолевая налаженную оборону, а ударить прямо на Перемышль. Пусть Львов окажется в тылу наших войск. Тем самым мы вынудим противника уйти из Львова без боя. Так потом и получилось.

Для этого танковую армию, которая на подступах ко Львову ввязалась в бой, понадобилось развернуть севернее, выведя ее из боя с тем, чтобы повернуть ее на запад через Жолкву и Яворов к Перемышлю. Вместе с танковой армией должна была наступать еще севернее 13-я армия Пухова, очень хорошего человека и хорошего военного. Он командовал этой армией еще на Курской дуге. Я принимал участие в рассмотрении и утверждении этого плана. Потом поехал к Рыбалко, чтобы на месте ознакомиться с положением войск. Когда стал подъезжать, танки шли мне навстречу: их уже повернули, и они двигались в новом направлении. Неожиданно налетели самолеты и начали их бомбить. Я ехал вместе с секретарем Львовского обкома партии (сейчас председатель Комитета народного контроля на Украине, толковый и энергичный человек). Он был недавно генералом, членом Военного совета какой-то армии, а когда мы стали подходить ко Львову, я попросил, чтобы его, освободив от военной должности, дали нам, с тем чтобы утвердить его секретарем Львовского обкома КП(б)У. И вот началась бомбежка, загорелись танки, мы выскочили из машин. Рядом виднелась отрытая щель. Этот генерал, худенький такой, р-раз боком прямо в эту щель и притерся, как клин. Я засмеялся: «Здорово выработался инстинкт самосохранения от бомбежки». «Да, — говорит, — сколько уже воюем, всяко приходилось».

Доехал я до Рыбалко. На крыльце домика, где он размещался, стоял генерал Рязанов. Я его знал, еще когда он в начале войны был полковником и вывез из Киева секретные бумаги ЦК КП(б)У, которые ему вручил Бурмистенко. Теперь он командовал штурмовой авиацией фронта, и у него, по-моему, были на вооружении Ил-2. Я его спросил: «Это что за самолеты бомбят наши колонны?» Он: «Это наша

авиация». Тут же дает позывные и связывается с ведущим этих самолетов, чтобы отвернуть их в сторону. Потом я вновь его спросил: «Как же это могло случиться, что наша же авиация бомбит свою танковую колонну?» — «Мы сами о том гадали и пришли к такому выводу: летчикам дали задание разбомбить передний край и все, что движется против нас под Львовом. Когда мы повернули танки, то они пошли отсюда на северо-восток, прямо по дороге от Львова. Наверное, наши летчики и приняли их за танковые колонны противника и стали бомбить». В таких случаях, когда приходилось попасть под бомбежку своих же, то всегда говорили: «Спасибо им, что плохо бомбили и на этот раз!» Не помню, какие у нас были жертвы. Если и были, то незначительные, потому что танкисты успели выскочить и разбежаться. В танках, по-моему, тоже существенных потерь не было. Я видел только две-три машины, охваченные огнем.

Шла перегруппировка войск, меняли направление движения, и я пока поехал в 13-ю армию к Пухову. Я не видел его с 1943 г., когда воевал еще под Курском. Я приехал к нему как раз, когда наши танки развернутым строем двигались за пехотой в сторону Перемышля. Спрашиваю его: «Где наши войска?» Он показал по карте: «Они уже подходят к Перемышлю». «А кто перед вами? Кто сдерживает вас сейчас?» «А никого нет перед нами. Противника тут нет. Надо, чтобы танки побыстрее двинулись и не дали опомниться врагу. Но там заболоченное место, трудное для танков. Сейчас наши саперы работают над тем, чтобы укрепить это место. Тогда танки Рыбалко двинутся дальше, и мы займем Перемышль». У него не было в том никаких сомнений, и мне было приятно его слушать. Пожелав ему успеха, я вернулся в штаб.

Между прочим, когда я ехал к нему, то догнал маршевую роту не то батальон. Они устроили привал, и я подошел к ним, чтобы побеседовать. Состоялся интересный разговор. Чувствовалось совершенно иное настроение, не такое, как в 1941 г.: раздавались прибаутки, солдатские шутки. Чуть не в каждой роте имелся свой Теркин. Очень хорошо и метко схватил Твардовский эту фронтовую фигуру и замечательно написал свою поэму, сильную по содержанию и зеркально отражавшую жизнь, бои. настроение воинов Красной Армии.

Вскоре наши войска заняли Перемышль. Немцы, почувствовав угрозу с тыла, сами выскочили из Львова, и наши войска вступили в него. Я сейчас же поехал туда. Он представлял для нас особый интерес: абсолютное большинство городского населения было польским, украинцев было там очень мало. Крестьянство же вокруг Львова было все украинским, а в городе, в результате особой политики, которую проводило Польское государство, жили в основном поляки. Мне рассказывали, что украинцы не могли даже получить работу по уборке или мощению улиц во Львове. Проводилась политика ополячивания, чтобы укрепиться в том споре, который издавна велся там между украинцами и поляками. Польское правительство делало все, чтобы опереться во Львове на польское население. Поэтому мы боялись, что там могут возникнуть какие-то местные органы, которые окажутся враждебными Советской власти. Надо было поспешить, чтобы наши люди приступили к руководству городом. Так мы и сделали. Сейчас же были утверждены секретарь обкома партии и председатель облисполкома. Потом стали подбирать кадры для районов, создавать другие государственные и партийные органы. Провели необходимые собрания.

Помню, как во Львове ко мне кто-то зашел и сообщает: «Товарищ Хрущев, я проезжал сейчас мимо вокзала и видел, как гражданские лица растаскивают вооружение. Один человек нес ручной пулемет». Я сейчас же взял машину и помчался туда. Застал такую картину: неизвестные люди действительно растаскивают пулеметы и винтовки. Во Львове — польское население, немцы разбиты и отступили отсюда, а население вооружается. Против кого вооружается? Ведь не против отступавших. Значит, против нас. Тотчас были приняты срочные меры, чтобы прекратить это безобразие и организовать сбор «ничейного» оружия. Но все-таки его растащили немало. Частично оно потом, видимо, попало и в руки бандеровцев. Польское же население не смогло создать во Львове какой-то своей военной националистической организации. Армия Крайова, которая подчинялась эмигрантскому польскому правительству в Лондоне, конечно, готовилась к борьбе против Красной Армии, против Советской власти, но Львов — это ее периферия.

В предгорьях Карпат наступали 38-я армия Москаленко, 1-я Гвардейская армия

Гречко и еще одна армия, у которой командующим раньше был грузин, не помню сейчас его фамилии. Я знал его не очень хорошо, так как эта армия прибыла к нам, когда я уже не участвовал активно в работе Военного совета фронта и поэтому близко не сумел познакомиться с ним. Эти три армии на левом крыле фронта отстали в продвижении. Условия обороны в горах создались выгодные для противника, и там он навязывал нам довольно затяжные бои. В данной связи Сталин, когда я приехал в Москву, очень хвалил 13-ю армию Пухова и очень критиковал отставших: «Что же они, такие-сякие, хваленые ваши командующие, топчутся на месте?» Говорю ему: «Да ведь я и Пухова хвалил, и других хвалил. Но, товарищ Сталин, я был у Пухова и лично знаю, что перед Пуховым оказалась пустота: противника там нет, поэтому он и продвигался совершенно свободно. Кроме того, там равнина, и по ней его сопровождает танковая армия Рыбалко, так что все естественно. А другие движутся в предгорьях и в горах. Там легче организовать оборону и труднее выбить противника, который упорно сопротивляется».

Сталин в такие вопросы не вникал, не хотел разбираться. Не знаю, сознательно ли делал это, оставляя себе более крупные вопросы, или просто не понимал. Иными словами, раз не продвигаются — значит, плохие; если продвигаются — значит, хорошие. А какие условия возникали для той или другой армии на одном или другом направлении, он порою не хотел слушать и в таких случаях не вдавался в изучение обстоятельств, почему именно такие сложились условия на каком-то участке фронта.

Во Львове продолжалась организация новой жизни. Среди поляков выделились активисты, которые хорошо сотрудничали с коммунистическими организациями и стали отличными агитаторами. Помнится, особенно выделялся один человек, истинный умница. Я его сам слышал, когда мы проводили митинг в городе. Выступил он замечательно, умную речь сказал. И я тогда предупредил чекистов: «Вы создайте соответствующие условия для него и охраняйте его негласно, чтобы он этого не заметил. Боюсь, что его убьют польские националисты». Увы, так и случилось. Те подослали ему «подарок» от его друга из Варшавы. Он стал разворачивать посылку и, как рассказала нам потом его жена, заметил ей: «Что за упаковка? Не бомба ли это? Не адская ли машина?» Тут раздался взрыв, он был сражен наповал, а жена контужена, но осталась жива. Убийц, конечно, найти не удалось. Так мы потеряли хорошего друга, ценного еще и тем, что он был поляк. Среди поляков во Львове не так-то много имелось наших сторонников, особенно активных агитаторов и хороших ораторов, в которых мы очень нуждались.

Когда были заняты Перемышль и Львов, это не остановило наши армии. Они продолжали наступать. Войска, которые продвигались левее, в Предкарпатье, заняли Дрогобыч с нефтепромыслами и нефтезаводами. Я сейчас же выехал в Дрогобыч, а потом поехал в Борислав, буквально по следам отступавшего противника. Вскоре этот участок — Борислав и южнее него — отошел в полосу 4-го Украинского фронта. Командовал его войсками Петров, из бывших учителей, хороший командующий. Спустя ряд лет после войны он умер. У него было характерное подергивание головы, вроде тика. А членом Военного совета у него в те месяцы был Мехлис, человек архиэнергичный. Его энергия, как буря, иной раз сметала все — и враждебное, и полезное. При разборах операций обычно докладывал больше Мехлис, чем командующий. Он сковывал инициативу командующего. Вторым членом Военного совета фронта был генерал, чью фамилию я сейчас забыл.

Как-то они с Мехлисом решили поехать в свои войска и поспорили. Второй член Военного совета говорит: «Предлагаю поехать вот этой дорогой, а не той, которой предлагаете вы, товарищ Мехлис. Та дорога находится под артобстрелом артиллерии, и мы там не ездим». Мехлиса это подзадорило: «Как так? Именно этой дорогой и поедем, она короче, и мы приедем быстрее». Они выехали на разных машинах. Получилось так, что Мехлис проскочил удачно, а у второго генерала при прямом попадании снаряда машина была разбита, а сам он погиб. Так по упрямству и глупости Мехлиса потеряли генерала. Вот цена задорного хвастовства: «Я ничего не боюсь!» Действительно, Мехлис был очень смелым человеком, нужно отдать ему должное. Но смелость, которая выливается в безрассудство и ведет к ненужным потерям, не может быть оправдана.

В Дрогобыче и Бориславе, куда я приехал, нефтепромыслы оказались разрушенными, но два завода по переработке нефти, которые мы законсервировали еще

до войны (они принадлежали какой-то иностранной фирме), остались совершенно целыми. Мы смогли быстро пустить их в ход, как только в том возникла потребность. А потребность возникла тогда, когда были восстановлены скважины и опять началась добыча нефти. Впрочем, заводы были устаревшие, и я не знаю их дальнейшей судьбы.

Теми неделями наши войска, продолжая наступать, перевалили через Карпаты и уже спускались на равнину к реке Тисе. Когда я узнал, что завязываются бои в районе Мукачева, то решил отправиться в штаб 4-го Украинского фронта, чтобы встретиться с командующим войсками и с Мехлисом. У нашего фронта тогда имелись свои виды на Закарпатье, потому что там жили украинцы. Прикарпатье называли в старину Червоная Русь. Поэтому, как только я узнал, что наши войска вступили в Мукачево, сейчас же выехал туда, чтобы разобраться на месте: какой там существует партактив? Какие партии? Каков состав неселения — сколько проживает украинцев, венгров, чехов и представителей других народов, если таковые там есть? В принципе они должны были быть, потому что эта область много лет находилась в составе прежней Австро-Венгрии, а после первой мировой войны вошла в состав Чехословакии. Каждое новое государство старалось убить национальные чувства украинской части населения Закарпатской Украины, доказав, что оно не украинцы. То их называли русинами, то Червоной Русью, но никогда не называли их просто украинцами или даже русскими. Действительно, они отличались даже от карпатских гуцулов, хотя по одежде, бытовой культуре, нравам они были близки к горным гуцулам.

До войны я бывал в этом районе, но, конечно, не в Закарпатье, хотя через перевал добирался до самой границы. Там проходили две довольно приличные дороги. По ним обеим я проезжал к границе и теперь понадеялся, что помню их, почему и не взял проводника, однако ошибся; сбился с пути и вместо того, чтобы проехать на перевал западной дорогой, которая вела в Ужгород, попал туда юго-восточной дорогой. Ночью, когда я подъехал к границе, меня поразило, что нигде никого нет, буквально ни души, никакого движения, и такая стоит жуткая тишина в лесу. Мы останавливались, опять ехали, снова останавливались, прислушивались. Никого! Со мною была только охрана, которая всегда меня сопровождала. Обратный путь потребовал времени. Только поздним вечером мы спустились с Карпат. Найдя штаб фронта, я рассказал командующему, зачем приехал. Он доложил об обстановке. Затем пришел Мехлис. С ним мы были старые знакомые и давние приятели, еще по Москве, когда я учился в Промышленной академии, а он был редактором газеты «Правда». Мехлис: «Ведем бой в Ужгороде. Противник сопротивляется, но, наверное, мы его выбьем завтра утром».

Я остался пока у них, а утром поехал к Ужгороду. Противник еще держался на западной окраине города и вел минометный огонь по его центру. Мукачево же я осмотрел, когда мы с Петровым проезжали через него. Хороший, маленький, чистенький городок, славные постройки. Ужгород тоже очень мне понравился. Села по дороге показались не типично гуцульскими, но и в них виднелись хорошие постройки. Позже я узнал, что это были мадьярские села. Они совершенно другого типа, дома стояли фундаментальные: кирпичные и каменные. Гуцулы были оттеснены венграми дальше в горы и имели курные дома без труб, печной дым выходил из-под крыш. Тут я вспомнил свое детство: в нашей деревне Курской губернии тоже были курные хаты.

В Ужгороде я познакомился с Иваном Ивановичем Туряницей, коммунистом, табачником из Мукачева. Тогда он был местным лидером и проводил линию на вхождение Закарпатской Руси в состав УССР, создавал там новые партийные и административные органы. Первоначально возникло особое правительство закарпатской области — Народный совет. Мне Туряница понравился. Он был известным человеком в Компартии Чехословакии. Когда Закарпатье являлось частью Чехословакии, Туряница вел партийную работу среди закарпатских лесорубов. Там вообще было много рабочих. Мне рассказывал Мануильский, что когда он в 20-е годы начал работать в Коминтерне и ездил в Чехословакию как посыльный Коминтерна, то тоже встречался в Карпатах с лесорубами. «Проводил я собрание с лесорубами, — вспоминал он, — а это был год 1928-й, не то 1930-й. Коминтерн тогда проводил ту линию, что, пока не существует революционной ситуации, надо переходить от призывов к восстаниям к другим методам действий, к массовой работе. Я

выступил с докладом перед коммунистами-лесорубами. Они слушали меня, сопели, потом стали выступать. Говорили по-украински (а Мануильский сам украинец и хорошо говорил на этом языке): «Вот доповидач (докладчик) каже, шо немаэ революционной ситуации, але нам трэба зброи» (но оружие нам нужно). Я опять им доказываю, что если нет сейчас революционной ситуации, то и оружие ни к чему. Они твердят свое: «Давайте оружие». Одним словом, у этих лесорубов боевой был дух. Там жила беднота, значительно уступавшая по уровню жизни не только чехам, но и словакам, тоже небогатым. Ну, а о венграх и говорить нечего. Венгерское население было зажиточным.

Теперь я, естественно, подбадривал Ивана Ивановича, считая, что его политическая линия правильная. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Туряница создал вооруженные дружины и захватил некоторые районы, которые до войны принадлежали Румынскому королевству. Правда, жители этих районов, в основном крестьяне, сами приходили и просили, чтобы их включили в состав Советской Украины. Я тоже встречался с ними. Они доказывали, что они украинцы. Но тут ничего конкретного нами не предпринималось, Иван же Иванович послал туда своих уполномоченных на собственный страх и риск.

Румынским лидерам это было весьма неприятно. Те районы расположены далеко в горах, добраться туда непросто. Если говорить в шутку, то Иван Иванович начал вести захватнические действия. Когда воссоздалось Чехословацкое правительство и его люди приехали в Мукачево, он и их выкурил. После того как наши войска туда продвинулись, эти люди перебрались западнее, кажется, в Кошице. Вообще тогда у всех украинцев возникла сильная тяга к воссоединению. Ко мне даже в Киев приезжали представители какого-то района Словакии, заселенного украинцами, и просили их район тоже присоединить к УССР. Я им: «Это невозможно. Если вы, коммунисты, строили свою жизнь вместе с чехами и словаками, то это заденет чехов, а особенно словаков, потому что получится уменьшение территории Словакии. Хотел бы, чтобы вы правильно меня поняли. Стройте социализм, создавайте государство трудящихся сместе с Компартией Чехословакии. Вы должны объединиться с ними и свое будущее созидать вместе с другими народами, которые населяют Чехословакию».

Они уехали из Киева недовольные. Я, конечно, докладывал об этом Сталину. Однажды он позвонил мне и говорит: «У вас там Туряница?» Я: «Нет, не у нас, он к нам не имеет никакого отношения, это наш сосед». «Ну, рассказывают, что вы все-таки имеете на него влияние. Передайте ему, пусть он отзовет свои вооруженные отряды с территории Румынского королевства. Кроме того, он там какие-то районы занял и на левом берегу Тисы. А эта территория отойдет к Венгрии». Я сейчас же передал все Ивану Ивановичу. У нас с ним была налажена связь. Конечно, я не мог ему приказывать, а мог только советовать. Но он сейчас же все сделал, как посоветовали, вообще его заслуги перед Коммунистической партией Советского Союза в целом, Коммунистической партией Украины в частности, немалые.

Я уже работал после войны в Москве, когда узнал, что Иван Иванович умер. Я очень сожалел о том: он был еще молод и мог бы еще славно поработать. И я порекомендовал Киеву: «Подумайте, ведь он заслуживает того, чтобы как-то отметить его деятельность в Закарпатье. Он сыграл там положительную роль под конец войны». Впрочем, так и не знаю, что в этом плане было сделано.

Когда Закарпатье стало одной из областей Советской Украины, люди работали там хорошо. Создавались колхозы и совхозы, возникла новая промышленность, построили электростанцию. Там текут, впадая в Тису, реки Теребля и Рика. Между ними — небольшое расстояние. Их течения соединили тоннелем и, использовав возникший перепад высот, построили небольшую ГЭС, сейчас не помню, какой мощности, но для того района она временно решала энергетическую проблему.

Итак, Украина была освобождена.

Вперед, к победе!

Летом 1944 г. наши войска уже вышли на ту западную границу СССР, которую мы получили в 1939 г. в результате перехода восточных территорий Польши, населен-

ных украинцами и белорусами, в состав БССР и УССР. Сначала на этом участке действовал 1-й (если смотреть с севера) Белорусский фронт. Войсками в 1944 г. там командовал Рокоссовский, а начальником штаба фронта был Малинин. Я поехал к ним. Почему?

В составе этого фронта находилась 1-я армия Войска Польского. Командовал ею генерал Берлинг. Он написал письмо Сталину с жалобой, что к ним плохо относятся украинцы, и довольно резко разговаривал со мной по телефону, заявив, что украинцы не понимают событий и проявляют недружелюбие к Польской армии. Я решил поехать к этому генералу, чтобы поговорить с ним лично. Я прежде был с ним знаком, и у нас существовали хорошие отношения. Мы с ним поговорили, после чего я сказал Сталину (но не жаловался), что имели место случаи, когда польские солдаты самовольно брали сено или выпускали скот на посевы, и из-за этого возникали конфликты. Одним словом, всякая война ведется за счет крестьян. Некоторые польские воины со своей стороны тоже, видимо, плохо относились к украинскому населению, а те в свою очередь отвечали им тем же. Я сообщил Берлингу, что звонил Сталину. Берлинг извинялся: «Я не хотел причинить вам никаких неприятностей. Собственно, и не произошло ничего особенного, я приму необходимые меры». «Я тоже, — отвечаю, — приму со своей стороны меры». Так, довольно любезно, закончили мы беседу и потом поддерживали добрые отношения до самых последних дней, пока этот генерал командовал армией.

После войны по отношению к нему, на мой взгляд, была проявлена бестактность: его оттерли и даже третировали. Он присылал мне письма, где изливал свои чувства и горечь: писал, что, несмотря на то, что он командовал 1-й армией Войска Польского, его теперь незаслуженно считают человеком, который не поддерживает в Польше новое. Правда, он был человеком старого склада и достался нам как бы в наследство после краха польских вооруженных сил в 1939 году. Тогда он попал к нам в плен и находился где-то в лагерях. Когда его назначили командующим, он еще не сочувствовал строительству новой, социалистической Польши, оставался буржуазным интеллигентом и стоял на позициях прежних порядков. Но время идет, и он, по-моему, потом переменил свои взгляды.

Вообще же я очень часто встречался с польскими товарищами, когда они приезжали в Киев. Некоторые из них, переходившие линию фронта, сразу попадали к нам в Киев. Потом у нас формировалась 2-я армия Войска Польского, и я знал многих людей из этой армии. Командовал ею генерал Сверчевский. Среди прочих я встречался с Берутом, равно как и с другими поляками. В Киеве жила Ванда Львовна Василевская, которая возглавила Союз польских патриотов. Ему в идеологическом отношении подчинялось Войско Польское. Таким образом, Киев превратился в какой-то не то правительственный, не то просто руководящий центр для польских армий, но номинально, конечно, так как военные директивы они получали от командующих войсками фронтов, в состав которых входили.

Однажды, когда я приехал в штаб к Рокоссовскому, там был Жуков. Войска находились под Ковелем, готовились к наступлению. Погода была весенне-летняя, прекрасная. У меня там особых дел не имелось, я вообще никакого отношения не имел к этому фронту, ибо был членом Военного совета 1-го Украинского фронта. Поэтому когда прибыл, то в шутку заявил командующему: «Прибыл провести инспекцию. Есть жалобы со стороны колхозников, что войска производят потраву посевов. Так ли это? Надо проверить». Ну, они все понимали шутку. «Проверяй», — говорят. Шутили легко. Ведь это было уже «другое время»: мы, как говорится, сидели в седле и занесли ногу через нашу границу на запад. Тогда много писали в западной печати: «Перейдут ли границу советские войска или остановятся? Будут ли они и далее преследовать войска противника или прекратят войну?» Это на Западе так рассуждали. У нас же таких проблем не возникало. Все мы стояли на позиции полного разгрома немецких войск на любой территории и их капитуляции.

Наступил вечер. «Где тут, — спрашиваю, — у вас можно переспать?» А тогда спать можно было под каждым кустом. Они: «Вот Жуков уехал, вы и займите его место, он очень неплохо устроился». Я пришел туда, где спал Жуков. Он обтянул свою кровать марлей от комаров. Крестьянки так закрывают детей в коляске от мух. Я им: «Неплохо. Вот что значит наступать, что значит бить противника. Это не такая обстановка, как когда мы с Жуковым в первые дни войны были на фронте под Тернополем. Нам тогда было не до устройства с удобствами, чтобы спокойно

поспать и чтобы комары не кусали». Даже в такой детали сказывалась теперь перемена ситуации.

Оттуда я звонил начальнику штаба нашего фронта Соколовскому. Он на меня производил очень хорошее впечатление. Впервые я с ним повстречался в 1944 г., когда мы готовились к какой-то операции и Соколовский делал о ней доклад. Он сразу произвел на меня благоприятное впечатление: доложил обоснованный оперативный план на высоком уровне и с глубоким знанием дела. С тех пор и доныне я отношусь к этому человеку с большим уважением. Да и всегда с уважением выслушивал его мнение, когда он работал начальником Генерального штаба после смерти Сталина.

Наши войска, перейдя в очередное наступление, вступили на территорию Польши, 1-й Белорусский фронт освободил в июле г. Хелм, потом Люблин. Новое Польское правительство — Польский комитет национального освобождения — переехало в Люблин и расположилось там. Мне Сталин сказал: «Вы поддерживайте контакт с поляками. У вас находится Василевская, и ей надо оказать всемерную поддержку». Я считал, что это абсолютно правильно, и сделал все, что было в наших силах. Когда новые польские руководители в чем-то нуждались и в случае, если они обращались именно к нам, мы старались, как могли, удовлетворить любую их просьбу.

У нас возник как раз тогда вопрос, какой установить порядок обмена населения Польши и УССР, с тем чтобы поляки, проживающие на Украине, переехали при желании в Польшу, а украинцы, проживающие в Польше, — на Украину. Это касалось, конечно, и Львова, куда мне пришлось тогда несколько раз выезжать. В это же время я был утвержден Председателем Совета Народных Комиссаров УССР и секретарем ЦК КП(б)У (через три года с лишним опять стал первым секретарем ЦК КП(б)У). Это было сделано по предложению Сталина. В данном качестве я несколько раз прилетал в Люблин, где мы вели переговоры с поляками и потом подписали соответствующее соглашение. Я подписывал его с советской стороны, а с польской — Берут. Белоруссия тоже вела переговоры, и в Люблин приезжал Пономаренко, занимавший тот же пост в Белоруссии, что и я на Украине, — Председателя Совета Народных Комиссаров БССР и секретаря ЦК КП(б)Б.

Когда я прилетел для подписания соглашения, стоял август, и у нас уже поспели арбузы. Собрались в Люблине различные польские лидеры и представители их партий. Я прилетел с дарами, привез, в частности, арбузы, угощал их арбузами и дынями. Для них всех это было тогда деликатесом. Они вообще не выращивали бахчевых культур. Это произвело на них хорошее впечатление. Вспоминаю в данной связи смешной инцидент. Там находился представитель левого крыла крестьянской партии, чей брат был прежде лидером этой партии. Сам он из кулаков, имел мельницу и был, что называется, себе на уме. Видимо, там просто использовали его фамилию. Он сотрудничал с нами, но с оглядкой, неискренне. И вот, когда мы обедали, я предложил ему дыню: «Вот, господин Витос, берите дыню. Называется этот сорт „колхозница“». Он посмотрел на меня, прищурив глаза, разрезал дыню и повторил: «Колхозница?» «Да». «Почему же, — спрашивает, — она не красного цвета?» Ну и ну, если дыня называется „колхозницей“, то почему она должна быть красной? Он вроде бы хотел меня уколоть насмешкой. Конечно, он выступал против колхозов и против социализма, а пошел вместе с нами потому, что мы помогали освободить Польшу и изгнать немцев.

Впрочем, это были уже внутренние вопросы, относившиеся к нашим польским товарищам, Польской рабочей партии, которую возглавлял Гомулка, а позднее — Берут. Гомулки в Люблине не было, он находился в Варшаве, в подполье. Всеми вопросами, о которых я говорю, занимался как председатель нового правительства Берут, а главнокомандующим Войска Польского был назначен генерал Роля-Жимерский. Он хорошо относился к нам, и настроения у него были прокоммунистические, хотя он и не был коммунистом. У нас расхождений с ним не имелось. Правда, потом бедняга оказался в опале. На меня он производил доброе впечатление. В Польше он был позднее арестован и даже находился в заключении. Я не знаю, в чем он обвинялся. До меня доходили слухи, что его якобы обвинили в том, что он являлся иностранным агентом. Но это я передаю неточно. Очень хорошим другом был этот Жимерский. Я и по окончании войны поддерживал с ним добрые отношения, когда он стал в Польше уже маршалом.

Как я говорил выше, была достигнута договоренность между Советским правительством и поляками, какие области отойдут к Польше, а какие войдут в состав СССР. Среди районов, отходивших к Польше, часть была населена украинцами. Украинцы, жившие там, очень болезненно переживали это известие, особенно на Хелмщине. Хелмщина была в составе Российского государства до первой мировой войны, и поэтому там существовало сильное влияние русских. Население же там было украинское. Тогда уполномоченным, кем-то вроде посла при новом правительстве Польши, был Булганин. Поэтому когда я прилетал в Люблин, то всегда останавливался у Булганина. Ведь мы с ним приятели. И я ему предложил: «Давай поедем в Хелм».

Поехали. Зашли в собор. Нас встретил священнослужитель, забитый такой человек. Мы были в генеральской форме, и он обратился к нам: «Вот, отдают Хелм Польше. Все соборы тут выстроены русскими, православными людьми. Теперь мы лишаемся всего». Он не просил, а со слезами на глазах доказывал, что это неправильно, что это несправедливо. Он хотел объединения с Советским Союзом, с Россией, чтобы сохранить православную церковь, чтобы собор не был приспособлен католиками под костел. Мы же просто посмотрели и уехали. Мы ведь уже знали, что этот вопрос решен, а вступать с ним в спор мы тоже не хотели.

Когда я побывал в Люблине, я в первый раз увидел те печи, в которых фашистами сжигались трупы заключенных. Там не Освенцим, там другой лагерь, но и в нем стояло несколько печей. Мы приехали с Булганиным как раз тогда, когда разрывали ямы с трупами. Жуткая была картина! Там стояли также сараи, в которых были навалены горы обуви. Я видел и огромный сарай, который был завален женскими косами. Одним словом, все было немцами рассортировано и производило жуткое впечатление. Смотришь, и даже как-то не верится: неужели люди могли совершать такие преступления? Тогда как раз работала комиссия, которая производила расследование, все это осматривала и протоколировала. Но первый раз я сам лично увидел такую жуткую картину. Потом я других таких мясорубок не осматривал, однако читал о них.

1-й Украинский фронт вышел на Вислу. Мне позвонил командующий войсками фронта Конев и сообщил, что такого-то числа мы будем наступать на Сандомирском направлении к Висле. «Приезжайте!» Я тотчас полетел туда. Меня тянуло познакомиться с делами и посмотреть на наступление. Главное — именно посмотреть, потому что я считал, что моего участия в рассмотрении и утверждении этой операции не требовалось. Все было продумано. Конев в то время пользовался полным доверием как хороший вояка, умеющий командовать и организовывать наступление войск. Прибыл я рано утром и еще затемно выехал на командный пункт к Коневу. В назначенный час началась артподготовка. Такого огня я ранее не видел. Особенно сильное впечатление произвели на меня массовые залпы «эрэсов» на заключительном этапе артподготовки. Буквально осветилось все поле, когда ударили «эрэсы». Авиация наша действовала безнаказанно. У нас тут было уже полное господство в воздухе. Когда закончилась артиллерийская подготовка и наши войска двинулись вперед, мы вышли из командного пункта. Еще слышались только какие-то беспорядочные артиллерийские выстрелы.

Я спросил: «Далеко ли располагается от нас какой-нибудь командующий армией?» Конев: «Отсюда неподалеку командный пункт генерала Жадова». «Я поеду к Жадову. Дайте мне проводника, чтобы не напороться на мины». Поехал к Жадову. Он находился действительно на своем командном пункте. Спрашиваю его: «Что там перед вами, товарищ Жадов?» Отвечает: «Передо мной? Да вон поднялись наши солдаты и пошли вперед, как говорится, в рост, не кланяясь. Сопротивления почти нет. Огонь ведет лишь одно вражеское орудие, на левом фланге. Все, что осталось от противника живого, разбежалось». Такая была там, я бы сказал, радостная картина: мы выжили их, разбили, раздавили! Теперь — об ином. Шел 1944 год. Стояла поздняя весна или же начало лета. Солнечным днем, каких в Киеве бывает много, я вдруг услышал гул и увидел, что летит большая группа самолетов, выстроившихся в колонну и необычно сверкавших белизной. Таких самолетов раньше я не видел. У нас имелись белые самолеты, фронтовые бомбардировщики СБ, до войны. Но во время войны их было уже очень мало. Да эти и размерами были гораздо больше. Я понял, что это летят американские самолеты,

потому что у нас таких самолетов не имелось. Я читал, что в США создали «воздушные крепости» Б-29. Они-то и летели в направлении Киева. Я, конечно, хотел думать, что это американские самолеты. Но возникла и тревога: черт их знает, может быть, это немцы летят? Самолеты пролетели несколько севернее Киева и взяли курс в сторону Полтавы. Уже потом я узнал, что по договоренности с президентом Рузвельтом была создана американская военно-воздушная база под Полтавой, где приземлялись американские самолеты. Они вылетали из Африки, бомбили вражеские войска или военные объекты в Германии и садились у нас, заправлялись, загружались бомбами и опять летели на боевое задание. Это называлось «челночной работой» бомбардировочной авиации США.

Однажды немцы проследили, куда после бомбежки улетали американские самолеты. Видимо, как-то пристроились в хвост этим бомбардировщикам и точно разведали аэродром у Полтавы. Может быть, у немцев были там шпионы. Возможно и то и другое. Одним словом, они узнали, что американская авиация базируется под Полтавой, и однажды налетели на этот аэродром. Мне докладывали, что немцы уничтожили там много самолетов, пострадало много людей. Главным образом наши люди, потому что обслуживающий персонал был наш, советский. Вот такой имел место эпизод. Потом мы частенько наблюдали, как эти самолеты летали над Киевом. Они вылетали ночью, а возвращались после бомбежки в светлое время.

Через штаб партизан Украины мы узнали, что бандеровцы создают собственные партизанские отряды. Нам точно сообщили, что базируются они в районе Ровно. Там растут большие леса, глухое Полесье. В Полесье имелись наши большие украинские отряды. Командовал ими Бегма. Он умер где-то года два тому назад. Какое-то время перед войной он работал первым секретарем Ровенского обкома партии. Поэтому его в войну туда и перебросили, с тем чтобы он организовал партизанские отряды. Действовал он хорошо. Он-то и сообщил, что рядом с ним в лесах находится очень крупный отряд бандеровцев, а возглавляет этот отряд Тарас Бульба. То есть вожак взял себе имя гоголевского героя. У Бегмы даже появились с ним контакты: приходили люди от них и приглашали наших к себе. Мы поручили Бегме поподробнее узнать, какие у бандеровцев планы, как они действуют и пр. Сказали, что можно пригласить самого Бульбу, если он, конечно, явится в ваш отряд. Приглашение было послано, но Бульба не пришел.

Когда мы более детально все разведали, то выяснилось, что бандеровские отряды просто стоят и ничего не делают, против немцев не действуют. Мы поняли, что они собирают у себя людей, недовольных немецкой оккупацией, которые могли бы поэтому прийти в наши, советские партизанские отряды. Они сделали тем самым для таких людей отдушину и принимали к себе, но бездействовали. И мы определили, что они накапливают силы для борьбы против Красной Армии, но не буквально тогда, когда она станет наступать и очищать от врага нашу территорию, а когда она уже продвинется вперед. Тогда-то они и развернут свои действия в нашем тылу.

Когда мы освободили Ровно, я поехал туда поговорить с Бегмой и с тем командующим, чьи войска освобождали Ровно. Я сейчас не помню, кто освобождал Ровно. Я приехал в Ровно в конце зимы 1944 года. Поля были покрыты снегом, было холодно. Приехал я, поговорил с военными (штаба армии там не было, размещался штаб дивизии), и они мне рассказали, что противник пока невдалеке и ведет артиллерийский обстрел Ровно. Вечером я решил вернуться в Киев. Меня уговаривали остаться, но я не согласился. Выехал на север и направился вдоль нашей старой границы с Польшей.

В каком-то месте размещалась наша тыловая снабженческая база. Я приехал туда уже ночью. В помещении было страшно много народу. Окинул я всех взглядом и подумал: «Сколько же тут переодетых бандеровцев? И они тут подкармливаются, обогреваются, а заодно шпионят». Меня заранее предупредили, что хотя не было тревожных случаев, но замечено, что здесь орудуют бандеровские силы, поэтому дорога небезопасна. Тем не менее я решил той же ночью поехать дальше, чтобы там не ночевать. Приехал в какой-то городок на старой границе, где и заночевал. Вероятно, поступил правильно.

А летом и осенью 1944 г. наши войска успешно продвигались на запад. Я теперь все реже бывал в штабе фронта: много было дел по республике. Хотя мне

и хотелось, но не мог вырваться на фронт. А мне очень даже хотелось порою просто взглянуть на территории, которые мы освобождали. Это была уже не советская земля, а Польша. Наступил январь 1945 года. Мне позвонил Сталин: «Можете приехать?» Я: «Могу». «Приезжайте. Вы очень нужны». Я сейчас же вылетел в Москву.

Сталин встретил меня в приподнятом настроении. Говорит: «Польские товарищи просят оказать им помощь в налаживании жизни и деятельности городских учреждений, особенно в налаживании водопровода и канализации, без чего города жить не могут. Освободили мы Варшаву, а они в беспомощном положении: вся Варшава в руинах, и они там ничего не могут сделать. А вы уже накопили опыт быстрого восстановления в освобожденных городах самого необходимого». Отвечаю: «Хорошо. С удовольствием поеду в Варшаву. Разрешите мне взять с собой инженера по коммунальному хозяйству и инженеров по электростанциям. В первую очередь надо дать электрическую энергию, воду и восстановить работу канализации: город не может жить без этих трех ведомств».

Я пригласил тогда с собой Страментова. Я знал его как энергичного инженера-организатора. Потом пригласил инженеров по электростанциям, водопроводу и канализации. Этих людей я, кажется, взял в Москве, а может быть, кое-кого и из Киева, и вместе с ними вылетел в Варшаву. Тогда Временное польское правительство, Комитет национального освобождения, как раньше оно называлось, размещалось в пригороде Варшавы Праге, на правом берегу Вислы. Премьером был Осубка-Моравский, секретарем ЦК Польской рабочей партии — Гомулка, а президентом Варшавы, как он тогда назывался, — Спыхальский, имевший звание генерала. Прежде Спыхальский занимал ответственные должности в Гвардии Людовой и Армии Людовой, созданных коммунистами Польши, и являлся одним из организаторов их вооруженных отрядов. Даже занимая гражданский пост президента столицы, Спыхальский ходил в военной форме. Президента Крайовой Рады Народовой Берута я встречал не раз и ранее, а со Спыхальским встретился в первый раз. Он произвел на меня благоприятное впечатление: молодой, энергичный, деятельный человек. По образованию он инженер-архитектор. Получилось хорошее сочетание: архитектор стал главой восстанавливаемого города Варшавы.

Мы условились, что наши инженеры вместе с польскими разобьются по участкам на группы. Одни взялись обследовать, в каком состоянии находится электростанция, сколь быстро можно ее восстановить и получить ток, другие принялись за водопровод, третьи — за канализацию. Все самое главное для людей. Расчистку города вели сами поляки, наших услуг тут не требовалось. Во главе всего дела я поставил теоретика и практика по городскому строительству Страментова. Он имел дело и с польскими специалистами, и с нашими. Конкретные вопросы, которые возникали, советские инженеры прежде всего обсуждали именно со Страментовым, а потом уже Страментов докладывал мне, и наши специалисты обсуждали далее ход работы с польскими товарищами. Вскоре мне доложили радостную весть: в электростанции, которая, по словам поляков, была полностью разбита, фактически разрушено только ее здание, а оборудование можно будет пустить, получим ток. Внешний осмотр показал, что машины на ходу. В таком же состоянии были механизмы, подающие воду, ее тоже можно быстро подать. И канализация не была как будто бы разрушена. Это было радостно слышать.

Когда спустя несколько дней детальнее обследовали состояние машин и опробовали турбины, я в шутку сказал Беруту: «Не отдадите ли в уплату за нашу консультацию и помощь половину энергии, которую мы восстановим в Варшаве, для Киева?» Тогда в Киеве с электричеством обстояло дело очень плохо, электростанция была разрушена. Хотя и был в городе свет, но не всюду. У поляков положение оказалось лучше, электростанция меньше разрушена. Варшава получила электричество, получила воду. Берут сиял, благодарил нас, просил передать благодарность Сталину. Он говорил очень искренне. Я считаю, что он был честным коммунистом, преданным делу марксизма-ленинизма. Но у него имелась та слабость, что он чересчур мягкий, добрый, доверчивый человек. Это приводило к осложнениям: люди, которые рядом с ним работали, нехорошо пользовались этими чертами его характера.

Берут порекомендовал мне: «Нашей партией руководит крупный деятель коммунистического движения товарищ Веслав, то есть Гомулка. Я хотел бы попросить вас подъехать к нему на квартиру, потому что он сильно болен и не выходит на улицу». Отвечаю: «Хорошо, с удовольствием поеду, познакомлюсь с ним». Мне дали проводника, и я отправился к Гомулке. Не помню, конечно, на какой он жил улице. Помню только большую комнату, мрачную и закопченную. Там стоял какой-то камелек, чтобы можно было согреться, печное отопление не работало. Его жена стирала белье, когда я пришел. Гомулка сидел в кресле, и щека у него была повязана черным платком. Поговорили. Гомулка тогда не особенно владел русским языком, но с ним все же можно было объясниться, да и переводчик помогал.

Товарищ Веслав рассказал, как он оценивает положение дел в стране и как организуется работа Рабочей партии. На меня Гомулка произвел впечатление человека с трезвым умом, знающего, с чего начать и как поставить деятельность партии, да и правительственных органов. Одним словом, произвел впечатление крупного политического и государственного деятеля. «Пока, — говорил он, — я болен, но вот я поднимусь, и скоро поднимусь, тогда включусь полностью». Когда я рассказывал Сталину о своей поездке, то сообщил и о Гомулке. Мы его прежде не знали. Мне неизвестно, слышал ли Сталин о нем. Наверное, тоже не слышал. Я дал ему высокую оценку и хорошо охарактеризовал его перед Сталиным.

Захотелось мне побывать в Лодзи. Лодзь уже была освобождена от фашистов. Лодзинские текстильные предприятия еще до первой мировой войны славились на всю Россию (Варшава и Лодзь входили тогда в состав Российской империи). Лодзь — это крупный промышленный пролетарский центр. Вот почему мне хотелось взглянуть на нее. И я сказал об этом Гомулке. Он: «Хорошо, поезжайте». Видимо, польские руководители договорились между собой, потому что Осубка-Моравский предложил со своей стороны: «И я с вами поеду». Я ему: «Пожалуйста». Отправились мы на автомашине в Лодзь. Это довольно далеко от Варшавы, но дорога была очень хорошая. В пути я, конечно, видел разрушения, которые война принесла Польше, но особенно больших разрушений не заметил.

Прибыли в Лодзь, заехали в гостиницу, хорошо оборудованную, некогда богатую, но холодную: отопление не действовало, и мы должны были заночевать в этой гостинице. Здание нас не грело, а только защищало от ветра. Это был настоящий ледник, и мы, чтобы согреться, натянули на себя все одежды, которые у нас имелись под рукой. Вечером появился и Роля-Жимерский, ужинали вместе. А на второй день осмотрели город. Лодзинские фабрики не работали. Вообще ничто в городе не функционировало, все было дезорганизовано, хотя разрушений в Лодзи я тоже не видел. Во всяком случае, таковые не запечатлелись в моей памяти. Сравнивая разрушенные Киев, Харьков, города и шахты Донбасса, Полтаву с тем, что я заметил здесь, я пришел к выводу, что Польша «отделалась» довольно легко, за исключением Варшавы.

Но Варшава лежала в руинах, сохранились целыми лишь отдельные дома. Люди жили в развалинах и в подвалах. Все было завалено щебенкой от развалившихся верхних этажей, и люди делали лазы в руины, как-то устраивались там и жили. Я поднялся на самолете, чтобы осмотреть Варшаву с воздуха. Ведь трудно представить себе масштабы разрушений, когда едешь по улицам: и слева и справа развалины — все равно что едешь в горах или меж скал. Когда я поднялся в воздух и сделал несколько кругов над Варшавой, то увидел ужасное зрелище: все разбито, особенно район гетто, где фашисты собрали евреев и там их уничтожили, разрушив там буквально все, что поддавалось разрушению. Другие районы города пострадали, может быть, меньше, но тоже лежали в развалинах.

В один из воскресных дней варшавяне организовали уборку улиц, чтобы обрести возможность пользоваться ими, ходить и ездить по ним. Берут предложил мне: «Давайте и мы поработаем, хотя бы символически». Мы пришли в отведенный заранее район, где уже собрались рабочие, служащие. Тогда их так не разделяли, а просто говорили обо всех — варшавяне, но не в том смысле, как мы говорим «киевляне», то есть жители Киева: нет, вкладывали в это слово особый общественный смысл. Приходили с плакатами и лозунгами, призывавшими восстановить полностью Варшаву. Приступили к делу. Работали все дружно, но люди питались плохо, и особых успехов трудно было ожидать. Мы тоже немного поработали, действительно — символически.

Вместе с Берутом были там Спыхальский и руководящие товарищи, всех и не помню сейчас. Особо запомнился мне лишь один пожилой человек. Мне сказали,

что он по образованию архитектор. Тогда он входил в актив коммунистов, а потом как-то быстро сошел со сцены, и когда я позже приезжал в Варшаву, то его уже не встречал. Что с ним случилось? Он был заметно старше других. Может быть, годы сказались? У меня создалось о нем впечатление как об умном человеке, если судить по его высказываниям... Так я был приобщен Сталиным к восстановлению Варшавы сразу же после изгнания оттуда немцев. Мне было приятно уезжать из польской столицы, оставив после себя хорошо выполненную работу.

Полагаю, что польские специалисты могли все сделать сами и, видимо, сделали бы. Но меня послал Сталин. Значит, вопрос исчерпан. Впрочем, у нас действительно уже имелся необходимый опыт: мы восстанавливали Харьков, Донбасс, Киев, другие места, знали, с чего надо начинать. На нас уже не производил убийственного впечатления, морально мешающего работать, вид разрушенных городов. Посмотришь: да ведь все разрушено, все в развалинах, а городские машины совершенно непригодны к делу. Но расчистим, уберем, вытащим битый кирпич, удалим пыль, доберемся до починки машин и прочего городского хозяйства, восстановим... Глядишь — город обрел нормальный вид. Польские электростанции тоже быстро были восстановлены и стали давать электроэнергию, полностью удовлетворявшую нужды Варшавы, причем не только удовлетворявшую запросы города и промышленности, но даже с резервами.

Вернувшись в Москву, я доложил Сталину о результатах. Сталин остался очень доволен моим докладом. Ему было тоже приятно, что мы оказали Польше помощь и что это должно оставить хороший след в памяти польского народа, особенно жителей Варшавы. Конечно, Сталин не говорил мне о другом обстоятельстве, но я и сам понимал, что после советско-германских договоров 1939 г. у поляков еще не затянулись слишком свежие раны, и Сталин хотел это как-то смягчить, сделав все возможное для того, чтобы облегчить Польше заживление былых ран.

Осубка-Моравский, как мне рассказали польские коммунисты, был пэпээсовцем, то есть членом социалистической партии, и к нему у них не было полного политического доверия. Но он все-таки, вместе с каким-то количеством других пэпээсовцев, пошел на сотрудничество с Польской рабочей партией и был выдвинут на высокий государственный пост премьера. Сам он из кооператоров, много занимался вопросами кооперации. Мне трудно о нем судить как о личности, хотя я встречался с ним и после войны. Он был тогда моим гостем. Это Сталин мне как-то порекомендовал: «Пригласите Осубку-Моравского с польской делегацией к себе на Украину и хорошо примите их». К нам приезжали тогда, помимо Осубки, Берман и, кажется, Минц. Они побывали в Киеве, Запорожье, потом я слетал с ними в Одессу. Мы делали буквально все, чтобы расположить их в нашу пользу и создать хорошие условия для добрых взаимоотношений между руководством СССР и Польши, проложить дорогу к дружбе и взаимоуважению наших народов.

На фоне Берута и особенно Гомулки и Спыхальского Осубка не производил, впрочем, сильного впечатления. О Циранкевиче я слышал уже тогда как о молодом, но видном деятеле ППС, однако сам его не видел. Его в 1945 г. в Варшаве еще не было, так как он находился в гитлеровском концлагере. Я познакомился с ним позже. О Циранкевиче мне много говорила Василевская — замечательная полька, интересный человек, хороший писатель с сильной волей и глубоким умом политического деятеля. Я с большим уважением относился к ней, но в том разговоре она меня огорчила. Я сказал ей: «Ванда Львовна, сожалею, что скоро настанет время, когда мы с вами редко будем встречаться». «Почему вы так думаете?» — спросила она со своим заметным польским акцентом. Она не очень-то владела русским языком. «Как почему? Польша освобождается, вскоре освободится Варшава, и Вам, очевидно, надо будет переехать туда, чтобы руководить делами». А она в ту пору стояла во главе Союза польских патриотов, и Войско Польское подчинялось ей по идеологической линии. «Нет, — отвечает, — я из Киева никуда не уеду. Из Киева я уеду лишь тогда, когда Польша станет 17-й союзной республикой СССР» (а в СССР входило тогда 16 союзных республик).

И она мне потом много раз это повторяла. И действительно, никуда из Киева не уехала. Я даже немного жалел, что не уехала, ибо чувствовал, что в Польше она была бы полезнее. Но, видимо, большим тормозом ее отъезда являлся Корнейчук. Она сблизилась с Корнейчуком и вроде бы вышла за него замуж, хотя официально не оформила в государственном ведомстве этот брак. Ванда положительно влияла

на Корнейчука и удерживала его от многих неверных поступков, особенно питейного свойства. В последнем Корнейчук всегда был несдержан. Правда, в первые дни войны и она сама злоупотребляла тем же. Видимо, от тяжелых переживаний: утрата Родины, отступление советских войск, потеря Украины. Потом она обрела прежнюю силу воли, сама взяла себя в руки и хорошо влияла на Корнейчука. Бывало, тот за обедом потянется ко второму бокалу коньяка, а Ванда только взглянет на него, и он отдергивает руку. Мне это нравилось. Это было полезно для них обоих.

Хочу коснуться также Варшавского восстания 1944 года. Об этом много писали. Говорили, что мы, советские, повинны в том, что восстание потерпело поражение. Политические деятели западных стран часто возвращались к этому эпизоду, чтобы восстановить поляков против СССР: вот, мол, русские не подали руку помощи, когда Бур-Коморовский бился против немцев буквально рядом с советскими войсками. Коморовский был взят немцами в плен. Но, несмотря на то, что являлся организатором восстания в Варшаве в наиболее критический момент для немецких оккупационных войск в Польше, лично он отделался испугом, а потом на Западе активно действовал против Советского Союза и народной Польши.

Я сейчас могу высказать на этот счет лишь сугубо свои соображения. Каких-нибудь конкретных фактов насчет того, как решался вопрос о нашей помощи восставшим и насколько имели почву обвинения, которые Запад в данной связи бросал Сталину, не знаю и даже не могу утверждать, что они имели место, хотя противная сторона вполне могла их обосновать. Как складывались тогда общие обстоятельства?

Советские войска подошли к Варшаве, имея за собой новое польское правительство в Люблине. Польское эмигрантское правительство сидело в Лондоне, возглавлял его Миколайчик. Естественно, что Запад, а главным образом Лондон, готовил свое правительство для Польши. Эти люди хотели, используя наши войска, нашу силу, нашу кровь, разгромить немцев и освободить Польшу, но чтобы Польша осталась капиталистической, прозападной страной. Они хотели лишить ее народ возможности построить новую, народную, социалистическую, рабоче-крестьянскую Польшу. Таков был замысел Черчилля. Естественно, Сталин в этом вопросе сердцем и душой был за то, чтобы Польша стала социалистической; если и не буквально советской по форме, то по существу; чтобы там взяли верх рабочий класс в союзе с крестьянством; чтобы там победила ленинская политика.

Когда наши войска подошли к Висле и в Варшаве вспыхнуло восстание, начался большой шум насчет того, что мы должны оказать варшавянам помощь. Но ведь шла война. Что такое оказать помощь? Там стояли немцы, они защищались, перед нами лежала широкая и глубокая река Висла. Тут не такое легкое дело: захотел и ворвался! Напомню, что когда мы подошли к Киеву, то тоже остановились перед Днепром. Надо было сначала попробовать переправиться через Днепр, а потом уж разгромить немецкие войска и выбить их из Киева. На это мы потратили немало времени. Я рассказывал, как мы два раза предпринимали наступательные операции с Букринского плацдарма, а потом вынуждены были перегруппироваться севернее и ударить с другого плацдарма.

Видимо, и здесь, перед Варшавой, у нас возникли такие же трудности. Варшаву брали не в лоб, не прямо переправлялись туда из Праги — пригорода Варшавы, а форсировали Вислу севернее, обошли Варшаву и вынудили немцев оставить город. Конкретных же условий тех дней, когда враг находился еще в Варшаве и мы как бы смотрели через реку друг на друга, находясь на разных берегах, я не знаю. Но я понимаю доводы и противной стороны. Она имела полную возможность вдолбить кое-кому в голову, что мы, советские, сознательно не предприняли никаких действий, потому что не в наших интересах было укреплять Бур-Коморовского. Ведь он потом воевал бы против нас в Варшаве, если бы мы не признали его власти. А мы бы, конечно, не признали ее.

Инспирировал же это восстание Черчилль через Миколайчика. Он хотел поставить нас перед фактом: мы пролили кровь, подошли к Варшаве, прогнали немцев, а в польской столице уже есть правительство страны во главе с Миколайчиком. Устранять существующее правительство — значит вызвать осложнения между союзниками, резкие трения, что, конечно, было нежелательно. Вот такой была там ситуация, как я ее понимаю. Но, повторяю, никаких фактических оснований той или иной версии не знаю.

Когда немцы были изгнаны оттуда, Миколайчик приехал в Варшаву и стал заместителем премьер-министра. Я с ним познакомился в Москве, когда польское руководство приезжало, чтобы побеседовать со Сталиным. Потом Сталин дал обед в его честь. Нужно сказать здесь правду, что Армия Крайова, которая создавалась людьми, возглавлявшимися Миколайчиком, была разветвленной и сильной. Потом мы с ней столкнулись, и она много нам принесла беспокойства. С действиями Армии Крайовой мы встретились еще во Львове.

Зимой 1944—1945 гг. наши войска успешно продолжали наступление и вступили на территорию самой Германии. Я частенько перезванивался по телефону с командующим войсками 1-го Украинского фронта Коневым. Он держал меня в курсе дел, но какой-либо необходимости моего присутствия во фронтовом штабе, конечно, не имелось. А я был тогда по горло занят гражданскими делами на Украине, хотя меня тянуло, очень даже тянуло время от времени побыть с военными товарищами, послушать их, посмотреть на немецкую землю. Я никогда в Германии до того не был, а хотелось взглянуть в глаза немцам, прочесть на их лицах, как они переживают вступление наших войск на их землю, каково им отведывать войны, которую навязал нам Гитлер. Теперь война перенесена на территорию самой Германии, и немецкий народ страдает от того, что́ принес нам.

Могут сказать,что виноват Гитлер, а не немецкий народ. Это верно. Я это понимаю, и всегда понимал, и различал их. Немецкий народ был одурачен или опьянен шовинизмом (не знаю, какое выражение больше тут подходит; видимо, оба) и поддержал Гитлера. Если бы немецкий народ не поддержал Гитлера, то и Гитлер не удержался бы. Армия Германии не только воевала против нас, но и проявляла очень большое упорство в боях, а ведь состояла она из немцев. Выдвинутые Гитлером идеи завоевания жизненного пространства и господства немецкой нации, нацистский дурман ослепляли людей. Поэтому-то мне и хотелось посмотреть, как идет отрезвление немцев и вообще — идет ли оно.

Однажды я, созвонившись с Коневым, вылетел к нему. Штаб фронта находился в каком-то населенном пункте Германии, перед Одером. Наши войска вели бои в районе Бреслау. Бреслау был окружен, но немцы оказали там упорное сопротивление, шли довольно затяжные бои. Я решил, прибыв в штаб фронта, поговорить с командующим, с давними товарищами. Мне хотелось также побывать в Силезии, ибо там действовала 38-я армия Москаленко. Потом я хотел проехать в 60-ю армию, которой тогда командовал Курочкин. Черняховский же, который командовал ею раньше, был назначен командующим фронтом и в Восточной Пруссии погиб. Это был очень многообещающий молодой генерал.

Итак, я полетел в Германию. Командующий воздушной армией Красовский сообщил мне, где можно приземлиться. Нас встретили и направили в штаб. Он находился в немецком поселке. Когда мы туда ехали, то было видно, что все дороги усыпаны пухом и перьями. Я спросил: «Что это значит?» «А это, — объясняют, — немцы, когда отходили, бросали свое имущество, включая перины и подушки. Видимо, солдаты выпустили из них пух и использовали материю на портянки».

В районе расположения штаба я никаких немцев вообще не видел. Либо они бежали, либо были выселены. Мне знакомы немецкие постройки: стоит дом и тут же к нему примыкают конюшня, коровник, другие службы, посреди двора навозная яма. Я встречал такое устройство у колонистов на Украине, где издавна жили большие колонии немцев.

Из штаба я поехал к Курочкину и Москаленко. Не помню, у кого из них заночевал, однако помню, что штаб одной из армий был расположен в поселке какого-то рудника, у угольных копей. Я сравнивал их с донбасскими. Глазами шахтера тут был воистину рай земной. Копи — в лесу, прекрасное место, хорошие постройки для служащих и для рабочих, значительно лучшие бытовые условия, чем на шахтах, на которых работал мой отец и где я провел свои детство и юность.

Командующие армиями докладывали обстановку. Положение везде было блестящим: войска продвигаются вперед, настроение — лучше некуда, победа уже маячила перед глазами. Я, собственно говоря, и поехал-то больше взглянуть на условия жизни в Германии и встретиться с населением, а не заниматься военными делами. Но и тут я с населением тоже не встретился. Все или бежали, или были выселены. Как правило, мы и в собственной стране выселяли местных жителей из района, где размещался штаб. Действовали жесткие правила, установленные Сталиным на этот счет. Насколько они были необходимы, трудно сказать. Но это делалось, чтобы не было рядом шпионов.

В это время снег оставался только в лесах, а остальная земля уже освободилась от него, и я видел в полях огромное количество буртов. Спросил: «Это картофель?» Ведь немцы любят картофель и хорошо его выращивают. Они прямо в поле делали большие бурты, в которых картошка хранилась очень долго. Это я знал и по опытам, которые мы производили на Украине. Но не так, как я видел здесь. Вот уже сейчас, когда я пенсионер, вышел я как-то пройтись на лыжах. На поле грузили кормовую свеклу, она была забуртована еще осенью. И мне просто обидно было смотреть, как безграмотно и бесхозяйственно это было сделано. Огромное количество свеклы сгнило, потому что ее плохо забуртовали. Я сказал местным работникам: «Разве буртуют без доступа воздуха?» Они слегка прикрыли свеклу соломой, а потом набросали земли, не оставив никакой вентиляции. Конечно, все внутри задохнулось и сгнило. У немцев же было сделано по-немецки. Нужно отдать должное немецкой культуре земледелия, вообще высокой немецкой культуре. Я смотрел на их поля и даже завидовал, что у них все так хорошо. Картошки было много.

Конев мне рассказал о дальнейших планах фронта и будущих его действиях. Он в это время уже ни на что не жаловался. Считал, что его войска дерутся хорошо и обеспечены всем, чем требуется, чтобы они могли успешно выполнять свои задачи. Я возвращался с фронта через Познань и еще какие-то города, которые теперь отходили к Польше. Эти города были побиты очень сильно. Потом поехал в Краков, откуда вернулся в Ужгород, а из Ужгорода прилетел в Киев.

По польской земле я решил ехать на автомашине. Когда же проехал, получше изучив на ходу обстановку, то понял, что сильно рисковал: наших войск там уже не было, дорожное движение было слабым, а Армия Крайова начинала разворачивать свои действия. Ближе к границе Советской Украины орудовали бандеровцы. Это было еще только начало, однако уже имелись случаи нападения на наших людей и их уничтожения, убийств партийного, государственного и особенно чекистского актива. Чекисты сами охотились за бандеровцами и сами же платили своей жизнью в борьбе с врагами Советского Союза.

О Кракове не могу сейчас сказать ничего иного, кроме того, что это был совершенно нетронутый город. Польские деятели ставили спасение Кракова в заслугу советским войскам. Об этом много писали. На пути от Кракова до Ужгорода я тоже не увидел больших разрушений, и у меня сложилось впечатление, что в результате быстрого продвижения наших войск, а также слабого сопротивления польской армии в 1939 г., когда тут наступали немцы, здесь не было затяжных боев и, следовательно, не появилось и крупных разрушений. То был последний раз, когда я вылетал в штаб фронта. Я порадовался тогда за ход событий вместе с командующим войсками фронта, командующими родами войск, командармами Москаленко и Курочкиным. Все они чувствовали себя на седьмом небе. Не просто «наша взяла»! Но мы уже близки к завершению войны, к полному разгрому гитлеровской армии; к нашему вступлению в Берлин, к победе! Это была награда нам за страдания, перенесенные страной ранее.

Когда я вернулся в Киев, командующий войсками 1-го Белорусского фронта Жуков часто мне тогда звонил. Мы поддерживали с ним дружеские связи. Он радовался по телефону: «Вот такой-сякой Гитлер, скоро я его, знаешь, в клетку посажу и привезу тебе. Когда буду его доставлять в Москву, то пошлю через Киев, чтобы ты тоже на него посмотрел». Я со своей стороны всегда желал Жукову успеха и радовался вместе с ним. Я был уверен, что если командует войсками Жуков, то их наступление прочно обеспечено. А когда Германия капитулировала, Жуков мне опять позвонил: «Не могу выполнить своего обещания: погиб этот гад, и его труп сожгли. Мы нашли труп обгоревшим».

С Коневым я тоже разговаривал тогда по телефону, и он тоже рассказывал мне о своих делах. Но в это время я имел уже бо́льшую связь с Жуковым, чем с Коневым, потому что личные отношения у меня с Жуковым были более близкими. С Коневым я познакомился только во время войны, а до войны я его видел только один раз. Жуков же был командующим войсками Киевского Особого военного округа. Мы с ним встречались и по службе, и на дачу ко мне он заезжал, и на охоту мы ездили вместе. Так что у меня сложились с ним добрые отношения. Я относился

к нему с большим уважением и высоко ценил его как командующего. Он заслужил того.

Когда завершилась великая эпопея войны народов СССР против гитлеровского нашествия, смешались воедино радость от уничтожения врага и высокое чувство морального удовлетворения от нашей победы. Фраза из Священного писания, когда-то повторенная Александром Невским: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», — в то время была у всех на устах и наконец-то воплотилась в жизнь в результате нашей победы. Когда я узнал, что Германия капитулировала, радость моя была невероятной. Да и все у нас радовались. Это многократно описано, и я лучше не скажу, чем было рассказано писателями и художниками о том, что имело место в Москве на Красной площади. Военных там буквально душили в объятиях радости. Победа! Всеобщее ликование! Целовались, обнимались, торжествовали. Я тоже переживал все это.

Хотя я хорошо знал Сталина и то, на что могу рассчитывать в ответ, но спешил позвонить ему и поздравить и его с победой. Позвонил. Меня быстро соединили, и Сталин снял трубку. Я его поздравляю: «Товарищ Сталин, разрешите поздравить Вас с победой наших Вооруженных Сил, с победой нашего народа, с полным разгромом немецкой армии», и пр. Уж не помню дословно, что я тогда говорил. И что же? Сталин сказал мне в ответ какую-то грубость. Вроде того, что отнимаю у него время, обращаясь по такому вопросу. Ну, я просто остолбенел. Как это? Почему? Очень я тогда переживал и ругал себя: зачем я ему позвонил? Я ведь знал его характер и мог ожидать чего угодно. Знал, что он захочет показать мне, что происшедшее — уже пройденный этап, что он думает уже о новых великих делах. Поэтому, мол, чего там говорить о вчерашнем дне? Он теперь ломает себе голову о завтрашнем дне.

Я считаю, что это была актерская игра. Сталин очень умело и хорошо играл такую роль. А поскольку он был к тому же грубый человек (не я первый говорю о его грубости: еще Ленин, который отлично его знал, в своем завещании упомянул о грубости Сталина, о его нетерпимости), то вот так и получилось.

Я потом долго переживал происшедшее. Как же так? Что же он, действительно лишен всякого чувства радости? Или притворяется? Но ведь не лишен он чувства страха! Я видел, в каком состоянии находился Сталин в первые дни войны. Он тогда был совершенно деморализован: какая-то бесформенная протоплазма. Он чуть не отказался от своих постов, от активных действий. А членам Политбюро высказал такие слова: «Ленин создал наше государство, мы же его про... Все погибло. Я ухожу». Сел в машину и уехал из Кремля к себе на дачу. Потом за ним поехали туда, как рассказывал мне позднее Берия, уговаривали его, призывали, чтобы он обрел прежние силы и приступил к деятельности, потому что победа возможна, не все потеряно, у нас остались еще огромная территория и большие ресурсы.

И вот наконец долгожданная победа! Но сейчас он вроде бы не радуется. Показывает: «Что это ты меня поздравляешь? Я-то заранее знал, что именно так будет». Однако я-то видел его и в другой ситуации и твердо знал, что он в свое время так не думал, а думал даже хуже, чем лица из его окружения. А тут он теперь такое отмочил коленце: не принял поздравления...

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

XVII. Бухарин переходит в наступление

Я уже писал, что к началу 1928 года соотношение сил бухаринцев и сталинцев в Политбюро было одинаково. В этих условиях ни о какой оппозиции внутри Политбюро или Оргбюро говорить не приходилось. Были две по силе одинаковые, а по своим воззрениям на текущую политику партии диаметрально противоположные группы. Сталину такое положение в верховных органах партии было далеко не выгодным. Обозначивающаяся борьба в этих органах была борьбой сторон, а не оппозиции и законного большинства. Сталину нужна была любой ценой, при помощи любых методов именно «оппозиция», а не стороны. К этому он и вел дело, причем не только по линии своего негласного кабинета внутри ЦК, не только по линии «идеологической обработки», не только по линии «секретарского отбора» в низах, не только по линии замены Политбюро и Оргбюро Секретариатом ЦК, которым он владел твердо, но, выражаясь его собственной терминологией, «вел по всему фронту». Пока этот фронт проходил по вышеуказанным границам, у Сталина еще не было никакой внутренней уверенности, что он выиграет последнее сражение на путях к единовластию. Надо было найти какие-то новые резервы, достаточно мощные, чтобы произвести на врага впечатление. Эти резервы, давно намеченные, подобранные и подготовленные (на худой конец!), были налицо — Президиум ЦКК и Президиум Коминтерна.

Ни по уставу партии, ни по твердо установившейся традиции они не были судьями над Политбюро и Оргбюро ЦК. Наоборот, еще со времени Ленина Политбюро (опять-таки не по уставу, а по неписаному закону большевизма) было и высшим судом, и верховным законодателем для всех. Правда, на бумаге ВКП(б) скромно называла себя «секцией Коминтерна», а ЦКК — блюстителем «единства партии». Но это было лишь на бумаге. Теперь Сталин решил ввести названные резервы в бой, и это решение оказалось самым действенным и самым умным из всех его организационных комбинаций в борьбе с «правыми». Резервом первой очереди для Сталина был, конечно, его собственный домашний резерв — Президиум ЦКК. В уставе партии, принятом на XIV съезде (1925 г.), говорилось:[1] «Основной задачей, возложенной на ЦКК, является охранение партийного единства и укрепление рядов партии, для чего на ЦКК возлагается: 1. Содействие Центральному Комитету ВКП(б) в деле укрепления пролетарского состава партии... 2. Борьба с нарушением членами партии программы, устава ВКП(б) и решений съездов. 3. Решитель-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 1—6.

ная борьба со всякого рода антипартийными группами и с проявлением фракционности внутри партии, а также предупреждение и содействие изживанию склок... 4. Борьба с некоммунистическими проступками: хозяйственным обрастанием, моральной распущенностью и т. д. 5. Борьба с бюрократическими извращениями партийного аппарата и привлечение к ответственности лиц, препятствующих проведению в жизнь принципа внутрипартийной демократии в практике партийных органов».

Главные пункты устава — 1-й, 3-й, 5-й — прямо и непосредственно относились к практике Сталина и его негласного кабинета внутри ЦК, но Сталин как раз по этим пунктам и ввел в партийный бой свой первый резерв — ЦКК. Правда, сначала он использовал не весь состав ЦКК (так как из 195 ее членов, избранных на XV съезде, не менее половины составляли люди Бухарина, Рыкова и Томского) и даже не весь состав Президиума ЦКК (21 человек), в котором также сидели бухаринцы. Сталин использовал лишь отборную ее головку — руководителей ЦКК. Поступая так, Сталин не нарушал и формально устава партии. Напомним, что в уставе говорилось: Президиум ЦКК делегирует в Политбюро трех членов и трех кандидатов, а в Оргбюро — пять членов и пять кандидатов из состава Президиума для участия на заседаниях этих высших органов с правом совещательного голоса. Впоследствии, на XV съезде, предусмотрительный Сталин внес весьма незаметные, но важные изменения в этот пункт устава партии. Именно: Президиум ЦКК делегирует в Политбюро не трех, а четырех своих членов и четырех кандидатов с более широкими правами.

Кардинальное значение новых изменений состояло в том, что, расширяя состав делегации Президиума ЦКК в Политбюро и отменяя старый пункт устава на этот счет, сталинцы сознательно не оговорили (как это было в старом уставе), что делегация Президиума ЦКК пользуется «правом совещательного голоса». Это было первое изменение. Второе изменение, внешне так же мало заметное, а по существу, столь же важное, заключалось в следующем: в старом уставе Президиум ЦКК был единственным высшим руководящим органом ЦКК между ее пленумами. Как таковой он руководил и Секретариатом, и Партколлегией ЦКК. Партколлегия (5 членов и 2 кандидата), собственно, и представляла собой высший партийный суд, но зависимый и подчиненный Президиуму ЦКК, в составе которого, как указывалось, почти наполовину сидели бухаринцы. Теперь Сталин сделал Партколлегию независимой от Президиума ЦКК, а ее решения — безапелляционными.

Решающее значение этих изменений для Сталина и сказалось потом в его борьбе с Бухариным. Для полноты картины добавлю, что в устав был включен и совершенно новый пункт:[2] «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы контрольных комиссий, подлежат немедленному исключению из партии».

Во главе Президиума ЦКК стоял Серго Орджоникидзе. Во главе высшего и теперь «независимого» суда партии стояли Ем. Ярославский, Шкирятов, Сольц, Землячка, Янсон. Постоянной делегацией Президиума ЦКК в Политбюро были те же лица — Орджоникидзе, Ярославский, Шкирятов и Сольц. Теперь, когда после июльского и ноябрьского пленумов ЦК (1928 г.) и боев внутри Политбюро Сталин убедился, что в Политбюро действительно нет «оппозиции», а есть борющиеся между собою равные силы, он и ввел в бой свой первый резерв. Мотивируя тем, что в Политбюро нет твердого большинства по важнейшим вопросам текущей политики, Сталин предложил проводить совместные заседания Политбюро и явно сталинского Президиума ЦКК.

Какие же меры предпринимала группа Бухарина против столь открытого «организационного окружения» (выражение Бухарина) ее Сталиным? Если не говорить о злополучной беседе Бухарина с Каменевым, то кажется, что никаких. И это несмотря на наличие равного положения в Политбюро, на сочувствие и поддержку (одних — открыто, других — предположительно) солидных групп в ЦК и ЦКК, всего аппарата ВЦСПС и ЦК союзов, несмотря на известные позиции в Красной армии, активность и поддержку ведущих групп партийных теоретиков и пропагандистов, несмотря, наконец, на сочувствие и возможную поддержку основного населения страны — крестьянства. Все объективные факторы говорили за Бухарина. Но, увы, недоставало все-таки одного фактора, который Ленин называл «субъективным фактором»: организации жертвенных революционеров.

Бухарин был для этого слишком теоретиком, Рыков — педантом, а Томский —

одним воином в поле. Руководители «правой оппозиции» до смерти боялись нарушения легальности партийных рамок, которые так нещадно прямо на их же глазах ломал Сталин. Они боялись обвинения во фракционности, тогда как в их же присутствии Сталин создал собственную фракцию — «партию в партии». Руководители «правой оппозиции» боялись апелляции через голову Сталина и его аппарата к партийной массе, а Сталин в беспрерывных письмах и инструкциях не только апеллировал через головы Политбюро и Оргбюро к партийной массе, но и без малейшего стеснения громил и разносил ее местных выборных руководителей, чтобы заменять их назначенными из Москвы.

У Сталина не было объективных факторов Бухарина, но зато у него был тот самый ленинский «субъективный фактор» — динамичная организация вышколенных дельцов, способных на авантюру, неразборчивых в приемах, жадных до власти. Их сила заключалась в том, что в интересах борьбы за власть они были готовы на большее, чем Бухарин и Троцкий вместе взятые: на то, чтобы осквернить мавзолей Ленина, а Маркса с Энгельсом предать вечной анафеме, если только от этого зависит их победа. Кто этого не понимает, тот знает сталинцев только по книжкам. Такова была обстановка внутри партии, когда наступила первая развязка. Она и началась со знаменитого заявления Бухарина от 30 января 1929 года.

К сожалению, этот важнейший программный документ «правой оппозиции» никогда не был опубликован в СССР. За границу, насколько мне известно, он тоже не попал. Чтение этого документа было запрещено Сталиным даже для членов ВКП(б). Только руководящий партийный актив, у которого, по логике сталинцев, уже выработался достаточный просталинский иммунитет против «антипартийных ересей», мог познакомиться с ним в приложении «материалов» к стенографическому отчету апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (16—23.4.1929 г.). Более того. Даже решение этого пленума о группе Бухарина держалось в тайне до 1933 года. Только в 1933 году было опубликовано как решение объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК, так и решение указанного пленума по делу о «правых», конечно, опять-таки без заявления Бухарина и от 30 января и «платформы трех» от 9 февраля 1929 года. Насколько и эти документы неполны и явно «подчищены» задним числом, показывают пропуски всех более или менее ярких цитат из заявления Бухарина. Но и в таком виде эти документы помогают воспроизвести заявление Бухарина.

Основная цель заявления Бухарина от 30 января — личность Сталина, а из руководящих органов ЦК — лишь Секретариат ЦК. Предусмотрительно отгораживая от критики Политбюро, Оргбюро и пленум ЦК, Бухарин открыто и со ссылками на данные текущей практики аппарата ЦК обвинял Сталина, по существу, в заговоре против линии партии.

Обвинения Бухарина сводились главным образом к следующим пунктам:

1. В основе крестьянской политики Сталина лежит провозглашенный им на июльском пленуме ЦК лозунг «дани, то есть военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Цель Сталина: базируясь на методическом, государством легализованном грабеже основного класса страны — крестьянства, держать курс на индустриализацию. К этой цели Сталин стремится двумя способами: один способ — насильственная коллективизация, другой — «налоговое переобложение».

2. Вопреки неоднократным решениям партии о стимулировании развития крестьянского хозяйства и поднятии его урожайности мерами поощрения Сталин прибегает к совершенно противоположным мерам: к практике введения нового «военного коммунизма» в деревне путем применения чрезвычайных административных репрессий по хлебозаготовкам (огульная конфискация крестьянского хлеба при отказе в то же время производить для деревни товары широкого потребления, как этого требовали предыдущие решения партии).

3. Во всей политике страны вообще, в крестьянской же политике в особенности, «съезды, конференции, пленумы, Политбюро партии решают одно, а сталинский аппарат проводит другое».

4. Во внутрипартийной политике вообще, в организационной политике партии в особенности, «съезды, конференции, пленумы ЦК и устав партии устанавливают одни нормы, а сталинский аппарат придерживается своих собственных норм». Все это привело к тому, что «внутрипартийная демократия стала фикцией, а назначенство сверху партийных секретарей — законом». Поэтому «в партии нет выборных

секретарей, а есть назначаемые и сменяемые сталинским аппаратом партийные чиновники». Цель такого отбора секретарей — создание сталинской фракции отборных чиновников, чтобы взорвать ленинскую партию изнутри («партия в партии», или, по выражению Бухарина, «секретарский отбор»).

5. Тот же самый процесс бюрократизации партии перенесен сталинцами и в сферу государственного аппарата. Роль Советов сведена к роли придаточного механизма партийного аппарата. Причем бюрократизация государственного аппарата ведется по одному плану с бюрократизацией партии. Все это «бюрократическое перерождение» пролетарского государства и ленинской партии идет не стихийно, а организованно, по методически разработанному плану «Кабинета Сталина».

6. Там, где Сталину и сталинцам не удается охватить и парализовать государственный, партийный или профсоюзный аппарат бюрократическими клещами своей фракции, Сталин и его помощники прибегают к планомерному и рассчитанному методу «организационного окружения» — к назначению туда «политкомиссаров» (ВЦСПС — Каганович, Совнарком — Орджоникидзе, «Правда» — Савельев и Мануильский и т. д.). Причем это делается не по решению партии (пленум ЦК, Политбюро, Оргбюро), а по решению собственного «Кабинета Сталина» с формальным оформлением на заседаниях Секретариата ЦК.

7. Ту же организационную политику бюрократизации и отбора чиновников сталинцы ведут и по линии Коминтерна. В основе отбора работников и руководителей последнего лежат не ленинские принципы выдвижения профессиональных революционеров, а сталинский план отбора наемных чиновников. Преданные партийные кадры Коминтерна изгоняются из братских партий, если они проявляют самостоятельность в суждениях и независимость в работе. Не убеждение, не воспитание, а политика диктата — вот стиль работы Сталина в Коминтерне. Если иностранные коммунисты осмеливаются критиковать персональные приказы сталинского аппарата, то они тут же объявляются «оппозиционерами» или «примиренцами», «социал-демократами» или «перерожденцами» и изгоняются из партии не через их собственные партии, а через Коминтерн в Москве (Тальгеймер, Брандлер) или если их исключения связаны с крупными неприятностями лично для Сталина, то их просто отзывают из их страны в Москву как «примиренцев» (Эверт, Герхардт).

8. Если все это делается методами, «нормальными для сталинского аппарата», то другой путь, на который стал отныне Сталин, не может быть терпим ни в одной партии политических единомышленников: этот путь — путь чудовищной провокации, фальсификации, вымогательства, шантажа одних руководителей и членов ЦК против других, а всех вместе — против организационных принципов и идейных основ ленинизма. За спиной партии и ее высших органов Сталин ведет политику ликвидации ленинской партии. Этот «сталинский режим в нашей партии более невыносим». Единственная возможность оздоровить партию и восстановить ленинскую политику — это немедленно убрать Сталина со всем его «кабинетом» в полном согласии с завещанием Ленина.

Таково было в главных чертах содержание заявления Бухарина от 30 января 1929 года. Что это так, читатель может убедиться и из сличения моего изложения этого заявления с документами Сталина о Бухарине[3].

Заявление Бухарина было адресовано очередному пленуму ЦК. Последний пленум был в ноябре, очередной пленум назначен на конец января. Но Сталин внезапно отменил пленум, а заявление Бухарина передал на рассмотрение объединенного заседания Политбюро и делегации Президиума ЦКК. Расчет был очень простой: после предоставления членам делегации Президиума ЦКК (четыре человека — все сталинцы: Орджоникидзе, Ярославский, Шкирятов и Сольц) права решающего голоса соотношение сил в Политбюро резко изменилось в пользу Сталина: — 7 против 3, если даже Калинин, Куйбышев и Рудзутак окажутся по-прежнему «примиренцами». И этот расчет себя оправдал: на заседании 9 февраля семерка организованно выступила против Бухарина, а из трех «примиренцев» уже ранее подготовленный Куйбышев присоединился к семерке.

Письмо Бухарина было объявлено «платформой» всех трех «правых» лидеров оппозиции (Бухарина, Рыкова и Томского) и клеветой на Сталина и на партию (Сталина впервые начали идентифицировать с партией). Заседание постановило не доводить до сведения пленума ЦК заявление Бухарина, а самому Бухарину запретить выступать на пленуме с подобным заявлением. Тогда Бухарин и Томский объявили вторично, что они немедленно уходят со своих постов, чтобы сохранить право изложить на пленуме свои обвинения против сталинского руководства. Рыков отказался присоединиться к этому заявлению. Это некоторым образом охладило Бухарина, но тем резче начал Томский атаковать Сталина, обвиняя в непоследовательности и своего друга Рыкова. Томского поддержал кандидат в члены Политбюро и секретарь ЦК Угланов.

Воспользовавшись образовавшимся разбродом среди самих лидеров «правой оппозиции», тройка Сталина (Сталин, Молотов и Ворошилов) начала «ковать железо, пока горячо» — она внесла предложение:[4] «а) признать критику деятельности ЦК со стороны Бухарина безусловно несостоятельной (дискредитируя линию ЦК и используя для этого все и всякие сплетни против ЦК, т. Бухарин явным образом колеблется в сторону выработки «новой» линии); б) предложить т. Бухарину решительно отмежеваться от линии т. Фрумкина в области внутренней политики и от линии т. Эмбер-Дро в области политики Коминтерна; в) отклонить отставку тт. Бухарина и Томского; г) предложить тт. Бухарину и Томскому лояльно выполнять все решения ИККИ, партии и ее ЦК».

Сталин дипломатически обходил имя Рыкова. Из бухаринской «тройки» получилась «двойка», а Угланов вовсе не принимался во внимание. Дело явно шло к внутреннему развалу оппозиции, так как у Рыкова и на стороне Рыкова было много сторонников в самой правой оппозиции — как в составе ЦК, так и в средних звеньях партийных и советских органов. Тогда Бухарин, Томский и Угланов в ультимативной форме предложили Рыкову подписать уже заготовленный ранее проект «заявления трех членов Политбюро», который первоначально был взят обратно.

Ультиматум был резкий: либо со Сталиным, либо с нами. Рыков с тяжелым сердцем подписал общий обвинительный акт против Сталина. Так родилось заявление «трех» от 9 февраля, названное Сталиным «платформой правых». Ее содержание сводилось к заявлению от 30 января. Новое заявление было приложено к протоколу объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК и предназначалось для архива. Поскольку оно было подано к концу заседания, Сталин постарался его вообще игнорировать. «Правые» требовали немедленного созыва пленума для обсуждения своего заявления. Сталин обещал, но не созвал. Он выдержал бой в Политбюро — надо было готовиться к бою на пленуме. Для этого нужно было еще время.

Главное — надо было квалифицировать критику Сталина группой Бухарина как критику ЦК, а не одного Сталина и сталинского аппарата. Надо было представить в глазах членов пленума ЦК бухаринскую критику и разоблачения организационной практики Сталина как клевету, основанную на «всяких сплетнях». Это и делалось в пространной резолюции объединенного заседания.

Убедившись, что, как бы он ни затягивал созыва пленума, бухаринцы полны решимости довести на этот раз свои взгляды до членов ЦК, Сталин в специальном «обращении к пленуму», приложенном к тому же постановлению, решил объяснить пленуму, почему он скрывал от партии и ее ЦК наличие двух враждебных групп в Политбюро, когда еще несколько месяцев тому назад (на октябрьском пленуме МК) он торжественно заявил: «В Политбюро нет у нас ни правых, ни «левых», ни примиренцев с ними». Теперь Сталин оправдывался тем, что разногласия, правда, бывали, но они оказывались временными и поэтому «Политбюро ЦК и Президиум ЦКК не нашли нужным доложить пленуму ЦК об уже исчерпанных разногласиях...». Или там же: «Это обстоятельство дало возможность обязать всех членов Политбюро заявить в своих речах на пленуме и вне его об отсутствии разногласий внутри Политбюро»[5]. Другими словами, Сталин обманывал дважды свой ЦК: первый раз — июльский пленум, второй раз — ноябрьский пленум ЦК (1928 г.), закрывая Бухарину рот, а сам заявлял, что «в Политбюро все в порядке».

Прошло еще полтора месяца, пока Сталин удосужился созвать пленум ЦК. Пленум был созван только 16 апреля и продолжался до 23 апреля. Таким образом, после ноябрьского пленума прошло пять месяцев (а устав требовал созыва пленума, как я уже писал, не реже одного раза в два месяца). Сталин решился на его созыв только после окончания всей «подготовительной» работы. Подготовка эта велась, как видел читатель, не только публичной и коллективной «проработкой» «правых» на партийных активах и в печати, но и тайной и индивидуальной вербов-

кой против Бухарина членов ЦК, ЦКК и руководителей армии. Надо заметить, что в ЦК и особенно в ЦКК была довольно большая группа членов, которые формально еще не выявили своего отношения ни к Бухарину, ни к Сталину. Политическая философия этой группы была несложна: «Живи сам — дай жить другому» или «Моя хата с краю — я ничего не знаю».

Привыкшие к комфортабельной обстановке нового режима, они жили на проценты от старого капитала — на стрижке купонов «старых большевиков». Их былой энтузиазм и идеализм давно улетучились в мягких пуховиках советских апартаментов. От революции они получили все, чего только мог жаждать самый отчаянный из них: право владычества над огромной империей в качестве членов ее законодательного корпуса. Все остальное прямо и непосредственно зависело от этого. За эту власть — импозантную по внешнему блеску и ценную по внутреннему содержанию — они были готовы держаться любой ценой, даже жертвуя собственными былыми идеалами. Словом, это были люди, которых называют на политическом языке «болотом». В таком «болоте» Сталин умел великолепно плавать.

Сердцу «болота», конечно, импонировал Бухарин, но трезвый инстинкт партийных млекопитающих подсказывал ему, что надо держаться за Сталина. Иначе от Красной площади до Лубянки лишь один квартал. Слишком зловещи были воспоминания о троцкистах. Это «болото» и спасло Сталина на апрельском пленуме ЦК. На этом пленуме бухаринцы выступили впервые с обстоятельной критикой сталинской группы по всем основным вопросам международной и внутренней политики. Критика была построена в духе заявления Бухарина от 30 января и заявления Бухарина, Рыкова и Томского от 9 февраля. Личные выпады против Сталина были смягчены, особенно у Рыкова, но не острие самой критики. Как раз в общей критике Бухарин обвинял Сталина... в «троцкизме»! Такое обвинение настолько задело Сталина за живое, что он с искренним возмущением воскликнул:[6] «И это говорит тот самый Бухарин, который... недавно еще состоял в учениках у Троцкого, который вчера еще искал блока с троцкистами против ленинцев и бегал к ним с заднего крыльца! Ну, разве это не смешно, товарищи?»

Я хочу сделать здесь одно маленькое, но важное отступление. Заявление от 30 января явилось для Сталина бомбой. Если она взорвется в зале заседания пленума ЦК, то может снести голову не одному Сталину. Возможный взрыв надо было предупредить любыми мерами или по крайней мере отсрочить его до окончательного бетонирования собственной позиции. Сталин перешел к обороне и настойчиво искал путей компромисса. Психологический выигрыш такой «оборонительной тактики» был очевиден. «Бухарин объявил войну, я предлагаю мир, ибо и худой мир лучше доброй войны», — так говорил Сталин, к сведению тех, кто продолжал считать его, Сталина, главным агрессором. Но «оборонительная тактика» Сталина по духу своему была насквозь агрессивна.

Под вуалью партийного «миротворца» скрывались коварные замыслы вечного агрессора. Так, сейчас же после вручения Бухариным своего заявления на имя пленума ЦК Сталин спешно создает «Комиссию Политбюро», которая вырабатывает, не без участия, видимо, самого Сталина, условия «компромисса и мира в Политбюро». 7 февраля эта комиссия доводит до сведения «сторон» — двух «троек» (Сталин, Молотов, Ворошилов и Бухарин, Рыков, Томский) — свои условия «компромисса». Этот документ проливает свет одновременно и на драматизм событий, и на мастерство Сталина как партийного тактика. Примут ли бухаринцы предложенный компромисс или не примут — в обоих случаях победителем оставался Сталин. В изменении расстановки сил в Политбюро и на пленуме ЦК предложения комиссии должны были сыграть решающую роль, что и случилось потом. Дав этому документу исполнить свое назначение, Сталин закрыл его потом в железный сейф Политбюро.

Только через 20 лет, то есть в 1949 году, он был впервые опубликован. Вот его содержание:[7] «Из обмена мнений в комиссии выяснилось, что: 1) Бухарин признает политической ошибкой переговоры с Каменевым; 2) Бухарин признает, что утверждения его «заявления» от 30 января 1929 г. о том, что ЦК на деле проводит политику «военно-феодальной эксплуатации крестьянства», что ЦК разлагает Коминтерн и насаждает бюрократизм в партии, — все эти утверждения сказаны им сгоряча, в пылу полемики, что он не поддерживает более этих утверждений и считает, что у него нет расхождений с ЦК по этим вопросам; 3) Бухарин признает на этом основании, что возможна и необходима дружная работа в Политбюро; 4) Бухарин отказывается от отставки как по линии «Правды», так и по линии Коминтерна; 5) Бухарин снимает ввиду этого свое заявление от 30 января. На основании изложенного комиссия считает возможным не вносить на объединенное заседание Политбюро и Президиума ЦКК свой проект резолюции с политической оценкой ошибок Бухарина и предлагает объединенному заседанию Политбюро и Президиума ЦКК изъять из употребления все имеющиеся документы (стенограмму речей и т. д.). Комиссия предлагает Политбюро и Президиуму ЦКК обеспечить Бухарину все те условия, которые необходимы для его нормальной работы на постах ответственного редактора «Правды» и секретаря ИККИ».

Принятие такого «компромисса» означало для группы Бухарина открытую капитуляцию перед Сталиным и признание своей неправоты в критике сталинской политики и сталинского аппарата; отклонение этого «компромисса» означало демонстрацию своей агрессивности против «миролюбивого Сталина», тем более что Сталин предлагал «дружную работу в Политбюро» и «нормальные условия для работы Бухарина в «Правде» и Коминтерне». Бухарин разгадал замысел прямого удара и отклонил «компромисс». Но он не угадал обходного удара Сталина. И этим Сталин воспользовался классически. Констатируя отказ бухаринцев принять «компромисс», «помириться», Сталин на апрельском пленуме ЦК цинично спрашивал:[8] «Почему товарищи из бухаринской оппозиции, Бухарин, Рыков и Томский, не согласились принять компромисс комиссии Политбюро, предложенный им 7 февраля этого года? Разве это не факт, что этот компромисс давал группе Бухарина вполне приемлемый выход из тупика, в который она сама себя загнала... чтобы ликвидировать тем самым остроту внутрипартийного положения и создать обстановку единодушной и дружной работы в Политбюро?»

Заострив так вопрос, Сталин привел одну цитату из общих рассуждений Ленина «об оппортунизме», потом сделал многозначительную паузу и, предпослав почти лирическую увертюру к победоносному маршу, сам же ответил на свой вопрос:[9] «Да, товарищи, надо уметь смотреть прямо в глаза действительности, как бы она ни была неприятна. Не дай бог (! — *А. А.*), если мы заразимся болезнью боязни правды... А правда в данном случае состоит в том, что у нас нет на деле одной общей линии. Есть одна линия, линия партии, революционная, ленинская линия. Но наряду с этим существует другая линия, линия группы Бухарина, ведущая борьбу с линией партии путем антипартийных деклараций, путем отставок, путем поклепов на партию, путем замаскированных подкопов против партии... Эта вторая линия есть линия оппортунистическая».

Все удары против аппарата ЦК, все удары против своих, не мнимых, а действительных «подкопов и поклепов», всю критику, которая касалась его собственной персоны как секретаря ЦК, Сталин встретил внешне малопонятным, но внутренне весьма тонко рассчитанным, стоическим спокойствием. Он даже оговорился в самом начале своей речи:[10] «Я не буду касаться личного момента, хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно *внушительную роль* (курсив мой. — *А. А.*). Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь».

Бухарин говорит, что Сталин — Чингисхан партии, а Сталин отвечает: это мелочь. Бухарин говорит, что Сталин заговорщик против собственной партии, а Сталин отвечает, что это мелочь. Бухарин говорит, что Сталин — фальсификатор, Сталин отвечает, что это мелочь. Сталин не хочет защищать Сталина. Сталин — это мелочь. Сталин хочет защищать Ленина и ленинскую партию, а Бухарин хочет увести его в сторону «личных моментов». Они хотят «политику подменить политиканством. Но этот фокус не пройдет у них», — отвечает Сталин.

Такое подчеркнутое игнорирование собственной персоны, отсутствие малейшей попытки личной реабилитации, презрительно-великодушное отношение к «мелочам» и в то же время горячая, убедительная и логически вполне последовательная «защита Ленина и ленинизма» от идеологического покушения со стороны Бухарина — все это само по себе создает Сталину политическое алиби в глазах Центрального Комитета. Сталину большего и не надо. Сталин не ограничился обвинением Бухарина в оппортунизме, в антиленинской теории. Он напомнил Бухарину его «предательство» в 1918 году, когда он в связи с заключением сепаратного

Брестского мира с немцами возглавлял противников этого мира, так называемых левых коммунистов...[11]

«*Бухарин говорил здесь об отсутствии коллективного руководства в ЦК*... (курсив мой. — *А. А.*). Следует отметить, что Бухарин не впервые нарушает элементарные требования лояльности и коллективного руководства в отношении ЦК партии. История нашей партии знает примеры, как Бухарин в период Брестского мира, при Ленине, оставшись в меньшинстве по вопросу о мире, бегал к левым эсерам... пытался заключить с ними блок против Ленина и ЦК. О чем он сговаривался тогда с левыми эсерами — нам это, к сожалению, *еще неизвестно*» (курсив мой. — *А. А.*). Если Сталин действительно говорил «еще неизвестно!», то это был не полемический трюк сталинского ораторского искусства, а зловещее напоминание судьбы «левых эсеров» («левые эсеры» были расстреляны). Политически Сталин покончил с Бухариным, он решил дезавуировать его и как теоретика партии. Сталин привел выдержку из «Завещания Ленина» о Бухарине. В этой выдержке из Ленина говорилось:[12]

«Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: *Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии* (курсив мой. — *А. А.*), но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал диалектики)». Сталин подчеркивал последние слова и торжествовал: «Итак, теоретик без диалектики. Теоретик-схоластик».

Таким образом, «дело Сталина» Сталин превратил в «дело группы Бухарина». Рыков, Бухарин, Томский были поддержаны активно лишь небольшой группой членов ЦК и ЦКК (Угланов, Михайлов, Котов, Угаров, Розит, Куликов, Стэн). «Болото» нехотя пошло за Сталиным. Назначаемые и смещаемые лично Сталиным и его «кабинетом» областные, краевые и республиканские секретари партии потребовали, как и раньше, немедленного исключения Бухарина и Томского из Политбюро. Сталин опять принимает благочестивую позу «миротворца»:[13] «Некоторые товарищи настаивают на немедленном исключении Бухарина и Томского из Политбюро ЦК. Я не согласен с этими товарищами. По-моему, можно обойтись *в настоящее время* (курсив мой. — *А. А.*) без такой крайней меры».

Пленум принимает решение:[14] «г) снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов («Правда», Коминтерн, ВЦСПС) и предупредить их, что в случае малейшей попытки с их стороны нарушить постановления ЦК и его органов они будут немедля выведены из состава Политбюро... з) настоящую резолюцию разослать всем местным организациям партии и членам XVI партконференции, не опубликовывая ее в печати».

Сталин, сердито обругав Рыкова за нарушение «коллегиальности» в руководстве правительством и даже за наличие своей, бухаринской, линии против линии партии, все же не потребовал наказания Рыкова. Более того. Сталин назначил Рыкова главным докладчиком по пятилетке на открывшейся в тот же день XVI конференции ВКП(б). Рыков вновь охладел. Тем увереннее работал Сталин. Первую победу над группой Бухарина надо было организационно закрепить, а чтобы это сделать, надо было убрать из партии и с руководящих постов армии потенциальных бухаринцев. Сталин назначил «генеральную чистку партии», с прямым указанием, чтобы она была закончена к XVI съезду партии (в партии насчитывалось тогда 1 500 000 членов).

Та же самая партийная конференция по докладу Ем. Ярославского приняла и соответствующую резолюцию. Чистку должен был проводить аппарат ЦКК под руководством Секретариата ЦК. В резолюции о чистке прямо говорилось:[15] «Предпринимаемая проверка и чистка рядов партии должна, таким образом, сделать партию более *однородной*... Чистка должна беспощадно выбросить из рядов партии все чуждые ей... элементы... сторонников... антипартийных групп... *«невзирая на лица»* (весь курсив в цитате мой. — *А. А.*).

Конференция закончилась 29 апреля. В тот же день состоялся первый пленум ЦК для утверждения решений конференции. Пленум утвердил их с одной

лишь поправкой: Угланов был выведен из состава Секретариата ЦК, а Бауман, заведующий деревенским отделом МК, был назначен на его место. Кубяк через «болото» перешел на сторону Сталина. Секретариат ЦК теперь стал чисто сталинским.

XVIII. Сталин как «политик нового типа»

Пленум и конференция закончились триумфом сталинской группы в Политбюро и сталинского аппарата в ЦК. На девять десятых это был личный триумф самого Сталина. Обычно было принято считать Сталина «серой скотинкой» в руководстве большевистской партии и человеком «посредственных способностей» — в политике. В лучшем случае в Сталине признавали «исправного исполнителя» чужой воли. Таким его рисует Троцкий. Таким его привыкли видеть при Ленине, таким его продолжали считать и после Ленина. Но Сталин оказался сфинксом даже для его ближайших друзей и былых единомышленников. Нужна была смерть Ленина, чтобы «сфинкс» начал обрисовываться.

У сталинцев свое, особое понимание политики, тактики и стратегии. Да и партию свою они считали и считают партией особого, «нового типа». Чтобы до конца понять и смело лавировать в темнейших лабиринтах этой специфической «новой политики», надо было обладать одним непременным качеством: свободой от старой политики. Сталин, конечно, знал и «старую политику», но знал лишь «посредственно», и в этом тоже было его величайшее преимущество. Меньше болел «детской болезнью» наивности в политике. Был свободен от всех морально-этических условностей в политической игре.

Троцкий не признавал Сталина и как теоретика партии. В марксизме как политической доктрине коммунистов его считали круглым невеждой. И это тоже было преимуществом Сталина. Он был свободен от догматических оков марксистской ортодоксии. «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на точке зрения последнего», — говорил Сталин на VI съезде партии, накануне Октябрьской революции.

В «новой политике» и «партии нового типа» Сталин не признавал ни романтики исторических воспоминаний, ни законов исторической преемственности. Приписывая Троцкому свои собственные намерения в будущем (к чему он довольно часто прибегал в других условиях и по другому поводу), говоря, что Троцкий хочет развенчать «старый большевизм», чтобы вычеркнуть из истории Ленина для утверждения собственного величия, Сталин сам был внутренне свободен от чинопочитания даже по отношению к Ленину.

В «новой политике» Сталин держал курс на «новейшее». Очень характерны его слова на этот счет:[16] «Возможно, что кой-кому из чинопочитателей не понравится подобная манера. Но какое мне до этого дело? Я вообще не любитель чинопочитателей». Поэтому Сталин признает и «старых большевиков» постольку, поскольку они способны стать «новыми». Вот и другие очень характерные его слова, произнесенные на том же апрельском пленуме:[17] «Если мы потому только называемся старыми большевиками, что мы старые, то плохи наши дела, товарищи. Старые большевики пользуются уважением не потому, что они старые, а потому, что они являются вместе с тем вечно новыми».

Делая маленькое отступление, я должен тут же отметить общеизвестный факт: Сталин, конечно, признавал и вознаграждал чинопочитателей, но тех, которые коленопреклонялись только перед ним одним. И, придя к власти, он доказал, что ставит себя выше Ленина и как теоретика, и как политического вождя. Вот чрезвычайно яркая иллюстрация к этому. В «Философском словаре» 1952 года, изданном под редакцией П. Юдина, есть косвенное сравнение Сталина с Лениным. О Ленине там сказано: «Ленин — величайший теоретик и вождь международного пролетариата». В том же «словаре» о Сталине говорится: «Сталин — гениальный теоретик и вождь международного пролетариата». Ленин — лишь «величайший», а Сталин — «гениальный»!

Возвращаясь к теме, нужно сказать, что и такая внутренняя свобода Сталина от ленинских норм, традиций и «чинопочитания» по отношению к Ленину

тоже была сильнейшей стороной Сталина как «нового политика». Наконец, Сталин был невеждой в теоретических вопросах и не мог считаться теоретиком в смысле старого большевистского понимания «теории».

«Теоретиком» он стал, когда получил власть. Но в те годы Сталин сам хорошо понимал свое ничтожество в теории и никаких внешних амбиций в этом смысле не проявлял. Когда его бесчисленные поклонники обращались к нему, чтобы он высказывался по вопросам марксистской теории, философии, политической экономии, языка, литературы, искусства, то он совершенно серьезно сознавался в своей несостоятельности в области теории или марксистской критики. В его опубликованные сочинения вошли некоторые его ранние признания на этот счет. Так, в письме к писателю Безыменскому Сталин пишет:[18] «Я не знаток литературы и, конечно, не критик». В другом письме, к Максиму Горькому, он признается еще более откровенно:[19] «Просьбу Камегулова удовлетворить не могу. Некогда! Кроме того, какой я критик, чорт меня побери!»

Как бы это ни звучало парадоксально, слабость в теории тоже была сильной стороной Сталина как политика «нового типа». Не находясь в догматических щупальцах Маркса и Ленина и не утруждая себя головоломными премудростями «научного социализма» будущего, в который он и не верил, Сталин оставался на почве реальности. В этой же реальности «социализм» означал не цель, а средство к цели — к власти любой ценой и при помощи любых методов. Разница между ним и Лениным была тоже существенная. Ленин пришел к власти в борьбе с враждебными партии классами. Сталин же добивался и добился ее в борьбе с собственной партией. Однако тот же Ленин учил (этому глубоко верил и Сталин), что получить власть — это еще полдела, самая важная и самая трудная задача — это удержаться у власти. Для успешного разрешения этой задачи Ленин видел только один путь: политическая изоляция, а потом и физическое уничтожение враждебных партии классов. Это учение Ленина Сталин целиком перенес на собственную партию — получить власть он мог относительно легко, но удержать ее он мог лишь по тому же ленинскому принципу: путем политической изоляции и физического уничтожения враждебных ему лиц и групп в большевистской партии. Пока что Сталин был занят разрешением «полдела» — захватом власти.

На апрельском пленуме Сталин и приступил к «политической изоляции» противников, с тем чтобы изолировать их и физически, когда новый режим личной диктатуры укрепится окончательно. Читатель может сказать, что Ленин поступил бы точно так же, как и Сталин, если бы он имел дело с многочисленными противниками внутри партии. Обращаясь на пленуме к Томскому, Сталин так и заявил, что он, Сталин, и его группа в ЦК либеральнее Ленина: «Помните, что товарищ Ленин, — говорил Сталин, — из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан». На реплику Томского: «При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоем» — Сталин ответил: ошибаешься, если думаешь, что Ленина можно было легко убедить в том, в чем он сам не был убежден.

Чтобы уничтожить при Ленине ленинскую гвардию, надо было сначала уничтожить самого Ленина. В этой гвардии был только один человек, способный на это, — Сталин. В этом тоже было его исключительное преимущество. Всего того, что было преимуществом Сталина, не хватало Бухарину. Сталинцы были правы, когда во всем этом видели «гениальность» Сталина. Остается добавить, что в этом именно и заключается «творческий» характер сталинского марксизма, так же как и секрет всепобеждающего мастерства сталинской диалектики. В этой сталинской диалектике первых лет борьбы с оппозицией террор еще не играл решающей роли.

Решающую роль играла необыкновенная способность Сталина сказать в нужное время нужное слово, а сказав его, безоглядно приступить к осуществлению практического плана, если бы даже такой образ действия противоречил всем догмам и понятиям, которые до сих пор считались «священными». При этом он действовал с точным учетом психологии рвущейся на сцену совершенно новой партийной элиты. Эта черта характера роднит Сталина с характером его исторического кумира — с Наполеоном. «Я кончил войну в Вандее, — говорил последний, — когда стал католиком. Мое вступление в Египет было облегчено тем, что я объявил себя магометанином, а итальянских священников я завоевал на свою сторону, став ультрамонтанцем. Если бы я правил еврейским народом, я приказал бы восстановить храм Соломона».

Сталин не был теоретиком, как Бухарин, оратором, как Троцкий, даже интеллигентным человеком, как Рыков. Это тоже было его громаднейшим плюсом как лидера «нового типа». Французский философ и политик, позднее министр, Жюль Симон свидетельствует: «Еще за два месяца до своего всемогущества Луи Наполеон был ничто. Виктор Гюго поднялся на трибуну (Собрание 1848 г.), но не имеет успеха... Редкий и мощный гений Эдгара Кине тоже не помогает... Политические собрания являются местами, где блеск гения имеет меньше всего успеха. Здесь считаются только с тем красноречием, которое подходит ко времени и месту, и с теми услугами, которые оказаны партии, а не отечеству. Чтобы Ламартин в 1848 г. и Тьер в 1871 г. получили признание, нужна была их решающая важность как движущая сила. Когда опасность миновала, исчезла вместе со страхом и благодарность».

Цитируя вышеприведенные слова Симона, знаменитый французский социолог Лебон пишет: «Бывают вожди интеллигентные и образованные, однако это вредит им, как правило, больше, чем приносит пользу. Интеллигентность, сознающая связь всех вещей, помогающая их пониманию и объяснению, делается податливой и значительно уменьшает силу и мощь в убежденности, которая необходима апостолу. Большие вожди всех времен, собственно, вожди всех революций, были людьми ограниченными и потому имели большое влияние. Речи знаменитейшего среди них, Робеспьера, удивляют часто своей несвязностью. Когда их читаешь, не находишь удовлетворительного объяснения чудовищной роли всесильного диктатора»[20].

Так будут писать и о Сталине через десятки лет, не находя ни в его речах, ни в его «гениальных произведениях» не только искры гения, но даже и необходимой дозы простой интеллигентности. И все-таки этот человек овладел до последнего винтика гигантской государственной машиной, в законодательном корпусе которой было так много претендентов на пост Ленина. Я приводил все те «субъективные факторы», которые сделали Сталина, на мой взгляд, водителем этой машины. Я должен к ним прибавить теперь, несколько забегая вперед, и один «объективный фактор» величайшей важности. О подобном факторе в политике говорит тот же Лебон. Правда, констатируя явление того порядка, о котором я хочу говорить, Лебон не дает ему объяснения. Однако высказывания Тэна и Шпулера, которые он приводит в связи с этим, поразительно напоминают картину большевистского партийного парламента описываемого мною времени — ЦК и ЦКК:[21]

«История революции показывает, — пишет Лебон, — в какой мере собрания могут быть подвержены искусственному влиянию, которое совершенно противоречит их преимуществам. Для дворянства было неслыханной жертвой отказаться от своих преимуществ, и все-таки это случилось в ту знаменитую ночь Учредительного собрания. Отказ от своей неприкосновенности означал для членов Конвента постоянную угрозу смерти, и все-таки они поступили так и не боялись показывать друг на друга, хотя они точно знали, что эшафот, к которому подводились сегодня их коллеги, завтра предстоял им самим. Но поскольку они достигли той ступени автоматизма, о котором я говорил, ничто не может удержать их подпасть под то влияние, которое руководит ими».

«Они одобряют и постановляют то, что презирают, — говорит Тэн, — не только глупости, но также преступления, убийство невинных, убийство друзей. Единодушно и при живейшем одобрении левые и правые совместно посылают Дантона, своего естественного верховного водителя, на эшафот. Единогласно и при величайшем одобрении левые и правые совместно голосуют за самые злодейские постановления революционного правительства. Единогласно и при криках восхищения и энтузиазма, при страстных демонстрациях за д'Эрбуа, Кантона, Робеспьера Конвент оберегает правительство убийц, хотя его партия центра ненавидит за убийства, а Гора презирает, так как ее ряды через него пострадали. Центр и Гора, меньшинство и большинство, кончают тем, что подготовляют свое собственное самоубийство. 22 Прериаля сдался весь Конвент; 8 Термидора, в течение первой четверти часа после речи Робеспьера, он сдался еще раз».

Вот и описание собрания 1848 года Шпулером: «Споры, ревность и недовольство, которые сменяются слепым доверием и бесконечными надеждами, привели республиканскую партию к гибели. Ее незадачливость может быть сравнена с ее недоверчивостью против всех. Никакого чувства законности, никакого чувства

порядка, только страх и иллюзия без границ. Ее беспечность соревнуется с ее нетерпением. Ее дикость так же велика, как ее послушность. Это особенность незрелого темперамента и недостаток воспитания. Ничто ее не удивляет, все сбивает ее с толку. Дрожа, трусливо и одновременно безотказно героически будет она бросаться в огонь, но будет отскакивать перед тенью. Действия и отношения вещей ей неизвестны. Так же быстро падающая духом, как и накаляющаяся, она подвержена всем ужасам; и, торжествуя до небес или пугаясь до смерти, она не имеет ни нужных границ, ни подходящей меры. Текучее воды, она воспроизводит все краски и воспринимает любые формы».

Много раз сделанные аналогии событий из Французской революции с событиями русской не бьют так в цель, как только что приведенные эпизоды. Посмотрите на списки трех составов русского революционного конвента — ЦК и ЦКК: 1) после победы Зиновьева — Бухарина — Сталина над Троцким в 1924 году (XIII съезд), 2) после победы Бухарина — Рыкова — Сталина над Зиновьевым в 1925 году (XIV съезд) и 3) после победы Сталина над Бухариным в 1930 году (XVI съезд). Каждый последующий состав большевистского конвента посылает на политический эшафот ведущих трибунов Октябрьской революции из предыдущего состава: Зиновьев — Сталин — Бухарин Троцкого и троцкистов; Бухарин — Сталин — Рыков Зиновьева и зиновьевцев; Сталин и «старые большевики» — Бухарина и бухаринцев; Сталин и сталинцы — «старых большевиков». Потом Сталин всех их сводит в одном месте — на Лубянке, чтобы ликвидировать их там физически. Русские мараты и дантоны, сен-жюсты и робеспьеры, «жирондисты» и «горцы» с какой-то фатальной обреченностью повторяли акты французской драмы, с тем чтобы после взаимоистребительной бойни увековечить на русской земле кошмарный режим французского Сентября. Логическая линия русского Октября была той же. То, что Ленин вынашивал в эмбрионе, Сталин вырастил как чудовище.

XIX. Сталина объявляют «великим»

За сообщениями о ходе объединенного пленума ЦК и ЦКК у нас в ИКП следили с тем напряжением, с каким следят за сводками осажденной врагами крепости. В первое время наши «сводки» были весьма скупы и порою противоречивы, хотя на пленуме были, кроме лидеров «правой оппозиции», и руководители московской группы — Резников, Генерал и Стэн. По установленным правилам, каждый день нас информировал о ходе пленума Юдин. Информация Юдина была из вторых рук. Его ежедневно вызывали в Агитпроп ЦК, как и других руководителей центральных партийных учреждений, снабжая официальными «сводками» и «комментариями», чтобы он соответственно «обрабатывал» партийную массу.

Во время предыдущих пленумов подобные сводки мы получали из первых рук — от своего профессора, члена ЦКК Стэна. Теперь Стэн был лишен этой «почетной нагрузки». Впрочем, из информации Юдина мы узнали, почему член ЦКК Стэн не имел права делиться своими впечатлениями о ходе пленума с коллегами и студентами ИКП, как раньше. Оказывается, что Стэн выступил на пленуме с подробной критикой Сталина и, как выражался Юдин, «философским обоснованием правого оппортунизма». В чем же все-таки заключалось это «философское обоснование», Юдин так же мало знал, как и мы. Тем более мы хотели услышать о сути дела из уст самого Стэна. На одной из очередных «информаций» собрание так и поставило вопрос перед Юдиным. Но если Юдин не знал «философии Стэна», зато хорошо знал «философию Сталина»: «Кто берет под сомнение информации ЦК, тот может сам обращаться к его врагам, но не моя обязанность посредничать в этом», — заявил Юдин.

Юдин был фанатиком, а не дипломатом (сегодня он уже дипломат!), и это вечно портило ему дело в «низах», хотя и поднимало его вес в «верхах». Неосторожный ответ Юдина вызвал не предусмотренную «повесткой дня» дискуссию. Белов, староста общего (подготовительного) отделения, старый член партии — командир Красной армии (он и в ИКП носил военную форму со шпалами командира полка), совершенно искренне спросил у Юдина: «Так что же, по-вашему, товарищ Стэн — враг партии?» «Я сказал — враг ЦК». «Но я понял, что он враг Сталина, а не ЦК». «Это одно и то же!» «Так выходит, что ЦК — это Сталин?» «Совершенно правильно!» «Но тогда партия — это тоже Сталин?» «Совершенно правильно!» «В этом случае я констатирую, что не один Стэн — враг партии», — заключил Белов.

Юдин не возразил, а из зала раздались громкие голоса одобрения. «Информационное собрание объявляю закрытым», — сказал Юдин и, собрав свои бумаги, направился к выходу. Вдогонку летели выкрики, вопросы, люди осаждали его со всех сторон, но он благополучно вышел из «окружения» и исчез. «Играет в Сталина», — заметил кто-то. «Юдин — это партия», — уточнил свое заключение Белов.

Информационные собрания Юдина повторялись каждый вечер, но существенных сведений о ходе пленума они не давали. Из старших курсов их почти никто не посещал, имея, вероятно, более верные источники, чем Юдин. Не бывал на них и Сорокин, который раз или два сам имел билет для гостей на пленум. Чем ограниченнее были наши сведения, тем больше росло наше любопытство. Что сталинский аппарат ЦК будет дезинформировать коммунистов через своих подставных Юдиных — это понимали все: и враги и друзья аппаратчиков. Почему же «правые» члены ЦК скрывают от партии «баню», которую задают им на пленуме сталинцы, — это отказывались понимать именно друзья «правых». Только через месяц после пленума мы узнали из «стенограммы пленума ЦК» причину молчания «правых». В самом начале работы пленума Сталин провел одно внеочередное решение. В этом решении говорилось:[22] «Установить специальные меры — вплоть до исключения из ЦК и из партии, — могущие гарантировать секретность решений ЦК и Политбюро ЦК и исключающие возможность информирования троцкистов о делах ЦК и Политбюро». Цель этого решения была ясна — лишить возможности любого из участников пленума, даже членов Политбюро, информировать партию о внутрипартийных делах, если у него не будет на руках «путевки» Агитпропа ЦК. Поэтому секретарь институтской ячейки Юдин имел право «информировать» коммунистов, а член ЦКК Стэн, член Политбюро Бухарин должны были молчать.

Из этой же стенограммы мы узнали, в чем заключалась «философия правого оппортунизма» нашего профессора Стэна (стенограммы пленумов ЦК партийная организация ИКП получала в одном экземпляре, а читали ее в групповом порядке по курсам и отделениям). Стэн избрал оригинальный способ «философствования» и на основании всего того, что сам Сталин писал и говорил о троцкистах во время борьбы с Троцким, доказывал, что в нынешнем курсе Сталина на сверхиндустриализацию за счет военно-феодальных грабежей крестьянства ничего нет сталинского — это «второе исправленное и дополненное издание троцкизма» Сталиным. «Исправления» и «дополнения» сводятся только к одному: объявлению открытой гражданской войны в деревне, — клевеща на Троцкого и фальсифицируя Ленина. Если ЦК станет на путь Сталина, контрреволюция свернет шею нам всем. В этом случае русская революция захлебнется в крови крестьянской Вандеи. Теоретический примитивизм не дает Сталину видеть за деревьями леса, а лес этот — великая крестьянская Россия. Русская революция была спасена крестьянством, крестьянство же может ее и погубить. Если партия не хочет подготовить, в конечном счете, свои собственные похороны, она должна заявить Сталину и его единомышленникам — назад к нэпу. По отношению к крестьянству это означает уничтожение чрезвычайных мер по хлебозаготовкам, пересмотр политики чрезмерного налогового обложения, свободу кооперирования, поднятие цен на хлеб, обеспечение крестьянского рынка промышленными товарами по нормальным ценам. Этот путь — путь завоевания крестьянства советским рублем. Верно, путь этот длинный, трудный, но ленинский. Есть и другой путь, короткий и соблазнительный, но полицейский, — путь завоевания крестьянства штыками войск ОГПУ. По первому пути завещал идти Ленин, по второму хочет шагать Сталин. Но мы ему тогда не попутчики. «Вы попутчики Каменева!» — раздалась чья-то реплика в этом месте стенограммы. «Сталин и Молотов были попутчиками Каменева всю свою жизнь!» — ответил Стэн, намекая на работу Молотова и Сталина вокруг думской фракции социал-демократов большевиков и в газете «Правда» — первого в качестве секретаря редакции, а второго — в качестве помощника редактора (редактором был Каменев).

Вся речь Стэна была пересыпана такими репликами уже заранее прорепетированных сотрудников Сталина. Трудно было судить об успехе речи Стэна на пленуме, но на нас она произвела исключительное впечатление. После речей Бухарина и Угланова она, пожалуй, и была наиболее острой. Речь Томского была грубее, пря-

молинейнее, но в том же плане. Рыков дискутировал по практическим вопросам хозяйственной политики, почти не касаясь «чистой политики». Поэтому мы ничуть не удивились, когда узнали, что Рыков был назначен докладчиком по пятилетке на XVI партийной конференции по предложению самого Сталина, несмотря на возражения его друзей.

Стэн участвовал более активно и в подаче реплик Сталину, когда последний терялся в дебрях теории. В «Сочинения» Сталина вошла пара таких реплик Стэна, видимо, очень изуродованных, а потому маловразумительных. Прежде чем привести их здесь, я хочу сказать о предмете спора. В 1916 году Бухарин выступил в журнале «Интернационал молодежи» со статьей, в которой утверждал, что социал-демократия должна подчеркивать свою принципиальную враждебность к государству. Ленин ответил Бухарину статьей, в которой говорилось, что теория враждебности ко всякому государству, теория «взрыва» государства — это не марксистская, а анархистская теория. Марксисты утверждают, что есть, кроме буржуазного, и «пролетарское государство», к которому социал-демократы будут относиться как к своему государству, и что такого государства («диктатура пролетариата») не «взрывают», а оно отмирает постепенно само по себе (Энгельс. «Анти-Дюринг»).

Приводя эту дискуссию между Лениным и Бухариным, Сталин заключил:[23] «Кажется, ясно, в чем тут дело и в какую полуанархическую лужу угодил Бухарин!» Стэн: «Ленин тогда в развернутом виде еще не формулировал необходимость «взрыва государства». Бухарин, делая анархистские ошибки, подходил к формулировке этого вопроса». Сталин: «Нет, речь идет сейчас не об этом, а речь идет об отношении к государству вообще, речь идет о том, что, по мнению Бухарина, рабочий класс должен быть принципиально враждебен ко всякому государству, в том числе и к государству рабочего класса». Стэн: «Ленин тогда говорил только об использовании государства, ничего не говоря в критике Бухарина о „взрыве“». Сталин: «Ошибаетесь, „взрыв“ государства есть не марксистская, а анархистская формула. Смею заверить вас, что речь идет здесь о том, что рабочие должны подчеркнуть, по мнению Бухарина (и анархистов), свою принципиальную враждебность ко всякому государству, стало быть, и к государству переходного периода, к государству рабочего класса».

Стэн не ошибался, но не ошибался и Сталин. Последний сознательно выдергивал отдельные слова из писаний Бухарина, чтобы в конце концов заявить, что «Бухарин против диктатуры пролетариата!». Для этого Сталин шел на сознательную фальсификацию и Ленина, рассчитывая с полным основанием на невежество большинства членов пленума в чересчур теоретических проблемах. На такой операции Стэн и поймал Сталина. Но Сталин не был из тех, кто, будучи на месте пойман с поличным, поднимает руки вверх и говорит: «Сдаюсь!» Наоборот, в таких случаях он умел напускать вокруг себя такую дымовую завесу, сквозь которую не было видно ни вора, ни поймавшего его «блюстителя порядка». Только слышны громкие, самоуверенные, возмущенные окрики «пойманного». И тогда вы должны были невольно спрашивать себя — кто же кого поймал: вор — «блюстителя порядка» или «блюститель» — вора?

Так случилось со Сталиным и сейчас. Вопреки железным фактам, несмотря на неопровержимые документы о том, что 1) Бухарин был вместе с Лениным автором программы партии о «диктатуре пролетариата» — 1919 года; 2) Бухарин был автором, а Ленин соавтором теории о «взрыве» буржуазного государства, — Сталин утверждал обратное. Пойманный с поличным и раздраженный этим, Сталин начал целыми страницами цитировать Ленина, а все цитаты как бы нарочито говорили за Бухарина и против Сталина[24].

Когда и этот прием не произвел должного впечатления, Сталин начал цитировать Бухарина. На этот раз Сталин хотел доказать пленуму, что Бухарин считает себя как теоретика выше Ленина. Прием этот был чисто демагогическим. Продолжая свой спор со Стэном, но обращаясь к пленуму, Сталин спрашивал:[25] «Вы не считаете это вероятным, товарищи? В таком случае послушайте». После этого интригующего вступления Сталин процитировал примечание Бухарина к его статье в «Интернационале молодежи», перепечатанной после революции в сборнике «Революция права». В этом примечании Бухарин писал:

«Против статьи в «Интернационале молодежи» выступил с заметкой В. И. (т. е. Ленин). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, которая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда неправильно относился к положению о «взрыве» государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата… Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном VI съезде, и в это время В. И. скрывался), ее первыми словами были слова: «В. И. просил вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с вами». Занимаясь вопросом, Ильич пришел к тем же выводам относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении».

Приводя эту цитату Бухарина, Сталин с сарказмом заявляет:[26] «До сих пор мы считали и продолжаем считать себя ленинцами, а теперь оказывается, что и Ленин и мы, его ученики, являемся бухаринцами». Но приведенная цитата, засвидетельствованная присутствующей тут же женою Ленина — Крупской, доказывала обратное: Бухарин считал себя учеником Ленина, воздавая должное, а в данном вопросе даже и больше, своему учителю, но продолжал мыслить самостоятельно, как и при Ленине, а это как раз и не полагалось при Сталине.

Право на свободу мысли отныне имел только Сталин. Все остальные должны были мыслить по Сталину. Юдины мыслили по Сталину — и поднимались в гору. Стэны и Бухарины мыслили по-своему и катились в пропасть. В этом и была вся «философия эпохи»! «Играть в Сталина» — стало модой фанатиков, карьеристов, приспособленцев. Партия вступила на путь политического хамелеонства. Начался естественный отбор сталинских приживальщиков. Нигде этот «отбор» так ярко не свидетельствовал о своей истинной природе, как у нас в институте. Как только у нас узнали, что Бухарин снят с работы в «Правде», а Томский — с поста председателя ВЦСПС, тотчас же началось брожение среди «правых» в институте. Многие из тех, кто еще вчера громче всех кричали о правоте «правых» или просто дипломатически отсиживались в ожидании развития событий, столь же громко начали кричать о правомерности «генеральной линии» партии и ее «генерального секретаря». Карьеристы с их тончайшим чутьем ловить колебания партийного барометра, приспособленцы с их удивительным даром применяться к любому месту, конъюнктурщики с их гениальным умением сбывать старые и приобретать новые акции на партийной бирже, — все двинулись в поход против собственной совести, чести и простой порядочности, чтобы завоевать свои права под восходящим «солнцем Сталина». Объявленная «генеральная чистка» не только в партии, но и во всех частях государственной машины (в советском аппарате, профессиональных союзах, в армии) еще больше подогревала страсти людей из этой породы. Историческим решением апрельского пленума Сталин накалил железо докрасна. Теперь дело было за ковкой. И его аппарат ковал.

Когда через несколько дней после пленума и XVI партийной конференции секретарь ЦК Каганович делал доклад для теоретиков и пропагандистов партии в Коммунистической академии, в зале собрания уже царила другая атмосфера, чем в декабре прошлого года. Да и Каганович меньше всего опровергал «теории» «правых». Партия политически похоронила «правых» на своем пленуме. Если о них нужно разговаривать, то только как о покойниках, но не в плане старой оппортунистической поговорки, что «о покойниках ничего не говорят или говорят только хорошее». Совершенно наоборот, о дрянных покойниках надо говорить только дрянь. Если мы сегодня говорим о них вообще, то в назидание тем скрытым врагам внутри нашей партии, идеологом которых выступал Бухарин. Обращаясь к ним, мы говорим: не выходит, не вышел и не выйдет ваш номер. Партия железной метлой будет выметать вас из своих рядов. Ошибутся и те из них, кто подумает, что в горячих боях партии за строительство социализма в нашей стране они постоят в тени до лучших времен. Таких мы будем брать за шиворот, подводить к огню и ставить перед выбором: или в бой за дело партии, или вон из партии Ленина.

Партия научилась читать душу своих членов по их делам. Кто начнет кривить душой в надежде обмануть партию, тех ждет глубокое разочарование. Когда же, разочаровавшись, они пощупают под собою почву — они ее не найдут: они окажутся на дне троцкистско-белогвардейского болота. В этом болоте найдется место для всякой сволочи. Приблизительно таким был академический язык Кагановича на собрании «коммунистических академиков». Вызывающий, угрожающий и побе-

доносный тон речи свидетельствовал не столько об уже одержанной победе, сколько о наступающей новой главе в истории большевизма. Об этой главе при гробовой тишине и подобострастно-напряженном внимании слушателей Каганович сказал: «Наша партия сейчас сильна как никогда. Сильна тем, что она после смерти Ленина через ряд серьезнейших потрясений и суровых испытаний нашла наконец своего истинного, волевого и мужественного вождя. Вождь этот — товарищ Сталин!» Слова эти были сказаны с таким подъемом, а напряжение на собрании было настолько высоким, что разрядка последовала автоматически — в зале раздались бурные аплодисменты. Какая ирония политической борьбы, какая сила политического хамелеонства! Еще несколько месяцев тому назад тот же зал, при тех же слушателях столь же бурно аплодировал одному появлению Бухарина, а тому же Кагановичу вызывающе сорвал собрание. Теперь Каганович торжествующе мстил ему за это.

Каганович говорил долго, говорил с энтузиазмом, убежденно, говорил формулами лозунгов, когда напрашивался на аплодисменты, языком протокола, когда констатировал величие Сталина, тоном приказа, когда олицетворял в Сталине партию. Приказ № 1 Кагановича для теоретического фронта гласил: за «культ Сталина»! За «культ Сталина» в партии, за «культ Сталина» в политике, за «культ Сталина» в истории, за «культ Сталина» в стране. Конечно, этих слов не было, но смысл был этот. До сих пор было принято говорить о «коллегиальном руководстве» партии, о «ленинском ЦК», о «вождях партии», об «учениках и соратниках Ленина». Отныне родилась новая формула: «вождь нашей партии т. Сталин» и никаких других «вождей нашей партии» нет! Потом родились и другие формулы (правда, значительно позже): не «партия Ленина», а «партия Ленина — Сталина», не «ученики и соратники Ленина», а «ученики и соратники Сталина», не «учение Маркса — Энгельса — Ленина», а «учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина», пока дело не дошло до того, что Ленин оказался лишь «великим», а Сталин «гениальным».

Величие Сталина первоначально «открыли» три члена ЦК: Каганович, Молотов и Ворошилов — и три человека на идеологическом фронте: Мехлис, Юдин и Митин. Эта последняя тройка и подхватила на собрании данный Кагановичем приказ науке о возвеличении Сталина. «До сих пор в широких кругах партии было принято думать, — заявил первый оратор в прениях Мехлис, — что основная тяжесть разоблачения теории и философии троцкизма лежала на т. Бухарине. Сейчас надо заявить со всей откровенностью, что это — легенда, созданная самими бухаринцами. Главным и единственным теоретиком нашей партии после Ленина был и остается т. Сталин. Сталину, и только ему, наша партия обязана разгромом всех теоретических позиций троцкизма. Эклектику и схоластику Бухарину эта задача не только не была по плечу, но он за нее даже и не брался. Теоретическая мощь и марксистская глубина сталинского анализа могут быть сравнены только с гением Ленина. Чтобы развенчать искусственную легенду о Бухарине как о теоретике, мы должны рассказать всей партии, каким великим теоретиком она располагает в лице т. Сталина.

Нам всем известна исключительная скромность т. Сталина, когда мы начинаем говорить о его личных заслугах и личных качествах. Точно так же мы знаем, что т. Сталин не терпит не только саморекламы, но и всякой рекламы о нем. Мы, большевики, и не собираемся делать рекламу в интересах создания новой фальшивой «легенды». Мы только доводим до сведения партии тот величайшей важности исторический факт, который тщательно скрывали от нее бухаринцы: Сталин является единственным теоретическим преемником Ленина. Партия должна наконец знать эту правду даже через голову сталинской простоты и скромности, так как он принадлежит партии, так же как партия принадлежит ему!» Так говорил Мехлис о Сталине как о теоретике, о том Сталине, который еще года два тому назад, будучи выставлен кандидатом в члены этой же Коммунистической академии, был почти единогласно забаллотирован «за отсутствием у т. Сталина специальных исследований в области марксизма».

Читатель легко догадается, что новый заместитель главного редактора «Правды» — Мехлис — скоро перестал быть таковым: «скромный» Сталин его назначил главным редактором! Юдин и Митин предложили в своих выступлениях пространный «издательский план» для работников «теоретического фронта». План предусматривал разработку и издание новых философских работ на тему о том, «как Сталин поднял марксизм на новую, высшую ступень». Потом «пошла писать губерния» — экономисты наперебой доказывали, что Сталин разработал основы «политической экономии социализма» (Леонтьев, Островитянов, Варга, Лаптев и др.), историки нашли в работах Сталина ключ к пониманию исторического процесса всего человечества (Минц, Панкратова, Кин, Кнорин и др.). Философы поражались «глубиной и универсальностью сталинского диалектического метода» (те же Митин, Юдин, Ральцевич, Розенталь, Константинов и др.). Словом, Каганович произвел Сталина в действительного «вождя партии», констатируя смысл происшедшего в ЦК переворота, а «коммунистические академики» произвели его, хотя и задним числом, в сан непогрешимого и вездесущего академического бога!

Так началось рождение новой славы или новой «легенды». Люди создавали себе бога воистину по образу и подобию своему. Именно создавали, а не открывали. При всем напряжении моих скромных способностей и при искреннем желании постичь смысл происходящего это мне решительно не давалось. Что Сталин как теоретик пустое место, было мне совершенно ясно. Что его могут сравнивать в этой области с Бухариным только люди, никогда не читавшие ни Сталина, ни Бухарина, было тоже ясно. Но так как здесь сидели не простецы с какой-нибудь Камчатки, а «коммунистические академики» Москвы, надо было искать другого объяснения. Тогда этого объяснения я не находил. Оно далось мне значительно позже.

Та новая «партия в партии», которая выросла за годы после смерти Ленина, нуждалась в новом боге, в таком боге, который, будучи их «образом и подобием», воплощал бы в себе их многогранные интересы — как в одном монолите, их субъективную волю к действию — в собственном лице, их морально-этический нигилизм в политике — в личной аморальности, их жажду к властвованию — в своем бездонном честолюбии. Этим новым людям нужен был новый бог не меньше, чем самому богу нужны были эти люди. Поэтому совершенно неважно, как этот бог будет именоваться — Петров, Иванов или Джугашвили. Им нужен только такой бог, о котором каждый из них может сказать: «Я не Сталин, но в Сталине и я». Чтобы с таким же успехом Сталин мог сказать каждому из своих адептов: «Я не ты, но в тебе и я».

Если бы члены этой новой партии отняли у Сталина все, что принадлежит им, то от Сталина остался бы лишь один Джугашвили, сын грузинского сапожника, который не умеет делать даже сапоги. Понятно, что такой Джугашвили не был бы нужен никому, меньше всего — реалисту Кагановичу и фанатику Юдину. В этом смысле Сталин — инструмент среды, а не среда — его инструмент. Это ни в какой мере не означает умаления личных качеств Сталина. Но они не лежали в тех областях, в которых их «находили» его сторонники, — в области теории, философии, политэкономии. Они лежали как раз в другой области — в иммунитете Сталина ко всяким теориям, в изумительной мозаике его криминальных возможностей, в железной целеустремленности его волевого мозга, в абсолютном отсутствии морального тормоза. Расшифровку этих формулировок я дал в предыдущем изложении. Все это должно явиться ответом на другой совершенно естественный вопрос — почему результат выборов нового бога пришелся именно на Сталина, а не на Троцкого, Зиновьева, Бухарина или какого-нибудь другого «Иванова»?

Да, будучи инструментом среды, Сталин жестоко расправляется время от времени и с этой средой, действуя, как он сам признавался, по завету Лассаля: «Партия укрепляется тем, что самоочищается». Но это — самоочищение среды от собственного балласта по «волчьему закону» — здоровые едят слабых, отстающих, ноющих или путающихся между ногами. Поэтому-то и жестокость бога воспринимается средой как величайшая милость. Но поступи бог иначе — он сам будет съеден...

Вернемся к собранию. Оно тянулось до поздней ночи. Выступило до трех десятков людей, но не было ни одного критического выступления, ни одного «коварного» вопроса. Все выступавшие сходились в том, что «теоретический фронт» страшно отстает от требований партии в «реконструктивный период» и что в силу сознательной фальсификации школой Бухарина марксизма-ленинизма внимание теоретического фронта было отведено в сторону от конкретных задач по строительству «фундамента социализма в нашей стране». Собрание признало правильным постановление о перестройке работы Коммунистической академии, пересмотре программы исследовательских институтов и высших школ по общественным

наукам в духе доклада Кагановича и постановления апрельского пленума. Приняли и план Мехлиса — Юдина — Митина приступить к подготовке публикации теоретических работ о том, как «Ленин и Сталин подняли на высшую ступень» учение Маркса — Энгельса о коммунизме и пролетарской революции.

Это, однако, не означало, что на собрании не было идейных бухаринцев, но они безнадежно молчали. И только когда было принято приветствие «генеральному секретарю ЦК ВКП(б) товарищу Сталину», кто-то из них крикнул: «Предлагаю принять приветствие и председателю Совнаркома товарищу Рыкову». Председательствующий Ярославский без смущения ответил: «Вы опоздали, собрание объявляю закрытым!» Болельщик Рыкова действительно «опоздал»: мы только что похоронили именно Рыкова, хотя он все еще оставался формально главой правительства.

(Продолжение следует)

Примечания

1. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II. М. 1933, стр. 223.
2. ВКП(б) в резолюциях, ч. II, стр. 451.
3. ВКП(б) в резолюциях, ч. II, 1924—1932, стр. 514—530.
4. ВКП)б) в резолюциях, ч. II, стр. 529.
5. ВКП(б) в резолюциях, стр. 529.
6. И. Сталин. Соч., т. 12. стр. 79.
7. И. Сталин. Соч., т. 12, стр. 6—7.
8. Там же, стр. 6—7.
9. Там же, стр. 9.
10. Там же, стр. 1.
11. Там же, стр. 99—100. Последняя фраза «еще неизвестно», по всей вероятности, является позднейшей фальсификацией — вставкой в речь Сталина, чтобы задним числом показать «гениальное» чутье Сталина в отношении «предательства» Бухарина в 1918 году.
12. И. Сталин. Соч., т. 12, стр. 69—70.
13. Там же, стр. 107.
14. ВКП(б) в резолюциях, стр. 510—521.
15. ВКП(б) в резолюциях, стр. 566—567.
16. И. Сталин. Соч., т. 12, стр. 114.
17. Там же, стр. 1—2.
18. Там же, стр. 200.
19. Там же. стр. 177.
20. Le Bon. Psychologie der Massen. Stuttgart, 1951, S. 169.
21. Там же, стр. 171—174.
22. ВКП(б) в резолюциях, стр. 521.
23. И. Сталин. Соч., т. 12, стр. 72.
24. Там же, стр. 74, 75, 76 — три страницы мелким шрифтом.
25. Там же, стр. 77.
26. Там же, стр. 78.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918

Глава XIV. *Приезд на Дон генерала Алексеева и зарождение «Алексеевской организации». Тяга на Дон. Генерал Каледин*

30 октября генерал Алексеев, не перестававший еще надеяться на перемену политической обстановки в Петрограде, с большим трудом согласился на уговоры окружавших его лиц — бросить безнадежное дело и, согласно намеченному ранее плану, ехать на Дон. В сопровождении своего адъютанта ротмистра Шапрона он 20 ноября прибыл в Новочеркасск и в тот же день приступил к организации вооруженной силы, которой суждено было судьбой играть столь значительную роль в истории русской смуты.

Алексеев предполагал воспользоваться юго-восточным районом, в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой, для того чтобы собрать там оставшиеся стойкие элементы — офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат — и организовать из них армию, необходимую для водворения порядка в России. Он знал, что казаки не желали идти вперед для выполнения этой широкой государственной задачи. Но надеялся, «что собственное свое достояние и территорию казаки защищать будут».

Обстановка на Дону оказалась, однако, необыкновенно сложной. Атаман Каледин, познакомившись с планами Алексеева и выслушав просьбу «дать приют русскому офицерству», ответил принципиальным сочувствием; но, считаясь с тем настроением, которое существует в области, просил Алексеева не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность куда-нибудь за пределы области — в Ставрополь или Камышин.

Не обескураженный этим приемом и полным отсутствием денежных средств, Алексеев горячо взялся за дело: в Петроград, в одно благотворительное общество, послана была условная телеграмма об отправке в Новочеркасск офицеров, на Барочной улице помещение одного из лазаретов обращено в офицерское общежитие, ставшее колыбелью добровольчества, и вскоре получено было первое доброхотное пожертвование на «Алексеевскую организацию» — 400 руб. — это все, что в ноябре месяце уделило русское общество своим защитникам. Несколько помогло благотворительное общество. Некоторые финансовые учреждения оправдывали

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 3—12; 1991, № 1—6.

свой отказ в помощи циркулярным письмом генерала Корнилова, требовавшим направления средств исключительно по адресу Завойко. Было трогательно видеть и многим, быть может, казалось несколько смешным, как бывший Верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распоряжавшийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей.

А они стекались — офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старых солдат — сначала одиночно, потом целыми группами. Уходили из советских тюрем, из развалившихся войсковых частей, от большевистской «свободы» и самостийной нетерпимости. Одним удавалось прорываться легко и благополучно через большевистские заградительные кордоны, другие попадали в тюрьмы, заложниками в красноармейские части, иногда... в могилу. Шли все они просто на Дон, не имея никакого представления о том, что их ожидает, — ощупью, во тьме через сплошное большевистское море — туда, где ярким маяком служили вековые традиции казачьей вольницы и имена вождей, которых народная молва упорно связывала с Доном. Приходили измученные, оборванные, голодные, но не павшие духом. Прибыл небольшой кадр Георгиевского полка из Киева, а в конце декабря и Славянский ударный полк, восстановивший здесь свое прежнее имя — «Корниловский».

* * *

Одиссея Корниловского полка чрезвычайно интересна как показатель тех внутренних противоречий, которые ставила революция перед сохранившими верность долгу частями армии.

Корнилов, прощаясь с полком 1 сентября, писал в приказе: «Все ваши мысли, чувства и силы отдайте Родине, многострадальной России. Живите, дышите только мечтою об ее величии, счастьи и славе. Бог в помощь вам». И полк пошел продолжать свою службу на Юго-Западный фронт, в самую гущу озверелой и ненавидевшей его солдатской массы, становясь на защиту велений ненавидимого им правительства. Слабые духом отпадали, сильные держались. В сентябрьскую и октябрьскую полосу бунтов и мятежей правительственные комиссары широко использовали полк для усмирений, так как «революционные войска» — их войска — потеряли образ и подобие не только воинское, но и человеческое. Полк был законопослушен и тем все более навлекал на себя злобу и обвинение в «контрреволюционности».

В последних числах октября, когда в Киеве вспыхнуло большевистское восстание, правительственный комиссар доктор Григорьев[1] от имени Временного правительства просит полк поддержать власть и ведет его в Киев, поставив его там нелепыми и безграмотными в военном отношении распоряжениями в тяжелое положение. На улицах города идет кровавый бой, в котором политическая дьявольская мельница отсеяла три течения: 1) корниловцы и несколько киевских военных училищ (Константиновское, Николаевское, Сергиевское) — на стороне не существующего уже Временного правительства; 2) украинцы совместно с большевиками, руководимые двумя характерными фигурами — генеральным секретарем Петлюрой и большевистским комиссаром Пятаковым; 3) чехи и донские казаки, сохраняющие «нейтралитет» и не желающие «идти против народа».

Опять гибнет стойкая молодежь, расстреливаемая и в бою, и просто на улицах, и в домах — украинцами и большевиками. В разгаре боя комиссар заявляет, что «выступление правительственных войск в Киеве против большевиков натолкнулось на национальное украинское движение, на что он не шел, а потому он приступает к переговорам о выводе правительственных войск»[2].

Власть в городе переходит к Центральной раде в блоке с большевиками. Военные училища отправляются на Дон и Кубань, а Корниловский полк получает приглашение Петлюры остаться... для охраны города! Какие чувства недоумения, подавленности и отчаяния должны были испытывать эти люди среди того сплошного бедлама, в который обратилась русская жизнь!

С большим трудом выведя полк из Киева, Неженцев послал отчаянную телеграмму в Ставку, прося спасти полк от истребления и отпустить его на Дон, на что получено было согласие донского правительства. Ставка, боясь навлечь на себя

подозрение, категорически отказала. Только 18 ноября, накануне ликвидации Ставки, получено было распоряжение Верховного, выраженное условным языком телеграммы: передвинуть полк на Кавказ «для усиления Кавказского фронта и для новых формирований»...

Но было уже поздно: все пути заняты большевиками, «Викжель» им содействует; оставалась только одна возможность присоединения по частям с казачьими эшелонами, которые как «нейтральные» пропускались на восток беспрепятственно. Начинается лихорадочная погрузка полкового имущества. Составили поезд, груженный оружием, пулеметами, обозом, — ни один казачий эшелон не берет его с собою. Тогда полк решается на последнее средство: эшелон с имуществом под небольшой охраной с фальшивым удостоверением о принадлежности его к одной из кавказских частей отправляется самостоятельно, полк распускается, а по начальству доносят, что весь наличный состав разбежался...

И вот, после долгих мытарств, к 19 декабря прибывает в Новочеркасск эшелон Корниловского полка, а к 1 января 1918 г. кружными путями в одиночку и группами собираются 50 офицеров и до 500 солдат.

Передо мною список этих офицеров: бóльшая половина их, в том числе и доблестный командир полка, сложили свои головы на тернистом пути от Курска до Новороссийска и Крыма... Прочие — одни живы, других судьбы не знаю.

Я остановился на этих страницах полковой истории, чтобы показать, в каких муках рождалась на свет Добровольческая армия и в какой суровой жизненной школе закалялись упорство и твердость первых бойцов ее. Была и человеческая накипь, быть может, очень много, но ей не заслонить светлую идею и подвиг добровольчества.

* * *

Пока не определялись еще конкретно ни цели движения, ни лозунги; шел только сбор сил вокруг генерала Алексеева, и имя его служило единственным показателем их политического направления. Но в широких кругах Донской области съезд «контрреволюционного офицерства» и многих людей с одиозными для масс именами вызвал явное опасение и недовольство. Его разжигала и агитация и свободная большевистская печать. Рабочие, в особенности в Ростове и Таганроге, волновались. Степенное казачество видело большие военные приготовления советской власти и считало, что ее волнение и гнев навлекают только непрошенные пришельцы. Этому близорукому взгляду не чуждо было и само донское правительство, думавшее соглашательством с местными революционными учреждениями и лояльностью в отношении советской власти примирить ее с Доном и спасти область от большевистского нашествия. Казачья молодежь, развращенная на фронте, больше всего боялась опостылевшей всем войны и враждебно смотрела на тех, кто может вовлечь ее в «новую бойню». Сочувствующая нам интеллигенция была, как везде, безгласна и бессильна.

С Дона выдачи нет! Эта старинная формула исторической казачьей традиции, значительно, впрочем, поблекшая в дни революции, действовала все же на самолюбие казаков и служила единственным оправданием Каледину в его «попустительстве» по отношению к нежелательным пришельцам. Но по мере того как рос приток добровольцев, усиливалось давление на атамана извне и увеличивалось его беспокойство. Он не мог отказать в приюте бездомным офицерам и не хотел раздражать казачество. Каледин просил Алексеева не раз ускорить переезд организации, а пока не делать никаких официальных выступлений и вести дело в возможной тайне.

Такое положение до крайности осложняло развитие организации. Без огласки, без средств, не получая никакого содействия от донского правительства — небольшую помощь, впрочем, оказывали Каледин и его жена тайком, в порядке благотворительности «беженцам», — Алексеев выбивался из сил, взывал к глухим, будил спящих, писал, требовал, отдавая всю свою энергию и силы своему «последнему делу на земле», как любил говорить старый вождь.

Жизнь однако ломала предрассудки: уже 20 ноября атаман Каледин, желая разоружить стоявшие в Новочеркасске два большевистских запасных полка, кроме юнкеров и конвойной сотни, не нашел послушных себе донских частей и вынужден

был обратиться за помощью в Алексеевскую организацию. Первый раз город увидел мерно и в порядке идущий офицерский отряд.

* * *

Приехав в Новочеркасск около 22 ноября, я не застал ген. Алексеева, уехавшего в Екатеринодар на заседание правительства Юго-восточного союза. Направился к Каледину, с которым меня связывали давнишнее знакомство и совместная боевая служба. В атаманском дворце пустынно и тихо. Каледин сидел в своем огромном кабинете один, как будто придавленный неизбежным горем, осунувшийся, с бесконечно усталыми глазами. Не узнал. Обрадовался. Очертил мне кратко обстановку.

Власти нет, силы нет, казачество заболело, как и вся Россия. Крыленко направляет на Дон карательные экспедиции с фронта. Черноморский флот прислал ультимативное требование «признать власть за Советами рабочих и солдатских депутатов». В Макеевском районе объявлена «Донецкая социалистическая республика». Вчера к Таганрогу подошел миноносец, несколько траллеров с большим отрядом матросов; траллеры прошли гирла Дона и вошли в ростовский порт. Военно-революционный комитет Ростова выпустил воззвание, призывая начать открытую борьбу против «контрреволюционного казачества». А донцы бороться не хотят. Сотни, посланные в Ростов, отказались войти в город. Атаман был под свежим еще гнетущим впечатлением разговора с каким-то полком или батареей, стоявшими в Новочеркасске. Казаки хмуро слушали своего атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил: «Да что там слушать, знаем, надоели!» И казаки просто разошлись.

Два раза я еще был у атамана с Романовским — никакого просвета, никаких перспектив. Несколько раз при мне Каледина вызывали к телефону, он выслушивал доклад, отдавал распоряжение спокойным и теперь каким-то бесстрастным голосом и, положив трубку, повернул ко мне свое угрюмое лицо со страдальческой улыбкой. «Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся — хорошо, нет — казачья песня спета». Я просил его высказаться совершенно откровенно о возможности нашего пребывания на Дону, не создаст ли это для него новых политических осложнений с войсковым правительством и революционными учреждениями. «На Дону приют вам обеспечен. Но, по правде сказать, лучше было бы вам, пока не разъяснится обстановка, переждать где-нибудь на Кавказе или в кубанских станицах...» «И Корнилову?» «Да, тем более».

Я уважал Каледина и нисколько не обиделся за этот совет: атаману виднее, очевидно, так нужно. Но, знакомясь ближе с жизнью Дона, я приходил к выводу, что все направление политики и даже внешние этапы жизни донского правительства и представительных органов сильно напоминали общий характер деятельности и судьбы общерусской власти... Это было тем более странно, что во главе Дона стоял человек, несомненно, государственный, казалось, сильный и, во всяком случае, мужественный.

Каледина я знал еще до войны по службе в Киевском военном округе. Тогда военная жизнь была проще и требования ее — элементарнее. Знающий, честный, угрюмый, настойчивый, быть может, упрямый. Этим и ограничивались мои впечатления. В первый месяц войны 12-я дивизия, которою он командовал, шла перед фронтом 8-й армии Брусилова в качестве армейской конницы. Брусилов был недоволен действиями конницы и высказывал неодобрение Каледину. Но скоро отношение переменилось. Успех за успехом дал имя и дивизии и ее начальнику. В победных реляциях Юго-западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников — только двух — конница в эту войну перестала быть «царицей поля сражения» — графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили в бой свои войска. Но один делал это — вовсе не рисуясь — это выходило само собой — эффектно и красиво, как на батальных картинах старой школы, другой просто, скромно и расчетливо. Войска обоим верили и за обоими шли. Неумолимая судьба привела их к одинаковому концу: оба, следуя совершенно разными путями, в

последнем жизненном бою погибли на проволочных заграждениях, сплетенных дикими парадоксами революции.

Наши встречи с Калединым носили эпизодический характер, связаны с воспоминаниями о тяжких боях и могут дать несколько характерных черточек к его биографии. Помню встречу под Самбором, в предгорьях Карпат, в начале октября 1914 года. Моя 4-я стрелковая бригада вела тяжелый бой с австрийцами, которые обтекали наш фронт и прорывались уже долиной Кобло в обход Самбора. Неожиданно встречаю на походе Каледина с 12-й кавалерийской дивизией, получившей от штаба армии приказание спешно идти на восток, к Дорогобычу. Каледин, узнав о положении, не задумываясь ни минуты перед исполнением приказа крутого Брусилова, остановил дивизию до другого дня и бросил в бой часть своих сил. По той быстроте, с которой двинулись эскадроны и батареи, видно было, как твердо держал их в руках начальник.

В конце января 15-го года судьба позволила мне отплатить самборский долг. Отряд Каледина дрался в горах на Ужгородском направлении, и мне приказано было усилить его, войдя в подчинение Каледину.

В хате, где расположился штаб, кроме начальника отряда, собрались командир пехотной бригады генерал Попович-Липовац и я со своим начальником штаба Марковым. Каледин долго, пространно объяснял нам маневр, вмешиваясь в нашу компетенцию, давая указания не только бригадам, но даже батальонам и батареям.

Когда мы уходили, Марков сильно нервничал: «Что это он, за дураков нас считает?!» Я успокоил его, высказав предположение, что разговор относился преимущественно к Липовацу — храброму черногорцу, но мало грамотному генералу. Но началось сражение, а из штаба отряда шли детальные распоряжения, сбивавшие мои планы и вносившие нервность в работу и раздражение среди исполнителей.

Помню такой эпизод: на третий день боя наблюдаю, что какая-то наша батарея стреляет ошибочно по своим; стрелки негодуют и жалуются по всем телефонам; набрасываюсь на батарейных командиров; получаю ответ, что цели видны прекрасно, и ни одна из батарей не стреляет в этом направлении. Приказал на несколько минут прекратить огонь всей артиллерии; продолжаются довольно удачные разрывы... над нашими цепями. Бросились искать таинственную артиллерию и нашли, наконец: в трехстах шагах за моим наблюдательным пунктом, в лощине стоит донская батарея, которую Каледин послал ко мне на подмогу, указав ей сам путь, место и даже задачу и цели.

Началась неприятная нервная переписка. Дня через два приезжает из штаба отряда офицер Генерального штаба «ознакомиться с обстановкой». «Это официально, — говорит он мне. — А неофициально хотел доложить по одному деликатному вопросу. Вы не сердитесь. Генерал всегда так вначале недоверчиво относится к частям, пока не познакомится. Теперь он очень доволен действиями стрелков, поставил вам задачу и больше вмешиваться не будет». «Ну спасибо, кланяйтесь генералу и доложите, чтоб был спокоен, австрийцев разобьем».

Сильный мороз; снег по грудь; бой чрезвычайно тяжелый; уже идет в дело последний резерв Каледина — спешенная его кавалерийская бригада. Я никогда не забуду этого жуткого поля смерти, где весь путь, пройденный стрелками, обозначался торчащими из снега неподвижными фигурами с зажатыми в руках ружьями. Они застыли в тех позах, в каких застигла их вражеская пуля во время перебежки. А между ними, утопая в снегу, смешиваясь с мертвыми, прикрываясь их телами, пробирались живые навстречу смерти. Бригада растаяла.

Каледин не любил и не умел говорить красивых, возбуждающих слов. Но когда он раза два приехал к моим полкам, посидел на утесе, обстреливаемом жестоким огнем, спокойно расспрашивая стрелков о ходе боя и интересуясь их действиями, этого было достаточно, чтобы возбудить их доверие и уважение. После тяжких боев взята была стрелками деревня Лутовиско — центр позиции, потребовавший смерти многих храбрых, — и отряд, разбив австрийцев, отбросил их за Сан.

Май 1916 года застает Каледина в роли командующего 8-й армией. Он сменил Брусилова, назначенного главнокомандующим армиями Юго-западного фронта. Назревала большая операция, первоначальные приготовления к которой сделаны были Брусиловым. И, как это ни странно, но Брусилов, обязанный всей своей славой 8-й армии, почти два года пробывший во главе ее, испытывал какую-то, быть

может, безотчетную ревность к своему заместителю, которая проглядывала во всех их взаимоотношениях и в дни побед и еще более в дни неудач.

Помню, как главнокомандующий прислал своего начальника штаба, генерала Клембовского проверить подготовку ударного фронта 8-й армии, выразил в приказе неудовольствие и потом приписал участию Клембовского весьма преувеличенное значение в успехе операции, наградив его георгиевским оружием. Позиции моей дивизии посетили и Клембовский и Каледин. Первый был необыкновенно учтив и высказывал удовольствие от всего виденного, а потом вдруг в приказе Брусилова появилось несколько неприятных замечаний. Это казалось несправедливым, направленным через наши головы в штаб армии, а главное ненужным: своего опыта было достаточно, и все с огромным подъемом готовились к штурму. Второй — приехал как всегда угрюмый, тщательно осмотрел боевую линию, не похвалил и не побранил, а, уезжая, сказал: «Верю, что стрелки прорвут позицию». В его устах эта простая фраза имела большой вес и значение для дивизии.

В конце мая началось большое наступление всего фронта, увенчавшееся огромной победой, доставившее новую славу и главнокомандующему и генералу Каледину. Его армия разбила наголову 4-ю австрийскую армию Линзингена и в 9 дней с кровавыми боями проникла на 70 верст вперед, в направлении Владимир-Волынска. На фоне общей героической борьбы не прошла бесследно и боевая работа 4-й стрелковой дивизии, которая на третий день после прорыва австрийских позиций у Олыки ворвалась уже в город Луцк.

В июне и в июле шли еще горячие бои в 8-й армии, но к осени, после прибытия больших немецких подкреплений, установилось какое-то равновесие: армия атаковала в общем направлении от Луцка на Львов — у Затурцы, Шельвова, Корытницы, вводила в бой большое число орудий и крупные силы, несла неизменно очень тяжелые потери и не могла побороть сопротивления врага. Было очевидно, что здесь играют роль не столько недочеты управления и морального состояния войск, сколько то обстоятельство, что наступил предел человеческой возможности: фронт, пересыщенный смертоносной техникой и огромным количеством живой силы, стал окончательно непреодолимым и для нас, и для немцев; нужно было бросить его и приступить, не теряя времени, к новой операции, начав переброску сил на другое направление.

В начале сентября я командовал уже 8-м корпусом и совместно с гвардией и 5-м сибирским корпусом повторил отчаянные кровопролитные и бесплодные атаки в районе Корытницы. Вначале еще как-то верилось в возможность успеха. Но скоро не только среди офицеров, но и в солдатской массе зародилось сомнение в целесообразности наших жертв. Появились уже признаки некоторого разложения: перед атакой все ходы сообщения бывали забиты солдатами перемешанных частей и нужны были огромные усилия, чтобы продвинуть батальоны навстречу сплошному потоку чугуна и свинца, с не прекращавшимся ни на минуту диким ревом бороздивших землю, подвинуть на проволочные заграждения, на которых висели и тлели не убранные еще от предыдущих дней трупы.

Но Брусилов был неумолим, и Каледин приказывал повторять атаки. Он приезжал в корпус на наблюдательный пункт, оставался по целым часам, ни с кем из нас не повидавшись, мрачнее тучи. Брусилов не мог допустить, что 8-я армия — его армия — топчется на месте, терпит неудачи, в то время как другие армии, Щербачева и Лечицкого, продолжают победное движение. Я уверен, что именно этот психологический мотив заслонял собою все стратегические соображения. Брусилов считал, что причина неудачи кроется в недостаточной настойчивости его преемника, и несколько раз письменно и по аппарату посылал ему резкие, обидные и несправедливые упреки. Каледин нервничал, страдал нравственно и говорил мне, что рад бы сейчас сдать армию и уйти в отставку, как бы это ни было тяжело для него, но сам уйти не может — не позволяет долг.

После одного неудачного штурма и очередного неприятного разговора с главнокомандующим Каледин пригласил нас — пять корпусных командиров — к себе; не предлагая сесть, чрезвычайно резко и сурово осудил действия войск и потребовал прорыва неприятельских позиций во что бы то ни стало. Через несколько дней — новый штурм, новые ручьи крови и... полный неуспех. Когда на другой день я получил приказ из армии «продолжать выполнение задачи», в душу невольно закралось жуткое чувство безнадежности. Но через несколько часов Каледин прислал в дополнение к официальному приказу частное «разъяснение», сводившее все общее наступление к затяжным местным боям, имевшим характер исправления фронта. В первый раз, вероятно, суровый и честный солдат обошел кривым путем подводный камень воинской дисциплины. Боевая деятельность на фронте армий с этого дня постепенно начала замирать.

Когда вспыхнула революция и в армию хлынули потоком роковые идеи «демократизации», Каледин органически не в состоянии был не только принять «демократизацию», но даже подойти к ней. Он резко отвернулся от революционных учреждений и еще глубже ушел в себя. Комитеты выразили протест, а Брусилов в середине апреля сказал генералу Алексееву: «Каледин потерял сердце и не понимает духа времени. Его необходимо убрать. Во всяком случае на моем фронте ему оставаться нельзя».

Вновь назначенный главнокомандующий Румынского фронта генерал Щербачев согласился было предоставить Каледину 6-ю армию вместо Цурикова, окончательно запутавшегося в демагогии. Но по требованию комитетов Цуриков был оставлен. Тогда я, будучи весною начальником штаба Верховного, предложил Каледину 5-ю армию на Северном фронте и вошел в соответственные сношения по этому поводу. Но генерал Драгомиров отстаивал своего кандидата — Юрия Данилова. Верховный не поддержал меня, и для генерала Каледина, давшего армии столько побед, не нашлось больше места на фронте: он ушел на покой в Военный совет.

Когда из Петрограда Каледин ехал на Дон и его спросили — согласится ли он принять пост донского атамана, на который его выдвигают донские деятели, он ответил: «Никогда! Донским казакам я готов отдать жизнь; но то, что будет — это будет не народ, а будут советы, комитеты, советики, комитетики. Пользы быть не может. Пусть идут другие. Я — никогда»[3]. Но, избранный огромным большинством голосов, после неоднократных отказов Каледин сдался. И 18 июня Донской круг постановил: «По праву древней обыкновенности избрания войсковых атаманов, нарушенному волею Петра I в лето 1709 и ныне восстановленному, избрали мы тебя нашим войсковым атаманом»... Каледин принял власть, «как тяжелый крест». Он говорил: «Я пришел на Дон с чистым именем воина, а уйду, быть может, с проклятиями...»

Русский патриот и Донской атаман! В этом двойственном бытии — трагедия жизни Каледина и разгадка его самоубийства. Этот всей революционной демократией и темной толпой подозреваемый, уличаемый и обвиняемый человек проявлял удивительную лояльность, такое уважение к принципам демократии и к воле казачества, его избравшего, как ни один из вождей революции. В этом было его моральное оправдание и политическое бессилие. Он мыслил и чувствовал как русский патриот; жил в эти месяцы, работал и умер как донской атаман. Каледин ставил себе государственные задачи так же ясно, как Алексеев и Корнилов и не менее страстно, чем они, желал освобождения страны. Но в то время, когда они, ничем не связанные, могли идти на Кубань, на Волгу, в Сибирь — всюду, где можно было найти отклик на их призыв, Каледин — выборной атаман, отнесшийся к своему избранию, как к некоему мистическому предопределению, кровно связанный с казачеством и любивший Дон, мог идти к общерусским национальным целям только вместе с донским войском, только возбудив в нем порыв, подняв чувство если не государственности, то по крайней мере самосохранения. Когда пропала вера в свои силы и в разум Дона, когда атаман почувствовал себя совершенно одиноким, он ушел из жизни. Ждать исцеления Дона не было сил.

Глава XV. *Общий очерк военно-политического положения в начале 1918 г. Украины, Дона, Кубани, Северного Кавказа и Закавказья*

Итак, распад центральной власти вызвал временную балканизацию Русского государства по признакам национальным, территориальным, историческим, псевдоисторическим, подчас совершенно случайным, обусловленным местным соотношением сил. Наиболее серьезное значение в этом пестром калейдоскопе новообразований, более или менее склонных сопротивляться распространению власти народных комиссаров, приобрели первое время Украина и Юго-Восток России. В их сто-

рону поэтому с наибольшей силой обрушился большевизм. Для объяснения общей обстановки, в которой протекала первоначально борьба Добровольческой армии, необходимо предпослать краткий очерк событий в этих новообразованиях.

* * *

Центральная рада, прикрываясь успокоительными фразами о нерушимости государственной связи с Россией и непризнании лишь правительственного режима ее, продолжала вести шовинистическую политику в отношении России и русских, делая тем заведомо невозможным сложение противобольшевистских сил. Тем более, что территория Украины была насыщена русскими войсками Юго-Западного, отчасти Румынского фронтов, а в центре новообразования, его столице — Киеве насчитывалось всего лишь 9% населения, считающего своим родным языком украинский. Приступая к организации обороны, Рада, вместе с тем, настойчиво добивалась соглашения с советской властью и повела одновременно секретные переговоры о мире с Центральными державами.

Военное положение Украины представляло картину невероятного хаоса. В декабре ген. Щербачев, «согласно постановлению Украинской народной республики», принял на себя главное командование войсками Юго-Западного и Румынского фронтов, став, таким образом, в двойственное подчинение: к Центральной раде и — на территории Румынского фронта — к комитету национальных комиссаров, «согласующему свои действия с директивами Украины». Военный комиссариат последней (Петлюра), владея базой снабжения обоих фронтов, стал поэтому фактически руководителем их, поскольку этот термин уместен в применении к анархической солдатской массе.

Петлюра приступил к демобилизации «русских частей» и к формированию «однородной украинской армии», вместе с тем стараясь притянуть те украинизированные войска, которые оставались еще на других фронтах. На всем пространстве Юго-западного края и Новороссии шло разоружение и роспуск неукраинских частей, передвигались эшелоны войск «украинских», большевистских, просто русских, «ничьих», наконец, дезертиров. Все они имели одинаковую моральную и боевую ценность, одинаково не желали вести серьезных военных действий, закупоривали станции, оседали временно в попутных городах, иногда вступали в бой друг с другом и чинили погромы. Никакой идеи, никакого национального движения в этом переселении по существу не было; вместо отслаивания шла все большая путаница и в организации и в солдатских умах, все большее недоумение и озлобление, выливавшиеся иногда в жестоких формах теперь уже междоусобной розни.

Петлюра, очевидно, для внешнего престижа, создал легенду о 3-х миллионах украинского войска; союзники, особенно французы, удивительно плохо разбиравшиеся в русских делах, строили иллюзорные планы на создании нового Южного фронта. Один скрывал, другие не понимали, что, помимо общих неблагоприятных условий, на тощей почве украинского неопатриотизма нельзя строить ни народного воодушевления, ни народной армии. Взаимоотношения с советской властью оставались совершенно неопределенными, и в половине декабря украинский секретариат предъявил Петрограду «ультимативный» запрос: «Воюем мы, или нет?»

Действительно, в этом хаосе трудно было определить сущность взаимоотношений двух столкнувшихся «высоких сторон», у которых к тому же ни у одной не было настоящей армии... Тем не менее постепенно стало выясняться, что большевистские банды Красной гвардии медленно, но безостановочно распространяются по Украине и целый ряд пунктов на севере ее признают большевистскую власть. Чтобы держать прочно в своих руках по крайней мере Киев, Петлюра вновь пытался прибегнуть к тому универсальному средству, которое практиковалось во все времена и на всех политических фронтах: при посредстве Маркотуна он обратился за содействием к В. Шульгину, для привлечения русских офицеров в украинские части. Петлюра якобы был готов тогда порвать с большевизмом Винниченки и с австрофильством Грушевского[I], утверждая, что «имеет только двух врагов — немцев и большевиков и только одного друга — Россию»[4]. Но соглашение не состоялось, да было и поздно.

12 января Малая рада опубликовала 4-й универсал, в силу которого «Украинская народная республика» становилась «самостоятельной, суверенной державой украинского народа», причем украинскому Учредительному собранию предстояло

решить «про федеративную связь с народными республиками бывшей Российской империи»... Суверенитет, однако, продолжался только две недели. Уже 16-го в самом Киеве вспыхнуло восстание. Восставшие большевики — русские, украинские и инородные — овладели арсеналом; началась всеобщая забастовка, поддержанная 35-ю профессиональными союзами; к восставшим присоединились и украинские части. И когда 26 января к Киеву подошла незначительная советская банда Муравьева[II], город немедленно перешел в ее руки. Рада, правительство и Петлюра бежали.

Во всех этих событиях, в точности повторяющих повесть падения других русских городов и областей, поражает полное отсутствие национального момента в идее борьбы или, по крайней мере, совершенно ничтожное его знание. Советское правительство объявило, что оно ведет борьбу не против Украинской республики, а против Центральной рады, ввиду ее «явно контрреволюционной политики»[5]. Этому лозунгу — лживому, но по крайней мере определенному и популярному в массах, Украина могла противополагать лишь полный разброд народных устремлений, слагавшихся из крайне разнообразных факторов.

В области социальной — острое недовольство рабочих Киева, Одессы, Харькова и других фабричных центров и индифферентное отношение крестьянства, занятого черным переделом, согласно 3-му универсалу; в отношении политическом — влияние, которое издавна оказывали на Раду Центральные державы, стремление к власти политиканствовавших украинских кругов, колебания или безучастие русских людей, поставленных между большевизмом и самостийностью; наконец, просто — чувство самосохранения, объединявшее более благоразумную часть населения и желание спасти край от моральных и физических последствий нашествия большевиков.

Но клич «Хай живе вильна Украйна» совершенно не будил ни разума, ни чувства в сколько-нибудь широких кругах населения, отзываясь неестественной бутафорией. Ничего «народного», «общественного», «национального» не было в столкновении советских и украинских банд — безыдейных, малочисленных и неорганизованных. И вовсе не они решили исход событий: было ясно, что большевизм советов побеждал психологически полубольшевизм Рады, петроградский централизм брал верх над киевским сепаратизмом. Как бы то ни было, 4-й универсал дал немцам официальный предлог «признать» Украинскую республику, заключить с ней мир (27 января) и впоследствии приступить к фактической оккупации всего хлебородного Юга России.

Обстановка, сложившаяся на Украине к январю 1918 года, оказала чрезвычайно неблагоприятное влияние на положение Юго-Востока, в частности Дона. До тех пор с фронта беспрепятственно пропускались на Дон и на Кавказ казачьи эшелоны, и Рада из чувства самосохранения не допускала прохода через украинскую территорию большевистских войск. Теперь для большевиков открывались прямые пути на Дон, до крайности затруднялся приток пополнений в Добровольческую армию и прекращался подвоз военного снаряжения из богатых запасов Юго-западного фронта, до сих пор, хоть и не в большом количестве, просачивавшихся с попутными эшелонами.

* * *

Первый Донской круг дал пернач выборному атаману, но не дал ему власти. Во главе области поставлено было «войсковое правительство», состоявшее из 14 старшин, избранных каждым округом «излюбленных людей», вне всякой зависимости от их государственного, общественного и просто делового стажа. Атаман являлся только председателем в заседаниях правительства, а его помощник — членом. Эти заседания имели характер заседаний провинциальной городской думы с нудными, митинговыми, а главное лишенными практического значения словопрениями. Деятельность эта не оставила по себе никакого следа в истории Дона, и на тусклом фоне ее меркли крупный и твердый государственный разум Каледина и яркий молодой порыв донского баяна Митрофана Богаевского.

Каледин отзывался в разговорах со мной о правительстве с большой горечью. Богаевский выражался о нем осторожно и деликатно: оно «по своему составу было не сильно: члены правительства были люди безусловно честные и добросовестные,

но не смогли сразу охватить всей колоссальной работы»[6]. Во всяком случае, в среде правительства государственные взгляды Каледина поддержки не нашли, и ему предстояло идти или путем «революционным», наперекор правительству и настроениям казачества, или путем «конституционным», демократическим, которым он пошел и который привел его и Дон к самоубийству.

В первое время после октябрьского переворота донская власть искала связи с обломками Временного правительства[7] при помощи таких несерьезных посредников, как бывший командующий войсками Московского округа Грузинов и крупный темный делец Молдавский. Но правительство сгинуло, и Каледину поневоле приходилось на Дону принимать на себя функции центральной власти, что он делал с большой осмотрительностью и даже нерешительностью. Вместе с тем, чтобы получить более широкую народную опору, донское правительство 20 ноября обратилось к населению области с весьма либеральной декларацией, созывая на 29 декабря единовременный съезд казачьего и крестьянского населения для устроения жизни Донской области и привлечения к участию в управлении краем пришлого элемента.

В начале января вопрос этот разрешился образованием коалиционного министерства на паритетных началах, причем 7 мест было предоставлено казачеству и 7 иногородним. 3-й донской круг, впредь до установления законодательного органа, предоставил правительству всю полноту власти. Но иногородний съезд ограничил ее выделением дел, касающихся неказачьего населения, из общей компетенции правительства и передачей их на усмотрение иногородней половины его. Это расширение базы и привлечение в состав правительства демагогов-интеллигентов и революционной демократии, быть может полнее отражая колеблющееся, неустойчивое настроение области, вызвало, как увидим ниже, паралич власти в основном и для этого времени единственно жизненном вопросе — борьбе с большевизмом.

Крестьянство, составлявшее 48% населения области, увлеченное широкими посулами большевиков, не удовлетворялось теми мероприятиями, которые принимала донская власть — введением земства в крестьянских округах, привлечением крестьян к участию в станичном самоуправлении, широком приеме их в казачье сословие и наделением 3 миллионами десятин отбираемой у помещиков земли. Под влиянием пропаганды пришлого социалистического элемента крестьянство ставило непримиримо требование общего раздела всей казачьей земли[8]. Рабочая среда — наименьшая численно (10—11%), но сосредоточенная в важных центрах и наиболее беспокойная — не скрывала своих явных симпатий к советской власти.

Революционная демократия не изжила своей прежней психологии и с удивительным ослеплением продолжала ту разрушительную политику, которую она вела в Таврическом дворце и в Смольном и которая погубила уже ее дело в общерусском масштабе. Блок с.-д. меньшевиков и с.-р.-ов царил на всех крестьянских, иногородних съездах, в городских думах, Советах солдатских и рабочих депутатов, в профессиональных организациях и межпартийных собраниях. Не проходило ни одного заседания, где бы не выносились резолюции недоверия атаману и правительству, где бы не слышалось протестов против всякой меры, вызванной военными обстоятельствами и анархией.

Они протестовали против военного положения, против разоружения большевистских полков, против арестов большевистских агитаторов. Они проповедовали нейтралитет и примирение с той силой, которая шла напролом и устами одного из своих военных начальников, шедших покорять Дон, объявляла: «Требую от всех встать за нас, или против нас. Нейтральности не признаю»[9]. Была ли эта деятельность результатом серьезного сложившегося убеждения? Конечно, нет: к ней обязывала партийная дисциплина и партийная нетерпимость. На одном из собраний нар. соц. Шик, характеризуя позицию, занятую социалистами ростовской думы, говорил: «В тиши (они) мечтают о казачьей силе, а в своих официальных выступлениях эту силу чернят».

Но недоверие и неудовлетворенность деятельностью атамана Каледина нарастали и в противоположном лагере. В представлении кругов Добровольческой армии и ее руководителей, доверявших вполне Каледину, казалось, однако, недопустимым полное отсутствие дерзания с его стороны. Русские общественные деятели, собравшиеся со всех концов в Новочеркасск, осуждали медлительность в деле спасения России, политиканство, нерешительность донского правительства. Это обвинение на одном собрании вызвало горячую отповедь Каледина: «А вы что сделали?.. Я лично отдаю Родине и Дону свои силы, не пожалею и своей жизни. Но весь вопрос в том, имеем ли мы право выступить сейчас же, можем ли мы рассчитывать на широкое народное движение... Развал общий. Русская общественность прячется где-то на задворках, не смея возвысить голоса против большевиков... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сделать точный учет всех сил и поступить так, как ему подсказывает чувство долга перед Доном и перед Родиной».

В сознании русской общественности возникло еще одно опасение, навеянное впечатлениями речей местных трибунов, терявших душевное равновесие и чувство государственности. Отражением этого настроения появилась статья в сдержанном кадетском органе «Ростовская речь»[10] — в которой высказывалось опасение, чтобы «организация государственной власти на местах — этот своеобразный сепаратизм «областных республик»... не превратилась из средства в цель, и чтобы... борьба против насилия и узурпации государственной власти не превратилась в конечном итоге в борьбу против самой свободы, добытой революцией, и против государственной власти как таковой».

Во всяком случае Дон не давал достаточных поводов к такому опасению, а лично Каледин этого упрека не заслуживал совершенно. Он был вполне искренен, когда на областном съезде иногородних 30 декабря говорил: «Не признав власти комиссаров, мы принуждены были создать государственную власть здесь, к чему мы никогда раньше не стремились. Мы хотели лишь широкой автономии, но отнюдь не отделения от России». В такой обстановке протекала трудная работа Каледина.

Когда в ночь на 26 ноября произошло выступление большевиков в Ростове и Таганроге и власть в них перешла в руки военно-революционных комитетов, Каледин, которому «было страшно пролить первую кровь»[11], решился, однако, вступить в вооруженную борьбу. Но казаки не пошли. В этот вечер сумрачный атаман пришел к генералу Алексееву и сказал: «Михаил Васильевич! Я пришел к вам за помощью. Будем как братья помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти». Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил ему: «Дорогой Алексей Максимович! Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела».

Офицерство и юнкера на Барочной были мобилизованы, составив отряд в 400—500 штыков, к ним присоединилась донская молодежь — гимназисты, кадеты, позднее одумались несколько казачьих частей, и Ростов был взят.

С этого дня Алексеевская организация получила право на легальное существование. Однако отношение к ней оставалось только терпимым, выражаясь не раз в официальных постановлениях донских учреждений в формах обидных и даже унизительных. В частном заседании 3-го круга говорили: «Пусть армия существует; но, если она пойдет против народа, она должна быть расформирована». Значительно резче звучало постановление съезда иногородних, требовавшего «разоружения и роспуска Добровольческой армии[12], борющейся против наступающего войска революционной демократии». С большим трудом войсковому правительству удалось прийти со съездом к соглашению, в силу которого Д. А., как говорилось в декларации, «существующая в целях защиты Донской области от большевиков, объявивших войну Дону, и в целях борьбы за Учредительное собрание, должна находиться под контролем объединенного правительства и, в случае установления наличности в этой армии элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области»[13].

Неудивительно, что с первых же шагов в сознании добровольчества возникло острое чувство обиды и беспокойное сомнение в целесообразности новых жертв, приносимых не во имя простой и ясной идеи отчизны, а за негостеприимный край, не желающий защищать свои пределы, и за абстрактную формулу, в которую после 5 января обратилось Учредительное собрание. Измученному воображению представлялось повторение картин Петрограда, Москвы, Киева, где лозунги оказались фальшивыми, доверие растоптано и подвиг оплеван. Поддерживала только вера в вождей.

* * *

Под влиянием беседы с Калединым, Лукомский уехал во Владикавказ, я и Марков на Кубань. Романовский, решив, что имя его не так одиозно, как наши, и не доставит огорчения донскому правительству, остался в Новочеркасске и принял участие в Алексеевской организации. Условились, что нам дадут знать немедленно, как только приедет Корнилов и выяснятся ближайшие перспективы нашей работы.

Прожили мы на Кубани первую неделю в станице Славянской, потом я переехал в Екатеринодар, пользуясь документом на имя «Домбровского». То, что я увидел на Кубани, привело меня в большое недоумение своим резким контрастом с оценкой Каледина. Внутреннее состояние здесь было еще более сложно и тревожно, чем на Дону. И если оно не прорывалось крупными волнениями, то только потому, что «внутренний фронт» был далеко и Донская область прикрывала Кубань от непосредственной угрозы воинствующего большевизма.

Тот разрыв государственных связей с центром, который на Дону наступил в силу крушения Временного правительства, на Кубани существовал давно, будучи вызван другими, менее объективными причинами. Еще 5 октября, при решительном протесте представителя Временного правительства, Краевая казачья рада приняла постановление о выделении края в самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся «равноправным, самоуправляющимся членом федерации народов России». При этом право выбора в новый орган управления предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно «коренному» иногороднему населению[14], т. е. почти половина области лишена была избирательных прав[15].

Во главе правительства, состоявшего по преимуществу из социалистов, был поставлен войсковой атаман, полковник Филимонов — человек, обладавший, несомненно, более государственными взглядами, нежели его сотрудники, но недостаточно сильный и самостоятельный, чтобы внести свою индивидуальность в направление деятельности правительства. Решение Рады принято было значительным большинством голосов, составленным из оригинального сочетания «стариков» — консервативного элемента, несколько патриархальной складки, чуждого всяких политических тенденций, и казачьей интеллигенции. Эта последняя носила партийные названия с.-р-ов и с.-дков; но, вскормленная на сытом хлебе привольных кубанских полей, она пользовалась социалистическими теориями только в качестве внешнего одеяния и для «экспорта», сохраняя у себя дома в силе все кастовые традиционные перегородки. Против решения Рады были фронтовые казаки и коренные крестьяне; последние, выразив протест против непатриотического и недемократического, по их убеждению, закона, вышли из состава Рады.

Мотивами к такому негосударственному решению вопроса — отделению «Кубанской республики» — послужили тревога «стариков» за участь казачьих земель, которым угрожала общерусская земельная политика, честолюбие кубанской социалистической интеллигенции, жаждавшей трибуны и портфелей, и, наконец, украинские влияния, весьма сильные среди представителей черноморских округов.

Рознь между казачьим и иногородним населением приняла еще более острые формы: наверху, в представительных учреждениях, она проявлялась непрекращавшейся политической борьбой, внизу, в станицах — народной смутой, расчищавшей путь большевизму. Казачьи социалисты не учли соотношения сил. Против Рады и правительства встало не только иногороднее население, но и фронтовое казачество; эти элементы обладали явным численным перевесом, а главное — большим дерзанием и буйной натурой.

Большевизм пришел в массу иногородних, найдя в различных слоях их такую же почву, как и везде в России, осложненную вдобавок чувством острого недовольства против земельных и политических привилегий господствующего класса — казачества. Но фронтовая молодежь не имела решительно никаких данных в политических, бытовых, социальных условиях жизни Кубани для восприятия большевизма. Ее толкнули к нему только психологические причины: пьяный угар обезумевшей солдатчины на фронте, принимавший заразительные формы, безотчетное сознание силы в новом нашествии, усталость от войны и нежелание дальнейшей борьбы в какой бы то ни было форме; наконец, сильнейшая агитация большевиков, угрожавших кровавой расправой в случае сопротивления и обещавших не касаться внутреннего казачьего уклада, имущества и земель в случае покорности.

Был еще один элемент на Кубани, по природе своей глубоко враждебный большевизму; это — черкесский народ, вызывавший большие и необоснованные надежды на Дону и в кругах Добровольческой армии в качестве одного из источников комплектования противобольшевистской вооруженной силы. Бедные, темные, замкнутые в узких рамках архаического быта, черкесы оказались наименее воинственным элементом на Кавказе и приняли большевистскую власть с наибольшей покорностью и с наиболее тяжелыми жертвами. Формирования же черкесских частей впоследствии окончились полной неудачей: полки эти были страшнее для мирного населения, чем для противника.

В конечном результате, когда Каледин, чтобы создать в глазах донских казаков некоторую иллюзию общеказачьего фронта, просил Кубанского атамана прислать на Дон хоть один пластунский батальон, такого на Кубани не оказалось. Кубанские части не шли войной против своего правительства, но не шли также и против большевиков и приказания своей выборной власти не исполнили. Кубанскому правительству в декабре пришлось прибегнуть в свою очередь к универсальному средству — формированию добровольческого отряда из офицеров и юнкеров, заброшенных судьбою на Кубань. Формирование это поручено было капитану-летчику Покровскому[IV]. И здесь перед элементом государственным, каким являлось офицерство, встали смутные, неясные цели: защита «Кубанской республики» и ее социалистического, отчасти украинофильского правительства.

Почтенный старик Ф. Щербина, историк Кубанского края, приводит статистические данные по вопросу распространения на Кубани большевизма как доказательство полной чужеродности его казачьей среде. Поражены им были прежде всего и главным образом станицы, лежавшие на железнодорожных путях из Ростова и Закавказья, откуда шли солдатские эшелоны и возвращались фронтовые казаки. Баталпашинский, например, отдел, расположенный в стороне от магистралей, сохранился дольше и лучше всех. Мартиролог Кубанских станиц, переходивших в большевизм, выражается следующими цифрами: 1917 г. — август — 3, сентябрь — 2, октябрь — 5, ноябрь — 5, декабрь — 10; 1918 г. — январь — 20, февраль — 16, март — 24[16], апрель — 1, май — 1. Всего 87 станиц. Таким образом, роковой круг замкнулся в течение 10 месяцев.

Эта оригинальная статистика, вероятно, единственная в своем роде на пространстве русской территории, дает и другие любопытные указания: на 947 151 жителей станиц большевиков было 164 579, т. е. 17 процент.; в их числе казаков 3,2 процент. и иногородних 96,8 процент. В пятидесяти станицах насчитано 770 видных советских деятелей-комиссаров, членов Совета и агитаторов; из них 69 интеллигентов и полуинтеллигентов и 711 людей совершенно необразованных, состоявших на низших ступенях общественной лестницы, по большей части уголовного элемента. В общем числе их 34 процента казаков и 66 процентов иногородних.

Большевизм начал проявляться в области обычными своими признаками: отрицанием краевой власти, упразднением станичной администрации и заменой ее Советами, насилиями над офицерами, зажиточными казаками и «буржуями», разбоями, «социализациями», реквизициями и т. д. В самом Екатеринодаре царила донельзя сгущенная, нездоровая атмосфера, шли непрерывные митинги, на каждом перекрестке собиралась толпа, возбуждаемая речами большевистских ораторов. В городе с октября существовал военно-революционный комитет, имевший свои отделы — Дубинский и Покровский — в пригородах.

Кубанское правительство, сознавая отсутствие всякой опоры, пошло по пути Дона: 12 декабря был созван совместный съезд представителей всего населения. Половина иногородних представителей оказалась большевиками и отказалась от участия в работе съезда. Другая половина в согласии с казачеством приступила к работе. Но вместо того чтобы принять героические меры хотя бы к спасению родных очагов, соединенные силы казачьей и общерусской революционной демократии в созданной ими Законодательной раде и в преобразованном на паритетных началах правительстве приступили, по выражению современного публициста, «к кипучей творческой работе», прямым результатом которой было создание конституции Кубанской республики, «всесторонне разработанная программа решения важнейших политических и экономических вопросов» и... отдача всей Кубани во власть большевиков.

«Паритет», как и на Дону, только ослабил сопротивление, введя в состав вла-

сти элементы, еще менее устойчивые, соглашательские. Добровольческий отряд успешно сдерживал еще попытки большевистских банд, наступавших со стороны Новороссийска и даже в конце января у Эйнема, под начальством капитана Покровского, нанес им жестокое поражение. Но в то же время на узловых станциях Кавказской, Тихорецкой, Тимашовке оседали солдатские эшелоны бывшей Кавказской армии и местные большевики, сжимая все более и более в тесном кольце Екатеринодар. В гор. Армавире большевики образовали «кубанский краевой революционный комитет», под председательством Я. Полуяна[V], оттуда началась систематическая борьба против Екатеринодара вооруженной силой и агитацией.

* * *

Северный Кавказ бушевал. Падение центральной власти вызвало потрясение здесь — более серьезное, чем где бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически вековой розни и не забывшее старых взаимных обид разноплеменное население Кавказа заволновалось. Объединявший его ранее русский элемент — 40 процент. населения края[17] — состоял из двух почти равных численно групп — терских казаков и иногородних, разъединенных социальными условиями и сводивших теперь в междоусобной борьбе старые счеты по преимуществу земельные; они не могли поэтому противопоставить новой опасности ни силы, ни единства.

Терское войско, слабое численно, затерянное среди враждебной стихии и переживавшее те же моральные процессы, что и старшие братья на Дону и Кубани, внесло еще менее своей индивидуальности в направление борьбы. Еще до половины декабря, когда был жив атаман Караулов[VI] и до некоторой степени сохранилось несколько терских полков, сохранялся еще и призрак власти и вооруженной силы. Караулов вел определенную политику борьбы с большевизмом и примирения с горцами. Видя невозможность для себя остановить анархию в крае, Караулов пришел к мысли о создании «Временного Терско-Дагестанского правительства», которое и было образовано в начале декабря совместно тремя организациями: Терским казачьим правительством, Союзом горцев Кавказа и союзом городов Терской и Дагестанской областей. Новое правительство приняло на себя «впредь до создания основных законов полноту общей и местной государственной власти».

Но эта власть не имела решительно никакой реальной силы, ни на кого не опиралась, и даже в самом Владикавказе ее игнорировал местный Совет. 13 декабря на станции Прохладной толпа солдат-большевиков, по указанию из владикавказского совдепа, оцепила вагон, в котором находился атаман Караулов с несколькими сопровождавшими его лицами, отвела на дальний путь и открыла по вагону огонь. Караулов был убит. С его смертью «Терско-Дагестанское правительство» стало еще более обезличенным.

Фактически на Тереке власть перешла к местным Советам и бандам солдат Кавказского фронта, которые непрерывным потоком текли из Закавказья и, не будучи в состоянии проникнуть дальше, в родные места, ввиду полной закупорки кавказских магистралей, оседали как саранча по Терско-Дагестанскому краю. Они терроризировали население, насаждали новые Советы или нанимались на службу к существующим, внося повсюду страх, кровь и разрушение. Этот поток послужил наиболее могущественным проводником большевизма, охватившего иногороднее русское население (жажда земли), задевшего казачью интеллигенцию (жажда власти и идеи социализма) и смутившего сильно терское казачество (страх «идти против народа»).

Что касается горцев, то крайне консервативные в своем укладе жизни, в котором весьма слабо отражалось социальное и земельное неравенство, верные своим задачам и обычаям, они управлялись своими национальными советами, были глубоко чужды и враждебны идеям большевизма, но быстро и охотно восприняли многие прикладные стороны его, в том числе насилие и грабеж. Тем более, что, путем разоружения проходивших войсковых эшелонов или купли у них, горцы приобрели много оружия (даже пушки) и боевых припасов. Кадром для формирования послужили полки и батареи бывшего Кавказского туземного корпуса.

В начале 1918 года в общих чертах картина жизни на Северном Кавказе представлялась в следующем виде.

Дагестан, в общем наиболее замиренный и лояльный, теперь под влиянием событий стал подпадать под турецкое влияние, и в нагорной части его велась широко проповедь панисламизма. Подогреваемая его идеей шла не прекращаясь партизанская война против большевиков, группировавшихся по преимуществу вдоль дороги Баку — Петровск; но по отношению к казакам и служилым русским людям дагестанцы враждебных действий не проявляли.

Чечня, раздираемая внутренними междоусобиями, разделенная на 50—60 враждующих партий по числу влиятельных шейхов, склоняясь то к турецкой, то к большевистской ориентации, проявила, однако, полное единение в исторической тяжбе с русскими колонизаторами. Общая идея совместной с ингушами борьбы их заключалась в том, чтобы отбросить терских казаков и частью осетин за Сунжу и Терек, овладеть их землями и, уничтожив тем чересполосицу, связать прочно горную и плоскостную Ингушетию (в районе Владикавказа), с одной стороны, и Чечню с Ингушетией — с другой. Еще в конце декабря чеченцы с фанатическим воодушевлением крупными силами обрушились на соседей. Грабили, разоряли и жгли дотла богатые цветущие селения, экономии и хутора Хасав-Юртовского округа, казачьи станицы, железнодорожные станции; жгли и грабили город Грозный и нефтяные промыслы.

Ингуши, наиболее сплоченные и выставившие сильный и отлично вооруженный отряд, грабили всех: казаков, осетин, большевиков, с которыми, впрочем, были в союзе, держали в постоянном страхе Владикавказ, который в январе захватили в свои руки и подвергли сильному разгрому. Вместе с тем, в союзе с чеченцами ингуши приступили к вытеснению казачьих станиц Сунженской линии, для чего еще в ноябре в первую очередь подожгли со всех сторон и разрушили станицу Фельдмаршальскую.

Осетины — наиболее культурный из горских народов, имевший «даже» свою социалистическую интеллигенцию, склонявшуюся к большевизму. Народ, однако, выдержал искушение. Подчиняясь господствующей силе, осетины все же считали своими врагами большевиков и ингушей и, невзирая на не разрешенные еще земельные споры с казаками, охотно присоединялись к каждому выступлению их против большевиков.

Наконец, кабардинцы, восприняв от большевиков земельную практику, отняли у своих узденей (дворянства) земли и затем жили мирно, стараясь сохранить нейтралитет среди борющихся сторон.

В этой сложной обстановке терское казачество пало духом. В то время, как горские народы, побуждаемые национальным чувством, путем чистой импровизации создавали вооруженную силу, природное войско с историческим прошлым, выставлявшее 12 хорошо организованных полков, разлагалось, расходилось и разоружалось по первому требованию большевиков. Агитация, посулы большевистских агентов и угрозы горцев заставляли малодушных искать спасения в большевизме, который, вначале по частной инициативе местных советских организаций, потом по указанию из центра, пользовался распрей, становясь то на сторону горцев против казаков, то на сторону казаков против горцев и в общем хаосе утверждая на крови тех и других свою власть.

В конце января в гор. Моздоке собрался «рабоче-крестьянский съезд», переехавший затем в Пятигорск. Съезд выбрал из своего состава самостоятельное правительство «Терский народный совет», под председательством некоего Пашковского, сосланного некогда в каторжные работы за ограбление казначея реального училища и возвращенного в силу общей амнистии, данной Временным правительством. В течение месяца «Народный совет» правил параллельно с «Терско-Дагестанским правительством»; наконец, последнее, не видя ниоткуда поддержки, в конце февраля «во избежание кровопролития» добровольно сложило с себя власть и предложило «Совету» переехать во Владикавказ. Терский край был объявлен составной частью «Р.С.Ф.С.Р.».

* * *

Мне остается еще отметить две попытки к объединению Юго-Востока в более широких областных или национальных рамках.

Вскоре после начала революции возник «Союз горцев Северного Кавказа»,

который выделил Центральный комитет и первоначально поставил своей целью борьбу с анархией, поддержание правопорядка, мирное разрешение межнациональных столкновений, обеспечение прав национальных меньшинств в Учредительном собрании и т. д. После большевистского переворота Центральный комитет в декабре 1917 г. объявил себя «правительством горских народов Кавказа».

Тот разброд задач и целей, которые преследовали горские народы, лишал всякой почвы «союзное правительство». Совершенно чуждое одним (абхазцы и черкесы), враждебное другим (осетины), оно установило некоторую внешнюю связь с Ингушетией и Чечней, откуда изредка и случайно получались небольшие суммы на содержание самого правительства. Эти суммы и личный большой кредит председателя, богатого чеченца-нефтепромышленника Топы Чермоева были единственным источником существования «правительства». Не имея никаких реальных возможностей управления, «горское правительство» с самого начала бросило всякие попытки устроения края и перешло к чистой политике, составив звено в цепи тех многочисленных самодовлеющих «народных» представительств, которые рождены были русской революцией и составляют одну из любопытных ее черт.

Январские события во Владикавказе заставили «горское правительство» перейти в Тифлис и тем порвать почти вовсе связи с краем. С тех пор личный состав «правительства» рассеялся; иногда только оно подавало признаки своего существования торжественными декларациями от имени двух своих столпов — Топы Чермоева и Пшемаха Коцева. И только через год, когда Добровольческая армия освободит Северный Кавказ, мы встретимся опять с возглавляемым Коцевым «меджилисом горских народов», обнаружившимся неожиданно в Темир-Хан-Шуре и обратившимся к главному командованию с ультимативными требованиями.

В послании к Кабардинскому национальному совету[18] Коцев писал: «Почти год тому назад... я вырван из среды близкого, родного мн[е] народа. Обстоятельства так сложились, что меня бросало по всему лицу Европы и Азии. Само собою разумеется, что за все это время я делал народное дело. Когда анархия и развал коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетом мы не можем водворить у себя порядок; и вот все это время прошло в хлопотах за поисками этой силы».

В течение года гг. Чермоев и Коцев призывали варягов последовательно в лице турок, немцев, англичан, грузин, едва поспевая за быстро вертящимся колесом мировых событий. А тем временем Северный Кавказ в огне и в крови разрешал самостоятельно вопросы своего бытия.

* * *

Гораздо серьезнее и по замыслу, и по политическому значению представлялось образование в конце сентября Юго-Восточного союза. Возникшее по инициативе Кубани, это объединение должно было включать три казачьи области — Донскую, Кубанскую, Терскую и «вольные народы гор и степей», под которыми разумелись горцы Северного Кавказа, калмыки и другие инородцы Ставропольской губернии. В дальнейшем в состав союза предполагалось привлечь Уральское (Яицкое) и Астраханское войско и, может быть, Закавказье.

Первоначальная идея этого объединения, вызванного к жизни главным образом бессилием центральной власти, с достаточной полнотой выражена в постановлении Донского «большого круга», заседавшего в первой половине сентября[19]: «Заслушав и обсудив доклад представителя Кубанского войска, поддержанный представителем войска Терского[,] по вопросу о федеративном устройстве государства Российского и признавая федерацию как принцип, как идею, на основании прошлого исторического опыта зарождения и существования казачества желательной, постановить:

1. поручить войсковому правительству принять участие в конференции, созываемой в Екатеринодаре 20 сентября 1917 г. по этому вопросу, с правом делегировать от имени войска представителей в союзный орган, имеющий быть созданным для защиты краевых интересов;

2. просить этот союзный орган, с участием представителей соседних областей, вольных народов и коренного неказачьего населения казачьих земель, а также сведущих лиц, разработать к Учредительному собранию проект такого устройства

края, которое, обеспечивая полную самостоятельность национальностей и крупных бытовых групп в сфере местного законодательства, суда, управления, земельных отношений, культурной и экономической жизни, в то же время оставило бы ненарушенной тесную связь частей с целым, не поколебало бы единства и силы России».

Под этой довольно безобидной формой пожеланий и признания авторитета Всероссийского Учредительного собрания скрывались, однако, более реальные стремления. В них смешались начала государственно-охранительные и центробежные; стремление сохранить от разложения более устойчивую часть в интересах целого и желание использовать государственную смуту в интересах чисто местных.

Практического осуществления идея союза, однако, не получила. К концу сентября создано было «Объединенное правительство Юго-восточного союза», во главе с В. А. Харламовым[20] — правительство чисто фиктивное, не только не оказавшее в ту трудную пору (конец 17 — начало 18 года) какого-либо влияния на ход событий, но просто прошедшее незамеченным для широких кругов населения Юга. Безвластие и бессилие областных правительств, неимение денежных средств и вооруженной силы, а главное — отсутствие опоры в народной массе лишили это начинание казачьей интеллигенции всякого реального значения. Идея союза, однако, не была оставлена и в 1919 г., при совершенно иной военно-политической обстановке вновь привлекла к себе серьезное внимание казачьих верхов.

* * *

15 ноября Закавказский комитет сложил свои полномочия и власть перешла в руки «Закавказского комиссариата» (правительства), избранного на совещании из представителей революционных организаций и социалистических партий. Этим же совещанием постановлен был созыв Закавказского сейма в составе членов, избранных во Всероссийское Учредительное собрание, пополненном членами политических партий. Сейм собрался в начале февраля. Еще ранее, в конце октября и в ноябре, собирались национальные съезды и возникли национальные советы.

Перед новым правительством, возглавлявшимся Гегечкори, позднее перед сеймом возникли вопросы необыкновенной важности и трудности: об отношении к русской государственности, о войне или мире и, наконец, о ликвидации Кавказского фронта, представлявшего в глазах правительства опасность не меньшую, чем угроза турецкого нашествия. На первом совещании и национальных съездах идея русской государственности не потерпела никакого колебания. Лейтмотивом на них было решительное отмежевание от советского правительства и признание самостоятельного существования местной власти только временно до восстановления общерусской центральной власти или до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Но в сейме настроение создалось уже несколько иное: по почину мусульманской фракции его и грузинской партии национал-демократов был возбужден вопрос о полной независимости Закавказья. Мотивами выставлялись длительный характер русской смуты, необходимость предотвращения назревающего междоусобия и, главное, возможность заключения сепаратного мира с турками, нашествие которых грозило краю неисчислимыми бедствиями. Нет сомнения, что в самой постановке вопроса сказывалось уже весьма сильное германо-турецкое влияние, которое опиралось на панисламистские тенденции части кавказской интеллигенции, на общее недовольство разгорающейся анархией мусульманского населения, увидевшего в единоверных турках своих избавителей, и, наконец, на давнишнюю связь турецкого и германского правительств с «Комитетом освобождения Грузии»; комитет этот был образован партией грузинских национал-демократов еще в 1914 году и вошел с враждебными нам державами в договорные отношения, обязывавшие одну сторону к предательству, другую — к созданию независимой Грузии.

Грузинские социал-демократы — наиболее влиятельная партия — присоединились к требованию независимости. Их лидер Ной Жордания[VII], который в ноябре говорил, что и теперь «в пределах России грузинский народ должен искать устроения своей судьбы», в феврале на сейме сказал: «Когда есть выбор — Россия или Турция, мы выбираем Россию. Но когда есть выбор Турция или самостоятельность Закавказья, мы выбираем самостоятельность Закавказья». Предложение, однако,

встретило резкий протест в среде русских социалистов и армянских дашнакцаканов. Решено было передать вопрос на обсуждение особой комиссии. Эта комиссия «обсудила вопрос в ряде заседаний с участием сведущих лиц — представителей армии, банков, финансового и других ведомств — и пришла к единодушному убеждению в невозможности самостоятельного существования Закавказья без поддержки какой-либо стратегически и экономически сильной державы».

Это заключение и признание сейма «при известных условиях принципиально допустимым объявление Закавказья независимой республикой» если и не решали вопроса, то в значительной мере предрешали его. Окончательно он был разрешен позднее прямым воздействием германского правительства, поставившего себе целью расчленение России, и в частности полное отторжение от нее Закавказья.

Фронта в действительности не существовало. Поэтому когда во второй половине ноября командующий турецкой армией Вехиб-паша предложил перемирие, генерал Пржевальский и закавказское правительство приняли предложение, и перемирие было заключено в начале декабря в Эрзинджане. С этого времени начался хаотический отход русских корпусов и одновременно лихорадочное формирование национальных войск для охраны территории 1914 года. Шло оно туго в тылу и весьма неуспешно на фронте, наталкиваясь на сильное препятствие со стороны войсковых революционных учреждений и среди самих грузинских и армянских воинов, у которых стремление разойтись по домам было не менее сильно, чем у русских.

Общую директиву отходящие банды Кавказского фронта получили от «Второго краевого съезда Кавказской армии», состоявшегося в Тифлисе с 10 по 25 декабря. В воззвании к солдатам, подписанном Е. Вильямовским, говорилось: «Съезд признал за вами право на оружие при оставлении армии для защиты родины от контрреволюционной буржуазии с ее приспешниками Калединым — Донским атаманом, Дутовым — Оренбургским и Филимоновым — Кубанским. Для руководства продвижением товарищей солдат и для борьбы с контрреволюцией на Северном Кавказе, на Кубани и в Закавказье избран съездом Краевой совет и военно-революционный комитет... Вы, товарищи, должны все принять участие... в установлении советской власти. Провезти домой оружие вы можете, двигаясь лишь сильными отрядами всех родов оружия, с избранным командным составом... Кто не может (провезти), сдавайте его Советам, комитетам в Новороссийске, Туапсе, Сочи, Крымской и т. д., где есть представители советской власти...»

Солдаты двинулись двумя потоками, бросая на произвол судьбы миллиардное имущество: один — в общем направлении на Тифлис, который несколько месяцев жил буквально в положении осажденного города; власти и комитеты употребляли героические усилия и вели форменные бои, чтобы отвести эти буйные и голодные массы от города далее на Баку и Северный Кавказ. Другой поток шел на Трапезунд, откуда захватываемые с бою транспорты развозили войска по портам Черного моря. В середине января в Трапезунде образовался «комитет по организации добровольческих отрядов для борьбы с контрреволюцией» и, благодаря предоставлению ему внеочередной перевозки, приступил с большим успехом к формированиям, которые спешно направлялись в Новороссийск против Кубани и Дона.

В феврале представители сейма и главного кавказского командования ехали в Эрзерум для ведения переговоров о мире; но судьбы мира были предрешены односторонней волею победителей. В Трапезунде делегация застала уже 37-ю турецкую дивизию Казим-бея, занявшую город с согласия «интернационального комитета», так как местные советские власти отчаялись окончательно силами двух грузившихся последовательно корпусов отразить хотя бы шайки турецких разбойников, грабивших прилежащий сильно укрепленный район и даже окраины Трапезунда. Турки вступали в город, встреченные Советом рабочих и солдатских депутатов, почетным караулом и музыкой.

* * *

Я привел этот сжатый очерк, чтобы охарактеризовать положение, в котором оказалась зарождающаяся новая сила — Добровольческая армия.

От Харькова и Воронежа шли советские войска, и Бронштейном (Троцким) принимались все меры, чтобы «в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов и кадетской буржуазии»... На Волге — Царицын, давний оплот большевизма, и Астрахань, после кровавой расправы с офицерством и буржуазией 24 января перешедшая в руки большевиков; далее на восток — павший 17 января Оренбург. На Кавказе — мятущиеся инородцы и надвигающийся поток бывшей Кавказской армии. На Черном море — порты, запруженные враждебными нам солдатскими бандами, и флот, поднявший красные флаги. Наконец, сама колыбель добровольчества — Тихий Дон, если не враждебный, то, во всяком случае, только-только терпимо относящийся к непрошенным гостям.

Тогда мы совершенно не знали всей совокупности обстановки, будучи вскоре отрезаны от внешнего мира и питаясь лишь газетными слухами и сведениями от редких осведомителей, вносивших слишком много индивидуального в свои доклады. Приходилось опираться не столько на конкретные данные, сколько на внутренний голос, который почти всех нас — неказачьих генералов — побуждал верить в скорое исцеление казачества, казака Каледина привел к самоубийству, а казака Корнилова безотчетно звал... в Сибирь.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Помощник Иорданского.
2. Из рапорта командира полка капитана Неженцева.
3. Рассказ полк. Гущина.
4. Из открытого письма В.Шульгина к г. Петлюре.
5. Официальное обращение Крыленко.
6. У Добрынина: «Борьба с большевизмом на Юге России».
7. См. Т. 1, главу XXVII.
8. Этот вопрос вообще имел решающее значение в установлении взаимоотношений юго-восточного казачества с иногородним населением.
9. Приказ командовавшего большевистскими войсками Петрова[III] после взятия станицы Каменской.
10. 16 декабря 1917 г., статья профессора Евлахова.
11. Из доклада на 3-ем круге.
12. Такое название получила «Алексеевская организация» в конце декабря.
13. Декларация коалиционного правительства 5 января 1918 года.
14. Крестьяне-староселы.
15. До тех пор Кубанская область управлялась двумя органами, враждовавшими друг с другом: Войсковым правительством и Исполнительным комитетом иногородних.
16. Под чертой (с марта. — *Ред.*) — время советской власти.
17. Все население Терско-дагестанского края около 1,4 миллиона.
18. 10 декабря 1918 года.
19. Цитирую по труду С. Сватикова «Государственно-правовое положение Дона».
20. Донской деятель, кадет, бывший комиссар Закавказья.

Примечания редакции

I. *Грушевский Михаил Сергеевич* (1886—1934) — украинский историк. В 1917 г. — один из организаторов Центральной рады. С 1919 г. в эмиграции, сменовеховец. В 1924 г. вернулся в УССР. С 1929 г. — действительный член АН СССР.

II. *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880—1918) — подполковник, примкнувший к борьбе за Советскую власть, левый эсер. В 1918 г. — главнокомандующий войсками Восточного фронта. Изменил Советской власти, поднял мятеж в Симбирске. Убит при аресте.

III. *Петров Григорий Константинович* (1892—1918) — участник первой мировой войны, прапорщик, левый эсер. В 1917 г. — один из организаторов народной милиции, затем Красной гвардии в Рязани, с декабря — командир красногвардейского отряда, командующий 1-й Южной революционной армией. С мая 1918 г. командовал группой войск, действовавшей против украинской Центральной рады,

с июля — военный комиссар СНК РСФСР в Бакинском районе и командир отряда Красной Армии. Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров.

IV. *Покровский Виктор Леонтьевич* (1889—1923) — участник первой мировой войны. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, действовавший в районе Екатеринодара, произведен в полковники. В марте соединился с Добровольческой армией Корнилова, участвовал в неудачном для нее штурме Екатеринодара. С июня командовал Кубанской конной бригадой, затем дивизией, с января 1919 г. — конным корпусом, с февраля — 1-м Кубанским конным корпусом. В декабре 1919 г. — феврале 1920 г. командовал Кавказской армией. С 1920 г. — в эмиграции.

V. *Полуян Ян Васильевич* (1891—1937) — советский государственный и партийный деятель. Один из руководителей борьбы за Советскую власть на Северном Кавказе. В 1917 г. — председатель Исполкома Совета и член комитета РСДРП(б) в Екатеринодаре. В 1918 г. — председатель Кубанского областного ВРК и облисполкома, СНК Кубанской, затем Кубано-Черноморской советской республики. Участник гражданской войны. С 1920 г. — на советской, партийной и государственной работе. Член Президиума ВЦИК, член ЦИК СССР. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

VI. *Караулов Михаил Александрович* (1879—1917) — один из руководителей контрреволюции на Северном Кавказе, есаул, кадет, депутат IV Государственной думы, примыкал к «прогрессистам». После Февральской революции — член Временного комитета Государственной думы. С марта 1917 г. — атаман Терского казачьего войска и (до августа) — комиссар Временного правительства в Терской области. После Октябрьской революции — председатель контрреволюционного «Терско-Дагестанского правительства». 13(26) декабря убит революционными солдатами.

VII. *Жордания Ной Николаевич* (1869—1953) — лидер грузинских меньшевиков. В 1893—1898 гг. — один из руководителей первой закавказской социал-демократической организации «Месаме-даси», вошедшей в 1898 г. в РСДРП. Член ЦК РСДРП (1907—1912); депутат I Государственной думы, лидер социал-демократической фракции. В 1917 г. — председатель Тифлисского Совета рабочих депутатов. С 1918 г. — председатель меньшевистского правительства Грузинской демократической республики. С 1921 г. — в эмиграции.

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XXIII. *Развал демократических партий*

Первые сообщения о приближении к Петрограду частей генерала Корнилова произвели на горожан впечатление горящего бикфордова шнура у пороховой бочки. Солдатами, матросами и рабочими овладела внезапная мания подозрительности. Повсюду им виделась контрреволюция. Охваченные паническим страхом потерять только что обретенные права, они направили свой гнев против всех без разбора генералов, землевладельцев, банкиров и других «буржуев». Большинство лидеров-социалистов, входивших до того в коалицию, в страхе перед победой контрреволюции и последующими репрессиями повернулись к большевикам. 27 августа, в первые часы охватившей город истерии, они с радостными криками раскрыли большевикам свои объятия и призвали их действовать сообща ради «спасения революции».

Мог ли Ленин упустить такой шанс? После фиаско организованного им июльского восстания он практически признал свое поражение. Однако с изменением настроений, вызванным корниловским мятежом, перед ним неожиданно открылись новые перспективы. Осторожную, выжидательную тактику, принятую им после бегства в Финляндию, теперь можно было отбросить, ибо генерал Корнилов любезно предоставил ему возможность захватить власть значительно раньше, чем он планировал и, что более важно, проделать все это под лозунгом «Вся власть Советам», от которого отказался после июльского фиаско.

30 августа Ленин направил в Петроград секретное письмо[1] своему Центральному комитету: «Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее. Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий. Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность... Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 6—12; 1991, № 1—6.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова? В том, что мы видоизменяем форму нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо учесть момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы иначе теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) слабость и шатания Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало главным: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь главным стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, не столько к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, увлеченным ходом борьбы против Корнилова. Увлекать их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы они требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить их на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы дальше отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но не прямо, а со стороны. И агитировать надо сию минуту не столько прямо против Керенского, сколько косвенно; против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может нас привести к власти и говорить в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с фразами. Теперь-де время дела: вы, гг. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время дела, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский боится масс, боится народа). В войне против немцев именно теперь нужно дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эсеры остаются лакеями империализма.

P. S. Прочитав, после написания этого, шесть номеров «Рабочего»[2], должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М-на и Вол-го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию, которое тоже «ликвидирует» мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания! Ленин».

Но еще до получения секретных указаний Ленина большевики объединили свои силы с эсерами и меньшевиками, создав 27 августа рабочую милицию для «помощи» правительству и защиты рабочих кварталов. Буквально за несколько дней «рабочая милиция» превратилась в большевистскую «Красную гвардию», тесно связанную с партийным аппаратом большевиков. 31 августа Петроградский Совет, практически оказавшись в руках большевиков, принял резолюцию, в которой в краткой форме была изложена суть программы «Октябрьского» восстания. Тем не менее продолжая переговоры с другими партиями социалистов и выступая вместе с ним с совместными заявлениями, большевики продолжали настаивать на «единстве всего революционного демократического движения» в борьбе за «подлинно демократический» строй без привлечения к этому буржуазии, особенно кадетов.

Примиренческая политика большевиков по отношению к «мелкобуржуазным» партиям социалистов увенчалась блестящим успехом, и отнюдь не только из-за воздействия их доводов на тех меньшевиков и эсеров, которые всегда выступали против сотрудничества с «буржуазией». Конечно же, им льстило, что, выступая рука

об руку с большевиками, они смогут не только спасти революцию от «происков контрреволюционеров», но и поднять ее на новую ступень. Действительным же успехом новой большевистской политики стало наведение мостов между большевиками и теми лидерами меньшевиков и эсеров, которые до того входили в демократическую коалицию. Поступая вопреки всякой политической логике, эти лидеры посчитали теперь важным восстановить правительственную коалицию с участием большевиков, но без кадетов.

Исходя из собственного политического опыта, я хорошо представлял себе состав и настроения кадетских организаций и в столице и в провинции, лично знал многих их членов. Как и любой другой политический деятель, который немало поездил по России, я знал, что кадетская партия в целом являлась активной, творческой и животворной частью тех сил, которые включились в строительство демократической политической системы в России. Отлучая кадетов от полноправного участия в создании нового политического, социального и экономического организма, правительство не только совершило бы преступление против страны, но оказалось бы моральным банкротом. Лидеры меньшевиков и эсеров, которые сегодня осуждали всю партию кадетов за предательство, совершенное Милюковым и его сподвижниками, сами совершили поступок еще менее простительный: вошли в союз с Лениным и снова приняли большевистскую партию в состав «революционных демократов».

Милюков и его группа составляли в своей партии явное меньшинство. Сама же партия отвергала любую форму диктатуры и наряду с другими социалистическими партиями приняла самое активное участие в революции. А если судить по статьям и делам Ленина, Каменева, Бухарина, Сталина и других, то становится ясно, что большевики с самого начала революции стремились к замене демократической системы неограниченной диктатурой своей партии.

Какой смысл в выражении «революционная демократия», если в нее одновременно входят те, кто борется за установление демократии, и те, кто открыто стремится ее разрушить? До первой мировой войны ни у кого не было сомнений в значении слов «революция» и «контрреволюция». Под «революцией» понималось насильственное свержение народом такой государственной системы, которая более не соответствовала потребностям века и которая утратила способность эволюционировать. Под «контрреволюцией» понималось насильственное восстановление той политической системы, которая существовала до революции. Считалось, что революция происходит спонтанно, что она имеет глубокие корни в народе и что она ведет к установлению демократии. Контрреволюция, как правило, была результатом деятельности какой-то определенной группы внутри правящего класса и всегда завершалась периодом «реакции». Я упомянул об этом элементарном различии потому, что после первой мировой войны, когда миллионы людей были втянуты в водоворот политических потрясений, любое массовое выступление стало называться «революцией» независимо от того, какие цели преследовали его лидеры.

Многие историки, социологи и авторы политических сочинений и до сих пор неправильно оценивают то глубокое изменение, которое произошло в политической психологии, — изменение, которое искажается использованием традиционной, ныне абсолютно неприемлемой терминологии. Они до сих пор верят в справедливость афоризма Клемансо: «У демократии нет врагов слева». В XIX в. эта максима была справедлива, ибо тогда все народные движения имели своей целью социальное равноправие и свободу личности. Той же целью вдохновлялись все социалистические движения.

В те времена политическим богохульством считалась самое мысль, что из числа «левых» могут выйти мракобесы, которые, опираясь на требования социальных низов, говоря словами Достоевского, «начинают с требований полной свободы, а кончают установлением полного рабства». Именно поэтому Достоевского, который в романе «Бесы» предсказал тот вид правления, при котором Россия была вынуждена жить при Ленине и Сталине, клеймили при жизни как величайшего «реакционера» представители левых прогрессивных и социалистических кругов. Однако сегодня, после двух мировых войн, невозможно отрицать тот факт, что реакция, маскирующаяся под «революцию» и возглавляемая такими демагогами, как Ленин, Муссолини и Гитлер, которые опираются в своей борьбе за власть на самые низшие слои общества, может создать тоталитарные террористические дик-

татуры, разрушающие все моральные барьеры. Масштабы совершенных ими преступлений привели бы в ужас революционеров прежних дней.

С точки зрения интересов народа и будущего России между корниловским движением, которое так или иначе, но было разгромлено, и движением Ленина, возрождению которого способствовало движение Корнилова, огромное различие. Предпринятый военный переворот был всего лишь заранее обреченным на провал арьергардным боем привилегированных классов, последней отчаянной попыткой сохранить свою власть. Вопрос о второй попытке даже не стоял — по той простой причине, что у гражданских участников заговора, сыгравших на чувстве ущемленного патриотизма какой-то части русского офицерства, не было какой-либо политической или социальной программы, которую они могли предложить народным массам. Ленин же вознамерился прийти к власти, надев личину защитника политических свобод и нового социального статуса, обретенного народом в результате Февральской революции.

В начале сентября 1917 г. никто, конечно, и представить себе не мог ту форму политического садизма, в которую переродится большевистская диктатура после уничтожения демократической системы. Однако все руководители небольшевистских левых партий полностью отдавали себе отчет в том, что Ленин и его приспешники стремятся не к установлению народовластия, а к утверждению партийной диктатуры над народом. Весьма прискорбно, что этих лидеров куда меньше беспокоила очевидная суть притязаний Ленина, чем предполагаемая ненадежность партии кадетов, которая, несмотря на все свои ошибки, никогда не отличалась склонностью к диктаторству.

Как я уже упоминал, 29 августа правительство возложило на меня деликатную задачу восстановить коалицию с участием тех же партий, что в ней были и ранее. Я намеревался выполнить ее как можно скорее. Ситуация, признаться, была не из легких. Ибо хотя я и считал абсолютно необходимым участие в правительстве кадетов, я отдавал себе отчет, что все поступки лидера кадетов Милюкова, каждая статья, которую он написал, каждая речь, которую он произнес, вызовут новую волну возмущения, как это уже было в марте и апреле.

И тут случилось непредвиденное. На какое-то время мне показалось, что это поможет мне решить возникшую дилемму. 30 августа за несколько часов до начала моего официального приема я сидел в своем кабинете на последнем этаже Зимнего дворца, проглядывая сотни телеграмм из самых различных уголков страны с поздравлениями по случаю подавления корниловского мятежа. Неожиданно в кабинет зашел один из моих помощников и весьма взволнованно сообщил, что, несмотря на ранний час, на немедленной встрече со мной настаивает В. Лебедев[3]. Через секунду в кабинет ворвался этот весьма достойный, патриотически настроенный человек, который буквально задыхался от возбуждения. Даже не поздоровавшись, он стал размахивать газетным листком, приговаривая: «Вот вам ваш Милюков!»

Видя его крайнее возбуждение, я подошел к нему и спокойно произнес: «Что побуждает вас утверждать, что он мой, а не ваш? Расскажите же, что произошло. Но сначала присядьте и переведите дух!» Послушно, как ребенок, он сел на стул и мало-помалу пришел в себя. Потом спросил: «Вы видели сегодняшнюю „Речь“?» — „Нет, — ответил я. — Я еще не читал сегодняшних газет“. — «Тогда взгляните на это!» — и он снова стал возбужденно размахивать передо мной страницей кадетской газеты. На том месте полосы, где полагалось быть передовой статье, зиял огромный белый пропуск. Все еще размахивая газетой, Лебедев стал объяснять, как его посетил старший наборщик из типографии «Речи» и сказал, что перед самым печатанием газеты из нее была изъята передовица Милюкова. По словам наборщика, главный редактор «Речи» приветствовал в ней победу генерала Корнилова и требовал, чтобы правительство немедленно достигло с ним согласия.

По утверждению Лебедева, этот инцидент полностью подтверждал мнение всех истинных демократов, что партия кадетов поддерживает генерала Корнилова и потому не должна быть включена в коалицию. Я не стал до конца выслушивать остальные его аргументы. Мне было ясно, как надлежало поступить, и, прощаясь с ним, я заметил довольно резко, что кадеты не могут нести ответственности за действия одного из членов их партии.

Как только Лебедев ушел, я распорядился немедленно пригласить ко мне двух

наиболее влиятельных членов Петроградского отделения Центрального комитета партии кадетов — Набокова и Винавера. Несмотря на то что еще не было и девяти утра, они прибыли почти немедленно. Когда я объяснил им, почему вызвал их, Набоков ответил, что они сами обеспокоены происшедшим. После краткой и откровенной беседы мы все трое пришли к единому выводу, что, коль скоро нам предстоит сформировать новую правительственную коалицию с участием всех демократических партий, Милюкову следует на время отказаться от руководства своей партией и поста главного редактора «Речи» и отправиться либо за границу, либо по крайней мере в Крым или на Кавказ. Мои посетители весьма тактично справились со своей деликатной миссией, и Милюков после разговора с ними почти немедленно отбыл в Крым.

В тот же день я пересказал министрам-социалистам Н. Д. Авксентьеву и М. И. Скобелеву свой разговор с Набоковым и Винавером и просил передать его суть центральным комитетам их партий, надеясь таким образом расчистить путь для участия кадетов в правительстве. Одновременно переговоры о кадетах с другими видными деятелями социалистических партий провели Некрасов и Терещенко, однако без видимого успеха.

На заседании ВЦИК, состоявшемся 30 августа, на котором в предварительном порядке обсуждался вопрос о формировании нового кабинета, настроения против участия кадетов в правительстве были настолько сильны, что Авксентьев и Скобелев приняли решение выйти из состава правительства, с тем чтобы, как сказал Скобелев, иметь свободу рук для защиты правительственной политики. Окончательное решение о составе коалиции Совету предстояло принять 1 сентября.

После падения монархии между Временным комитетом Думы и только что сформированным Советом было достигнуто соглашение о том, что до созыва Учредительного собрания в России не будет установлена какая-либо определенная политическая система. Однако к лету двусмысленное положение России как государства без определенной формы правления стало нетерпимым. Было важно, однозначно используя слово «республика», показать всем и каждому, что Россия как названием своим, так и конкретными делами оформилась как демократия. Это было особенно важно, если учесть, что определенные силы предпринимали попытки установить в стране диктаторский режим.

Сознавая опасность промедления, я дважды пытался осуществить провозглашение России республикой. Первый раз — сразу же после большевистского восстания 4 июля, во время кратковременного пребывания в Петрограде между поездками на фронт. Вечером 6 июля на совещании с представителями социалистических партий по вопросу о программе нового коалиционного правительства я настоял на включении в декларацию будущего правительства двух пунктов: 1) провозглашение республики, 2) роспуск Государственного совета и Думы. Оба пункта были одобрены. Не дожидаясь публикации декларации, я поспешил выехать на фронт, где вскоре получил опубликованную в печати декларацию. Однако этих пунктов в ней не было. Сделано это было без согласования со мной, но времена были такие тяжелые, что я не реагировал на это подобающим образом.

Второй раз такая возможность представилась на Государственном московском совещании[4], когда все представители различных партий, классов, городских и земских учреждений и т. д. высказались в пользу республики. После обсуждения этого вопроса я обратился к присутствовавшим на совещании министрам с просьбой дать мне возможность провозгласить Россию республикой, однако получил отказ.

После же военного мятежа ни у кого в демократических кругах не осталось и капли сомнения в том, что необходимо формально подтвердить республиканскую форму правления в России, и на заседании Совета министров 31 августа был утвержден окончательный проект «Провозглашения Республики».

Во время заседания мне сообщили, что со мной по неотложному делу хочет встретиться делегация партии эсеров. Я согласился и тут же пошел в свой кабинет, где меня уже ожидали два члена ЦК, Зензинов и Гоц. Памятуя о том, что именно эти двое встречались со мной во время июльского кризиса, вручив мне тогда нечто вроде ультиматума своего ЦК, я думал, что и на сей раз их миссия будет преследовать те же цели. И я не ошибся. Они пришли, чтобы заявить от имени своего ЦК, что если я осмелюсь включить в состав правительственной коалиции хотя бы одного кадета, то в нее не войдет ни один представитель партии эсеров. Сдерживая

возмущение, я сказал: «Сообщите вашему ЦК, что, во-первых, я передам ваше требование правительству; во-вторых, лично я считаю крайне важным включение в правительство кадетов, как и представителей других демократических партий; и, в-третьих, как глава национального правительства я не могу следовать приказам, исходящим от отдельных партий».

Тут Зензинов попытался обсудить со мной это дело «как друг, на неформальной основе», однако я прервал его, заявив, что частные разговоры в данном случае исключаются. «Вы принесли мне официальную резолюцию Центрального комитета вашей партии, и я немедленно передам ее правительству». На этом разговор закончился. Возвратившись в зал заседаний, я сообщил об этом визите посланцев партии эсеров. Ни у кого из нас не было ни малейшего сомнения, что резолюция партии эсеров приведет к отсрочке на неопределенное время восстановления коалиционного правительства с участием всех демократических партий.

Между тем нам нужно было принять срочные меры для ликвидации последствий корниловского мятежа. Главными задачами являлись: создание нового Верховного главнокомандования, восстановление дисциплины на фронте, прекращение актов беззакония в тылу и, насколько это было возможно при создавшихся условиях, нормализация положения по всей стране. Одновременно необходимо было возобновить дипломатические переговоры с союзными державами.

К тому времени по разным причинам вышло в отставку более половины всех министров, а чрезвычайные полномочия, которые были возложены на меня в период мятежа, утратили свою силу. Но именно теперь, в этот крайне неустойчивый переходный период, для решения проблем как внутренней, так и внешней политики концентрация власти и административных функций была абсолютно необходима.

Насколько я помню, Терещенко после консультаций с лидерами кадетов и эсеров внес проект резолюции о создании комитета из пяти министров, наделенных вплоть до формирования новой коалиции всей полнотой исполнительной власти. Проект резолюции, вынесенный министром иностранных дел, и мое предложение о провозглашении республики были утверждены. Они были включены в следующее официальное заявление, которое было опубликовано 1 сентября за моей подписью и подписью министра юстиции А. Зарудного. «Мятеж генерала Корнилова подавлен. Но велика смута, внесенная им в ряды армии и страны. И снова велика опасность, угрожающая судьбе родины и ее свободе. Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику.

Срочная необходимость принятия немедленных и решительных мер для восстановления потрясенного государственного порядка побудила Временное правительство передать полноту своей власти по управлению пяти лицам из его состава[5] во главе с министром-председателем.

Временное правительство своей главной задачей считает восстановление государственного порядка и боеспособности армии. Убежденное в том, что только сосредоточение всех живых сил страны может вывести родину из того тяжелого положения, в котором она находится, Временное правительство будет стремиться к расширению своего состава путем привлечения в свои ряды представителей всех тех элементов, кто вечные и общие интересы родины ставит выше временных и частных интересов отдельных партий или классов. Временное правительство не сомневается в том, что эта задача будет им исполнена в течение ближайших дней»[6].

Вечером того же дня, а именно 1 сентября, состоялось второе и решающее заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для обсуждения кризиса, который возник вокруг создания коалиции. Принятая на заседании резолюция[7] представляет собой удивительный документ, ставший полной неожиданностью как для правительства, так и для народа.

Во вступительной части резолюции говорится, что «трагическое положение, созданное событиями на фронте и гражданской войной, которую открыла контрреволюция (то есть сторонниками и последователями Корнилова), делает необходимым создание сильной революционной власти, способной осуществлять программу

революционной демократии и вести деятельную борьбу с контрреволюцией и внешним врагом. Такая власть, созданная демократией и опирающаяся на ее органы, должна быть свободна от всяких компромиссов с контрреволюционными „цензовыми элементами“»[8]. Короче говоря, высший орган «революционной демократии» — ВЦИК Совета — вместо того, чтобы проявить ответственность в вопросе создания коалиции, способной управлять республикой, решил отстранить от участия в правительстве всех представителей «буржуазной демократии»!

Далее он выразил намерение как можно скорее созвать съезд представителей всех «демократических» (в их понимании этого слова) организаций для решения вопроса об устройстве власти, способной довести страну до Учредительного собрания. Что касается существовавшего правительства, то, по мнению ВЦИК, его следовало сохранить вплоть до созыва этого «демократического совещания», но лишь при условии тесного его единения с органами революционной демократии в борьбе против контрреволюции (находившимися под контролем ВЦИК), дабы предотвратить принятие им таких административных мер, которые могли вызвать возмущение народных масс. По сути дела, это означало, что впредь до замены его новым режимом, который предложит съезд «демократических организаций», существовавшее правительство обязано представлять все свои административные решения на утверждение ВЦИК.

Мужественно выступив против этой резолюции, Скобелев, днем раньше занимавший пост министра труда, выдвинул такое возражение: «Здесь говорили, что принцип коалиции не оправдался. Я другого мнения. Как ни тяжело настоящее положение, но все же Россия осталась нашей, Россией демократии. Через сколько кризисов идея коалиции ни проходила, она все-таки сумела сохранить Россию и свободу до сегодняшнего дня. И эта идея не должна умереть... Возможны три комбинации власти: коалиционная, исключительно буржуазная и исключительно демократическая[9]. Чисто буржуазной власти оправдать нельзя. В заговоре Корнилова столкнулись две власти: одна, стоящая за самодержавие, и другая власть, опирающаяся на все слои населения. Победила последняя, иначе и быть не могло. Но не следует бросать огульного обвинения на всю буржуазию, как в свое время было неправдой, что в выступлении демократической улицы 3—5 июля принимала участие вся демократия. Если в движении Корнилова, быть может, и принимали участие некоторые буржуазные группы, то, наверно, большинство их не участвовало в нем. И потому окончательно отстранять их от власти мы не имеем права.

Вторая идея власти состоит в передаче всей полноты ее демократии. Уже с первых дней революции нам указывали, что только лозунг: «Вся власть Советам» способен спасти страну. За последние дни у многих из нас произошла революция в мозгах, и увеличилось число сторонников этого лозунга. Но у меня эта революция не произошла. Я умышленно вышел из состава Временного правительства, чтобы проводить мою идею среди вас с развязанными руками. Чем грознее положение на внешнем и внутреннем фронте, тем более надо сплачивать вокруг себя все живое для защиты страны...

Не забывайте, товарищи, что Петроград — это не вся Россия и потому Петроград должен прежде всего спросить всю Россию. Я дважды бывал на фронте и знаю, что Петроград не пользуется там всеобщим доверием. Причина этого следующая: нас всех слишком обуревает жажда власти. У нас на глазах Зимний дворец, и мы слишком стремимся попасть в него. Провинция его не видит, и поэтому она трезвее»[10]. Голос Скобелева был гласом вопиющего в пустыне. В его поддержку выступил лишь бывший министр и председатель Совета крестьянских депутатов Авксентьев. Другие, особенно те, кто многие годы прожил за границей или был выслан на каторгу в Сибирь, продемонстрировали крайнюю враждебность к политике правительства. Закрывая глаза на внутренние и внешние трудности, они посчитали себя вправе (Бог знает, почему) устанавливать новый режим «трудящихся масс».

Представитель Ленина Каменев произнес речь, которая еще больше убедила сторонников социалистического правительства в том, что их мечта о постоянном сотрудничестве с большевиками вполне осуществима. «Два пункта, — сказал Каменев, — нас всех объединяют: власть должна быть ответственной перед нами и опираться на революционную демократию. Оба эти требования встретили отказ... Объявленный нам состав правительства — это правительство для Керенского, пра-

вительство же для России должно быть создано здесь, с Керенским или без него, в зависимости от нашего усмотрения»[11].

Вслед за Каменевым выступил один из лидеров меньшевиков, Дан, который также подверг критике тот факт, что мое правительство не было подотчетно ВЦИК. Церетели, поддержав резолюцию эсеров и меньшевиков, запрещающую любые контакты с буржуазией, постарался оспорить экстремистское толкование ее Каменевым. Он утверждал, что резолюция предусматривает возможность создания коалиции, пока эта коалиция опирается на демократическое движение. Он не стал пояснять свою весьма неопределенную позицию и не уточнил, чтó он понимает под словом «демократическое».

Что в действительности имели в виду сторонники создания правительства исключительно из социалистов, раскрыл председатель партии эсеров Чернов в ноябре 1917 г. в обращении к IV съезду партии эсеров[12]. Именно это глубокое различие во взглядах лидеров революционной демократии и стремление многих из них вернуть революцию на полгода вспять превратили в конечном счете Демократическое совещание в трагифарс или, говоря словами Ленина, в комедию, что соответствовало истине.

3 сентября ВЦИК направил приглашения принять участие в Демократическом совещании широкому кругу политических и гражданских организаций, с его точки зрения имеющих на то право. Совещание, на котором присутствовало 1492 делегата, открылось 14 сентября. Примечательно, что соотношение сил внутри «революционного демократического» лагеря менялось и в период составления списка приглашенных, и на самом совещании.

5 сентября Московский Совет принял резолюцию, аналогичную той, которую утвердил 31 августа Петроградский Совет. В обоих советах из президиума вышли представители меньшевиков и эсеров, и вместо них в обоих городах были избраны большевики, левые эсеры и объединившиеся с ними меньшевики-интернационалисты. В других крупных городах страны стало возрастать влияние большевиков в рабочих и солдатских организациях[13]. 6 сентября в Москве был опубликован указ о Красной гвардии. Большевистская Красная гвардия вышла из недр рабочей милиции, созданной Советом 27 августа «для содействия правительству».

10 сентября состоялись перевыборы в состав Центрального комитета партии меньшевиков, и большинство в нем получили левые меньшевики-«интернационалисты» во главе с Мартовым. В Центральном комитете партии эсеров разгорелась ожесточенная борьба между теми, кто выступал за создание широкой демократической коалиции, и теми, кто требовал формирования правительства лишь из представителей социалистов.

Цель совещания была предельно проста. Как сформулировал ее 1 сентября Церетели, оно должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь «революционно-демократическому» движению (то есть социалистам), позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция. На самом же деле единство «революционных демократов» было безнадежно подорвано и заняты они были лишь междоусобной борьбой.

Со дня открытия совещания те самые лидеры социалистических партий, которые 1 сентября были готовы перегрызть друг другу горло, в течение всех пяти дней работы совещания вели себя так же на глазах присутствовавших делегатов, а следовательно, на глазах всей страны. Разница была только в том, что на этот раз в поддержку сторонников объединенного социалистического правительства выступила группа хулиганствующих горлопанов, которые своими выкриками и угрозами превратили совещание в шумный балаган.

Конечно, помимо речей в зале заседаний, излагать которые здесь нет смысла, «друзья-враги» проводили за кулисами бесконечные встречи с целью выработать компромиссную, приемлемую для всех резолюцию. В результате они нашли формулировку, в которой говорилось, что Демократическое совещание считает необходимым создать коалиционное правительство с привлечением отдельных буржуазных элементов.

В последний день работы совещания, 19 сентября, в 3 час. 25 мин. пополудни председательствовавший Чхеидзе, открывая заседание, предложил провести голосование по проекту резолюции. Тут же раздались крики левых с требованием вначале решить вопрос, каким должно быть голосование — тайным или поименным.

В результате за тайное голосование высказались 574 делегата, за поименное — 660. Поименное голосование резолюции началось в 4 час. 30 мин. и продолжалось свыше пяти часов. Результаты оказались следующими: 776 человек высказались за коалицию, 688 — против. Из голосовавших против 331 делегат, или почти половина, принадлежал к профсоюзам и Советам солдатских и рабочих депутатов, которые к тому времени уже находились в руках большевиков и их союзников — левых эсеров и меньшевиков-«интернационалистов».

Объявление результатов голосования вызвало бурю возмущения среди большевиков и левых эсеров, которые, потеряв над собой всякий контроль, стали шумно настаивать на голосовании своей поправки. Председатель объявил длительный перерыв. Согласно отчету в газете «Известия», вышедшей на следующий день[14], президиум совещания, поставив на голосование главную резолюцию, не решил предварительно вопроса, в каком порядке проводить голосование по двум вынесенным поправкам. Согласно же моим, более надежным данным, обе эти поправки были внесены тогда, когда уже шло голосование по основной резолюции. Вопрос о порядке внесения поправок не имеет какого-либо значения, ибо, согласно нормальной процедуре, принятой во всех цивилизованных странах, поправки к резолюции голосуются до голосования по самой резолюции. Однако бедлам, царивший в тот момент на совещании, помешал президиуму справиться с обстановкой. Возобновляя заседание, новый председатель Авксентьев, находившийся, по словам очевидцев, в состоянии крайнего возбуждения, объявил, что голосование по двум поправкам состоится после принятия основной резолюции.

Первая поправка была внесена совместно меньшевиком Богдановым и председателем Центрального комитета партии эсеров Черновым, который тем самым нарушил запрет собственной партии вносить на совещании какие-либо предложения в индивидуальном порядке. Поправка гласила, что члены партии кадетов и других организаций, замешанные в заговоре Корнилова, не могут быть включены в состав коалиции. Ясно, что такое требование делало бессмысленной основную резолюцию. Этот маневр вызвал возмущение большого числа делегатов, которые вообще отказались участвовать в голосовании. Однако в конце концов поправка была принята 798 голосами — на 32 голоса больше, чем было отдано за главную резолюцию.

Вторая поправка, требовавшая недопущения в коалицию всех членов партии кадетов, которую совместно внесли большевики и эсеры, не получила абсолютного большинства голосов. Из 595 голосов, поданных за нее, 445 принадлежало представителям Советов и профсоюзов; другими словами, за поправку голосовали все делегаты рабочих и солдат.

После еще одного длительного перерыва на голосование была поставлена вся формулировка в целом вместе с двумя поправками. Но голосовать за эту нелепицу никто не хотел, и резолюция в целом собрала лишь 183 голоса. И снова, на этот раз в мертвой тишине, был объявлен перерыв.

Совещание закончилось полным фиаско, однако, чтобы сохранить лицо, революционные демократы прибегли к весьма хитрой, хотя и прозрачной уловке. После очередного перерыва Церетели, который 1 сентября был одним из самых активных сторонников создания небуржуазного правительства, зачитал следующую резолюцию: «Президиум обсуждал создавшееся после голосования положение и пришел к заключению, что это голосование показывает, что внутри нас, в организованной демократии, нет такого соглашения, такого единства воли, которое силами всей демократии или большого ее большинства могло бы быть претворено в жизнь. Президиум считает поэтому необходимым предложить рассматривать это голосование как показатель настроения настоящего собрания, с тем чтобы, считаясь с этим настроением, отдельные группы и фракции сделали шаги для взаимного соглашения, взаимных уступок и образования единой воли демократии. С этой целью президиум предлагает всем группам совместно с президиумом устроить совещание, где были бы предприняты шаги для соглашения внутри демократии...

Президиум решил предложить вам следующее постановление, принятое единогласно президиумом: Всероссийское Демократическое Совещание постановляет, что оно не разъедется до тех пор, пока им не будут установлены условия организации и функционирования власти в приемлемой для демократии форме. Напоминаю,

что эта резолюция была единогласно принята представителями всех течений и групп, представленных в президиуме»[15].

Я бы хотел здесь отметить, что слово «единогласно», дважды подчеркнутое Церетели, означало, что большевики и их приспешники будут по-прежнему придерживаться единой политики с другими «революционными демократами». Эта резолюция и предложение президиума провести совещание на следующий день были без голосования приняты единогласно под бурные аплодисменты всех присутствовавших.

Поскольку поправка, внесенная Черновым и другими сторонниками чисто социалистического правительства, была принята большим числом голосов, чем основная резолюция, и поскольку дважды подчеркнутое Церетели слово о «единогласии» позволяло Каменеву продолжить игру вокруг «установления единства целей демократического движения», я пошел на следующий день на совещание, которое созвал президиум с участием представителей всех партий.

Я заявил там, что, если совещание решит сформировать правительство из представителей только социалистических партий, я мирно сложу свои полномочия, однако ни я, ни другие члены республиканского правительства не войдем в новое правительство. В связи с крайне тяжелым положением, добавил я, я вынужден настаивать на получении ответа не позднее чем через три дня. На это Каменев немедленно ответил, что при таких условиях не имеет никакого смысла даже обсуждать вопрос о создании чисто социалистического правительства. Без участия большевиков эсеры и меньшевики не смогли бы сформировать нужное им правительство. Они сами осознали это и пошли на капитуляцию.

Но вместо того, чтобы просто и честно признать, что своим союзом с Лениным и его сторонниками они ведут страну к катастрофе, они продолжали делать вид, будто верят в силу и единство «революционной демократии». И тут же приступили к учреждению так называемого Демократического совета. Этот фантастический совет направил в правительство делегацию с целым списком требований. Однако, когда делегаты (Авксентьев, Руднев и Церетели) явились ко мне, чтобы обсудить вопрос о реорганизации правительства в соответствии с пожеланиями Демократического совета, они и не думали настаивать на своих предложениях. Вместо этого они выразили согласие принять участие в совещании, которое созвало правительство для обсуждения вопроса об организации власти.

Совещание открылось 22 сентября под моим председательством. В нем приняли участие, помимо упомянутых представителей «Демократического совета», члены партии кадетов, профсоюзов, групп промышленников и Центрального союза кооперативов. Открывая заседание, я сообщил о нашем плане восстановления коалиции и создания консультативного органа — Временного совета республики[16], который функционировал бы до созыва Учредительного собрания. Я указал, что на нынешней критической стадии нам следует заниматься не столько разработкой новой программы, сколько немедленным формированием нового кабинета на основе баланса политических сил в стране, и на следующий же день опубликовать фамилии министров.

После продолжительных и довольно бурных дебатов мое предложение было принято. На следующий день, 23 сентября, был опубликован новый состав правительства. Помимо членов тех партий, которые входили в коалицию до 27 августа, в состав нового кабинета вошли два представителя от профсоюзов и группы промышленников. В декларации по случаю провозглашения республики и создания Директории Временное правительство заявляло, что оно будет стремиться к расширению своего состава за счет представителей тех элементов, которые ставят интересы отечества выше временных и частных интересов отдельных партий и классов; Временное правительство также не сомневается, что достигнет этой цели в самом ближайшем будущем.

Из-за распада всех основных партий, которые существовали до 27 августа и входили в состав коалиции, это «самое ближайшее будущее» отодвинулось на целый месяц. Обязательство, которое мы взяли на себя 1 сентября, в конце концов было выполнено, но слишком поздно!

Последствием генеральского путча был полный паралич всей законодательной и политической деятельности в стране, поэтому я весь ушел в дело спасения основ демократии и защиты интересов России на предстоящей мирной конференции победителей в войне. В сентябре 1917 г. с официальным вступлением в войну Соединенных Штатов у меня не оставалось никаких сомнений, что следующий год станет годом разгрома Германии. И не только вследствие использования самого современного американского оружия, но и потому, что Германия лишилась поддержки своих союзников — Венгрии и Турции, которые после трех лет сражений с русской армией к 1917 г. утратили всякую боеспособность. Ни неудачи русской армии в конце третьего года войны, ни акты предательства внутри страны не могли уже помешать странам Антанты одержать победу или вычеркнуть из истории войны огромный вклад России в приближающуюся победу.

Генеральный штаб Германии прекрасно понимал значение военных операций на Русском фронте в 1917 году. Вот что писал об этом майор фон дер Бате[17]: «В 1917 г., когда силы России были совсем исчерпаны и революция уже набросила свою тень, все же еще оставалась угроза войны на два фронта. И это при таком положении, когда Германии улыбалось военное счастье и война на Западном фронте, возможно, могла быть кончена удачным ударом. Это было тогда, когда французское наступление Нивеля против всяких ожиданий было сломлено при замешательстве и необычайных потерях на стороне французов, а французский пуалю после этого разочарования начал бунтовать... И при таких условиях те незначительные германские резервы, которые тогда вообще можно было собрать, снова были брошены на Восточный фронт, чтобы покончить с так называемым наступлением Керенского в Галиции, а затем и с рижским наступлением и окончательно освободить тыл Западного фронта... В 1917 г. настоящей трагедией было то, что германская армия на Западном фронте только тогда могла перейти в наступление против действительно заклятого врага, против англичан, когда у нее уже не было достаточно сил, чтобы пробиться через Амьен и Абвиль к морю»[18].

Мы, руководители Временного правительства, отдавали себе в этом полный отчет, и уверенность в победе лежала в основе всей нашей внутренней и внешней политики до последнего дня существования свободной России.

К середине сентября, после напряженных боев в районе Риги, военные действия стали стихать. Русские войска отошли на новые оборонительные рубежи. Продолжались незначительные стычки на Юго-Западном и Румынском фронтах. После весеннего и летнего затишья английские войска предприняли попытку продвинуться на северном участке (в районе Ипра), которая, как и весеннее наступление, окончилась неудачей, тем не менее в сентябре на Западном фронте, преимущественно в итальянском секторе, вновь возобновились военные действия. Людендорф был вынужден приступить к постепенной переброске своих ударных частей на Западный фронт, но этот шаг не имел стратегической ценности.

Проведя в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве чистку и заключив под стражу окопавшихся там заговорщиков, генерал Алексеев продержался на посту начальника штаба всего несколько дней. Его сменил молодой высокоодаренный офицер Генерального штаба генерал Духонин, которого я хорошо узнал, когда он был начальником штаба главнокомандующего Юго-Западным фронтом.

Духонин был широкомыслящий, откровенный и честный человек, далекий от политических дрязг и махинаций. В отличие от некоторых более пожилых офицеров он не занимался сетованиями и брюзжанием в адрес «новой системы» и отнюдь не идеализировал старую армию. Он не испытывал ужаса перед солдатскими комитетами и правительственными комиссарами, понимая их необходимость. Более того, ежедневные сводки о положении на фронте, которые он составлял в Ставке, носили взвешенный характер и отражали реальное положение вещей, и он никогда не стремился живописать Действующую армию в виде шайки безответственных подонков. В нем не было ничего от старого военного чинуши или солдафона. Он принадлежал к тем молодым офицерам, которые переняли искусство побеждать у Суворова и Петра Великого, а это наряду со многим другим означало, что в своих подчиненных они видели не роботов, а прежде всего людей.

Он внес большой вклад в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами. После ряда совещаний в Петрограде и Могилеве, в которых приняли участие не только министр армии и флота, но также главы гражданских ведомств — министры иностранных дел, финансов, связи и продовольствия, — он составил подробный отчет о материальном и политическом положении вооруженных сил. Из отчета следовал один четкий вывод: армию следует сократить, реорганизовать и очистить от нелояльных элементов среди офицерского и рядового состава. После этого армия будет в состоянии охранять границы России и, если не предпринимать крупных наступательных операций, защитить ее коренные интересы.

Правительство и Верховное командование поставили перед собой задачу обеспечить выход из войны Турции и Болгарии. Это позволило бы восстановить через Дарданеллы связь с союзниками и тем самым положить конец блокаде.

В течение всего лета министры продовольствия, внутренних дел и сельского хозяйства безуспешно пытались договориться со Ставкой о демобилизации из армии лиц старших возрастов. И только теперь такая демобилизация стала осуществляться на основе строго определенного плана.

29 сентября в качестве дальнейшего шага в политике, исходящей из близкого окончания войны, Министерство иностранных дел учредило специальную межведомственную комиссию для разработки проекта программы продовольственного и медицинского обеспечения на период демобилизации и возвращения беженцев.

В конце сентября я направил Ллойд Джорджу послание, в котором информировал его о проводимой реорганизации армии и сокращении ее численности. Я подчеркнул, однако, что всеобщему военному наступлению западных союзников в 1918 г. будет оказана необходимая поддержка на Русском фронте, однако сама Россия не сможет предпринять существенных наступательных операций. Послание было отправлено в Лондон английским послом. (Оно до сих пор не опубликовано и, видимо, погребено в архивах британского правительства.)

Шаги, предпринятые Временным правительством в целях реорганизации армии, были единственно возможным средством облегчить бремя войны, которое несли и армия и весь народ, избежав при этом раскола с союзниками, что могло бы лишить Россию решающего голоса в послевоенном урегулировании. Тем временем настойчивые усилия Терещенко в дипломатической сфере укрепили стремление к заключению справедливого и демократического мира, и на совещании правительства с представителями политических партий 22 сентября он смог сообщить, что конференция союзников по вопросу о целях войны, созыву которой он отдал столько усилий, состоится в конце октября.

Несмотря на катастрофические последствия военного мятежа, конструктивная работа в течение шести предшествовавших ему месяцев не прошла даром. Ни один из дней сентября 1917 г. не находилась русская армия в том состоянии паралича, который поразил ее в первые недели после падения монархии. Подавляющее большинство офицеров остались верными своему долгу. Они сохранили спокойствие и делали все возможное, чтобы справиться с теми силами, которые подрывали боевой дух солдат. Армейские комитеты и другие организации на фронте, за редким исключением, вели напряженную борьбу по искоренению пораженческих настроений. На Демократическом совещании представители фронтовых организаций решительно выступили против деструктивных тенденций, которые быстро распространялись среди интеллигенции и рабочих в столице. Можно утверждать, что в целом правительство республики пользовалось твердой поддержкой армии.

Не лишилось правительство и поддержки всего населения, которое, как и в период сразу после Февральской революции, снова стало жертвой актов беззакония и могло рассчитывать лишь на защиту со стороны правительства. 27 августа без всякого согласования с правительством насмерть перепуганные корниловским мятежом эсеры и меньшевики при содействии большевиков создали по всей стране «народные комитеты» по борьбе с контрреволюцией. Контроль над этими комитетами немедленно захватили большевики и их сторонники. Сразу после этого правительство стало получать со всех сторон призывы о помощи в борьбе с самоуправством самозванных «защитников».

4 сентября был опубликован закон (№ 479) о роспуске этих комитетов. Однако ВЦИК, видимо считая себя самостоятельной властью, отдал приказ комитетам

игнорировать этот закон. Насаждаемая большевиками «защита от контрреволюции» распространялась на все большее число людей независимо от того, хотели они или нет такой «защиты». Местные власти там, где могли это сделать, распускали эти комитеты, однако власти эти далеко не всегда могли справиться с хаосом, возникшим в результате деятельности этих комитетов. Министру внутренних дел приходилось все чаще прибегать к помощи специальных организаций, созданных местными гражданскими руководителями, а в середине октября военный министр генерал А. И. Верховский был вынужден направить войска в помощь гражданской администрации.

Несмотря на серьезность создавшегося положения, в сентябре и октябре правительство приняло ряд законов, касающихся предстоящего созыва Учредительного собрания. Выборы в Учредительное собрание при таких условиях были крайне трудным делом для местных властей. И чтобы все-таки обеспечить выборы в назначенный срок, а именно 12 ноября, в избирательную процедуру необходимо было ввести некоторые упрощения. Эта работа была выполнена, и, несмотря на все трудности, созданные большевиками, вопреки всем их попыткам вызвать беспорядки, выборы все же состоялись, и состоялись именно в тот день, который установило Временное правительство. Большевики, находившиеся тогда у власти, получили на них лишь четверть голосов избирателей.

Сегодня, спустя 48 лет, я с полным основанием могу сказать, что, несмотря на три года войны и блокады, несмотря на союз Ленина с Людендорфом и на ту помощь, которую оказали союзники сторонникам Корнилова, демократическое правительство, которое посвятило себя служению народу и выполнению его воли, не удалось бы свергнуть, если бы борьба с ним велась честно, а не с помощью лжи и клеветы. Разнузданная кампания дискредитации как Временного правительства, так и меня лично в разгар корниловского мятежа, несомненно, стала одним из важных факторов разрушения демократии в России.

Мои показания Чрезвычайной следственной комиссии по делу о мятеже генерала Корнилова 8 октября 1917 г. завершились словами: «Для меня лично несомненно, что за Корниловым стояла совершенно определенная группа лиц, связанная не только готовящимся планомерным заговором, но и обладающая большими материальными средствами и располагающая возможностью получать средства из банков. Это для меня совершенно несомненно»[19]. Мои подозрения имели существенные основания.

12 декабря 1917 г. «Известия» опубликовали письмо генерала Алексеева, которое он написал Милюкову 12 сентября. В нем говорилось: «Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции... Цель движения — не изменить существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию... Выступление Корнилова не было тайною от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко[20] и через них — с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом... Движение дивизий 3-го Конного корпуса к Петрограду совершилось по указанию Керенского, переданному Савинковым... Но остановить тогда уже начатое движение войска и бросить дело было невозможно, что генерал Лукомский и высказал в телеграмме от 27 августа номер 6406 Керенскому: «Приезд Савинкова и Львова, сделавших предложение генералу Корнилову в том же смысле от вашего имени, заставил генерала Корнилова принять окончательное решение, и, идя согласно с вашим предложением, он отдал окончательные распоряжения, отменять которые теперь уже поздно».

Из этого отказа Керенского, Савинкова, Филоненко от выступления, имевшего цель создания правительства нового состава, из факта отрешения Корнилова от должности вытекли все затруднения 27—31 августа. Рушилось дело: участники видимые объявлены авантюристами, изменниками и мятежниками. Участники невидимые или являлись вершителями судеб и руководителями следствия, или отстранились от всего, отдав около 30 человек на позор, суд и казнь.

Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только жалели, не только сочувствовали идейно, но как могли, помогали Корнилову... Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть

которых совсем не может быть ответственной? Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению ее лучших доблестных сынов… К следствию привлечены члены Главного Комитета офицерского союза, не принимавшие никакого участия в деле… Почему они заключены под стражу? Почему им грозят тоже военно-революционным судом?..

У меня есть еще одна просьба. Я не знаю адресов гг. Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету Союза офицеров до 300 000 руб. … В этом мы, офицеры, более чем заинтересованы.

…Если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5—7 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда, с тем чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжкую минуту он, покинутый всеми, с малым числом офицеров предстал перед спешным судом, чтобы заплатить своею судьбою за гибнущую родину… Подпись: Михаил Алексеев».

Разумеется, скрытый смысл обращения генерала Алексеева был правильно понят теми, кто «боялся скомпрометировать себя», как и самим Милюковым. Необходимые денежные средства были срочно собраны Путиловым и другими финансистами, подлинными организаторами дела Корнилова. Одновременно на свет появился новый печатный орган — «Общее дело», — который принял самое активное участие в кампании прессы в рамках замысла Алексеева. Своей задачей это издание ставило дискредитацию меня как главы Временного правительства, и публиковавшиеся в нем материалы имели огромную ценность для Ленина в его попытках представить меня «предателем революции», очевидным пособником и подстрекателем Корнилова!

Полная картина заговора раскрылась лишь после захвата большевиками власти. Имя генерала Алексеева не упоминалось ни в одном из документов, относящихся к заговору, а потому причастность к нему генерала доказать было нелегко. Я прочитал его письмо от 12 сентября уже после Октябрьской революции, находясь в подполье и работая над материалами, связанными с корниловским мятежом. Генерал Алексеев был не только видным и проницательным стратегом, но и хитрым политиком. Он понимал причины провала попытки Ленина захватить в июле власть и последовавшего через два месяца почти мгновенного поражения Корнилова. Он осознал, что новому претенденту на власть, чтобы иметь хоть какой-то шанс на успех, прежде всего необходимо разрушить тесные связи между народом и армией, с одной стороны, и Временным правительством — с другой, путем компрометации наших идеалов и дискредитации меня лично. На это и направили поток лжи и клеветы сторонники Корнилова, которые рассматривали свое поражение лишь как временную неудачу.

Нет нужды говорить о том, что все сказанное ими лило воду на мельницу другого претендента на диктаторскую власть — Ленина. Генерал Алексеев отдавал себе отчет, что подобная тактика побудит необразованные массы качнуться влево, но это не заботило ни его, ни его сторонников. Их вообще не беспокоила перспектива захвата большевиками власти. Ленин сбросит Керенского, размышляли они, и тем самым, не подозревая об этом, расчистит путь к созданию «крепкого правительства», которое неизбежно придет к власти через три или четыре недели[21].

В ходе этой клеветнической антиправительственной кампании «солидные» газеты не только распространяли компрометирующие слухи и сплетни, но публиковали и заведомо ложные свидетельства вроде корниловского, и фальшивые документы. Именно такие «документы» дали в руки Ленина, Троцкого, Сталина и им подобных необходимые «свидетельства», чтобы изобразить меня сторонником Корнилова.

В интервью газете «Русские ведомости», которое он дал в Москве 4 октября, Председатель Чрезвычайной комиссии по делу генерала Корнилова и его сообщников И. С. Шабловский заявил, что смог познакомиться с опубликованными материалами по этому делу лишь по возвращении из Ставки в Москву. Отвечая на

вопросы представителей печати, он, между прочим, сказал: «Если даже признать, что опубликованные записки ярко и исчерпывающе обрисовывают роль генерала Корнилова, то все же они касаются исключительно того периода времени, когда генералом Корниловым еще не был предъявлен известный ультиматум Временному правительству. С того времени поведение и мотивы действий генерала Корнилова не находят себе никаких объяснений в опубликованных газетами материалах. Кроме того, и по существу эти материалы не вполне точны. Я мог бы исправить не только отдельные слова и выражения, но и целые показания генерала Алексеева, которые на днях были опубликованы в печати. Для всестороннего обсуждения всех обстоятельств, предшествовавших известному ультиматуму, следственная комиссия допросила А. Ф. Керенского, который сам пожелал явиться и дать комиссии свои компетентные разъяснения. Возможно, что на днях министр-председатель будет передопрошен». (Новые показания я представил комиссии 8 октября, однако мой подробный и исчерпывающий отчет об «ультиматуме», конечно же, не появился ни в одной из газет.) «Вообще же, — закончил генерал Шабловский, — весь шум, поднятый опубликованными записками, только мешает правильному течению следствия: в сущности, ничего не разъясняя, оглашение данных предварительного следствия ведет к нежелательным кривотолкам, тревожащим общество, и не дает следственной власти спокойно и беспристрастно разрешить тот больной вопрос, который получил историческое название „корниловщина“»[22].

8 октября в газетах было помещено официальное заявление Чрезвычайной следственной комиссии (за подписью ее председателя Шабловского), в котором говорилось, что в различных органах печати недавно появились многочисленные сообщения, касающиеся обстоятельств дела Корнилова, а также отчеты о показаниях лиц, представших перед комиссией. Опубликованные сообщения, подчеркивалось в заявлении, не исходят ни от комиссии, ни от ее членов. Понимая законный интерес общественности к этому делу, комиссия тем не менее не считает возможным публиковать факты, полученные ею в целях, насколько это возможно, полного и объективного расследования. Соответствующее заявление для печати будет сделано в ближайшее время по завершении работ комиссии.

Однако оба эти заявления председателя комиссии не остановили потока лжи и клеветы. «Честные» газеты, поддерживавшие генерала Алексеева, продолжали отравлять сознание общественности, изображая меня в виде политического шарлатана и мошенника, а ленинские газеты вроде «Рабочего пути» и многие другие большевистские издания с готовностью перепечатывали все эти публикации. Должен признаться, что вся эта чудовищная и гнусная кампания измотала меня. Мне, однако, ничего не оставалось, как хранить молчание[23], глядя, как внедряются ядовитые семена в сознание интеллигенции, солдат и рабочих, подрывая авторитет мой личный и правительства. На какое-то время я утратил веру в людскую справедливость. Несколько дней я чувствовал себя нездоровым, а приехав в Ставку Верховного главнокомандования, даже упал в обморок. Привели меня в чувство слова генерала Духонина: «Керенский, вы не можете, не имеете права устраниться от дел в столь критическое время. Вы несете на своих плечах слишком большую ответственность». Через день я был уже на ногах, готовый с прежней решимостью продолжить свою борьбу.

В период сентябрьского затишья на фронте, когда германское командование убедилось, что действия Ленина в России все еще не дали результатов, когда все союзники Германии во главе с Австро-Венгрией лишь искали предлога, чтобы выйти из войны, Берлин решился на крайнюю меру и бросил против России весь свой флот, включая дредноуты, линкоры, крейсера, миноносцы и подводные лодки, и даже прибегнул к поддержке авиации.

27 (или 28) сентября мы получили сигнал, что к русским берегам приближается армада германских кораблей. Сразу же после этого командующий Балтийским флотом уведомил нас о начале военных действий. Газеты сообщали, что линейный корабль «Слава» вместе с крейсерами «Баян» и «Гражданин» вошли в соприкосновение с противником в районе Рижского залива и огнем орудий крупного калибра отогнали авангард противника. Установив затем местоположение основных сил противника, в состав которых входили два дредноута, они вступили с ними в бой. Технически более совершенные дредноуты стремились вести огонь с максимальной дистанции, превышающей дальность стрельбы с наших устаревших линейных

кораблей. Несмотря на очевидное превосходство сил противника, русские военные корабли в течение длительного времени обороняли подходы к Моонзунду, и лишь серьезные повреждения, нанесенные огнем дредноутов, вынудили их отойти в Моонзундский канал. Огромная пробоина, полученная «Славой» ниже ватерлинии, привела к гибели корабля. Во время перестрелки береговые батареи, расположенные у входа в Моонзунд, отогнали крейсера противника, которые пытались приблизиться к линкорам. В конце операции германские дредноуты обратили огонь своих пушек на береговые батареи и в короткое время уничтожили их. Другая группа русских военных кораблей, находившихся в Моонзунде, отражала ожесточенные атаки противника с севера. Атаки не увенчались успехом. Одновременно большое число вражеских гидроаэропланов подвергло массированной бомбардировке наши корабли, доки и остров Моон, занятый русскими частями. Наблюдательные посты засекли, как и в предыдущие дни, вблизи островов Эзель и Даго много кораблей противника, включая дредноуты, в сопровождении крейсеров и сторожевых кораблей. Только на рейде, в самом дальнем видимом квадрате, наблюдатели насчитали до 65 вымпелов.

Морское сражение за Моонзунд вписало славную страницу в историю русского флота. Как и бои под Ригой, оно показало, на что способны русские люди и что они могут вынести, если их родине грозит опасность. 3 октября германский флот провел операцию по высадке десанта на остров Эзель и в район Моонзундских укреплений, прикрывавших подступы к Кронштадту и Петрограду.

12 октября большевики создали в рамках Петроградского Совета «Военно-революционный комитет». Официально он был призван защищать «столицу революции» от германского вторжения, в действительности же стал штабом подготовки вооруженного восстания против правительства. Послушные указаниям Ленина большевики во всех своих публичных заявлениях с негодованием отвергали сообщения о такой подготовке, однако в инструктивном письме, посланном из Финляндии, Ленин писал, что, готовясь к вооруженному восстанию, большевики должны возложить на своих противников не только ответственность, но и инициативу в его организации.

Выполняя эту директиву, Троцкий в своих статьях лицемерно утверждал, что солдаты, рабочие и матросы Петрограда убеждены, что, разрушая русскую демократию, они на самом деле спасают ее от надвигающейся контрреволюции «корниловцев». Позднее Ленин тоже не раз прибегал к подобному двурушничеству — при подготовке сепаратного мира, при разгоне Учредительного собрания, при ликвидации всех гражданских и политических свобод и в своей беспощадной войне с крестьянством.

Играя на подлинно патриотических чувствах народа, Ленин, Троцкий и им подобные цинично утверждали, что «прокапиталистическое» Временное правительство во главе с Керенским готово предать родину и революцию, свободу и достоинство отечества и намерено продать все это немцам. А потому, согласно их рассуждениям, долг тех, кто ведет борьбу за «почетный, демократический мир для всех народов», — свержение сторонников позорного сепаратного мира, чтобы «демократическая революционная Россия» могла установить мир с народами другой стороны через головы «империалистических правительств».

На рабочих митингах они говорили уже другим языком, в какой-то степени более откровенно. Тут они рассуждали о «диктатуре пролетариата». Только такая диктатура, уверяли они, способна защитить достижения революции и завоеванную свободу. Пролетариат твердый и несгибаемый защитник мира, он требует свержения правительства Керенского, чтобы установить свою диктатуру в интересах самой революции; это — единственное средство, с помощью которого крестьяне, рабочие и солдаты смогут добиться демократического мира, земли и полной свободы. Многие рабочие свято верили во все это и были готовы разрушить свободу и распять революцию во имя грядущей тоталитарной диктатуры, убежденные, что выполняют «освободительную миссию пролетариата».

Иные иностранцы могут подумать, что лишь политически незрелые, неграмотные русские солдаты, матросы и рабочие могли попасться на эту грубую ложь Ленина. Ничего подобного! Есть высшая форма лжи, которая уже одной своей чрезмерностью импонирует людям, независимо от их интеллектуального уровня. Есть некий психологический закон, согласно которому, чем более ложь чудовищна, тем охотнее ей верят. Именно рассчитывая на этот изъян человеческой души, и строил Ленин свою стратегию захвата власти.

Ленин, Зиновьев, Каменев и Троцкий — все они провели много лет за границей, в тех же эмигрантских кругах, в которых вращались другие социалисты небольшевистского толка. С точки зрения этих последних, большевизм представлял собой просто-напросто самое крайнее крыло общего социалистического и революционного движения. Среднему социалисту трудно было поверить, что Ленин, в глубине души мечтавший о мировой революции, способен встать на путь практического сотрудничества с немцами. В их глазах это была несомненная и очевидная «гнусная клевета!» Также они психологически не допускали и мысли, что Ленин и его генеральный штаб готовы силой оружия разогнать Учредительное собрание.

Ленин оставался в Финляндии до начала Октябрьского восстания, однако от его имени в Петрограде действовали два его надежных агента — Троцкий и Каменев. На Троцкого была возложена ответственность за техническую подготовку восстания и за политическую агитацию среди масс солдат, матросов и рабочих. Перед Каменевым была поставлена другая, отнюдь не менее важная задача: в период, непосредственно предшествующий восстанию, ему надлежало отвлечь внимание социалистических партий от подлинных целей Ленина, рассеять их подозрения и добиться, чтобы в момент выступления Троцкого эти партии не оказали Временному правительству активной помощи.

Каменев выполнил эту задачу превосходно. Этот мягкий, приветливый человек в совершенстве владел искусством с подкупающим правдоподобием прибегать ко лжи. С удивительной легкостью он завоевывал расположение тех самых людей, которых водил за нос, и проделывал это с выражением почти детской невинности на лице.

А решающий момент стремительно приближался. На 12 ноября были назначены выборы в Учредительное собрание. Но Ленин не мог позволить себе дожидаться их, ибо, по собственному его признанию, не мог рассчитывать на получение большинства. 7 ноября в Петрограде должен был начать работу II Всероссийский съезд Советов. По мнению Ленина, было бы предательством революции придерживаться детских и позорных формальностей, ожидая открытия съезда, ибо, хотя Советы и представляли собой отличное оружие при захвате власти, они превратились бы в бесполезную игрушку после захвата власти[24].

Крайне важно было вырвать власть из рук Временного правительства до того, как распадется австро-германо-турецко-болгарская коалиция, другими словами, до того, как Временное правительство получит возможность заключить совместно с союзниками почетный мир. Интересы Ленина и германского Генерального штаба снова совпали. Для того чтобы помешать Австрии подписать сепаратный мирный договор, немцам нужен был переворот в Петрограде. Для Ленина немедленный мир с Германией сразу после захвата власти был единственным средством установления диктатуры.

И немцы и Ленин, конечно же, знали, что 28 октября министр иностранных дел Терещенко, представитель Ставки Верховного главнокомандования генерал Головин, представитель социал-демократов Скобелев, а также английский посол должны были отбыть в Париж, чтобы принять участие в конференции стран Антанты, назначенной на 3 ноября, которая, без сомнения, могла оказать воздействие на ход войны.

Очень многие люди, принадлежавшие к социалистическим партиям, расценивали слухи о предстоящем большевистском восстании как «контрреволюционные измышления». Все еще находясь под впечатлением недавнего корниловского путча и воздействием убаюкивающей и изощренной пропаганды Каменева, левые партии боялись только «угрозы справа». Как я уже сказал, такой угрозы вообще не существовало, и начиная с 30 августа Ленин отлично понимал это. Следует иметь в виду, что, готовя свой удар по Петрограду, правые заговорщики всячески стремились «организовать» в городе большевистский мятеж. Теперь же, в середине октября, все приспешники Корнилова из числа военных и гражданских лиц получили указания противодействовать мероприятиям правительства по подавлению большевистского восстания.

Таким образом, как и раньше, борьбу определяли три основные силы.

Большевистская и правая пресса, большевистские и правые агитаторы с одинаковым рвением критиковали меня. Существовала, конечно, разница в терминологии, которую они использовали для нападок: большевики называли меня «Бонапартом», а правые — «полубольшевиком», однако и для одного и для другого лагеря имя мое было символом демократической, революционной, свободной России, которую нельзя было уничтожить, не ликвидировав возглавляемого мною правительства.

И большевики, и сторонники Корнилова хорошо понимали, что, подорвав моральный авторитет тех, кто воплощал верховную власть в республике, они на долгие годы парализуют все демократические и народные силы в России. Однако, как и в Смутное время за 300 лет до того, политическое самосознание многих высокопоставленных деятелей и политиков явно притупилось. Ослабла воля, иссякло терпение, и это в тот момент, когда решалась судьба России, когда русский народ, по справедливому замечанию Черчилля, держал победу в своих руках.

Я твердо уверен, что восстание 24—25 октября не случайно совпало по времени с серьезным кризисом в австро-германских отношениях, как не случайно «совпало» контрнаступление Людендорфа с предпринятой Лениным попыткой восстания в июле. К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно около 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены прибудут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября. Вполне вероятно, что Людендорф и все другие сторонники войны «до последней капли крови» узнали об этом раньше нас. А посему задача Людендорфа сводилась теперь к тому, чтобы Австрии выйти из войны, а план Ленина — к захвату власти до того, как правительство сможет разыграть эту козырную карту, лишив его тем самым всех шансов на захват власти.

24 октября Ленин направил членам Центрального комитета истерическое письмо, в котором говорилось: «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... Нельзя ждать!! Можно потерять все!! ...Было бы гибелью... ждать колеблющегося голосования 25 октября...»[25].

В ночь на 23 октября Военно-революционный комитет Троцкого, отбросив всякую маскировку, начал отдавать приказы о захвате в городе правительственных учреждений и стратегических объектов. Имея на руках эти документальные подтверждения начинающегося восстания, я в 11 час. утра 24 октября отправился на заседание Совета Российской республики и попросил председательствующего Авксентьева немедленно предоставить мне слово. Я произносил речь, когда ко мне подошел Коновалов и протянул мне записку. Ознакомившись с ней, я после паузы продолжал: «Мне сейчас представлена копия того документа, который рассылается сейчас по полкам: «Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов грозит опасность. Предписываю привести полк в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться изменой революции. За председателя Подвойский. Секретарь Антонов». (Крики справа: «Предатели!») Таким образом, в столице в настоящее время существует состояние, которое на языке судейской власти и закона именуется состоянием восстания. В действительности это есть попытка поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма! (Возглас в центре: «Правильно!» Слева шум и возгласы: «Довольно!») Я говорю с совершенным сознанием: «чернь», потому что вся сознательная демократия и ее Центральный исполнительный комитет, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого. (Бурные аплодисменты на всех скамьях, за исключением тех, где находятся меньшевики-интернационалисты.)...

Отчетливо понимая, что объективная опасность этого выступления заключается не в том, что часть здешнего гарнизона может захватить власть, а в том, что это движение, как и в июле месяце, может быть сигналом для германцев на фронте, для нового удара на наши границы и может вызвать новую попытку, может быть

более серьезную, чем попытка генерала Корнилова. Пусть вспомнят все, что Калуш и Тарнополь совпадали с июльским восстанием... Я пришел сюда, чтобы призвать вас к бдительности, для охраны всех завоеваний свободы, многими поколениями, жертвами, кровью и жизнью завоеванной свободным русским народом. Я пришел сюда не с просьбой, а с уверенностью, что Временное правительство, которое в настоящее время защищает эту новую свободу, встретит единодушную поддержку всех, за исключением людей, не решающихся никогда высказать смело правду в глаза, и поддержку не только Временного Совета, но и всего Российского государства. (Бурные аплодисменты всех, за исключением меньшевиков-интернационалистов.)

С этой кафедры от имени Временного правительства я уполномочен заявить: Временное правительство, исходя из определенного взгляда на современное состояние вещей, находило одной из главных своих обязанностей по возможности не вызывать острых и решительных колебаний до Учредительного собрания. Но в настоящее время Временное правительство заявляет: те элементы русского общества, те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно с этим раскрыть фронт Германии, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации. (Бурные аплодисменты справа, в центре и частично левых сил; смех представителей интернационалистов.) Пусть население Петрограда знает, что оно встретит власть решительную и, может быть, в последний час или минуты разум, совесть и честь победят в сердцах тех, у кого они еще сохранились. (Аплодисменты представителей центра и левых.) Я прошу от имени страны, да простит мне Временный Совет Республики, — требую, чтобы сегодня же в этом заседании Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания»[26].

Твердо убежденный, что Совет поддержит мои требования, я возвратился в штаб Петроградского военного округа, чтобы заняться принятием мер по ликвидации восстания в самом зародыше. Я был уверен, что через несколько часов получу положительный ответ. Однако день кончался, а ответа все не было. Лишь к полуночи ко мне явилась делегация от социалистических групп Совета и вручила мне резолюцию, принятую после бесконечных и бурных дебатов левым большинством Совета в разного рода комитетах и подкомитетах. Резолюция эта, уже никому тогда не нужная, не представляла никакой ценности ни для правительства, ни для кого-либо еще. Она была бесконечно длинная, запутанная, обыкновенным смертным мало понятная. Внимательнее прочитав, я понял, что в ней содержится выражение условного доверия правительству, обставленное многочисленными оговорками и критическими замечаниями.

Возмущенный, я в довольно резкой форме сказал Дану (который возглавлял делегацию), что резолюция совершенно неприемлема. Дан отнесся спокойно. Никогда не забуду, что́ он сказал. На его взгляд и, видимо, на взгляд других членов делегации, я преувеличиваю размах событий под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что оскорбляющая «самолюбие правительства» резолюция, принятая большинством Совета Республики, чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах»; что эффект ее «уже сказывается» и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». Кроме того, по его словам, большевики в переговорах с лидерами советского большинства сами изъявили готовность «подчиниться воле большинства Советов», что они готовы «завтра же» принять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции». Со скрытой угрозой он заявил, что все принятые правительством меры к подавлению восстания только «раздражают массы» и что вообще я своим вмешательством лишь «мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания».

Во всем этом чувствовалась рука Каменева: не говоря ни слова, я вышел в соседнюю комнату, где проходило заседание правительства, и зачитал текст резолюции. Затем я изложил суть нашего разговора с Даном. Нетрудно представить себе реакцию моих коллег. Я вернулся в комнату, где сидели члены делегации, и возвратил Дану документ, соответственно прокомментировав эту бессмысленную и преступную резолюцию[27].

Делегация Совета Республики посетила меня, когда вооруженные отряды Красной гвардии занимали одно за другим правительственные здания и арестовали одного из министров правительства — Карташова, который направлялся домой после заседания Временного правительства в Зимнем дворце. Карташова доставили в Смольный почти одновременно с возвращением туда Дана, намеревавшегося продолжить переговоры с Каменевым о путях «ликвидации восстания, вспыхнувшего» вопреки воле большевиков. По словам Дана, самую большую опасность завоеваниям революции в то время представлял мой «реакционный штаб». На деле же, однако, три четверти офицеров Петроградского военного округа, как и Дан с его друзьями, саботировали все усилия правительства справиться с восстанием, которое быстро набирало силу.

Проведя всю ночь 24 октября в переговорах с представителями других социалистических партий, Каменев достиг своей цели: военные организации эсеров и меньшевиков сохраняли полную пассивность. А большевистские агитаторы беспрепятственно занимались своим делом в солдатских казармах, не встречая никакого противодействия со стороны представителей меньшевиков и эсеров.

Ночь с 24 на 25 октября прошла в напряженном ожидании. Мы ждали прибытия с фронта воинских частей. Я вызвал их заранее, утром 25 октября они должны были быть в Петрограде. Однако вместо войск поступили телеграммы и телефонограммы о блокаде и саботаже на железных дорогах. К утру (25 октября) войска так и не прибыли. Центральная телефонная станция, почтамт и большинство правительственных зданий были заняты отрядами Красной гвардии. Здание, где всего лишь день назад проходили бесконечные и бессмысленные дебаты Совета Республики, также захватили красногвардейцы.

Зимний дворец оказался в полной изоляции, с ним не было даже телефонной связи. После заседания, которое затянулось до раннего утра, большинство членов правительства отправилось домой, чтобы хоть немного передохнуть. Мы с Коноваловым направились в штаб военного округа, который находился совсем рядом, на Дворцовой площади. С нами пошел еще один министр, Кишкин наиболее известный в Москве либеральный деятель. После краткого совещания было решено, что я немедленно отправлюсь встречать эшелоны с войсками. Мы были абсолютно уверены, что паралич, охвативший демократический Петроград, будет преодолен, как только все поймут, что заговор Ленина — это не плод какого-то недоразумения, а предательский удар, полностью отдающий Россию на милость немцев.

На всех улицах вокруг Зимнего дворца стояли патрули Красной гвардии. Все контрольно-пропускные посты на подступах к Петрограду вдоль дорог к Царскому Селу, Гатчине и Пскову были тоже заняты большевиками.

Отдавая себе отчет в рискованности такого шага, я решил ехать через город в автомобиле. Такие поездки я совершал постоянно, и к ним все привыкли. Когда подали мой превосходный открытый автомобиль, мы объяснили солдату-шоферу его задачу. В последний момент, когда помощник командующего Петроградским военным округом, мой адъютант и я были готовы отправиться в путь, прибыли представители английского и американского посольств и предложили нам выехать из города в автомобиле под американским флагом. Я поблагодарил союзников за их предложение, однако заметил, что главе правительства не пристало ехать по улицам русской столицы под прикрытием американского флага. Позднее я, однако, узнал, что один из моих офицеров, для которого не оказалось места в нашей машине, сел в автомобиль союзников, который следовал за нами на некотором расстоянии.

Попрощавшись с Коноваловым и Кишкиным, оставшимися в Петрограде, я тронулся в путь. Впереди сидели водитель и адъютант, я — в своей обычной полувоенной форме — сзади. Рядом со мной сидел помощник командующего войсками Петроградского округа Кузьмин, напротив нас — еще два адъютанта[28]. Водителю было велено ехать по главной столичной улице в сторону контрольно-пропускных постов с обычной скоростью. Такой расчет полностью оправдался. Мое появление на улицах охваченного восстанием города было столь неожиданно, что караулы не успевали на это отреагировать надлежащим образом. Многие из «революционных» стражей вытягивались по стойке «смирно» и отдавали мне честь! Выехав за пределы города, водитель нажал на акселератор, и мы вихрем понеслись по дороге.

Видимо, ему почудилось, будто кто-то уже донес Ленину и Троцкому о моем отъезде.

У контрольно-пропускного пункта у Московской заставы нас обстреляли, тем не менее мы благополучно прибыли в Гатчину. Несмотря на попытку задержать нас там, мы и Гатчину миновали благополучно. К ночи мы добрались до Пскова, где размещалась Ставка главнокомандующего Северным фронтом. Чтобы чувствовать себя в полной безопасности, мы устроились на частной квартире моего шурина генерал-квартирмейстера Барановского. По моему приглашению на квартиру прибыл главнокомандующий генерал Черемисов, который, однако, как выяснилось, уже начал «флиртовать» с большевиками. Движение войск к Петрограду, о котором я распорядился, было остановлено по его приказу. После довольно резкого разговора генерал Черемисов удалился. У нас не было никаких сомнений, что он сообщит новым хозяевам положения о моем прибытии в Псков. А потому нам ничего не оставалось, как ехать дальше, в сторону фронта.

В маленьком городке Острове располагался 3-й Конный казачий корпус. Именно этому подразделению под командованием генерала Крымова надлежало в сентябре захватить столицу. В разговоре со мной Черемисов сообщил, что новый командующий 3-м корпусом генерал Краснов, находясь в Пскове, пытался установить со мной связь. Я поинтересовался, где Краснов находится в настоящее время, и получил ответ, что он возвратился в Остров. Мы решили немедленно отправиться в Остров и, если не найдем там Краснова, выехать в Могилев, чтобы встретиться в Ставке с начальником штаба Верховного главнокомандования генералом Духониным.

Позже я узнал, что Духонин дважды пытался установить со мной связь по телефону, однако Черемисов воспрепятствовал этому. Духонин по прямой линии связался со ставкой Северного фронта и разговаривал с начальником штаба Черемисова Лукирским. В самом начале разговора Лукирский сообщил Духонину, что командующий Северным фронтом отменил его (Духонина) приказ о переброске войск к Петрограду и что он (Лукирский) не может дать этому объяснения. Тогда Духонин спросил Лукирского, может ли он лично переговорить с Черемисовым. Такой разговор состоялся. Вот его запись:

«*Лукирский:* Иду доложить об этом Главкосеву. Я передам командующему, что вы находитесь на линии.

Черемисов: Здравствуйте, Николай Иванович [Духонин]. Вы что-то начали сейчас говорить.

Духонин: Генерал Лукирский мне сообщил, что вами отдано распоряжение, отменяющее отправку войск в Петроград по приказанию Главковерха, чем это вызывается?

Черемисов: Это сделано с согласия Главковерха, полученного мною от него лично…

Керенский от власти устранился и выразил желание передать должность Главковерха мне, вопрос этот, вероятно, будет решен сегодня же. Благоволите приказать от себя, чтобы перевозки войск в Петроград, если они производятся на других фронтах, были прекращены. Главковерх у меня. Не имеете ли вы что передать ему?

Духонин: Можно ли попросить его к аппарату?

Черемисов: Невозможно в его интересах».

После продолжительного обсуждения положения на фронте и в Петрограде, относительно которого у двух генералов были противоположные точки зрения, Духонин заявил Черемисову:

«Если Главковерх Керенский предполагает передать должность вам, то я во имя горячей любви к Родине умоляю вас разрешить мне передать об этом Временному правительству, с которым есть у меня связь. Вас же умоляю не останавливать отданных распоряжений о движении войск, назначенных в Петроград… Вам как будущему Главковерху не придется считаться с весьма тяжелыми…» Не дав Духонину закончить фразы, Черемисов прервал его словами: «Извиняюсь… Меня давно уже зовут, можно ли будет вас вызвать часа через два?»

26 октября генерал Духонин вызвал генерала Лукирского и сказал, что «вчера после отдачи распоряжения по отмене движения войсковых частей к Петрограду приехал Александр Федорович, который не разделяет мнения Главкосева о необхо-

димости отмены движения назначенных войсковых частей к Петрограду. Однако передать распоряжение с подтверждением приказа о движении на Петроград не удалось, так как у аппаратов революционным комитетом, сформировавшимся в Пскове, были поставлены особые дежурные члены этого комитета»[29].

Без ведома Духонина по всем фронтам стало распространяться заявление генерала Черемисова, будто отправка войск в Петроград была остановлена с моего согласия, будто я сложил с себя полномочия Верховного главнокомандующего и передал ему свои обязанности. Формирование на разных фронтах подразделений для переброски к Петрограду было прекращено, остановлены были и эшелоны с войсками, двигавшимися к столице. Утром 26 октября правда стала известна, однако несколько важнейших часов было потеряно.

За несколько минут до нашего отъезда в Остров в дверь позвонили, и в комнату вошел генерал Краснов вместе с начальником штаба Поповым. Черемисов лгал мне, будто Краснов уехал из Пскова. К счастью, однако, Краснов понял, что командующий Северным фронтом стремится помешать нашей встрече, и решил по возможности сам разыскать меня. Зная о том, что Барановский мой шурин, он и направился к нему на квартиру.

К утру 26 октября мы оба уже были в штабе 3-го Конного корпуса в Острове. Всю «боевую мощь» корпуса составляли несколько сотен казаков (500—600) и несколько пушек. Все остальные части были отправлены на фронт и в район Петрограда. С этими жалкими остатками войск и артиллерии мы решились пробиться к Петрограду. Наспех сколоченные большевиками военные комитеты и железнодорожники получили от Ленина приказ воспрепятствовать нашему возвращению в Петроград, но остановить нас были не в силах. В тот же вечер в поезде на пути в Петроград мы узнали, что накануне ночью большевики захватили Зимний дворец и арестовали все Временное правительство.

Преодолев по пути немало трудностей, наш отряд без единого выстрела захватил утром 27 октября Гатчину. Тысячи солдат, которые, как считалось, примкнули к большевикам, бросив оружие, бежали из города. Тем же утром я получил в Гатчине донесение из Петрограда, что временный паралич преодолен и все сторонники Временного правительства в разных полках и военных школах втайне готовятся к сражению. Мобилизованы также все подразделения боевиков партии эсеров. В помощь нам генерал Духонин и командующие других фронтов, за исключением Северного, направили воинские подразделения. С разных участков фронта к нам стремятся прорваться 50 эшелонов с войсками. На фронте и в Москве вспыхнули бои между защитниками правительства и большевиками.

К тому времени большевики захватили самую мощную в России царскосельскую радиостанцию. Они немедленно начали вести пропагандистскую кампанию по деморализации русских войск на передовых линиях. Одновременно II съезд Советов выступил со своим знаменитым обращением об установлении всеобщего демократического мира! Войск у нас в Гатчине было очень мало. И противодействовать влиянию ленинской пропаганды на фронтовые части нам было нечем.

Краснов согласился со мной, что надо попытаться с боем захватить Царское Село и оттуда немедленно двинуться на Петроград, где нам на помощь придут верные воинские подразделения, офицеры кадетских корпусов и отряды боевиков разных партий. На рассвете 28 октября правительственные войска выступили из Гатчины. Генерал Краснов находился в прекрасном расположении духа и был абсолютно уверен в успехе. Наши взаимоотношения основывались на полном взаимном доверии. Не желая вмешиваться в приказы Краснова, я остался в Гатчине, чтобы ускорить прибытие эшелонов, направленных на помощь нам.

Прошло несколько часов, а от Краснова не поступало никаких известий. Это озадачило меня, ибо как раз перед уходом войск из Гатчины мы получили крайне обнадеживающее сообщение о состоянии дел в Царском Селе. За несколько часов положение не могло столь круто измениться. Я вызвал автомобиль и отправился вслед за Красновым. На полпути между Царским Селом и Гатчиной находилась метеорологическая станция. С ее вышки я в полевой бинокль разглядел расположение правительственных войск, которые пребывали в состоянии странной пассивности.

Я подъехал, чтобы разобраться в происходящем. Объяснения Краснова носили весьма туманный характер и были лишены смысла. Сам он держался сдержанно и

формально. Неожиданно я различил в окружении генерала Краснова несколько знакомых людей, входивших в Совет казачьих войск. Этот совет, одна из наиболее правых антидемократических организаций, придерживался политики «использовать Ленина для свержения Керенского». Я спросил Краснова, почему рядом с ним находятся эти люди. Генерал казался крайне смущенным, однако от ответа уклонился. И тогда мне стала понятна причина внезапной остановки движения войск к Царскому Селу и перемены в поведении Краснова.

Мне пришлось оказать большое давление, чтобы заставить войска продолжить движение. И лишь ранним вечером, а не в полдень, как первоначально предполагалось, достигли мы окраин Царского Села. И тут Краснов доложил о своем намерении отвести войска несколько назад и взять город на следующий день. Это переполнило чашу моего терпения!

Как раз в этот момент к нам прибыл из столицы один из влиятельных политических деятелей и сообщил, что в Петрограде все готово для начала вооруженного восстания в поддержку правительственных войск, что население и все антибольшевистские партии с нетерпением ожидают нашего прибытия и что крайне важно действовать без промедления. Я отдал генералу Краснову письменный приказ немедленно занять Царское Село. Он все еще колебался. Тогда я подъехал к контрольно-пропускному пункту на окраине города, где собралась толпа оборванных вооруженных солдат, встал во весь рост, вынул часы и объявил, что даю им три минуты, чтобы сложить оружие, после чего артиллерия откроет по ним огонь. Солдаты немедленно подчинились. Царское Село было, таким образом, взято без единого выстрела, но после 12 часов фатального промедления.

К утру 29 октября нам следовало быть в Петрограде, а мы дошли лишь до Царского Села. В тот день в столице вспыхнуло антибольшевистское восстание. В четыре пополудни меня позвали к телефону. Звонили из Михайловского дворца, расположенного в самом центре города, где разместился штаб сторонников правительства. Они просили прислать помощь, а мы были бессильны это сделать.

Финальный акт трагической борьбы Временного правительства за свободу и честь России разыгрался 30 октября вблизи знаменитой Пулковской обсерватории. Так называемые Пулковские высоты были в руках кронштадтских матросов. В нашем распоряжении имелись 700 казаков, бронепоезд, пехотный полк, только что прибывший с фронта, и несколько полевых орудий. Едва наша артиллерия открыла огонь, солдаты Петроградского гарнизона оставили свои позиции и в погоню за ними бросились казаки. Однако правый фланг большевиков, где находились кронштадтские матросы, не дрогнул.

Несмотря на тактический успех под Пулковом, мы были вынуждены вновь отойти к Гатчине. У нас просто не было сил, чтобы преследовать бегущего противника или укрепиться вдоль протяженной линии военных действий. В Гатчине моральный дух правительственных войск стал стремительно падать. Генерал Краснов и офицеры его штаба стали уговаривать меня вступить с большевиками в мирные переговоры. Я решительно отказался, однако 31 октября военный совет решил направить в Петроград свою делегацию.

К Гатчине вот-вот должны были подойти подкрепления с фронта. В Луге, ближайшем к Гатчине городе, весь гарнизон был на стороне правительства. И я решил на какое-то время заняться игрой. В Петрограде уже был создан центр антибольшевистских сил — «Комитет спасения родины и революции». Прибегнув к помощи комиссара при Ставке Верховного командования Станкевича в качестве курьера, я направил с ним непосредственно в адрес этого комитета свои условия перемирия, конечно же, абсолютно неприемлемые для большевиков. Станкевич немедленно отбыл в столицу.

(Продолжение следует)

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 119—121.
2. То есть газеты «Рабочий и солдат».
3. Один из издателей газеты правого крыла эсеров «Народная воля», который незадолго до того исполнял обязанности главы военно-морского министерства.
4. См. главу XIX.
5. В этот специальный орган, получивший название «Директория», помимо меня, вошли министр ино-

странных дел Терещенко, министр почт и телеграфов Никитин, который также отвечал за министерство внутренних дел, полковник Верховский (получивший звание генерал-майора), бывший командующий Балтийским флотом контрадмирал Вердеревский, получивший пост военного министра. Представители армии и флота после моего назначения на пост Верховного главнокомандующего были впервые включены в правительство.

6. Известия, 3.IX.1917. — *Прим. ред.*
7. Она была внесена эсерами и меньшевиками.
8. Известия, 3.IX.1917. — *Прим. ред.*
9. Следует иметь в виду, что в данном контексте под словом «демократическая» подразумевается «социалистическая».
10. Известия, 2.IX.1917. — *Прим. ред.*
11. Известия, 3.IX.1917. — *Прим. ред.*
12. Чернов заявил, что именно взрыв возмущения в связи с возможностью военного переворота и разгула контрреволюции, который на время восстановил единство демократического революционного фронта в борьбе с крупнейшей партией привилегированных классов России, по-прежнему сохранявшей доминирующие позиции, то есть кадетами, укрепил позиции социалистической демократии и в какой-то степени ослабленных советов. Советы, которые после событий 3—5 июля, приведших к подрыву единства демократического фронта, качнулись вправо, смогли затем выправить линию и занять более левые позиции. И потому неудивительно, что многие, в том числе и он, не могли не порадоваться самому факту корниловского мятежа, который, показав абсурдность сползания вправо и продемонстрировав все его логические последствия как заговора военных, дал возможность, использовав ошибки и преступления правых, выправить положение, усугубившееся в результате ошибок и глупости левых.
13. Организаторы Демократического совещания предоставили представителям рабочих и солдат 446 мест (то есть треть общего числа), а представителям огромного большинства населения России — Совету крестьянских депутатов — лишь 179. Удивительная политическая арифметика!
14. 20 сентября.
15. Известия, 20.IX.1917.
16. Он получил название «предпарламент».
17. Фон дер Бате был ближайшим помощником генерала Людендорфа. Верховное командование направило его для организации наступательных действий армии фон Ботмера. Позднее он был представителем военного министерства в Брест-Литовске. За несколько месяцев до вторжения Гитлера в Россию, опираясь на неудачный опыт Германии в первой мировой войне, он выступил в полуофициальной газете военного министерства «Militärische Woche» со статьей, в которой решительно возражал против войны на два фронта. 2 марта 1941 г. эта статья была полностью перепечатана в «Правде». Я цитирую лишь ту часть статьи, которая относится к 1917 году. В этом отрывке — квинтэссенция того, что было написано германскими военными специалистами о стратегическом положении на театре военных действий в 1917 году.
18. BUAT E. A. L. L'Armée allemande de 1914—1918. P., 1920, p. 42, 51.
19. КЕРЕНСКИЙ А. Дело Корнилова. М. 1918, с. 178—179.
20. Комиссар военного министерства при Ставке. Перешел на сторону заговорщиков. Как только об этом стало известно, я снял его с должности. Он никогда не был членом правительства.
21. О том, что именно так определил Милюков тактику подготовки военной диктатуры, рассказал мне представитель французского правительства в России в период первой мировой войны Эжен Пети, который был свидетелем Февральской революции. Пети отличался исключительной правдивостью. Он не одобрял многого из того, что делало Временное правительство, но одновременно был в высшей степени встревожен политикой, проводимой в то время генералом Алексеевым, Родзянко, Милюковым и некоторыми другими лидерами правой оппозиции. По своей инициативе, а быть может, по указанию правительства Франции он откровенно обсудил этот вопрос с Милюковым, с которым в течение определенного времени поддерживал личные отношения. В конце состоявшейся между ними беседы Милюков обрисовал ему тактику, изложенную мной выше. Милюков и его друзья были убеждены — и это в середине-то октября! — что большевизм не представляет слишком большой угрозы и что в России существует лишь две партии: «партия порядка» во главе с Корниловым и «партия распада», возглавляемая мной. Об этом разговоре с Милюковым Пети рассказал мне позднее, когда я уже жил в эмиграции.
22. Русские ведомости, 5(18).X. 1917.
23. Предварительное обнародование фактов до их официального изучения в большинстве цивилизованных стран расценивается как преступление и наказывается по закону. Не мог же я, глава правительства, встать на путь нарушения закона.
24. В письме Ленина от 29 сентября 1917 г. говорилось о необходимости «побороть» мнение тех, кто призывает ожидать съезда Советов и выступает «против немедленного взятия власти, против немедленного восстания... Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть полный идиотизм или полная измена... Это значит пропустить недели, а недели и даже дни решают теперь все. Это значит трусливо отречься от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно... «Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, ничего не может дать!» (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 280—281. — *Прим. ред.).*
25. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 435—436. 25 октября — дата открытия Съезда советов.
26. Известия, 25.X (6.XI). 1917.
27. Более яркий комментарий этому историческому, если его можно так назвать, документу дали видные советские историки в предисловии ко второму тому книги «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» (изд. 2-е. Т. II. М. 1926, с. XIII—XV). Научный редактор этого издания считает, что нельзя не призвать, что, выступая с такой платформой, Дан и меньшевики вполне заслужили прозвище «полубольшевиков». В самом деле, все эти три требования соответствуют трем основным предоктябрьским лозунгам большевиков, у которых они, несомненно, украдены. Но они настолько же отличаются от своего прототипа, насколько всякий ублюдок отличается от своего «левого» (как и «правого») родителя. Отсюда смешная серьезность, с какой Дан еще в 1923 г. повествует о чрезвычайной важности своей резолюции, принятой предпарламентом (Советом Республики) в канун 25 октября и долженствовавшей повернуть на другой путь развитие революции. Отсюда его нелепая попытка убедить Керенского, что в момент восстания спасение не в том, чтобы действовать оружием, а в том, чтобы расклеить и разослать по телеграфу эту его замечательную резолюцию...
28. Ложь и клевета порой несокрушимы. Даже сегодня иностранцы не без легкого смущения иногда задают мне вопрос: правда ли, что я покинул Зимний дворец в одеянии медсестры? Можно простить иностранцам, поверившим столь гнусному утверждению. Но ведь эта чудовищная история до сих пор предлагается массовому читателю в Советском Союзе. В серьезных исследованиях, опубликованных в Москве, дается правдивая версия моего отъезда из Петрограда в Гатчину, а в большинстве учебников истории вновь и вновь повторяется ложь, будто я спасался бегством, напялив на себя дамскую юбку, и все это делается ради того, чтобы дурачить людей и в России, и в других странах.
29. Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1920, с. 297—298, 310.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1 сентября. По городским разговорам все более выясняется, что в основе авантюры Корнилова лежит провокация, в которой замешаны, по-видимому, Керенский, Савинков[1]. Россия становится похожа на Мексику. Интересный разговор с Яковлевым. Он был в Могилеве и готовил аграрную программу для Корнилова, состоящую в наделении землей солдат в собственность[2]. Он указывает на Завойко и, быть может, Аладьина как на главных авторов дела[3]. Корнилов, по его впечатлению, привлекательный солдат, но не политик, а младенец в политике. В военную и политическую часть замысла он не был посвящен и уехал за день до выступления. По его мнению, В. Н. Львов сыграл здесь темную и глупую роль[4].

2 сент[ября]. В политике продолжается каша. Слухи о провокации не умолкают. Сегодня слышал от Савина, что Некрасов — один из главных провокаторов[5]. Ясно, что среди лиц, захвативших власть, так же мало честных людей, как и среди народа и общества. Совет Университета; у всех, с кем пришлось говорить, — настроение, подобное моему. Выясняется, что часть студенчества решает сорвать учебный год. Воздержание от дела остается главным занятием русского человека; как-то придется с ними бороться.

4 сент[ября]. Вчера — coup de théâtre[6]. Объявление республики и директории из Керенского, двух военных с сомнительным прошлым — Верховского и Вердеревского, беспринципного Терещенки, дурака Никитина[7]. Это не то оперетка, не то сказка. Провокация становится все яснее; так же как и месть кадетам со стороны г. Чернова. Не играет ли г. Керенский в руку своему другу Чернову[8], устроив всю историю с коалиционным министерством и потом резко изменив его в диктатуру пяти — не есть ли Государственное совещание плюс пров[ал?] Корнилова, плюс кризис правительства 2—3 сентября — сознательная политика Керенского и К°, основанная на провокации и ведущая к диктатуре крайних левых? Керенский и Азеф ближе, чем принято думать[9]. Состояние духа ниже всякой критики.

5 [сентября]. «Временное правительство», вернее, пять тиранствующих[10], упразднили занятия в высших учебных заведениях обеих столиц, т. е. в 75% высших учебных заведений России. Б. м., это потому, что «студенческий дом» отменил эти занятия? Во всяком случае, дикость и нелепость этого распоряжения относительно Москвы не подлежат сомнению[11]. Слышал от Кизеветтера в заседании факультета, что г. Керенский все-таки думает о создании коалиционного министерства (он говорил со слов Кишкина[12]). Пути г. Керенского неисповедимы! На фронте более прилично; зато внутренние дела хуже, чем когда-либо. Факультетское заседание — обсуждали вопрос о замещении доцентур; кажется, что Шамби пройдет[13].

П р о д о л ж е н и е. См.: «Вопросы истории», 1991, № 6.

6 сентября. Целый день убийственное настроение, без новой определенной причины. Газеты сегодня не сообщают никакой сногсшибательной мерзости. Интересно интервью с Керенским, где в ответ на травлю Чернова он ругает этого последнего: вероятно, на днях узнаем о расколе в с.-р. партии — керенисты встанут против черниистов[14]. Кругом только и слышишь о мерзостях — учебные заведения закрыл сам г. Керенский по желанию студенческого дома, завтра товарищи в Москве празднуют победу над контрреволюцией, товарищи усиливаются везде и во всех отношениях[15], — быть может, все это и создает то тяжелое состояние духа, от которого не могу отделаться в течение всего дня.

11/12 сентября. Почти четыре дня провели в Пестове; хорошая погода, отсутствие почти полное газет и ежедневное собирание грибов; душа если не отдохнула, то немного отошла; но, как только добрались до железной дороги в Пушкине, опять пахнуло всем ужасом переживаемого. Теперь вполне ясна вся провокация, инсценированная Керенским и К°. Но для чего было все это делать? Цель провокации ясна: удаление Романовых в Тобольск, чтобы они не были случайной помехой при намеченном деле; Московское совещание — общая провокация, где бы каждый открыл свои карты; провокация Корнилова и Каледина как наиболее опасных лиц, поскольку это выяснилось на совещании; эксплуатация Алексеева, чтобы справиться с Корниловым, и погубление Алексеева посредством неловкого положения, в которое его поставили[16]. Все это ad maiorem gloriam[17] левых. Но ведь это все и во вред К[еренскому] и его ближайшим друзьям; Керенский погубил себя. Не толкнул ли его на все это дело Чернов, чтоб, губя Корнилова и подобных ему, погубить и Керенского? В общем, пляска над вулканом и перед немецким нашествием. Армия, видимо, безнадежна, и вдали рисуется или немецкое, или общее международное вмешательство — иначе сказать, призвание варягов в новой форме 1000 с лишком лет спустя после первого.

13 [сентября]. Все без перемен; так же скверно, как вчера, третьего дня и т. д. Утвержден ординарным профессором. Был у О. А. Талызиной устраивать Люлю Веселаго[18]. Разговоры все те же, и мнения схожие.

14 [сентября]. Целый день тяжелое состояние духа, несмотря на дивную погоду; поздно вечером 13-го получил сообщение от Юрьевой о новом вызове Керенским Кишкина и К° в Петроград — всех тех, которые уже раз доезжали до Любани[19]. Это подтверждено утренними газетами. Что это за новый фокус?

Вечером были у Вилькенов[20]. Бедных стариков очень жаль; они подавлены и общими вопросами, и квартирным вопросом, так как надбавка в 100% принуждает их еще сокращаться.

15 [сентября]. За весь день не получал ни известий, ни впечатлений, кроме того, что демократическое совещание[21] открылось с битья по морде большевика эсером. Заседание редакционного комитета издательства преподавателей Московского университета. Н. С. Арсеньев и кн. Н. С. Трубецкой[22] не произвели на меня впечатления людей, падающих духом. Вечером — собрание жильцов для избрания домового комитета — едва не попал в председатели, но, слава Богу, эта чаша меня миновала; но от членства нельзя было отказаться[23].

16 [сентября]. Демократическое совещание не то проваливается, не то имеет мало значения. Библиотечные служители уже две недели не могут разделить между собой ста рублей, которые им дали за летние работы, — вот он, здравый смысл русского народа. Вечером деловое заседание домового комитета прошло без инцидентов.

17 [сентября]. Шесть именинниц[24], которых по большей части не видали с весны; обывательские разговоры обычного типа; никаких новостей.

19 [сентября]. Демократическое совещание окончательно и бесповоротно тонет в словах. Дела везде все хуже и хуже. Сегодня видел великолепное изображение г. Керенского в императорской короне — на открытке, а корона от руки. Факультетское заседание — впервые с приват-доцентами[25]; к концу заседания мы, т. е. старые члены факультета, остались одни — видно, не очень веселая вещь факультетское заседание. Получил ординатуру[26], и сегодня меня обычным образом поздравляли. Слышал от Кокошкиных рассказ со слов Ф. Ф. Кокошкина[27], который был свидетелем, как Керенский вызвал движение корниловских войск к Петрограду и на следующий же день отрекся от этого[28]. В этом он сказался весь.

21 [сентября]. Демократическое совещание путается совершенно. Противоречат друг другу, меняют резолюции — всему мешают, и притом мешают и сами себе. Выхода все же не находится никакого. Опубликовано в «Утре России» и в «Русском слове» письмо Гурко[29] Николаю II 4 марта, два дня после отречения: оно пророчествует возвращение монархии. Сегодня начал семинарий в университете; потом беседовал со Счастневым; рассказы студентов о том, что он свихнулся на социализме, к счастью, неверны[30]. Вечером был у меня Писаревский и вел те же речи, которые ведем и мы.

22 [сентября]. Опять объявлена железнодорожная забастовка. Сколько немецких денег на это истрачено?[31] В газетах известие о том, что в Швейцарии на немецкие деньги основывается русская монархическая газета — se non é vero, é ben trovato[32]. Начал лекции у Шанявского. Гориллы, самцы и самки, с тупым интересом внимали моему монологу о Смутном времени. Когда я был на улицах и отчасти там, у Шанявского, мною несколько раз овладевало чувство жгучего желания перестать быть русским. Вечером в Машковом переулке вспоминали старое, выпили бутылку бургонского.

24 [сентября]. Забастовку объявили. Что-то из нее выйдет и как она повлияет на русских дерьмократов? Это выражение я слышал вчера, и оно мне понравилось. Несмотря на дивную погоду, сажусь в домашний бест — московские улицы мне физически противны своей шумной, разнузданной и праздной толпой. Ходили выбирать в районную думу (по-моему, одна из бесполезнейших глупостей революции)[33]. В 11 часов было свободно; у дверей раздаватели бюллетеней [далее зачеркнуто: б. частью] были лохматые, с тупыми лицами, были верующие курсистки и студент от народной свободы[34] с южным лицом. Внутри картина резко отличалась от прежних выборов в Гос. думу: из всех лиц, которых я там видел, только председатель, сидевший у урны, имел внешний вид не совсем гориллы — это был сытый, толстый буржуа; остальные — не то курсистки, не то учительницы, обычного убого сосредоточенного и провинциального вида, и несколько товарищей, из которых одному сидевшая рядом учительница тыкала носом, что и как ему делать. Впечатление убожества, тоски и бесполезности. По общему впечатлению большевики стараются больше всех; если это верно для 1-го Тверского участка[35], то что же делается на окраинах?

25 [сентября]. Железнодорожная [забастовка] начинает приводиться в исполнение. Вчерашние выборы дали большинство кадетам в Ар[батско]-Пречист[енском] уч[астке] и половину голосов в Тверск[ом]-Городск[ом] уч[астке]. Это первый случай победы кадетов. В других местах, вероятно, пройдут большевики, ибо только эти два списка конкурировали друг с другом; остальные, включая с.-р., которые в июне победили в центральной думе [далее зачеркнуто: провалились], видимо, успеха особого не имели[36]. Кадеты в Пречист[енско]-Арб[атской] и Тв[ерской] думах [должны?] показать, что они лучше остальных, а то им грозит гибель. На днях в Румянцевский музей явились один матрос и один штатский от Балтийского флота в поисках разных ученых разностей [?] для «матросского университета»; из разговора выяснилось, что они уверены, что удержатся в Гельсингфорсе. Удастся ли?

27 [сентября]. Забастовка отменена. Некоторые говорят, потому, что ее не могли осуществить; но ведь участники все-таки получили колоссальную прибавку, и оплачивать ее будет не нищее государство, а мы, ибо тариф увеличат вдвое. Позорное впечатление оставляет «демократический совет»[37] — исчадие пресловутого «демократического совещания»: ругань, раскол, распад, убожество. Вчера вечером смотрел коллекцию инкунабул Бирукова[38], и, кажется, найдутся средства ее приобрести; маленькое светлое пятно на черном фоне жизни.

30 [сентября]. Не записывал три дня, потому что было очень много дела. Сегодня немцы сделали новый шаг — высадили десант на остров Эзель. Любопытно сопоставить, что в момент, когда они к этому готовились, начальник морской контрразведки Балтийского моря был в Москве и отбирал книги для «матросского университета», уверяя, что Балтийский флот в полной боевой готовности. Кстати, этот начальник раньше числился „сотрудником «Нового времени»“[39]. Не был ли он сотрудником охранки? Как бы то ни было, сделан новый шаг по пути к Петрограду, и русские нигилистические гориллы опять вопят о поднятии боеспособности армии, а Керенский посылает «высочайшую» телеграмму Балтийскому флоту. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Аграрные и городские погромы везде — Козлов, Тамбов, Рязань, Харьков, Одесса, Бендеры и т. д.[40] Деморализация идет и вширь и вглубь. Я понимаю слова М. К. Любавского, что, если бы у него не было семьи, он сделался бы террористом. Сегодня был университетский совет; общее настроение паническое, жуткое и мрачное. Чувствуется, что у всех одна мысль, что мы подходим к последней черте, к пределу скорби. И все-таки решали свои делишки. Характерно, что для помощи университету, которому нечем себя отопить, Гензель[41] предлагает заложиться в кредитном обществе. Дефицит более миллиона, правительство денег не дает, зато щедро открывает университеты и факультеты в Томске, Саратове и даже в Ташкенте[42], где еще недавно русские превзошли дикостью самих туркмен[43]. Что это — глупость или сознательная ложь и реклама?

2 [октября]. За два дня мало впечатлений. Немцы благополучно завоевывают Эзель, но думается, что дальнейшие операции будут идти медленнее. В Покров[44] ездили на кладбище; там дивно хорошо, но, чтоб доехать туда, понадобилось полтора часа, так же как и обратно;

трамваи набиты; среди товарищей всякого вида много пьяных; один из них ругал меня за котелок — democratia triumphans![45]

5 [октября]. Эзель завоеван; немцы готовятся к переходу на сушу; переезд Петрограда в Москву[46] становится все вероятнее и все ближе, анархии все более и более; в Москве забастовка в больницах, а в Университетской Ек[атерининской] больнице проф. Попова[47] вывезли на тачке. В Музее заказаны столы для каталога; столяр ошибся и сделал немного у́же, чем нужно; чтобы поправить ошибку, он сделал ящики для карточек также поуже, без внимания к карточкам — истинно горильская находчивость. Вспоминаю в связи с германским сообщением о тралении мин у Эзеля, что «начальник» морской контрразведки уверял, что немцы наших мин найти не могут(!). На душе так тяжело, как давно не было.

Во вторник ездили мы в Художественный театр смотреть «Село Степанчиково». Горильская утрировка; горилья публика, которая смотрела на тяжелую сатиру Достоевского как на водевиль; а на сцене был сумасшедший дом, имевший отдаленное сходство с Россией. Тоска неописуемая; видно, и театры отживают для меня; да, впрочем, и совестно ходить теперь по зрелищам.

6 [октября]. Морской бой в Рижском заливе и в Моонзунде[48] — мы, конечно, отпустили, уступили [?] и потопили свой старый корабль — «Славу» — это тоже символично. Эвакуация Петрограда надвигается, со всеми ее ужасными последствиями. А этот народ — вор, предатель, трус и анархист — и в ус себе не дует; везде равнодушие, рознь, ненависть и грабеж. Собачьи депутаты в Петрограде заявляют, что если безвременное правительство уедет в Москву, то они создадут свое правительство в Петрограде[49]. Их глупость превосходит даже их нахальство и преступность.

8 [октября]. Немцы подбираются к Финскому заливу; в предпарламенте переругались уже в первый день[50]. Демобилизуемые солдаты самых старых призывов везде бесчинствуют. Вчера слышал от Шамби, что товарищи-солдаты в Трапезунде[51] разрисовывали и царапали фрески в византийских церквах, сохраненные под турецкой штукатуркой, и загадили нечистотами жертвенники этих прежде христианских, потом мусульманских святынь. Надвигается забастовка прислуги во всех учреждениях Министерства народного просвещения — на том основании, что «плехановская» прибавка[52] в 100 рублей долго не приходит. Когда на это «делегаты» указывали министру труда г. Кузьме Гвоздеву[53], то тот отвечал: «Бастуйте». Таким образом, глас безвременного правительства призывает к забастовке в правительственных учреждениях. Вчера было у меня собрание по исторической библиографии[54]; говорили и о политике; разногласий было немного — очевидно, специальное историческое образование приводит к более или менее трезвым взглядам; как жаль, что историков так мало. Впрочем, схватились Пичета — порохом начиненный панславист, член плехановского «Единства», и Фокин, именующий себя юнкером и gentry[55] и сознающийся, что он более всего ненавидит крестьянина[55].

11 [октября]. За эти дни общие дела не изменились ни к лучшему, ни к худшему. Больших успехов немцы не сделали, но высадились на уголке Эстляндии и заняли весь архипелаг к югу от Финского залива, приобретя базу для будущих действий против Петрограда. Все это делается — по верному выражению г. Керенского — «не их силой, а нашим бессильем» (речь Керенского в предпарламенте). По-видимому, эвакуация Петрограда превратится и в эвакуацию Москвы. Идиоты-заправилы желают [?] эвакуировать корпуса и институты[56] — опять за все отвечает шайка. Развилась забастовка больничных служащих, коснувшаяся и университетских клиник; требуют отставки временного правительства и ректора Мензбира (!)[57]. В понедельник 9-го было экстренное [?] заседание совета, где университет старался защитить свою автономию[58]. С 15-го будет забастовка городских служащих. Предметных уроков все еще мало.

13 [октября]. Сегодня и вчера — Совещание общественных деятелей[59], на которое я получил приглашение. Я был на двух заседаниях из 4-х — на общем и на военном; и не был на тех, где обсуждался вопрос об Учредительном собрании и вопросы экономические. На первом собрании для меня лично на этом заседании новым было то, что преобладающей нотой была любовь к отечеству, любовь к родине. Кроме того, было провозглашаемо, что не мы контрреволюционеры, а большевики; третья нота — поход против Керенского. В первый день наиболее интересны были речи Евдокимова[60], кооператора из раскаявшихся с.-д. или с.-р., который просил не осуждать революционную демократию и вспоминал, как он сам двадцать лет назад пел «Интернационал» в роще около Иваново-Вознесенска; затем интересен знаменитый Федор Боткин [?] — это бывший эмигрант и интеллигент; первое я вывел из его слов, что он с начала войны сражался в рядах французской армии, второе видно по его облику и его речи — он, кроме того, прирожденный оратор. Он, несомненно, кавказец, т. е.

русский с примесью грузинской или армянской крови. Еще ярко и с темпераментом говорил кн. Евгений [Трубецкой]. Зато бледны и рассудочны были речи Новгородцева[61] и Кизеветтера: ясная мысль, хорошая речь, а сердца нет. От первого заседания осталось впечатление, скорее, бодрое.

Сегодня — военные вопросы: три оратора из офицерского союза[62] говорили резко и дельно и освещали офицерский вопрос с надлежащей стороны; конечно, центральным моментом были речи Брусилова и Рузского[63]; первый говорил резко по тону, точно рубил, сухо, отчетливо, как сухи и отчетливы черты его лица; Рузский тянет, делает паузы, но видно, что это говорит умный человек; он даже прослезился, говоря о положении армии; впрочем, всплакнул и Брусилов. Они оба говорили, что Америки они не открывают, и для меня они действительно существенно нового не сказали ничего — ясно, что для воссоздания армии надо выгнать из нее политику, восстановить дисциплину, не революционную, а единственную и единую, которая всегда существовала, и вернуть власть командному составу. Но интересно было видеть их и слышать — этих тузов русской армии, за которыми есть положительные деяния и за которыми останется слава.

Будет ли толк от совещания? Кто знает? Говорили о[б] организации союза разных союзов[64] в связи с Московским совещанием. Быть может, это придаст реальную силу общественным деятелям, а без реальной силы все это только один призрак. Однако впечатления уныния я не вынес и во второй день.

Москва вся полна слухами о городской забастовке и о выступлениях большевиков — не то 15, не то 20-го[65]. Что это — испуганная фантазия терроризованного обывателя или что-нибудь действительно готовится?

На войне опять временное затишье; утешают только французы, которые опять одержали частичную, но крупную победу.

15 [октября]. Вчера опять усиленное тяжелое состояние духа от всяких разговоров о забастовках, беспорядках и т. п. Вечером Д. Н. Егоров справлял (чисто по-немецки) Geburtstag[66]. Разговор на волнующие темы: государственно мыслящими были М. К. Любавский, М. М. Богословский, А. Н. Савин, хозяин и я; частично социалистующими — Д. П. Кончаловский[67] и еще один приват-доцент, юрист; впрочем, только частично. Возможно, что Кончаловский находится под впечатлением того, что видел и слышал на войне; по некоторым вопросам — отдельным — мы были с ним совершенно сходного мнения.

Закончился съезд общественных деятелей; на последнем дне я не был; не знаю, будет ли все это иметь практическое значение, но принципы, провозглашавшиеся на съезде; верны: надпартийное объединение на национально-демократической основе — это единственный путь к спасению. Но смогут ли что-либо сделать эти несколько сот человек с морем миллионов горилл? It is the question[68].

Забастовка городских рабочих отменена; вероятно, потому, что они сами на нее не поднялись. В Москве съезды кадетов[69] и союза городов — и тут и там говорят бодрые довольно слова; от всего этого сегодня тон газет бодрящий, как будто, но ведь завтра будет опять какая-нибудь гадость!

18 [октября]. Опять не пришлось записывать. 16 и 17 прошли совершенно тихо. Сегодня опять внезапно заговорили о всеобщей забастовке в городе и даже назначали, что в 2 часа станет водопровод. Теперь шесть часов; водопровод и трамваи действуют. Что это — провокация, grand peur[70] обывателя или же действительно это преступление совершится? Немцы принялись за итальянцев и жестоко разбили их[71]; если бы русские не были подлецами и предателями, то этого не случилось бы. Вчера был Гартунг, который собирается стать помощником милицмейстера в Тамбове и, вышедши из кадетов, думает «записаться» в народные социалисты. Что за неустойчивость — какой отличный образец русского человека! Сегодня опять зовут в Университетский совет в экстренное заседание по случаю больничной забастовки. Все одно и то же, и нет просвета!

21 [октября]. Вопрос о городской забастовке кончился тем, что городские рабочие — Фома Фомич Опискин[72] тож, — поизмывавшись над жителями и главным образом над социалистической думой и ничтожнейшим городским головой г. Рудневым, опять отменили свою забастовку; получили они, впрочем, все, кажется, что хотели. На 20-е число предсказывали какое-то «выступление» большевиков чуть ли не во всей России; конечно, никакого выступления в этот день не было и не могло быть, ибо те, кому нужно, выступят только тогда, когда остальные будут этого меньше всего ожидать[73]. Доходило до курьезов; все обыватели стали организовывать самовооружение; вчера в некоторых домах запирались чуть ли не с десяти часов. Теперь назревает забастовка низших служащих во всех учреждениях Министерства народного просвещения: вероятно, ее объявят завтра, т. к. они не могут ждать плехановских прибавок; те, которым деньги даны из местных средств, забастуют из солидарности. Одним нужно, чтобы вся гражданская жизнь разваливалась, другим, т. е. большинству горилл, это безразлично — так и идет русская жизнь. На войне все то же; разгром итальянцев еще не кончен; и во всем этом виновна русская сволочь. Если бы даже был скоро мир, то и это будет не на радость, ибо внутренняя война пойдет дальше, не прекратится и разорение, сопряженное с нею, потому что русская горилла не прекратит погромов и безобразий до тех пор, пока ее не уймет кто-нибудь извне. Наши социалисты, видимо, желают на местах сделать главным органом земельные комитеты — великолепный способ для развития взяточничества и злоупотреблений и в конечном результате — гнета воротил над теми же крестьянскими гориллами. Народничество своими руками создает для народа новые оковы; воистину, на это способны только русские дураки.

22 [октября]. Итальянское поражение приобретает характер катастрофы. С ними случилось то же, что с нами: пропаганда нарушила дисциплину, и часть войск убежала без боя, открыв дорогу врагу. Вслед за нами выходят из строя итальянцы; теперь одна надежда на Англию, Францию и Америку; у англичан расчет был ложным в том отношении, что они, действуя сами методически медленно, полагали, что русская и итальянская сволочь может воевать беспредельно. Fiat voluntas[74]. Более, чем когда-либо, Россия погибла.

25 [октября]. Новые тревожные слухи ходили вчера весь день; в Петербурге большевики, несомненно, что-то подготовляют. Но что? Блеф или действительно захват власти? Сегодня в газетах, что г. Керенский, наконец, опять разрешился речью в предпарламенте[75]. Будет ли за словами дело? По России — новая волна забастовок и погромов. Забастовки направляются все той же рукой — какой? В глубине — несомненно, немецкой. Вчера Георгиевский рассказывал о суде над шпионами: шпионили немцы из конторы Вогау[76], а мелкие работы для них исполняли русские за 2—3 рубля в день: вот истинный символ русско-немецких отношений. Вчера же — заседание Археологического общества: старая графиня, два вроде как беженца из Петрограда — Лихачев и Тураев, — заседание на Берсеневке[77] — точно хоронили какого-то близкого покойника.

26 [октября]. Большевическое действие началось в Петрограде и в Москве провозглашением перехода власти к С[оветам] Р[абочих] Д[епутатов]. Это движение по внешним впечатлениям несколько иное, чем все предыдущие — никто ничего не знает, никто толком не осведомлен; в «революционной демократии» раскол, в войсках тоже; никому не хочется начинать первому — и та и другая сторона стоят одна против другой и чего-то выжидают, б. м., того, кто победит в Петрограде. Из Петрограда определенных известий нет, циркулируют всякие слухи, но какие из них соответствуют истине, какие нет — не разберешься. Читал лекцию на Высших женских курсах; курсистки на втором часе просили высказаться по моменту. Я наговорил им много пессимистических мыслей. В Музее ходили из угла в угол, потому что дело валилось из рук.

27 [октября]. Вечер вчера прошел весь в телефонных разговорах; заходил дядя Эдуард, грустный, как и мы все нервно пораженный всем происходящим. Известия противоречивые — одни от большевиков, другие не от них; ясно себе представить положение дела нельзя, но ясно, что Петроград в их власти в значительной степени. Сегодня утром общий вид Москвы подобен вчерашнему; трамваи ходят. Сегодня назначена однодневная забастовка служителей в учреждениях Министерства народного просвещения, в том числе в Музее. В Музее дико смешно: были только чиновники и вольнотрудящиеся[78], конечно, не все — ленивые и социалиствующие (это одно и то же), конечно, не были; сами открывали и закрывали ставни, ставили самовар, дежурили у входа с кн. Голицыным[79] во главе; и остальное время ходили из угла в угол. К вечеру известия из Петрограда стали более определенные — большевики овладели городом и властвуют в нем. В П[етро]-Пав[ловской] крепости кадриль узников: слуги царские встретились со слугами Керенского; бедные Третьяков и Смирнов зря попали в кашу. Воображаю, как смеются Щегловитов, Маклаков[80] и др. О каких-либо попытках Хлестакова-Керенского ничего не слышно. Уж этот-то, надо думать, конченый человек. По отзывам приехавших, в Петербурге порядок лучше, чем при прежнем, безвременном правительстве; все войска оказались большевиками. Теперь надо ждать близкого позорного мира, если только большевики сумеют удержаться; а я думаю, что удержаться им, по крайней мере некоторое время, не будет трудно[81] и свой долг перед немцами они исполнить успеют. Ну уж и дурак Керенский и его аггелы! Ведь они еще глупее даже, чем был Николай II и его клевреты. А ведь это не мало сказано.

28 [октября]. Вчера с 12 часов ночи началась стрельба; правительственные войска, состоящие из добровольцев, юнкеров (их в Москве несколько тысяч) и даже студентов и гимназистов; солдаты главным образом занимают караулы в постоянных местах и в наименее

ответственных местах; этим ограничивается деятельность солдат, верных правительству. Утром взяли Кремль; сейчас сражаются около ген.-губернаторского дома и в местности между Столешниковым, Петровкою, Охотным и Тверской и, кроме того, на окраинах; если дело будет ликвидировано, то все же его хватит на несколько дней. Впечатления сильно напоминают 1905 г., декабрь; время проводили на телефоне. я думаю, было не менее 50 разговоров; выходил я два раза — один раз утром купить газеты и ходил в Мертвый переулок за молоком; потом провожал Нинку в приют [?]; в это время на Пречистенке и в переулках слышны были отдельные выстрелы; жуткого чувства не было; был, скорее, задор пойти и посмотреть что-нибудь похожее на бой[82]. Ночью предстоит два часа дежурить в подъезде. В 6 часов весь дом был осмотрен патрулем из двух офицеров и трех студентов; они уверяют, что наш жид Славин[83] — большевик.

30 [октября] (утро). Вчера был тяжелый день. Вынужденное бездействие, противоречивые слухи; стрельба ружейная и орудийная вокруг[84]; гуляли только во дворе. Правительственных сил мало; ждут подкреплений[85]. Каких? Об этом также всякие противоречивые слухи. Телефон — единственная связь с миром. У нас был осмотр чердаков; среди офицеров-добровольцев — Федя и Андрюша Арманды; первый искупает мамашу-большевичку[86], угощали их завтраком. Подобно 1905 году — общение и знакомство со всеми жильцами. Некоторые сумасшествуют; другие относятся спокойно; вечером сидели вчетвером и даже вшестером на дежурстве в подъезде и разболтались, как будто забыв все происходящее; спал скверно; сегодня утром стрельбы меньше; информационные известия сравнительно благоприятны; большевики, будто бы, просят мира[87]. В Петрограде все еще длительный период упорядочения — долго ли еще он продлится? И все-таки мятеж, я уверен, не будет ликвидирован как нужно. Разложение общества и народа непоправимое и неизбежно дойдет до конца. Бесконечное висение на телефоне в конце концов раздражает и утомляет. Странно, что война куда-то отошла временно на второй план; впрочем, это оттого, что известий в газетах нет никаких; воспользовались ли немцы русскими преступлением и глупостью? Как отзовется все происходящее на ходе мировой борьбы, где русская падаль будет предметом общего дележа?

31 [октября]. Положение все ухудшается; начался регулярный обстрел с окраин; у большевиков оказалась артиллерия и лица, умеющие стрелять. Пресловутое соглашение между сторонами, говорят, не состоялось; сведений вообще ни у кого никаких — сколько-нибудь определенных. Мы брошены в пропасть; ясно можно предвидеть пожары, грабежи, насилия; пожар уже начался у Никитских ворот[88] сегодня в полдень; состояние подавленное.

Из Петрограда via[89] железнодорожный союз сообщают, что будто бы состоялось соглашение о социалистическом правительстве от н.-с., включая большевиков[90]. Странная и неустойчивая комбинация! Что же будет с Москвой? Боюсь, что сожгут Румянцевский музей — вот будет ужас! В течение дня до 7 часов стреляли редко — приблизительно 2—3 раза в час; пожар у Никитских ворот утих. Жильцы дома на дворе поднимали шрапнельные стаканы и пули. Целый день без телефона; не отвечать на вызовы частных квартир надо было бы с самого начала; но все же без телефона еще томительнее. Прибегала Таня[91] из Мертвого переулка, пробравшись через одну или две заставы; мы были рады ее приходу, точно приходу человека из другого мира.

Ноябрь. 1. После сравнительно спокойной ночи, в которую удалось выспаться, случилась первая катастрофа: я никогда не думал, чтоб мне пришлось видеть русскую шрапнель и гранату во дворе дома № 4 по Большому Знаменскому переулку, а, между тем, это — факт; в 11 с половиной часов утра граната разорвалась над подъездом корпуса во дворе, и от осколков и сотрясения воздуха были разбиты все окна, за исключением части окон пятого этажа; сейчас вслед залетела шрапнель, которая не разорвалась; поднялся переполох; двое оказалось раненых — кухарка и жилица в квартире Кенеман под нами; их отправили в лазарет; хозяева уехали вслед за ними и бросили квартиру; потом пришлось мне вместе с двумя другими обитателями дома осмотреть квартиру и эвакуировать ценности из комнат с разбитыми стеклами. Обстрел продолжался довольно сильно до 3 часов; сейчас, как будто, стихает; мы решили оставаться пока дома и перешли на бивак в передние комнаты. Общее положение, видимо, без всяких перемен. До каких же пор?

Вечер того же дня. 10 часов: положение без перемен. Ляля ушел караулить; мы все намереваемся спать вповалку в столовой.

2 ноября, утро. Положение по-прежнему без перемен. по крайней мере, для нас, сидящих в своих квартирах. По слухам, отряд юнкеров занял 1-ю гимназию; многие ожидают вследствие этого усиления обстрела; паническое состояние увеличивается; в нашем доме его усиливает прислуга, сосредоточенная у Лукерьи, и сама Лукерья-швейцариха; ночью дежурил на подъезде дворового корпуса, пил чай со старым генералом и с Касимовым; все были

в одинаковом, тупом, неопределенном настроении; ни просвета, ни выхода. Я думаю, что наше положение сейчас можно сравнить с положением парижан в Коммуну[92], сам Петроград в русскую революцию не переживал того, что переживаем мы: когда Москва под 6-дневным обстрелом русских пушек! Прибегал Илья из Мертвого переулка, принес продовольствия; там все, видимо, в таком же положении, как и мы. День тянется скучно, долго; хорошо, что провалялись почти до 10 часов.

2 ноября, вечер. Днем приходил Володя Репман[93]; был накормлен и выспался; его сведения не слишком отличаются от того, что до нас достигло; вечером дежурил на подъезде; опять слухи о подкреплениях; каково их реальное значение, трудно сказать; читал газеты: одну большевическую, две ес-ерских; осталось впечатление, что вся эта ужасная, братоубийственная бойня есть борьба двух русских социалистических толков. Стоит ли лить столько крови, чтоб спасать Керенского?

4 ноября, утро. В 2 часа ночи на 3-е зашел Володя Репман и сказал, что заключен мир между обеими враждующими сторонами: в сущности, это был не мир, а сдача так называемых «правительственных войск» на капитуляцию, а вместе с ними и всего эс-ерского комитета общественной безопасности[94] — царство ему небесное! Но обидно жаль всех молодых жизней, безвозвратно и преступно загубленных. Дело и на этот раз было решено военной силой или теми вооруженными бандами, которые носят солдатские костюмы. За кем сила оружия, за тем и власть. Маниловы последних месяцев не могли этого понять. Днем ходил в Музей; там все цело; затем в Мертвый переулок; на улицах хмуро по погоде, хмуро у меня на душе; поэтому, вероятно, и толпы зевак кажутся хмурыми; тупые лица, тупые, иногда злорадные, редко сожалеющие замечания. Известия извне смутные, но очень печальные; западный фронт бежит; немцы в Або[95]; в Петрограде, говорят, государственные учреждения все еще не работают; в газетах, которые продавались на улицах, — только эс-ерские вопли, прикрытые фиговыми листьями, и победные клики большевиков[96]. По сумме пережитых ужасов прошлая неделя оставляет за собой далеко все, бывшее до сих пор. Вечером организовывали усиленную охрану дома. Ночь прошла спокойно.

5 ноября. Утром ходил до Музея, а потом до Кузнецкого моста, движимый любопытством, которое в этот момент оказалось сильнее всех других чувств. Разрушения ужасающие — в этом направлении особенно пострадали Городская Дума и «Метрополь»[97], впечатление ужасающее и неизгладимое, но еще хуже Никитские ворота, где мы были вечером, — дом, бывший Боргести и дом Коробкова — полные руины; здесь и на Арбатской площади — окопы, проволочные заграждения; трамвайные провода валяются на земле, часы выбиты или беспомощно стоят, наклонившись в сторону; еще ужаснее очередь на опознание трупов перед анатомическим театром Университета; когда я шел обратно, то очередь доходила, загибаясь по тротуару, почти до National'я[98]. Днем был у Яковлева, в Мертвом переулке, у кн. Голицына на совещании по делам Музея: решили в понедельник идти «почиститься», открыть же его тогда, когда будет спокойно и будет чем Музей топить. Разговоры везде, скорее, выжидательного характера, общее впечатление, что история и на этом не остановится. Ночью опять дежурил три часа, так же, как и Ляля; характерно, что от дежурства уже отказался сегодня один из представителей демократических элементов, и в нашей охране усиливается развал. Новая власть издает декреты об открытии всех магазинов с сегодняшнего дня — все было закрыто, кроме продовольственных лавок; о застеклении или забитии всех разбитых окон также в один день; очевидно, в России всякая власть умеет издавать приказы, которые нельзя выполнить. О внешнем мире сведений нет, и никакого представления о том, что делается в России, а тем более в других странах, составить себе нельзя.

6 ноября. Утром заходил дядя Эдуард; он также похудел и осунулся; прошлись до него и далее до Моховой, впечатления те же, что и накануне; почти весь день провел в Мертвом переулке; там был винт — «отцы» — Вельяминов, Голенко, Ляля и все семейство; приютившиеся «буржуазы» с горя немного выпили; вернулись в половине 9-го по совершенно темным улицам; заходили еще днем к Егорову, а к нам заходила В. Е. Кокошкина (ее beau-frere[99] очень мрачно смотрит на вещи). Разговоров много; некоторые переоценивают, некоторые недооценивают положение; одни дают ему сроку месяцы, другие недели; я не разделяю оптимистических настроений и думаю, что нам предстоит полоса очень тяжелых испытаний, перед которыми бледнеют прошедшие три года. По-видимому, победители не исполняют заключенного договора[100], изгоняют юнкеров и кадетов, заключают их в тюрьму с разными измывательствами со стороны озверевших солдат, которые чуют, что сила на их стороне. Положение в Москве напоминает положение в Риме при Марии или Сулле[101]. О внешнем мире по-прежнему нет известий; новые власти опровергают успехи немцев, но можно ли верить этим опровержениям, да и вообще имеет ли все это какое-либо значение? Большевики

распустили Московскую думу; поделом болванам с.-р., с Рудневым и дедушкой Минором[102] во главе.

7 ноября. Вчера был в Музее, обошел Ел. Анд., дядю Эмиля[103] и Шамби. По улицам толпы такого же хмуро любопытствующего вида. Слухи растут, тем более, что нет никаких реальных сведений ниоткуда. Минск, Двинск, Ревель — взяты; Венеция тоже; Корнилов, Каледин окружают Москву[104]. Где истина? Вероятно, она еще хуже всех слухов, вместе взятых. Кажется, мы доходим до финальной катастрофы. Банки закрыты — это вносит еще больший переполох. Днем был на панихиде по убитым студентам и даже разревелся; церковь Университета была полна молодежи; наш богослов пр. Боголюбский[105] произнес довольно сильную речь, вызвавшую рыдания; в конце он потребовал, чтобы «Вечную память» пели все — это было сильно и величественно. Студенты и курсистки, тем не менее, решили заниматься — несчастная наука, в каких убийственных условиях приходится насаждать ее в России! А все-таки нужно, business before all[106]. Весь алтарь Университетской церкви изрешетило пулями, кроме престола; хорошо бы, чтоб это было навсегда оставлено в том же виде на стыд всем потомкам. Весь день без известий извне, как и ранее; слухи о погромах; паника, по-видимому, разъезд из Москвы всех, кто может это сделать.

8 ноября. Сегодня вышли газеты, окрещенные позорным именем буржуазных[107]. Из них кое-что выяснилось. Бывшая Россия уже разделилась на Кавказ, казачьи земли, Украину, анархический центр, б. м., Сибирь; отпала Финляндия; немцы провозглашают отделение Литвы и Курляндии[108]. Россия уже не на краю пропасти, а в глубине ее: мы перешли последнюю черту. Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращенных солдат; трогательный союз пугачевщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений нужно, чтобы несчастный русский народ перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями? Думаю, что и теперь не образумятся, и что анархия будет все ухудшаться, и от нее смогут нас избавить не мифические Каледины, а самоистребление наших крайних доктринеров или какие-нибудь еще неведомые варяги. Общее наблюдение: все, кого ни встретишь, похудели; тяжко дается переживать события. Из Москвы — сильная тяга; с какой бы радостью я бросил этот ненавистный город, если бы только были средства и возможность порвать со всем и вывезти семью. Не только квартира, не только Москва, но и вся Россия становится для меня клеткой, в которой можно задохнуться. На фронте пока, видимо, изменений мало; но в Италии немцы все еще продвигаются. Целый день состояние беспросветной тоски.

10 ноября. «Декреты» новой власти сыпятся как из рога изобилия — демобилизация армии, национализация банков, монополизация газетных объявлений и т. д. и т.д. Сенат не регистрирует эти декреты и не публикует их; вероятно, они упразднят Сенат[109], они непосредственно завязывают переговоры о мире, назначают прапорщика-большевика верховным главнокомандующим[110]. Скоро дойдет черед до университетов, ученых учреждений, и очень скоро мы все, м. б., будем на мостовой. Эмигрантская палуба все ближе и ближе. Сегодня похороны павших большевиков[111]; ждут эксцессов. Каких? — никто не знает, но все в панике. Все валится из рук как никогда.

11 [ноября]. Все без перемен; из Петрограда нет вестей. Сегодня открыли Музей; было до 20 человек единовременно — не более; холодно, тоскливо, не все налицо; разговоры все те же; совет Университета; настроение более бодрое, чем я думал; постановили продолжать занятия. Узнал удивительные вещи: оказывается, в Питере остатки прежнего правительства заседают и ведут текущую работу и что Совет народных комиссаров это знает и их не трогает[112] — поистине, мудрено! На университеты до сих пор нападений не было.

12 [ноября]. Вести самые удручающие. «Борьба за мир» ведется так, что мы corps et biens[113] предаемся на милость Германии: жестко будет спать! Личных впечатлений за день мало. Утром был у Шамби, где видел Ивинского[114] — как поправел этот старый теоретический революционер! Потом с 3-х часов сидел в Мертвом переулке, где царствовало подавленное настроение. Весь день не ударил пальца о палец. Жаль потерянного времени, но сил ни для какой работы нет.

13 [ноября]. Понедельник, день без газет: значит, новых удручающих вестей мало — это на завтра. Просидел от 11 до 3 в музее, стараясь найти себе дело. В читальном зале одновременно 25 человек — не более; весь вечер сидел и писал лекции, опять-таки чтоб забыться за делом; отвратительная перспектива дежурить по двору от 4 с половиной до 7 часов: до чего пришлось дожить — ходить на ролях дворника и швейцара в полном сознании сомнительности той пользы, которую этим приносишь. Сегодня утром я ходил почтить память погибших студентов, которых отпевали у Большого Вознесения; служил, кажется, сам новый всероссийский патриарх[115], я был в начале церемонии, которая заняла целый день; эти толпы

людей, исключительно интеллигентных, вернее, цивилизованных, прибывали с каждой минутой. При мне привозили тела с пением «Вечной памяти». Сознаюсь, что я плакал, потому что «Вечную память» пели не только этим несчастным молодым людям, неведомо за что отдавшим жизнь, а всей несчастной, многострадальной России. То, что я видел, было контрманифестацией красным похоронам горилл 10-го; там была чернь; здесь — цивилизованные русские. Сейчас, вечером, я не знаю, благополучно ли прошли похороны; если нет, то побоище было побоищем света тьмою, цивилизации варварами. А ведь в субботу, после совета, молодежь, занятая организацией похорон, говорила, что какой-то местный военно-революционный комитет не гарантирует безопасности процессии до братского кладбища, будто бы указывая, что нападут не только на процессию, но раскидают и гробы; тогда явилась мысль похоронить в Новодевичьем монастыре — но монашенки (о, как это характерно!) не пожелали дать земли. Тогда пришлось, очевидно, вновь вернуться к мысли о похоронах на братском кладбище. Завтра узнаю, как все это обошлось.

14 ноября. Похороны обошлись благополучно. В газетах сравнительно немного дурных вестей; вероятно, завтрашний день наверстает дело. В музее что-то похожее на работу; в факультете наконец провели Шамби в доценты; представление Сперанского[116] было прилично написано. Англичане взяли Иерусалим; как обидно читать все это, зная, что русские войска способны брать только свою Москву. У нас вставили рамы, и мы сегодня перебираемся в нашу спальню. Надолго ли? Не придется ли заняться сдачей комнат?

16 [ноября]. Тов. Крыленко, верховный главнокомандующий большевиками, завязал переговоры с немцами; пошли парламентерами трое — едва ли не все евреи. Россию предают и продают, а русский народ громит, бесчинствует и буйствует, и абсолютно равнодушен к своей международной судьбе. Небывалый в мировой истории случай, когда большой по числу народ, считавшийся народом великим, мировым, несмотря на все возможные оговорки, — своими руками вырыл себе могилу в восемь месяцев. Выходит, что самое понятие о русской державе, о русском народе было маревом, блёффом, что все это только казалось и никогда не было реальностью. Это так, но все-таки как это глубоко обидно и скорбно. Румянцевский музей нечем топить; служителям нечем платить прибавки и не к кому обратиться за разъяснениями, т. к. нет начальства — беспримерное положение дела; и так везде.

18 [ноября]. Вещи идут своим порядком. О том, что делается за пределами России, мы ничего не знаем, потому что нам этого не сообщают, вероятно; в России большевики завоевывают ставку, ведут мирные переговоры, выпускают военнопленных немцев, словом, подготовляют падение бывшей России в объятия Германии при полной и непритворной радости громадного большинства русских горилл, неудержимо влекомых к родной и милой плетке хозяина. Все хорошо, что хорошо кончается; русско-немецкая война закончится тем, чем закончился бы процесс без войны: немцы завоюют русских — зачем же проливали столько крови, зачем подводили французов? Курьезно встречать среди большевически настроенных людей большие и крупные умы — или, по крайней мере, людей, которые такими считались, — вроде Тимирязева. Сегодня об этом говорил в библиотечной комиссии Н. В. Богоявленский[117]. В Музее обсуждали вопрос о том, долго ли мы протянем; решили, что до Рождества по деньгам и по топливу протянем — а потом?

20 [ноября]. Особенных фактов за последние два дня нет; все идет своим порядком; союзники, кажется, на нас плюют; жалованье сегодня еще заплатили[118]. Университет и Музей пока не трогают. Кажется, все обстоит благополучно? Даже на душе как-то спокойнее; но это — спокойствие смерти. Родина умерла; нет больше родины. Ходил на выборы во всенародный кабак[119], беспрепятственно осуществил свою гражданскую обязанность и тем воздал последнее целование умершей дорогой России.

22 [ноября]. Убит Духонин, бежали Корнилов, Деникин, Марков[120], которых, вероятно, поймают; сепаратный мир уже не оставляет никакого сомнения. Вопрос уже в том, что дальше — как распадется коалиция сил, объединяемых названием «большевики», состоящих из фанатиков крайних идей, из людей, работавших на немецком жалованье, и из черносотенцев[121]. Смерть Духонина — поучительный пример для всех генералов, которые сидят между двумя стульями; а судя по разоблачениям Савинкова («Рус. Ведомости», 21 ноября), и Духонин, и Черемисов[122], и, видимо, многие уподоблялись в дни падения режима Керенского пресловутому «Викжелю» — все соглашались и плясали на канате.

24 [ноября]. Сегодня в газетах: уничтожение судов[123], слухи о социализации домов, или, по крайней мере, о передаче домов под ведение домовых комитетов[124], посылка матросов, чтоб стеречь Николая II, и видимая неудача мирных переговоров[125]. Первое — сшибает с ног, хотя они уже об этом говорили ранее: бедный Лялька — ему временно будет большая канитель; а в общем — несколько десятков тысяч интеллигентных нищих. Второе, б. м., не так

страшно, но задевает наш добрый и милый Мертвый переулок; там, видимо, обеспокоены; что сказать на это? Третье пахнет тем, что Николая укокают, как Духонина, что будет способствовать возрождению монархического принципа. Четвертое следовало ожидать. Вопрос теперь в том, примут ли товарищи немецкие условия во всем их позоре или же будут продолжать кочевряжиться, делая вид, что будут воевать далее; или же действительно мир еще отсрочится. Технически процесс продажи России немцам очень интересен, если бы все же по старой памяти с моральной стороны это не было бы так грустно.

25 [ноября]. День прошел без особых потрясений; все без перемен. Много слухов и данных о фальсификации выборов во всенародный кабак, который, по всем данным, обещает быть даже не кабаком, а зверинцем. Утром в Университете разговор с Мануйловым[126], который говорил, что, по его мнению, с захватом власти шайкой людей можно было бы бороться, но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве; затем спрашивал меня, понимаю ли я таких людей, как Покровский[127].

26 [ноября]. Новые слухи о социализации домов[128], сообщаемые в «Русском слове» в нелепой форме. Если так, то большевики задались целью всех интеллигентов, всех, хоть что-либо имеющих, раздражить против себя. Быть может, тем скорее наступит развязка. Приходили сегодня Саша Рар, Шура Граве[129] и Шамби. У всех все то же на уме.

28 [ноября]. На улицах расклеен дикий призыв против Каледина, Корнилова, Родзянко и всех, спасшихся на Дон. Университетские служащие низшие желают реорганизовать управление Университетом «на паритетных началах» между представителями интеллигентного труда и представителями физического труда. В Петрограде какая-то интеллигентная толпа собирается около Таврического дворца — чтобы? защищать несуществующий всенародный кабак[130]. Новая смесь безумия, демагогической жестокости, глупости и той неизъяснимой маниловщины, на которую способны только русские. Румянцевский музей закрыт второй день за отсутствием топлива, не припасенного глупостью и нерачительностью нашего смотрителя. Университетский совет более часа толковал об отдельных словах в редакции отклика на имевшее не состояться открытие всенародного кабака.

29 [ноября]. Известия через Лену от Мариетты, что мужики отбирают Собо[...?], Болото, Александровский и Вяжинский [?] хутора, словом, частновладельческие хозяйства вокруг нас. Не удивлюсь, если, несмотря на приезд Прасковьи, которая привезла нам съестного и которая сейчас здесь — и мы доживаем там наши последние дни. Вчера в Петербурге собрались зачатки всенародного кабака и выбрали председателем Чернова[131]. Чем он лучше Ленина? Жалкие речи о жалком собрании, а это жалости достойное собрание — последняя соломина, за которую цепляются в бывшей России. Музея мы опять не могли открыть за недостатком дров и за нераспорядительностью смотрителя.

30 [ноября]. Декрет об аресте вождей к.-д.[132], поход на них и проскрипция русских жирондистов, хотя все это более похоже на Стамбуловщину[133], чем на Французскую революцию. События идут бешеным ходом. [Далее зачеркнуто: Сегодня] Вчера частного совещания в учредительном собрании даже не допустили; срыв всенародного кабака неизбежен: жалеть, впрочем, о нем едва ли приходится: составленное из погромщиков, сентиментальных и реалистичных — оно все равно было бы недееспособным. Удар по кадетам — это, по мнению А. И. Яковлева, гениальный удар крайних правых, занесенный рукой большевиков. Так ли это? Qui vivra — verra[134]. Говорят, что немцы ставят невозможные условия даже сепаратного мира[135]; логически рассуждая, они ведут беспроигрышную игру: или большевики должны будут принять их условия, или же весной немцы победным шествием займут всю Россию, ибо большевики, меньшевики, с.-р. и прочие русские социалисты уничтожили орган защиты России, а к весне с фронта разбегутся последние солдаты, и получится, что русский народ сам уничтожил свою армию. Горе тем, кто сам себе уготовил неслыханное, небывалое поражение и позор.

2 [декабря]. Вчера опять слух об отобрании денег и декрет о том, чтобы плату за квартиру не вносить домовладельцам[136]; сегодня известия о будто бы совершившемся побеге Николая II из Тобольска — этот слух, по-моему, нуждается в подтверждении: я ему не верю и остерегаюсь делать какие-либо выводы. Сегодня весь вечер я читал записки Е. А. Боголеповой о ее муже[137], изданные в нескольких экземплярах. Есть односторонность, но и много интересного, например в отзывах о Николае II, Победоносцеве и Витте. Очень интересны мнения Н. П. Боголепова о русских: за границей в семидесятых годах «он находил время присматриваться к нравам, обычаям и общественным порядкам немцев, причем сравнение последних с русской жизнью и русскими порядками вызывало в нем глубокую скорбь. В особенности огорчало его в русских отсутствие воли и характера» (стр. 36).

«Поведение Доробца, неблагонадежность должностных лиц, неблаговидные поступки

некоторых университетских деятелей все более и более убеждали Н. П., что большинство русских людей, даже образованных, страдает отсутствием воспитания» (144). Как это все приложимо к теперешнему моменту! Как эти мнения оправдались жизнью! Еще одна выписка: «Часто русские, при известной распущенности и отвращении к порядку, называют формалистом человека, требующего точности и порядка» (101).

5 [декабря]. За эти дни — ежедневно новые слухи, новые декреты — слух о назначении комиссаров в высшие учебные заведения; по-видимому, назначение такового же в Архив Министерства иностранных дел[138]; вероятно, и нам в Университете и в Музее придется скоро решать эту тяжелую задачу. Сегодня сенсационный слух о том, что освободили Романовых. Неужели красное действительно заслоняется черным? В Музее служители опять подали бумагу с претензиями; главная — сменить вахтера; боюсь надеяться, что вопрос более или менее улажен. Сегодня заседание факультета; приняли диссертацию Пичеты; если еще будем существовать, то диспут в январе.

7 [декабря]. Самая яркая сцена сегодня — наблюдение за разговорами между администрацией Архива Министерства иностранных дел и комиссаром большевиков. В большой комнате архива перед столпившимися служащими разгуливал в пальто с барашковым воротником, но без шапки Василий Кондратьевич Евенко, слесарь из ростовских-на-Дону мещан. Разговор велся в кислосладком тоне, которым так хорошо владеет С. А. Белокуров. Требовал комиссар подписку о признании совета народных комиссаров; ключи он успел уже захватить во вторник, 5-го; служащие соглашались заниматься при условии отказа от подписки, возвращения ключей и невмешательства в занятия; чем дело кончилось, я не знаю пока[139]. Характерны некоторые моменты: комиссар спрашивал, как мог архив продать что-то Румянцевскому музею — дело шло о нескольких томах «Полного Собрания Русских Летописей»; на это Белокуров ему отвечал: «Мы книжки продаем и даже печатаем их — мы ведь головой работаем». Когда служащие спрашивали, почему такое к ним недоверие, что он не хочет отдавать им ключей, комиссар отвечал: «А ведь в Министерстве иностранных дел оказалось при занятии его новой властью, что некоторые документы сожжены». Не ищут ли они в Архиве тайных договоров? Потом совещание в Румянцевском музее, как быть, если к нам пожалует такой же комиссар. Мнения, в общем, склонялись к тому, чтобы принять платформу архива. Вечером была у нас Элли Петер[...], с которой мы не видались более года; рассказывала свои впечатления из пережитого за время агонии войны, чем подкрепились наши думы и мысли.

8 [декабря]. Инцидент в Архиве пошел в затяжку: местный с. с. д. уверяет, что все это — недоразумение. Так ли? В Румянцевском музее также поуспокоились, особенно еще потому, что дошел какой-то слух, что в культурно-просветительные учреждения не будут назначать комиссаров. Так ли? В остальном день прошел без чего-либо интересного.

9 [декабря]. Сегодня в Москве ввели предварительную цензуру для газет, военное положение и революционные трибуналы[140]; первое и второе, по 20-е декабря. Что намечено на эти дни? Большинство лиц, с которыми пришлось сегодня говорить, держатся того мнения, что это или признак слабости существующей власти, или знаменует еще большее ускорение конечной тяги направо; третьи думают, что это направлено против неугодных т. наз. буржуазных газет и для ликвидации городской забастовки[141]. Если поживем, то увидим.

11 [декабря]. Вчера прошло без особых инцидентов; сегодня без газет; все, по-видимому, идет своим чередом; готовится немецкий мир, и продолжается внутреннее разорение России. Все упорно ждут какого-то переворота, приурочивая его к ближайшим дням; что это будет за переворот, говорят разно, но все думают, что близко возвращение монархии. Я бы очень желал знать: на чем основаны эти слухи? Сегодня я встретил на улице моего университетского товарища И. Н. Филатова, который при старом режиме побывал даже в Сибири по политическим делам; теперь, как оказалось по наведенным мною справкам, он меньшевик; вот что он мне сказал по собственной своей инициативе: «Мы идем к разбитому корыту; на днях немцы возьмут Петроград с фронта и тыла и восстановят монархию. Это позор и ужас. Среди большевиков 50% монархисты, 45% — неумные и 5% — убежденные люди». Значит, эти слухи распространены и среди левых, но не большевиков.

14 [декабря]. Не записывал два дня; было некогда. Во вторник, 12-го, говорил с пессимистом и оптимистом — Гензелем и Грушкой[142]; первый говорил, что современное положение вещей продлится, по крайней мере, до осени и что «похабный» мир придется заключить и союзникам; что внутри России дело может измениться, только когда совсем разложится армия и когда на развалинах частных сельских хозяйств совсем перебродит деревня; тогда внешние силы смогут восстановить порядок. Грушка, наоборот, утверждал, что вся тактика большевиков — это пугач, которого нечего бояться и который своей шумихой показывает,

что они бессильны. В тот же день в сплетенной Москве стали ходить слухи, что в Петрограде идет бой, что часть войск восстала против Смольного за всенародный кабак, но все это — чушь. Вчера вернулся из Петрограда А. К. Виноградов[143] со служителем Максимовым и подтвердил, что все там тихо. Их поездка очень интересна: Виноградов ловко выхватил из большевистского министерства Плехановские и процентные прибавки, видимо, не покорившись им и в то же время не делая несуразных дон-кихотств; он показал, по-моему, что он ловкий человек; товарищи служителя могли, с другой стороны, убедиться, что без цивилизованных людей они сами ничего сделать не могут, что у большевиков страшная путаница и неразбериха и что в Петрограде что-нибудь получить не так-то легко. Общие впечатления Виноградова, что большевики сидят крепко, и что на всенародный кабак — всем наплевать. Вчера же было вечером заседание Исторического Общества, где Пичета толково и интересно излагал свою тему об аграрной реформе Сигизмунда-Августа; она была умнее, чем затеи русских дураков двадцатого века.

Разговор с Л. М. Сухотиным[144]; он говорил, что, быть может, уедет в Сибирь устраивать свою судьбу; туда же уехал кн. Г. Е. Львов; какая причина тянет наших ci-devant[145] в Сибирь? Это интересно.

15 [декабря]. Очередная новость. Введены вооруженные караулы в банки — вчера в [далее зачеркнуто: Москве] Петрограде, сегодня в Москве; во что это выльется, сейчас еще нельзя сказать; но паника чувствуется и ощущается[146]. Архив Министерства иностранных дел раскассирован[147], и гордого и царственного С. А. Белокурова выселяют с квартиры. Кто бы мог это когда-либо подумать? Опять возобновил занятия в архиве Министерства юстиции — для наркоза. На меня произвела впечатление немецкая нота по поводу мирных переговоров: принимая во внимание, что против Кюльмана и Чернина сидят «русские» дураки[148], она почти гениальна. Жду западни, в которую они захлопнут товарищей.

17 [декабря]. Вчера совет Университета; настроение тяжелое, хотя прямо катастрофического и безнадежного пока ничего нет; финансовый кризис очень тяжел, надо поднимать плату; «младшие служащие» теребят и предъявляют всякие требования; клиники надо закрывать из-за недостатка топлива, а на неотапливаемые здания точат зубы красногвардейцы. С [далее зачеркнуто: нов...] большевиками пока столкновений нет, но их можно ожидать каждую минуту. Я ушел с тяжелым чувством и с неуверенностью, что Университет будет работать в 1918 году. В Музее акулы-служителя недовольны и плехановскими прибавками и желали, чтоб их продолжили до 1-го января, а не до 1-го ноября, как они выданы: стоило большого труда убедить их, что этого нельзя делать; затем новый взрыв, вызванный тем, что наша истинно русская канцелярия выписала себе и вольнотрудящимся эти прибавки, а служителей отложила до понедельника. О[...] безумия! Банковский кризис доведен до национализации банков и до нарушения неприкосновенности несгораемых ящиков[149]; совершается акт вопиющего насилия; убивается кредит, промышленность, торговля, частная предприимчивость; мы еще одно дно пробили своим бесчувственным лбом!

19 [декабря]. За эти дни не много нового. Из Петрограда — настойчивые слухи об исподволь происходящем занятии немцами; сегодня приехала кадетская богородица Е. В. Юрьева и подтвердила это; между прочим, и банковский coup d'état[150] приписывается немцам, которые желают убить наш последний кредит и помешать финансировать Дон[151]. Знаменитый московский пристав Строев орудует в Смольном. Кадетские узники говорят, что большевикам нужно их не судить, а изолировать. Если это так, то это также нужно немцам и черносотенцам. В Архиве Министерства иностранных дел дело еще раз повернулось; слесарь передал архив С[ове]ту Соб. Д-ов; С. С. Д. — своей культурно-просветительной комиссии и при этом восстановил весь персонал; таким образом, по-видимому, после театра С. С. Д.[152] появится архив С. С. Д.; ну что ж, лишь бы сохранить детище Миллера, Бантыша[153] и т. д. Завтра предстоит решить вопрос об отношении Румянцевского музея к [далее зачеркнуто: культ.-просв. ком.] Комиссии по охране памятников С. С. Д.[154]; я буду отстаивать деловое соглашение, ибо культурные работники могут идти на конфликт только по очень веским соображениям; я полагаю, что таковых не имеется. Вечером был у нас М. К. Любавский; говорили об общих делах, думая о них вполне согласно; разобрали книгу Пичеты.

20 [декабря]. Жалованье из Музея на этот раз выдали; и то хорошо. В Музее совет; мою точку зрения удалось отстоять, хотя и не без борьбы. Н. И. Романов[155] во что бы то ни стало хотел переть на рожон и вызвать конфликт с соб. депутатами; я не понимаю и не могу помириться с этим типичным миросозерцанием русского интеллигента: или ты сделай по-моему, или будет нарушен принцип, и тогда погибай все. Не могу я видеть и подчинения с. депутатам в том, что мы будем иметь в комиссии по охране памятников старины назначенного ими председателя. Какой черт в председателе, когда все равно в данный момент сила в руках этих

господ; а если они зовут помочь в деле не политическом, а культурном, то мы, как во имя дела, так и во имя блага нашего учреждения и его прямых целей, не должны без веских причин, и без крайней нужды, обострять положение. Назначенный председатель даже лучше, т. к. на нас в этом случае меньше ответственности. Сегодня опубликован общий проект немецких условий мира; они удручающие: теперь ясно видно, на чем немцы поймали наших [далее зачеркнуто: предателей и] дураков, и на чем сыграли наши предатели — на самоопределении национальностей: оказывается, что Литва, Курляндия, часть Лифляндии (читай — Рига и Эзель) и часть Эстляндии (читай — Даго) уже самоопределились и выразили желание отойти от России[156]. Большевики делают вид, что они не примут этих условий, но, конечно, они будут приняты, ибо положение безвыходно. Да здравствует ум и да погибнут дураки и самопредатели. Забыл: сегодня в Музей приезжал комиссар Малиновский[157], гаденький, плюгавенький человек, не внушающий доверия; но он приезжал с просьбой принять на хранение библиотеку Александровского училища[158] и вел себя (по крайней мере сегодня) очень скромно; скромнее, чем В. В. Пржевальский, приезжавший в марте в качестве делегата блаженной и вечно достойной памяти комиссара Н. М. Кишкина.

22 [декабря]. Принимаем библиотеку Александровского училища, рискуя завалить все наши свободные пространства. Ее уже начали расхищать; училище разделено на шесть частей: в нем расположены шесть учреждений и частей новой власти, в том числе красная гвардия; эта последняя дрыхнет, пьянствует, трехэтажно ругает своих начальников, дезертирует, ворует; в самом училище происходит иногда стрельба и война одних горилл с другими; спасая библиотеку, мы, конечно, оказываем услугу будущему училищу, но боюсь, что долго будет она у нас лежать; характерная подробность: шофер грузовика по дороге сделал попытку украсть несколько книг! Сегодня в газетах помещены условия, которые нам предлагает Турция[159]; они красноречиво свидетельствуют о нашем падении: если горе побежденным, то еще более горе народу, который сам себя разгромил и предал. Но и на этих условиях наш мир все-таки будет заключен, ибо никому из горилл нет дела до того, какой он будет и как немцы будут нами помыкать.

23 [декабря]. С. депутаты предписали заявить, сколько у кого кредитных билетов в стальных ящиках; в моем — 25 рублей, случайно оставленных и принадлежащих Володе; из-за этих 25-ти рублей я сегодня стоял два с половиной часа в очереди на Скобелевской площади, которую также надо называть площадью соб. д.[160] Очередь состояла из буржуев, передо мною прошло их, быть может, около тысячи; среди них много евреев; преобладающее отношение — ирония, и даже очень горькая; люди точно убеждены, что долго так продолжаться не может и что все опять пойдет по-прежнему. Принимали заявления три оголтелых девки, один студент Коммерческого института, два товарища рабочих, а начальствовал молодой человек, интеллигентного вида, летчик, очень хорошенький; вся процедура крайне упрощена и элементарна; организовано дело отвратительно: очередь, сутолока, безграмотные объявления и распоряжения. Вечером обедал в Английском клубе; довольно много генералов в штатском (Зайончковский, Нилов)[161] и вообще бывших людей; большая азартная игра; бывшие люди обладают выдержкой и воспитанием, а кроме того, в клубе стараются отвлечься от скорбных дум. Большевический мир, по-видимому, испытывает заминку; но я не слишком доверяю враждебным большевикам газетам: похабный мир они все-таки заключат и Россию немцам продадут.

25 [декабря]. Вчера и сегодня утром делались обычные приготовления к празднику, и мы с Нинкой думали: еще никогда не было такого ужасного Рождества, как это; душой овладела опять тоска; вечером пришли из Мертвого переулка, зажгли маленькую елку с малым числом подарков; впрочем, Володя веселился, как всегда. Еще никогда, кажется, я не чувствовал так остро бунт многомиллионной черни против маленького ядра цивилизованных людей в России, раздуваемый демагогами и немецкими предателями: ведь немцам будет легче наложить свою руку на русский народ тогда, когда он сам уничтожит своих руководителей и вновь станет слепой инертной массой, готовой для германского горна.

26 [декабря]. Сегодня второй день без известий; был днем у Кокошкиных и у М. И. Потуловой[162]; разговоры обычного типа; встретил профессора Зыкова[163], который сообщил мне такой факт: в Саратове, в психиатрической лечебнице, больные, т. е. сумасшедшие или, во всяком случае, психически расстроенные, составили свой комитет и союз, и нашлись врачи, которые поддерживали их. У Кокошкиных разговор об узниках; подтверждается известие, что полоумная курсистка А. С. Шацких, поклоняясь Шингареву[164], неся ему «калачик», схватила вместо того протоколы центрального комитета кадетов и отдала их большевикам. Как может партия вербовать агентов между сумасшедшими? Или, м. б., и Шацких и Саратовский инцидент — это истинное отражение России?

27 [декабря]. Сегодня сидел почти целый день дома; триумф хамократии слишком чувствуется на улице, и потому домашний бест — лучшее, что можно себе представить в свободный день. Завтра газеты после четырехдневного перерыва; какие мерзости они нам сообщат? Таня рассказывала, что, возвращаясь вчера домой, она видела толпу пьяных товарищей, впереди которых шла пьяная же баба с гармошкой — Théroigne de Méricourt[165] московского производства. Сегодня несколько интересных вещей сообщил А. И. Яковлев о некоем Логвинском — присяжном поверенном, призванном в качестве прапорщика и бывшем адъютанте Рузского, и в то же время агенте охранки; он будто бы уверял, что дело первой революции было подготовлено Бьюкененом, что в нем участвовали и Рузский[166] и Чернов, гораздо более активно, нежели это принято думать; относительно теперешнего положения — будто бы, это преддверие к шагу назад. Где тут правда и где ложь?

28 [декабря]. Газеты принесли сегодня приказ «главковерха Крыленки»; он призывает Россиян в добровольческую «социалистическую гвардию» на войну против буржуазии русской, немецкой и англо-французской, т. е. против всего мира[167]. Этот приказ убедил меня, что во главе того, что было прежде Россией, стоят люди действительно сумасшедшие, место которых в психиатрической лечебнице. Ясно, что из этого приказа не выйдет ничего; для чего же он издан — или потому, что его творцы сумасшедшие, или чтоб потом могли его творцы сказать: никто не пошел на наш зов и потому мы должны были заключить мир с немцами. Наши войска уводят из Персии[168], и потому бывшие христолюбивые громят Персию: все в порядке вещей. Часто вспоминаются мне слова покойного отца, что произвол и нечестность русских (arbitraire et malhonnêteté) подрывают всякую веру в русскую будущность; а еще слова М. А. Веневитинова[169], который в 1898—99 г. говорил мне, что Россия идет к такой катастрофе, которую и представить себе нельзя; один умер в 1896, другой в 1900. Увлекаюсь только что вышедшей четвертой книгой русских Пропилеев Гершензона[170]; под именем «архива Огарева» дотошный честный еврей выворотил наружу всю драму Огарева, Герцена и их общей жены Н[атальи] Алексеевны; пережитая жизненная драма всегда интересна, а драма этих сильных людей в особенности. Странная фраза попалась мне в дневнике Н. А. Огаревой: «Детей надо оберегать от русской жизни»; как это верно для нашего времени!

29 [декабря]. Мало впечатлений. Немцы опять прищемили русско-жидовских изменников и дураков и загоняют их под ярмо. Сейчас шли пешком от Лены Р. в одиннадцатом часу — впечатление жути и полного отсутствия безопасности. Из дверей Александровского училища выбегали какие-то, кажется, пьяные и переряженные бабы, которых изнутри провожали хохотом товарищи.

30 [декабря]. Без особых причин весь день камень на душе; не стало легче даже в театре на «Спящей красавице», куда возили Володю; стыдно признаться — даже расплакался от музыки; вечером была Вава[171], сообщила, что в Загранье все благополучно; читал Чаадаева — вот правильные мысли о русских.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Великой провокацией» назвал действия Керенского Корнилов в своем заявлении от 27 августа 1917 года. Керенский изложил свою версию событий в книге «Дело Корнилова» (М., 1918; Benson (Vt.), 1987). *Савинков Борис Викторович* (1879—1925, погиб в тюрьме при загадочных обстоятельствах) — с 18 [?] июля товарищ военного и морского министра (управляющий военным министерством); с 27 августа — также военный генерал-губернатор Петрограда. Уволен с обоих постов 30 августа; в начале сентября за причастность к корниловскому делу исключен из ПСР. Сочувствовал Корнилову, который был назначен Верховным главнокомандующим отчасти по его настоянию, и в конце августа старался наладить сотрудничество между Корниловым и Керенским, разрыв между ними объяснял недоразумением (см.: Савинков Б. В. К делу Корнилова. Париж, 1918; Гиппиус З. Синяя книга: петербургский дневник 1914—1918 гг. Белград. 1929; ее же. Петербургские дневники (1914—1919). Нью-Йорк, 1982).
2. Милюков, излагая этот эпизод, говорит, что Яковлев на Московском совещании «развивал такие фантастические планы об аграрной реформе, что невозможно было отнестись к нему серьезно»; «видимо, не вполне уравновешенный господин» (Милюков П. Н. История второй русской революции. Вып. 2, с. 195).

3. *Завойко В. С.* — бывший предводитель дворянства Гайсинского уезда Подольской губ., журналист; с мая 1917 г. — в армии (добровольцем), состоял при генерале Корнилове (формально ординарцем). Советник Корнилова и автор ряда публичных заявлений от его имени, в том числе заявления от 27 августа. В случае осуществления корниловского замысла должен был войти в правительство; намечался также в качестве министра внутренних дел в состав Петроградского правительства, которое создавалось в октябре 1919 г. в ожидании вступления в город Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. *Аладьин Алексей Федорович* (1873—?) — из крестьян Симбирской губ., учился в Казанском университете, в 1895—1905 гг. в эмиграции; депутат I Государственной думы, лидер Трудовой группы; в 1906—1917 гг. — в Англии, с начала войны — доброволец в британской армии. Летом 1917 г. командирован в Россию, в августе познакомился с Корниловым и стал его советником; позднее вернулся в Англию, где и умер.
4. *Львов Владимир Николаевич* (1872—?) — учился одновременно с Готье в университете, но, видимо, они не были знакомы; был вольнослушателем Московской духовной академии. Депутат III и IV Государственных дум, в обеих — председатель Комиссии по делам православной церкви. Избран в Думу как октябрист, в 1910 г. — националист, в 1911 г. — один из организаторов Партии центра. Во Временном правительстве с марта до конца июля — обер-прокурор Святейшего синода. В конце августа по собственной инициативе был посредником между Корниловым и Керенским; по-видимому, обоих ввел в заблуждение (таков вывод Каткова, по мнению которого Львов в эти дни был в состоянии, близком к невменяемости). После Октябрьской революции эмигрировал, в начале 20-х годов стал сменовеховцем, вернулся в Россию, примкнул к обновленчеству, затем к Союзу воинствующих безбожников, где занялся активной антирелигиозной пропагандой.
5. *Некрасов Николай Виссарионович* (1879—1940 (?), умер в заключении) — до 27 августа 1917 г. — зам. председателя Совета министров и министр финансов, вместе с Керенским и Терещенко входил в состав неофициального руководящего «триумвирата» в правительстве. Автор радиограммы «Всем начальствующим лицам, комиссарам, войсковым и общественным организациям о мятеже Л. Г. Корнилова», отправленной от имени Керенского 27 августа. В последующие дни разошелся с Керенским (считал, что тот должен уйти с поста главы правительства) и больше в правительство не входил (см. о нем: Медведев Р. А. К суду истории. N.Y., 1974, р. 277; Голицын С. М. Записки уцелевшего. — Дружба народов, 1990, № 3, с. 106).
6. Трюк (*фр.*).
7. Заявлением Временного правительства за подписями Керенского и министра юстиции А. С. Зарудного от 1 сентября была провозглашена Российская республика. Сенат, в обязанности которого входили проверка конституционности законодательных постановлений и их обнародование в «Собрании узаконений» (после чего они входили в силу), отказался публиковать это заявление как противоречащее «конституции» Временного правительства, то есть соглашению Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета от 2 марта, по которому форма правления должна была быть определена Учредительным собранием. Заявление было напечатано в «Вестнике Временного правительства» 3 сентября. В том же заявлении говорилось, что Временное правительство передает «управление делами государства до сформирования кабинета» пяти своим членам; в других документах их называют «Советом пяти», или «Директорией». Последнее наименование вошло в обиход и закрепилось в литературе (термин, как и многое другое в России 1917 г., был взят из практики Французской революции конца XVIII в.). *Верховский Александр Иванович* (1886—1938/41, погиб в заключении). Говоря о его «сомнительном прошлом», Готье, вероятно, имеет в виду, что после Февральской революции Верховский был близок к «революционной демократии» (ее небольшевистскому крылу). *Вердеревский Дмитрий Николаевич* (1873—1946/47) — 7 июля был отрешен от должности командующего Балтийским флотом и отдан под суд за невыполнение распоряжений правительства в июльские дни. Вероятно, дело было прекращено в связи с «корниловщиной». *Терещенко Михаил Иванович* (1884/86—1956) — с 5 мая 1917 г. министр иностранных дел, с конца августа до 25 сентября также зам. председателя Совета министров. Его «беспринципность», видимо, заключалась в том, что в заявлениях о внешней политике правительства он отчасти пользовался фразеологией революционной демократии, хотя фактически продолжал политику Милюкова. *Никитин Алексей Михайлович* (1876—?, вероятно, умер в заключении) — присяжный поверенный, меньшевик (в конце сентября, когда он стал министром внутренних дел в последнем правительстве Керенского, ЦК РСДРП предложил ему покинуть партию). В дни Февральской революции был первым председателем Московского совета рабочих депутатов, с 5 марта до 24 июля (?) — начальник милиции г. Москвы. Нелестное мнение о нем Готье, скорее всего, основывалось на впечатлениях о его деятельности в это время.
8. В действительности отношения между Керенским и Черновым были неприязненными.
9. По словам Керенского, в декабре 1905 г. он пытался вступить в Боевую организацию ПСР, но был отвергнут Азефом.

10. Слова «пять тиранствующих» написаны по-гречески.
11. В начале сентября Временное правительство решило (главным образом ради экономии топлива) «приостановить» занятия в высших учебных заведениях Петрограда до конца учебного года (для некоторых категорий студентов было сделано исключение). На Москву это решение (кажется, вопреки первоначальному намерению) не распространялось. «Студенческий дом» был создан в 1915 г. для организации материальной взаимопомощи студентам Московского университета. После Февральской революции этот дом и образованный в нем Клуб социалистической молодежи оказались в руках большевиков, которые использовали их для расширения своего влияния. 24 августа собрание 1500 студентов московских высших учебных заведений высказалось за прекращение занятий на неопределенное время, чтобы не отвлекаться от политической борьбы.
12. *Кишкин Николай Михайлович* (1864—1930) левый кадет, в описываемое время — член ЦК и МК партии кадетов, член комитета Прогрессивной группы гласных Московской городской думы, товарищ главноуполномоченного Всероссийского городского союза, московский городской комиссар Временного правительства, член Совета общественных деятелей, созданного на «малом» Московском совещании; пользовался личным доверием Керенского. 27 сентября был вызван в Петроград, где в течение трех дней участвовал в обсуждении с Керенским и другими путей выхода из создавшегося положения (намечался на пост министра внутренних дел в составе «Директории»). 31 августа сделал сообщение об этой поездке на заседании МК партии кадетов.
13. Законом от 24 июня (при министре просвещения Мануйлове) Временное правительство учредило в университетах штатную должность доцента; выборы на эти должности проводились собраниями профессоров факультета. К этому времени Шамбинаго уже несколько лет был профессором, но не в Московском университете.
14. Интервью с Керенским появилось в газете «Воля народа» 5 сентября в ответ на статью Чернова в центральном органе ПСР «Дело народа» от 3 сентября. Ожесточенная полемика велась и в других статьях этих номеров двух важнейших эсеровских газет.
15. В начале сентября более 100 Советов рабочих и солдатских депутатов (в Москве — 5 сентября) приняли резолюции с требованием перехода власти к «революционной демократии».
16. *Каледин Алексей Максимович* (1861—1918) — с июня 1917 г. (после восстановления Временным правительством внутренней автономии казачьих войск) первый атаман Войска Донского, избранный Войсковым кругом. На Государственном совещании выступил с речью от имени всех 12 казачьих войск, в которой призвал «все живые силы страны» к укреплению «демократического республиканского строя» и заявил, что «все советы и комитеты должны быть упразднены». О роли генерала М. В. Алексеева (1857—1918) в конце августа — начале сентября см. исследование Каткова о «деле Корнилова». Догадка Готье о «провокации» такого масштаба пока не подтверждена.
17. К вящей славе (*лат.*).
18. *Талызина Ольга Анатольевна* — начальница Елизаветинского женского института в Москве, основанного в 1825 году. Женские институты («институты благородных девиц») — закрытые средние учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии, в которых воспитывались на казенный счет дочери (часто сироты) потомственных дворян и малообеспеченных военных и чиновников, а на собственный счет — дочери личных дворян, духовенства, почетных граждан и купцов (Временное правительство постепенно ликвидировало сословные привилегии, но дошел ли этот процесс до женских институтов, неясно). По сравнению с гимназиями в них большее внимание уделялось иностранным языкам (новым). Официально упразднены в 1918 г., но в течение гражданской войны функционировали в местностях, занятых антибольшевистскими силами, а затем были возрождены в эмиграции.
19. *Юрьева Е. В.* — сотрудница Готье по Румянцевскому музею, деятельница партии кадетов. 13 сентября Керенский просил москвичей Кишкина, юриста П. Н. Малянтовича (меньшевик) и пятерых представителей торгово-промышленных кругов (в том числе А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова) приехать в Петроград для продолжения переговоров об образовании нового кабинета. Если сведения Готье достоверны, то их уже раз вызывали, но они вернулись с дороги (Любань — станция в 83 км от Петрограда). До этого Кишкин и два других московских кандидата на правительственные должности были в столице 2 сентября.
20. *Вилькены* (Вилькины) — давнишние друзья семьи Готье, бельгийские граждане. Неоднократно упоминаемая в дневнике Эмма жила на Петровке и работала в школе для сирот.
21. Всероссийское демократическое совещание (14—22 сентября) было созвано (решением ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов от 2 сентября, к которому присоединился Исполком Советов крестьянских депутатов), чтобы «решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». Состояло исключительно из представителей революционной демократии.
22. *Арсеньев Николай Сергеевич* (1888—1977) — с 1914 г. приват-доцент Московского университета; с 1918 г. — профессор Саратовского университета. С 1920 г. — в эмиграции, преподавал историю русской культуры и православное богословие в различных университетах Европы и Северной Америки; с 1971 г. — председатель Русской академической группы в США (см. Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Воспоминания. Франкфурт-на-Майне. 1974). *Трубецкой Николай Сергеевич*, князь (1890—1938) — лингвист, с 1915 г. — приват-доцент Московского, с 1918 г. — профессор Донского университета (учрежден Временным правительством 5 мая на базе эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета). Один из основателей евразийства.
23. Домовые комитеты создавались по распоряжению городских властей с середины сентября в связи с введением карточной системы. Ведали раздачей продовольственных карточек и закупкой продовольствия для жильцов дома, чтобы сократить очереди в магазинах.
24. 17 сентября (ст. ст.) — день поминовения святых великомучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии.
25. По закону Временного правительства от 24 июня, приват-доценты, которые замещали профессоров или читали обязательные курсы, получили право участия в факультетских собраниях (с решающим голосом, кроме случаев выбора профессоров) и в заседаниях университетского совета (с совещательным голосом).
26. Готье был приват-доцентом до 1915 г., затем экстраординарным профессором, хотя еще в 1913 г. защитил докторскую диссертацию, что давало ему возможность получить звание ординарного профессора. Ординарные профессора избирались (по представлению факультета) Советом университета и утверждались министром просвещения.
27. *Кокошкины* — Владимир Федорович и его жена, В. Е., — знакомые Готье. *Кокошкин Федор Федорович* (1871—1918) — брат предыдущего, юрист и общественно-политический деятель. Был приват-доцентом Московского университета, в 1911 г. по предложению министра просвещения отстранен от преподавания. Видный государствовед, автор многих работ по теории государства и по русскому государственному праву. С марта (до июля?) 1917 г. — председатель Юридического совещания при Временном правительстве (давало «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов») и комиссии по выработке закона об Учредительном собрании. 24 июля — 26 августа — государственный контролер и фактический лидер кадетской группы министров, деятельный участник переговоров в правительстве о взаимоотношениях с Корниловым.
28. Это сообщение Готье дополняет сведения, рассмотренные в исследовании Каткова о «Деле Корнилова».
29. *Гурко Василий Иосифович* (1864—1937) — генерал от кавалерии, с октября 1916 по март 1917 г. — и. о. начальника штаба Верховного главнокомандующего. Письмо послужило основанием для распоряжения Временного правительства о высылке генерала за границу.
30. *Счастнев Александр Всеволодович* — один из студентов Готье (?).
31. Вопрос об использовании немецких денег для организации забастовок в России рассматривается в книге Каткова о Февральской революции.
32. Хотя и неправда, но хорошо сказано (*итал.*).
33. Районные думы в больших городах (с населением более 150 тыс.) были созданы по закону Временного правительства от 15 апреля; его издание было частью политики приближения органов местного самоуправления к населению.
34. То есть представитель Партии народной свободы (кадетов).
35. Дореволюционная Москва в административно-полицейском отношении делилась на 49 участков, которые, по-видимому, при выборах в районные думы использовались как избирательные. Участки группировались в 17 частей. В соответствии с законом от 15 апреля Москва 23 мая была разделена на районы, в которых избирались районные думы. Поскольку в состав города были включены некоторые пригороды, новые районы (17) были больше прежних частей, часто состояли из двух соседних (отсюда их двойные названия). Далее Готье называет участками новые районы.
36. Большевики получили абсолютное большинство голосов в 11 районах и относительное — в трех. По всему городу большевики получили 51% голосов, кадеты — 26, эсеры — 14, меньшевики — 4%; на выборах в Городскую думу в июне — соответственно 11, 17 и 12%.
37. Всероссийский демократический совет был выделен 22 сентября Демократическим совещанием из своего состава как представительный орган, перед которым должно было быть ответственным Временное правительство до созыва Учредительного собрания. 23 сентября он принял решение о создании нового коалиционного правительства. 2 октября преобразован во Временный совет Российской республики.
38. *Бируков Николай Николаевич* — московский юрист, обладатель одного из крупнейших в России частных собраний инкунабул. Готье надеялся приобрести его для Румянцевского музея (см.: Эльзевиры библиотеки Н. Н. Бирукова в Москве. М., 1917).

39. *«Новое время»* — большая ежедиевная политическая и литературная газета умеренно-консервативного проправительственного направления, выходившая в Петербурге с 1868 г., с 1876 г. — в издательстве А. С. Суворина. Закрыта 26 октября 1917 г. Петроградским военно-революционным комитетом.
40. Об этих беспорядках писали в 20-х числах сентября «Русские ведомости» и другие газеты.
41. *Гензель Павел Петрович* (1878—?) — профессор юридического факультета Московского университета (кафедра финансового права) и декан экономического отделения Московского коммерческого института.
42. Университеты в Томске и Саратове существовали до революции, но не в полном составе факультетов. Иркутский и Туркестанский университеты фактически открылись в 1918 году.
43 Речь идет о подавлении беспорядков (в том числе вооруженных восстаний) в Туркестане и Степном крае в июле 1916 — январе 1917 г., вызванных указом 25 июня 1916 г. о мобилизации около 500 тыс. мужчин из коренного населения (по уставу от 1 января 1874 г., оно не подлежало воинской повинности) на тыловые работы.
44. *Покров Пресвятой Богородицы* — праздник православной церкви (1 октября).
45. Торжествующая демократия (*греко-лат.).*
46. Речь идет о возможном переезде Временного правительства в Москву. Этого не произошло, так как, несмотря на занятие германскими войсками 3 октября Эзеля, их наступления на Петроград не последовало.
47. Вероятно, Н. В. Попов, профессор Московского университета, специалист в области судебной медицины.
48. *Моонзунд* — пролив между материком и Моонзундским архипелагом, северный проход в Рижский залив. *«Слава»* — линейный корабль, вступивший в строй в 1905 г., в морском сражении 4 октября был поврежден и затоплен своей командой у южного входа в Моонзунд, чтобы преградить путь противнику.
49. Это заявление было сделано членом ВЦИК Б. О. Богдановым (1884—ок.1960). Милюков называет его левым меньшевиком, очевидно, под впечатлением высказываний Богданова после корниловских событий о невозможности коалиции с кадетами и желательности «демократической диктатуры» пролетариата и крестьянства; в основном был правым меньшевиком (о нем см.: Память: исторический сборник. Вып. 3. Париж. 1980).
50. *Предпарламент* — Временный совет Российской республики, совещательный орган при Временном правительстве (преобразованный в соответствии с уставом 2 октября во Всероссийский демократический совет). В отличие от Демократического совета включал и представителей несоциалистических партий (кадетской и радикально-демократической) и организаций (156 членов из 550). На первом же заседании 7 октября Троцкий заявил об отказе большевиков от участия в совете, после чего они (53 человека) покинули зал.
51. *Трапезунд* — турецкий город, занятый российскими войсками в апреле 1916 года.
52. В апреле была образована смешанная комиссия (правительственно-советская) под председательством Г. В. Плеханова для улучшения экономического положения железнодорожных рабочих и служащих. По-видимому, позднее сфера деятельности комиссии включала и других государственных служащих. У Готье речь идет о прибавках, рекомендованных этой комиссией. Утверждались эти рекомендации Министерством финансов.
53. *Гвоздев Кузьма Антонович* (1883 — после 1931; по-видимому, погиб в заключении) — рабочий, правый меньшевик. До Февральской революции — председатель Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, затем один из главных организаторов Петроградского совета, член ВЦИК, член ЦК РСДРП. С 25 сентября — министр труда.
54. Вероятно, собирались сотрудники Готье по библиотеке Румянцевского музея.
55. В. И. Пичета был как бы предрасположен к панславизму своим происхождением: его отец был герцеговинец, мать — украинка. Плеханов и большинство его сторонников в социал-демократической организации «Единство» не разделяли панславистских взглядов. С начала войны они настаивали на необходимости победы антигерманской коалиции, считая, что она создаст более благоприятные условия для европейского рабочего и социалистического движения, чем победа Германии. *Фокин Анатолий Михайлович* — член Исторического общества при Московском университете. *Юнкер* (нем. Junker), *gentry* (англ. собирательное) — оба термина указывают на принадлежность к дворянам-землевладельцам.
56. Вероятно, речь идет о планах подготовки помещений для правительственных учреждений на случай их эвакуации из Петрограда. Поручено это было Кишкину.
57. Больничные служащие, о которых идет речь, — санитары и другой младший обслуживающий персонал. Требование об отставке Временного правительства свидетельствует о том, что бастующие находились под влиянием большевиков. *Мензбир Михаил Александрович* (1855—1935) — зоолог,

с 1886 г. профессор Московского университета по кафедре сравнительной анатомии. В 1906 г. был избран помощником ректора, в 1911 г. подал в отставку с этой должности, за что был уволен и с должности профессора; преподавал на Московских высших женских курсах и в университете Шанявского. После Февральской революции вернулся в Московский университет и был избран ректором.
58. Защититься от притязаний бастующих и руководившего ими профсоюза служащих больниц, учебных и иных учреждений университета. Кроме отставки ректора, бастующие требовали увольнения некоторых врачей.
59. Второе совещание общественных деятелей (12—14 октября) было примерно такого же состава, как августовское.
60. *Евдокимов Андрей Андреевич* (1872—?) — журналист, сотрудничал в правосоциалистической прессе, писал на профсоюзные и кооперативные темы. С 17 сентября — член комитета Московского отдела Лиги русской культуры (общественной организации «веховского» направления).
61. *Трубецкой Евгений Николаевич*, князь (1863—1920) — философ и юрист, с 1906 г. профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права; прогрессист. Выступая на совещании, назвал собравшихся Миниными и Пожарскими. *Новгородцев Павел Иванович* (1866—1924) — юрист и философ, общественно-политический деятель, с мая 1917 г. — член ЦК кадетов. Развивал теорию естественного права, учение о самостоятельном значении нравственного начала и нравственной оценки явлений.
62. *Союз офицеров армии и флота* был создан в мае 1917 г. как профессионально-патриотическая организация; председатель Главного комитета — подполковник Л. Н. Новосильцев (1872—?), кадет. Причастный к «делу Корнилова» Союз был в сентябре распущен, его руководители арестованы; выступавшие на совещании офицеры формально не могли говорить от имени Союза.
63. *Рузский Николай Владимирович* (1854—1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; главнокомандующий Северным фронтом (в его штабе Николай II подписал манифест об отречении). С апреля 1917 г. в отставке по болезни. В дальнейшем участвовал в белом движении, был захвачен в качестве заложника и убит в ЧК.
64. Одна из главных задач совещания — сплочение общественных элементов, на нем представленных, с целью «обратить тот зародыш, который существует теперь, в густую сеть, покрывающую всю страну». Вероятно, эта мысль сыграла некоторую роль в создании первых антибольшевистских организаций после Октября.
65. Решение ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании с целью захвата власти было принято 10 октября, к 13-му дата выступления еще не была определена.
66. День рождения (*нем.).*
67. *Кончаловский Дмитрий Петрович* (1878—1952) — историк; преподавал историю Древнего мира в Московском университете и на Московских высших женских курсах; в 1914—1917 гг. — на фронте. В описываемое время — приват-доцент в университете. После второй мировой войны — в эмиграции (см. Кончаловский Д. П. Пути России. Размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Париж. 1969; его же. Воспоминания и письма (от гуманизма к Христу). Париж, 1971).
68. Вот в чем вопрос (*англ.).* Не совсем точное воспроизведение части знаменитой фразы Гамлета: «To be, or not to be: that is the question».
69. Десятый съезд партии кадетов состоялся 14—16 октября 1917 года.
70. Великий страх (*фр.).*
71. В боях 24 октября — 9 ноября (н. ст.), начавшихся у р. Изонцо на австро-итальянской границе, итальянская армия потерпела сокрушительное поражение.
72. Персонаж повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».
73. 20 октября газета «Новое время» сообщала, что забастовка, назначенная на 20-е, отменена, так как достигнут компромисс. В передовой статье утверждалось, что забастовку готовили большевики в ходе мобилизации сил для захвата власти в городе. Большевики готовились к выступлению почти открыто. Военно-революционный комитет Петроградского Совета, созданный 10-12 октября, приступил к решительным действиям 20-го. Под влиянием Троцкого было решено приурочить переворот к назначенному на 25 октября открытию II Всероссийского съезда Советов, с тем чтобы он как бы узаконил переворот.
74. Да будет воля [Твоя] *(лат.)* — часть молитвы «Отче наш».
75. 24 октября Керенский выступил в Совете республики с заявлением, что большевики начали восстание, но в то же время утверждал, что возникла угроза правительству не только слева, но и справа.
76. *«Богау и К°»* — немецкая оптовая торговая фирма с конторой в Петрограде.
77. Московское археологическое общество, основанное графом А. С. Уваровым (1825—1884) в 1864 г., просуществовало до 1923 года. Здание на Берсеневской набережной было пожаловано обществу Александром II в 1868 году. *Уварова Прасковья Сергеевна* (1840—1924) — вдова А. С. Уварова, с 1884 г. — председатель общества, с 1894 г. — почетный член Академии наук. Умерла в эмиграции.

Лихачев Николай Петрович (1862—1935/36) — историк и искусствовед, собиратель древностей; с 1925 г. — действительный член Академии наук. 4 или 5 февраля 1930 г. арестован по «делу» Платонова, 1 февраля 1931 г. исключен из Академии, в августе сослан на три года в Астрахань, вернулся в 1933 или 1934 г., в Академии не восстановлен. Возможно, был вновь арестован (после убийства Кирова?) (см. о нем: Память. Исторический сборник. Вып. 1, 3, 4. Нью-Йорк — Париж, 1978—1981). *Тураев Борис Александрович* (1868—1920) — историк Древнего Востока (преимущественно египтолог) и церковный деятель. Профессор Петербургского университета, с 1918 г. — действительный член Академии наук; в 1917—1918 гг. принимал деятельное участие в подготовке и проведении Поместного собора Русской православной церкви.

78. Все работники Румянцевского музея (библиотеки) делились на три категории: 1) «штатные чины» — государственные чиновники, служившие по Министерству народного просвещения (старший научно-административный персонал); 2) «вольнотрудящиеся» — вольнонаемные рядовые библиотечные и музейные работники; 3) «нижние служители» — технический и обслуживающий персонал.
79. *Голицын Василий Дмитриевич* (ум. в 1927?) — с 1910 г. директор Румянцевского музея.
80. *Третьяков Сергей Николаевич* (1882—1944) — торгово-промышленный деятель, с лета 1917 г. член партии кадетов, в последнем составе Временного правительства — председатель Экономического совета. Во время гражданской войны принимал деятельное участие в организации антибольшевистской борьбы. Эмигрировал, жил в Париже; попал в руки германских оккупационных властей и расстрелян как советский агент. *Смирнов Сергей Александрович* (1883—?) — видный представитель купечества, председатель Московского военно-промышленного комитета, с 1917 г. — кадет. С 25 сентября — государственный контролер; участвовал в антибольшевистской борьбе, затем эмигрировал. *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — юрист, в начале 1917 г. — председатель Государственного совета, в первые дни Февральской революции заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян по приговору революционного трибунала 5 сентября 1918 г., в день принятия постановления СНК РСФСР о «красном терроре». *Маклаков Николай Алексеевич* (1871—1918) — в 1913—1915 гг. — министр внутренних дел, затем член Государственного совета по назначению. 27 февраля 1917 г. заключен в Петропавловскую крепость, расстрелян по постановлению ВЧК.
81. Как и во многих других записях, Готье проявляет здесь редкую прозорливость. Большинство в либеральных кругах считало, что большевики не смогут удержаться у власти.
82. Все упомянутые здесь улицы и переулки расположены в центре Москвы, к северо-западу и западу от Кремля. В этом районе 28—30 октября шли основные бои между большевиками и силами созданного Городской думой 25 октября Комитета общественной безопасности (главным образом, юнкерами двух военных училищ).
83. *Славин* — вероятно, управляющий домом или один из жильцов.
84. Б. Знаменский пер., в котором жил Готье, оказался в районе боев. Артиллерийскому обстрелу со стороны большевиков подверглось Александровское военное училище на Знаменке.
85. Комитет общественной безопасности ждал подкреплений с фронта, но они не были пропущены к Москве.
86. *Арманд Инесса (Елизавета) Федоровна* (1874—1920) — с 1904 г. член большевистской фракции РСДРП, долгие годы была тесно связана с Лениным. В 1917 г. входила в Московский комитет РСДРП(б) и его Исполнительную комиссию; принимала участие в подготовке Октябрьского восстания. Готье знал Арманд и ее семью с детства. *Федя* — Арманд Федор Александрович — один из пятерых детей И. Ф. Арманд; *Андрюша* — вероятно, племянник ее мужа.
87. 29 октября было объявлено перемирие на сутки начиная с 12 часов ночи на 30-е.
88. На стороне большевиков были солдаты запасной артиллерийской бригады. 30 октября переговоры были прерваны, и в ночь на 31-е началось решающее наступление большевиков на центр города. Никитские ворота — площадь на пересечении Б. Никитской и Бульварного кольца. Здесь шли наиболее ожесточенные бои, так как юнкера пытались преградить большевикам путь к Александровскому училищу и Кремлю.
89. Через *(лат.)*.
90. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза («Викжель») 26 октября предложил создать «однородное социалистическое правительство от народных социалистов до большевиков» с целью избежать гражданской войны, угрожая в противном случае забастовкой железных дорог. Переговоры о его создании начались 29 октября, 30-го состоялось предварительное соглашение по главным вопросам. Ленин считал, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий», и они были прекращены в начале ноября.
91. *Таня* — Дольник Татьяна Николаевна, свояченица Готье.
92. 1 и 2 ноября артиллерийский обстрел большевиками Кремля, куда 1 ноября перебрался из здания Городской думы Комитет общественной безопасности, велся с пяти сторон.

93. Двоюродный брат Готье, сын его тетки по отцу. В прошлом Репманы, как и Готье, были книготорговцами (см. Tastevin F. Histoire de la colonie française de Moscou. M. — P., 1908).
94. Договор о прекращении вооруженного сопротивления был подписан 2 ноября в 5 часов вечера.
95. *Або* — губернский город на юго-западе Финляндии, бывшая столица Великого княжества Финляндского.
96. Петроградский и Московский военно-революционные комитеты 26 октября постановили закрыть «буржуазные» газеты; были назначены многочисленные «комиссары по делам печати», которые при помощи отрядов красногвардейцев захватывали типографии, «изымали» отпечатанные номера газет, предотвращали их рассылку по почте и продажу в киосках, арестовывали сотрудников. В Москве эти меры начали приниматься (от имени Московского комитета, военной организации при нем и других большевистских партийных организаций) еще 25 октября, по-видимому, до образования ВРК вечером этого дня. 27 октября Совет Народных Комиссаров принял декрет «О печати», уточнявший и отчасти расширявший критерии, на основании которых органы печати подлежали запрещению; теперь под них могли подпасть и газеты социалистического направления, фактически такие газеты тоже начали закрывать с 26-го, но в меньшем количестве; многие продолжали выходить, и большинство из них резко протестовало как против подавления свободной печати, так и вообще против захвата власти большевиками.
97. На Кузнецком мосту находился большой книжный магазин Тастевена, раньше принадлежавший отцу Готье. Здание Городской думы на Воскресенской пл. было захвачено большевиками 1 ноября. Гостиницу «Метрополь», как и Думу, большевики брали с боем 2 ноября.
98. Около четырех длинных кварталов вдоль Б. Никитской и Охотного ряда; гостиница «Националь» — на углу Охотного ряда и Тверской. На стороне Комитета общественной безопасности в боях участвовало 600 студентов.
99. Здесь — деверь *(фр.)*, то есть Ф. Ф. Кокошкин.
100. Договор о прекращении борьбы предусматривал гарантию свободного вывода антибольшевистских войск из Кремля и Александровского военного училища.
101. *Марий Гай* (ок. 157—86 до н. э.) и *Сулла Луций* (138—78 до н. э.) — римские полководцы и консулы; возглавляя противоборствующие партии, поочередно брали Рим и подвергали преследованию своих противников.
102. *Минор Осип Соломонович* (1861—1932) — видный член ПСР, с июня 1917 г. — председатель Московской городской думы; позднее эмигрировал (см. Минор О. С. Это было давно. Воспоминания солдата революции. Париж, 1933).
103. *Готье Эмиль Владимирович* (?) — дядя автора по отцу (?).
104. Все эти слухи не соответствовали действительности.
105. *Боголюбский Николай Иванович* (1856—?) — протоиерей, с 1911 г. — профессор богословия Московского университета. Был известен своими либеральными взглядами.
106. Дело прежде всего *(англ.)*.
107. Декретом от 6 ноября Московский военно-революционный комитет разрешил беспрепятственный выпуск в Москве с 8 ноября органов печати «без различия направлений» с предупреждением, что «никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Органы печати, где появятся подобные воззвания, будут конфискованы, авторы же их будут преданы революционному суду». Мотивировалось это решение тем, что «выборы в Учредительное собрание предполагают свободу агитации (в опубликованном тексте заменено: «печати») для всех без исключения партий и направлений».
108. 20 октября был создан Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей; 7 ноября Центральная рада провозгласила создание Украинской народной республики. Другие автономные образования были созданы позже (Закавказский комиссариат — 15 ноября, Сибирская областная дума — в декабре); независимость Финляндии, Литвы и Курляндии также была провозглашена позже.
109. Сенат, осуществлявший функции конституционного надзора, не вводил большевистские декреты в законную силу, так как не мог признать законодательных прав за учреждениями, от имени которых они выпускались (Съезд Советов, ВЦИК, СНК); вскоре действительно был упразднен.
110. За отказ немедленно приступить к переговорам о перемирии «со всеми воюющими странами» (по его мнению, это могло сделать только правительство) назначенный 3 ноября и. о. Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин (1876—1917) в ночь на 9 ноября был отстранен от должности. Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Николай Васильевич Крыленко (1885—1938?). В тот же день за подписями Ленина и Крыленко была разослана радиограмма «Всем... комитетам, всем солдатам... и матросам» с предложением «тотчас» выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

111. Первые торжественные похороны у Кремлевской стены на Красной площади. Похоронено было 238 человек.
112. После ареста министров Временного правительства товарищи министров примерно в течение месяца пытались продолжать вести дела, что им в какой-то степени удавалось, так как большинство государственных служащих не признавало власти СНК. Некоторое участие в этой работе принимали также освобожденные через несколько дней министры-социалисты. Председательствовал товарищ министра юстиции А. С. Демьянов, затем министр продовольствия С. Н. Прокопович, ставший как бы председателем Совета министров (Керенский отказался от этого звания) (см. Демьянов А. Записки о подпольном Временном правительстве. В кн.: Архив русской революции. Т. VII. Берлин. 1922).
113. Телом и добром (имуществом) *(фр.)*.
114. *Ивинский* — народник 1870-х годов (?).
115. Патриарх Московский и всея Руси Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865—1925) был избран 5 ноября 1917 г. на Поместном соборе Русской православной церкви после восстановления патриаршества. До этого был митрополитом Московским. Поместный собор 1988 г. причислил его к лику святых.
116. *Сперанский Михаил Несторович* (1863—1938) — филолог, историк древней русской литературы, в 1907—1923 гг. — профессор Московского университета, с 1921 г. — действительный член Академии наук.
117. *Богоявленский Николай Васильевич* (1870—1949?) — зоолог, профессор медицинского факультета Московского университета; позднее (до 1929 г.) заведовал кафедрой гистологии биологического отделения физико-математического факультета.
118. Жалованье чиновникам и другим государственным служащим традиционно выплачивалось 20-го числа каждого месяца.
119. Речь идет о выборах в Учредительное собрание.
120. Отстраненному от должности Верховного главнокомандующего Духонину было предписано продолжать ведение дел до прибытия в ставку его преемника. Крыленко приехал 20 ноября. В тот же день Духонин был растерзан толпой сопровождавших нового главковерха матросов и солдат. *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870—1918) — генерал от инфантерии, после ликвидации возглавленного им мятежа содержался под стражей в г. Быхове, в 51 км к югу от Могилева. *Деникин Антон Иванович* (1872—1947) — генерал-лейтенант; до корниловских событий был главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта. Позднее командовал Добровольческой армией и Вооруженными силами Юга России; с 1920 г. — в эмиграции (см. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Тт. 1—5. Париж—Берлин. 1921—1926; то же. Вопросы истории. 1990. № 3 сл.; его же. Путь русского офицера. Нью-Йорк. 1953). *Марков Сергей Леонидович* (1878—1918) — генерал-лейтенант; с августа 1917 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта. Обвиненные в участии в корниловском мятеже, Деникин и Марков были, как и другие генералы, арестованы Бердичевским Советом, затем отправлены в заключение в Быхов. В ночь на 20 ноября «быховские узники» бежали из-под стражи (которую несли сочувствовавшие им кавалеристы-текинцы и георгиевские кавалеры) и пробрались на Дон.
121. Интересно, что так же и почти в таких же выражениях состав большевиков характеризовал экономист и общественный деятель (близкий к ПСР) Н. П. Огановский (1874—?), преподававший в Московском коммерческом институте (см. Огановский Н. П. Дневник члена Учред. собрания. — Голос минувшего. М., 1918, № 4—6. апрель—июнь).
122. *Черемисов Владимир Андреевич* (1871—?) — генерал от инфантерии, с сентября 1917 г. — главнокомандующий войсками Северного фронта; был близок к кругам «революционной демократии». В дни Октябрьской революции отказался выполнить приказ Керенского о посылке войск в Петроград, мотивируя это тем, что армия не должна вмешиваться в политическую борьбу.
123. Декрет о суде, принятый СНК 22 ноября, упразднял все существовавшие судебные учреждения (кроме мировых судов, деятельность которых приостанавливалась), прокуратуру, следственный аппарат и адвокатуру.
124. 21 ноября член коллегии финансового и жилищно-земельного отдела Моссовета Д. В. Кузовков представил на усмотрение СНК проект декрета о национализации недвижимого имущества в городах.
125. Союзники игнорировали Декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов 26 октября, и ноты Советского правительства от 8 ноября с предложением немедленного перемирия на всех фронтах и от 18 ноября с предложением начать совместные мирные переговоры. Германское правительство 14 ноября изъявило согласие, и 20 ноября начались переговоры о перемирии с Германией и ее союзниками.
126. *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861—1929) — экономист и общественно-политический деятель, в 1905—1911 гг. — ректор Московского университета, в 1907—1911 гг. — член Государственного совета по выбору от Академии наук и университетов, с 1905 г. член ЦК партии кадетов. В 1911 г. в знак протеста против решения правительства запретить студенческие сходки в стенах высших учебных заведений и вменить полиции в обязанность принимать решительные меры против таких сходок, что нарушало университетскую автономию, Мануйлов подал прошение об освобождении от ректорских обязанностей, но был уволен от должности как ректора, так и профессора. Это вызвало конфликт между Советом университета и министерством, в результате чего из университета ушло более 100 профессоров и приват-доцентов; большинство из них вернулось в университет после Февральской революции. В 1911—1917 гг. Мануйлов преподавал в университете Шанявского, в Московском коммерческом институте и на Московских высших женских курсах. 2 марта — 2 июля 1917 г. — министр просвещения.
127. *Покровский Михаил Николаевич* (1868—1932) — историк и общественно-политический деятель; с 1905 г. — большевик. В августе 1917 г., вернувшись из-за границы, стал членом Московского Совета рабочих депутатов. В момент Октябрьского восстания — член Замоскворецкого штаба Красной гвардии. С 14 ноября — председатель объединенного Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Окончил университет в год поступления туда Готье, но был оставлен Ключевским при университете (по-теперешнему, в аспирантуре); он и Готье были давно знакомы.
128. 25 ноября в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» был опубликован «Проект декрета о национализации городских недвижимостей и о реквизиции квартплаты».
129. *Рар Александр Александрович* — свойственник Готье, служил в страховом обществе «Россия». В 20-х годах выехал в Латвию, умер в Марокко. *Граве Александр Александрович* — свойственник Готье, врач.
130. 12 августа Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания на 28 ноября. 17 ноября в газетах было опубликовано воззвание подпольного Совета министров с подтверждением этой даты. Но 26 ноября СНК принял декрет, гласящий, что Учредительное собрание должно быть открыто представителем СНК и при условии наличия не менее 400 членов. Образовавшийся около этого времени Союз защиты Учредительного собрания организовал 28-го демонстрацию у Таврического дворца в Петрограде (где должно было состояться открытие) под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», о которой и пишет Готье (см. Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного собрания. В кн.: Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924).
131. 28 ноября несколько десятков членов Учредительного собрания сумели проникнуть в Таврический дворец, чтобы демонстративно открыть Учредительное собрание.
132. Декрет СНК от 28 ноября объявил кадетов партией «врагов народа», готовивших «контрреволюционный переворот», приуроченный к открытию Учредительного собрания (чего в действительности не было); члены руководящих учреждений партии подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. В тот же день были арестованы многие видные члены партии.
133. *Стамболов Стефан* (1854—1895) — болгарский политик, в 1887—1894 гг. — глава правительства, установил режим диктатуры и террора.
134. Поживем — увидим *(фр.)*.
135. В описываемое время германские планы предусматривали отказ России от Польши, Литвы и Курляндии.
136. Московский Совет постановлением от 30 ноября запретил съемщикам земельных участков и помещений вносить их владельцам наемную плату.
137. БОГОЛЕПОВА Е. А. Николай Павлович Боголепов. Записки. М., 1912, *Боголепов Н. П.* (1846—1901) — профессор римского права, затем ректор Московского университета, попечитель Московского учебного округа, в 1898—1901 гг. — министр просвещения. Смертельно ранен исключенным студентом П. В. Карповичем. Считал, что «право есть одно из проявлений нравственной жизни народа, результат борьбы различных его классов за установление более справедливого порядка». Как министр известен главным образом правилами 1899 г., по которым студенты, замешанные в беспорядках, могли лишаться отсрочки по отбыванию воинской повинности (по уставу о воинской повинности 1874 г., студенты университетов получали отсрочку до 27-летнего возраста).
138. Комиссары были назначены в главные ведомственные и исторические архивы, в том числе в Главный Московский архив Министерства иностранных дел.
139. *Белокуров Сергей Александрович* (1862—1918) — историк и археограф, с 1886 г. работал в архиве МИД, долгие годы был хранителем архива. По газетным сообщениям, в заявлении служащих говорилось также, что они признают только власть Учредительного собрания. Евенко отказался принять условия служащих и объявил, что они увольняются («Русские ведомости». № 271, 8 декабря 1917 г.).
140. Создание революционных трибуналов было предусмотрено декретом о суде 22 ноября.
141. Московский Центральный стачечный комитет объявил, что 8 декабря начнется забастовка служащих благотворительных больниц, сиротских домов и интернатов в поддержку Учредительного собрания.

142. *Грушка Аполлон Аполлонович* (1869—1929) — профессор классической филологии Московского университета и на Московских высших женских курсах; в описываемое время — декан историко-филологического факультета. Позднее (1928 г.) был избран членом-корреспондентом Академии наук.
143. *Виноградов Анатолий Корнелиевич* (1888—1946) — литературовед, сотрудник Румянцевского музея, с описываемого времени был его представителем в различных советских учреждениях и организациях. С 1919 г. (?) — ученый секретарь, в 1921—1924 гг. — директор музея.
144. *Сухотин Лев Михайлович* (1879—1948) — специалист по русской литературе XIX века. Позднее эмигрировал.
145. Бывших (*фр.*).
146. Занятие вооруженными отрядами матросов и красногвардейцев частных банков в Петрограде началось утром 14 декабря и закончилось к 15—16 часам. Только после этого в 22 часа 30 минут началось заседание ВЦИК, на котором после довольно продолжительных прений был принят Декрет о национализации банков; хотя это произошло, скорее всего, уже 15 декабря, помечен он 14 декабря. Национализации подлежали все частные банки и другие кредитные учреждения; вскоре они были превращены в отделения Госбанка. Последующими декретами СНК были прекращены выплаты процентов и дивидендов держателям банковских облигаций и акций, акционерные капиталы банков конфискованы, банковские акции аннулированы.
147. Очевидно, речь идет об увольнении служащих. Главный Московский архив МИД (старейший исторический архив в России, выросший из архива допетровского Посольского приказа) был официально ликвидирован в 1918 г.; после ряда реорганизаций основные фонды его вошли в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Здание Архива находилось на углу Моховой и Воздвиженки, где теперь новое здание Библиотеки им. Ленина.
148. Переговоры о мире начались в Брестской крепости, где находилось командование войсками германского Восточного фронта, 9 (22) декабря (см.: Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. В кн.: Архив русской революции. Т. XX. Берлин. 1930; Wheeler-Bennet W. The Forgotten Peace: Brest-Litovsk, March 1918. Lnd.1938). *Кюльман Рихард, фон* (1873—1948) — германский дипломат, в августе 1917 — июле 1918 г. — министр иностранных дел. *Чернин Оттокар, фон* (1872 — 1932) — австро-венгерский дипломат, в декабре 1916 — апреле 1918 г. — министр иностранных дел. Советская делегация в основном состояла из тех же лиц, что и во время переговоров о перемирии: *Иоффе Адольф Абрамович* (1883—1927) — профессиональный революционер, журналист. Из богатой купеческой семьи, учился на медицинском факультете Берлинского университета и на юридическом — Цюрихского. С 1910 г. — неизменный сторонник Троцкого, с августа 1917 г. — кандидат в члены ЦК РСДРП (б). Был главой советской делегации на переговорах о перемирии 20 ноября — 2 декабря и о мире (на первом этапе). *Каменев Лев Борисович* (1883—1936) — профессиональный революционер, журналист. Из интеллигентной семьи, недолго учился на юридическом факультете Московского университета; в 1902—1903 и 1908—1914 гг. — в эмиграции, один из ближайших сподвижников Ленина; с апреля 1917 г. — член ЦК и один из виднейших представителей партии в среде «революционной демократии». Был против курса Ленина и Троцкого на вооруженное восстание, выступал за создание «однородного социалистического правительства». Председатель II съезда Советов и избранного им ВЦИК. *Биценко Анастасия Алексеевна* (1875 — не ранее 1923) — видный член ПСР, в 1905 г. убила военного министра В. В. Сахарова, до Февральской революции отбывала каторгу (женщины, осужденные по политическим делам, к труду не привлекались). С ноября 1917 г. — член ЦК партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР), избранного на 1-м съезде партии; член ВЦИК. Принадлежала к меньшинству в руководстве ПЛСР, отстаивавшему необходимость заключения мирного договора. С сентября 1918 г. — член ЦК отколовшейся от ПЛСР Партии революционного коммунизма (ПРК), выступавшей за более тесное сотрудничество с РКП(б). Вскоре вступила в РКП(б). *Карахан Лев Михайлович* (1889—1937(?), погиб в заключении) — журналист, по образованию юрист. Был в числе «состоявших при делегации» в качестве ее секретаря. Новым членом делегации был Покровский. Вероятно, он вошел в состав делегации как комиссар по иностранным делам Московской области (на эту своеобразную должность он был назначен Московским военно-революционным комитетом, осуществлявшим высшую власть в городе до 14 ноября 1917 г.). В качестве консультанта делегации был придан *Павлович Михаил Павлович* (1871—1927), до 1918 г. — меньшевик, затем большевик; профессиональный революционер, уволившийся с первого курса юридического факультета Новороссийского университета. В 1907—1917 гг. — в эмиграции во Франции, автор публицистических статей по вопросам международной политики; после Октябрьской революции работал в НКИД, знакомился с документами Министерства иностранных дел.
149. Одновременно с Декретом о национализации банков (официально тоже 14 декабря) был принят декрет ВЦИК о «ревизии» сейфов. Ревизия началась в декабре и продолжалась до лета 1918 г.: номера сейфов, содержимое которых подлежало проверке в присутствии их владельцев, еженедельно публиковались в газетах; сейфы неявившхся вскрывались, их содержимое конфисковывалось. Золото в слитках и монетах подлежало конфискации (вскоре решением СНК эта мера была распространена на платину, серебро и иностранную валюту). Бо́льшая часть найденных в сейфах ювелирных изделий, ценных бумаг, наличных денег тоже конфисковывалась (владельцам возвращали ценности на общую сумму до 10 тыс. руб.); кроме того, содержимое сейфов стоимостью более 5 тыс. руб. облагалось налогом. По официальной сводке, до 1 июля 1918 г. из 64 649 091 руб. наличных, обнаруженных в сейфах, было возвращено владельцам 10 127 976 руб. («Известия ВЦИК», 27. VII. 1918). В Москве к марту 1918 г. в 22 тыс. сейфов было обнаружено ценностей на сумму около 505 млн. руб. (не считая иностранной валюты). По сообщениям печати, проверка выявила, что бо́льшая часть ювелирных изделий и благородных металлов была вынута владельцами из сейфов до октября 1917 г. («Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов», 18. I. 1918); сводка, опубликованная в июле, это подтвердила.
150. Переворот (*фр.*).
151. В начале ноября генерал Алексеев перебрался из Петрограда в Новочеркасск, где приступил к созданию для борьбы против большевиков воинских частей, из которых выросла Добровольческая армия. В Петрограде и Москве возникали небольшие организации, ставившие целью помощь Алексееву, в том числе денежную.
152. 13 и 17 декабря в «Известиях ЦИК» было напечатано заявление наркома просвещения А. В. Луначарского «О задачах государственных театров» с изложением принципов управления театрами.
153. *Миллер Федор Иванович* (1705—1783) — историк и археограф, один из основоположников научного изучения русской истории. С 1766 г. до конца жизни — начальник Московского архива Иностранной коллегии, впоследствии преобразованного в Московский Главный архив МИД. *Бантыш-Каменский Николай Николаевич* (1737—1814) — историк и археограф, ученик и преемник Миллера. С 1762 г. служил в архиве Иностранной коллегии, в 1783—1814 гг. — его управляющий.
154. В ноябре при Народном комиссариате просвещения была образована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины и аналогичная комиссия при Московском Совете рабочих и солдатских депутатов, в ведении которой, по мысли ее устроителей, должен был, по-видимому, находиться и Румянцевский музей. Представителем Музея для сношений с этой комиссией был назначен А. К. Виноградов.
155. *Романов Николай Ильич* (1867—1948) — искусствовед, преподавал в Московском университете, в 1910—1923 гг. — хранитель отдела изящных искусств Румянцевского музея.
156. Созданный в сентябре 1917 г. Литовский совет 11 декабря принял декларацию о «союзных связях» «Литовского государства» с Германией. 18 февраля 1918 г. совет объявил Литву независимым государством, а 4 июля — королевством. 8 марта 1918 г. курляндский ландтаг восстановил Курляндское герцогство. 12 апреля Совет прибалтийских земель (в составе представителей Эстляндии, Лифляндии, города Риги и о. Эзель) образовал Балтийское герцогство, в которое вошло и Курляндское герцогство. Эти государственные образования, созданные в условиях германской оккупации, оказались недолговечными.
157. *Малиновский Павел Петрович* (1869—1943) — архитектор, с 1904 г. большевик(?). В описываемое время председатель Комиссии Московского Совета по охране памятников искусства и старины, гражданский комиссар Кремля. С 18 марта до ликвидации комиссариата 11 июля 1918 — и. о.(?) народного комиссара имуществ республики. Этот наркомат был создан в начале декабря для управления имуществом быв. Министерства императорского двора (которому принадлежали некоторые музеи); 16 декабря этот наркомат договорился с Наркоматом просвещения о совместном управлении смежными учреждениями, к которым, по-видимому, был отнесен и Румянцевский музей.
158. Александровское военное училище, существовавшее с 1863 года.
159. Хотя на Турецком фронте российские войска к 1917 г. находились далеко на территории противника, по Брестскому миру Турции возвращались Карсская и Батумская области, отошедшие к России по Берлинскому трактату 1878 года.
160. Соображение Готье о названии площади оказалось пророческим — в 1918 г. она была переименована в Советскую, в честь Московского Совета, который занял здание канцелярии генерал-губернатора.
161. Английский клуб, основанный в 1772 г., с 1831 г. помещался в собственном доме на Тверской (с 1924 г. его занимает Музей революции СССР). *Зайончковский Андрей Медардович* (1862—1926) — генерал от инфантерии; с 1919 г. — в Красной Армии. С 1921 или 1922 г., будучи профессором Военной академии РККА, участвовал в акции ВЧК—ГПУ по борьбе с активными монархическими и военными организациями в эмиграции — играл роль «главы» фиктивного подпольного «Монархического объединения Центральной России» (кодовое название «Трест») (см. Прянишников Б. Незримая паутина. Изд. 2-е. Нью-Йорк. 1979). *Нилов Константин Дмитриевич* (1856—1918) — адмирал, генерал-адъютант, личный друг Николая II.
162. *Потулова Мария Ивановна* — преподавательница немецкого языка в Усачевско-Черняевском жен-

ском училище в Москве. Организованное по типу женских институтов, оно находилось в ведении Человеколюбивого общества и имело целью обучение и воспитание сирот и дочерей бедных родителей.

163. *Зыков Владимир Матвеевич* — профессор медицинского факультета Московского университета, специалист по раковым заболеваниям.

164. *Узники* — арестованные 28 ноября члены ЦК партии кадетов, в том числе Кокошкин и Шингарев. *Шингарев Андрей Иванович* (1869—1918) — врач и общественно-политический деятель, член партии кадетов; член Временного правительства первых двух составов (министр земледелия, затем министр финансов и заведующий продовольствием) (см.: Как это было. Дневник А. И. Шингарева. Петропавловская крепость, 27. XI. 17 — 5. I. 18. М., 1918; перепеч. Royal Oak. MI USA, 1978).

165. *Теруань де Мерикур* — псевдоним Анн Жозеф Теруань (1762—1817), жирондистки, принимавшей активное участие во многих массовых демонстрациях, в том числе во взятии Бастилии.

166. *Бьюкенен Джордж* (1854—1924) — британский дипломат, в 1910—1918 гг. посол в России (см.: BUCHANAN G. My Mission to Russia, and other diplomatic memories. Lnd., 1923; БЬЮКЕНЕН Дж. Мемуары дипломата. М. 1991). О роли Бьюкенена и генерала Рузского в упомянутой первой (Февральской) революции см. книгу Каткова о ней.

167. 25 декабря Крыленко подписал приказ о создании «Революционной народной социалистической гвардии на фронте и в тылу», в котором наряду с призывом к «священной революционной войне», в частности, утверждалось: «С упованием смотрят на нас народы Запада, в Италии и Испании, в Германии и Франции, в Австрии и Швеции. Ждут не дождутся истомленные народы призыва к борьбе со своей буржуазией».

168. В 1915 г. российские войска вытеснили турок из Иранского Азербайджана и заняли Тавриз; к 1917 г. ими был занят весь север Ирана до г. Исфахан. В декабре 1917 г. иранское правительство признало Советское правительство России.

169. *Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844—1901) — археограф и историк, в 1896—1900 гг. — директор Румянцевского музея.

170. *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — историк русской литературы и общественной жизни XIX в., публицист и общественный деятель; однокашник Готье по университету, ученик П. Г. Виноградова; по национальному признаку не был оставлен при университете. Инициатор издания сборника «Вехи».

171. По-видимому, близкая знакомая семьи Готье.

Александр Иванович Гучков рассказывает...

Беседы А. И. Гучкова с Н. А. Базили (история стенограмм)

Публикуемые ниже стенограммы рассказов бывшего лидера партии октябристов А. И. Гучкова (1862—1936) о его участии в освободительном движении и двух русских революциях, об экспедиции в Псков, где он вместе с В. В. Шульгиным принимал отречение от престола императора Николая II, о своей деятельности на посту военного министра Временного правительства представляют собою уникальный источник. Картины переговоров с Николаем II и П. А. Столыпиным, отзывы о многих событиях, портреты политических деятелей с конца XIX в. вплоть до начала 30-х годов — все это станет теперь достоянием читателя.

Я впервые заинтересовался А. И. Гучковым в середине 60-х годов, когда занялся предысторией Временного правительства. Источники рисовали фигуру яркую, страстную, порывистую и увлекающуюся, человека, у которого слово и дело, идея и ее воплощение всегда шли рядом. Эти свойства личности Гучкова и помогали ему жить и добиваться своих целей, и осложняли его отношения с политическими союзниками и друзьями. За границей вышло уже несколько биографий Гучкова, в советской литературе его жизнеописание отсутствует. По традиции его рисуют одной черной краской — как октябриста, империалиста и врага пролетариата.

Политическая биография Гучкова поучительна и современна. Он один из немногих русских буржуазных деятелей, считавших своим долгом для спасения страны испробовать компромисс с исторической властью. Переговоры с Витте и Столыпиным о возможности вхождения в коалиционное правительство, затем реальное сотрудничество между Столыпиным и Гучковым как председателем Государственной думы. Наконец, ссора со Столыпиным после насилия правительства над конституционными основами отношений между исполнительной властью и законодательными учреждениями — все это не может не вызвать аналогий с современностью.

Гучков в 1905—1917 гг. обладал сам по себе, пожалуй, не меньшим влиянием, чем вся партия октябристов, одним из основателей которой он являлся. Сын московского купца-старообрядца, он был крупным домовладельцем и промышленником, директором Московского учетного банка, членом правления компании газеты «Новое время». Гучков окончил историко-филологический факультет Московского университета. Еще совсем молодым человеком он совершил рискованное путешествие в Тибет, посетил далай-ламу. Служил в Забайкалье, в пограничной страже, дрался на дуэли. Во время англо-бурской войны мы видим Гучкова на юге Африки, где он сражается на стороне буров. В 1903 г. — Гучков в Македонии, где вспыхнуло восстание против турок. Во время русско-японской войны он снаряжает санитарный поезд и отправляется на Дальний Восток в качестве уполномоченного Красного Креста, попадает в плен к японцам при Мукдене. После освобождения вернулся в Москву, когда страна приближалась к высшей точке революционного движения.

Крайние формы революции в это время претят ему. На ноябрьском земском съезде 1905 г. он порывает с либералами-кадетами и их лидером П. Н. Милюковым и вместе с Д. Н. Шиповым основывает «Союз 17 Октября». С его помощью его брат, Н. И. Гучков (в те дни московский городской голова), провел резолюцию городской думы, осуждающую декабрьское вооруженное восстание. На выборах в I Государственную думу А. И. Гучков терпит поражение. В конце августа 1906 г. наперекор мнению либералов он открыто приветствует введение Столыпиным военно-полевых судов. Именно Гучкову принадлежит изобретение выражения «пламенный патриотизм», которое было использовано и сталинской пропагандой в довоенное время (с добавлением слова «советский»). Он считал, что именно патриотизм объединит большинство нации, партию октябристов, часть националистов и царское правительство.

С этого началась дружба Гучкова, ставшего председателем III Государственной думы, и Столыпина, возглавившего царское правительство и исполнявшего должность министра внутренних дел. Гучков внес свой вклад в усмирение России после первой революции. Но он же содействовал и тому, что в стране постепенно установилась политическая стабильность, способствовавшая промышленному и экономическому подъему, соблюдались скромные права человека, вошедшие в русскую действительность после первой революции. Гучков обеспечивал правительству Столыпина устойчивое большинство в Государственной думе, своим личным влиянием помогал укреплению третьеиюньского режима.

Но когда в 1911 г. Столыпин прибег к искусственному перерыву в работе законодательных учреждений, чтобы в порядке чрезвычайного правительственного законодательства (ст. 87 Основных государственных законов) провести проваленный в Государственном совете закон о земстве в западных губерниях, Гучков отказался в знак протеста от поста председателя Думы, отошел на время от политической деятельности и уехал на Дальний Восток. Однако он счел необходимым присутствовать на похоронах Столыпина, а в первую годовщину его убийства (сентябрь 1912 г.) приехал в Киев, чтобы почтить его память. Гучков первый разоблачил скандальную роль Григория Распутина при царском дворе и сказал об этом с трибуны Государственной думы, чем заслужил ненависть императорской четы. По указке правительства Гучков путем ряда махинаций не был допущен в IV Государственную думу.

Еще в 1913 г. Гучков уловил первые признаки новой революции и предрек близкую гибель царского строя. Он призвал представителей умеренных политических кругов российского общества перейти в оппозицию правительству и царской семье, чтобы к моменту неизбежного падения Николая II не выпустить из рук контроль за формированием новой власти. Летний кризис 1915 г. вновь вывел Гучкова на авансцену политической борьбы. В июле этого года он становится председателем Центрального военно-промышленного комитета, затем избирается, вопреки давлению царской семьи, членом Государственного совета. Осенью 1916 г. Гучков становится центральной фигурой группы (он, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасов), планировавшей военный переворот.

Но переворот запоздал: мощная народная революция 23 февраля — 1 марта 1917 г. свергает царский строй, упреждая заговорщиков. Именно Гучков вместе с Шульгиным вызывается поехать в Псков к царю, чтобы вырвать у Николая II акт отречения от престола. Ему видится в этом пик его политической карьеры. Но спасти монархию не удается. Начинается недолгая эпопея Гучкова как военного министра. После апрельской демонстрации он предлагает вооруженным путем бороться с Петроградским Советом, но большинство министров отказывается от этого. Гучков выходит в отставку. Мы видим его затем в стане буржуазных противников развивающейся революции. В августе он с корниловцами, затем среди врагов Советской власти...

Обо всем этом читатель подробно узнает из уст самого Гучкова, рассказ которого стенографировался по инициативе Н. А. Базили. Мемуары Гучкова у нас известны довольно давно, по крайней мере с 60-х годов, по публикации их в парижской газете «Последние новости» осенью 1936 года. Обнаружение в архиве Гуверовского института войны, революции и мира подлинных стенограмм рассказов Гучкова дает в руки исследователей еще более ценный источник. Подготовили их к изданию два историка, в научной добросовестности и исследовательской скрупулезности которых я совершенно уверен. Один из них — А. В. Смолин — около четырех месяцев работал в архиве Гуверовского института. Историк и источниковед, он сделал своей специальностью изучение русской мемуаристики о гражданской войне. Автор примечаний С. Ляндрес — аспирант исторического факультета Стэнфордского университета в США. Уже несколько лет он изучает богатейшие фонды архива Гуверовского института. Составленные Ляндресом биографические материалы о многих деятелях русской эмиграции, а до этого — политических и военных деятелях дооктябрьской России явятся вкладом в создание будущего биобиблиографического словаря российской политической жизни XX века.

В. И. Старцев

Стенограммы бесед А. И. Гучкова с Н. А. Базили хранятся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета[1]. С любезного разрешения его дирекции предпринимается настоящая публикация.

Бумаги Базили[2] поступили в архив Гуверовского института в мае 1965 г. в качестве дара от его вдовы Л. де Базили[3].

Находясь в эмиграции, Базили решил написать книгу по истории императорской России, в которой предполагал осветить практически все аспекты русской дореволюционной жизни[4]. Для этого он заказал группе лиц составление отдельных статей-справок, которые впоследствии в переработанном виде должны были войти в текст будущей книги. Авторы материалов, отослав готовые тексты заказчику и получив за это скромные гонорары, дали последнему расписки, в которых отказывались от дальнейших прав на рукопись в его пользу[5].

Полученные Базили материалы касались самых разнообразных сторон российской действительности. Так, справку по истории русской культуры писали П. Б. Струве и Г. П. Федотов, по истории церкви — А. В. Карташев, о «конституции» графа М. Т. Лорис-Меликова, о печати во второй половине XIX в. — А. В. Руманов, о революции 1905 г., политических партиях в 1917 г., земельном вопросе и главу «Конституционно-самодержавный строй» — В. А. Оболенский, об истории социал-демократического движения в России — Вольский (Н. В. Валентинов), о «Проблеме «произвола» применительно к России» — К. Зайцев и т. д.[6]

Базили намеревался использовать также выдержки из воспоминаний многих политических и государственных деятелей, оказавшихся в эмиграции. Для этого он составил список лиц, которых следовало «повидать и опросить». Среди них оказались: Б. Э. Нольде, М. М. Федоров, П. Б. Струве, М. И. Занкевич, Н. Н. Головин, А. И. Русин, Мирьям Бьюкенен (дочь английского посла в России), барон Н. Н. Кноринг, С. Н. Палеолог, А. Нокс, А. И. Путилов, М. И. Терещенко, П. Н. Игнатьев, В. Л. Бурцев, Г. А. Алексинский, барон М. Ф. Шиллинг, А. А. Нератов, А. А. Буксгевден, граф В. Н. Коковцов, Ф. А. Головин[7].

В сборе материалов неоценимую помощь Базили оказали Руманов[8] и Оболенский[9]. При их посредничестве, иногда и в их присутствии, а часто и ими самими были проведены записи бесед с различными бывшими политическими и государственными деятелями, оказавшимися в эмиграции[10]. В 1932—1933 гг. Базили сам или через Руманова и Оболенского обращался в письменной форме с вопросами и просьбами поделиться воспоминаниями, как правило о периоде 1914—1917 гг. (до октября 1917 г.), еще к ряду лиц: М. В. Челнокову (жившему в Сербии), А. В. Карташеву (в Англии), Н. Е. Маркову и А. И. Коновалову (в Париже). Базили получил справки по разным вопросам у бывших высокопоставленных чинов Министерства внутренних дел (А. В. Герасимова и др.), жандармского генерала А. И. Спиридовича.

С некоторыми из опрашиваемых Базили встречался по нескольку раз (А. Ф. Керенский, А. С. Лукомский, А. И. Гучков и др.), предлагая, как правило, встретиться для беседы в клубе или ресторане за завтраком (так прошла одна из встреч с Гучковым). С теми, кто жил в Париже, он, как правило, встречался лично, стенографируя ответы на поставленные вопросы. Однако Милюков и Коновалов ограничились письменными ответами на присланный вопросник; никаких данных об их встречах с Базили по этому поводу не имеется.

Из просмотренной переписки Базили с лицами, у которых он брал интервью, видно, что письма в основном датированы ноябрем—декабрем 1932 г. либо февралем 1933 года. Следовательно, можно предположить, что именно в это время он начал основную подготовительную работу по собиранию мемуарного материала для будущей книги. Некоторые недостающие свидетельства и уточнения к уже имевшимся воспоминаниям были получены в начале мая 1934 года[11].

Для каждого собеседника Базили подготавливал вопросники. При этом учитывалась

Старцев Виталий Иванович — доктор исторических наук, зав. кафедрой Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

политическая ориентация, прошлая деятельность и политический вес опрашиваемого. Например, Милюкову и Гучкову был поставлен вопрос о генезисе Временного правительства. Керенскому, которого Базили считал представителем социалистического лагеря и инородным элементом во Временном правительстве первого состава, — о генезисе Совета рабочих и солдатских депутатов и социалистическом рабочем движении. В связи с вопросом о происхождении Временного правительства Базили собирался выяснить у Гучкова причины появления в правительстве Терещенко, Некрасова, Керенского[12]. Обращает на себя внимание целенаправленность задаваемых вопросов и стремление Базили скрупулезно разобраться в ряде ключевых и весьма запутанных моментов. Так, один и тот же вопрос об отречении великого князя Михаила Александровича ставился перед Гучковым, Милюковым и Нольде[13].

Наиболее подробные вопросники Базили предложил Милюкову и его первой жене Анне Сергеевне (1861—1935, дочь профессора Духовной академии С. К. Смирнова) и Гучкову. Первым двум был представлен обширный вопросник, в который, помимо вопросов, касающихся периода 1914—1917 гг., вошли, например, и такие, как значение политического влияния Милюкова на В. О. Ключевского или как историк Милюков стал политиком, ряд вопросов личного плана (увлечения, привязанности)[14].

В мае 1934 г. сбор материалов в основном завершился. Через два года, в мае 1936 г., Б. И. Николаевский в письме заместителю директора Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) А. Ф. Изюмову сообщал, что выпуск подготовляемой Базили книги «из-за кризиса все затягивается»[15]. Возможно, перед отъездом в Нью-Йорк, видя, что книге не суждено быть напечатанной, он передал имевшиеся у него материалы, в частности стенограммы воспоминаний, в какое-то архивохранилище или частным лицам. На эту мысль наталкивает письмо Базили в РЗИА, в котором он просит разрешения администрации архива использовать хранящиеся в РЗИА мемуары Н. Н. Таганцева для подготовляемой им книги. В ответ Изюмов писал: «Со своей стороны Р. З. И. Архив обращается к Вам с просьбой передать в Архив те материалы, которые Вам будут не нужны или которые будут Вами использованы уже для предполагаемой к печати книги. Передачу материалов можете легко осуществить через постоянного представителя Р. З. И. Архива в Париже Менделеева»[16].

Из собранных Базили материалов только незначительная часть находится в архиве Гуверовского института. Сохранившиеся материалы (в частности, по-видимому, глава будущего труда, названная «Конец монархии», — 108 стр. машинописи) показывают, что Базили вел интенсивную работу над книгой[17].

В августе—сентябре 1936 г. в парижской газете «Последние новости» появилась обширная публикация «Из воспоминаний А. И. Гучкова»[18]. В предварявшей ее статье Милюкова говорилось, что мемуары представляют собой литературную переработку стенограмм: «Эта обработка являлась только предварительной, уже по одному тому, что лицом, взявшим на себя труд, не были использованы все найденные после смерти Гучкова стенограммы»[19].

В коллекции Базили имеются три идентичных машинописных экземпляра «Из воспоминаний А. И. Гучкова» по 118 машинописных страниц (в одном — 119); один экземпляр находился в Париже у Л. А. Часар (гражданской жены Гучкова)[20]. Судя по имеющимся на одной из копий пометам Руманова, намечавшего подзаголовки, он имел непосредственное отношение к подготовке текста для публикации. Но его участие ограничивалось редактурой уже составленного текста «Из воспоминаний» перед передачей издателю, компоновал же его Оболенский по заказу Базили, предполагавшего полностью включить воспоминания Гучкова в русское издание подготовленной книги.

В письме Базили Оболенский указывал, что пересылает «перелицованную рукопись Вашего интервью с Гучковым. Работа оказалась гораздо труднее, чем я ожидал. Стенографированный Ваш разговор перескакивал с одного предмета на другой, и все эти отдельные клочки разговора приходилось отделять друг от друга и сцеплять с другими клочками. Затем пришлось каждую фразу подвергнуть грамматической переработке. От этого текст местами потерял гучковскую красочность. Все-таки я старался по возможности придерживаться ближе к тексту. Иногда приходилось кое-что добавлять от себя, вставлять целые вводные куски, ибо без них лаконичные замечания Гучкова были бы совершенно непонятны. Сделал я и кое-какие купюры в таких случаях, когда знал, что Гучков ошибается» (например, с партийной принадлежностью Д. Г. Богрова и т. п.), и продолжал: «Вероятно, Вам придется передать мой текст на редакцию Гучкова тем более, что я в нем сохранил личную форму»[21].

Базили ответил, что согласен с высказанными соображениями и внесенными исправлениями, и советовал: «При изложении Гучкова поневоле нельзя останавливаться перед тем, что язык и выражения будут, может быть, не вполне его», но «изложить надо все»[22].

В конечном счете текст подвергся значительным изменениям как по содержанию, так и

по толкованию отдельных сюжетов, объем сокращен почти вполовину. Например, отношения Гучкова с генералом Алексеевым практически не освещены в газетной публикации. Новое толкование поведения Корнилова во время августовского выступления 1917 г., данное Гучковым, опущено. Тенденциозную окраску получили характеристики ряда лиц. Так, о жандармском генерале С. С. Савиче Гучков сказал: «Очень толковый человек», а в газетной публикации этого нет. Значительно сокращены или изъяты характеристики еще ряда лиц, таких, как А. И. Верховский, Н. М. Потапов, Н. В. Рузский, М. А. Кедров, А. В. Колчак, А. С. Максимов и др.

В связи с изложеным возникает вопрос, успел ли Гучков ознакомиться с вариантом Оболенского и внести в него изменения и дополнения. По этому поводу имеется несколько свидетельств. Так, в письме Базили от 14 августа 1935 г., уже страдая «мучительной болезнью», Гучков подтверждал наличие у него рукописи воспоминаний[23]. В ответном письме речь шла о «наших записях», которые просматривал Гучков и вносил «исправления и дополнения»[24]. Скорее всего, здесь имеется в виду стенографическая запись, а не текст Оболенского. О том, что Гучков успел просмотреть рукопись «Из воспоминаний», есть свидетельство Милюкова: «Этот текст имеет ту особенность, что Гучков успел с ним ознакомиться и его принципиально одобрить»[25]. Однако это утверждение было поставлено под сомнение вдовой Гучкова, М. И. Гучковой (Зилоти), находившейся при больном муже в последние месяцы его жизни[26]. Вероятнее всего, Гучков работал с текстом стенограмм как более значимым материалом, а не с текстом, составленным Оболенским.

После смерти Гучкова литературные агенты, получив от Руманова информацию, стали обращаться к Базили с предложениями опубликовать воспоминания Гучкова в эмигрантской прессе. Одному из них, представителю парижского литературного агентства «Cultura», Базили сообщил, что передал воспоминания «в распоряжение душеприказчиков А. И. Гучкова», и рекомендовал договариваться с ними[27]. Еще в конце мая 1936 г. вопрос о публикации «Из воспоминаний» оставался открытым[28]. В конце концов текст был передан душеприказчиками Гучкова в «Последние новости». По-видимому, инициатором в этом деле выступил Б. И. Элькин[29]. Следовательно, у душеприказчиков Гучкова оставались стенограммы, а полученный от Базили текст «Из воспоминаний» они предоставили «Последним новостям», остальные же копии остались у Базили.

Всего в нашем распоряжении имеется десять интервью Базили с Гучковым[30]. В тексте стенограмм сделана незначительная стилистическая правка.

Готовясь к интервью с Гучковым, Базили составил перечень вопросов, которые он предполагал задать во время беседы[31]. Свидание состоялось в клубе за завтраком в присутствии Руманова. Здесь же последний записал фрагмент воспоминаний Гучкова, который позднее опубликовал[32].

Запись первого интервью сделана 5 ноября 1932 г., последнего из имеющихся — 5 февраля 1933 года. Их беседы, как правило, начинались в 17—17.30 и длились 2—3,5 часа. Некоторые дополнительные сведения о стенографировании бесед мы получили из сохранившегося в фонде Базили рукописного отчета стенографистки (на одной стороне листа без даты), с подзаголовком «Memoire»[33]. В нем перечисляются лица, с которыми она работала, указываются места встречи, даты (без года), количество затраченного времени, расценки. Среди прочих имеется запись за 30 января: «Запись у Гучкова с 5—7 1/2 = 2 1/2—70». Далее идет сообщение о расшифровке записи беседы с Гучковым на 30 страницах, сделанной в тот же день. Однако этой стенограммы в фонде Базили не обнаружено. Следовательно, имела место по крайней мере еще одна беседа с Гучковым, следы которой теряются[34].

Не все, о чем говорилось во время бесед, попало в стенограмму. В одних случаях это было сделано сознательно, ряд разговоров участники беседы просили не стенографировать, о чем есть записи в тексте. 30 августа 1935 г. Базили благодарил Гучкова за то, что тот находит время «заканчивать исправление и дополнение наших записей»[35]. По свидетельству Элькина и Николаевского, разбиравшего архив Гучкова, стенограмма была просмотрена и подписана Гучковым, подтвердившим правильность воспроизведения ответов на поставленные вопросы.

Что касается авторизованного экземпляра, то просмотренные нами материалы позволяют думать, что он был передан Гучковым Базили, а тот уже после смерти Гучкова отдал его душеприказчикам последнего. Это, видимо, и есть тот экземпляр, о котором известно, что он пропал в Париже во время войны. Таким образом, экземпляр, оставшийся у Базили и переданный затем в Гуверовский институт, по всей вероятности, является единственным сохранившимся. Ссылки на эти стенограммы отсутствуют также и у биографов Гучкова[36].

Кроме десяти стенографических записей бесед Гучкова с Базили, в этой же коллекции

хранится стенограмма под заглавием «Беседа с А. И. Гучковым», датированная 10 февраля 1936 года. Следовательно, запись произведена за три дня до смерти. Последний год жизни Гучков был тяжело болен. В 1935 г. у него обнаружили рак кишечника. 21 октября его поместили в клинику Мирабо в Париже, где в декабре он перенес тяжелую операцию, но быстро оправился. Гучков не подозревал, от какого недуга страдает, и твердо верил в выздоровление. У его постели постоянно находились жена и дочь, В. Трэйл[37].

О своей смертельной болезни он узнал за неделю до кончины и начал готовиться, «методически приводя в порядок свои дела и отдавая предсмертные распоряжения»[38]. Умирающий до последнего дня принимал посетителей, около него сидела стенографистка. «Беседа» представляет собой стенографическую запись на 3 1/2 листах (машинопись). Каждый лист подписан В. Б. Ельяшевичем, его же рукой сделана правка «Беседы». Это позволяет нам считать его последним интервьюером Гучкова[39].

В предсмертных воспоминаниях Гучков коснулся эпизода, о котором ранее не упоминал. Речь идет о смерти генерала Крымова, об обстоятельствах которой ему сообщил подъесаул Кульгавов, адъютант генерала. Надо отметить, что к этому сюжету он обращался и ранее. В нашем распоряжении имеется запись беседы Николаевского с Гучковым 2 апреля 1929 г., содержащая некоторые детали выступления Корнилова. В частности, рассказ адъютанта излагается так: «После панихиды подошел адъютант Крымова, который сказал, что Кр[ымов] перед смертью просил его рассказать мне все подробности дела. Дело было, оказывается, так. Крымов был на фронте у Деникина; последний как-то его позвал и говорит, что Крымова скоро должен будет вызвать Корнилов и поручить ему поход на Птб; Ден[икин] советовал Крымову за это дело не браться, т. к. оно очень ненадежно. Тем не менее Крымов, когда получил предложение, взялся (в остальном ничего нового)»[40]. В записи же 1936 г. сказано: «Адъютант Крымова передал А. И., что когда он раненный лежал на полу, он сказал: «Если бы мне попался в руки Корнилов, я бы его собственноручно пристрелил». В тексте это место взято в квадратные скобки, а на полях сделана запись: «Не для опубликования»[41]. Это дополнение позволяет по-новому взглянуть на содержание не дошедшего до нас последнего письма Крымова Корнилову, о котором известно из воспоминаний Лукомского.

Рассказывая об истории возникновения стенограмм, хотелось бы сделать несколько предварительных замечаний о Гучкове как мемуаристе. После окончания гражданской войны, оказавшись в эмиграции, он продолжал довольно активно заниматься политической деятельностью[42]. Написание же мемуаров, по-видимому, не входило в его первоочередные планы. Первые из имеющихся у нас стенограмм воспоминаний Гучкова относятся к марту — апрелю 1929 года. Записи его рассказов были организованы Николаевским и Элькиным в Берлине. Затем уже упоминавшиеся беседы в 1932—1933 гг. с Базили и в 1936 г. с Ельяшевичем. По всей вероятности, Гучков не очень был расположен записывать воспоминания, что и подтверждают хорошо знавшие его люди. Так, Николаевский писал, что Гучков «очень любит говорить о прошлом, но не говорить для печати. Он мечтает о том, чтобы написать воспоминания, подвести итоги, — и колеблется, боится взять непосильную ношу»[43]. У Николаевского было «много разговоров с Гучковым, он хотел, чтобы я написал по его рассказам его воспоминания. На основе рассказов я составил очень подробный план, который испугал Гучкова, так как роль Гучкова, как я узнал позднее от его жены, в моем плане вырисовывалась как чересчур революционная. В нем вехами намечен весь жизненный путь Гучкова»[44].

Судя по этим свидетельствам, он отдавал предпочтение устным рассказам, причем знавшие его люди отмечали определенные отличия в его рассказах. Николаевский писал: «А. И. разным людям свои взгляды представлял по-разному»[45]. Милюков об оставшихся после Гучкова стенографических записях, продиктованных в разное время разным людям, подчеркивал, что об одних и тех же событиях он говорил с неодинаковой степенью подробности[46]. Это надо учитывать при анализе воспоминаний. Следует отметить и очень цепкую память Гучкова на отдаленные события. Ряд фактов он воспроизводит с поразительной точностью и мельчайшими подробностями.

Примечания

1. Архив Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Коллекция Н. А. Базили (далее — Коллекция Базили), ящ. 6, 7. В коллекции также имеются стенограммы бесед с государственными, политическими и военными деятелями дореволюционной России — В. В. Вырубовым, А. С. Лукомским, В. В. Буймистровым

(ближайшим сотрудником принца А. П. Ольденбургского во время первой мировой войны), М. В. Челноковым (опубликована в книге: Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж. 1988, с. 500—502), бывшим министром народного просвещения графом П. Н. Игнатьевым, датированные 1932—1935 годами.
2. *Николай Александрович Базили* (1883—1963) — в 1914—1917 гг. дипломатический представитель МИД при Ставке. В 1917 г. начальник (директор) дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем. Статский советник, член Совета МИД. По поручению генерала М. В. Алексеева составил проект акта об отречении Николая II, который был подписан последним с некоторыми изменениями (Hasegawa Ts. The February Revolution. Petrograd. 1917. Seattle. 1981, pp. 502, 506, 514). В мартовские дни 1917 г. Базили по делам службы посетил Петроград (удостоверение № 2527 от 4 марта 1917 г. за подписью генерала Алексеева. — Коллекция Базили, ящ. 5). В столице сделал доклады М. В. Родзянко, Г. Е. Львову, П. Н. Милюкову, А. И. Гучкову. С этого времени начинаются его сближение и дружба с последним. В июне 1917 г. Базили становится советником Российского посольства в Париже. В 1918—1919 гг. принимал участие в создании и деятельности Русского политического совещания, направленной на объединение всех антибольшевистских сил в России и за границей. После окончания гражданской войны занимался литературной деятельностью. С осени 1939 г. жил в Америке, служил в крупном банке (National City Bank of New York). С 1942 до конца 50-х годов работал в представительстве этого банка в Монтевидео (Уругвай) (Коллекция Базили, ящ. 21).
3. Basili Lascelle Meserve de. Memoirs of a Lost World. Stanford. 1975.
4. Кроме этого, он выпустил книгу «Россия под советской властью» (Париж. 1937). В 1938 г. она издана на английском и французском, а в 1940 г. — на итальянском языке. Никакого отношения к упомянутому замыслу она не имела. Им были также написаны мемуары, опубликованные посмертно: Basili N. Diplomat of Imperial Russia. 1903—1917. Memoirs (Stanford. 1973). В книге воспроизведены также два рассказа Гучкова: о поездке его и Шульгина к Николаю II и об отказе от престола Михаила Александровича (pp. 127—131, 143—145). Однако они были записаны Базили позже, чем стенографировались беседы с Гучковым. 28 декабря 1933 г. в письме Руманову он отмечал, что в стенограммах бесед «остались неосвещенными» как раз эти два эпизода и что к ним предстоит еще вернуться (Коллекция Базили, ящ. 5).
5. Там же, ящ. 1, 2.
6. Там же, ящ. 9, 24, 25.
7. Там же, ящ. 2, 24.
8. *Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960). Выпускник юридического факультета Петербургского университета. С 1903 г. — сотрудник различных газет. С 1907 г. — постоянный корреспондент «Русского слова», с 1911 г. возглавлял Петербургское отделение газеты. Директор правления товарищества издательского и печатного дела «А. Ф. Маркс». В эмиграции жил в Париже, являлся представителем издательства Я. Е. Поволоцкого, с которым Базили заключил договор на книгу по истории императорской России (письмо Базили Руманову от 28 декабря 1933 г.). Через Руманова Базили смог устроить интервью и наладить переписку с рядом бывших общественных и политических деятелей России, в частности с Путиловым, Керенским, Бурцевым и др. (Коллекция Базили, ящ. 1, 2). Перед смертью Бурцев передал Руманову свой архив, следы которого затерялись. Николаевский подозревал, что последний передал его советским представителям (после второй мировой войны Руманов принял советское гражданство, одно время писал статьи для газеты «Советский патриот», но позднее «рассоветился». См. Валентинов Н. Два года с символистами. Стэнфорд, 1969, с. 240 (Коллекция Базили, ящ. 7).
9. *Оболенский В. А.* (1869—1951) — князь, земский деятель, кадет, депутат I Думы от Тверской губернии. Был осужден по делу о Выборгском воззвании. В юности увлекался марксизмом. Зимой 1899—1900 гг. в Пскове на квартире Оболенского собирался марксистский кружок, который посещал прибывший после сибирской ссылки В. И. Ленин. Короткое время сотрудничал в «Искре». В 1910—1917 гг. — член ЦК партии кадетов (левое крыло). Во время первой мировой войны был уполномоченным санитарного отряда Союза городов. В 1915 г. на фронте познакомился и сблизился с Гучковым. Во время гражданской войны находился в Крыму. Состоял председателем Земской управы Таврической губернии при правительстве С. С. Крыма и генерала Деникина. Входил в комиссию по выработке земельного законодательства при правительстве генерала Врангеля. После эвакуации из Крыма жил в Париже, много и часто публиковался в эмигрантской прессе. Автор ряда работ о деятельности органов земского самоуправления в годы пер-

вой мировой и гражданской войны, в частности воспоминаний «Очерки минувшего» (Белград. 1931).

10. Коллекция Базили, ящ. 1, письма Базили — М. В. Бернацкому, Бурцев — Руманову, Оболенский — Челнокову, 1932 — 1935 гг., ящ. 24, личные записи Базили, 5 июня 1934 г.
11. Там же, ящ. 1—2.
12. Там же, ящ. 24, наброски карандашом рукой Базили вопросника Гучкову, б/д.
13. Там же, ящ. 1, Базили — Милюкову, 24.XI.1932.
14. Там же, ящ. 7, Базили — Милюкову, 24.XI.1932.
15. Там же, ящ. 1, Базили — Карташеву, 23.V.1934; Архив Гуверовского института, Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14, Николаевский — Изюмову, 26.V.1936.
16. Там же, ящ. 2, Изюмов — Базили, 12.V.1936.
17. Там же, ящ. 14. В тексте этого раздела использованы воспоминания Гучкова.
18. Последние новости, 9, 12, 16, 19, 23, 26, 30.VIII; 6, 9, 13, 16, 19, 23, 26, 30.IX.1936.
19. Последние новости, 8.VIII.1936.
20. Коллекция Базили, ящ. 7; Menashe L. Alexander Guchkov and the Origins of the Octobrist Party: The Russian Bourgeoisie in Politics. N. Y. 1966, p. 238.
21. Там же, ящ. 1, Оболенский — Базили, начало августа 1934 г.
22. Там же, Базили — Оболенскому, 12.VIII.1934.
23. Там же, Гучков — Базили, 14.VIII.1935.
24. Там же, Базили — Гучкову, 30.VIII.1935.
25. Последние новости, 8.VIII.1936.
26. Menashe L. Op. cit., p. 62.
27. Коллекция Базили, ящ. 2, И. Н. Коган — Базили, 23.III; Базили — Когану, 26.III.1936.
28. Архив Гуверовского института. Коллекция Б. И. Николаевского, ящ. 775, папка 14, Николаевский — Изюмову, 1936.
29. *Элькин Борис Исаакович* (1887—1972) — адвокат, редактор посмертно изданного второго тома воспоминаний Милюкова (Милюков П. Н. Воспоминания. 1859—1917. Нью-Йорк. 1955). Друг и душеприказчик Милюкова (и Гучкова). Адвокат в судебном деле по вопросу о наследстве между сыном Милюкова (от первого брака с Анной Сергеевной, умершей в Париже в 1935 г.) и его второй женой (Ниной Васильевной).
30. Коллекция Базили, ящ. 6.
31. «Вопросы для А. И. Гучкова. 1. Генезис недоверия А. И. к левым. 2. Практическое отграничение А. И. от левых. 3. Разочарование в Николае II и письмо к нему. 4. Сношения с Алексеевым и письмо к нему. 5. Сношения Львова с Алексеевым и поездка в Ставку. 6. План переворота. 7. Генезис Временного правительства (заседание в декабре. Откуда Некрасов, Терещенко, Керенский. Легенда о масонах). 8. Почему в Пскове был принят Михаил Александрович, вместо Алексея Николаевича. 9. Роль Рузского. Его отношение к клике Распутина. 10. Отречение Михаила Александровича. 11. Генезис Совета Рабочих Депутатов. 12. Приказ № 1 — его происхождение. Как А. И. был вынужден его принять. 13. Заседание Временного правительства, на котором Корнилов предложил ликвидировать большевиков. Когда это было. 14. Почему Временное правительство не сохранило Думу. 15. Вопрос об отбытии Николая II в Англию.

    Дополнительные вопросы для А. И. Гучкова. 1. События, непосредственно предшествующие первой революции. (Последнее записанное — попытка дворцового переворота и заседание у Федорова.) 2. Первые дни революции и поездка в Псков. Отречение Николая II и Михаила Александровича. Образование Врем. правительства. 3. Запрос о смерти Столыпина. 4. Хатисов и великий князь Николай Николаевич. 5. Чхеидзе. 6. Почему Временное правительство упразднило Думу. 7. Образование личности и взглядов Гучкова. (То, что Александр Иванович уже вкратце рассказывал Н. А. Базили за завтраком в клубе.) Сухомлинов. Гурко».
32. Руманов А. В. А. И. Гучков о терроре. — Последние новости, 8.IX.1936.
33. Коллекция Базили, ящ. 24.
34. Но тогда сразу возникает вопрос, а почему отсутствует данная стенограмма. Поскольку в нашем распоряжении есть вопросник, который Базили предложил Гучкову, то видно, что в имеющихся у нас стенограммах отсутствуют ответы по сюжетам, связанным с масонами. Можно предположить, что беседа 30 января 1933 г. касалась именно этой проблемы.
35. Там же, ящ. 2.
36. Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia. 1983; Menashe L. Op. cit.

37. *Трэйл (Trail) Вера Александровна* (1906—1986). В первом браке за Петром Сувчинским (музеевед, вдохновитель и основатель евразийского движения в русской эмиграции). В 1932 г. вступает во Французскую компартию, после чего отношения с отцом изменились. В это же время Трэйл близко сходится с К. Родзевичем, сотрудничавшим с НКВД. В 1936 г. участвовала в вербовке добровольцев в интербригады. Второй ее муж, шотландский коммунист Р. Трэйл, погиб в Испании в июле 1937 г. (от этого брака родилась дочь). До Испании он работал в Москве. Трэйл участвовала в разборе архива отца. В 1936 г. выехала в СССР — на следующий день после того, как в Париже был убит И. Рейсс, бывший резидент НКВД, порвавший с этой организацией. По рассказу Трэйл, она была знакома и с наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым, который помог ей избежать ареста, предупредив ее за несколько часов перед этим. Вторая мировая война застала ее в Париже, в числе других нежелательных иностранцев она была отправлена в концентрационный лагерь, где у нее завязался роман с немецким антифашистом, ветераном интербригад Бруно фон Заломоном (умер несколько лет спустя от туберкулеза). Из лагеря бежала через Испанию в Лиссабон. В Англию перебралась при помощи А. Я. Гальперна (меньшевик, масон). После войны вышла из компартии. Некоторое время в качестве переводчицы сопровождала В. Кравченко (сотрудник закупочной комиссии товаров по ленд-лизу, оставшийся на Западе, автор книги «Я выбрал свободу»). В 60-е годы посетила СССР в качестве переводчицы делегаций английских лейбористов. Была знакома с С. Аллилуевой. На погребении Трэйл присутствовала внучка Сталина. (Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк. 1986, с. 200—206. Здесь же опубликована справка-письмо Вольского-Валентинова Николаевскому «Шпионская сеть около А. И. Гучкова»; Бросса А. Агенты Москвы. Edition Galimard, 1988, гл. «Групповой портрет с дамой». — Иностранная литература, 1989, № 12).
38. Последние новости, 14.II.1936.
39. Архив Гуверовского института. Коллекция Струве, ящ. 5, п. 43, переписка. *Василий Борисович Ельяшевич* (Эльяшевич) — юрист, до эмиграции преподавал в петроградском Политехническом институте. Занимался изучением земельных отношений в России с древнейших времен (опубликованы два тома его труда, доведенные до середины XIX в.). В эмиграции жил в Париже. В 20-е годы работал в парижском кредитном обществе «Koja» и преподавал гражданское право в русском отделении Парижского университета; активный участник общественной жизни русской эмиграции. Умер после 1950 года.
40. Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14, беседа Гучкова с Николаевским 2.IV.1929.
41. Коллекция Базили, ящ. 6, беседа с Гучковым 10 февраля 1936.
42. Им была налажена конспиративная сеть через генерала Скоблина (тайно сотрудничавшего с НКВД) и М. М. Шранге (вернулся в СССР) для связи со своими агентами в СССР. В начале 30-х годов часто бывал в Берлине (Коллекция Николаевского, ящ. 507, п. 3; Иностранная литература, 1989, № 12, с. 244, 245; Берберова Н. Ук. соч., с. 200—202).
43. Коллекция Николаевского, ящ. 775, п. 14. Из письма Николаевского редактору нью-йоркской газеты «Forward» А. С. Кагану, 29 января 1935.
44. Там же, Николаевский — Л. О. Дан, 9.III.1957.
45. Там же, Николаевский — Изюмову, 26.V.1936.
46. Последние новости, 8.VIII.1936.

С. Ляндрес, А. В. Смолин

[Стенограмма]

Суббота, 5 ноября 1932 г.

Базили. 1 пункт (читает) «Генезис недоверия А. И. к левым». С этим в связи стоит второй пункт. В период, предшествующий революции, вы практически от левых отграничились. Как у вас наметился совершенно определенный курс в другую сторону? Затем у меня тут третий пункт: когда вы окончательно разочаровались в Николае II? Потому что у вас одно время было взаимное понимание.

Гучков. Лучше рассказать о моем отношении к нему с самого начала.

Ляндрес Соломон — сотрудник Стэнфордского университета (США).

Смолин Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Базили. Тут очень интересная вещь — с Алексеевым. У Львова, у вас были сношения с Алексеевым...
Гучков. Моя связь с Алексеевым заключалась в том, что я его знал, встречался с ним, когда он был начальником штаба Киевского военного округа, потому что я его знал по японской войне и, так как я был в добрых отношениях с Ивановым, то я тогда несколько сошелся и с Алексеевым. Иванов и Алексеев были в числе тех высоких чинов нашей армии, которые понимали очень слабое состояние нашей обороны и предвидели, что приближается момент, когда нам придется мериться с противником первоклассным — Германией. Они отдавали себе отчет, что, если нас Германия застанет в беспомощном состоянии, мы будем разгромлены вконец.

Видя во мне человека, желающего восстановить нашу военную мощь после этого ослабления, созданного японской войной, они, в очень, правда, дискретной форме, помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности. Они не были в числе главных моих осведомителей, они мне язвы военного ведомства не раскрывали, а просто давали те или другие советы. Вот оттуда это началось. Это было в годы 8, 9, 10, 11, а затем война и, так как мне пришлось одно время обслуживать в смысле помощи Красного Креста фронт, которым командовал Иванов, а начальником штаба был Алексеев, то это еще больше меня с ними свело. С Алексеевым еще ближе мои отношения сложились, когда он сделался главнокомандующим Северо-Западного фронта. Этот фронт как раз обслужен был Красным Крестом моим, и у нас с ним были добрые простые отношения. Я к нему заезжал, докладывал о санитарных вопросах, о вопросах медицинской помощи и затем всегда говорил о своих впечатлениях от фронта. Я его очень высоко ценил. Человек большого ума, большого знания. Недостаточно развитая воля, недостаточно боевой темперамент для преодоления тех препятствий, которые становились по пути. Работник усердный, но разменивающий свой большой ум и талант часто на мелочную канцелярскую работу — этим убивал себя, но широкого государственного ума человек...

Затем он в Ставке, я уже не на фронте, а председателем Центрального [военно-]промышленного комитета и, как председатель этого комитета, член Особого совещания по обороне. Там я и мои ближайшие друзья пытаемся влить какую-то жизнь в это совещание, толкаем на принятие больших решений, на ускорение темпов заготовки, но часто встречаем непонимание, косность, робость, иногда неискренность некоторых представителей военного ведомства, которые не решались обнаружить нужды и язвы, и тогда, в такие минуты я пытаюсь [действовать] через фронт, через Алексеева.

Некоторые свои горькие наблюдения и советы я излагаю письменно и посылаю их Алексееву. Посылаю не по почте, не ожидаю ответов и не получаю их. Одно из таких писем без моего знания и против моей воли попало, однако, в широкую огласку — оно напечатано в каких-то изданиях. Тогда я был настолько возмущен тем, что военный министр Беляев такую ужасную вещь, как недостаток винтовок, скрывает от нас, обманывает нас, и я тогда написал Алексееву письмо очень резкого характера. Во главе правительства в это время уже Штюрмер...
Базили. Это было поздно летом 1916 года.
Гучков. Я свой обвинительный акт обобщаю обвинительным актом против всего правительства, которое не выполняет свой долг против армии. Московский городской голова Челноков[1] был в Петербурге, и я ему показал копию этого письма. Он просил меня на один день, кому-то хотел показать, и это было непростительно с его стороны, потому что я знаю, как письма эти опасны для самого дела, которому служишь. Это письмо было Челноковым или теми, кому он передал его, размножено и получило широкое распространение в военных кругах. Этот документ получил распространение на фронте, в то время как я имел в виду только Алексеева. Это было использовано как агитационное средство против строя: армия свой долг выполняет, а вот что делается в тылу! Это мне было очень неприятно, потому что я в то время пытался с этой властью столковаться и считал, что не время расшатывать ее. Этим, собственно, мои сношения с Алексеевым ограничиваются.
Базили. Алексеев знал о том, что могут быть в известных кругах известные замыслы, — это я не только допускаю, я имею даже с некоторых намеков Алексеева определенное убеждение, что он мог подозревать, но я почти уверен, что не было практических разговоров с ним на эту тему.

Гучков. Я тоже склонен думать, что это так. Он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником.
Базили. По своему характеру он мог быть только тем, что вы говорите, — пассивным свидетелем. Были какие-то письма Львова к Алексееву.
Гучков. Я их не видел, но я думаю, что они касались просто общего положения о недопустимости, об опасности внутреннего положения. Об этом Алексеев много думал. Я часто с ним на эту тему говорил и имею полное основание думать, что он получал письма. Он, я думаю, Львову ничего не писал, потому что тут его корректность... Он был корректен, он бы себе не позволил. Получить — да... До революции мои отношения этим ограничиваются, а затем, после отречения, когда состоялось назначение великого князя Николая Николаевича, по нашему настоянию, и когда в первые же дни мы встретили в Петербурге сильнейшее сопротивление этому из левых кругов в правительстве Керенского (тогда он еще не был главой правительства. — *Ред.*), но надо сказать, я, поддерживая кандидатуру великого князя, не был никем поддержан в составе правительства. Я считал долгом поддерживать, потому что всегда хотел связь, преемственность сохранить. Затем, я считал, что у него хорошая военная репутация создалась. Мне казалось, что с наименьшими потрясениями... Во всяком случае, это не было тем больным местом, которое надо изъять.

Я настаивал, но когда я увидел, что встречаю слабую поддержку в самом правительстве, то согласился предупредить великого князя, чтобы он сам отказался, и тогда я тотчас выдвинул кандидатуру Алексеева. Я был в этом довольно одинок, потому что против этого был Родзянко (у него был свой кандидат в лице Брусилова) и почти весь думский Комитет. Они делегировали целую группу, которая пошла на заседание Совета министров, и там они резко настаивали, чтобы назначен был Брусилов. Я был очень низкого мнения о Брусилове как о человеке, как о стратеге. У него были большие свои успехи, которые я приписывал не столько ему, сколько обстановке и хорошим сотрудникам. Так что тут уже я проявил большое упорство и решительно отверг кандидатуру Брусилова, тем более, что к моим впечатлениям присоединились еще за первые дни революции, просто определенные справки о том, как он в первые дни повел себя. Раболепно прополз он на брюхе перед солдатской демагогией, в то время как Алексеев вел себя с большим достоинством. Тогда я настоял. Алексеев был назначен, хотя сделал попытку отказаться от этого...
Базили. Первая встреча была ваша поездка в Ставку, вторая — я был у вас 5, 6, 7, и потом, я помню, вы должны были поехать в Ставку...
Гучков. Отдавая себе отчет не только в положительных сторонах Алексеева, но и в его слабых сторонах, я задумал какого-нибудь крупного военного с решительным характером в противоположность Алексееву, близко соприкасающегося с армией, назначить начальником штаба [верховного главнокомандующего]. В этих кругах было такое безлюдие, что какого-нибудь кандидата, который сам напрашивался [бы] на это, не было. Личного знакомства у меня не было с Деникиным, но был хороший надежный отзыв о нем, но ни разу не видал его. Я переговорил об этом с Алексеевым, потому что все делается с его согласия, он возражал, потому что он Деникина мало знал, затем иерархически это был большой скачок, в то время только что командовал дивизией или корпусом, так что у него стажа такого не было.

Я все-таки настоял на назначении Деникина. Деникин был вызван в Петербург, я ему объяснил, что от него ожидается, считал, что очень высоко надо держать знамя. Мы вынуждены будем на какие-то компромиссы идти, но должны опираться на непримиримость и настойчивость военного командования. Надо сказать, что Деникин тоже неохотно принял назначение, предвидя, какая это будет адская работа; его тянуло к фронту, к войскам, но он согласился. Таким образом, с согласия обоих этих людей состоялось назначение. Каково было мое удивление, когда, приехав в Ставку, я застал, что Деникина и Алексеева еще не видали.
Базили. У меня было впечатление, что он не вошел в эту организацию, а остался чем-то висящим.
Гучков. Я не мог так судить, но я готов поверить. В одном я не ошибся, это что он на своем посту вел себя независимо. Военное мужество — это одно, другое мужество — гражданское. У него и это было — чувство достоинства. Он не поклонился новым силам. Вот так с Алексеевым кончилось.

Базили. Алексеев приезжал несколько раз в Петроград. Алексеев карьеру любил.
Гучков. Меня это удивляет, потому что другой любопытный эпизод был. После апрельского революционного движения в Петербурге я видел, что в правительстве не найду поддержки для того, чтобы начать борьбу, а одному начать было просто легкомысленно. Я думал уже уйти, не отказываясь от дальнейшей работы, потому что мой план был таков: бросить центр и помочь на фронте образоваться какой-нибудь вооруженной силе, которая могла оздоровить самый фронт. Мысль о Корниловском походе тогда возникла. Это мое решение пойти совпало с решением Корнилова. Его попытка оздоровить гарнизон петербургский, образовать известное ядро, надежное [как опора] правительству, увенчалась очень слабым успехом; по-видимому, у него тоже было чувство, что он не находит у правительства той поддержки, которая ему нужна, и он стал отпрашиваться на фронт.

В таких условиях нельзя заставить человека остаться. Надо человека, который охотно бы взялся за эту задачу. Я согласился, но подумал о том, чтобы использовать тот капитал, который накопился вокруг Корнилова; он за эти полтора месяца командования завоевал в революционном гарнизоне высокое моральное положение. Против него бунтовали, но с ним считались. Человек он большого мужества, [не] считали, что он есть агент реакции, расправы, верили, что он новый строй признал воистину, так что он не вызывал против себя той злобы, тех подозрений, которые мог бы другой генерал вызвать, ему подтягивание гарнизона давалось легче, чем другому. Главное дело, у него был моральный авторитет.

Так как я ждал после апрельских дней повторения этих дней в более общей форме, полагая, что дойдет дело до вооруженных мятежей, то мне казалось, что надо было сохранить Корнилова на таком посту, где он в нужный момент мог бы быть использован в силу этих данных, которые в нем были. Мне пришло в голову, что, если его назначить командующим Северо-Западным фронтом на место ген. Рузского, которого я думал удалить, потому что он проявлял невероятную бездеятельность, апатию и, кроме того, находился в какой-то вечно брюзжащей саботирующей оппозиции Алексееву, то я думал, что если одновременно с назначением Корнилова в Псков еще произвести некоторую реформу в смысле подчинения Петербургского округа командованию... тогда все события, которые происходили в Петербурге, были бы под высокой рукой псковского командования. Значит, мятеж в Петербурге; в его компетенцию входит послать войска, произвести какие-то замены, словом, распоряжение петербургским гарнизоном и всякие события ведались бы Корниловым.

Поэтому я написал тогда Алексееву, что предполагаю уступить Корнилову командование Петербургским округом, перевести его на фронт и по таким-то соображениям думал его перевести в Псков. Алексеев ответил мне, что на уход Рузского согласен, но вместе с тем указал, что считает недопустимым назначение Корнилова на этот пост, и с той обстоятельностью, с которой он всегда излагал свои мысли, этот отказ был мотивирован целым рядом пунктов. Я даже помню, какие пункты были. Во-первых, Корнилов не прошел все стадии, которые необходимы для занятия этой должности. Его служебная карьера была такова — он в боях командовал только дивизией; командование корпусом, откуда я взял его в Петербург, происходило в условиях отсутствия вооруженных столкновений. Поэтому такой скачок от командования корпусом до командования фронтом считался недопустимым. Он не обладает стажем, который нужен. Во-вторых, есть в пределах фронта много генералов, которые старше его по производству и которые имеют весь необходимый стаж, и, предвидя мою настойчивость, Алексеев закончил эту программу последним пунктом, где было сказано, что, если тем не менее вы не найдете возможным со мной согласиться, прошу принять мою отставку.

Я ответил ему, что он не отдает себе отчета в опасности Петербургского фронта, что какие бы вы победы ни одерживали на внешних фронтах, но если Петербург провалится — все провалится. Алексеев мне ответил, что он остается при своих прежних предположениях и настаивает на увольнении его, если я буду настаивать. Я собирался сам уходить, так как знал, что на мое место будет назначен Керенский и что среди некоторых элементов высшего командования развился некоторый демагогический карьеризм и были люди, которые, играя своей революционностью, преданностью новому строю, могли бы через Керенского попасть на такой высокий пост. Так как я предвидел, что в таком случае будут назначения не

лучше, а хуже, то я сказал себе, что при таких условиях расставаться с Алексеевым нельзя. Если бы я сам остался, я настаивал бы на назначении Корнилова, но я не доверял, чтобы преемник мой мог руководствоваться этими соображениями, и поэтому я написал Алексееву, что отказываюсь от кандидатуры Корнилова.

На место Рузского был назначен Др[агомиров], а Корнилову после поисков какого-нибудь высокого поста нашли на Юго-Западном фронте 8-ю армию, куда он был назначен и совершенно отрезан от Петербургского гарнизона. Это была ошибка. Вот это меня настроило горько по отношению к Алексееву, и я увидел, что не ошибался в том, что за все время работы с ним я не видел, чтобы он понял всю грозность положения в том смысле, что в такое грозное время надо к неординарным мерам прибегать. Назначение Корнилова нарушало известную обычную градацию, но польза была ясна, у Алексеева еще была привычка действовать в пределах старых узаконений, немножко рутина была. Он пишет мне так, что есть старше, чем Корнилов, и, если Корнилов будет назначен, многие обидятся, и мне особенно горько было... Тут вся Россия гибнет... Все соображения, которые были в нормальных условиях, они все присутствовали, когда нужно было принять решение.
Базили. У меня следующий пункт: генезис Временного правительства. Как само Временное правительство создалось. Откуда Некрасов, Терещенко, Керенский. Как оно мало-помалу кристаллизировалось еще до революции. Вначале образована группа людей, которые никогда не думали, что они станут Временным правительством, и как постепенно они сознавали, что подходят к ответственной роли.
Гучков. Тут, я думаю, Милюков мог бы дать более исчерпывающие сведения, чем я, так как я в этих переговорах не участвовал, они меня не видели и даже меня не осведомили об этом. Я никогда не присутствовал ни на каком совещании.
Базили. Вы не были на разговорах у Федорова[2]?..
Гучков. Я был.
Базили. Это же и есть генезис Временного правительства.
Гучков. Юридически генезис таков: это соглашение между солдатскими и рабочими депутатами.
Базили. Интересно, как постепенно образовалась эта группа людей?
Гучков. Некоторые почему-то вошли в состав правительства, причем на совещании у Федорова не были. Кто произвел этот триаж...
Базили. Этот триаж произошел в последнюю минуту. Милюков играл большую роль.
Гучков. Я думаю, что он главный. В сентябре 1916 г. в Особом совещании по обороне Н. В. Сав[ич][3] сказал мне, что намечается одно совещание по политическим вопросам, что устраивает это совещание Милюков, что его, Савича, тоже звали, но он отказался, и он знает, что имеют в виду позвать меня...
Базили. Почему отказался?
Гучков. Он чувствовал, что пахнет революцией, и все, что могло его поставить в контакт с этими элементами, встречало с его стороны отпор. Он не боролся потому, что считал почти неизбежным, но уклонялся от какого-нибудь участия.
Базили. La pein de responsabilité? [Бремя ответственности?]
Гучков. Он так с самого начала не верил в успех, что приобщаться к этому не было смысла. Так вот, он меня предупредил. Одно время он был в составе Особого совещания по обороне.
Базили. Милюков не считал эту затею безнадежной, а наоборот.
Гучков. Мы собрались. Там были Родзянко, Милюков, Шидловский, Шингарев, Годнев, Влад. Львов, Некрасов. Из не членов Думы был только Терещенко — я сам не отдавал себе отчета, почему, и объяснял это тем, что с ним был очень близок и высоко ценил его Родзянко. Инициатива совещания шла, очевидно, от Милюкова и его кадетской группы, но влияние на это совещание и видную роль в нем играл, несомненно, Родзянко; с ним, как с председателем Думы, очень считались. Там был поставлен вопрос о тревожном положении, очень ясно определившейся линии развития событий в сторону какого-нибудь большого народного движения, уличного бунта. Затем вопрос был поставлен не о том, нужно ли мешать этому либо содействовать. Предполагалось, что эти события пройдут независимо от воли и желания собравшейся группы, они сами собой разовьются. Вопрос был поставлен: что нам делать, когда это все наступит.

С другой стороны, было ясно: правительство, к которому мы все относились очень пренебрежительно (потому что чувствовалось какое-то отсутствие воли, разума, убеждения в своей правоте), не в состоянии будет дать отпор и подавить это движение, и произойдет одно из двух. Либо это движение будет иметь успех и власть свалится, либо правительство в своей беспомощности обратится к общественным кругам, у которых есть известный авторитет, которые готовы взять на себя [ответственность] и справиться с этим кризисом. Обратится к нам, к людям, которые в составе законодательных учреждений выделялись. И было решено, как нам отнестись к этому моменту. Поскольку мы беспомощны в этой подготовительной стадии, стоим в стороне, все наши предположения не приняты в расчет, остановить это движение мы не можем, а присоединиться не хотим. Но когда это все совершится, мы не можем оставаться в стороне.

И тут была некая ошибка, в которую впадали некоторые участники совещания, предполагая, что после того, как дикая стихийная анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти. Очевидно, в воспоминание того, что здесь был [как бы] 1848 год: рабочие свалили, а потом какие-то разумные люди устроили власть. Так что тут был известный элемент иллюзии. Затем, другая возможность, что правительство, почувствовав свое опасное положение, прибегнет к нашей помощи, осуществятся 1905—1906 годы. Верховная власть имела в виду призвать кадетов к власти.

Базили. Этот факт мало освещен до сих пор.

(Несколько минут разговор, который просят не заносить в стенограмму.)

Гучков. Принятие на себя этой ответственности. Либо мы будем вынесены революционной волной наверх, либо [последует] призыв самой верховной власти. Мы, конечно, уклониться не можем, но мы отдаем себе отчет, что умиротворение стихии возможно лишь при одном условии, что, тот, кто являлся главным ответственным лицом, т. е. государь, он должен уйти. С самого начала было ясно, что только ценой отречения государя возможно получить известные шансы успеха в создании новой власти. Притом тут были люди республикански настроенные, как кадеты, но вопрос о режиме никем не затрагивался, потому что в душе у каждого было решено, что строй должен остаться монархическим. О возможности замены монархии другим строем речи [и] потом не было, но отречение государя давало возможность укрепить строй.

...У Федорова оказался свод Основных законов. Нашли закон, который предусматривает отстранение носителя верховной власти, и нашли статью, говорящую о регентстве, кто входит в состав регентства. То, что было вскоре осуществлено, оно было тогда ясно, отречение государя в пользу сына, а дальше по закону. У всех было ясно желание возможно меньше трясти основу.

Базили. Это было до произнесения Милюковым его речи[4].

Гучков. После.

Базили. Милюков шел в то время напролом.

Гучков. Он не учитывал последствий, потому что у него страх или, вернее, боязнь, осознание всей опасности революционной вспышки, оно у него было крепкое. Он был сотрудником [сторонником. — *А. С.*] революционных актов, как и раньше. За время войны он понял, что это не момент.

Базили. Я одного только не понимаю, ведь речи Милюкова были одним из крупных факторов в революционизировании общественного мнения. Как он сам на это смотрел? Ведь, если он боялся взрыва, то с этим не вяжется характер его речи.

Гучков. Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это прежде всего потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора, призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта.

Этих совещаний было два. Еще раз мы как-то собрались, а затем я был болен, лежал, и вдруг мне говорят, что приехал Некрасов, который никогда не бывал у меня. Приехал ко мне и говорит: из ваших слов о том, что призванным к делу создания власти может оказаться только тот, кто участвует в революции, мне показалось, что у вас есть особая мысль... Тогда я ему сказал, что действительно обдумал этот вопрос, что допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумаю вопрос о дворцовой революции — это единственное средство.

Среда, 9 ноября 1932 г.

Гучков. Из беседы с Некрасовым выяснилось, что и он пришел к той же точке зрения о полной невозможности нормальными путями добиться коренной перемены правительственного курса, о неизбежности насильственного переворота, [явился] страх, что выполнение этой задачи возьмут на себя слепые стихийные силы улицы, рабочие, солдаты, тыл, и отсюда определенное сознание, что эту задачу должны принять на себя спокойные государственные элементы. Мысль о терроре по отношению к носителю верховной власти даже не обсуждалась — настолько она считалась неприменимой в данном случае. Так как в дальнейшем предполагалось возведение на престол сына государя — наследника, с братом государя в качестве регента на время малолетства, то представлялось недопустимым заставить сына и брата присягнуть через лужу крови. Отсюда и родился замысел о дворцовом перевороте, в результате которого государь был бы вынужден подписать отречение с передачей престола законному наследнику. В этих пределах план очень быстро сложился. К этой группе двух инициаторов в ближайшие дни присоединился по соглашению с Некрасовым Михаил Иванович Терещенко, и таким образом образовалась та группа, которая взяла на себя выполнение этого плана. Это было почти одновременно с совещанием у Федорова.

Базили. Конец сентября, начало октября... Федоров не был в курсе.

Гучков. Он не был в курсе...

Базили. Это было после последнего совещания у Федорова; два, три дня спустя.

Гучков. Наша тройка приступила к детальной разработке этого плана. Представлялись три конкретных возможности. Первая — захват государя в Царском Селе или Петергофе. Этот план вызывал значительные затруднения. Если даже иметь на своей стороне какие-нибудь воинские части, расположенные в резиденции государя, то было несомненно, что им будет оказано вооруженное сопротивление, во всяком случае предстояло кровопролитие, которого хотелось избежать. Другая возможность была произвести эту операцию в Ставке, но это требовало если не прямого участия, то во всяком случае некоторого попустительства со стороны высших чинов командования. Не хотелось вводить этих лиц в состав заговора по многим причинам. Не только потому, что мы не были совсем уверены, найдем ли там сотрудников, но мы не хотели, чтобы эти лица, которые после переворота будут возглавлять русскую армию, чтобы они участвовали в самом перевороте.

Базили. По соображениям военным, патриотическим. Опасность раскола армии.

Гучков. Требовалось, чтобы лояльные элементы им подчинились... В этой комбинации — в Ставке — мы встречали те же сомнения. Части могли быть на стороне [правительства]. Значит, опять гражданская война в пределах фронта. Если б цареубийство... но мы были против этого. Третья возможность — и на ней мы остановились — это захват царского поезда во время проезда из Петербурга в Ставку и обратно. Были изучены маршруты, выяснено, какие воинские части расположены вблизи этих путей, и остановились на некоторых железнодорожных участках по соседству с расположением соответствующих гвардейских кавалерийских частей в Новгородской губ., так называемых Аракчеевских казармах. Вот эта последняя

комбинация нам представлялась технически более простой. Надо было найти единомышленников среди офицерского состава этих полков. Имелось в виду совсем не трогать солдат, а сосредоточиться только на том, чтобы получить единомышленников в самом офицерском составе. Мы крепко верили, что гвардейские офицеры, усвоившие отрицательное, критическое отношение к правительственной политике, к правительственной власти гораздо более болезненное и острое, чем в каких-нибудь армейских частях, мы думали, что среди них мы в состоянии будем найти единомышленников.

Базили. Тут соображения социального характера.

Гучков. В то время примкнул к нашему кружку ценный сотрудник в лице кн. Вяземского[5] (не помню, как это случилось). Я с ним лично сблизился во время войны потому, что он был уполномоченным одного санитарного отряда великого князя Николая Николаевича, отряда, сооруженного на средства Бегового Общества. С великолепным оборудованием, отличным составом. Отряд этот почти все время войны был мне подчинен, так что я знал этих людей, их работу первоклассную, наиболее трудную и опасную работу. Они сами рвались туда. Там был интересный человек, княгиня Волконская.

Базили. Я с Вяземским был дружен 10 лет.

Гучков. Несмотря на некоторые у него физические признаки вырождения, он сам духовно был чрезвычайно высок, большого душевного благородства, широкого понимания. Так что, очевидно, он через меня проник в этот кружок. Мы не раз говорили на эту тему раньше. Он сам пришел ко мне. У него интересна была регламентация того круга, к которому он принадлежал. Мы привилегированный класс, мы участвуем в правлении, пользуемся большими привилегиями, большими благами, поэтому на нас лежит сугубая обязанность в отношении России и данного строя, поэтому мы должны взять на себя выполнение тяжких задач, очистить сам строй... Этой регламентации для него было совершенно достаточно, но у него была регламентация, вытекающая из этого миросозерцания, специально приноровленная для людей его класса. Им она говорила в случае крушения режима о дикой расправе стихийных масс. Кто прежде всего и больше всего потерпит? Мы. Поэтому если у вас не хватает побуждений патриотических, то [хотя бы] это должно заставить вас предотвратить катастрофу.

Как мне представляется картина. Всякие гомеопатические средства внутренние не принесли ничего. Оставалось одно: хирургическая операция в смысле революционного акта воздействия на государя, в смысле отречения. Надо было это сделать со всей политической антисептикой для того, чтобы это сразу не разрослось в гангрену. Это должны были сделать люди государственного ремесла, они этого не сделали. И пришел мясник, резанул даже не по тому месту, где нужно... Отсюда заражение крови, смертельная болезнь.

К нам присоединился Вяземский. Он был ценен тем, что не находился под наблюдением, как мы все; затем, в силу его общественного положения, семейных и других связей он был близок к гвардейским офицерским кругам. На него была возложена миссия завести те связи, которые могли бы выразить настроение офицерства среди этих запасных частей, затем, может быть, привлечь к нашему заговору каких-нибудь более высоких чинов, чем те офицеры запасных эскадронов, что были там. Мы высоко не шли — нам нужны были командиры полков из частей, которые на фронте, для того, чтобы эти командиры полков могли в порядке отпусков, командировок мало-помалу образовать группу единомышленников в этом деле.

Через некоторое время к нашей группе присоединился один тоже очень ценный сотрудник. Знаю, что он был ротмистром одного из гвардейских кавалерийских полков, не то Кавалергардского, не то Конного полка. Вяземский и этот ротмистр взялись нащупать настроение этих эскадронов и привлечь нужных участников, а затем Вяземский должен был проехать в тот район, где был гвардейский корпус, чтобы уже в самих полках, у которых был эскадрон запасный, выразить настроение.

Базили. В район Аракчеевских казарм, где стояли запасные части гвардейских кавалерийских полков...

Гучков. О некоторых успехах в этом направлении они нам докладывали, но все это были единичные присоединения и присоединения молодых, невысоких чинов. С одним из командиров гвардейских полков была беседа у Вяземского. Я его лучше не назову. Он играл некоторую роль в движении и был близок к монархическим кругам. Это важно только для характеристики настроения некоторых военных верхов по отношению к этому делу. Ему, в силу отношения Вяземского к нему, было раскрыто все, весь план, задача, способ осуществления. Он как порядочный, умный человек оценил все это правильно. Он был в большом отчаянии относительно всего, что совершалось и в стране и на фронте, он считал почти неизбежным положение развала власти, страны, фронта, со всеми последствиями. Он выразил большое свое сочувствие нашему плану, но одновременно наотрез отказался участвовать в его выполнении: то ли чувство тяжкой ответственности, страх кары, то ли просто известная лояльность (это было нарушение присяги) сказалась. Чувствовалась атмосфера сочувствия и [встречался] отказ от прямого ответственного участия. Тем не менее работа шла, и еще один шаг должен был быть сделан... Терещенко был свободен. Был отряд, сооруженный его матерью, обслуживающий часть гвардейского корпуса, он должен был ехать туда, у него были знакомства среди офицеров. Командир полка мог мало-помалу подобрать людей.

Базили. Часть подготовки была на фронте.

Гучков. Ротмистр был в запасном эскадроне, он там работал. Терещенко и Вяземский — на самом фронте, и быстрее можно было бы достигнуть, если бы кто-либо из командиров частей... Сам план рисовался таким образом. Значит, захват этой воинской частью фронтового поезда; затем, мы крепко верили, что нам удастся вынудить у государя отречение с назначением наследника в качестве преемника. Должны были быть заготовлены соответствующие манифесты, предполагалось все это выполнить в ночное время, наиболее удобное, и предполагалось, что утром вся Россия и армия узнают о двух актах, исходящих от самой верховной власти, — отречении и назначении наследника.

Базили. У вас не было сомнения, что Михаил согласится быть регентом?

Гучков. Это был бы указ государя. Незаконным было бы только моральное насилие, которое мы делали. Дальше вступал в силу закон.

Базили. Был бы Совет Регентства, в который назначались лица?

Гучков. Лица не намечались. Претензий на захват власти не было. Просто крепко верили, что новая власть, в основе которой лежал бы некоторый революционный акт, при образовании правительства была бы вынуждена считаться с иными элементами, чем старая власть. Поэтому у нас не было ни списка министерства, ни лиц совсем не намечалось, по крайней мере у меня не было. Имели ли в виду другие — не знаю, но мы были убеждены, что если бы даже эта новая власть строилась на старых бюрократических элементах, то среди бюрократии было много людей государственного понимания и вполне чистых в смысле общественном, так что составить хороший государственный и технически подготовленный и приемлемый для широкого общественного мнения кабинет можно было даже не прибегая к элементам общественным. Это были бы Кривошеин, Сазонов... Мы не хотели придать характер захвата какой-то кучкой, а пускай в порядке основных законов образуется, но мы были убеждены, что [в правительстве] не могли иметь место ни Штюрмеры, ни Голицыны, ни Протопоповы...

Базили. Это был бы возврат к чистой бюрократии.

Гучков. Это была попытка не самим захватить власть, а очистить другим путь к власти. Я всегда относился весьма скептически к возможности создания у нас в России (по крайней мере в то время) общественного или парламентского кабинета, был не очень высокого мнения... не скажу — об уме, талантах, а о характере в смысле принятия на себя ответственности, того гражданского мужества, которое должно быть в такой момент. Я этого не встречал. Я скорее встречал это у бюрократических элементов. Я осторожно относился к проведению на верхи элементов общественности; так, некоторые элементы ввести — это еще туда-сюда, но избави Бог образовать чисто общественный кабинет — ничего бы не вышло. У всех этих людей такой хвост обещаний, связей личных, что я опасался (особенно у людей, связанных с партиями). Меня очень подбадривала вот какая мысль. Мне казалось, что чувство презрения и гадливости, то чувство злобы, которое все больше нарастало по адресу верховной власти, все это было бы начисто смыто, разрушено тем, что в качестве носителя верховной власти появится мальчик, по отношению к которому ничего нельзя сказать дурного.

Базили. Меня очень интересует то, что вы говорите, потому что тот ход мыслей, который развернулся в Ставке перед отречением, он был параллелен вашему ходу мыслей.
Гучков. Скажем, Михаил человек чистый, хороший, но безвольный, под влиянием каким-то. Выйдет ли из него хороший государь? Вряд ли. Во всяком случае тот личный элемент, который так важен в монархическом строе, женский элемент, был неблагоприятен. Всякое другое лицо, которое своим удельным весом превышало всех остальных, — такого [лица] не было.
Базили. Николай Николаевич?
Гучков. Отношение к Николаю Николаевичу тоже было в целом ряде [пунктов] критическое, но личность маленького наследника должна была бы обезоружить всех. Отречение я считал актом несколько вынужденным, но все же вместе с тем полудобровольным, известной жертвой, которую государь приносит на благо отечества. В отношении к старой власти тоже [ожидалось] некоторое примирение, а носителем вновь созданной власти является маленький наследник, и я очень рассчитывал, что если не все разбушевавшиеся волны, то некоторые улягутся.
Базили. Симпатии к мальчику были бесспорны.
Гучков. Я до сих пор глубоко убежден: если бы удалось провести технически все это до конца, мы избегли бы всего последующего, но трудность заключалась именно в технике дела и в том, что не только в низших, но и в средних слоях военного командования, если даже встречалось понимание [происходящего], то не встречалось жгучего чувства долга, повелевающего, что нельзя остаться в стороне, надо взяться.
Базили. Энтузиазма...
Гучков. О Крымове я скажу. Терещенко был неправ, что он ставил Крымова в связь с этим делом. Крымов в этом не участвовал[6]. Относительно Крымова (я его знал по японской войне) можно сказать: очень сильный, волевой, с большим талантом, большим политическим умом, с пониманием положения и чувством ответственности за себя, своих людей. Если бы он командовал конногвардейской частью, которая могла бы технически быть использована для нашей задачи, то я не сомневаюсь, что он бы к нашему заговору примкнул. Но он просто технически не мог быть нами использован потому, что он в то время командовал сводной казачьей дивизией на Юго-Западном фронте. Я его хорошо знал. Когда он бывал в Петербурге, мы с ним беседовали, и я видел, что он сам полон жгучей тревоги за исход войны, и за состояние страны, и за исход всего русского дела. Капитаном Генерального штаба Крымов в штабе 3-го армейского корпуса был блестящим помощником у Иванова, играл большую роль в действиях корпуса, в создании славы этого корпуса. После Японской войны он пережил разруху нашей армии. Воспоминанием о демобилизованной армии, идущей оттуда, он был полон до последнего момента. Вот что он говорил: избави Бог нам еще войну. Может быть, мы как-нибудь выдержим при этом гнилом порядке, но вот когда демобилизация... Он говорил, что оздоровления надо добиться во время войны, потому что как только мы дойдем до демобилизации, то все падет.

Я лично его в наши планы не посвящал, просто потому, что я не хотел, чтобы в случае раскрытия заговора были скомпрометированы лишние люди, но я думаю, что он был больше в курсе дела, чем я хотел, потому что с ним был близок Терещенко, он обслуживал один отряд. Терещенко был плохой заговорщик. Мое правило было вводить в заговор необходимый минимум, так что я склонен думать, что он знал, но отрицаю, что он участвовал. В сущности, на этом весь заговор кончился, потому что эта поездка Терещенко на фронт — он должен был ехать туда — это обсуждалось, в половине февраля, и все это стряслось...
Базили. Если бы не было революции, это могло разыграться весною, в марте, апреле. События обогнали нас. Конечно, довольно большой период времени нужен для того, чтобы это все скомбинировать.
Гучков. Желая выяснить, готовы ли мы были на какой-нибудь кровопролитный акт, меня кто-то спрашивал: а если бы государь не согласился, если бы он отказался подписать, что бы вы предприняли? Просто мы этого вопроса не обсуждали, просто мы были крепко убеждены. (Предпринимая какой-нибудь акт, надо крепко верить, что цель должна быть выполнена и что средства приведут к цели.) Я отвечал: нас, вероятно, арестовали бы, потому что, если бы он отказался, нас, вероятно, повесили бы. Я был настолько убежден в этом средстве спасения России, династии, что готов был спокойно судьбу поставить на карту и, если я говорил, что был монархистом и остался монархистом и умру монархистом, то должен сказать, что никогда за все время моей политической деятельности у меня не было сознания, что я совершаю столь необходимый для монархии шаг, как в тот момент, когда я хотел оздоровить монархию.

Вы знаете, как после III Думы, когда были выборы в IV Думу под сильнейшим давлением администрации, тогда была выбрана Дума со значительным уклоном вправо. Я был забаллотирован, потому что там было соединение правых элементов и кадетских и социалистических элементов при участии местной администрации, которой были даны указания из Петербурга. Соединились правые, левые и самая администрация, поскольку она могла влиять против меня, так что я в IV Думу не был избран, а попал потом во время войны в Государственный совет. Тогда у нас, как полагается перед сессией, был партийный съезд в Петербурге за несколько дней до открытия Государственной думы. Там мне пришлось говорить речь, где я пытался подвести итоги той работе, которая была совершена за 4 года, и [оценить] те перспективы и задачи, которые открывались перед IV Думой. Речь была довольно меланхолическая, потому что мы вынуждены были признать, что не сделали того, что должны были сделать, и потому что та обстановка, в которой начинала работы IV Дума, обещала меньше результатов по сравнению с III Думой. Я говорил о положении, в котором находится наша октябристская партия.

Я говорил: «Легко нашим радикальным или социалистическим элементам в их борьбе с существующим строем, потому что они штурмуют его целиком, и темные стороны, и злоупотребления, и самыя основы строя подвергаются критике и нападкам, а трагическое положение таких партий, как наша, которую я назвал либерально-консервативной, консервативной потому, что она стояла на исторических основах, и была либеральной потому, что она пыталась, исходя из этих основ, вести к широким реформам, которые должны были обновить русскую жизнь. И я говорю: дальнейшее положение социальное наше, где нам приходится бороться за монархию и против монархии, за армию и против ее военачальников (я имел в виду Сухомлинова) и за церковь и против иерархов (Питирим)...»
Базили. Кто был председателем Совета министров?
Гучков. Коковцов. И вот в данном случае пришлось спасать монархический строй, надо было быть лояльными монархическому строю. Многие вполне патриотические люди не сумели вовремя изменить одной лояльности, чтобы осуществить вторую, высшую лояльность. Тем, собственно, и кончился заговор, разве только маленький эпизод.

Произошел переворот, я объезжал разные фронты; был во Пскове у генерала Рузского. Он задал некоторые вопросы, я отвечал — о тех мерах, которые мы предпринимали для того, чтобы предотвратить стихийную революцию. И он мне тогда сказал: ах, Александр Иванович, что же вы раньше мне этого не сказали, я бы стал на вашу сторону. Я Рузского ценил как умного генерала, одного из более способных, но я не верил в чистоту его характера и его жертвенный патриотизм. Я может быть не сказал, но подумал: голубчик, если бы я раскрыл план, то ты нажал бы кнопку, пришел бы адъютант и ты сказал бы — арестовать.
Базили. Ведь Рузский был совсем другого направления до революции. Он карьеру делал на дворцовых связях, не страшился даже таких отношений, как с Распутиным. В этом отношении он шел до крайнего уничижения.
Гучков. Во время самого отречения он вот какую роль играл. Он присутствовал при беседе Шульгина и моей с государем... [я тогда говорил:] вспыхнул бунт уличный, солдаты, тыл, рабочие, тут, казалось бы, надо подавить это движение, а потом выдвинуть те реформы и меры, которые диктует потребность. Я думаю, что нет сил, которыми можно это движение подавить сейчас. Я убежден, что на фронте есть очень много вполне, казалось бы, надежных и лояльных воинских частей — пока они на фронте, но если вы их двинете по направлению к Петербургу, если попадут в их среду агитаторы, они разложатся. Выйдя отсюда лояльными, они придут туда революционизированными. Я просто как-то чувствовал, что просто так, военными, полицейскими силами нельзя было подавить. Я увидал, что дрогнули и революционизировались самые надежные устои существующего строя, вроде конвоя. Это произвело на меня сильное впечатление. Поэтому я думал, пришлют с

фронта, а в Гатчину пришли — разложились. Доказывать это очень трудно. Меня в этом отношении Рузский поддержал, он говорил: «Ваше Императорское Величество, я должен подтвердить то, что сказал А. И.: нет такой части, которая была бы настолько надежна, чтобы я мог послать ее в Петербург».
Базили. Я на эту тему с Ивановым говорил в его вагоне.
Гучков. Другое дело, какая была обстановка в военных кругах. После того, как мы кончили беседу. Я боялся, что будет провозглашено низложение [власти царя] Советом солдатских депутатов, и тогда вопрос [кого] «признавать», будет предоставлен отдельным воинским частям. Мне хотелось поторопиться сохранить нить [преемственности]. Рузский меня и Шульгина позвал в вагон, был ген. Савич, очень толковый человек, бывший командир корпуса жандармов. Я помню, меня тогда возмутило безудержное ликование Савича, что все кончено. У нас было глубокое чувство всего трагизма, а у него: ах, слава Богу, кончено это все.
Базили. Это вопрос, который постоянно мне ставят иностранцы, которые интересуются, как это могло случиться, не нашлось ни одного человека, который сделал бы шаг для спасения старой монархии. Это непонятно для чуждых этой обстановке лиц. В этом отношении интересно дать меру того полного отвращения, отчуждения, которое создалось в России по отношению не к монархии, не к режиму, а к тем лицам, которые были воплощением этого режима в этот период.
Гучков. Материал, с которым приходится иметь дело, чрезвычайно разнообразен. Прямые выводы невозможны, надо чутьем действовать. Какие-то флюиды действуют в числе тех элементов, которые подействовали на создание этой оценки положения — безнадежности для этого строя отстоять себя, бороться за себя, отсутствие у него таких убежденных крепко, фанатически сторонников. Это у меня сложилось отчасти под влиянием одного эпизода. 1910 год, как будто все благополучно. Столыпин у власти за несколько месяцев до его убийства. Приезжает в Петербург; как это обычно бывает, депутация от одного из казачьих войск — Кубанского казачьего войска. Они приезжают, представляются государю, привозят какие-нибудь подарки. Очень почтенные всегда люди, атаманы округов, пожилые люди. Они начинали свой обход с того, что представлялись государю, военному министру, высоким чинам, а затем ходили по тем министерствам, в которых их дела делались. Заходили они и ко мне, потому что я был председателем Комиссии государственной обороны, а через эту комиссию все казачьи дела, не только военные, но и гражданские ведались, Главному управлению казачьих войск разные ассигнования шли от нас. На этот раз тоже пришли ко мне. «Ну что, были у государя?» — «Были»... Никакой каверзы не было в моем вопросе.

Я в свои молодые годы московского житья помнил, что казаки считаются оплотом существующего строя, когда надо какую-нибудь толпу или демонстрацию разогнать. А когда я теперь в Государственной думе соприкоснулся с казаками, я увидел, что они революционизировались до последней степени. Мы были слишком умеренная партия, они все сидели у кадетов, либо у прогрессистов — это меня поражало. А затем, когда я познакомился с казачьими делами, я увидел, что этому есть основания. Отношение к казачьим вольностям, к казачьим интересам в Петербурге было своекорыстное, жесткое. Казачьи области считались местами для кормления, это было местом назначения людей угодных. Плохое управление казачьими областями и казачьими интересами вызывало там недовольство и революционные настроения. У них требования были более высокие, чем у основного населения.
Базили. И даже известное материальное благополучие, независимость...
Гучков. Я спрашиваю: «Как сошло?» Жмутся. Потом один говорит: «Ах, Александр Иванович, лучше было бы и не рассказывать. Знаете, сошло так, что хуже и не может быть. Нас там выстроили. Вышел государь; один из нас произнес слово. Затем государь обошел всех нас, поздоровался и каждого из нас спросил, какой он станицы, а потом поклонился и ушел». Все-таки приехали они за тысячи верст не только представиться, но у них разные нужды, просьбы, надо было показать им человеческое участие. Их особенно возмутил вопрос — «какой станицы» — другими словами — убирайся, ты мне надоел. Потом [спрашиваю:] «Были у военного министра?» — «Были». Смеются. «Это еще вышло хуже. Сухомлинов спро́сил каждого из нас, какой станицы и сколько в станице жителей». Он даже мозгами не повернул, чтобы казачьи интересы затронуть и пообещать — я генералу такому-то сообщу. Я в это время старался строить мосты от старой России к новой и, думаю,

так нельзя, таких людей нельзя назад отсылать. Это же ведь хуже, чем эсэровские агитаторы, а почтенные люди — атаманы. Спросят [их в станицах]: как наши вопросы? Они скажут. Нельзя допускать. Я сказал: «Были ли вы у Столыпина?» «Нет». «Я вам устрою». Пошел. Как раз П. А. оказался в кабинете. Я говорю: «К вам просьба, приехала одна казачья депутация, собирается скоро назад, она представлялась государю и военному министру. Они в таком настроении, что в таком виде их отпускать домой нельзя. Примите их, ублажайте их как умеете, и тогда пускай они едут...» Он говорит: «Может быть государь был очень занят?» «Не знаю». «Они у меня не очень много времени отнимут? Хорошо, завтра в таком-то часу пускай ко мне придут». Я с ним простился, а они были у Столыпина и сочли долгом ко мне зайти. Я спрашиваю их. «Ну, это совсем другой человек. Он нас посадил, сам спросил, по каким делам приехали, какой был урожай, затем казачьи вопросы. Словом, показал некоторый интерес».

Зная П. А., я убежден, что он им ничего не обещал, он скорее сделает это, но наперед не скажет. Просто показал человеческий интерес — это совсем другое. Вот главное, к чему я веду. В конце этой беседы с казаками один из них мне и говорит: «После приема у государя нас наши станичники [из его охраны] позвали домой. Такой пир устроили, ну и чего я там не наслышался. Эх, Александр Иванович, ежели на них полагаться — ошибиться могут. Это конвойцы — в красном бешмете стоят у дверей гостиных, делают глупые лица, что ничего не видят. Они возвращаются из казарм, служба легкая, языки начинают плести, разговоры начинаются, Распутинщина...» У ближайших слуг виделось брезгливое, пренебрежительное отношение. В этих кругах конвойских больше знали и более болезненно переживали... и когда во второй или первый день революции, еще до отречения государя, я захожу в комнату думского ... [одно слово не расшифровано] Родзянко, Энгельгардт; докладывают, что пришла депутация из Петергофа и хотят видеть нас. Мы видим человек 25 конвоя Е. И. В., затем несколько чинов Сводно-гвардейского полка, подобранные один к другому, представители петербургской дворцовой полиции и чины 1-го ж.-д. батальона. Они говорят, что уполномочены заявить, что они передаются в распоряжение новой власти. Они выработали такую формулу: «Мы только просим разрешения, чтобы нам предоставили охранять тех лиц, имущество которых нам вверено». Когда они это говорили, я вспомнил сцену 1910 года. Поэтому я быстро поверил в неизбежность крушения — не потому что революция сильна. Если бы хорошие части, они могли бы расчехвостить...

Я пытался связать себя с некоторыми лицами, которые могли бы стать проводниками известных мыслей и сведений на самые верхи, вплоть до государя. Между прочим я все-таки же очень верил в патриотизм и порядочность великого князя Николая Николаевича и в его мужество, тем более, что на нем ответственность лежала. Поэтому я очень дорожил, чтобы он знал, что́ я знаю и чего он мог не знать.
Базили. До 1916 года.
Гучков. Да. Вышло случайно, что один человек, который в добрых отношениях был с одним из Лейхтенбергских, он моим почитателем был, он этого принца убедил, что ему полезно было бы иметь свидание время от времени со мной. Мы часто с ним видались. Это все было сделано под покровом тайны. Произошел такой эпизод за несколько месяцев, какая-то волна забастовочная прошла по петербургским заводам, особенно заводам, работающим на оборону. Разумеется, требования были выставлены экономические. Чувствовалась тут какая-то посторонняя рука — уже политическая агитация. Местные власти и правительство в Петербурге, видимо, правильно учли, что большой надежды на петербургский гарнизон для подавления таких движений нет, и тогда было решено некоторые воинские части привести с фронта, и был дан приказ некоторым гвардейским полкам прислать по роте или по две в Петербург под предлогом отдыха. Должны были быть приведены люди с фронта. Им было указано, для какой цели это делается.

Вот эти роты, так передавали: офицеры (среди них герцог был очень популярен) приходили к нему взволнованные, со слезами на глазах, говорили: «Мы знаем из-за чего нас сюда прислали, мы не можем дать приказ стрелять в народ — это не сражение». Это офицеры хороших полков, проделавшие большую войну. Они так были проникнуты отрицательной оценкой строя, считали, что для революционного движения есть основание. «Мы не можем стрелять». И тогда я государю говорил:

«Нет тут воинских частей». И я убежден, что был прав, и Рузский меня поддержал.
Базили. Вы только что затронули вопрос, что чувствовалась посторонняя рука в этих забастовках 1915 года. Этот вопрос тесно связан с вопросом о том, как вообще взорвалась улица. Революцию сделали социалистические круги. Буржуазные партии в России, главным образом кадеты, расшатали престиж власти, но они в революции не ответственны, и совершенно правы большевики, когда говорят, что революцию с самого начала сделали они. Для нас, конечно, эта работа была не видна. Но вот, А. И., вы были близки к военной промышленности и вообще к городской промышленности. Когда для вас стало ясно, что это движение проникает и разрастается, все больше идет и вглубь? Первое впечатление у меня в этом смысле было летом 1916 года. Я уехал на короткий отпуск на юг, где у меня было имущество в разных местах, видел очень много народа и вернулся оттуда совершенно пораженный тем, что мне там рассказывали о распропагандировании масс уже социалистическими партиями. Я тогда об этом рассказал Алексееву. Думаю, что у него были другие сведения из других источников, потому что особого удивления мой рассказ в нем не вызвал. Мы теперь приходим к пункту об опасности левых, отграничении от них… Когда у вас эта опасность левых партий, угроза, ясно встала перед глазами?
Гучков. Я тоже летом и осенью 1916 г. стал ощущать эту нарастающую опасность в настроениях городского населения и рабочих. Может быть, я был мало осведомлен, но я не столько приписывал это искусной работе социалистов (я не отрицаю ее наличности), сколько общему падению престижа власти. Я считал, что наибольшее влияние на массы имеет не прямая социалистическая агитация, а поведение верховной власти. Мне казалось, что помимо социалистов и их агитации, разрыхляется та почва, на которой они могут посеять свои посевы.
Базили. Говоря об агитации, приходит мысль: на какие средства велась агитация?
Гучков. В этом отношении есть рассказ, он, кажется, проник и в печать, это рассказ Хатисова[7], бывшего городского головы гор. Тифлиса, один из выдающихся городских деятелей военного времени, затем был главой армянского правительства. Здесь он глава армянской делегации. Это в связи с настроением, господствующим в отношении дворцового заговора и эпизод о том, что сами социалисты не предполагали, что они так близки к успеху. Хатисов едет из Тифлиса в Москву, а потом в Петербург, потому что в Москве шел съезд деятелей Земского и Гор. Союзов — это декабрь 1916 года. Он едет из Петербурга в Москву. Член Государственной думы, глава социал-демократической партии Чхеидзе, который впоследствии играл большую роль, видит Хатисова и говорит ему: «В Петербурге вы увидите некоторых из наших социал-демократов. (Хатисов человек умеренных взглядов, но, как армянин, он был связан с Дашнакцутюн и был в добрых отношениях со всеми, которые могут быть использованы для политических и общественных дел, он был близок со всеми наместниками, с Воронцовым-Дашковым, получил большое доверие со стороны великого князя Николая Николаевича, когда тот был на Кавказе, и с дашнаками, и с Чхеидзе.) Вы увидите некоторых из наших эсдеков, скажите им, никаких надежд в ближайшее время на какую-нибудь удачную революционную вспышку нет. Я знаю, что полиция пытается инсценировать такие вспышки, вызвать наших людей на улицу для того, чтобы подавить. Скажите там, чтобы остерегались таких провокаций и не допускали». О положении в России, об общем положении, что нет шансов на успех какого-нибудь движения.
Базили. Другими словами, Чхеидзе говорит через него своим коллегам: «В Петербурге никакой возможности нет делать какое-нибудь революционное выступление». Иными словами, Чхеидзе не верил.
Гучков. Но самое любопытное в рассказе Хатисова заключается в следующем: он в Москве, на этом съезде. Среди заседания съезд (так как он выходит из рамок) закрывается, по распоряжению из Петербурга, московской администрацией. Съезд переходит в подполье. Между прочим [собирается] совещание у князя Львова, и там Хатисову кн. Львов излагает план переворота, тоже дворцового, но у них план использовать широкую популярность и патриотизм великого князя Николая Николаевича и убедить, чтобы во главе этого движения стал сам Николай Николаевич. Хатисову Львов в составе очень маленького кружка об этом говорит и поручает ему осведомить великого князя по возвращении в Тифлис, причем рисуется и дальнейшая картина: великий князь должен сделать этот переворот.

Базили. Он поддержал бы кого-нибудь другого.
Гучков. Больше дефектов в этом плане, чем в военном. Мы хотели правильную преемственность.
Базили. Этот план был бы осуществим, если бы у Николая Николаевича была бы другая психология.
Гучков. Неправильная ставка на человека и неправильная постановка всего. Великий князь, сам садящийся на трон… Мы в стороне, мы делаем революционный акт. Затем, говорится дальше, Львов ему сказал, что предполагается образование правительства при великом князе, что Львов входит в состав и я вхожу. Без меня меня женили. Они меня считают, как будто я вошел в состав группы. Хатисов возвращается в Тифлис. Он приезжает туда к новогоднему приему у великого князя во дворце наместника. Великий князь говорит ему: «Я хотел вас попросить, чтобы вы зашли ко мне. Расскажите, что делается в Петербурге». Хатисов ему рассказывает, что делается в Петербурге, а затем ему все это излагает. Великий князь внимательно выслушивает. Не делает жеста нажать кнопку, а говорит: «Ну, вот что, я прошу вас прийти завтра, я обдумаю, мы поговорим». Хатисов подходит на другой день, его князь принимает не один, а с великой княгиней и начальником штаба Янушкевичем, просит повторить, что говорил накануне; представляет его великой княгине, которая скорее сочувствует этому, и Янушкевичу, который не высказывает своего сочувствия или несочувствия, а высказывает свой скептицизм (по вопросу, последует ли армия и ее вожди, может быть, это вызовет мятеж на фронте) — только с точки зрения техники успеха.

Так кончился этот эпизод. Ничего не вышло. Затем революция. Великий князь спешно вызывает к себе Хатисова и говорит: «Вот какие сведения получены из Петербурга», и просит его, чтобы он ему помог утихомирить те общественные элементы, которые могут подняться, вызвать беспорядки, и говорит: «Вот теперь я согласен был бы», и поручает Хатисову вместе с кем-то из высоких чинов тифлисского штаба объехать казармы, там объявить, что произошло в Петербурге и о том, что великий князь на стороне нового порядка. Это все до его назначения Верховным главнокомандующим — уже в разгар событий. Видите, даже он — во главе очень крепкой армии, старший представитель династии — как-никак не почувствовал ни решимости, ни моральной силы противодействовать петербургским событиям. Насколько [ненадежны были] те устои, на которых строилась старая власть…
Базили. Интересно было бы повидать Хатисова. Вы с Ник[олаем Николаевичем] никогда не были в близких отношениях?
Гучков. Я его видел только на Кавказе, когда я там был. Я знал, как ко мне относятся там. Я не хотел ставить его в положение, [вынуждающее] отказать мне, и в то же время не хотел компрометировать и знал, что его подозревали, что он претендент и вдруг он будет снюхиваться с революционными элементами.
Базили. Я очень внимательно прочитываю письма императрицы, и она там высказывает подозрения относительно ваших отношений с ним.
Гучков. Мое первое соприкосновение с ним было в Тифлисе. Я получил лично от него большое впечатление благородства.
Базили. Тут мы подходим к теме, каким образом у императрицы сделалось такое определенное отношение к вам, как к величайшему противнику династии; когда у вас совершенно этого не было. Вы были для нее каким-то пугалом.
Гучков. Я на войне японской был помощником Главноуполномоченного Красного Креста при Маньчжурской армии и вместе с тем я был уполномоченным гор. Москвы, который большие средства отпускал, и Уполномоченным Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, который также очень много делал. С великой княгиней у меня была корреспонденция, шифр, я ей писал о нуждах Красного Креста, о нуждах санитарных и время от времени ее осведомлял о положении там. Очевидно, эти письма показывали государыне.
Базили. Это был период хороших отношений…
Гучков. И вот я этим объясняю. Предчувствуя, что на фронте наступает очень продолжительный застой, я решил поехать в Москву, чтобы осведомиться, что там делается. В Москве секретарь Думы Астров мне говорит: «Городская Дума выбрала вас одним из своих делегатов, которых она посылает на съезд городских и земских деятелей». Там я увидел нарастание революционных настроений в земской среде; там произошел окончательный откол таких элементов, как Стахович, Гей-

ден и Шипов: умеренный либеральный центр, мы отмежевались от революционно настроенных элементов. Уже Милюков играл роль, Родичев, Петрункевич, бр. Долгорукие, Челноков. Мы там разошлись и скрестили шпаги. В Петербурге учли, что там какой-то зарождается государственный умеренный элемент, которым стоит заинтересоваться.

Вопрос о польской автономии возник. Я выступил против, указывая, что мы должны сделать уравнение в правах, значит, и городские учреждения. Я был против политической автономии только потому, что это был зародыш для сепаратизма. Я знал, что заинтересованность политическая была у верхов и не отвечала настроению польских масс. Это особенно меня, как какую-то силу, противоборствующую революционным течениям, отметило. Я получаю из Петербурга письмо, что меня вызывают к государю. (Это май 1905 года.) Это был тот съезд, который постановил послать депутацию к государю. Я был на этом съезде. Там был польский вопрос, снятие всех ограничений. Закончился съезд постановлением о посылке государю депутации. Я в эту депутацию не попал, потому что я был правый, а депутация была левее. Меня тогда вызвали в Петербург. Я это приписываю тому, что великая княгиня обо мне писала.

Я был у государя в Петергофе — государь, государыня и я. Два с половиной часа вечером просидели. Государь спрашивал про Маньчжурию. Я говорил о Красном Кресте и об общем положении. О том, что армия плохо поддержана Петербургом в смысле снабжения, удовлетворения всяких требований Главнокомандующего — это я знал от Куропаткина. Я государю говорил, что ежели так дело пойдет, то там кончится поражением, но из этого не надо делать вывода, что нужно делать мир, потому что заключать мир при таких тяжких условиях — это отразится на общем нашем внутреннем положении. Такого нашего унижения не только революционные, но и патриотические круги не простят. Поэтому, говорю, несмотря на все плохие условия, я считаю, что надо войну продолжать, но при одном условии — изменить всю обстановку внутри страны и этим воздействовать на настроение армии. Я только что с Земского и Городского съезда — очень революционное настроение.

Это настроение расползается по всей стране. Мне кажется, что Вашему Величеству надо сделать шаг. Созовите Земский Собор. Не теряйте времени, не утруждайте себя выработкой какого-нибудь сложного избирательного закона. Возьмите закон, который существует. У всех групп есть известное представительство — у дворянства, городского населения и крестьянства есть свое самоуправление, возможно скомбинировать. Созовите Земский Собор. Если Вы лично явитесь туда, скажете слова, которые должны быть сказаны, что в прошлом были известные ошибки, что это не повторится, но скажете, что сейчас не момент давать реформы, что надо довести войну до конца, я убежден, В. И. В., что Вам ответят взрывом энтузиазма, и что этот энтузиазм передастся в армию и это почувствует и наш противник — японцы. Японцы находятся в тяжких условиях. В то время, когда силы их приходят к истощению, они почувствуют, что у их противника другое, и тогда не мы, а они будут искать мира. В. И. Величество — это последний шаг. Он очень внимательно слушал, говорил: «Вы правы».

Государыня задала несколько вопросов, не политических. Затем, когда он прощался со мной, я говорю: «В. И. Величество, имейте в виду, сейчас наступил последний момент, когда вы можете таким шагом умиротворить страну». Когда я уезжал из Москвы, на этом съезде был выработан вопрос о депутации. И говорю: «Имейте в виду, что это [решение] принято против крайних элементов, потому что те избегают найти общий язык или примирение с исторической верховной властью. Очень ждут, что Вы откажетесь принять эту депутацию».

Базили. Крайний левый был кто?

Гучков. Сама депутация была государственного характера. От Петербурга кадеты были: Федоров, Гейден, Шипов, кн. Трубецкой. Несмотря на левизну съезда, они послали туда приличных людей. Помнится, что тогда Трубецкой произнес благородную и красивую речь. Я государю все это сказал. Кроме того, я видел там Трепова Д. Ф., который был московским градоначальником. В это время он был генерал-губернатором петербургским и товарищем министра внутр. дел. Мы с ним были в добрых отношениях по Москве. Я его убеждал, чтобы он убедил государя, чтобы депутация была принята. Это была моя первая встреча с государем. На дру-

гой день было некоторое разочарование. Я получаю записку от московского городского головы Рукавишникова[8], он был очень хороший общественный деятель, очень консервативного образа мыслей. Этот Рукавишников пользовался большим доверием со стороны великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Сергея Александровича, которые ему верили, любили и составили блестящую репутацию в глазах государя и сестры.

Через день или два после свидания с государем получаю записку от Рукавишникова, он пишет: «Зайдите ко мне». Я пошел к нему. Он мне говорит: «Меня вызвали под предлогом разговора об эвакуации больных и раненых, потому что Москва считалась распределительным центром, но я убежден, что государь этим пользуется для того, чтобы со мной беседовать на другие темы. Я знаю, что вы были у государя, расскажите». Я ему рассказал все. Он был совершенно противоположного мнения. Он считал, что положение такое отчаянное и революционное движение в стране столь грозно, что продолжать войну — это значит вести страну к гибели. Он стоял какой угодно ценой за мир, а против моей мысли о созыве Земского Собора он возражал, исходя из того, что это может стать зерном для развития дальнейшего революционного движения. Я его просил, чтобы он меня тоже осведомил. Он был у государя, говорил против того, что я говорил. Тогда я спросил: «Государь что говорил?» Он улыбнулся, не то горько, не то иронически. Что же государь... Он сказал: «Вы совершенно правы. Так нужно поступить».

(Продолжение следует)

Примечания

1. *Челноков Михаил Васильевич* (1863—1935) — член II—IV Государственной думы от Москвы, кадет, потомственный почетный гражданин из купцов, домовладелец и владелец четырех кирпичных заводов при ст. Мытищи. С 1914 по 1917 г. — московский городской голова и (до апреля 1917 г.) Главноуполномоченный Союза городов. Умер в эмиграции в Панчево (Сербия). В ноябре 1933 г. им написаны воспоминания (Из воспоминаний Московского городского головы М. В. Челнокова. Прием у Государя в 1915 г. — Русский голос, №№ 145, 146, 14, 21.I.1934).
2. *Федоров Михаил Михайлович* (1858—1949) — финансист, кадет, в 1907—1908 гг. — редактор газеты мирнообновленцев «Слово». Товарищ министра торговли и промышленности в правительстве Витте. Во время первой мировой войны возглавлял областной комитет Союза городов и Земско-городского Союза, член Центрального военно-промышленного комитета. Во время гражданской войны — председатель Национального центра, содействовал созданию Добровольческой армии на юге России. В эмиграции, в Париже, активно участвовал в общественно-политической жизни. В 1922 г. — глава ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. Один из организаторов и вице-председатель (1921 г.) Национального комитета, ставившего целью объединение различных течений в эмиграции. Вместе с В. Л. Бурцевым, С. П. Мельгуновым, П. Я. Рыссом и Т. П. Польнером входил в редакцию издававшегося в 1926—1927 гг. в Париже журнала «Борьба за Россию» (см. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа (Библиотека Колумбийского университета, Бахметьевский архив, коллекция В. Л. Бурцева, ящ. 2).
3. *Савич Никанор Васильевич* (1869—1942) — октябрист, член III и IV Государственной думы от Харьковской губернии. Секретарь фракции октябристов. Ближайший сотрудник Гучкова. В III и IV Думе — товарищ председателя Комиссии по государственной обороне. Участник московского Государственного совещания в августе 1917 года. В мае 1918 г. уехал на юг России; входил в состав Особого Совещания при Деникине, был Государственным контролером в правительстве Врангеля. Эвакуировался с белой армией в Константинополь, где возглавил ее Ликвидационную комиссию. С февраля 1921 г. до 1942 г. жил в одном из предместий Парижа. Автор воспоминаний «Три встречи» (Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923) и «Воспоминания» (Грани, Франкфурт-на-Майне. 1983, №№ 127, 129, 130).
4. На заседании Думы 1 ноября 1916 г. Милюков выступил в речью, в которой, не имея достаточно достоверных оснований и опираясь на данные зарубежной прессы, обвинил правительство Б. В. Штюрмера и дворцовые круги в подготовке сепаратного мира с Германией. Характеризуя политику правительства, Милюков несколько раз повторял риторический вопрос: «Измена это или глупость?» Выступление Милюкова произвело на общественность сильное впечатление. В книге А. Я. Авреха «Масоны и революция» (М., 1990) на с. 214—216 приводится текст рапорта на имя генерал-квартир-

мейстера штаба армии Юго-Западного фронта от начальника русского отдела союзнического бюро в Париже генерала А. А. Игнатьева, в котором он сообщает, что текст этой речи распространялся в России и за границей в литографских оттисках, а в январе 1917 г. она была напечатана во французских газетах.

5. *Вяземский Дмитрий Леонидович* (не Д. М., как у нас в машинописном варианте стенограмм) — князь, коллежский асессор в звании камер-юнкера. Начальник 17-го передового отряда Красного Креста.
6. Гучков реагирует здесь на приводимое С. П. Мельгуновым свидетельство Терещенко о непосредственном участии генерала Крымова в заговорщической группе Гучкова, Некрасова, Терещенко, Вяземского и других. В интервью, данном после самоубийства Крымова, Терещенко свидетельствовал, что для участия в исполнении их плана генерал был в первых числах марта 1917 г. вызван в Петроград, но время уже ушло (см. Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931, с. 150).

   В. С. Дякин считает, что расхождение между версиями Гучкова и Терещенко об участии Крымова в заговоре объясняется, возможно, тем, что Гучков с 13 октября по 20 декабря 1916 г. находился на лечении в Кисловодске и мог быть не в курсе дела (Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, с. 300—301). Нам представляется такое объяснение неправомерным. Отрицая участие Крымова в заговоре, Гучков, скорее, намеренно преуменьшает практическое значение и последствия заговора, затушевывая тем самым и свое (монархиста, по его собственной оценке) участие в заговоре против монарха. С момента своей отставки с поста военного министра (судя по первому его выступлению — показанию в апреле 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) и до самой смерти (что видно из стенограмм) в выступлениях и заявлениях Гучкова прослеживается четкая тенденция к преуменьшению как практического значения подготовки дворцового переворота, так и своего непосредственного в нем участия.
7. *Хатисов А. И.* (1870—1945) — кадет, затем один из лидеров партии Дашнакцутюн. В 1910—1917 гг. — городской голова Тифлиса; в 1918—1920 — министр иностранных дел, затем председатель дашнакского правительства в Армении. Эмигрант в Париже; председатель комитета армян-беженцев при Лиге наций.
8. *Рукавишников К. В.* — московский городской голова до 1905 года. Меценат. Его дом до революции был местом встреч деятелей искусства. Дочь его, Дмитриева Е. К. (1874—1958), умерла в СССР. Она автор воспоминаний, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

СООБЩЕНИЯ

Операция ВЧК «Вихрь»

М. Н. Петров

В середине марта 1921 г. уполномоченный 6-го особого пограничного отделения в городке Себеж Витебской губернии Мангус получил через начальника разведки Залита записку от некоего Павловича. В ней сообщалось, что в имении Степеницы у бывшего полковника Ф. И. Балабина часто собираются неизвестные лица, и Павлович подозревает существование шпионской организации в пограничной полосе. Поддерживая дружеские отношения с Павловичем, Балабин якобы поведал ему как бывшему офицеру измайловского полка, что он руководит разветвленной организацией, ставящей целью поднять вооруженное восстание в пограничных уездах.

Мангус поручил Залиту встретиться с Павловичем, а потом встретился с ним и сам. Выяснилось, что Г. К. Павловичу 24 года, в РКП(б) он вступил в 1917 г., командовал полком при обороне Петрограда от белогвардейских войск генерала Юденича и за отвагу в боях был награжден орденом Красного Знамени. После окончания боевых действий Павлович служил в пограничной охране на советско-эстонской границе, но по состоянию здоровья получил отпуск и приехал в родовое имение Дубровка. Он явно заслуживал доверия и на предложение пограничников сотрудничать с ними ответил согласием. 24 марта была оформлена соответствующая подписка. Конечно, новый сотрудник требовал соответствующей проверки, и в Петроград, в особый отдел охраны эстонско-латвийской границы республики, была направлена телеграмма с просьбой срочно сообщить «о благонадежности вашего сотрудника Павловича»[1]. Ответа не последовало.

Сообщение о существовании в пограничной зоне подпольной контрреволюционной организации обязывало чекистов проявить повышенный интерес и тщательно проверить информацию Павловича. Ведь положение Советской Республики оставалось сложным. В ней царили разруха и голод. На западных границах формировались белогвардейские отряды, собирал силы савинковский «Народный союз защиты родины и свободы», его боевики ждали лета для совершения рейдов в глубь советской территории.

Пограничники постарались создать максимально благоприятные условия Павловичу: они поспешили выдать ему мандат СТО, который он требовал как необходимость для скорейшего окончания дела и который бы дал ему возможность свободного движения в приграничных уездах Витебской и Псковской губерний. Рекомендацию Павловичу дал Р. И. Берзин[2], бывший член реввоенсовета фронта, знавший комполка по боевым действиям под Петроградом.

15 апреля 1921 г. за подписями В. И. Ленина и секретаря СТО Л. А. Фотиевой был выдан

Петров Михаил Николаевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Новгорода Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

мандат № 2675 особоуполномоченному Главлескома Осипу Петрову и чрезвычайному уполномоченному Главлескома Георгию Павловичу. Им поручалось в срок до 20 июня обследовать работу ведомств Железнодорожного лесозаготовительного комитета (Желеском) и Лесного комитета (Леском) в Витебской и Псковской губерниях: произвести проверку заготовленных лесоматериалов, выяснить недоставленное их количество, степень интенсивности лесозаготовок и причины срыва заданий, провести ревизию отчетности, приема и увольнения рабочих и оплаты их труда. Мандат предписывал всем военным и гражданским учреждениям, особым отделам и органам ВЧК на местах оказывать самое широкое содействие Петрову и Павловичу. Им предоставлялось право проезда по железной дороге, подачи телеграмм вне очереди и пользования прямым проводом, мобилизации сотрудников лесных комитетов и местных организаций для выполнения возложенных на уполномоченных обязанностей, ареста и смещения должностных лиц лесных ведомств при обнаружении незаконности их действий. Уполномоченным предоставлялось также право ношения оружия. О проводимой работе они обязаны были еженедельно информировать Совет Труда и Обороны.

Пост чрезвычайного уполномоченного Главлескома был очень важным ввиду топливного кризиса в стране. В январе при Совете Труда и Обороны была образована Топливная комиссия, изучившая положение дел и вскрывшая массу недостатков. Заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции В. А. Аванесов представил справку о работе топливных органов. Предлагалось направить в Главлеском членов партии для его укрепления, так как коммунисты составляли среди сотрудников комитета менее 1%[3]. Вероятно, в назначении Павловича сыграло роль и стремление возложить на члена РКП(б) обязанности по ревизии лесозаготовок в пограничных уездах.

С этим мандатом уполномоченные Главлескома выехали в Себеж. В уездном отделе управления Павловичу выдали копию мандата, заверенную подписями и гербовой печатью исполкома Себежского уездного Совета. Подлинный мандат остался у Петрова, выехавшего на обследование лескомов Псковской губернии[4].

В особое пограничное отделение от Павловича стала поступать ценная информация. Связь с ним поддерживали сотрудник особого отделения и два чекиста, присланные особым отделом охраны Западной границы республики. К 11 мая начальник отделения Б. Рунич подготовил в Особый отдел ВЧК обстоятельную докладную записку, в которой дал высокую оценку доставленным Павловичем сведениям и подчеркнул, что «почти весь материал по настоящему делу» поступает только от него.

Какие же данные Рунич получил от Павловича? Балабин как глава монархической организации установил связь с председателем губернского комитета правоэсеровской партии Павловым, что расширило базу подполья. В советских учреждениях в Себеже и окрестных волостях организация имела много сторонников (сообщались фамилии). Встречи с ними Балабин проводил в Степеницах, в селе Прихабы и на хуторе Сидоровка. В Себеже у некоего Гаксна хранилась подпольная типография. Организация установила связи с зарубежьем. На днях, как сообщал Павлович, Балабина посетил начальник контрразведки Латвии генерал Аккерман с адъютантом Диллем, которых встретили у границы и сопровождали до имения члены подпольной организации (следуют фамилии проводников).

В самом имении, согласно данным Павловича, скрывались прибывшие из-за границы граф Толстой, разыскивавшийся Петроградской ЧК, князь Ухтомский, граф Шадурский. На днях в имении появился, нелегально перейдя границу, князь Б. А. Волконский, эмиссар монархической организации во Франции. Павловичу удалось не только встретиться с Волконским, но и, улучив момент, снять копию с его мандата, написанного по-немецки, в котором «монархически-патриотическим кругам» предлагалось оказывать содействие князю и некоему фон дер Блаттену в их работе по подготовке восстания против Советской власти. Нелегалы скрывались в имении до получения «настоящих» документов, которые им должны были в скором времени оформить сотрудники советских учреждений уезда (следуют фамилии). После приезда фон дер Блаттена титулованные контрреволюционеры должны были ехать в Москву и Петроград для проверки готовности подпольных организаций к выступлению[5].

Таким образом, у пограничников сложилось мнение о существовании разветвленной организации, чьи планы представляли угрозу безопасности государства. В ВЧК дело получило кодовое наименование «Вихрь». Начальнику особого отдела охраны Западной границы республики Ф. Д. Медведю в Смоленск поступила шифротелеграмма от заместителя начальника Особого отдела ВЧК А. Х. Артузова и начальника отделения Р. А. Пиляра: «„Вихрь" вести очень осторожно. Никакой ликвидации со своей стороны не предпринимать. Всю инициативу принимает Центр»[6]. 19 мая из ВЧК были командированы оперативные работники Особого отдела Л. Н. Мейер и Ж. Х. Бенсон, через несколько дней к ним присоединился В. В. Ульрих. Пограничники организовали им встречу с Павловичем, который уточнил ряд подробностей. Началась чекистская операция «Вихрь».

Между тем карьера Павловича как чрезвычайного уполномоченного Главлескома складывалась не блестяще. Районный уполномоченный СТО Нарбут отдал распоряжение об оказании Павловичу помощи в проведении ревизии складов и контор Желескома и Лескома на Псковском участке, но 29 апреля постановлением СТО институт уполномоченных по топливу был упразднен. Последовало распоряжение Нарбута не предоставлять Павловичу никаких сведений и прибыть в с. Пустошку на совещание. Однако к Нарбуту Павлович не явился. 25 мая, известив предварительно коменданта Опочки (Псковская губ.), Павлович появился в городе. Он предъявил свой мандат, фактически уже недействительный, и потребовал группу красноармейцев для несения караульной службы и сопровождения будущих арестованных в создаваемом Павловичем штабе чрезвычайного уполномоченного в Жадринской волости Опочецкого уезда. Получив пять красноармейцев и писаря, Павлович возвратился в Себеж. Через несколько дней начальник Опочецкого гарнизона Пугачев отозвал красноармейцев, резонно рассудив, что чрезвычайный уполномоченный найдет вооруженную силу в Себежском уезде.

Тогда Павлович отправился в Москву. 2 июня 1921 г. член коллегии ВЧК, начальник Специального отдела Г. И. Бокий направил отношение Председателю СТО с просьбой выдать мандат и удостоверение на имя Павловича «по прилагаемым при сем образцам за подписями и печатью» и послать от своего имени три телеграммы, так как это «необходимо для секретных целей». Получение документа Бокий доверил сотруднику ВЧК В. А.Евстафьеву. Ему же было поручено в случае необходимости строго конфиденциально объяснить Ленину — «только Вам лично» — истинное содержание требовавшихся бумаг. На следующий день, 3 июня, просьба была выполнена[7]. Это делалось для прикрытия чекистской операции.

По новому мандату на Павловича возлагались почти такие же обязанности по ревизии лесного ведомства и давались такие же права, что и по старому. Разница состояла в том, что Павлович именовался теперь чрезвычайным уполномоченным СТО и сфера его деятельности распространялась на Витебскую и Псковскую губернии. В выданном удостоверении его статус подтверждался, и всем военным и гражданским учреждениям предписывалось оказывать Павловичу «законное содействие по выданному мандату»[8].

В тот же день на места были направлены три телеграммы за подписью Ленина. В первой, адресованной отделам управления Витебского и Псковского губисполкомов и начальнику Опочецкого гарнизона, сообщалось, что чрезвычайный уполномоченный Павлович выехал для производства ревизии в ведомствах Желескома и Лескома. Вторая телеграмма, направленная районным уполномоченным СТО Николаеву и Нарбуту, содержала требование дать объяснение, почему Павлович не был допущен к ревизии согласно его мандату от 15 апреля. Третья депеша, требовавшая срочно дать объяснения, почему не приступил к ревизии по имевшемуся мандату, была направлена в Себеж Павловичу[9].

Вернувшийся в Себеж Павлович послал телеграмму начальнику гарнизона Опочки с требованием предоставить в его распоряжение шесть красноармейцев и объяснить причину их отзыва в мае. В случае неисполнения своего требования Павлович пригрозил арестом. 6 июня на этой почве произошел конфликт. Помощник Опочецкого военкома М. Куликов заявил Павловичу, что телеграммой «Совета Труда и Обороны за подписью тов. Ленина сообщается только для сведения, что Вы выехали для ревизии Желескомов и Лескомов» и в ней не говорится об обязанности гарнизона выделить чрезвычайному уполномоченному воинскую силу. Но Павлович приказал выделить красноармейцев для его штаба, бросил Куликову ряд обвинений и добился своего. Помощник военкома направил докладные записки в СТО и Псковский губвоенкомат.

В тот же день Павлович сформировал штаб чрезвычайного уполномоченного СТО. Штаб находился в местечке Калинкино Себежского уезда. «Сотрудниками для особо важных поручений» им были назначены активные члены монархического подполья Балабина: жена главы контрреволюционной организации, его падчерица Ольга и некий В. К. Бучинский. Они получили мандаты за подписью Павловича, в которых указывалось, что «на основании Мандата СТО за № 6337 от 3 июня с. г. за собственноручной подписью тов. Ленина» они имеют право проезда по железной дороге, подачи телеграмм вне очереди, передвижения «на обывательских подводах» и транспортных средствах местных учреждений и лесозаготовительных комитетов «по первому своему требованию» и право ношения оружия. Всем военным и гражданским учреждениям предписывалось оказывать содействие сотрудникам штаба[10].

Вскоре начали поступать сигналы о недостойном поведении чрезвычайного уполномоченного. 6 июня заведующий Опочецким политбюро А. Матсон сообщил в Псковскую губчека, что Павлович «грубо обращается с представителями власти и ведет себя довольно подозрительно». В Жадринскую волость, где располагался штаб Павловича, Матсон направил уполномоченного уездного политбюро по наружному наблюдению. 8 июня Матсон сообщил в губчека, что от граждан Жадринской волости поступают заявления «об издевательствах» Павловича над крестьянами, подтвержденные сотрудниками политбюро и милиции. Аналогичная по содержанию телеграмма была направлена Себежским политбюро в Витебскую губчека. Сообщалось, что Павлович проводит аресты без каких-либо оснований, привлек для собственных разъездов около двух десятков крестьянских подвод и «своими действиями возмущает крестьян против Советской власти»[11].

За короткое время накопилось много фактов дискредитации Павловичем звания чрезвычайного уполномоченного. 8 июня председатель Псковской губчека Г. П. Матсон направил телеграмму в ВЧК, копию в СТО, в которой сообщил о действиях Павловича и запросил, действительно ли тот направлен в Псковскую губернию с мандатом СТО. Фотиева доложила Ленину о телеграмме и напомнила, что документы Павловичу были подписаны по просьбе Бокия. Ленин сделал на телеграфном бланке пометки: «Оперативная», «в архив», «секретно». Все материалы о Павловиче, имевшиеся в Секретариате Председателя Совнаркома и СТО, Фотиева направила Ф. Э. Дзержинскому. Спустя два-три дня тот сообщил, что дело курирует Бокий, что оно очень серьезное и «через пару дней будет ликвидировано»[12].

Между тем стали известными новые факты «деятельности» Павловича как чрезвычайного уполномоченного. Сотрудник Опочецкого политбюро, вернувшийся 9 июня из Жадринской волости, сообщил, что «отношение его (Павловича. — *М. П.*) к крестьянам грубое», он «пьянствует беспрерывно», «население им напугано, если увидят, что он идет в деревню, то все дрожат от страха». Когда кто-нибудь из крестьян пробовал с ним заговорить, Павлович неизменно подчеркивал свое «высокое» положение и обычно прерывал попытку разговора словами: «Я Ленина знаю и с тобой не хочу разговаривать». Павлович арестовал человека, который не поздоровался с ним на улице, и три дня держал его в хлеву. Другой крестьянин был арестован за то, что не дал Павловичу коня для прогулок[13].

Однако разработка операции «Вихрь» шла полным ходом. К сотрудникам ВЧК Мейеру, Бенсону и Ульриху присоединился особоуполномоченный Особого отдела ВЧК Я. С. Агранов. Он сообщил в Себеж, что его группа успешно ликвидирует в Белоруссии ячейки савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» и параллельно выясняет «нити и связи» с другими областями. «В целях успешности работы, — писал Агранов, — нам необходимо иметь материалы Себежского дела, так как, по нашему предположению, Себежская группа является одной из организаций «Военно-Политического Центра Белоруссии» — боевой организацией Балаховича. Я начинаю считать Себежское дело первостепенным по своей важности»[14]. Все важнейшие материалы были с курьером отправлены Агранову.

В представленном заключении по операции «Вихрь» фигурировало 67 фамилий активных участников подпольной организации, всего же с Балабиным были связаны 99 человек. Разработчики из ВЧК считали, что «генерал царской армии» Балабин является «начальником заграничной белогвардейской контрразведки в районе Псковской и Витебской губерний» и действовал по поручению зарубежной монархической организации великого князя Дмитрия Павловича, двоюродного брата последнего царя. Отношения поддерживались через князя Волконского, графа Толстого, князя Ухтомского, графа Шадурского, генерала Аккермана, фон дер Блаттена и других посланцев из-за рубежа. Отмечалось, что Балабин «имеет в своем распоряжении склад оружия и даже несколько складов, оружие доставляется из-за границы».

По данным ВЧК, Балабин поддерживает контакты с эсеровской организацией и имеет «массу своих агентов» среди местных советских работников, в числе которых председатель Дубровского волисполкома Назаров, военный комиссар волости Гусев, председатель комиссии по ликвидации неграмотности Смородин, контролер рабоче-крестьянской инспекции Киселев и многие другие — врачи, учителя, специалисты сельского хозяйства, служители культа. В организацию входили несколько членов РКП(б) и чекистов, в том числе следователь 6-го пограничного особого отделения Гусев и сотрудник Опочецкого политбюро Ванак. Были вычерчены три схемы связей Себежской организации с подпольными контрреволюционными группировками в Москве, Петрограде, Тамбовской губернии и на Украине, с эсерами, заграничными антисоветскими центрами, с миссиями Великобритании, США, Франции и Италии[15].

Нужно было принимать срочные меры для разгрома опасного антисоветского гнезда. По поручению начальника спецотделения ВЧК Пиляра, прибывшего на западную границу, в

Себеж выехал его помощник К. В. Паукер с полномочиями представителя ВЧК. 14 июня он с помощью начальника погранотделения Рунича приступил к оперативной подготовке завершающей акции. Для производства арестов в Себеже и его окрестностях привлекались кроме чекистов 50 красноармейцев и отряд ЧОН уездного комитета РКП(б). К трем часам ночи 15 июня подготовка была закончена, и утром группы оперработников разошлись по известным адресам.

Поздно вечером 13 июня Павлович приехал из Себежа в имение Балабина и сообщил ему неожиданную новость: завтра к вечеру его семья будет арестована в числе других 200 человек по обвинению в соучастии в контрреволюционном заговоре, раскрытом в Москве и Петрограде, что руководит операцией товарищ Павловича по гимназии, видный чекист Пиляр, который «разовьет дело в большую сенсацию, о которой будут печатать в газетах», что «от Степениц не останется камня на камне» и пр. Павлович предложил Балабину срочно бежать с семьей в Латвию[16]. Балабин категорически заявил, что вины за собой не знает, бежать не собирается, и предложил Павловичу покинуть его дом. Через некоторое время Балабин был арестован...

Паукером и Руничем «были вызваны для допроса наиболее интересные по своему развитию люди, кои могли бы своими показаниями осветить и углубить дело. Однако после первых же допросов, — писали оба в докладной Пиляру, — у нас сразу стала вырисовываться фиктивность... мнимой Балабинской организации»[17]. При допросах других арестованных и по результатам обысков это мнение все более подтверждалось. Не было ни оружия, ни патронов, ни подпольной типографии, ни документов, ни скрывавшихся эмиссаров. В 14 часов Паукеру передали телефонограмму Пиляра, что дело «Вихрь» — это провокация Павловича. Арестованные были сразу же освобождены.

В деле «Вихрь» нет материалов о том, почему чекисты пришли к выводу, что сообщения Павловича являются дутыми и провокационными. Вероятно, сыграло роль детальное ознакомление Дзержинского и Бокия с представленными данными. Может быть, внимание Пиляра привлекла запись в итоговой разработке? Под номером 4 в числе участников контрреволюционного подполья значится «Балабина — вторая дочь (фамилия не установлена), девочка 5 лет, которая очень хитрая, во время производимых обысков у Балабина эта девочка держит в руках куклу, которая набита патронами, и говорит, что кукла больная». Часть фразы подчеркнута красным карандашом, а ниже сделана пометка: «какая чушь». Действительно, когда готовилось заключение, ни о каких обысках речи не было; о кукле как тайнике для боеприпасов сообщил Павлович. Во время обысков патронов ни у кого не нашли.

16 июня Пиляр телеграфировал: «Москва. ВЧК. Павлович арестован, оказался шантажистом. Дело дутое. Дал распоряжение о прекращении арестов по делу „Вихрь"»[18]. Член коллегии ВЧК Артузов подписал ордер на арест Павловича. Провокатор был доставлен в Москву. 24 июня следователь Особого отдела ВЧК И. И. Сосновский предъявил Павловичу обвинение в «намеренно-злостной провокации». Началось расследование. Имевшиеся данные о Павловиче подтвердились, за исключением службы на границе. Ранее он имел совершенно иную «связь» с чекистами. Летом 1920 г. его необоснованно арестовали. После трехмесячного пребывания в камере постановлением коллегии Петроградской губчека его дело было прекращено ввиду отсутствия обвинительного материала и недоказанности участия «в белогвардействе». После освобождения Павлович получил отпуск и выехал для поправки здоровья на родину. Если бы работники Петроградской ЧК ответили на запрос из Себежского погранотделения от 7 апреля, дело «Вихрь» умерло бы в зародыше.

Чем же руководствовался Павлович, обвинивший в контрреволюционной деятельности почти 100 человек? Понять мотивы его поведения помогают показания Балабина: «Преобладающая черта его характера — честолюбие. Желание, чтобы о нем говорили, желание играть роль — его главные стремления, доходящие до мании, заставляющие его прибегать к преувеличениям. Другая черта, поскольку я их успел заметить, — малая рассудительность, хвастливость, болтливость, отсутствие всяких нравственных устоев (для достижения поставленной цели), мстительность, умение понравиться, логика в софизмах, наконец, вежливость и внешний лоск». Павлович рассказывал Балабину: «Две недели назад ездил в Москву, где делал доклад в течение 7 часов т. Ленину, после чего получил его более обширные полномочия».

Уполномоченный погранотделения Мангус отмечал, что «Павлович карьерист и хочет далеко залезть». Паукер считал: «Павлович является самым вредным провокатором Советской России, который ради своих интересов ввел в заблуждение ВЧК». Авантюристские наклонности Павлович проявляет и в камере предварительного заключения ВЧК. 27 июня он

пишет записку Пиляру: «Прошу немедленно вызвать меня для доклада по делу государственной важности и ни минуты не терпящего отлагательства». Через три дня из камеры поступает новая записка Пиляру или дежурному члену ВЧК: «Прошу немедленно, дорог каждый час! вызвать меня к себе, так как я решился сделать доклад, которым Вы будете поражены». Паукер пишет: «Тов. Пиляр. У Павловича есть новая ориентация»[19].

В процессе следствия были собраны материалы о всех лицах, упоминавшихся в донесениях Павловича. Выяснилось, что «глава контрреволюционной организации» Ф. И. Балабин окончил Академию Генерального штаба, во время первой мировой войны командовал дивизией и служил в Генштабе. После Февральской революции Балабин был назначен помощником начальника штаба Петроградского военного округа, в мае стал начальником штаба, а в июле был смещен с этого поста распоряжением Керенского «за отсутствие энергии в подавлении восстания большевиков». С началом немецкого наступления в феврале 1918 г. военные знания Балабина пригодились советской республике: его назначили начальником оперативного отдела штаба Северного округа. В августе из-за болезни он расстался с военной службой. С женой и двумя дочерьми Балабин переехал в имение тещи Степеницы. Исполком волостного Совета предоставил ему законную норму земли, оставил в собственности дом и хозяйственный инвентарь[20].

Б. А. Волконский оказался не князем, а почетным потомственным гражданином города Киева Волконским-Файнштейном; он действительно «имел удовольствие» сидеть в одной камере с Павловичем в 1920 году. Этим их связи и ограничивались. Представителем великого князя Дмитрия Павловича, как и отпрыском аристократического рода, Волконского сделала фантазия Павловича. Так обстояло дело и с другими «эмиссарами» заграничного антисоветского центра. С некоторыми из них Павлович встречался тоже в камере предварительного заключения Петроградской ЧК.

Следствие по делу Павловича завершилось 21 июля 1921 года. Обвинительное заключение подписали Пиляр, Паукер и следователь Сосновский. 30 июля Паукер доложил обстоятельства дела судебному заседанию президиума ВЧК, принявшему постановление о расстреле провокатора[21]. О принятом решении население Себежа было извещено специальной листовкой.

Появление авантюриста Павловича не было случайным или исключительным. Наряду с теми, кто в деле «Вихрь» разглядел провокационную попытку оклеветать большую группу честных людей, в органах ВЧК уже тогда имелись лица, готовые поверить самым вздорным и невероятным доносам, чтобы доказать свое рвение и любой ценой продвинуться по служебной лестнице. Руководитель группы Агранов усмотрел в «Вихре» дело первостепенной важности, хотя основано оно было не на объективных материалах, а на доносах одного лица. В дальнейшем Агранов как заместитель наркома внутренних дел СССР и ближайший подручный Ягоды сыграл зловещую роль в организации судебных процессов 30-х годов. Другой разработчик «Вихря», Ульрих, стал впоследствии председателем Военной коллегии Верховного суда СССР. Именно эти люди и шельмовали честных советских граждан, создавая многочисленные «антисоветские организации» и выявляя несметное число «врагов народа».

Примечания

1. Архив управления КГБ СССР по Псковской области (далее — Архив УКГБ ПО), д. С-9416, лл. 63, 179, 185, 447.
2. Там же, лл. 64, 447.
3. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 17, оп. 84, д. 225, лл. 2—18.
4. Архив УКГБ ПО, д. С-9416, л. 79. Факт подписания Лениным мандата 15 апреля 1921 г. косвенно отмечен в книге: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, с. 509. Фамилия Петрова при этом не упоминается.
5. Архив УКГБ ПО, д. С-9416, лл. 396—398.
6. Там же, л. 387.
7. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, с. 509—510; ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 479, лл. 2, 3.
8. ЦПА ИМЛ, ф. 5, оп. 1, д. 479, лл. 4, 5; Архив УКГБ ПО, д. С-9416, л. 406.
9. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, дд. 19128—19130; ф. 5, оп. 1, д. 479, лл. 6—8; Архив УКГБ ПО, д. С-9416, лл. 391, 394, 395.

10. Архив УКГБ ПО, д. С-9416, лл. 80, 314, 316.
11. Там же, лл. 28, 29, 199.
12. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, с. 537; ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 19222; ф. 5, оп. 1, д. 479, лл. 1, 9.
13. Архив УКГБ ПО, д. С-9416, лл. 23, 24, 27.
14. Там же, л. 44.
15. Там же, лл. 47—50.
16. Там же, л. 73.
17. Там же, л. 51.
18. Там же, л. 122.
19. Там же, лл. 8, 64, 65, 73, 97.
20. Там же, л. 76.
21. Там же, л. 1. В июне — сентябре 1958 г. дело изучалось Главной военной прокуратурой СССР. Нарушений законности при этом не отмечено, приговор Павловичу не изменен.

Последние военные программы Российской империи

К. Ф. Шацилло

Как это ни странно, в историографии нет обобщающих сведений ни о средствах, отпущенных на перевооружение русской армии и флота накануне русско-японской и первой мировой войн, ни о влиянии этих расходов на экономическое, культурное и социальное развитие России. Между тем милитаризм роковым образом воздействовал на ее общественно-политическую жизнь. Проявлялось это прежде всего во влиянии гонки вооружений на народное хозяйство, в ухудшении жизни подавляющего большинства населения страны. Особенно резко последствия милитаризации ощущались с конца XIX века.

На рубеже XIX—XX вв. многие страны включились в гонку вооружений (термин, который именно с этого времени получил права гражданства). Не была исключением и царская Россия. Более того, в результате ряда причин забота об усилении и развитии вооруженных сил стала, по образному выражению П. А. Столыпина, «одним из краеугольных, одним из важнейших камней» в политике «надрывающегося правительства»[1]. Произошло это по ряду причин.

Во-первых, самодержавие было единственным среди других империалистических хищников, который ухитрился в XX в. готовиться сразу к двум войнам. Во-вторых, первая из них была неудачной и привела армию в крайнее расстройство, а флот — практически к полному уничтожению. В-третьих, в стране два с половиной года полыхала революция, оказавшая колоссальное влияние на состояние вооруженных сил. И наконец, уже задолго до 1914 г. всем было ясно, что мир неудержимо катится к пропасти «большой», «общей» войны, и правящие круги всех стран соответствующим образом реагировали на это.

Со второй половины 90-х годов XIX в. царизм усилил экспансию на Дальнем Востоке. Стремясь быстро создать там флот сильнее японского, морское ведомство просило у царя в 1897 г. разрешения спешно заказать за границей 5 эскадренных броненосцев, 16 крейсеров, 4 минных транспорта и минных заградителя, 30 миноносцев общим водоизмещением в 150 тыс. т и ценой в 163 млн. рублей. Решительные возражения министра финансов С. Ю. Витте[2] сорвали этот план, но не уменьшили стремления морского ведомства увеличить флот. К началу рассматриваемого периода выполнялись ранее намеченные военные и военно-морские программы.

К 1898 г., согласно судостроительной программе, принятой в 1895 г., для пополнения Тихоокеанской эскадры сооружалось одновременно 7 броненосцев, 2 крейсера первого ранга, броненосец береговой обороны, 2 канонерские лодки, 1 минный крейсер, 1 минный тральщик и 4 контрминоносца общим водоизмещением в 124 тыс. т и стоимостью в 66 млн. рублей[3]. Все судостроительные верфи России были загружены до предела. Общая стоимость программы была определена в 326 млн. рублей[4]. Однако этих средств оказалось недостаточно, и в 1898 г. было отпущено на «срочное сооружение новых судов» еще 90 млн. рублей. Через пять лет, в 1903 г., царь утвердил новую программу, которой предусматривалось построить 4 эскадренных броненосца, 2 крейсера, 2 заградителя и 2 подводные лодки. В запланированную на ее выполнение сумму — 90,6 млн. руб. — морское ведомство не уложилось, и расходы возросли до 96,6 млн. рублей[5].

Шацилло Корнелий Федорович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Таким образом, перед войной с Японией самодержавие выделило на военно-морское строительство 512,6 млн. руб. (около четверти годового бюджета империи), и это при том, что в 1904 г. новому министру финансов В. Н. Коковцову удалось в последний момент добиться у царя отмены решения Особого совещания об ассигновании еще 50 млн. руб. на перекупку двух броненосцев, строившихся в Англии для Чили и Аргентины[6] (предполагалось ввести их в состав 2-й Тихоокеанской эскадры).

Не дремало и Военное министерство. К 1897 г. была завершена первая очередь перевооружения армии трехлинейкой образца 1891 г., для чего потребовалось 2 млн. новых винтовок. С 1898 г. началась вторая очередь перевооружения, по которой должно было быть изготовлено 1290 тыс. винтовок[7]. На производство винтовок, патронов и пороха было ассигновано в 1900 г. 16,7 млн., в 1901 г. — еще 14,1 млн. рублей[8]. Менее трети этих средств отпускалось из предельного бюджета Военного министерства[9], а остальное выделялось из средств государственного казначейства дополнительно, что и потребовалось для второй очереди перевооружения армии трехлинейной винтовкой: 29,3 млн. руб. было отпущено сверх военного бюджета[10].

С 1899 г. началось переформирование крепостной и осадной артиллерии, на что было истрачено 94 млн. руб.[11], а с 1898 г. — перевооружение армии полевой трехдюймовой скорострельной пушкой. Для этого была создана специальная Комиссия по перевооружению полевой артиллерии, получившая в 1898 г. 27 млн. рублей. Ею был объявлен международный конкурс на выработку лучшего проекта трехдюймовой скорострельной пушки. После проведения двухлетних испытаний лучшим был признан образец, выработанный Обществом Путиловских заводов, и 9 февраля 1900 г. царь утвердил первую очередь перевооружения войск пушкой образца 1900 года. Из 1500 заказанных орудий половину должно было поставить Путиловское общество, а вторую половину — казенные заводы. Цена пятилетнего заказа была определена в 33,7 млн. рублей. Через два года, 8 марта 1902 г., царь утвердил улучшенный образец путиловской пушки. По сведениям военного ведомства, всего в три приема на вооружение армии поступило 7150 трехдюймовых орудий (из них 2400 образца 1900 г.), причем самый значительный заказ — 2830 орудий получил Путиловский завод[12]. На перевооружение полевой артиллерии потребовалось 155,8 млн. руб. из средств казначейства и около 29 млн. руб. из предельного бюджета военного ведомства[13].

Накануне русско-японской войны началось перевооружение крепостной и гаубичной артиллерии. К началу 1902 г. сухопутным крепостям не хватало 1472 орудий, а морским — 1331[14]. На довооружение крепостей и пополнение осадных парков, то есть комплектов боеприпасов, в течение 5 лет (1899—1903 гг.) требовалось 94 млн. рублей[15]. Узнав из «Всеподданнейшего доклада» (отчета) военного ведомства за 1903 г. об этом, Николай II начертал: «Заявляю еще раз самым категорическим образом, что вопрос о некомплекте орудий в наших крепостях представляется мне грозным. Я не ставлю его в вину Главному артиллерийскому управлению, потому что знаю, что оно постоянно указывало на этот серьезный пробел. Тем не менее настало время разрешить это дело энергично, во что бы то ни стало»[16]. Но для этого не хватало средств. Идя навстречу требованиям военных, царь 28 июня 1904 г. санкционировал отпуск из казны 28 млн. руб. на крепостную артиллерию[17].

Всего в канун столкновения с Японией из средств государственного казначейства (не считая сумм в предельном бюджете) на перевооружение армии было отпущено около 257 млн. руб.[18], что вместе с затратами на новое судостроение составило 775 млн. рублей. Для России суммы эти были весьма значительны, на что Витте обратил внимание царя еще в 1898 г. при составлении очередных предельных бюджетов Военного и Морского министерств на 1898—1903 годы. Отметив, что Военное министерство в предыдущее пятилетие получило по предельному бюджету 1209 млн. руб., а сверх него еще более 200 млн. руб. из казны, а морскому ведомству к пятилетнему предельному бюджету в 200 млн. руб. добавили еще почти такую же сумму (более 180 млн. руб.), Витте жаловался, что податная способность населения исчерпана, грозит бюджетный дефицит и «никакая страна, даже самая богатая, не может выдержать непрерывно напряженного возрастания военного бюджета»[19]. Однако в ответ на это последовало новое увеличение военных расходов.

В конце 1902 г. Витте обратился за помощью в Государственный совет. В своем общем собрании 30 декабря 1902 г. последний, «взывая к мудрости государя», просил «удержать державной своей волею требования ведомств на уровне соответствия тем ресурсам, которые может представить государство, без потрясения экономического благополучия населения». Признавая, что из него налоговым прессом выжато все, что можно, Государственный совет предупреждал царя, что задолженность правительства достигла 6629 млн. руб., более половины которых (около 3,5 млрд.) падает на внешние займы. Дальнейший рост расходов, и прежде всего — на гонку вооружений, подорвет «не только финансовое благополучие (государства. — *К. Ш.*), но и его внутреннюю мощь и международное политическое значение»[20].

Однако царь был глух к советам опытных сановников и держал твердый курс на дальневосточную авантюру. Чем она закончилась, известно: наиболее тяжелые потери понес флот. В водах Тихого океана погибло или было захвачено японцами 67 боевых и вспомогательных судов российского флота[21] общей стоимостью в 230 млн. руб., а вместе с артиллерийским и минным вооружением, хранившимся для флота в Порт-Артуре и тоже захваченным японцами, прямые материальные потери флота составили около 255,9 млн. рублей.[22] Царская Россия осталась практически без военно-морских сил: весь Балтийский флот был переведен на Дальний Восток, где и погиб, а Черноморский был закупорен, так как проход его через Босфор и Дарданеллы запрещали международные договоры.

Угроза империи и ее столице, расположенной на побережье, в еще большей степени возрастала из-за развала береговой обороны. Специальное обследование ее начальником Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) совместно с главным инспектором инженерных войск дало печальный результат: «Вся оборона берегов представляется вполне карточной, и, конечно, не представляет никакой серьезной обороны»; «Кронштадт и Петербург дефакто совсем не защищены»[23]. В январе 1908 г. Морской генеральный штаб (МГШ) доложил морскому министру, что ранее разработанные совместно с сухопутным ведомством планы на случай мобилизации «предусматривают самые минимальные задачи», но и их «теперь, в случае объявления войны, надо признать невыполнимыми, а положение Балтийского флота — критическим»[24].

В апреле состоялось совместное совещание морского и сухопутного генеральных штабов с целью выяснить степень угрозы Петербургу от неприятельского десанта. «Вся работа нашего Балтийского флота сводится, — отмечалось на совещании, — лишь к некоторой, и притом весьма незначительной, задержке наступления противника в восточной части Финского залива (путем постановки минного заграждения. — *К. Ш.*). Но при этом представителями Морского министерства заявлено, что в современном своем виде Балтийский флот совершенно не в состоянии выполнить и этой более чем скромной задачи»[25], так как нет запасов угля, на кораблях — некомплект (до 65—70%) офицеров и специалистов, а главное, из необходимых для минной постановки 6 тыс. мин есть всего лишь 1500.

Не в лучшем состоянии после войны с Японией была и сухопутная армия. «Наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что вернее будет сказать, что эта готовность совершенно отсутствует», — признавал уже летом 1905 г. военный министр В. В. Сахаров[26]. Ему вторил и председатель Совета государственной обороны великий князь Николай Николаевич: русская пехота нуждается в немедленном и коренном переустройстве, «вся кавалерия требует полной реорганизации», «пулеметов у нас мало, и они далеки от совершенства», «тяжелая армейская артиллерия должна быть создана заново», «снаряжение наше несовершенно; опыт войны это доказал; безотлагательно все должно быть исправлено. Обозная часть требует полной реорганизации и создания новых оснований своего развития»[27].

В ходе русско-японской войны из западных военных округов на Дальний Восток были отправлены многие артиллерийские и инженерные части, что нарушило организационную структуру всей армии. Были израсходованы почти все боевые, инженерные и интендантские запасы. «Армия не имеет запасов, и ей нечем стрелять... она является небоеспособной, а следовательно, напрасно лишь обременяющей государство», — признал Совет Государственной обороны 7 апреля 1907 года. По его мнению, в связи с невозможностью немедленно получить необходимые средства армии грозило «пребывание в течение известного периода времени в таком состоянии, в каком не находится ни одна из армий иностранных держав»[28].

Характеризуя состояние армии, помощник военного министра генерал А. А. Поливанов, отвечавший по долгу службы за ее материальное обеспечение, в 1912 г. признавал: «Армия была лишена тогда многого для нее необходимого, причем эта необеспеченность ее проистекала не только от расхода, неизбежного на каждой войне, но и от того, что она находилась в состоянии отсталости по снабжению ее средствами, созданными военной техникой. Тогда, в 1908 г., не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения, потребных для

выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; совсем почти не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств; не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т. е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии; скажу коротко: в 1908 г. наша армия была небоеспособна»[29].

Дальневосточная авантюра царизма, прямые расходы на которую составили, по подсчетам Коковцова, 2,3 млрд. руб. золотом[30], была первой причиной, которая привела вооруженные силы царизма в полное расстройство. Но, пожалуй, еще больший удар по ним нанесла революция 1905—1907 годов. Только за два первых ее года было зарегистрировано не менее 437 антиправительственных солдатских выступлений, в том числе 106 вооруженных[31]. На сторону революционного народа переходили целые части, и нередко, как это было в Севастополе, Кронштадте, Владивостоке, Баку, Свеаборге и других городах, солдаты и матросы, поднявшие красный флаг, вели настоящие кровопролитные бои против войск, сохранивших верность правительству.

Разлагающе действовало на вооруженные силы постоянное использование их для подавления революционного движения. В 1905 г. для «содействия гражданским властям» войска вызывались около 4 тыс. раз. Для войны с собственным народом Военное министерство вынуждено было отрядить около 3,4 млн. человек (с учетом повторных вызовов), то есть количество солдат, привлеченных к борьбе с революцией, более чем в 3 раза превышало численность всей царской армии к началу 1905 г. (около 1 млн. человек)[32]. «Армия не учится, а служит вам», — бросил военный министр А. Ф. Редигер на одном из заседаний правительства председателю Совета министров и одновременно министру внутренних дел Столыпину[33].

Эти два обстоятельства и привели к резкому ослаблению вооруженных сил царизма. Повод для беспокойства давало не только полнейшее расстройство вооруженных сил в результате русско-японской войны, но и тот печальный для самодержавия факт, что в 1905—1907 гг. впервые за его многовековую историю солдаты и матросы стали выходить из-под контроля офицеров, становились на сторону революционного народа.

В подобных условиях, при небывалом падении престижа царизма и вне и внутри страны, при все возраставшей финансово-экономической зависимости ее от более развитых западных держав, сохранить империю Романовых можно было только путем всемерного укрепления и развития вооруженных сил. Этого же требовало и обострение международных противоречий накануне первой мировой войны, повсеместный рост милитаризма и «маринизма» (как именовали в то время увлечение морскими силами), наиболее наглядным проявлением которого стало тогда англо-германское морское соперничество. Русским помещикам и буржуазии было ясно: второго Мукдена, второй Цусимы царизму не пережить; надо сделать все возможное, чтобы избежать этого, надо любой ценой поставить армию и флот на уровень современных требований военного дела.

Первым после русско-японской войны включилось в разработку новых программ вооружения морское ведомство, оставшееся практически без боевых судов, но с прежними штатами и окладами. К этому его подталкивало еще одно обстоятельство: в то время военно-морской флот России строился частью за границей, а частью на казенных заводах, которые нельзя было оставить без заказов. Настаивая на немедленной закладке броненосцев, морской министр А. А. Бирилев говорил на одном из совещаний летом 1906 г., что четыре крупнейших казенных завода стоят без работы, до предела сократили число рабочих, но и оставшимся при этих условиях нечего делать. «В настоящее время, — заявил он, — на первом плане вырисовывается вопрос, должны быть поддержаны заводы или нет? Середины в этом деле не существует. Надо безоговорочно сказать: да или нет. Если да, то надо приступить к постройке больших броненосцев, а если нет, то указать, кто берет на себя ответственность за такое решение перед царем, Россией и историей»[34].

Различные варианты новых судостроительных программ Морское министерство разрабатывало еще до поражения при Цусиме, в марте — апреле 1905 г., поскольку после ухода на Дальний Восток 1-й, а затем и 2-й Тихоокеанских эскадр Балтийское море осталось почти совсем без боевых кораблей. В марте 1907 г. это министерство представило на рассмотрение царя сразу четыре варианта судостроительных программ. При этом минимальная сводилась к созданию на Балтике одной эскадры (8 линейных кораблей, 4 линейных крейсера, 9 легких крейсеров и 36 эсминцев), а максимальная — четырех эскадр такого же состава: двух для Тихого океана и по одной для Балтийского и Черного морей. Стоимость этих программ колебалась от 870 млн. до 5 млрд. рублей[35].

Одновременно и Военное министерство предъявило свои претензии к казне. По самым скромным его подсчетам, требовалось единовременно израсходовать более 2,1 млрд. рублей. Только на реорганизацию артиллерии генералы требовали 896 млн. руб., на инженерное дело — 582 млн.; кроме этих единовременных чрезвычайных расходов (растянутых, разумеется, на ряд лет), должны были возрасти на 144,5 млн. ежегодные обычные расходы Военного министерства, связанные с созданием новых дорогостоящих артиллерийских, инженерных и т. п. родов войск, их комплектованием, снабжением и т. д. «Размер исчисленной таким образом суммы, — вынужден был признать Редигер, — исключает всякую возможность рассчитывать на ее ассигнование, невзирая на то, что мероприятия, кои могли бы быть за счет этой громадной суммы созданы, стоят не на пути дальнейшего развития наших вооруженных сил, а лишь на пути их благоустройства и снабжения необходимым в уровень с современными требованиями военного дела». Признавая невозможность выделения государством такой колоссальной суммы, военный министр потребовал от управлений сократить свои претензии и сосредоточиться на «мероприятиях, почитаемых неотложными», и в то же время взять на учет меры, «подлежащие обсуждению в ближайшие годы»[36]. Но и по программе-минимум требовалось единовременно 425 млн. руб. и увеличение бюджета на 76 млн. руб. в год.

В совокупности претензии морского и военного ведомств составили, таким образом, от 1,3 до 7,1 млрд. руб. единовременных расходов, то есть приблизительно от половины до трех годовых бюджетов страны в 1908 году. И это не считая неизбежного возрастания ежегодных расходов по обычным бюджетам обоих министерств. Средств требовалось много, а финансовое положение России в то время было просто отчаянным. Рассматривая смету на 1907 г., Совет министров 15 августа 1906 г. констатировал, что финансовое «состояние русского государства грозит самыми тяжелыми осложнениями, и в случае продолжения переживаемого нашим отечеством поистине смутного времени, может не хватить средств даже на совершенно неотложные потребности»[37]. К 1909 г. государственный долг вырос в результате расходов, вызванных последствиями русско-японской войны и борьбы с революцией, еще на 3 млрд. руб., а ежегодные платежи процентов увеличились на 150 млн. руб. сверх того, что Россия уже платила раньше по государственному кредиту[38].

В этих условиях, при ожесточенных спорах между морским и военным ведомствами о распределении ассигнований на вооружения, царь решил отдать предпочтение флоту и в июне 1907 г. утвердил так называемую Малую судостроительную программу, разрешив отпускать Морскому министерству на новое судостроение в течение четырех лет по 31 млн. руб. ежегодно. (Позже в связи с изменением этой программы стоимость ее была увеличена до 126,6 млн. рублей.) Через год, в мае 1908 г., и Военное министерство получило разрешение Совета министров обратиться в законодательные органы с просьбой ассигновать около 293 млн. руб. «на пополнение запасов и материальной части и на постройку для них помещений» в 1908—1915 годах[39]. Государственная дума, чтобы не потерять контроля за расходованием этой суммы, решила утверждать кредиты не сразу в полном объеме, а ежегодно (кроме тех, которые требовали заключения контрактов на два и более года).

Однако с 1909 г. экономическое положение империи стало улучшаться. Последовал ряд необычайно урожайных лет, счастливо совпавших с ростом цен на мировом хлебном рынке, что значительно увеличило доходы казны от основной статьи экспорта. Улучшение финансового положения тотчас учли Военное и Морское министерства, потребовавшие увеличить кредиты на вооружение. С августа 1909 г. по начало 1910 г. по повелению царя состоялось четыре особых совещания, которыми руководил Столыпин. В состав их, кроме военного и морского министров и начальников генеральных штабов, входили министры финансов и иностранных дел. Совещания эти были созданы для рассмотрения 10-летней программы развития морских вооруженных сил России, но фактически преследовали цель распределения средств на вооружение между армией и флотом.

Итоги пятимесячной работы совещания были доложены правительству 24 февраля 1910 года. Совет министров решил в течение ближайших 10 лет выделить 715 млн. руб. на развитие армии и 698 млн. руб. — флота[40]. Для получения этих без малого 1,5 млрд. руб. решено было ввести новые косвенные налоги, и в частности увеличить цену на водку. Ввиду достигнутого финансового «благополучия» правительство сочло возможным в 1910 г. предоставить Военному министерству вдвое большую сумму, чем в 1908 г. (тогда за 8 лет предполагали истратить 293 млн. руб., теперь — 715 млн. руб. за 10 лет), а флот получил даже в 5,5 раза больше (698 млн. руб. вместо 124 млн.). Однако Морское министерство уже вскоре нарушило согласованные и утвержденные правительством расходы (через законодательные учреждения 10-летняя программа так и не успела пройти).

Произошло это в связи с резким обострением военно-стратегического положения в районе Черноморских проливов — самом болезненном для царизма регионе мира. Финансируемая Францией Турция решила под руководством английских офицеров реорганизовать свои военно-морские силы. Уже с весны 1909 г. царское правительство стало получать тревожные для него вести о возрождении турецкого флота, о покупке с этой целью кораблей у Германии и заказе современных линкоров дредноутского типа на верфях Англии. Все попытки «образумить» Турцию дипломатическим путем ни к чему не привели. Заказ английской фирме «Виккерс» турецким правительством был сделан, и, согласно контракту, в апреле 1913 г. Турция должна была получить первый мощный линкор, способный в одиночку расправиться со всем Черноморским флотом России, линейные силы которого состояли из тихоходных и слабо вооруженных кораблей старой конструкции.

Угроза появления на Черном море турецких дредноутов заставила самодержавие принять соответствующие меры. 26 июля 1910 г. морской министр обратился к царю со специальным докладом. В нем он предлагал заложить на Черном море не предусматривавшиеся только что одобренной 10-летней программой 3 линейных корабля новейшего типа и ускорить строительство запланированных ранее 9 эсминцев и 6 подводных лодок[41]. Николай II в тот же день одобрил предложение министра, и в мае 1911 г. Государственная дума приняла закон об ассигновании на постройку Черноморского флота 151 млн. руб., причем главный расход — 100 млн. руб. на строительство линейных кораблей — не был предусмотрен 10-летней программой. (В конце 1911 г. в связи с увеличением стоимости линейных кораблей расходы по этой программе возросли до 162 млн. рублей.)

Вскоре Морское министерство резко увеличило свои требования. Получив от царя разрешение на пересмотр 10-летней программы, Морской генеральный штаб в апреле 1911 г. представил ему проект «Закона об императорском российском флоте», намечавший создание в течение 22 лет только на Балтике двух боевых и одной резервной эскадры (каждая в составе 8 линейных кораблей, 4 линейных и 8 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок). На Черном море планировалось иметь флот, по силе превосходящий в 1,5 раза флоты государств, расположенных на Черноморском побережье. Полное исполнение этого закона требовало от государства 2,1 млрд. рублей[42].

Первые пять из этих 22 лет составляли особый период, рассматривавшийся в специальной «Программе усиленного судостроения Балтийского флота на 1911—1915 годы». За этот срок предстояло построить на Балтике 4 линейных и 4 легких крейсера, 36 эсминцев и 12 подводных лодок, то есть столько же, сколько за год с небольшим до этого собирались создать за 10 лет. Стоимость этой программы определялась более чем в полмиллиарда рублей. От представленных документов царь пришел в восторг. «Отлично исполненная работа, — заявил он начальнику Морского генерального штаба, — видно, что стоят на твердой почве; расхвалите их (офицеров этого штаба. — *К. Ш.*) за меня»[43].

В июле 1912 г. «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» была одобрена Государственной думой, которая исключила кредиты на портостроительство, отчего расходы по программе сократились до 421 млн. рублей. Одобренный царем «Закон о флоте» по решению Совета министров должен был быть представлен в Думу не ранее конца 1914 г., когда выполнение его первой части — «Программы усиленного судостроения Балтийского флота» — значительно продвинется вперед и даст Морскому министерству основание поставить вопрос о продолжении успешно начатого дела[44].

Наконец, уже в канун мировой войны, в связи с покупкой турецким правительством у Бразилии двух линейных кораблей, строившихся английскими фирмами «Армстронг» и «Виккерс», правительство летом 1914 г. добилось от Государственной думы дополнительного ассигнования в 110 млн. руб. на спешное сооружение одного линейного корабля, 2 легких крейсеров, 8 эсминцев и 6 подводных лодок.

В общей сложности Морское министерство накануне первой мировой войны провело через законодательные органы четыре судостроительных программы, завершение которых относилось на 1917—1919 годы. Общая стоимость их достигла 820 млн. рублей. Кроме того, морское ведомство получило одобрение царем «Закона о флоте», оставалось только в подходящий момент провести через законодательные органы ассигнование на него кредитов, а в случае необходимости и введение новых налогов. В течение 17 лет (с 1914 по 1930 г.) предполагалось израсходовать на военное судостроение 1 млрд. рублей[45].

Военное ведомство, не чувствуя такой поддержки со стороны царя и правительства, строило не столь фантастические планы, как Морское министерство. Хотя генералы, в отличие от адмиралов, исходили из убеждения, что именно армии, а не флоту придется вынести на своих плечах всю тяжесть приближавшейся войны, они долгое время придержива-

лись программы, утвержденной еще в 1908 году. Только закон от 12 мая 1912 г. разрешил военному ведомству кредиты в размере, предусмотренном 10-летней программой 1910 года.

Между тем армия была вооружена из рук вон плохо. Осенью 1912 г. по требованию военного министра В. А. Сухомлинова главные управления подсчитали свои запасы и сообщили в Совет министров о степени соответствия их утвержденным нормам. Картина получилась мрачная. Только продовольственные, интендантские, санитарные запасы да простейшие виды инженерного имущества имелись почти в полном наличии, а то, чего не хватало, должно было быть пополнено в течение 1913—1914 годов. Считалось, что армия в достатке снабжена также винтовками, револьверами и патронами (но старого типа, с тупой пулей, обладавшей плохими баллистическими свойствами).

С артиллерией дело обстояло гораздо хуже: только легкие орудия имелись в необходимом количестве. Не хватало почти половины мортир, тяжелых орудий новых типов не было совсем, а старые пушки образца 1877 г. (!) предполагалось заменить лишь к концу 1914 года. Перевооружение крепостной артиллерии планировалось завершить к 1916 г. только наполовину, в осадной артиллерии материальной части совсем не имелось, так что эта артиллерия числилась только на бумаге. После объявления мобилизации и формирования новых частей в армии должна была обнаружиться нехватка 84% пулеметов, 55% трехдюймовых гранат для полевых орудий и 62% для горных, 38% бомб для 48-линейных гаубиц, 17% шрапнелей, 74% орудийных прицелов новых систем и т. д. и т. п.[46]

Накаленная международная обстановка уже не оставляла у Совета министров сомнения в необходимости увеличить кредиты на развитие вооруженных сил. 6 марта 1913 г. Николай II одобрил программу развития и реорганизации войск, по которой планировалось ассигновать на вооружение 225 млн. руб. единовременно и увеличить ежегодный бюджет военного ведомства на 91 млн. рублей[47]. Большая часть единовременных расходов (181 млн. руб.) выделялась на развитие артиллерии.

Получив одобрение царя, военный министр решил применить тот же прием, что и Морское министерство, то есть выделить и немедленно провести через законодательные органы наиболее неотложные мероприятия. 13 июля 1913 г. военное ведомство представило в Государственную думу так называемую Малую программу, по которой за 5 лет (1913—1917 гг.) планировалось истратить 122,5 млн. руб. на развитие артиллерии и приобретение боезапаса к ней (97,7 млн. руб.), а остальное — на развитие инженерных и авиационных частей[48]. 10 июля 1913 г. царь утвердил решение Думы и Государственного совета, и «Малая программа» стала законом. Как ни спешило Военное министерство, оно явно опаздывало. До начала первой мировой войны оставалось немногим более года, а программа была рассчитана на пять лет.

Одновременно Главное управление Генерального штаба разрабатывало и «Большую программу», частью которой являлась «Малая». В конце октября 1913 г. царь одобрил «Большую программу», наложив резолюцию: «Мероприятие это провести в особо спешном порядке», и повелел полностью выполнить ее к осени 1917 года[49]. Помимо увеличения личного состава армии (на 11,8 тыс. офицеров и 468,2 тыс. солдат, треть которых должна была поступить в артиллерийские и инженерные войска), программа требовала на развитие вооружений и другие расходы более 433 млн. руб., но так как часть из этих средств была уже отпущена по «Малой программе», законодательные органы должны были утвердить всего около 290 млн. руб. новых ассигнований. По завершении всех намеченных мероприятий с 1917 г. расходы на армию по обычному бюджету должны были возрасти на 140 млн. руб. в год. Возражений ни от Думы, ни от Государственного совета не последовало[50], и 22 июня 1914 г. царь наложил на «Большой программе» резолюцию: «Быть по сему». До начала войны оставалось несколько недель.

Однако дело не только в том, что финансово-экономическая слабость России затянула подготовку к мировой войне. По своему характеру эта подготовка заведомо вела к дальнейшему отставанию от достигнутого в мире уровня развития военного дела. Если в 1906 г. генералы считали, что для приведения армии в соответствие современным требованиям необходимо получить 2,1 млрд. руб. на вооружение, то к началу 1914 г. правительство смогло провести через законодательные учреждения только 1,1 млрд. рублей[51]. Между тем гонка вооружений требовала все новых средств. Когда в Думе обсуждали «Большую программу» и военного министра спросили, полностью ли удовлетворит она нужды армии, Сухомлинов заявил, что среди военных единого мнения на этот счет нет. Военный министр просто побоялся назвать в Думе всю сумму расходов, подсчитанных управлениями военного ведомства.

Только одно из них — Главное артиллерийское управление (ГАУ) — считало желательным, помимо «Большой программы», истратить в ближайшие пять лет на вооружение армии автоматической винтовкой (включая стоимость оборудования заводов и создание запаса патронов в 1500 штук на винтовку) — 800 млн. руб., на перевооружение легкой полевой артиллерии орудиями новой системы — 280 млн. руб., на перевооружение крепостей — 143,5 млн. руб., на строительство новых казарм, стрельбищ и т. п., необходимость чего вызывалась как увеличением армии по «Большой программе», так и передислокацией войск, требовалось 650 млн. руб. и т. д.[52] Итого, только ГАУ мечтало получить 1,9 млрд. руб., а ведь были еще и интендантское, и инженерное, и другие управления!

Если перед русско-японской войной на перевооружение армии и флота, кроме обычного бюджета, из казны было выделено 775 млн. руб., то после нее, к началу первой мировой войны, законодательные органы ассигновали только на новое вооружение армии и флота 1,8 млрд. руб. (из них израсходовано к 1914 г. — 376,5 млн. руб., то есть пятая часть). В целом расходы на гонку вооружений в 1898—1913 гг. составили 2585 млн. рублей. И это не считая средств, отпущенных обоим ведомствам по их обычным бюджетам! И все же Морское министерство и сухопутное артиллерийское ведомство претендовали еще на 3,9 млрд. рублей.

За 1898—1913 гг., согласно отчетам Государственного контроля, суммарный бюджет военного и морского ведомств составил 8,4 млрд. рублей золотом. На флот и армию царская Россия потратила за это время более 22% всех своих расходов. Если к этой сумме прибавить определенные министром финансов 4—5 млрд. руб. косвенных и прямых потерь народного хозяйства от русско-японской войны, то получится, что молох милитаризма поглотил от 12,3 до 13,3 млрд. золотых рублей. Что значила для страны эта сумма, можно понять, сопоставив ее с другими цифрами: общий капитал всех акционерных компаний России (без железнодорожных) в 1914 г. был втрое меньше (4,6 млрд. руб.[53]), стоимость всей промышленности — 6,1 млрд. рублей[54]. Итак, налицо был отток колоссальных средств в непроизводительную сферу.

Общие цифры бюджетов военного и морского ведомств не могут дать представления о той доле богатств, которая предназначалась военной промышленности и таким образом повлияла на ее развитие, ибо большая часть ассигнованных военному и морскому ведомствам средств шла на содержание личного состава армии и флота, строительство казарм и других служебных помещений, продовольствие, фураж и т. д. Более конкретное представление о той финансовой базе, которая служила основой для развития военной промышленности, могут дать сведения об ассигнованиях на перевооружение армии и флота.

С 1898 по 1914 г. законодательные органы только на перевооружение армии и флота отпустили 2,6 млрд. рублей. И хотя к началу первой мировой войны оба ведомства смогли использовать лишь часть этих средств, крупный капитал, устремившийся в военную промышленность, рассчитывал на гораздо большую сумму. Ни для кого не было секретом, что царские генералы и адмиралы, не удовлетворяясь уже одобренными программами, вынашивали планы дальнейшего развертывания армии и флота, причем некоторые из этих планов к 1914 г. уже были предрешены. Так, по «Закону об императорском российском флоте» предполагалось потратить на новое судостроение к 1932 г. 2,1 млрд. рублей. Главное артиллерийское управление уже после одобрения всех его предвоенных программ планировало в течение ближайших после 1914 г. лет произвести перевооружение, требовавшее 1,9 млрд. рублей. Итак, 2,6 млрд. руб. на новое вооружение уже утвержденных расходов и в близкой перспективе еще 4 млрд. руб. — такова реальная сумма, на которую мог ориентироваться промышленный мир России, занятый военным бизнесом. Сумма, что и говорить, весьма солидная, особенно если вспомнить, что весь капитал железных дорог в начале XX в. оценивался в 4,7—5,1 млрд. рублей[55]. А ведь именно железнодорожное строительство было тем локомотивом, который потянул за собой развитие почти всей крупной промышленности России в XIX веке.

Помимо огромных общих размеров, военные заказы имели и другие особенности. Во-первых, они, как правило, могли быть выполнены только крупной промышленностью; во-вторых, военное и морское ведомства давали их только тем предприятиям, которые уже имели опыт производства вооружения или заручились гарантиями крупных банков и ведущих промышленных фирм мира. В итоге гонка вооружений привела не только к росту экономической силы крупнейшей буржуазии, подчинению ею через взятки и подкупы некоторых органов государственного аппарата, но и усилила ее претензии на участие в решении важных государственных дел (перевооружение армии и флота), что при сохранении политической власти в руках самодержавия, защищавшего прежде всего интересы дворянства, служило экономической основой для роста либерально-буржуазной оппозиции в отношении царизма,

обостряло социальные коллизии в стране.

Но главный итог влияния милитаризма на экономику России был не в этом. Чтобы выжать из бюджета 8,4 млрд. руб. золотом на Военное и Морское министерства, царское правительство закручивало налоговый пресс, вводя новые косвенные налоги и увеличивая старые. Оно сокращало до предела расходы на просвещение, науку и социальные нужды. Как видно из Отчетов Государственного контролера об исполнении государственного бюджета, в 1900 г. на университеты было израсходовано 4,5 млн., на средние учебные заведения — 9,7 млн., на Академию наук — 487 тыс., а на военные и морские учреждения — более 420 млн. рублей. Через год расходы на Академию наук увеличили на 7,5 тыс. руб., а на университеты даже сократили почти на 4 тыс. рублей. Зато Военное и Морское министерства получили на 7,5 млн. руб. больше.

В 1913 г. совокупные расходы на эти ведомства возросли по сравнению с 1900 г. на 296 млн. руб., а на содержание высших и средних учебных заведений в том же году выкроили немногим более 38 млн. руб., то есть рост расходов по этим параграфам бюджета в абсолютных цифрах был в 12 раз меньше. (Почти такую же сумму — 36,5 млн. руб. — потратило Министерство юстиции — «по тюремной части».) Однобокое развитие экономики, обнищание народных масс, отсутствие материальных условий для развития науки и преодоления неграмотности — таким был результат гонки вооружений.

Примечания

1. Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. Созыв III. Сессия I. СПб, 1908, стб. 3011.
2. Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 543, оп. 1, д. 283, лл. 8—11.
3. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1897 г. СПб, 1898, с. 35.
4. По этой программе, утвержденной царем 24 февраля 1894 г. и 12 июня 1895 г., для Тихого океана должно было быть построено к 1904 г. 10 эскадренных броненосцев, 12 крейсеров первого и второго рангов и 42 минных судна (Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ) СССР, ф. 420, оп. 1, д. 23, л. 2).
5. Там же, ф. 410, оп. 3, д. 822, л. 75.
6. ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 296, л. 55.
7. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Самодержавие на рубеже XIX—XX столетий. М. 1973, с. 159.
8. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 1, оп. 2, д. 65, лл. 31—32.
9. По существовавшему в те годы порядку финансирования Военного и Морского министерств им на пятилетие отпускался так называемый предельный бюджет, которым они распоряжались по собственному усмотрению, но за пределы которого не имели права выходить. Если появлялась нужда в сверхлимитных расходах, особые совещания рассматривали ее и санкционировали отпуск дополнительных сумм из общих средств казны.
10. ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 283, л. 1.
11. ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 2, д. 65, лл. 31—32.
12. Там же, оп. 1, д. 71699, лл. 3, 6.
13. Там же, ф. 504, оп. 5, д. 87, л. 148.
14. Там же, оп. 2, д. 112, лл. 102—103.
15. Там же, л. 105. Но получило всего 20,5 млн. руб., что растягивало перевооружение на 15—20 лет.
16. Там же, оп. 5, д. 64, л. 269.
17. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 71699, л. 12.
18. Реализация этих средств затянулась до 1910 года.
19. ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 283, л. 7.
20. Там же, д. 291, лл. 2, 15—17.
21. В том числе: 15 эскадренных броненосцев, 2 броненосца береговой обороны, 11 крейсеров (из них 5 первого ранга), 5 мореходных канонерских лодок, 22 миноносца, 4 военных транспорта и 8 портовых судов.
22. ЦГАВМФ СССР, ф. 403, оп. 1, д. 1721, лл. 2—4.
23. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 59, л. 2.
24. ЦГАВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 4182, л. 24.
25. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 149.
26. Там же, д. 77, л. 35.
27. ЦГАОР СССР, ф. 555, оп. 1, д. 246, лл. 2—3.

28. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 82, лл. 106—107.
29. Цит. по: СИДОРОВ А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М, 1960, с. 54.
30. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 82. Всеподданнейшая записка министра финансов от 2 ноября 1907 года. Позже эта цифра была увеличена до 2,6 млрд. руб., а с учетом косвенных потерь народного хозяйства от войн определена в 4—5 млрд. руб. золотом.
31. Борьба большевиков за армию в трех революциях. М, 1969, с. 64.
32. ПЕТРОВ В. А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.—Л. 1964, с. 5.
33. ПОЛИВАНОВ А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916. М. 1924, с. 42.
34. ЦГАВМФ СССР, ф. 2, оп. 1, д. 151, л. 32.
35. СИДОРОВ А. Л. Из истории подготовки царизма к первой мировой войне. — Исторический архив, 1962, № 2, с. 126.
36. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 82, л. 253.
37. Особые журналы Совета министров царской России. Ч. 2. М. 1982, с. 217.
38. СИДОРОВ А. Л. Финансовое положение России, с. 15.
39. ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 74537, л. 1.
40. СИДОРОВ А. Л. Из истории подготовки царизма, с. 132.
41. ЦГАВМФ СССР, ф. 418, оп. 1, д. 483, лл. 7—8.
42. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 444, л. 329.
43. ПЕТРОВ М. А. Подготовка России к мировой войне на море. М, 1926, с. 141.
44. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 444, лл. 251—257.
45. ПЕТРОВ М. А. Ук. соч., с. 200; ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 444, л. 329.
46. ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 1109. лл. 67—69.
47. Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 1837, лл. 1—7 и др.
48. ЦГИА СССР, ф. 1278, оп. 6, д. 952, лл. 3—4.
49. ЦГВИА СССР, ф. 1, оп. 1, д. 77921, лл. 56, 66.
50. ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 5, д. 194, л. 7.
51. ЦГВИА СССР, ф. 2000, оп. 1, д. 326, лл. 22—28.
52. Там же, ф. 1, оп. 1, д. 77912, лл. 116, 122, 125, 127.
53. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Акционерные компании в России. Л. 1973, с. 234.
54. ВАЙНШТЕЙН А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М. 1960, с. 368.
55. Там же; ЛЯЩЕНКО П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1948, с. 155.

Пограничная стража и контрабанда в России начала XX века

Е. К. Сухова

Организация борьбы с контрабандой в России на рубеже XIX—XX вв. возлагалась на Отдельный корпус пограничной стражи, находившийся с 15 октября 1893 г. в подчинении Министерства финансов, глава которого являлся шефом этого корпуса. К первой мировой войне пограничная стража состояла из корпусного управления, 31 погранбригады, двух особых отделов и флотилии из 10 морских крейсеров, а Заамурский погранокруг, отличавшийся от прочих по назначению, — из 6 конных и 6 пеших полков, 6 конных батарей и 6 железнодорожных батальонов. Бригады распределялись по таможенным округам, которые делились на отделы, отделы — на отряды, отряды — на посты и кордоны.

Численность погранстражи постоянно росла. Если в 1827 г. она составляла 3282 солдата и 327 чиновников и офицеров, а в 1850 г. — 3775 солдат и 228 офицеров, то в 1913 г. — 36 519 солдат и 1147 офицеров (из них 14 872 пеших и 9128 конных в Заамурском пограничном округе, который борьбой с контрабандой не занимался)[1].

В обязанности корпуса входили охрана государственной границы, задержание и досмотр в 7-верстной приграничной зоне дезертиров, бродяг, беспаспортных и «подозрительных», в 3-мильной прибрежной пограничной полосе — всех судов, охрана выброшенных на мель или берег судов и других предметов, пресечение их расхищения, помощь потерпевшим кораблекрушение, наблюдение за тем, чтобы не устраивались ложные маяки, и несение при необходимости карантинной службы. А самое главное — Отдельный корпус пограничной стражи должен был предотвращать незаконный ввоз из-за границы любых предметов и задержку контрабандистов.

Имелись две линии погранстражи. Первая занималась охраной границы, вторая — наблюдением за приграничной полосой. В тылу первой линии действовали «летучие отряды» из 6—10 конных либо пеших стражников и офицера. Для патрулирования границы с кордонов высылались дозоры. Бригады, охранявшие морские границы и судоходные пограничные реки, имели гребные или парусные флотилии. Существовали также небольшие крейсера — пограничные сторожевые корабли с командой в 10—15 человек, действовавшие, однако, неэффективно: задержаний контрабанды у них почти не было[2].

В местностях с железнодорожными линиями существовали железнодорожные отряды, имевшие право задерживать контрабанду, провозимую поездом. Вдоль границ с Афганистаном, Ираном и Турцией содержались летние посты (до прекращения сообщения из-за снежных заносов) и зимние, зачастую отстоявшие от границы на расстояние до 30 верст. Для охраны горных участков наличных сил пограничной стражи явно не хватало, тем более что

Сухова Елена Константиновна — заведующая архивом Научно-исследовательского института железобетона.

с зарубежной территории постоянно прорывались крупные вооруженные банды, угонявшие скот, грабившие пограничные селения, убивавшие пограничников и не только упорно защищавшие в вооруженных столкновениях со стражниками свой товар, но нередко и сами атаковавшие их. В 1904—1905 гг. в Бакинской и Елисаветпольской бригадах погибло в столкновениях с контрабандистами 13 и было ранено 30 стражников, в 1907—1912 гг. — убито 36 и ранено 49 стражников. За 1907 г. в Кавказских бригадах произошли 104 вооруженные стычки с контрабандистами, в ходе которых было убито 13 пограничников и ранено 12 и соответственно — 80 и 45 контрабандистов[3].

Служба, особенно в горной и пустынной местности, была трудной. Недостаток воды и продовольствия (местные жители нередко отказывались продавать их страже, а подвоз был затруднен отсутствием дорог), непривычный климат, плохие условия проживания, малая надбавка к жалованью при ежедневных нарядах по 12 часов делали профессию пограничника малопривлекательной[4].

В помощь погранстраже для прикрытия наиболее опасных участков направлялись воинские команды, но небольшие: в 1900 г. — лишь два офицера и 30 солдат, в 1908 г. — соответственно 45 и 1301. Военное министерство было недовольно таким отвлечением войск и потому не раз обращалось к министру финансов с просьбой усилить погранбригады. Для предотвращения подкупа стражников была разработана система материальной заинтересованности. Задержанная контрабанда направлялась на аукцион, где продавалась обществам или частным лицам, причем около 45% выручки принадлежали задержателям[5]. Однако такая система имела и недостатки.

В большинстве округов в тылу первой линии пограничной стражи действовали отряды корчемной стражи, подведомственные таможенному управлению, в задачу которых входила борьба с контрабандой продовольственных товаров, в основном — спирта. Было бы логично предположить, что обе службы, несшие сходные функции, помогали друг другу. Однако документы отражают частые взаимные претензии, поскольку, соблюдая собственный интерес, корчемная стража во многих случаях не только не стремилась к совместным с пограничной стражей действиям, но, напротив, не имея достаточных сил для задержания крупных партий контрабанды, все же действовала самостоятельно.

Причиной являлось то, что при совместных операциях корчемная стража получала бы меньший процент наградных, так как приходилось делить их между большим числом участников задержания.

Итак, под угрозой увольнения со службы корчемные стражники должны были задерживать определенное количество нарушителей границы. Собственных сил для этого не хватало, а совместные действия с пограничной стражей были невыгодны в финансовом отношении. Из этого положения иногда выходили незаконным образом: через агентов за границей приобретался товар, например сигары в Пруссии по 1 р. 38 к. (в переводе) за ящик. При законном ввозе за них пришлось бы заплатить 7 руб. 28 к. пошлины за фунт. Сигары тайно доставлялись на территорию России и задерживались под видом контрабанды. После этого тот же ящик сигар продавался с аукциона за 8—10 руб., принося неплохую прибыль[6].

Вообще выплаты за задержание контрабанды достигали значительных сумм. В 1904 г. Бакинской бригаде было выплачено наградных офицерам за 18 задержаний 847 руб., солдатам за 201 задержание — 4425 руб.; Закаспийской бригаде: офицерам за 15 задержаний — 249 руб., солдатам за 131 задержание — 5044 руб.; Черноморской бригаде: офицерам за 12 задержаний — 379 руб., солдатам за 26 задержаний — 508 рублей[7].

Пограничные округа в зависимости от географического положения различались по методам борьбы с контрабандой. 1-й округ контролировал Беломорское побережье, границы с Финляндией и часть Балтийского побережья с островами, всего 3275 верст. Контрабандный промысел там был ограничен: на кораблях из Норвегии и на санях или железной дорогой через Финляндию ввозили чай, кофе, сигары, табак, спички и металлические изделия только для местного употребления. Вывозная контрабанда тоже была незначительной. Одной из особенностей данного региона являлся способ доставки через Мемель и Гельсингфорс контрабандного спирта. На некотором расстоянии от берега его в бочках спускали с судов в море, а затем подбирали и доставляли на берег.

Сложнее было положение во 2-м и 3-м округах. Балтийское побережье везде доступно для мелкосидящих судов, посты же стражи были редкими и малочисленными. К тому же сухопутные границы с Пруссией и Австрией, охранявшиеся этими округами, являлись наиболее активными зонами проникновения контрабанды. Она проносилась потайными тропами

или перевозилась лодками через Вислу. Преобладали при этом серебро в слитках, сахарин, спирт, чай, сигары, галантерея, мануфактура, кораллы и плетенные из соломки шляпные ленты. Стоили они дорого и оставались устойчивыми предметами контрабанды, о чем свидетельствует описание задержания в журнале «Страж» за 1908 г.: «7 ноября 1907 года команда Козегловского отряда Ченстоховской бригады пограничной стражи — штабротмистр Соколовский совместно с 11 нижними чинами того же отряда и корчемными стражниками — обнаружила в домах жителей поселка Козеглово (4 версты от границы) 11 контрабандных плетеных из соломы лент, оцененных таможней в 114 рублей 50 копеек».

В 4-м округе, на границе с Румынией, поскольку последняя не производила конкурентоспособных товаров, контрабанда почти отсутствовала. Только в 1904 г., когда там было введено положение о казенной продаже алкогольных напитков, возросла контрабанда спирта (867 задержаний на сумму 15 753 руб.). 5-й округ нес службу на побережье Черного моря. Его работа осложнялась тем, что охраняемый берег был удобен для скрытного причаливания лодок. Тут ввозились мелкие колониальные товары турецкого происхождения и табак. Спиртные же напитки доставлялись на военных судах, возвращавшихся из заграничного плавания.

В 6-м округе 5 бригад стояли вдоль 1343 верст границы с Турцией и 1268 верст границы с Ираном по горам, скалам, ущельям и берегам морей. Организованные сообщества контрабандистов здесь отсутствовали, но по обе стороны границы жили богатые люди, нанимавшие для транспортировки контрабанды вьючных лошадей и сильный вооруженный конвой. Тайно ввозились для местных жителей шелк, парча, грубошерстные ковры и хлопчатобумажные платки, а также на продажу чай, сахар и порох. Значительную часть контрабанды составлял скот. Когда в 1904 г. была введена обязательная вакцинация для предотвращения эпизоотий, скот, прошедший ее, метился клеймом и становился легкоотличимым. После этого его контрабанда сократилась.

Ввиду отсутствия в 5-м и 6-м округах корчемной стражи, резкого недостатка людей и чрезвычайно тяжелых природных условий на летнее время пограничная стража усиливалась войсками. Не легче было положение и в 7-м округе (граница с Ираном, Афганистаном и по Каспию), где контрабандой занимались почти все местные жители. Горами и пустынями, через пески и по караванным тропам, вьюками на ослах, верблюдах и лошадях шли товары в Хиву, Асхабад, Мерв и Бухару. Там существовали кланы контрабандистов, ввозившие чай, сахар, галантерею, ковры, ткани и шкуры животных.

В целом контрабандный промысел процветал. Во 2-м и 3-м округах не последнюю роль играли при этом родственные отношения, которыми были связаны поставщики и покупатели по обе стороны границы. Помогали относительная легкость ее преодоления и высокие таможенные пошлины, делавшие легальный провоз популярных товаров накладным. В 6-м и 7-м округах на положение дел влияла межплеменная вражда, сопровождавшаяся набегами заграничных племен на российскую территорию с грабежами и угонами скота, а также целенаправленно организуемая транзитная контрабанда на рынки крупных городов Средней Азии. Местные племена получали выгоду, отдавая в аренду вьючный скот и нанимаясь проводниками и носильщиками в такие караваны.

Штаб Отдельного корпуса пограничной стражи возлагал надежду в борьбе с контрабандой на тайных агентов, которые давали соответствующие сведения. Инструкция 1905 г. предоставляла офицерам, ответственным за эту работу, широкие полномочия, включая возможность свободно переходить границу (для чего они снабжались бесплатными годовыми заграничными паспортами) и неконтролируемые денежные операции для оплаты агентов, причем ради конспирации запрещалось вести записи о контактах с ними. В инструкции подчеркивалось, что офицер, ведущий агентурную работу, «не должен гнушаться общением с личностями, низко стоящими по их положению, происхождению и нравственным качествам». Такие агенты часто давали недостоверную информацию.

Делу мешала и недостаточность штатного состава: Черноморская бригада имела в среднем по 1,3 человека и 0,3 строевой лошади на охраняемую версту; Аму-Дарьинская бригада — 0,93 человека и 0,43 строевой лошади. Пограничникам не хватало плавучих средств. Слабо были оборудованы казармы, плохими были патрульные дороги[8], чем не раз пользовались нелегальные политические партии и лица: теми же путями в Россию нередко поступали оружие и подпольная литература.

В революцию 1905—1907 гг. возрос ввоз контрабандного оружия. 20 октября 1905 г. военный агент в Вене доносил, что неизвестными лицами в Будапеште, Вене, Воллерсдорфе и Праге были произведены закупки огнестрельного оружия, патронов, которые, видимо, при содействии русских пограничников и железнодорожников будут переправлены в Россию через Черновцы, Тарнополь, Брод и Тарнобжег. По сообщению этого агента, партии оружия готовились к отправке также через границу с Германией. Однако, согласно донесениям в штаб 3-го округа пограничной стражи, охранявшего границу на указанных направлениях, оружие задерживалось лишь изредка в числе прочей контрабанды и только в одном-двух экземплярах. В отчете о деятельности пограничной стражи за 1905 г. отмечено при досмотре (как исключительный случай) изъятие на финляндской сухопутной границе пяти револьверов «браунинг» с запасными магазинами при передаче их неким Пухтемяки двум путиловским рабочим[9].

Журналы «Страж» (ежемесячник для нижних чинов пограничной стражи, выходивший с 1908 г.) и «Пограничник» (аналогичное издание для офицеров, выходившее с 1906 г.) регулярно публиковали в разделе «Выдающиеся происшествия» статистику задержания оружия на границе. Она подтверждает относительно небольшой объем контрабанды такого рода и тогда и в дальнейшем. За ноябрь 1908 г. было отмечено всего 26 случаев задержаний чинами Западно-Сухопутных и Кавказских бригад оружия и боеприпасов (16 винтовок, 9 ружей, 13 револьверов, 786 патронов, 8,5 фунтов пороха и 4 кинжала)[10].

Имели место отдельные изъятия литературы противоправительственного содержания. В отчете о деятельности бригад пограничной стражи за 1905 г. отмечаются задержание 20 января в Ченстоховской бригаде И. Шлёндака с 224 экз. газеты «Поляк», 26 экз. других газет и 27 брошюрами, 30 января — крестьянина Т. Кайца с 39 экз. политических прокламаций[11]. Вообще же пограничники находили контрабандное оружие и политическую литературу лишь от случая к случаю. Массовых задержаний такого рода не было.

Руководство погранстражи возражало против предположений военного командования, в частности начальника штаба Варшавского военного округа, что пограничники пропускают оружие за взятки, и высказывало мнение, что оно доставлялось в Россию легально — среди личных вещей проходивших через таможню лиц или в числе «прочего товара» — и значит, к ведению пограничной стражи и не относилось. Военные агенты в Париже и Гааге косвенно подтверждали именно такой способ подпольного появления в России оружия, сообщая о массовых закупках его на Льежском оружейном заводе и доставке в пределы страны в вагонах с углем либо в ящиках с металлическими изделиями[12].

Примечания

1. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР, ф. 4888, оп. 1, д. 246, лл. 40, 28; ф. ВУА (Военно-ученый архив), д. 31825, ч. 1, л. 19.
2. Там же, ф. 4895, оп. 1, д. 14, лл. 83, 365; д. 7, л. 142; ф. 4888, оп. 1, д. 246, лл. 25, 72; Страж, 1908, № 10, с. 150.
3. ЦГВИА СССР, ф. 4895, оп. 1, д. 14, лл. 20, 273; ф. 4888, оп. 1, д. 7, л. 183; д. 246, лл. 83, 72; Пограничник, 1908, № 26, с. 500.
4. ЦГВИА СССР, ф. 4895, оп. 1, д. 14, л. 185 (подсчеты автора); ф. 4888, оп. 1, д. 247, л. 70.
5. Там же, ф. 4888, оп. 1, д. 7, лл. 47об., 102.
6. Там же, л. 47.
7. Там же, д. 5, лл. 1—3; д. 7, л. 178; ф. 4895, оп. 1, д. 14, лл. 121, 190, 236; ф. 400, оп. 4, д. 487, ч 3, д. 74.
8. Там же, ф. 4888, оп. 1, д. 7, лл. 42—43; ф. 4895, оп. 1, д. 14, л. 236 (подсчеты автора); Страж, 1908, № 1, с. 8.
9. ЦГВИА СССР, ф. 1859, оп. 1, д. 3028, лл. 375, 427; ф. 4888, оп. 1, д. 15, л. 19.
10. Страж, 1908, № 10, с. 4; Пограничник, 1910, № 35, с. 799; № 36, с. 825.
11. ЦГВИА СССР, ф. 4888, оп. 1, д. 7, л. 83об.; Страж, 1908, № 7, с. 99.
12. ЦГВИА СССР, ф. 1859, оп. 1, д. 3028, л. 436.

Флорентийский гуманист Анджело Полициано

И. В. Шевченко

«Флорентийским умам нет преград» — таков девиз первого типографа из Флоренции Б. Ченнини, изобретшего в 1471 г. подвижные литеры и повторившего тем самым открытие Гутенберга. В итальянском Возрождении вообще имелось немало ярких деятелей, а Флоренция XV в. дала их особенно много. Город республиканских демократических традиций, богатый и цветущий, стал тогда одним из главных центров гуманизма и ренессансного искусства. Там процветало меценатство. Особенно славился им богатый пополанский род банкиров и торговцев Медичи. Помимо покровительства наукам и искусству, Медичи активно участвовали в политической жизни.

При Лоренцо Медичи (1449—1492), продолжавшем политическую линию своего деда Козимо Медичи Старшего, они стали фактическими правителями города, сохранившего республиканское устройство. Лоренцо, прозванный Великолепным, был одаренным поэтом и собрал вокруг себя широкий круг литераторов, философов, художников, просветителей. Он покровительствовал талантливым молодым людям, многие из которых становились потом его друзьями и единомышленниками. С Лоренцо связано и начало творческой деятельности оригинального мыслителя-гуманиста Анджело Полициано. Его поэтическое творчество достаточно хорошо известно любителям итальянской литературы. Но мировоззрение Полициано-гуманиста исследовалось мало[1].

Полициано (Анджело Амброджини из Mons Politianus, по-итальянски Монтепульчано) родился 14 июля 1454 г. в небольшом городе Тосканы. С детства он увлекся древними языками, много читал и еще 10-летним мальчиком перебрался во Флоренцию, так как овдовевшей матери трудно было воспитывать пятерых детей. Ее семья была среднего достатка; отец семейства — юрист Бенедетто Амброджини — был убит в 1464 г. из мести одним из враждебных кланов. Во Флоренции Анджело перебивался в небогатом доме дяди, испытывал много злоключений из-за своего характера и внешности. Современники писали, что он был косоглазым, с огромным носом и сильно хромал, отличался резкостью, агрессивностью и нетерпеливостью, но был предан любимому занятию — изучению древних языков и переводам из античных авторов. 15-ти лет он начал посещать Флорентийский университет, где его учителями были мыслители и философы К. Ландино, М. Фичино, Дж. Аргиропуло.

Прекрасное знание древнегреческого позволило Анджело успешно завершить перевод «Илиады» Гомера, который он посвятил Лоренцо Медичи. Меценат пригласил переводчика к себе и взял под покровительство, а позже доверил ему воспитание своего сына Пьеро. Так Амброджини оказался в центре культурной жизни Флоренции. Вскоре за ним закрепилось гуманизированное имя Полициано. Он стал вхож в Платоновскую академию — философско-литературный кружок, который возглавлял Фичино. Там у него установились широкие знакомства и дружеские контакты со многими гуманистами.

В ту пору Флоренция часто приглашала в республиканскую канцелярию знающих и выдающихся гуманистов. В ней возникли знаменитые библиотеки. Всем своим обликом Флоренция символизировала новое ощущение жизни и человеческих ценностей, становясь как бы моделью той «республики ученых», мечтою о которой жили тогда лучшие европейские умы.

Шевченко Ирина Вячеславовна — кандидат исторических наук, сотрудник Дома работников просвещения Советского р-на г. Москвы.

Самые счастливые для Флоренции годы — середина XV в., когда на городских площадях, в лоджиях и в домах образованных горожан собирались свободно дискутировавшие просто одетые молодые люди, не пренебрегавшие компанией торговцев и мастеровых. Они постепенно превращали город в столицу гуманистического мира. Центром притяжения литераторов, философов и художников стали меценатствующие дома и уединенные загородные виллы, располагавшие к плодотворным размышлениям.

Новый смысл человеческой жизни, осознанный гуманистами, проявился во всех аспектах жизни Флоренции, начиная с жилища горожанина и кончая переменами в формах общественного быта. Дом для человека являлся теперь своеобразной визитной карточкой, заявкой на внимание общества, символом жизни политика, торговца или художника. Изменилась не только внешняя его сторона: другим стал и интерьер жилищ, и города в целом. Улицы покрывались брусчаткой. Появились первые тротуары у домов. Было изобретено такое черепичное покрытие крыш, по которым дождевая вода скатывалась, не попадая на фасады домов и тротуары. Флорентийцы заботились об освещении улиц. Дома становились более удобными и изысканными. Для их отделки использовали преимущественно дерево. В дни праздников фасады украшались гобеленами, над которыми работали лучшие художники, включая С. Боттичелли. В домах впервые появились комнаты, где человек мог «писать и думать», — кабинеты, которые оказались нужными и торговцу, и философу, и государственному деятелю.

Флорентийцы создавали свою моду в одежде, благо у них имелись для того экономические предпосылки (развитые шерстяное дело и шелкоткачество, торговые связи со всем миром) и эстетический вкус. Изысканными и изощренными были их костюмы. При Лоренцо, для которого роскошь была образом жизни, усложнилась конструкция одежд, костюм стал пышным, в моду вошли дорогие тяжелые ткани и большое количество украшений. Хотя в семьях по-прежнему муж являлся главным экономически действующим лицом, а на жене лежала ответственность за дом и воспитание детей (в том числе мальчиков, что ранее находилось в ведении отца), главное, что теперь заботило родителей, — удачно женить сыновей. Для флорентийцев XV в. было важно исполнить гражданский долг, состоявший в создании нового семейного ядра, способного принести пользу родине.

Отношение к женщине в среде богатого пополанства претерпело изменения. Женщине новой эпохи недостаточно было быть красивой, здоровой, набожной и хорошей матерью, вроде жены Лоренцо — Клариче Орсини. От хозяйки дома требовалось умение создать в нем атмосферу слияния искусства и культуры с политическими и экономическими моментами. Изысканность, светскость, умение вести беседу и слушать, любовь к музыке и развлечениям сам Лоренцо находил не у своей жены, а у Лукреции Донати и Бартоломеи Бенчи, его брат Джулиано — у Симонетты Веспуччи. Важным достоинством женщины стала ее индивидуальность. Женщины из знатных семейств принимали участие в политической жизни.

Детей воспитывали в строгости и любви, в том числе внебрачных. Главная задача воспитания заключалась в том, чтобы научить ребенка вести хозяйственные дела. Вся семья трудилась целый день, несмотря на то что даже в домах скромных торговцев имелось несколько домашних слуг. Быт был прост, спать ложились рано, вечерние выходы не практиковались. Но заранее готовились к праздникам, особенно женщины, ибо во Флоренции искусство косметики, никогда не умиравшее в Италии, достигло расцвета.

Флорентийцы любили массовые празднества. При Лоренцо Великолепном карнавалы и военно-спортивные состязания стали регулярными. Соблюдались также религиозные и домашние праздники. Банкеты и дружеские обеды были сходны с античными «симпозиумами», символизировавшими единство тела и духа. Они сопровождались учеными беседами и музыкальными номерами. Возрожденческое общество привнесло в пиры элементы представительства и демонстрацию богатства. Отдельно устраивались танцевальные праздники, которые флорентийцы очень любили, и те могли длиться день и ночь, например Первый день весны и День св. Джованни, покровителя города. Было общепринято, что женщины приглашали кавалеров на танец.

Чисто мужским занятием являлось посещение трактиров. Там встречались молодой Лоренцо и его друзья, художники и литераторы. Качество трактиров зависело от поваров, но одинаково бесспорного мастерства достигли они в изготовлении сладостей, особенно конфет. Характерной чертой вкусов флорентийцев было потребление специй, что часто влекло за собой соответствующие болезни. Отношение к болезням тоже изменилось. Они воспринимались как нарушение гармонии, которое должна исправить сама природа. Анатомия стала доступной практическому изучению для врачей и художников. Познав тайны тела, человек стал исследовать и таинство смерти.

Авторитет медика был тогда во Флоренции очень высок, причем от него требовалась и философская культура. Медики нередко держали аптеки или работали при них. Аптека тоже была местом встреч литераторов, политиков, ученых и богатых бездельников. Последних уже было немало. Наконец, новое понимание смысла жизни проникло и в школьное образование. Главное, чему учили маэстро на примере древних, — как овладеть знанием и применять его.

В итальянском гуманизме этого времени определилось несколько направлений. Гражданский гуманизм (Л. Бруни, М. Пальмиери, Д. Аччайуоли, А. Ринуччини) уделял большое внимание общественно-политической практике, признавая главным достоинством человека-гражданина служение общественному долгу и подчинение личного интереса общему благу. Особое направление в гуманизме было связано с именем Л. Б. Альберти, создавшего концепцию человека-творца, который заключал бы в себе гармонию окружающего мира и самого человека. Эта теория нашла дальнейшее развитие в творчестве Леонардо да Винчи. Представителями неоплатонизма являлись Фичино и Дж. Пико делла Мирандола. Неоплатоники делали акцент на познавательной деятельности и призывали к отвлечению от суетности мира. Пико выдвинул теорию героизации личности — учение о «свободно стоящем над миром человеке»[2].

Однако многие флорентийские гуманисты не принадлежали к какому-либо определенному направлению. Это относится и к Полициано, совмещавшему в своем мировоззрении идеи разной направленности. Ему были близки и мысли гражданского гуманизма, и неоплатоников, и Аристотеля. В творчестве Полициано можно выделить две главные линии: поэзия и гуманистические занятия, связанные с преподаванием во Флорентийском университете.

Поэзия сопровождала всю его жизнь. Но помимо сугубо поэтических сочинений («Станцы на турнир», циклы лирических стихотворений, элегия на смерть Альбиеры Альбицци), у него имелись также эпиграммы, проповеди, публичные речи, дневниковые записи и письма как особый литературный жанр. Он внес значительный вклад в развитие драмы, создав первую ренессансную гуманистическую пьесу «Сказание об Орфее», сменившую традиционное средневековое «священное представление». Полициано писал как на латыни, так и на вольгаре (народном итальянском). Он принадлежал к поэтическому кружку Лоренцо, который был одержим идеей восстановления места народного языка в литературе. Поэтому у Полициано итальянская лирика и латинская поэзия равны в правах, а кроме того, многие его эпиграммы написаны на греческом.

В целом литературное его наследие опубликовано и достаточно изучено. Ряд его трудов посвящен этике, риторике, филологии, поэтике, истории, однако последние еще не стали предметом специального исследования, литературоведов же привлекали в них лишь достоинства языка и стиля. Сам Полициано считал себя прежде всего «грамматиком», то есть переводчиком и комментатором текстов. Объектом его гуманистических пристрастий была история литературы и философии, и именно в этой сфере он сделал очень многое.

Соотношение человека и окружающей его действительности — главная проблема его творчества, которую он рассматривал в динамике. Так сложился его метод, внесший элемент историзма в гуманистическую филологию, — «критический метод», иначе «диалектика Полициано». Его основные черты: первостепенное внимание к тексту, отказ от подражания древним в манере изложения. Существует также мнение, что этот метод сродни гуманистическим принципам Лоренцо Валлы.

Критика присутствует у Полициано не только при анализе творчества античных авторов, но и при комментировании или подготовке к изданию памятников античной мысли, например «Пандект» из кодекса Юстиниана, а также самых различных древних сочинений, посвященных агрикультуре, ветеринарии, медицине, музыке и кулинарии, в том числе трактатов Пелагония, Галена, Птолемея и Цельсия.

Деятельность Полициано была многогранной. Он переводил с греческого (Геродиан, «Восемь книг истории от смерти Марка», Эпиктет, «Руководство», перипатетик и комментатор Аристотеля Александр Афродизийский); 14 лет преподавал в университете, читая лекции по античной литературе и философии; комментировал Стация, Квинтилиана, Вергилия, Теокрита, Овидия, Горация, Ювенала, Гомера. Активно усваивая идейное наследие древних, он выработал собственную концепцию развития мира и человечества. Например, пришел к выводу о первостепенном значении поэзии для формирования совершенной личности, чему была посвящена одна из его вступительных лекций — «Кормилица» — к университетским курсам[3]. Работу над текстами Полициано вообще всегда сопровождал вступительными лекциями, комментариями или письмами, в которых излагал, отправляясь от общей темы, свои мысли по данному поводу и полемизировал.

Полемика стала тогда особым видом деятельности и способом участия мыслителей в гуманистическом движении. В споре с цицеронианцем, сторонником подражания античности А. Кортезе, Полициано отстаивал право на независимую от древних образцов форму изложения. Длительной была дискуссия с Б. Скала и Дж. Мерула об особенностях и принципах стиля. Анджело высоко ценил и применял в преподавательской практике искусство спора, внушал слушателям в университете, среди которых было много иностранных студентов, необходимость овладения риторикой и полемикой. Поэтому особый интерес он проявлял к сочинению Квинтилиана об ораторском искусстве.

Преподавание в университете стало особой сферой его гуманистической деятельности. Этому предшествовал кризис в его жизни. С юных лет связанный с домом Медичи, Полициано с 1478 по 1480 г. находился в разрыве с Лоренцо. После событий антимедичейского заговора 1478 г., повлекших за собой смерть Дж. Медичи и двухлетнюю войну Флоренции с папой Сикстом IV, пребывая в состоянии депрессии из-за ссор с женой Лоренцо и лишенный права быть воспитателем их сына, Полициано покинул родной город в поисках нового пристанища. Его уже более не удовлетворяло положение придворного поэта и спутника развлечений Лоренцо. Он почувствовал интерес к научной работе и способность передавать свои знания ученикам. Не последнюю роль сыграли и соображения материальной независимости.

Полициано пригласили поселиться при дворе мантуанских герцогов Гонзага, но он предпочел вернуться во Флоренцию, приняв все же приглашение Лоренцо, этого мастера компромиссов: гуманисту была предоставлена кафедра в университете, после чего открылся новый период его творческой деятельности, длившийся вплоть до смерти, наступившей 29 сентября 1494 года. За это время он опять сблизился с Медичи, однако теперь был материально независим.

Гуманист многое сделал для процветания флорентийской культуры. Ради собирания библиотек (собственной и для Лоренцо) он совершал поездки по городам Апеннинского полуострова в поисках редких манускриптов и первых печатных книг. Только за одно путешествие в июле 1491 г. Полициано и Пико делла Мирандола посетили публичные и частные библиотеки Болоньи, Феррары, Венеции и Падуи, приобретя массу книг и рукописей античных и восточных авторов.

Особый интерес представляют оценки Полициано общественного развития. Ценным источником для их анализа является его сочинение «О заговоре Пацци», тем более что он был очевидцем и участником описываемого события, находясь рядом с Медичи в момент покушения на них. Сочинение посвящено заговору 1478 г., составленному знатными флорентийскими семействами Пацци и Сальвиати[4]. Выступление окончилось поражением, хотя Джулиано Медичи погиб, а Лоренцо был ранен. Это событие сыграло существенную роль в жизни Флоренции. Затем благодаря дипломатии Лоренцо город обрел мир, и вместе с ним утвердилась тирания Медичи, чему способствовала и филомедичейская кампания, организованная Лоренцо. Для борьбы с тайным покровителем заговора — папой римским — Медичи привлек лучшие умы флорентийцев. Полициано было поручено описать это событие в назидание потомкам. Его сочинение изобилует сценами наказания преступников и примерами силы духа «благородных» Медичи и их сторонников.

Тема столкновения разных общественных группировок предоставила Полициано возможность продемонстрировать свои принципы оценки политической жизни. Очевиден нравственный его подход к делу. Причинами заговора он считает моральное несовершенство и порочность заговорщиков, которым противопоставлены положительные действующие лица. Главными достоинствами благородных людей Полициано признает силу духа, сопутствующие ей добродетели, умение сочетать в активной деятельности личные и общественные интересы. А исход политических событий зависит от того, как проявят себя конкретные личности. Полициано обосновывает необходимость «мудрого правителя» для благополучного существования общества. У каждого — свое доброе дело. Достойным гражданином является тот, кто успешно занимается таким делом. Для Лоренцо — это мудрое правление, для иных — торговля, праздность же должна осуждаться.

Эта идея была связана с представлениями Полициано о месте человека в мире. Гуманист признает его главенствующее положение, считая основными отличительными чертами человека разум и способность к овладению знанием. Поэтому философия играет важную роль, воспитывая человека в духе добродетели. «Кто не изучает философию, тот не заботится о собственном счастье», — пишет Полициано[5]. В письме к Б. Скала «В защиту стоика Эпиктета» он также проводит мысль, что именно от человека зависит, быть счастливым или нет. Как творец собственной судьбы человек реализуется в общественной деятельности. Социаль-

ная активность — вот путь к нравственному совершенству. Но важна и созерцательность — призвание для поэта и философа, однако не оторванное от действительности. Уединение на лоне природы необходимо только для того, чтобы лучше исполнить затем работу, приносящую непосредственную пользу. У Полициано не было призывов к отвлеченным размышлениям, и этим он отличался от своих коллег по Платоновской академии.

Творчество Полициано и его личность оставили яркий след в истории мировой культуры. На знаменитой фреске живописца Д. Гирландайо в Сикстинской капелле Полициано изображен в окружении видных представителей культуры своего времени, и это место принадлежит ему по праву. Флорентийцы увековечили его память в названии одной из улиц города. Она пересекается с улицей Лоренцо Великолепного, следует параллельно улице Кристофоро Ландино.

Примечания

1. Среди отечественных работ: ХЛОДОВСКИЙ Р. И. Гуманизм, народная традиция и классический ренессансный стиль в поэзии Анджело Полициано. — Средние века. Вып. 47. М. 1984.
2. Подробнее см.: РЕВЯКИНА Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М. 1977; ГОРФУНКЕЛЬ А. Х. Философия эпохи Возрождения. М. 1980; БРАГИНА Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М. 1983.
3. POLIZIANO A. Le selve e la strega. In: Prolusioni nello studio fiorentino (1482—1492). Firenze. 1925.
4. Подробнее см.: Проблемы социальной истории и культуры средних веков. Л. 1986.
5. POLIZIANO A. Op. cit., p. 203.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. С. ВАСЮКОВ. *Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г.* М. Наука. 1989. 312 с.

Монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР В. С. Васюкова написана в лучших традициях отечественной историографии, с использованием всех доступных автору источников, в первую очередь — архивных. Особо надо отметить его обращение к материалам Государственной думы и к прессе всех направлений. Книга дает документированную характеристику позиций и настроений определенной части российской общественности, позволяет проследить связь внутренней и внешней политики России. Автор дает достаточно четкие и аргументированные ответы на некоторые дискуссионные вопросы.

Мы согласны с Васюковым в том, что главной и основной целью царской России (как и ее союзников, Великобритании и Франции) в войне являлось «сокрушение военно-политического могущества Германской империи и устранение опасности установления ею своей гегемонии в Европе» (с. 9), но добавили бы к этому еще и стремление дать отпор претензиям Австро-Венгрии на командные позиции в Юго-Восточной Европе. Австрийские планы в отношении Сербии в случае их реализации опрокинули бы весь баланс сил на Балканах. Десятки страниц монографии, и вполне правомерно, посвящены дебатам вокруг Константинополя и проливов, в необходимости овладения которыми были солидарны двор, правые круги, октябристы, прогрессисты и кадеты. И все же Константинополь и проливы не входили в стратегические цели российской политики. Иначе как объяснить, что в обмен на нейтралитет предлагалось признать неприкосновенность границ Турции (с. 92)? В данном случае аппетит пришел во время еды.

Васюков вслед за авторами коллективного труда «История первой мировой войны 1914—1918» (М. 1975) показывает, что к концу 1916 г. перевес сил окончательно склонился на сторону Антанты (с. 271). Генерал-квартирмейстер немецкой армии Э. Людендорф впоследствии писал: «Наше положение было исключительно трудным, и почти невозможно было найти выход... Наше поражение представлялось неизбежным»[1]. Военная мощь России накануне Февральской революции выглядела впечатляюще: 202 боеспособные дивизии в ноябре 1916 г., к весне следующего — еще больше, что значительно превосходило силы противостоявшей стороны (с. 272). Отошла в прошлое острая нехватка оружия, столь трагически сказавшаяся во время отступления 1915 года. Мощным рывком отечественная промышленность сумела закрыть зияющие бреши (кроме тяжелой артиллерии). Февральская революция оказалась неожиданностью и для противника. Незадолго до нее обычно хорошо информированная берлинская газета «Post» с тревогой писала: «Силы России постоянно растут с ужасающей быстротой» (с. 251).

Кризис российских верхов возник не вокруг вопроса о целях войны — здесь наличествовала широкая степень согласия от Маркова 2-го до П. Н. Милюкова, — а вокруг способа их реализации и необходимости государственных реформ и

социальных преобразований. К этому выводу подводят читателя те разделы книги, которые посвящены прениям в Думе. Глубокая специфика, можно сказать, уникальность Февральской революции заключалась в том, что она произошла в условиях полувыигранной войны, решительно подчеркнув примат внутренних факторов над внешними. Цели войны были чужды втянутым в нее массам. Разруха, словно ржавчина, разъедала экономический механизм страны, транспорт вступил в полосу кризиса, жизненный уровень падал, кормильцы погибали на фронте, итоги и судьбы войны не затрагивали жизненных интересов населения. Весь этот тугой узел трудностей и противоречий создавал условия для результативной деятельности революционеров. Но перед Февралем национальная катастрофа России не угрожала. Так когда же, при каких обстоятельствах выросла эта угроза?

Васюков — один из тех, кто стирает клеймо изменницы с чела императрицы Александры Федоровны. Это ни в малой степени не освобождает ее от вины за постоянное, некомпетентное и всегда на стороне реакционных сил вмешательство в политику. Она являлась соучастницей таких головокружительных акций, как самоназначение Николая II на пост Верховного главнокомандующего в 1915 г. или смещение пользовавшегося весом и в Думе, и за рубежом С. Д. Сазонова с должности министра иностранных дел и замена его бесцветным, но зато вполне правым и абсолютно послушным Б. В. Штюрмером. Все это свидетельствовало о полной слепоте августейшей пары, собственноручно способствовавшей нарастанию кризиса верхов.

Монография завершается главой, посвященной поискам мира в 1916 году. Автор показывает, и вполне обоснованно, что следует проводить различие между зондажем, контактами, преследующими цель «прощупать» противника, разведать его состояние, настроение правящих кругов, армии, населения (с. 238), и переговорами о мире. Последние царским правительством не велись, и вплоть до подписания акта об отречении Николай II сохранял верность Антанте. В работе выражается сожаление по поводу того, что сторонники версии о «заговоре царизма» разбирают не реальные поступки и мысли тех или иных лиц, а то, как они «должны были бы поступать» в представлении самого исследователя, исходя из его оценки тогдашней обстановки (с. 239).

Несколько особое место занимают в книге главы третья, четвертая и пятая, посвященные малоизученным конкретным вопросам — заключению русско-японского союза, вовлечению в войну Китая и сближению с США, — ценные своим богатым и свежим фактическим материалом.

Конечно, Васюков не мог охватить все аспекты обширной проблематики, относящейся к рассматриваемой им теме. Представляется, что еще многое надо исследовать в механике принятия решений, деятельности царского окружения или, как уже тогда его именовали, дворцовой камарильи. Зловещая фигура Г. Распутина мелькает в книге лишь бледной тенью. Степень его воздействия на внешнеполитические решения остается вне поля зрения автора. Встает вопрос и о мере ответственности Николая II. Почему этот человек, будучи по характеру «более склонным к положениям нерешительным и неопределенным»[2], не любящий ставить точки над i, не знавший, как ему убить время в Ставке, ибо командовать армией он не умел, вдруг принимал судьбоносные решения?

Васюков систематизирует и обобщает высказывания В. И. Ленина о перспективах мира, правомерно подчеркивая, что его прежде и больше всего интересовал не сам факт — шли ли переговоры, а характер предполагаемого примирения. Но с палитрой воззрений социал-демократов, далеко не однозначных, автор знакомит читателя лишь частично. Ни Г. В. Плеханов, ни Л. Д. Троцкий на страницах книги не появляются, а стоило бы!

Васюков оценивает как безусловный плюс для Антанты выступление на ее стороне Румынии в 1916 г., несмотря на быстрый разгром последней, оккупацию и необходимость для русской армии взять на себя новый фронт (с. 273). В этом случае он расходится с мнениями В. А. Емеца и автора этих строк, исследовавших участие Румынии в войне[3]. В самом деле, почему Ставка так долго сопротивлялась вовлечению Румынии в войну, если выгоды для Антанты были, как пишет Васюков, столь очевидны? А дело заключалось в том, что румынское правительство выговорило себе по союзной конвенции границу, не совпадавшую с этническим разграничением и простиравшуюся на земли с украинским, сербским, да и венгерским большинством. С военной же точки зрения новый фронт заставил русское командование перебросить значительные силы с направления намечаемого главного удара, и это в условиях, когда, по словам самого Васюкова, «царизм надеялся в предстоящей весенне-летней кампании 1917 г. совместно с союзниками сломить наконец хребет германской армии и принудить ее склониться перед волей победителя» (с. 261).

Автор ошибается, полагая, что русско-греческие отношения в изучаемое время остались у нас «в трактовке 20-х годов» (с. 6). Несколько лет назад О. В. Соколовская защитила кандидатскую диссертацию на эту тему, а недавно вышла ее книга «Греция в годы первой мировой войны» (М., 1990).

Но все это — частные замечания. В целом же монография существенно прояснила ряд аспектов истории первой мировой войны.

В. Н. Виноградов

Примечания

1. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. Т. 1. М. 1923, с. 246.
2. БРУСИЛОВ А. А. Мои воспоминания. М. 1982, с. 173.
3. ЕМЕЦ В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны 1914—1917 гг. М. 1977; ВИНОГРАДОВ В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М. 1969.

Е. В. АНИСИМОВ. *Время петровских реформ*. Л. Лениздат. 1989. 496 с.

Книга доктора исторических наук Е. В. Анисимова — плод многолетних трудов, посвященных исследованию истории России XVIII века[1]. Он стремится осмыслить значение петровской эпохи с позиций исторического опыта. Время Петра I для автора — «это время основания тоталитарного государства, яркой проповеди и внедрения в массовое сознание культа сильной личности... время запуска «вечного двигателя» отечественной бюрократической машины, работающей по своим внутренним и чуждым обществу законам и до сих пор. Это и всеобъемлющая система контроля, паспортного режима, фискальства и доносительства... это и страх, индифферентность, социальное иждивенчество, внешняя и внутренняя несвобода личности» в соединении с «подлинным культом военной силы, милитаризмом, военизацией гражданской жизни, сознания, с навязыванием с помощью грубой силы своей воли другим народам... оформлением стереотипов имперского мышления» (с. 11).

Конечно, исторические аналогии — вещь крайне деликатная: за внешней похожестью нередко скрывается принципиально иная сущность, но и без них осмысление прошлого невозможно. Быть может, кого-то будет шокировать употребление применительно к первой четверти XVIII в. таких словосочетаний, как «массовое сознание», «тоталитарное государство», «социальное иждивенчество», или замечание о том, что «Петр был типичным технократом» (с. 42). И можно ли вообще использовать современные понятия при описании явлений прошлого, не противоречит ли это принципу историзма? Но не слишком ли односторонне понимаем и мы подчас этот принцип, по сути не столько объясняя, сколько оправдывая те или иные явления, события, поступки людей особенностями их мышления, психологии, представлений. Называя явления прошлого современными терминами, мы определенным образом их «маркируем», даем им определение, ставим в понятийный ряд. Очевидно, что между тоталитарным государством, сложившимся в результате петровских реформ, и тоталитарным государством XX в. — огромная разница, но они сходны в главном — в своей тоталитарной сути.

Историков, пишущих о проблемах отечественной истории XVIII в., нередко упрекают в том, что многие явления этого столетия они рассматривают без всякой связи с предшествующими веками. Подобный упрек может быть адресован и автору. Действительно, тезис о замысливании реформ еще в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича давно уже стал общим местом. Почва для военной, податной, церковной реформ была подготовлена. Бюрократия петровского времени — прямая наследница приказной администрации XVII в., а созданная Петром I строго централизованная система государственного управления во главе с абсолютным монархом была бы невозможна без того, что «с середины XVII века по невыясненным причинам институт Земских соборов пришел в упадок» (с. 150—151). Но, как отмечает Анисимов, «Петр резко интенсифицировал происходившие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок, перенеся Россию сразу через несколько этапов, которые она, рано или поздно, неминуемо прошла бы» (с. 13).

Эта «революционность» преобразований придала уже происходившим процессам принципиально новое качество. Именно так приказная администрация стала бюрократией, служилые люди — дворянством, а государственный строй — абсолютистским. И именно в этом смысле о XVIII в. и можно говорить как о качественно новом этапе русской истории, когда, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, «завязывались те узлы, которые приходилось распутывать или еще больше запутывать в настоящее время. От того, как мы будем понимать это время, зависит многое в настоящем и будущем, а между тем это время и остается почти неизвестным»[2].

Важным шагом в осмыслении XVIII в. и его места в русской истории и представляется проведенный Анисимовым анализ петровских реформ и его вывод, что «революционность Петра имела... достаточно отчетливый консервативный характер. Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью» (с. 13). Иными словами, реформы Петра I не столько способствовали быстрейшему развитию России в направлении к капитализму, как это нередко утверждалось в литературе, но, наоборот, цементировали феодальные устои. «Промышленность России, — пишет Анисимов, — была поставлена в такие условия, при которых она фактически не могла развиваться по иному, чем крепостнический, пути», а «в системе крепостнической промышленности условий для развития капитализма (и,

следовательно, для оформления класса буржуазии) не было» (с. 295, 298).

Традиционная историография петровской эпохи, в том числе и советская, значительно конкретизировавшая наши знания об этом времени, в целом не выходит, как правило, за рамки двух точек зрения на Петра, сложившихся в самом общем виде еще в спорах западников и славянофилов. Петр — великий преобразователь, создатель могущественной империи, человек, благодаря которому Россия пошла по пути мировой цивилизации, и Петр — разрушитель национальных устоев, из-за которого Россия свернула на чуждую ей капиталистическую дорогу. Анисимов предлагает иной, если и не совсем новый, то, во всяком случае, впервые с такой определенностью выраженный взгляд. Великие реформы, по его мнению, породили социальную стагнацию, заложили в общественное развитие противоречия, чреватые мощным взрывом.

Одно из самых больших достижений автора, его творческая удача — сохранение баланса научности и популярности. Все основные события петровского времени присутствуют на страницах книги, но подаются они как бы в форме деликатного напоминания в контексте изложения общей концепции эпохи. Так же естественно и как бы невзначай возникает в книге и отличная от общепринятой интерпретация отдельных событий, явлений, личностей. Такова, например, точка зрения автора на «измену» Мазепы, которого нередко рисуют как средоточие всех человеческих пороков. «Мы излишне упростим дело, — пишет Анисимов, — если будем видеть в Мазепе человека, чуть ли не родившегося изменником, морального урода, давным-давно вступившего на путь предательства. Все гораздо сложнее, ибо в истории Мазепы как в капле воды отразились проблемы и трагедия всей Украины» (с. 186). Поступок Мазепы, чье верное многолетнее служение российскому престолу вызывало на Украине определенное недовольство, согласно Анисимову, — акт национального спасения в условиях, когда «Петр с присущим ему деспотизмом... мало считался с особенностями политического устройства Украины, видя в гетмане лишь привилегированного исполнителя своей воли. Распоряжаясь материальными и людскими ресурсами Украины согласно задачам, которые он решал в ходе войны со шведами, царь не задумывался над тем, соответствуют ли эти задачи интересам украинского народа» (с. 187).

В ином свете предстают со страниц книги и традиционно трактуемые как прогрессивные реформы Петра в области культуры. По мнению Анисимова, «преобразованная культура стала отчетливо государственной, выполняя, подобно другим реформированным структурам того времени, определенные государственные функции по обслуживанию потребностей власти самодержца» (с. 363). Аналогия очевидна и здесь, хотя понятно, что именно из этой государственной культуры XVIII в. выросла и великая русская культура XIX столетия.

В книге есть некоторые недочеты. Однако в центре споров и размышлений, которые вызовет содержание книги, будут не они, а предложенная автором концепция петровской эпохи. И как бы к ней ни относиться, очевидно, что сама публикация книги вносит немало нового в осмысление событий того времени в контексте всей российской истории, в более глубокое осознание неразрывности связи дня нынешнего и минувшего.

А. Б. Каменский

Примечания

1. Практически одновременно с выходом книги Анисимова появились еще два издания о той же эпохе: БУГАНОВ В. И. Петр Великий и его время. М. 1989; ПАВЛЕНКО Н. И. Петр Великий. М. 1990.
2. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв. М. 1990, с. 6.

Г. П. БАШАРИН. *История земледелия в Якутии (XVII в. — 1917 г.).* В 2-х тт. Якутск. Якутское книжное издательство. 1989—1990. Т. 1. Общее для обоих томов *Введение. Посев и урожай зерновых и картофеля.* 350 с.; Т. 2. *Овощеводство. Техника и культура земледелия. Система полеводства. Социально-экономическое значение земледелия.* Общее для обоих томов *Заключение.* 413 с., 63 с. приложения.

Этническая структура нашей страны складывалась столетиями. Процесс этот протекал в различных природно-климатических зонах, при разных социальных режимах и правовых статусах населения, но тем не менее на протяжении веков шло поступательное развитие многочисленных отраслей материальной и духовной культуры.

Доктор исторических наук, профессор Якутского университета Г. П. Башарин посвящает свою двухтомную монографию «русским крестьянам, начавшим в Якутии XVII в. пахать землю, развивавшим, продолжающим развивать здесь земледелие, и их верным ученикам, друзьям и братьям — якутским и эвенкийским земледельцам с благодарностью, глубоким уважением и любовью» (1, с. 5). В этом посвящении очерчена

главная тема фундаментального исследования, созданного в основном на источниках из архивов Якутии, Сибири, Москвы, Ленинграда и др.

До сих пор мы знали очень мало о возникновении и развитии у якутов и эвенков такой отрасли хозяйства, как земледелие. Между тем с ним были тесно связаны такие процессы, как дальнейшее расширение оседлости коренных жителей, распространение смешанных браков, взаимообогащение языков, общей и бытовой культур. Автор умело сочетает сведения из источников, собранных им буквально по крупицам, с данными фольклора, художественной литературы, собственными наблюдениями, сделанными во время поездок по селениям русских крестьян, улусам якутов, стойбищам эвенков.

Башарин глубоко и всесторонне осмыслил собранный им материал и, пользуясь сравнительным методом, раскрыл общие закономерности исследуемого им процесса. В результате его труд обрел большую убедительность. Он применил свой метод исследования истории земледелия к длительному периоду (около 260 лет) и обширной территории, на которой могли бы разместиться несколько европейских государств средней величины. В центре внимания было и то, что аграрная территория являлась зоной «рискованного земледелия». И не случайно, полагаем, сосредоточение усилий автора на изучении динамики посевов и урожаев зерновых, картофеля и овощей, основных сельскохозяйственных культур, интродукция которых есть показатель уровня развития земледелия.

Монография выгодно отличается обилием нового материала, получившим отражение в тематически оформленных статистических таблицах. Это позволило автору теоретически осмыслить закономерность истории земледелия в Якутии — от зарождения первых очагов хлебопашества до превращения его в расширенное воспроизводство. Весьма глубоки и содержательны соображения Башарина, касающиеся философских аспектов взаимоотношений природы и человека.

Автор показывает, что зарождение и развитие земледелия, связанный с этим процесс развития культуры способствовали сохранению и обогащению национально-культурных традиций как пришельцев, так и коренных жителей. Земледелие и домашнее скотоводство вписались в среду проживания народов, однако у них сохранились и местные традиционные промыслы — оленеводство, охота, рыболовство.

Русские крестьяне, как убедительно показано в книге, также вели полевое и скотоводческое хозяйство. Но вместе с тем они приобщались к занятиям охотой и рыболовством. Примечательно, что после удачных опытов в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах земледелие стало продвигаться на север, в Верхоянский и Колымский округа. Это стоило дорого, не всегда кончалось удачно. Но процесс шел безостановочно. К 60-м годам XIX в. основная масса якутов стала земледельцами, как частично и эвенки. До сих пор ни в одном из исследований по истории сельского хозяйства не были показаны так четко народные методы приспособления земледелия к суровым природным условиям севера. Башарин доказал, что и здесь земледелие может быть высокорентабельным.

Не случайно сельскохозяйственная наука и сельскохозяйственный народный опыт на протяжении столетий были неразделимы. Историческая сельскохозяйственная народная практика свидетельствует, что интродукция сельскохозяйственных растений может быть эффективной не только в удобных природных условиях, но и в рискованных холодных зонах. Народный опыт стал серьезной базой для деятельности многих опытных научных сельскохозяйственных станций, успешно работающих в Сибири, в том числе в Якутии.

Многовековой опыт и трудолюбие земледельца приносили свои результаты. И это ярко раскрыто в монографии. Совместный труд крестьян русских, якутов и эвенков, как показывает автор, определил и характер взаимоотношений народов, которые называли друг друга не иначе как братьями. Эта дружба стала прочной исторической традицией.

История земледелия рассмотрена Башариным в ее органической связи с эволюцией социально-экономической структуры якутского общества, производственных отношений в деревне. В исследовании взаимоотношения региональной и локальной специфики рассматриваются с учетом аграрной истории страны. В этом плане уместно обращение автора к соответствующим актам правительственного аграрного законодательства, что дало возможность оценить значение государственной политики в области развития земледелия, а также показать роль духовенства в возникновении и развитии в Якутии земледельческой культуры.

Сама история отдает дань великим заслугам многонационального крестьянства страны. Из книги читатель узнает, как складывались межэтнические связи многонационального российского крестьянства, как создавались глубинные основы общенародной культуры, какой ценностью обладают совместная жизнь и труд народов, их союз с природой и наукой, как велик вклад и заслуги крестьян, принадлежавших к различным нациям и народностям, в развитие России. Представляется, что исследование Башарина будет полезно для успешного решения ряда проблем, связанных с развитием сельского хозяйства в других регионах страны.

Е. И. Индова

И. Я. ФРОЯНОВ. *Киевская Русь. Очерки отечественной историографии.* Л. Изд-во Ленинградского университета. 1990. 328 *с.*

Разработка проблем историографии Киевской Руси имеет большую традицию в советской исторической науке. Однако недавно вышедшая монография профессора Ленинградского университета, доктора исторических наук И. Я. Фроянова занимает здесь особое место. Автор ограничивается разбором лишь тех историографических сюжетов, «которые представляют существенное значение для познания общественного строя Руси X—XII вв.» (с. 3—4).

Значительное внимание в работе уделяется дореволюционной историографии. Автор подчеркивает, что некоторые идеи и выводы дореволюционных историков не утратили научного значения и до настоящего времени (с. 137). Обращение к дореволюционной исторической мысли позволило Фроянову достаточно рельефно показать значение исследований советских авторов, полнее и объективнее раскрыть процесс становления советской историографии Древней Руси (с. 30—33, 213—231 и др.).

Очерк «Генезис феодализма на Руси в советской историографии» является ключевым в монографии. Он выгодно выделяется полнотой представленного материала и глубиной осмысления поднимаемых проблем. В советских историографических трудах по рассматриваемой тематике сравнительно немного говорится о работах 20-х годов, посвященных древнерусскому феодализму. Основное внимание уделяется становлению и развитию в 30-е годы взглядов Б. Д. Грекова, что, вольно или невольно, умаляет заслуги других историков. Оставался не до конца исследованным при таком подходе и сложный процесс становления советской исторической науки.

Труд Фроянова в значительной мере ликвидирует имеющиеся здесь пробелы. Скрупулезно анализируя работы 20-х годов, он, с одной стороны, показывает их еще сильную зависимость от построений дореволюционной историографии, а с другой — отмечает новые моменты, появившиеся в исследованиях тех лет. В этой связи интересны оценки работ М. Н. Покровского, С. В. Юшкова, П. И. Лященко, Ю. В. Готье, Г. Е. Меерсона, М. Н. Тихомирова и др. (с. 215—229). Автор показывает, что «большинство исследователей» уже в то время «склонялось к мысли о феодализации Руси» (с. 225), но все же в 20-е годы «идея о феодализме в Киевской Руси не утвердилась достаточно прочно в сознании ученых, не стала общепризнанной истиной» (с. 229). Интересен и вывод Фроянова о том, что «в советской историографии 20-х годов обозначились предпосылки основных концепций общественного строя Киевской Руси, созданных позднее» (с. 229).

В конце 20—30-х годов сложилась концепция древнерусского феодализма, предложенная Грековым. Рассматривая ее как «важнейшее достижение советской историографии 30-х годов», Фроянов вместе с тем резонно замечает: «Однако отсюда не следует, что вопрос о времени генезиса феодализма на Руси получил окончательное решение» (с. 258). Автор доказывает, что нельзя создание этой концепции «приписывать исключительно Б. Д. Грекову. Она — плод коллективного творчества исследователей, в котором, конечно, активную роль играл Б. Д. Греков» (с. 231—258).

В монографии поднимается и другая важная проблема — становление и развитие концепции государственного феодализма. Можно согласиться с выводом Фроянова, что она «была своеобразной реакцией на концепцию Б. Д. Грекова, испытывавшую острый недостаток фактических данных, говорящих о наличии вотчинного землевладения в IX в. Верховная собственность государства на землю должна была восполнить этот недостаток и, таким образом, спасти идею о ранней феодализации Руси» (с. 316). Вместе с тем в монографии отмечается принципиальное отличие новой концепции от грековской (с. 279—280 и др.).

Это тем более важно, что в литературе такое различие не всегда проводится. Для обоснования концепции государственного феодализма существенное значение имеет характеристика эволюции дани в феодальную ренту. Фроянов считает, что «подход к дани как к феодальной ренте» обозначился в советской литературе уже в 20—30-е годы (с. 148—153). Анализируя развитие подобных взглядов, он показывает влияние положений С. В. Юшкова, В. И. Довженко и М. Ю. Брайчевского о дани как феодальной ренте на построения Л. В. Черепнина и его последователей (с. 153, 161—162).

Касаясь концепции государственного феодализма, Фроянов отмечает, что «идея о князьях как верховных распорядителях и собственниках управляемых ими земель фигурировала еще в 20-е годы: ее мы находим, например, в работах С. В. Юшкова». Тогда она не получила развития, поскольку Греков и другие историки связывали появление феодализма прежде всего с зарождением крупного частного землевладения. Эта идея снова прозвучала в ходе дискуссии 1949—1951 гг. в статьях Юшкова, Брайчевского, Довженко. «Были посеяны семена новой концепции происхождения русского феодализма. Главным ее создателем вскоре стал Л. В. Черепнин» (с. 221, 262—265, 271—277, 279—280 и др.). Анализу системы взглядов Черепнина и его последователей в книге уделено особое внимание (с. 162—170, 280—300, 307—316). Таким образом, Фроянов рисует объемную и динамичную картину становления и развития концепции государственного феодализма. Не умаляя заслуг Черепнина, он показывает, что истоки ее нужно искать гораздо раньше.

Монография, хотя и написана в форме очерков, выглядит тематически и логически цельной. Это достигается как посредством умелого подбора материала, так и наличием обобщающего заключительного очерка. Анализ взглядов историков дается в работе как в теоретическом, так и конкретно-историческом аспектах. Развитие взглядов по тому или иному вопросу показано в тесной связи с характеристикой социологических воззрений исследователей, накоплением источников и совершенствованием методики и приемов их изучения, развитием вспомогательных дисциплин (с. 37—39, 97 и др.). Очень важно, что, анализируя основные направления в исследовании проблемы, автор раскрывает и уровень ее разработанности, намечая перспективы дальнейшего изучения.

В конце каждого очерка Фроянов формулирует свое понимание вопроса, конкретизируя и развивая отдельные положения, высказанные им ранее, приводя новые доказательства в пользу своей концепции. В первую очередь следует отметить его взгляд на формирование древнерусской народности и развитие ремесла (с. 28—29, 88—90), доводы против противопоставления терминов «холоп» и «обельный холоп» (с. 129), трактовку процесса распада большой и утверждения малой семьи (с. 59—61) и др. Интересен и вывод Фроянова, сделанный на основе наблюдений В. В. Кропотина, что «количество кладов само по себе еще не показатель уровня торговых связей, а между числом находок и степенью интенсивности торговых связей нет прямой зависимости» (с. 82). Этим положением вносятся определенные коррективы в изучение характера и роли древнерусской торговли.

Обоснованно в монографии критикуются попытки отдельных историков выводить жесткую и непосредственную зависимость социальных явлений от сдвигов в технике и системе земледельческого производства, а возникновение древнерусской народности — от процесса классообразования (с. 28, 59). Справедливо и критическое замечание автора, что «среди наших ученых стало признаком «хорошего тона» подгонять древнерусскую историю под историю стран Западной Европы, а прогрессивные тенденции в древнерусском обществе измерять степенью соответствия западным образцам, отклонение от которых воспринимается нередко как проявление отсталости» (с. 94—96). В этой связи автору, верно отметившему, что благодаря работам Н. П. Павлова-Сильванского «стала очевидной беспочвенность противопоставления исторического процесса России и Запада» (с. 213), следовало бы учесть и то, что в этих трудах наметилась также тенденция к абсолютизации общих черт истории России и Западной Европы.

Не все оценки автора представляются в равной степени убедительными. Однако благодаря подробному изложению материала читатель сам имеет возможность сделать выводы; автор не навязывает, а предлагает свою оценку.

Учитывая, что тема, изучаемая Фрояновым, огромна, трудно поставить ему в вину то, что он в ряде случаев пожертвовал полнотой, пытаясь осветить те или иные сюжеты. Это можно сказать о дореволюционной историографии, особенно в части изучения челяди и холопов. Здесь имеются определенные упущения и упрощения. Несколько однозначно дается характеристика взглядов И. Эверса на институт дани. Между тем Эверс полагал, что на Руси дань уже со времен Олега выступает как внутренняя подать. Подобного мнения держались и Ю. А. Гагемейстер и К. Веселовский[1]. В этой связи необходимо несколько скорректировать и предлагаемую в монографии оценку взглядов В. Кури (с. 139).

Всего три строчки уделено автором Д. И. Иловайскому. Между тем развиваемые им взгляды на князей-собственников и на характер дани созвучны выводам некоторых советских историков: «Русские князья-завоеватели смотрели на всю Русскую землю как на собственность своего рода и за пользование ею облагали население разными повинностями, данями и оброками[2]. Хотелось бы, чтобы в работе присутствовало и осмысление влияния политической атмосферы в стране на изучение истории России не только в годы культа личности, но в предшествующий и последующий периоды. Этот вопрос практически не поднимался в литературе, хотя заслуживает особого изучения.

Новая книга Фроянова вызвала неоднозначную оценку в научных кругах. И это неудивительно. Автор затрагивает большие и важные проблемы, взгляды и оценки его нетрадиционны, а главное — оригинальна его концепция древнерусской истории. Можно принимать или не принимать ее, но нельзя не признать того, что она завоевала право на жизнь, имеет сторонников и хорошие перспективы для дальнейшего развития. И в том, что «прежние однозначные характеристики общества Киевской Руси отошли безвозвратно в прошлое» (с. 316), немалая заслуга Фроянова.

В. В. Пузанов

Примечания

1. ЭВЕРС И. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. 1835, с. 38—41; ГАГЕМЕЙСТЕР Ю. А. Разыскания о финансах древней Руси. СПб. 1833, с. 13—15; ВЕСЕЛОВСКИЙ К. Начало и постепенное преобразование системы поземельных налогов в России. — Журнал Министерства государственных имуществ, 1841, ч. 1, с. 147.
2. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. История России. Т. 1, ч. 1. М. 1876, с. 306.

V. EPP. *Fulcher von Chartres. Studien zur Geschichtsschreibung des ersten Kreuzzuges.* Düsseldorf. Droste Verlag. 1990. 404 S.

В. ЭПП. *Фульхерий Шартрский. Исследования по историографии Первого крестового похода*

В книге германской исследовательницы Верены Эпп отразились некоторые типичные для современных немецких историков подходы к истории ментальности. Высоко оценивая достижения школы «Анналов» в изучении групповых ментальностей, немецкие историки скептически относятся к ряду ее постулатов, в частности к теоретическим разработкам самого этого понятия[1]. Чтобы подчеркнуть отличие своих позиций от метода «Анналов», автор предпочитает говорить не об «истории ментальности», но о «духовной истории», «истории представлений». И речь здесь идет не просто о терминологии. Критикуя «Анналы» за расплывчатость и неопределенность используемого ими термина «ментальность», немецкие историки пытаются более четко определить это понятие и методы его исследования.

Эпп использует, в частности, методику, разработанную немецким историком Г.-В. Гётцем[2], который стремится не столько исследовать коллективные представления о мире, складывающиеся у общества или отдельной группы (восстановить эту картину часто почти невозможно из-за отсутствия применительно к средневековой эпохе соответствующих серийных источников), сколько реконструировать представления конкретного автора о прошлом, его образ мышления, осознанные идеи. При таком подходе (более традиционном и более ориентированном на источник) предметом исследования становится прежде всего субъективное видение того или иного автора. В центре внимания историка оказываются средневековый хронист, мир его идей, представлений. Сам по себе этот исследовательский принцип не так уж нов — в немецкой историографии можно упомянуть работы Г. Бойманна[3], изучавшего под таким углом зрения историю политических идей, получивших отражение в сочинениях раннесредневековых хронистов.

Дальнейшая углубленная разработка этого принципа имеет большое значение для прояснения методов изучения истории ментальностей. Метод «истории представлений», используемый Эпп, предполагает исследование комплекса преимущественно «осознанных идей», в отличие от неосознанных, неотрефлектированных представлений. При этом она полагает, что само разграничение между «неосознанными ментальностями» и «осознанными идеями» — относительно, так как некоторые явления духовной жизни можно равным образом отнести и к ментальности, и к идеям. Еще один нюанс: в отличие от французской «истории ментальностей», стремящейся прежде всего изучать длительные структуры, мало изменяющиеся константы человеческих представлений и поведения («longue durée»), метод «истории представлений» ориентирует на исследование переломов в духовной истории, изменений, происходящих в сознании людей, и это, по мнению автора, позволяет преодолеть опасность абсолютизации «статического» аспекта человеческих представлений.

В работе акцент делается на изучение эволюции образа мыслей и представлений Фульхерия Шартрского — известного историка Первого крестового похода. В распоряжении автора были две разновременные редакции «Иерусалимской истории» этого хрониста, сохранившиеся в нескольких рукописях, что позволило проанализировать, как изменялись его взгляды, оценки и представления о происходивших событиях. Эпп исследует философско-теологические и социально-политические воззрения хрониста, реконструируя мир его идей и образ мышления, анализируя стиль и язык указанного сочинения Фульхерия Шартрского.

Изучая социально-политические взгляды хрониста, Эпп сосредоточивает внимание на основных общих понятиях, характерных для современного ему общества и употребляемых им в своем труде. Такой прием восходит к широко известному методу анализа терминов, имеющих социальное и политическое содержание, разрабатывавшемуся в немецкой историографии Р. Козеллеком и получившему название «истории терминов»[4]. На основании анализа понятий Эпп рассматривает представления как о церковных, так и о светских институтах, причем анализ первых предпослан анализу вторых, в полном соответствии с теоцентристской системой взглядов Фульхерия Шартрского. Выясняя представления хрониста о церковных реалиях, Эпп рассматривает понятия, обозначающие церковную иерархию — от папы до низшего клира — и общее понятие христианской общины — «церковь». Переходя к светским отношениям, автор раскрывает содержание понятий, обозначавших различные градации светской иерархии — от низших к более высоким, — «рыцари», «государи» и, наконец, «император», «король», как символы общего представления о государстве.

Эпп приходит к выводу, что обозначаемые различными терминами социальные группы мирян образуют в системе взглядов Фульхерия Шартрского идеальную организацию, а общее понятие «церковь» означает совокупность всех членов христианской общины, объединенных едиными целями и ориентированных на союз церкви и государства. Так выглядит реальность Иерусалимского королевства, переработанная в сознании средневекового хрониста.

Эволюцию воззрений Фульхерия Шартрского Эпп прослеживает на примере его философско-теологических взглядов. Анализируя его представления о Боге, восприятие им природы, понимание истории, автор намечает следующие основные тенденции в сфере представлений о божественном — постепенная антропоморфизация образа Бога, осознание необходимости человеческой воли и активности для достижения божественной помощи (с. 45—90). Для представлений Фульхерия Шартрского о природе характерна эволюция от восприятия природы как создания Бога и воплощения его идей до отношения к природе как к объекту познания, что проявляется в любознательности хрониста, растущем доверии к человеческому разуму. В сфере понимания истории выявляется эволюция — от оценки событий (в данном случае — крестового похода) как «дела Бога» до признания важности самостоятельных действий человека.

Главная же тенденция — это рост самосознания хрониста, развитие рационалистического толкования событий. Эпп прослеживает, как эта тенденция проявилась в изменении стиля, языка хрониста, используемых им риторических средствах и метафорах. Эти изменения рассматриваются в контексте развития западноевропейской культуры, а его творчество оценивается как явление «культурного Ренессанса» XII в. (с. 376—381).

Хотя Эпп и пишет о своей оппозиции к «Анналам», но по прочтении книги убеждаешься, что ориентация на углубленное изучение взглядов отдельного автора принципиально не противоречит подходам французской историографии. Индивидуальные взгляды хрониста достаточно типичны для определенной социальной среды. «Субъективная реальность» Фульхерия Шартрского, реконструированная на основе его хроники, может быть рассмотрена и как картина мира, характерная для определенной социальной группы. Не случайно, подытоживая исследование, автор ставит своего героя в определенный типологический ряд, сближая его с современниками и показывая общее и типичное в системе его взглядов.

Существенно то общее, что сближает названные выше подходы, а именно акцент на изучение человека в его социальных и культурных отношениях. И история представлений, и история ментальностей приобретают, таким образом, антропологическое измерение. Работа Эпп — еще одна попытка конкретизировать понятие «ментальность», наполнить его конкретным содержанием.

С. И. Лучицкая

Примечания

1. См. об этом: Mentalitäten im Mittelalter: Methodische und inhaltliche Probleme. Sigmaringen, 1987.
2. GÖTZ H.-W. Vorstellungsgeschichte: Menschliche Vorstellungen und Meinungen als Dimension der Vergangenheit. — Archiv für Kulturgeschichte, 1979, Bd. 61, Hf. 2.
3. BEUMANN H. Die Historiographie des Mittelalters als Quelle für die Ideengeschichte des Königstums. — Historische Zeitschrift, 1955, Bd. 180.
4. KOSELLECK R. Historische Semantik und Begriffsgeschichte. Stuttgart. 1979.

R. L. RANSOM. *Conflict and Compromise. The Political Economy of Slavery, Emancipation, and the American Civil War.* Cambridge University Press. 1989. XI, 317 p.

Р. Л. РЭНСОМ. *Конфликт и компромисс. Политическая экономия рабства, освобождения рабов и Гражданской войны*

Книга, принадлежащая перу профессора Калифорнийского университета Р. Л. Рэнсома, это его вторая крупная работа по истории Юга[1]. История рабства рассматривается автором как синтез экономической и политической его эволюции. Чтобы показать, как и почему рабство стало первопричиной крупнейшего в истории США внутреннего конфликта — Гражданской войны, Рэнсом использует хронологически достаточно широкий материал, охватывающий целое столетие — от Декларации независимости 1776 г. до окончания Реконструкции Юга.

Автор приводит аргументы в пользу того, что перед Гражданской войной система рабства переживала период «роста и экспансии», то есть угроза экономического краха была еще далека (с. 46—47). В первой половине XIX в. производство хлопка стало одним их основных факторов экономического роста США: оно давало около половины экспорта, стимулировало занятость в ряде отраслей хозяйства и в торговле, не говоря уже о том, что хлопок был важнейшим промышленным сырьем. Вместе с тем рабовладельческие штаты, особенно их сельское хозяйство, являли собой контрастную картину богатства и нищеты, процветания и застоя. Средний годовой доход на душу белого населения Юга почти не уступал доходам северян, но в глазах современников Север в целом был намного богаче Юга, а семейные фермы на Севере и особенно на Западе выглядели наиболее благоустроенными.

По мнению Рэнсома, и то и другое было

реальностью. Видимость «богатства», то есть высокого среднего дохода на душу белого населения на Юге, создавалась прежде всего за счет освоения юго-западных новых земель. В 1840—1860 гг. здесь был самый высокий в стране среднедушевой доход (на Севере же самыми «богатыми» в этом смысле являлись не аграрные, а промышленные штаты). Доходы населения Юга и Севера имели, таким образом, различную природу. Рабовладельческие латифундии отличались высокой прибыльностью, но плодородный юго-запад был при этом самым отсталым в экономическом отношении, уступая даже старым юго-восточным штатам. Урожайность же хлопка росла крайне медленно — в указанные годы менее чем на 1% в год.

Средние данные о размерах собственности внешне складывались в пользу Юга, но фактически за счет рабовладельцев, поскольку рабы считались наиболее дорогостоящим «имуществом». Южные семейные фермы были беднее, чем на севере и западе страны. Данные, приведенные Рэнсомом, свидетельствуют, что рабовладельческое хозяйство эволюционировало в сторону все большей концентрации богатства и производительных сил в руках плантаторской верхушки, что порождало тенденцию к застою и окостенелости системы в целом. Многочисленные же семейные фермы свободных штатов обладали свойствами динамично развивавшегося организма.

Институт рабства, будучи «встроенным» в буржуазное демократическое государство, имел, как показывает автор, «свою» политику и идеологию, что не раз создавало кризисные ситуации, угрожавшие подчас целостности США. Ярче всего это проявлялось на партийно-политическом и правительственном уровне. В конце 1850-х годов дальнейшее развитие событий в решающей степени зависело от президента страны и его окружения. Почему же они предпочли войну с Югом мирному выходу его из Союза, на чем настаивали южане? Как считает Рэнсом, основную роль в принятии соответствующих решений сыграли не моральные или идейные соображения, а вполне реальная угроза войны в будущем. Существование экспансионистского рабовладельческого государства в качестве ближайшего соседа было бы чревато агрессией с его стороны с целью отторжения у Севера его земельного фонда, как это раньше случилось с Техасом и Мексикой. Это ясно осознавал А. Линкольн (с. 167—168).

Подобные выводы о причинах Гражданской войны делались и раньше, хотя, быть может, больше подчеркивались нерешительность и колебания Линкольна перед угрозой распада Союза[2]. В американской историографии имеется немало работ, в которых с разных позиций доказывается «случайность», «необоснованность» и даже «ошибочность» Гражданской войны, причем не последнюю роль здесь сыграли выводы «новой экономической истории». Сторонники данной точки зрения ссылались на то, что тесные хозяйственные связи с рабовладельческим Югом имели несравненно большее значение для Севера, чем, например, борьба из-за таможенных тарифов или за территорию Канзаса, где в 50-е годы XIX в. столкнулись два потока колонизации Запада.

В книге показано, что антагонизм между Севером и Югом развивался по всем линиям — от все большего несходства их экономических систем до политического и идейного противоборства, причем в основе этих расхождений всегда присутствовал институт рабстве. Тем самым убедительно обосновывалась историческая неизбежность Гражданской войны.

Тот же фактор рабовладения, считает автор, обусловил и военное поражение Юга. Мятежная Конфедерация располагала достаточными возможностями для обороны, но общество, основанное на рабстве, не могло мобилизовать все силы на свою защиту. Акт об освобождении рабов сыграл решающую роль в победе Севера, и рабовладельцам было нечего ему противопоставить. Лишь в самом конце войны, когда исход ее был предрешен, правительство Юга приняло запоздалое решение вооружить и освободить рабов, но тогда сама война за сохранение рабства утрачивала для Юга всякий смысл.

Назвав период Реконструкции Юга «незавершенной революцией», Р. Л. Рэнсом объясняет эту незавершенность не только экономическими факторами — застоем в сельском хозяйстве после Гражданской войны, дроблением плантаций и т. п., но и идеологией расизма, не допускавшей установления на Юге подлинно свободного общества. В политике Севера одержала верх линия на восстановление унии с Югом, а не на его подлинную перестройку (с. 249—250).

Экономические последствия Гражданской войны для страны в целом — одна из наиболее дискутируемых тем в американской историографии. Представители неоконсервативной школы и «новой экономической истории» еще в начале 60-х годов выступили с опровержением известного положения «прогрессистской школы» (особенно Ч. О. Бирда и Л. М. Хэкера) о том, что Гражданская война обусловила качественно новый скачок в развитии американского капитализма, ускорила его индустриализацию и обеспечила ему подлинный «триумф». Рэнсом привел ряд статистических данных, подтверждающих резкое снижение темпов промышленного развития в 1860—1870 годы. На Севере США сельскохозяйственное производство продолжало развиваться, а на Юге пришло в упадок, так что в целом за годы войны оно не выросло.

Вместе с тем возникает вопрос, почему при спаде производства в 1860—1870 гг., по данным цензовой статистики, зарегистрирован самый высокий прирост числа промышленных предприятий за всю вторую половину XIX в. — на 79,6%[3]? Тем более что в 1870—1880 гг., когда в стране наблюдался экономический подъем, прирост составил всего 0,7%, а затем — в 1880—1890 гг. — он поднялся до 40%. Во всяком случае, эти данные требуют объяснения, так же как и значительный прирост числа рабочих в 1860—1870 годы. Если расчет объема промышленного производства в постоянных ценах дает не преувеличенную инфляцией картину его роста, то всегда следует учитывать и натуральные показатели.

По существу, Рэнсом солидаризировался с точкой зрения А. Невинса, что Гражданская война привела к «смешанным результатам в очень смешанной экономике»[4], что в общем и целом не вызывает возражений. По своим прямым результатам она не стимулировала экономического роста (с. 263—264). Однако Рэнсом обращает внимание на то, что Гражданская война привела к власти республиканцев, которые и обеспечили проведение экономической политики в интересах крупной, в первую очередь промышленной, буржуазии. Далек он и от упрощенных подходов «прогрессистов», и от «новой апологии» рабовладения, присущей некоторым современным историкам-экономистам США.

Исследуя рабовладельческую экономику, Рэнсом ограничивается сельским хозяйством. Между тем рабский труд широко применялся и в промышленности Юга. Хотя к причинам Гражданской войны имеет отношение прежде всего плантационное рабство, как определявшее экспансию этой системы на свободные земли, использование рабов в качестве рабочих на фабриках, мануфактурах и на транспорте позволило южанам создать собственный индустриальный сектор[5], ставший их материальной опорой в Гражданской войне. Этого нельзя недооценивать. Конечно, индустрия рабовладельческого Юга была значительно слабее северо-восточной, но в 50-е годы XIX в. она развивалась довольно бурными темпами, укрепляя экономику, основанную на рабстве.

Б. М. Шпотов

Примечания

1. RANSOM R. L., SUTSH R. One Kind of Freedom: The Economic Consequences of Emancipation. Cambridge, 1977.
2. См. ИВАНОВ Р. Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М. 1964, с. 168—169.
3. Twelfth Census of the United States, Taken in the Year 1900. Washington. 1902. Manufactures, pt. 1, p. XLVII.
4. NEVINS A. The War for the Union. Vol. 1—4. N. Y. 1959—1971. Vol. 3, p. 268.
5. STAROBIN R. S. Industrial Slavery in the Old South. N. Y. 1970.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Каким быть вузовскому учебнику

«Вопросы истории» в № 10 за 1990 г. опубликовали рецензию Б. Н. Миронова и И. Я. Фроянова на учебник «История СССР с древнейших времен до 1861 года» для пединститутов, авторами которого мы являемся. У нас вызывают возражения как общие представления рецензентов о характере вузовского учебника по истории, имеющие принципиальное значение, так и многие конкретные замечания и пожелания по ряду глав пособия.

Мы не можем согласиться с выводом рецензентов о том, каким должен быть новый учебник по истории СССР. Они пишут, в частности: «Материал в нем должен подаваться по проблемному или тематическому принципу. Авторы его должны показать плюрализм мнений, существующих по ключевым проблемам истории России в отечественной и зарубежной историографии». Принять это пожелание нельзя прежде всего потому, что один учебник по истории не в состоянии заменить все виды пособий по отечественной истории.

В распоряжении студентов должны находиться три вида таких пособий. Во-первых, учебники с последовательным и систематическим изложением хода исторического процесса во всех главных его проявлениях. Их задача — вооружить студента суммой положительных знаний. Во-вторых, курсы лекций, в которых допустима тематическая или углубленная подача материала по определенной проблеме либо по конкретному отрезку истории. Наконец, в-третьих, спецкурсы, содержащие углубленное изложение сравнительно узких сюжетов, тем и проблем, являющихся, как правило, плодом исследовательской работы автора.

Нам представляется, что реализация совета рецензентов лишила бы учебник именно тех качеств, которые должны быть ему присущи. Что же касается «плюрализма мнений», то учебник по истории не должен подменять собой учебник по историографии. Думается, плюрализм мнений должен получить выражение прежде всего в плюрализме учебников. Чем больше будет учебников разных авторов с разными научными подходами, тем больше будет развиваться подлинное разномыслие в науке.

При этом учебник должен непременно удовлетворять еще одному требованию: его содержание должно вызывать у студента живой интерес, будить мысль. Высокие требования необходимо предъявлять к стилю и языку. Образцом в этом отношении может служить опубликованный двумя изданиями (1939, 1946) учебник по истории СССР, написанный виднейшими учеными и профессорами Московского университета — Ю. В. Готье, В. И. Пичетой, Б. Д. Грековым, С. В. Бахрушиным, К. В. Базилевичем и др.

Можно согласиться с рецензентами, когда они пишут: «Следует уделить самое пристальное внимание проблеме общего и особенного в историческом процессе России и Европы. Острее надо поставить вопросы, связанные с особенностями русского национального характера, ментальности и культуры, русских традиций» (с. 179), когда они упрекают нас в том, что мы как будто специально уклоняемся «от обсуждения теоретико-методологических и философских вопросов».

Однако мы полагаем, что эти недостатки неизбежны на современном этапе: ведь сначала должны появиться серьезные исследования по этим темам и проблемам, выводы которых могли бы получить отражение на страницах учебника. Но подобных работ в историографии, к сожалению, пока нет. Поставить же эти вопросы в учебнике до их исследования в специальной литературе — значит обмануть доверие читателей: выдать очередную умозрительную схему за реальный научный результат.

В начале рецензии утверждается: «Свежие веяния сказались больше всего в главах по периоду до начала XVII в., в меньшей — в главах о России XVII—XVIII вв. и практически не коснулись глав о первой половине XIX в.». Однако если бы рецензенты внимательно следили за развитием советской историографии, они обнаружили бы немало «свежих веяний» и в тексте учебника, посвященном XVII — первой половине XIX века.

Вот далеко не исчерпывающий перечень этих «свежих веяний»: изложен по-новому вопрос о движущих силах и итогах восстания 1648 г. в Москве; о начале формирования всероссийского рынка (гл. VIII, § 2); не говорится уже о генезисе капитализма в России в XVII в. и подчеркнуто, что всероссийский рынок формировался на базе мелкого товарного производства; из числа земских соборов исключены созывавшиеся правительством совещания, и указано, что последний Земский собор состоялся в 1653 г. (с. 196); восстание на Дону 1707—1708 гг. оценено не как крестьянская война, а как казачье движение (с. 247– 248); по-иному, по сравнению с предыдущими учебниками, освещен просвещенный абсолютизм Екатерины II, а также внутренняя и внешняя политика Павла I; дана отличающаяся от традиционной оценка роли М. Б. Барклая де Толли; отмечено, что победа в Отечественной войне 1812 г. имела не только военное значение, но и оказала влияние на формирование декабризма, показано, что она серьезно потрясла феодальную экономику России; отмечены положительные стороны политики Николая I. К «свежим веяниям» мы бы отнесли освещение церковной и крестьянской политики правительства.

Авторы рецензии считают неправильным употребление понятий «разложение и кризис феодально-крепостнической системы хозяйства» на том основании, что хозяйство крепостной деревни «не распадалось и не дезорганизовывалось». Однако под разложением феодальной системы подразумевается отнюдь не распад и дезорганизация, а прежде всего утрата присущей феодальному хозяйству натуральной замкнутости и проникновение в него товарно-денежных отношений. Под кризисом подразумевается тоже не «распад и дезорганизация», а утрата условий для простого воспроизводства крестьянского хозяйства[1].

Рецензенты призывают вернуться к почти столетней давности оценке крепостного хозяйства, данной П. Б. Струве, и игнорируют десятки исследований советских историков (Н. М. Дружинина, И. Д. Ковальченко и многих других), не только показавших результаты разложения и кризиса крепостного хозяйства, но и раскрывших механизмы этого сложного социально-экономического процесса в разных типах деревни и в разных регионах. Давно опровергнут и тезис Струве о том, что носителем прогресса являлось не крестьянское, а помещичье хозяйство.

Несостоятельны упреки относительно «трафаретных» утверждений «о непрерывном росте оброков помещичьих, государственных и удельных крестьян за первую половину XIX в.». «Но если это произошло, — рассуждают рецензенты, — в условиях традиционной агротехники, то либо крестьянам до XIX в. жилось очень хорошо, либо сам этот рост повинностей преувеличен. Мы склоняемся ко второму объяснению». Рецензенты были бы правы, если бы в учебнике шла речь о положении крестьян. Оброчные повинности действительно возрастали, и об этом свидетельствуют многочисленные исследования, но вместе с ними росла и производительность труда, причем не столько за счет совершенствования агротехники, сколько за счет развития неземледельческих промыслов.

«Пора, по-видимому, прекратить бездумное цитирование фразы насчет того, что декабристы разбудили Герцена», — заявляют рецензенты, поддавшиеся вошедшему ныне в моду отрицанию ленинских оценок. Но в том-то и дело, что мы имеем на этот счет неоднократные свидетельства самого А. И. Герцена: «Казнь Пестеля и его товарищей разбудила ребяческий сон души моей»[2]. Напомним также, что участники студенческих кружков конца 20-х — 30-х годов XIX в., равно как и петрашевцы, считали себя «продолжателями» декабристов[3].

Немало упреков высказано авторам учебника по поводу отсутствия в нем некоторых сюжетов. Там действительно нет параграфов о городе, но ведь нет глав и о деревне? Рецензенты замечают, что в учебнике ни слова не говорится о революции цен в России в XVIII веке. Но мы сочли преждевременным внедрять данное понятие в учебник, во-первых, потому, что эта революция относится к определенной эпохе (XVI в.) и была вызвана определенными причинами (приток драгоценных металлов из Америки), во-вторых, само это понятие не апробировано специалистами применительно к России.

Странное впечатление производит еще одно общее замечание рецензентов: они упрекают нас в том, что в числе причин экономической отсталости России мы назвали лишь «внешние обстоятельства», к числу которых почему-то относят «широкие пространства», т. е. географический фактор, и предлагают нам длинный перечень «внутренних причин». Среди них и ментальность народа, и колонизация, и слабые города, и внешнеполитические авантюры, и многие другие обстоятельства, явно относящиеся не к причинам, а к следствиям более важных и существенных факторов, которые рецензенты относят к «внешним обстоятельствам». Но разве, например, ментальность возникает сама собой и ее не порождают в числе прочего широкие пространства и внешняя опасность?

Из сказанного отнюдь не следует, что авторы считают свой учебник вовсе лишенным недостатков. Текст его был сдан в издательство в конце 1986 года. Сегодня кое о чем мы написали бы иначе. Но эти изменения коснулись бы отнюдь не тех положений, на которых сосредоточили свое внимание рецензенты.

Н. И. Павленко,

В. Б. Кобрин,

В. А. Федоров

Примечания

1. Подробнее см.: Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии. М. 1989, с. 48, 58.
2. ГЕРЦЕН А. И. Собр. соч. в 30-ти тт. Т. VIII. М. 1956, с. 62.
3. Дело петрашевцев. Т. 1. М.—Л. 1937, с. 448; НАСОНКИНА Л. И. Московский университет после восстания декабристов. М. 1972, с. 178—179.

Contents

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Академия наук СССР
Издательство «Прогресс»

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 7—8, 1991, 256 стр.
Адрес редакции: 103781 ГСП. Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 18.06.91. Подписано в печать 3.09.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4. Бум. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 44,8. Уч.-изд. л. 27,05. Тираж 77814. Заказ № 2378. Цена 4 р. 50 к. Индекс 70145.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Министерства информации и печати СССР. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бул. 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат. Государственная ассоциация предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ». 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.